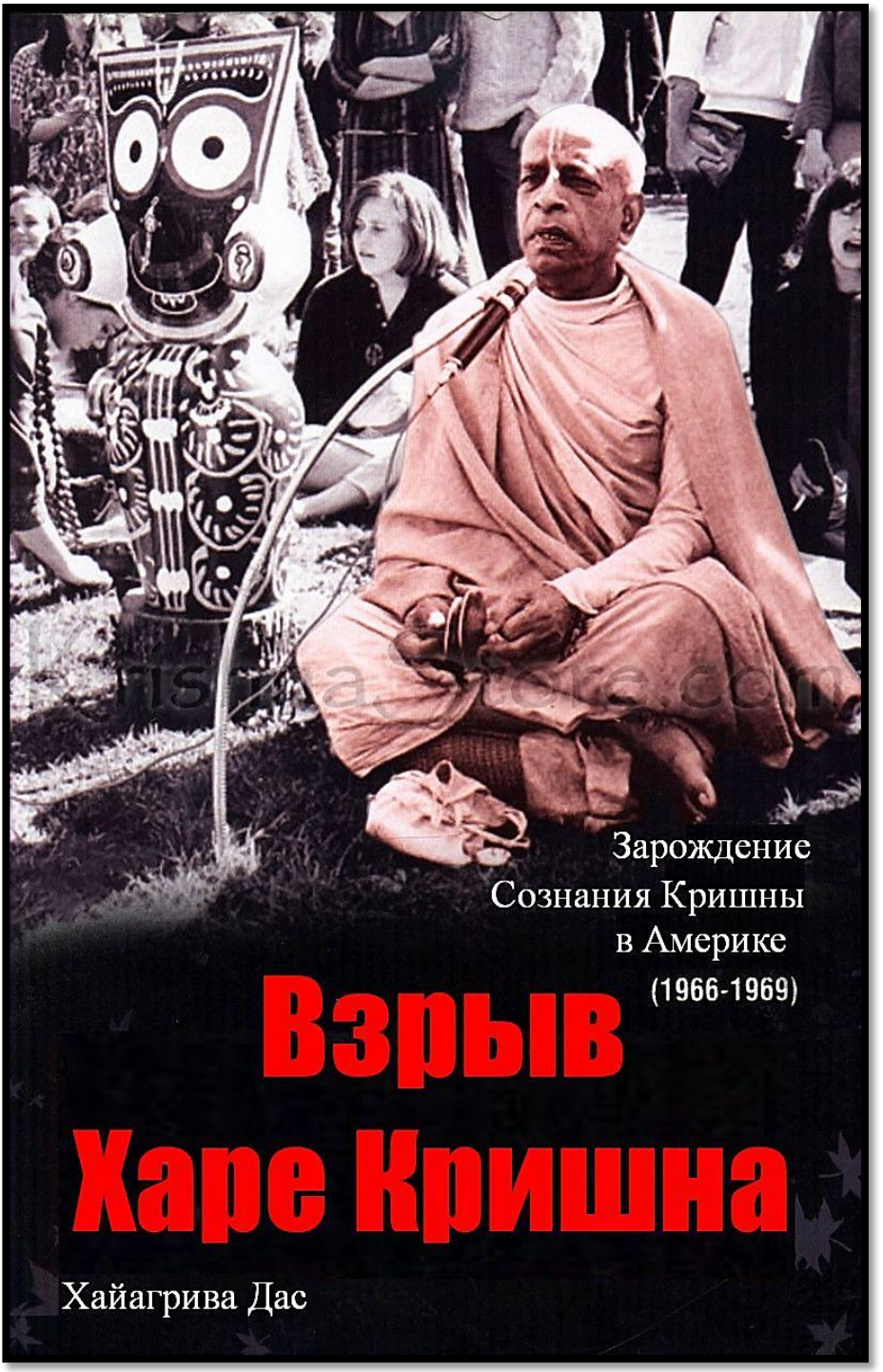

Зарождение
Сознания Кришны
в Америке
(1966-1969)
Взрыв
Харе Кришна
Хайагрива Дас

2023 г.

Эта и другие книги:

Лекции Шрилы Прабхупады по «Нектару Преданности»
(27 лекций)
Лекции Шрилы Прабхупады по «Шри Ишопанишад»
(22 лекций).
Лекции Шрилы Прабхупады по «Бхагават-Гите»
(149 лекций)
Лекции Шрилы Прабхупады по «Шримад-Бхагаватам»
(262 лекции)

Шрила Прабодхананда Сарасвати – Прославление Навадвипы («Шри Навадвипа Шатака»)

Бхакти Чару Свами – «Путешествие Гопа-кумара».
Бхакти Чару Свами – «Вайшнавский этикет».
Бхакти Викаша Свами – Вамшидаса Бабаджи.
Тамал Кришна Госвами – «Последние дни Шрилы Прабхупады»
Тамал Кришна Госвами – «Трудности роста»

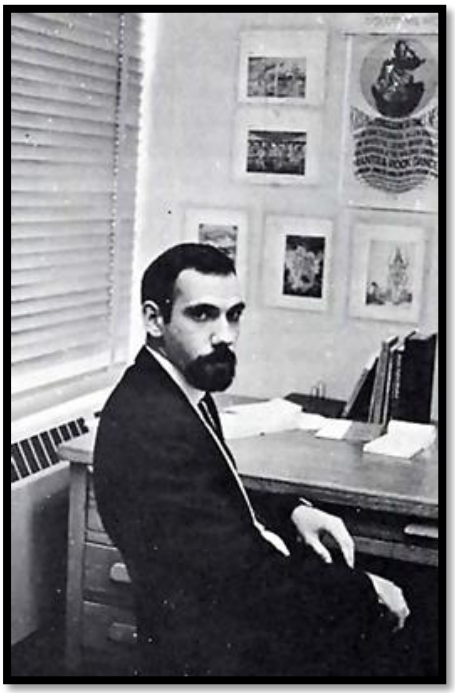
Атма-Таттва дас – «Зеркало Брахмы».
Атма-Таттва дас – «10 тем Шримад-Бхагаватам».
Кушакратха дас – «Смерть становиться любовью»
Панкаджангхри пр – «Лилы и истории Господа Джаганнатхи в Раджапуре».

«Панчатантра» — ремейк редакции «Облако Нектара».
«Жизнь Рамануджачарьи»

Вишванатха Чакраварти Тхакур – «Бхакти Ратнакара» (13 волн)

https://vk.com/chatushpati

От редакции

Хаягрива Даса
(2.09.1950 – 31.08.1989)

Поэт, редактор, профессор английского языка и один из основателей общины Харе Кришна Нью-Вриндаван. Был первым учеником-профессором Шрилы Прабхупады.

Прабхупада обращался к нему: «Профессор Говард Уиллер», — даже после того, как Хаягрива (Хайагрива) получил своё духовное имя.

Прабхупада испытывал большое удовольствие используя литературные способности Хаягривы для распространения сознания Кришны. Это выглядело так, что как только Шриле Прабхупаде понадобилось, Кришна послал ему такого преданного, как Хаягрива, для редактирования объемистой рукописи «Бхагавад-гиты» и «Шримад-Бхагаватам» Шрилы Прабхупады. И именно Хаягриву Шрила Прабхупада в 1966 году сделал вторым редактором журнала «Бэк Ту Годхед».

Перевод: *Сигитас, Анастасия Лахно*
Редакция: *Татьяна Петрова*
Оформление: *Шьям Гопал дас (BCaiS)*

2023 г.

СОДЕРЖАНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ
ОТ АВТОРА
ВВЕДЕНИЕ

ЧАСТЬ 1. Нью-Йорк. (1966 г.)
- **Глава 1. Посетитель из Калькутты.**
- **Глава 2. Трансцендентные приглашения.**
- **Глава 3. Кто сумасшедший?**
- **Глава 4. Огненное жертвоприношение на 2-ой авеню.**
- **Глава 5. Взрыв Харе Кришна.**
- **Глава 6. Обратно к Богу.**

ЧАСТЬ 2. Сан-Франциско. (1967 г.)
- **Глава 7. Свами в Хиппи Лэнде.**
- **Глава 8. Цветы для Господа Джаганнатхи.**
- **Глава 9. Безумие по Кришне.**
- **Глава 10. Удар в душу.**
- **Глава 11. Ратха-ятра в Сан-Франциско.**
- **Глава 12. Отъезд в Индию.**

ЧАСТЬ 3. Нью-Вриндаван. (1968-1969 гг.)
- **Глава 13. Добро пожаловать, Шрила Прабхупада.**
- **Глава 14. Нью-Вриндаван, Западная Вирджиния.**
- **Глава 15. Семь храмов на семи холмах.**
- **Глава 16. Кришна – цветущая весна.**
- **Глава 17. *Гуру* и поэт.**
- **Глава 18. *Парамахамса* на холмах.**

тад виддхи̇ праṇипа̄тена
парипраш́нена севайа̄
упадекшйанти те джн̃а̄нам̇
джн̃а̄нинас таттва-дарш́инах̣

«Чтобы узнать истину, вручи себя духовному учителю. Вопрошай его смиренно и служи ему. Осознавшие себя души могут дать тебе знание, ибо они узрели истину» (БГ 4.34).

ПРЕДИСЛОВИЕ

Хаягрива Дас был первым учеником-профессором Шрилы Прабхупады. Прабхупада обращался к нему: «Профессор Говард Уиллер», — даже после того, как Хаягрива получил своё духовное имя. Прабхупада испытывал большое удовольствие используя литературные способности Хаягривы для распространения сознания Кришны. Это выглядело так, что как только Шриле Прабхупаде понадобилось, Кришна послал ему такого преданного, как Хаягрива, для редактирования объёмной рукописи «Бхагавад-Гиты» и «Шримад-Бхагаватам» Шрилы Прабхупады. И именно Хаягриву Шрила Прабхупада в 1966 году сделал вторым редактором журнала «Бэк Ту Годхед».

Сначала я завидовал литературным способностям Хаягривы, но Хаягрива преподал мне хороший урок, за который я буду всегда его благодарить. Хотя я был вовлечён в писательскую работу ещё до того, как встретил Шрилу Прабхупаду, став его учеником, я подумал, что должен отбросить все сочинения. Я думал, что писать — было проявлением ложного эго. Я помню один день, когда я сказал это Хаягриве прабху в помещении магазинчика. Он просто громко рассмеялся и сказал, что если говорить о его убеждениях на этот счёт, то он собирается продолжать писать для Кришны.

Сначала я ушёл, сохраняя при себе своё мнение — я должен отречься от писательской деятельности, — но утверждение Хаягривы начало рождать во мне хорошее чувство. Сейчас я знаю, что, если мы обладаем какой-то определённой наклонностью в служении, склонность ли это к писательской деятельности, или ещё какой-либо талант, нам никогда не следует отрекаться от этого, но следует использовать это в служении Кришне.

Достижение успеха в чистом преданном служении, как следует из нашего опыта — работа трудная. На протяжении многих лет Хаягрива переживал свои трудности, но он всегда оставался верен Шриле Прабхупаде, и я очень счастлив видеть эту книгу — «Взрыв Харе Кришна», вышедшую в Новом Вриндаване, где Хаягрива с

энтузиазмом служит Шриле Прабхупаде и помогает своему дорогому другу жизни Шриле Бхактипаде.

Эта книга содержит тот же, возбуждающий интерес, литературный талант, который я видел в Хаягриве в начале, в его первых очерках и стихах для «Бэк Ту Годхед». В этой книге Хаягрива уловил захватывающий дух тех чудесных, невинных дней Движения Сознания Кришны, когда оно распространялось лично Его Божественной Милостью А. Ч. Бхактиведантой Свами Прабхупадой, источником всех замечательных вещей в движении Сознания Кришны.

Книга Хаягривы фокусирует своё внимание на личности Прабхупады и на переживаниях, непосредственно относящихся к нему, его честных и обожающих учеников. Детали о доме №26 на Второй Авеню в 1966 году, подробности первой инициации — известны только нескольким личностям. Записей об этом не существует, и нам приходится полагаться на память нескольких человек. Память Хаягривы в этом отношении особенно остра, и к тому же он очень литературен. Иногда, когда он говорит что-нибудь, это кажется таким совершенным, его выражения так лаконичны, что я в жизни не смог бы придумать лучшего способа сказать это.

Личность Шрилы Прабхупады, несомненно, проявилась на этих страницах. Настоящее время, повествование от первого лица, серия отделённых друг от друга литературных сцен, дающих живое освещение характеристик — делают стиль очень хорошо читаемым и соответствуют достаточно современному языку.

Я думаю, что «Взрыв Харе Кришна» сможет побудить непредвзятых читателей полюбить Шрилу Прабхупаду и увидеть замечательных, искренних человеческих существ этого великого духовного движения. Несомненно, величие Шрилы Прабхупады соответствует большому количеству книг, написанных о нём, так же, как и то большое количество книг, которое было написано о Господе Чайтанье его последователями.

Как сказал один биографический критик, причина написания биографии заключается в том, что невозможно спокойно смотреть на

то, как забывается память о великой личности, настроение Хаягривы соответствует духу истинного Вайшнава. Он не пишет с коммерческой точки зрения, иначе это делалось бы по-другому. Его мотивом является преданность. Преданные, так же, как и растущее число личностей, интересующихся Сознанием Кришны, вынесут истинное благо для себя из этой книги и обретут более глубокую привязанность к Прабхупаде и ИСККОНУ.

«Взрыв Харе Кришна» отличается от «Шрила Прабхупада-Лиламриты» и имеет своё уникальное место в пополняющемся ряду литературы о Шриле Прабхупаде, написанной его учениками. Шрила Прабхупада всегда был доволен, видя Хаягриву за работой, редактирующим и пишущим, и таким образом, он был бы рад увидеть эту книгу. Я надеюсь, что он благословит Хаягриву Прабху писать всё больше и больше книг о Сознании Кришны.

Сатсварупа дас Госвами
ИСККОН, Пуэрто Рико,
Октябрь, 1984 г.

ОТ АВТОРА

Первый набросок этой книги был написан в июле 1969, сразу после того, как Шрила Прабхупада впервые посетил Нью-Вриндаван. В это время я осознал, что лучше всего чтобы подробности начала Движения Сознания Кришны были записаны пока ещё все события свежи.

Работая с записными книжками, дневниками и воспоминаниями я за месяц составил первый набросок. Рукопись оставалась нетронутой до тех пор, пока Шрила Прабхупада не оставил этот смертный мир в ноябре 1977 года.

В тот промежуток времени как рукопись, так и мой ум накопили немного пыли, но убеждённый в ценности всего, что относится к Прабхупаде, я начал снова и в 1979 году составил второй набросок. На протяжении пяти последующих лет, по мере того как Движение Сознания Кришны продолжало расти, я продолжал чистить и расширять рукопись. Ясно, что «Взрыв Харе Кришна» не имеет ничего общего с тихим шипением.

«Точно так же, как Кришна всегда расширяется», — сказал Шрила Прабхупада, — «Всё связанное с Кришной также расширяется».

В 1966 году Шрила Прабхупада неизвестный нам, в действительности заложил динамичную мировую религию. Сейчас, накануне 20-ой годовщины детища Прабхупады — Международного Общества Сознания Кришны, и 500-летней годовщины явления Шри Кришны Чайтаньи Махапрабху, «Взрыв Харе Кришна» — по милости Шри Шри Гуру и Гауранги – наконец-то завершён.

В связи с этим персонал «Плэйс Пресс», находящегося в Новом Вриндаване, выражает благодарность за неоценимую помощь: Шриман Сундаракара дас — менеджер производства, Шримати Рагаматхани даси — набор текста, Шримати Туласи-деви даси – планирование.

Без их бескорыстной помощи, рукопись продолжала бы собирать пыль.

Хаягрива Дас
Церемония Шрила Ропананам
Великий Храм Понимания
Радха Вриндаван Чандра
Нью-Вриндаван
31 мая 1985 года

ВВЕДЕНИЕ

Хотя вначале мы называли его «Свамиджи», в конце концов мы поменяли это обращение на более почтительное «Прабхупада» — слово, которое на *санскрите* означает «тот, кто принимает прибежище у лотосных стоп Кришны».

«Это правильная форма обращения к духовному учителю», — смиренно заметил он однажды.

Так или иначе, странное слово звучало истинно, и начиная с этого момента это было всегда «Прабхупада» — слово, которое вызывало в нашем воображении Самого Господа Шри Кришну.

«*Гуру* и Кришна подобны двум рельсам одного пути», — говорил он, — «всегда идут рука об руку друг с другом. По милости Кришны вы обретаете *гуру*. А по милости *гуру* вы обретаете Кришну».

Кем был этот великий учитель по имени Шрила Прабхупада, и на кого он был похож? Чтобы ответить на этот вопрос, Арджуна несколько тысячелетий назад спросил Господа Кришну:

стхита-праджн̃асйа кā бхāшā
самāдхи-стхасйа кеш́ава
стхита-дхӣх̣ ким̇ прабхāшета
ким āсӣта враджета ким

«О Кришна, как распознать человека, обладающего этим божественным сознанием? О чём он говорит и как выражает свои мысли? Как он сидит и как ходит?» (БГ 2.54).

Истинная сущность Прабхупады не поддаётся никаким анализам. Я был удивлён, узнав, что некогда он был фармацевтом и имел жену и детей. Поскольку мирские побуждения и страсть никогда не затрагивали его, было трудно представить себе его как домохозяина, как кого бы то ни было ещё, кроме как одетого в шафран духовного учителя, *парамахамсу*, плывущего над миром, подобно лебедю, плывущему по поверхности воды.

«Если вы тонете в самой пучине океана», — говорил он, – «и кто-то бросает вам верёвку, станете ли вы расспрашивать его: "О дорогой господин, почему вы бросаете мне эту верёвку? Как вас зовут? Из какой вы страны? Почему вы здесь?"».

«Нет, тонущий человек схватится за верёвку как за самое дорогое в жизни». Поскольку все мы — утопающие, очень мало кто из нас задавался такими вопросами. Мы ухватились за верёвку всеми способами, какими только могли, уверенные в некой окончательной победе на Вайкунтхе, далёкой духовной вселенной. «Бхагавад-Гиту» завершают слова:

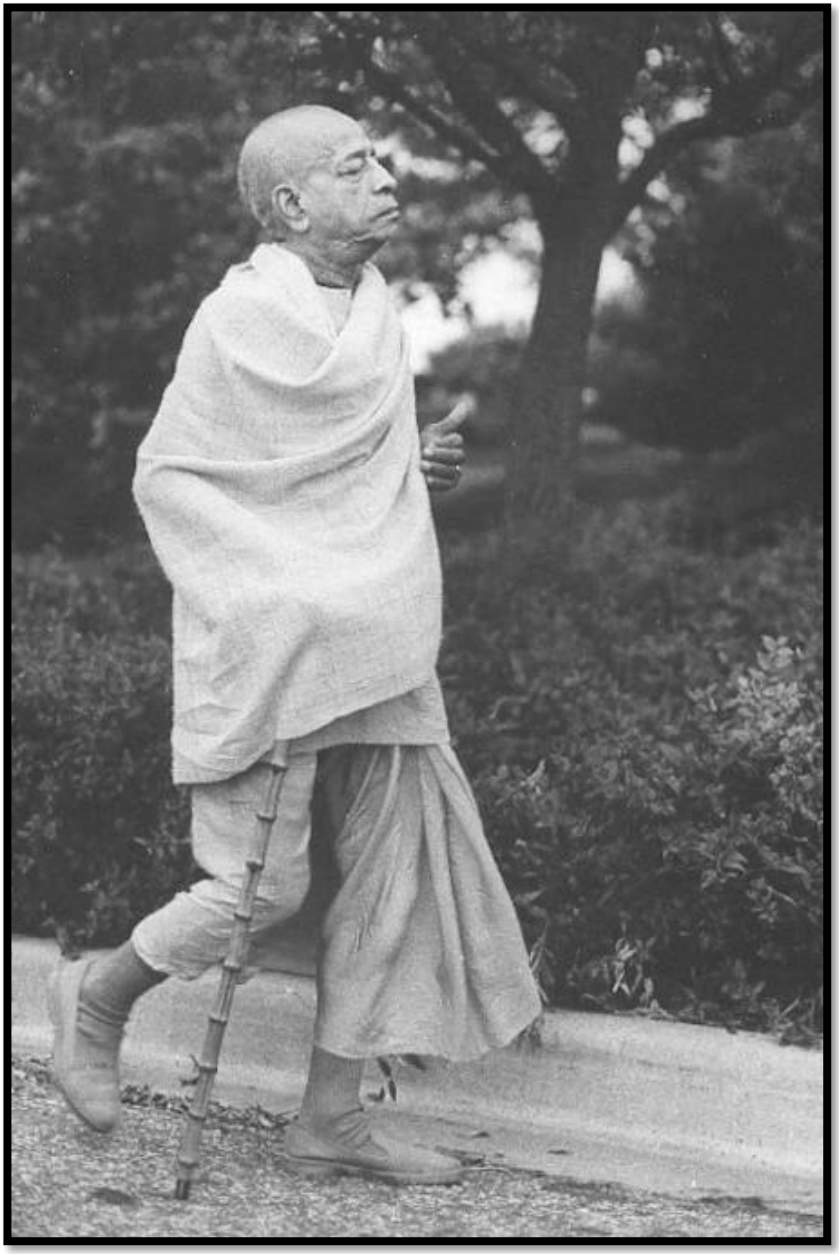
йатра йогешва́раḥ кришн̣о
йатра па̄ртхо дханур-дхараḥ
татра ш́рӣр виджайо бхӯтир
дхрува̄ нӣтир матир мама

«Где бы ни находился Кришна, повелитель всех мистиков, и где бы ни находился Арджуна, непревзойденный лучник, там всегда будет изобилие, победа, необычайная сила и нравственная чистота. Таково моё мнение» (БГ 18.78).

А там, где бы ни присутствовал Шрила Прабхупада, там, несомненно, будет Господь Кришна.

ЧАСТЬ 1. Нью-Йорк. 1966 г.

Глава 1. Посетитель из Калькутты.

Перейдя на другую сторону Бауэри у Хаустон Стрит, я впервые увидел его. Когда он проходил мимо на фоне железного сетчатого забора спортивной площадки, я на какое-то мгновение отчётливо уловил окружавшую его ауру святости. Я старался не потерять его из виду среди потока мчащихся машин и слоняющихся по улице бездомных. Он с беспечным видом прогуливался по тротуару. Выглядел он пожилым, но возраст его трудно было определить. В стороне от людей и окружающей его, уличной суматохи, он гордо, независимо шагал по тротуару, держа руку в полотняном мешочке для *чёток.* На нём были шафрановые одежды *санньяси*, а на ногах — необычные остроносые белые туфли.

Всего семь месяцев назад я повидал множество одетых в шафран монахов и святых, идущих по грязным дорогам Харидвара и Ришикеша и стоящих посередине Ганги, совершающих омовение. Для меня это было тщетным путешествием на мистический Восток в поисках всезнающего *гуру.* Но сейчас — что это? Я опять вижу белые туфли с заострёнными носами. Неужели этот человек проследовал за мной всю дорогу с Севера Индии? Или он прямо так, вдруг сошёл с небес на Манхеттенский тротуар? Я решил, что должен поговорить с ним.

Когда я начинаю пересекать улицу, грузовики, с грохотом мчащиеся по направлению к Голландской Тоннели, скрывают его от моего зрения. Я снова смотрю, чтобы убедиться, что он всё ещё там. Да, кажется даже, что ему известно обо мне. Он обладает всеми манерами великого актёра из знаменитого кинофильма. Я не могу придумать, что сказать, но всё равно обращаюсь к нему. Мы оба останавливаемся одновременно. Его неожиданная улыбка источает лунный свет среди густого тумана и копоти июля.

«Вы из Индии?» — спрашиваю я.

«О да!» — говорит он, его глаза сияют и выражают радость.

Городские автобусы с рёвом проходят мимо нас, волна выхлопов похожа на облака насекомых. Я чувствую, что его спокойствие сосредоточено далеко от рёва уличного движения.

«А вы?» — спрашивает он.

«Я американец», — говорю я, – «но я только что возвратился из Калькутты».

«Ааа... Калькутта», — ещё одна улыбка. – «Я родом из Калькутты. А вам понравилась Индия?».

«Да, она ... очень разная…».

«А Вриндаван? Вы были во Вриндаване?».

«Нет», — говорю я. – «Где он находится?».

«Недалеко от Матхуры», — отвечает он.

«Боюсь, что нет», — говорю я, так как даже не знаю этого места. — «Я заболел и был вынужден покинуть Индию».

Слабое оправдание, но я не могу придумать ничего, кроме этого. Его большие карие глаза искрятся. Сколько ему лет? Его голова обрита, не считая небольшой пряди седых волос сзади, а цвет его кожи золотистого бенгальца кажется излучающим сияние на фоне шафрановых одежд. Его присутствие вызывает воспоминание о тихих ашрамах, уютно расположившихся у Гималаев, о коровах, колокольчиках, храмах и святых реках.

«Но мне нравится Индия», — добавляю я. — «Я интересуюсь философией индуизма. Когда-нибудь я вернусь туда».

«Вы живёте неподалеку отсюда?» — спрашивает он.

«В двух кварталах», — я показываю через Бауэри на Мотт Стрит.

«Тогда мы соседи», — говорит он. — «Я хочу дать несколько лекций по "Бхагавад-Гите". У меня есть одно место. Я сомневаюсь, на сколько оно подходящее. Может быть, вы можете сходить и посмотреть?».

«Конечно же!», — говорю я, и мы разворачиваемся и проходим пол квартала до 2-ой Авеню.

Мы останавливаемся перед маленьким магазинчиком между первой и второй улицами, следующая дверь — автозаправочная станция «Мобил», а через дорогу — бар «Красная Звезда» и похоронное бюро «Гонсалес». Занимая половину первого этажа четырёхэтажного дома, магазинчик раньше использовался под ювелирную лавку, это следует из слов «Бесценные Дары», которые написаны над входной дверью.

Я заметил объявление, висевшее в окне:

Лекции по «Бхагавад-Гите».

Понедельник,
среда,
пятница –

с 19.00 до 21.00.

А. Ч. Бхактиведанта Свами.

«Это неплохой район?» — спрашивает Свами.

«О да», — говорю я, — «несомненно».

Внезапно меня охватывает чувство жалости к этому пожилому джентльмену, находящемуся так далеко от дома, такому беспомощному в столь чужой ему столице.

«Я хотел бы послушать ваши лекции», — говорю я.

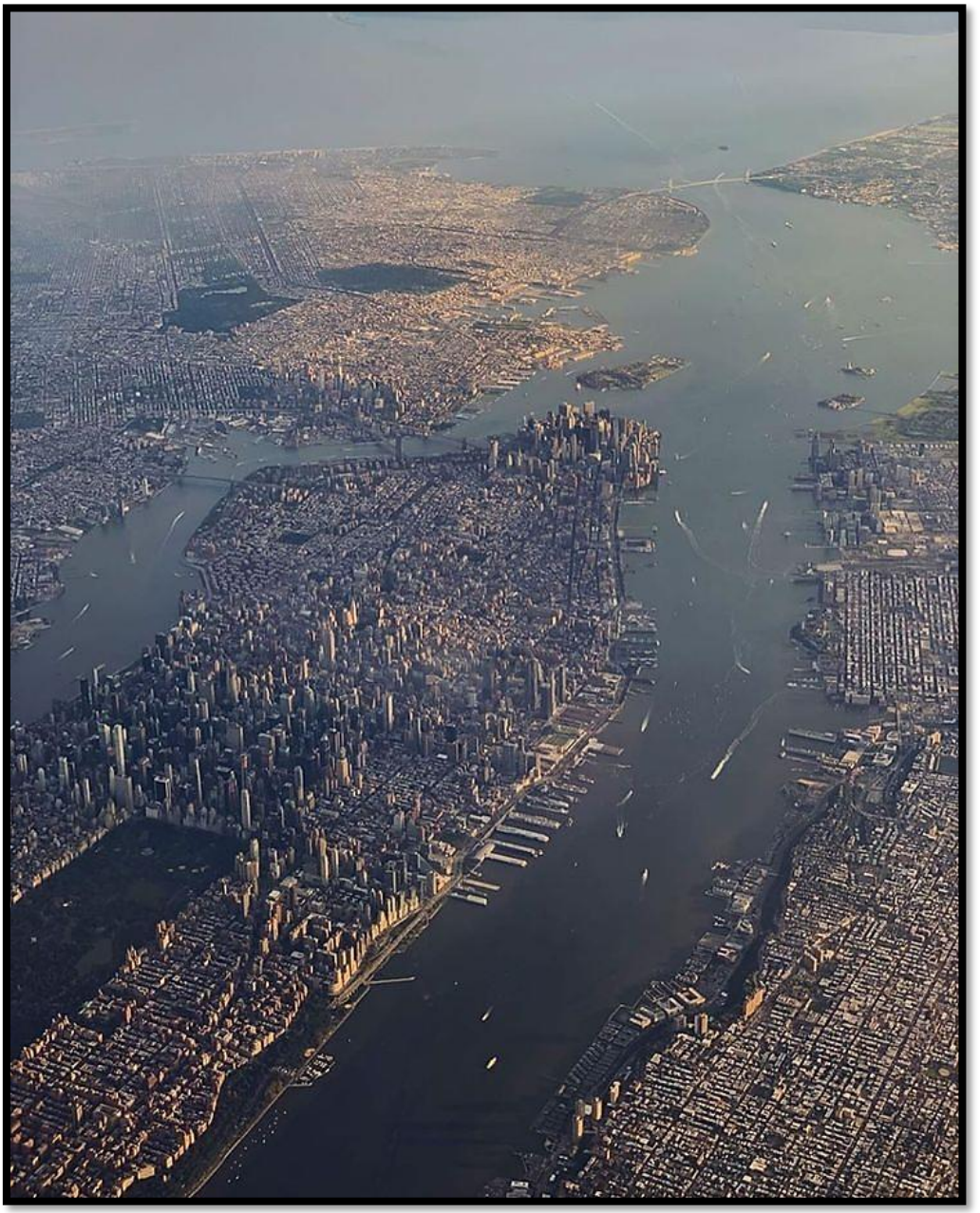
«Тогда вам стоит прийти», — отвечает он.

Шрила Прабхупада на углу 2-ой Авеню около магазинчика «Бесценные дары».

Магазин «Бесценные дары» на 2-ой Авеню.

Нью-Йорк, США.

Ещё одна обдающая лунным светом улыбка.

«У меня есть ещё друзья», — добавляю я, — «которым было бы интересно».

«Да, очень хорошо, вы должны привести их».

«Хорошо», — обещаю я, – «в понедельник вечером».

*** * ***

Когда я возвращаюсь в мою тёмную, заполненную тараканами квартиру на Мотт Стрит, я рассказываю всем о новом *свами*. Нам всем около двадцати: Кейту, Уолли, Вейну, Патрисии, Харвей и мне. Кейт и Уолли интересуются больше всех. Кейт Хэм, друг с дошкольных дней, работает в Колумбийском Университете для докторской степени по истории религии Америки. Уолли Шеффей, инженер записи из Чикаго, обучается Буддизму. В течение этого вечера разговор вращается вокруг утраты эго, смерти, Будды, ЛСД, Святого Джона, реинкарнации, Баха, астральных путешествий, Платона и Лао Дзы. Так что, прибытие нового *свами* рождает немедленный интерес.

«Откуда он?».

«Из Калькутты», — отвечаю я.

«Может быть он приехал за нами следом?» — продолжил Кейт.

«В магазинчик на Вторую Авеню?».

«Всего лишь через два квартала отсюда».

«Он интересуется, хорошее ли соседство с Бауэри?».

«Каково его учение?».

«Бхагавад-Гита».

«Это должно быть интересно. Он *гуру*, *аватар* или кто?».

«*Свами…, гуру*... — кто знает?».

«Ну хорошо, давай сходим в понедельник и узнаем!».

«Всё, что нужно», — говорит Уолли, — «ещё один *гуру*».

«Может быть, это он выпускал все эти странные вибрафоны в Индии?» — говорит Кейт.

«Может быть…», — говорю я. – «Так или иначе, давайте посмотрим на него».

*** * ***

Я читал, что встреча с *гуру* — событие неординарное и никогда не случайное. Жизненные дороги приводят к этой точке только после многих рождений. Выброшенные своей *кармой* в мир войн, наше поколение ходило в детский сад в то время, как бомба упала на Хиросиму, тем самым открыв атомный век. После войны, ничего не казалось невозможным для американцев, и большинство из нас пошло в колледж в пятидесятые годы с огромными материальными ожиданиями. Как бы любезны не были пятидесятые, они не обошлись без волнений.

Когда я поступил в Университет Северной Каролины в 1958 году, на территории университета были битники, поверьте, лишь горстка, — но даже они были замечены. Свободные от родителей, мы находили наслаждение в юношеских бунтах, воодушевляемые некоторыми преподавателями, которые считали христианского Бога мёртвым. Когда один профессор попросил всех атеистов поднять свои руки, моя поднялась вместе со множеством остальных.

Мой любимый предмет имел дело с философией в литературе, и герои моего детства, американские трансценденталисты и католические святые, были вытеснены Альбертом Камю и Жан-Полем Сартром. Когда начались 60-е, и мне и моим друзьям перевалило за

двадцать, большинство из нас тяготело к Манхеттену, где, как сообщали нам средства массовой информации, происходили всяческие волнующие события. Но цинизм и бунтарский дух не могли приносить удовлетворение в течение долгого времени. Кубинский ракетный кризис и убийство Кеннеди подчеркнули необходимость в чём-то большем, чем нигилизм и атеизм, чтобы мы могли выжить.

В 1964, когда я завершил работу над дипломом на английском языке в Нью-Йоркском Университете, во мне пробудился интерес к Американскому трансцендентализму. Радостные высказывания Эмерсона, Торо, Уитмана, Дикинсона и Крэйна заполняли религиозный вакуум. Олдос Хаксли проводил культурные сравнения в своей книге «Вечная Философия» и исследуемой реальности с его гипнотическими опытами в «Двери Восприятия» (Эссе английского писателя и философа Олдоса Хаксли, описывающего свой опыт употребления мескалина, психоделического вещества. Прим. редактора). Студенты начинали говорить о смерти эго, расширенном сознании, вечности, бесконечности, рае и аде, и даже о Боге. Камю и Сартр были отброшены как мёртвые вершители. В конце концов, может быть, мистики, поэты, святые и мечтатели были на верном пути.

Участие Америки во Вьетнаме всё возрастало, и с ним возрастала наша нетерпеливость и нужда в духовных ответах. В моих друзьях, которые в основном были студентами аспирантуры, происходили некоторые изменения сильного значения. Мир казался слишком неуловимым для нас, чтобы пойти по стопам наших родителей, посвятив себя жизненной карьере или вложив всех себя в семью и роскошные дома.

Желая обрести смысл во всём, мы начали поиски, чтение мистических поэтов и исследования писаний. Мы изучали буддистские *сутры*, Платона, Дзен, Святого Августина, индуистов. Мы поймали след чего-то, но чего? Всякий раз, когда мы пытались объяснить это, нам приходилось прибегать к избитым определениям. Несомненно, происходило что-то потрясающее. Было ли это вызвано вхождением в Эру Водолея? Или же, каждое поколение по-разному испытывало тоже самое.

«Ничто не становится Богом в той же степени, как Спокойствие» — написал Кейт на стене Мотт Стрит, цитируя Майстера Экхарта.

«То, что вы видете перед собой — это ваш ум», — напоминал всем Уолли, цитируя Хуанга По.

«Если бы солнце и луна потеряли уверенность, они немедленно бы погасли», — говорил я, цитируя Блэйка.

Ясно, что то, в чём мы нуждались, был *гуру*.

С некоторыми оговорками, в конце 1964 года я начал преподавать английский в Университете штата Огайо. Так совпало, что я делил кабинет с Моханом Лалом Шармой из Пенджаба.

Он одолжил мне переводы «Бхагавад-Гиты» и «Шанкары», сказав мне: «Тебе следует посетить Индию. Она является колыбелью всей религии и трансцендентализма. Там ты найдешь ответы на все свои вопросы».

Вдохновлённый книгами, я решил поехать. Я завершил годовой контракт, только чтобы заработать денег на проезд. Кейт, по оставлению Колумбийского Университета, также имел в запасе немного денег. В октябре 1965 года мы отчалили из порта «Ньюпорт – Ньюс» на «Джаладуте С. С.», индийском грузовом судне, направлявшемся в Бомбей.

Когда мы причалили и бросили первый взгляд на Бомбей, Восточная философия начала иметь смысл: вся жизнь есть страдание и должна быть преодолена. Но как? Мы путешествовали по северу Индии на поезде и на автобусе в Гималаи, в Харидвар и Ришикеш, в поисках святого человека, который бы достаточно хорошо знал английский, чтобы одарить нас Словом.

Незабываемые впечатления, чистые воды Ганги, бегущие с гор; монахи, воспевающие в Дхармашале, где мы остановились на неделю; *санньяси*, загорающий на обочине дороги, его шафрановая одежда замотана вокруг его лица, члены его тела — ничто иное, как обломки

прокажённого, рой мух жужжит вокруг него, пока он воспевает своим тонким, слабым голосом; тихие горы и древние храмы Ришикеша; старый рикша, тащащий нас на велосипеде вверх в гору и радостно принимающий свои чаевые рупии.

Но Кейт и я не смогли найти никакого святого, который произвёл бы на нас впечатление и к тому же был сведущ в английском. Те, которые знали английский, казалось, были более погружены в управление храмом, нежели в философию или медитацию, а странствующие *садху* с развевающимися бородами, казались отдалёнными и некоммуникабельными.

Мы вернулись в Дели, затем отправились в Калькутту, провели месяц в Бенгалии и, разочарованные, в конце концов сели на другое грузовое судно до Нью-Йорка. И психоделический Нью-Йорк приветствовал нас по возвращении. ЛСД имело успех на улицах и вызвало огромный интерес у средств массовой информации; каждый, казалось, был сражён кислотой, увлечён путешествиями, путешествовал в астрале и читал «Тибетскую Книгу Мёртвых».

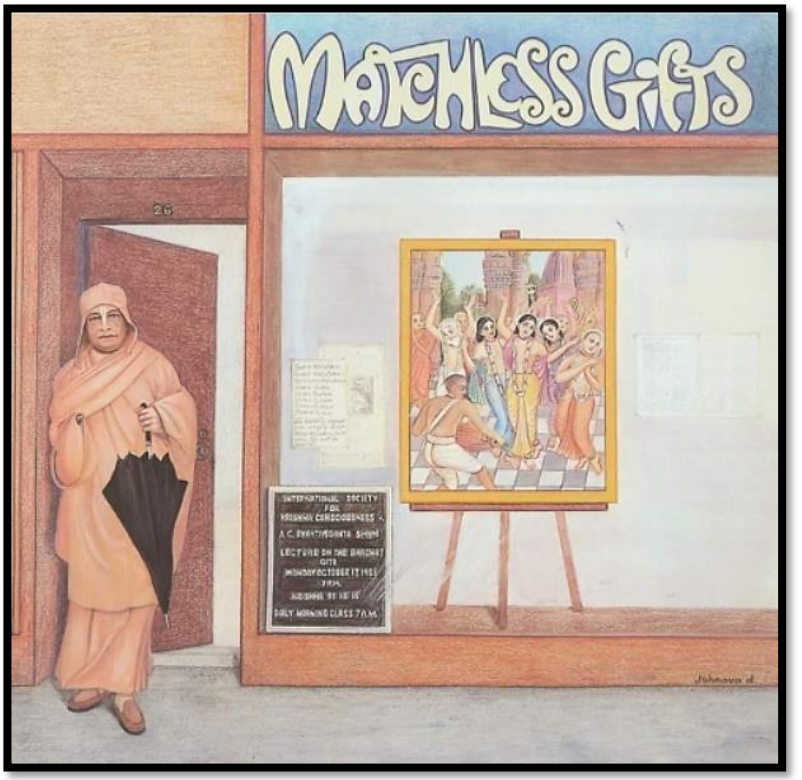
Культ ЛСД зарождался в Вилледже и Нижнем Ист Сайде. Выбывшие студенты и профессора путешествовали в древние солнечные культуры и жили с местными *шиваитами* и хуичолсами, принимая вызывающие галлюцинации препараты, и беря наставления у попутчиков, шаманов, *йогов* и *гуру*. А сейчас, А. Ч. Бхактиведанта Свами внезапно появляется в нашей округе, так, как будто всё это хаотическое состояние было предусмотрительно образовано специально для него.

*** * ***

Картина в застеклённом окне магазинчика «Бесценных Даров», изображает пятерых человек с длинными волосами, все они танцуют с поднятыми руками, как будто бы сейчас вспорхнут. Они танцуют в храме, в Индии, об этом говорит архитектура, и свечение вокруг их голов подтверждает, что они либо святые, либо *аватары.* Их округлые ангелоподобные лица с лотосоподобными глазами кажутся застывшими в небесном блаженстве.

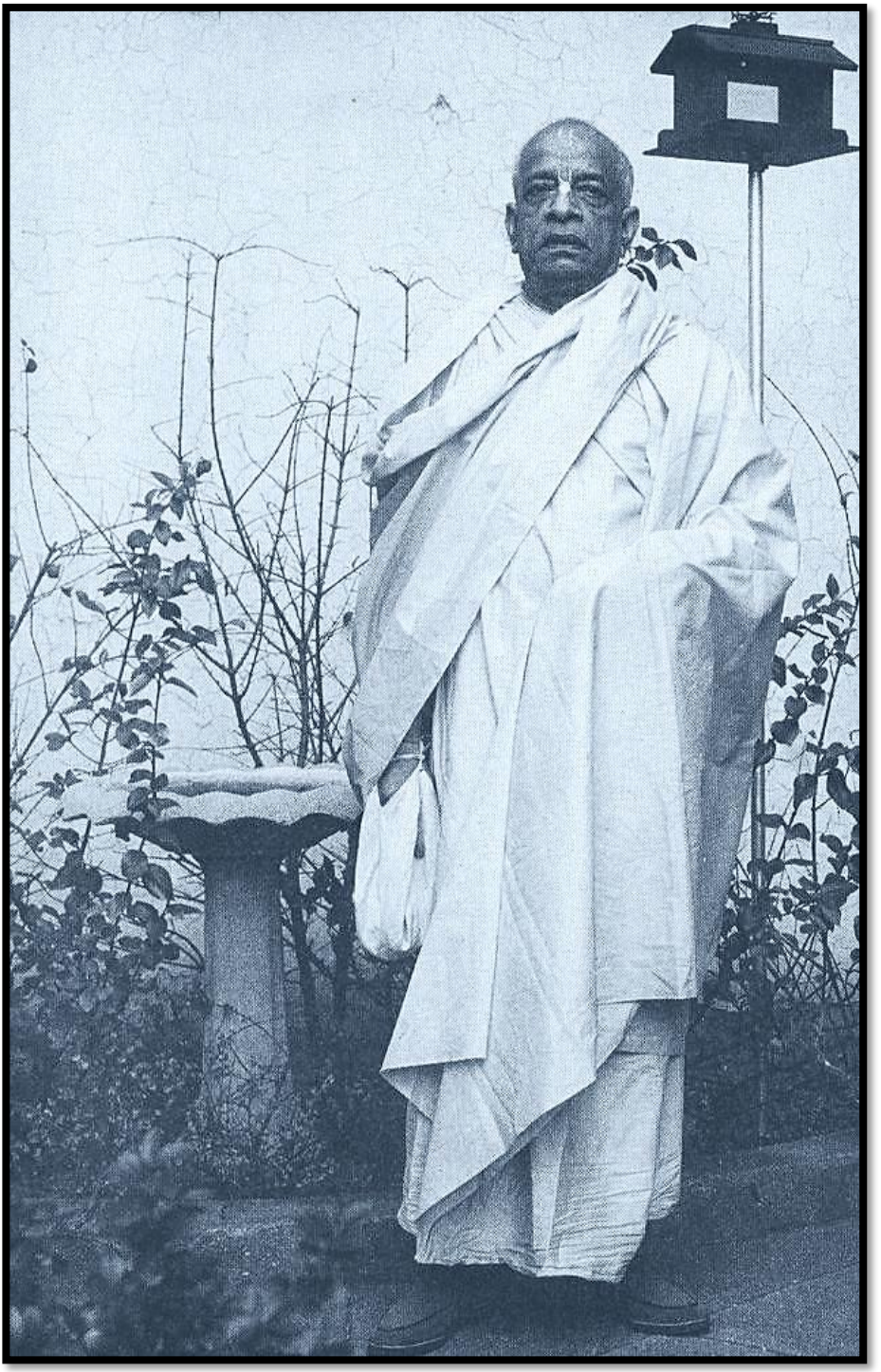
Магазинчик «Бесценные дары».

Апартаменты, в которых жил Шрила Прабхупада на 2-ой Авеню и маленький дворик перед входом.

Шрила Прабхупада во дворике дома по 2-ой Авеню, Нью-Йорк, 1966 год.

«Здесь», — говорю я Кейту и Уолли, и мы входим.

Сам по себе магазинчик — это немебелированная комната, всего лишь 15 на 40 футов. Кое у кого есть соломенные подстилки для сидения. Далеко в конце комнаты два окна, закрытая дверь в ванную и плохонькая обломанная раковина. Лампочка без плафона свисает с потолка на шнуре в середине комнаты, другая — при входе. Это единственное освещение. Мы садимся на пол и осматриваемся. Пол дюжины других посетителей также сидят и ждут. Некто с бородой и длинными волосами представляется Роем.

«Свами у себя и скоро спустится», — сообщает он нам.

«У себя» — относится к задним апартаментам, где у Свами квартира на втором этаже. Пока мы ждём, заходят другие. Затем через задние окна я могу видеть, как Свами пересекает двор по направлению к магазинчику. Он входит через заднюю дверь и быстро выскальзывает из своих белых остроконечных туфель. Затем он садится на соломенную подстилку и приветствует своё собрание.

Он одет скромно, аскетично: шафрановое *дхоти,* обёрнутое в манере *санньяси* монаха, и шафрановый *чадар* вокруг его плеч. Когда он сидит прямо и со скрещенными ногами, кажется, что его тело уменьшается в размере. Его магнетизм и его личность нашли выражение в его лице, широком и благородном, как у Будды. Это безмятежное, сосредоточенное, степенное лицо, исполненное спокойствия, источающее радость, сострадание, жалость и многое ещё. Это лицо, которое не похоже ни на одно другое, которое я когда-либо видел.

Он поворачивается ко мне и улыбается: «Вы привели своих друзей?».

«Да», — говорю я.

«Очень хорошо».

Взяв пару *каратал*, звенящих металлических ручных цимбал, используемых в храмах в Индии, он ритмично стучит в них: *«чиньг, чиньг, чиньг, чиньг, чиньг, чиньг, чиньг»* — затем начинает воспевать:

ванде ’хам̇
шр́ӣ-гуроҳ шр́ӣ-йута-пада-ка́малам̇
шр́ӣ-гурӯн ваишн̣ава́м̇ш́ ча

Он поёт чистым, богатым баритоном, голосом, исполненным преданности. Поскольку никто из нас не знает того, что он поёт, никто не может присоединиться. Только после нескольких минут воспевания, он начинает объяснять слова на санскрите:

Харе Кришна, Харе Кришна
Кришна Кришна, Харе Харе
Харе Рама, Харе Рама
Рама Рама, Харе Харе

«Эти имена Бога — это трансцендентальные семена *маха-мантры*», — говорит он нам в то время, как Рой передаёт листки бумаги со словами, напечатанными на них. — «Кришна — означает "всепривлекающий", Бог — это не пустота. Бог — это личность, вечно юная, и цвет Его тела тёмен, как грозовое облако. А Рама указывает на Господа, как на верховного наслаждающегося. Он – "наслаждающийся", *пуруша*, а мы – "те, кем наслаждаются", *пракрити*. А *харе* обозначает "энергию Господа". Через трансцендентную энергию Господа мы можем достичь Его Самого. Так что, когда мы повторяем Харе Кришна, мы говорим: "О Господь, о энергии Господа, просто поднимите меня и поместите, меня в качестве пылинки у Ваших лотосных стоп"».

После этого он просит нас повторять Харе Кришна в ответ. Медленно, поначалу невпопад, мы пытаемся вторить ему по листам бумаги. Рой и другой молодой человек присоединяются к нему на цимбалах. Других инструментов нет. Только гипнотическое: *«чиньг, чиньг, чиньг»* — цимбал и слова *мантры.* В конце концов мы начинаем хлопать. Я замечаю Пуэрто Риканса и беспризорников, толпящихся у входной двери и глазеющих в окно. Для 2-ой Авеню — странное зрелище. Свами завершает воспевание тремя звонкими *«чиньг».* Кажется, что никто не знает, что будет дальше. Мы все сидим в ожидании.

«О, посмотрите на всех этих пророков», — говорит кто-то снаружи. — «Эй, Будда!».

Рой идёт закрыть дверь.

«Нет, оставь её открытой», — говорит Свами.

Он смотрит на людей, стоящих снаружи так, как будто приглашает всех их войти.

«Сегодня», — начинает он, — «мы будем говорить об Абсолютной Истине».

*** * ***

«Абсолютная Истина», — говорит он, — «по-разному известна разным типам йоги. Имперсоналист знает её как Брахмана, всепроникающее сияние. Мистики, следующие системе *аштанга-йоги*, знают её как Параматму, локализованный аспект Всевышнего Господа, пребывающий в сердце. Но преданный знает Абсолютную Истину как Кришну, Верховную Личность Бога. И в "Бхагавад-Гите" Кришна объявляет, что Он — Абсолютная Истина, Бхагаван, обладатель всех достояний».

*** * ***

Так вышло, что, когда я до этого читал «Бхагавад-Гиту», Кришна показался мне литературным олицетворением божественности, инкарнацией из разряда народных героев, символом, помогающим нам понять «Я», как говорил Шанкара.

«*Атма* зависима от Параматмы, Сверхдуши», — говорит Свами. – «И эта Параматма есть Кришна, проявленный в сердцах всех. Всё зависит от личности Кришны. Полубоги, Брахман, время, космос, духовные и материальные вселенные, и все воплощения и *аватары* — все зависимы от Кришны. Кришна является суммарным целым всего; и всё же, Он вне всего. Он может отречься от всего и всё же быть завершённым в Самом Себе. Осознать верховную, окончательную

истину — значит осознать Кришну, а осознать Кришну — значит стать Его преданным. Итак, каждое живое существо является вечным слугой Кришны. Такова наша *сварупа*, вечное тождество».

Наше вечное тождество? Слуги голубого мальчика пастушка?

*** * ***

Пока Свами говорит о Кришне, я вспоминаю популярные индийские религиозные картины, изображающие голубого Господа в Его различных времяпровождениях: Кришна, играющий роль непослушного ребёнка, переворачивающий горшки с маслом; Кришна — игривый мальчик пастушок, забавляющийся со Своими друзьями; Кришна — романтичный юноша, играющий на Своей флейте и танцующий; Кришна — доблестный воин, ведущий колесницу Арджуны в битве; Кришна — Бог богов, являющий Свою вселенскую форму, которая сияет, как тысячи солнц.

*** * ***

«Вначале вы должны слушать о Кришне из уст чистого преданного», — говорит Свами. – «*Шраванам*. Когда я был ребёнком и учился в школе, я впервые услышал об Америке на уроках географии и истории. Слушая, я понял: "О, это очень замечательная страна, и она очень далеко. Если я отправлюсь туда, я увижу большие здания и много автомашин". Так что, в процессе слушания у меня в уме сложилось определённое представление. Или, если вы, может быть, не были в Индии, но вы можете иметь какое-то представление о том, что это такое, читая или слушая о ней. Вы не отправитесь туда, если сначала ничего о ней не узнаете. Точно так же, если мы хотим увидеть Бога, или отправиться в Царство Бога, мы сначала должны слушать. Таков первый процесс – *шраванам и киртанам*. Вы должны повторять то, что вы услышали: "Харе Кришна". Этот *киртан*, воспевание Харе Кришна, счищает с зеркала ума пыль, накопившуюся за многие миллионы рождений».

Я знаю — это 10,000,000. По мере того, как Свами продолжает лекцию, мои уши медленно привыкают к его акценту.

Мама Яшода и Кришна (старая живопись).

«Люди сходят с ума под воздействием материальной иллюзорной энергии», — говорит он. – «Ради чувственного удовлетворения мы проходим через миллионы и миллионы рождений и смертей пытаясь наслаждаться сами по себе, независимо от Кришны. Но когда наши наслаждения направленны на Кришну, мы находимся в правильном положении. Это то, что мы имеем ввиду под обращением от иллюзии к реальности. *Гуру*, истинный духовный учитель, пробуждает эти дремлющие вечные взаимоотношения, и когда они возрождаются, мы можем видеть Кришну, слышать Его и разговаривать с Ним. Поэтому Господь Кришна говорит нам: "Занимайте свой ум мыслями обо Мне, предлагайте Мне поклоны и поклоняйтесь Мне. Таким образом, полностью погрузившись в Меня, вы придёте ко Мне"».

*** * ***

Прерывая лекцию, старый белобородый бродяга с Бауэри входит и шагает на середину комнаты. Мы сидим в замешательстве. Он подходит к Свами. Что делать? Старый попрошайка одет в плащ и приплющенную шляпу. В руке у него полотенце для рук и два рулона туалетной бумаги. Безо всяких разговоров, он проходит Свами и аккуратно помещает полотенце у раковины, а туалетную бумагу — на пол под ней. Затем, прочищая горло и время от времени что-то бормоча, он поворачивается и уходит прочь.

«Только посмотрите», — говорит Свами с удовлетворением. — «Ему никто не говорит этого делать, но он только что начал своё преданное служение. Только посмотрите, как естественно, это происходит. Таков процесс. Чем бы мы ни обладали — неважно чем — нам следует предложить это Кришне».

Лекция продолжается уже больше 45 минут. Некоторые ушли, очевидно, побеждённые странной философией или бенгальским акцентом Свами. Неустрашимый, Свами аккуратно и по нескольку раз объясняет нам, что мы являемся не этими телами, но вечными духовными душами.

«Под влиянием *майи*, иллюзии», — говорит он, — «мы думаем: "Я — это тело, я американец, я — отец, сын, муж, жена". Нет. Кто же

я? Духовная душа, неотъемлемая частичка Кришны. И в чём состоит мой долг? Часть исполняет служение целому — Кришне, это *бхакти-йога*. Нарада определяет *бхакти* как свободу от ложных телесных обозначений. Тело, через его чувства, воспринимает двойственность, в таких её проявлениях, как удовольствие и боль, но это порождается лишь телом самим по себе. Это подобно зуду кожи. Каково же лекарство? Контроль чувств посредством сознания Кришны. А кто такой Кришна? Слово Кришна означает "всепривлекающий резервуар наслаждения". Мы все ищем какого-то наслаждения в этом материальном мире, но материальное наслаждение является извращённым отражением. Оно преходяще. Истинное наслаждение существует в духовном мире, в отношениях с Кришной, и оно вечно».

Подобно искусному ткачу за ткацким станком, Свами сплетает своё рассуждение вокруг Кришны. Кришна, «Высшая Абсолютная Истина», «Верховная Личность Бога», — это его основная тема.

«У Кришны есть Его имя, Его спутники, Его игры, Его трансцендентальная обитель. Он не является пустотой или чем-то безличным, нет он — личность».

Для нас это было самой большой новостью.

чинтāмаṇи-пракарасадмасу калпавркша-
лакшāвртешу сурабхīр абхипālайантам
лакшмī-сахасра-шата-самбхрама-севйамānам
говиндам āди пурушам там ахам бхаджāми

«Я поклоняюсь Говинде, предвечному Господу, прародителю всех живых существ, который пасёт коров, исполняющих все желания, и живёт в обители из философского камня, окружённой деревьями желаний. Там Ему с любовью и благоговением служат сотни и тысячи богинь процветания». («Брахма-Самхита» 5.29)

Свами повторяет этот стих с такой преданностью, что его голос создаёт образ вечно юного мальчика пастушка, чьё трансцендентное тело — *сат-чит-ананда*, исполнено вечности, знания и блаженства. Совсем не похожий на карающего, белобородого Иегову.

Бог Кришна – вечно юный пастушок с флейтой, который пасёт коров.

Пожилой Бог — (в некоторых религиях).

«Бог — не старик», — говорит Свами. – «Почему Он должен быть старым? Он вечен, неизменен, всегда свеж, вечно юн, неизменно блаженен, всезнающ, всемогущ. Хотя на поле битвы Курукшетры Он был дедушкой, Он всё же выглядел точно так же, как восемнадцати, двадцатилетний юноша».

*** * ***

После полутора часов лекция завершается, и Свами спрашивает, есть ли вопросы. Один высокий, долговязый парень спрашивает, может ли он видеть Кришну своими глазами?

«Да, почему бы и нет?» — говорит Свами. – «Но сначала вы должны обрести квалификацию, необходимую, чтобы вы могли видеть. Мы можем очистить свои чувства сначала слушая и воспевая. Вы можете слушать Его, слушая "Бхагавад-Гиту" и воспевая Харе Кришна. Кришна неотличен от Своих имён, так что вы можете на самом деле общаться с Богом. Просто постарайтесь понять...».

Свами продолжает приводить примеры и аналогии, чтобы разъяснить этот момент. На всех нас произвела впечатление его эрудиция и то, как безукоризненно он приводит стихи на санскрите, и его настойчивость в необходимости духовного авторитета. Он проводит полчаса, отвечая на вопрос юноши, затем спрашивает, есть ли ещё у кого-нибудь какие-нибудь вопросы. Вопросов больше нет, и он берёт *цимбалы* и завершает всё воспеванием Харе Кришна. Мы повторяем за ним, как и до этого, и воспевание продолжается ещё полчаса.

Я смотрю на свои часы. Программа началась в 19.00, а сейчас уже 21.45. Свами ножом режет яблоко на ломтики и передаёт его нам на металлической тарелке. После того, как его раздали, он заскальзывает в свои белые остроконечные туфли, выходит из задней двери и проходит через задний двор к своим апартаментам.

Я замечаю, что некоторые бросают монеты в плетёную корзинку слева на соломенном коврике. Я жертвую 15 центов и ухожу вместе с Кейтом и Уолли. Все взволнованы новым *свами.* По пути Рой говорит

нам, что мы можем днём зайти на квартиру Свами. Следующая встреча по расписанию в среду вечером.

* * *

К 18.30, вечером в среду, нас снова как магнитом притащило к магазинчику «Бесценных Даров». После пения Харе Кришна, Свами читает санскритский стих из «Бхагавад-Гиты» и критикует перевод Сарвепалли Радхакришнана, теперешнего президента Индии.

«Это имперсонализм», — говорит он, — «но что мы можем сделать? У нас нет другого варианта. Тайна "Бхагавад-Гиты", говорит он нам, в том, что Арджуна мог оставаться воином в миру и в то же время быть величайшим *йогом*, следуя руководству Кришны. Поскольку все мы должны следовать каким-то авторитетам — даже если ими будут наши собственные чувства и ум — нам следует принять высший авторитет, Кришну. Веда — означает "знание, данное Богом". "Бхагавад–Гита" — это Веда, и она безупречна. Чтобы совершать прогресс нам необходимо иметь веру в "Бхагавад–Гиту". Какой-то авторитет должен быть принят, в противном случае, мы попусту тратим своё время просто рассуждая. В "Бхагавад-Гите" Кришна даёт нам сокровенную информацию о Нём Самом, и на этот счёт нет вопросов. Мы должны понять и принять. Иначе, как сможем мы узнать что бы то ни было о Боге. Он находится за пределами нашего материального восприятия. "Всё покоится на Мне", — говорит Он, — "но я не в этом". Вы можете подумать: "О, этот стол покоится в Кришне, поэтому Кришна должен быть здесь". Но Кришна говорит: "Я не там". Хотя Кришна и Его энергия неотличны друг от друга, энергия не является Самим Кришной. Нет разницы между солнечным светом и самим солнцем, но, если свет солнца присутствует у вас в комнате, вы не можете сказать, что само солнце находится там. Точно так же, всё является энергией Кришны, но всё же, Кришна вне всего как Высшая Личность. Только потому, что мы не можем видеть Его, мы не должны глупо заключать, что Он не существует. Мы можем видеть, как действуют Его энергии. Точно так же, как планеты плавают в сиянии солнца, так же солнце, вселенная, всё покоится на сиянии Кришны, плавает в энергии Кришны: "Всё покоится на Мне, но не думай, что я не существую, потому что ты не можешь видеть Меня. Я здесь". Итак,

это сокровенное знание "Бхагавад-Гиты" особо предназначено для преданных Кришны. Его невозможно понять до тех пор, пока мы не примем Кришну как Верховную Личность Бога. Мы не можем увидеть Бога своими собственными усилиями, но, если мы обретём соответствующую квалификацию, Бог Сам явится нам. Искренне слушая "Бхагавад-Гиту" и воспевая Харе Кришна, мы можем начать понимать Бога и наши взаимоотношения с Ним».

Затем он объясняет, что точно так же, как Арджуна услышал «Бхагавад-Гиту» из уст Самого Кришны, мы должны слушать её из уст представителя Арджуны, истинного духовного учителя.

«Эта "Бхагавад-Гита" сначала была поведана на индийской равнине на Курукшетре, но это не значит, что она говорилась только для Индии или, что она индусская, нет. Она для каждого. Солнце сначала восходит на востоке, а затем идёт на запад. Это не говорит о том, что восток имеет монополию на солнце. "Бхагавад-Гита" могла вначале взойти на земле Индии, но она не является собственностью Индии. Она предназначена для всего мира».

После лекции Свами спрашивает: «Есть ли какие-то вопросы?».

Кто-то спрашивает, правда ли это, что он формирует международное общество, как говорится на вывеске в окне.

«Да», — говорит Свами. — «Конечно, в настоящий момент, это только наше отделение, но Общество формируется, Международное Общество Сознания Кришны, оно предназначается для того, чтобы научить каждого любви к Богу посредством этого процесса *бхакти-йоги*. Как-то кто-то захотел, чтобы я назвал его Международное Общество Сознания Бога».

Он улыбается и качает головой.

«Но я решил – нет», — говорит он. – «Там должен быть Кришна».

После ответов на вопросы Свами снова разрезает ломтиками яблоко и отдаёт его Рою, чтобы его раздали. Затем, видя, что

некоторые продолжают задавать Свами вопросы, я тоже обращаюсь к нему.

«Вы слышали когда-нибудь об ЛСД?» — смело спрашиваю я.

«Нет», — говорит он.

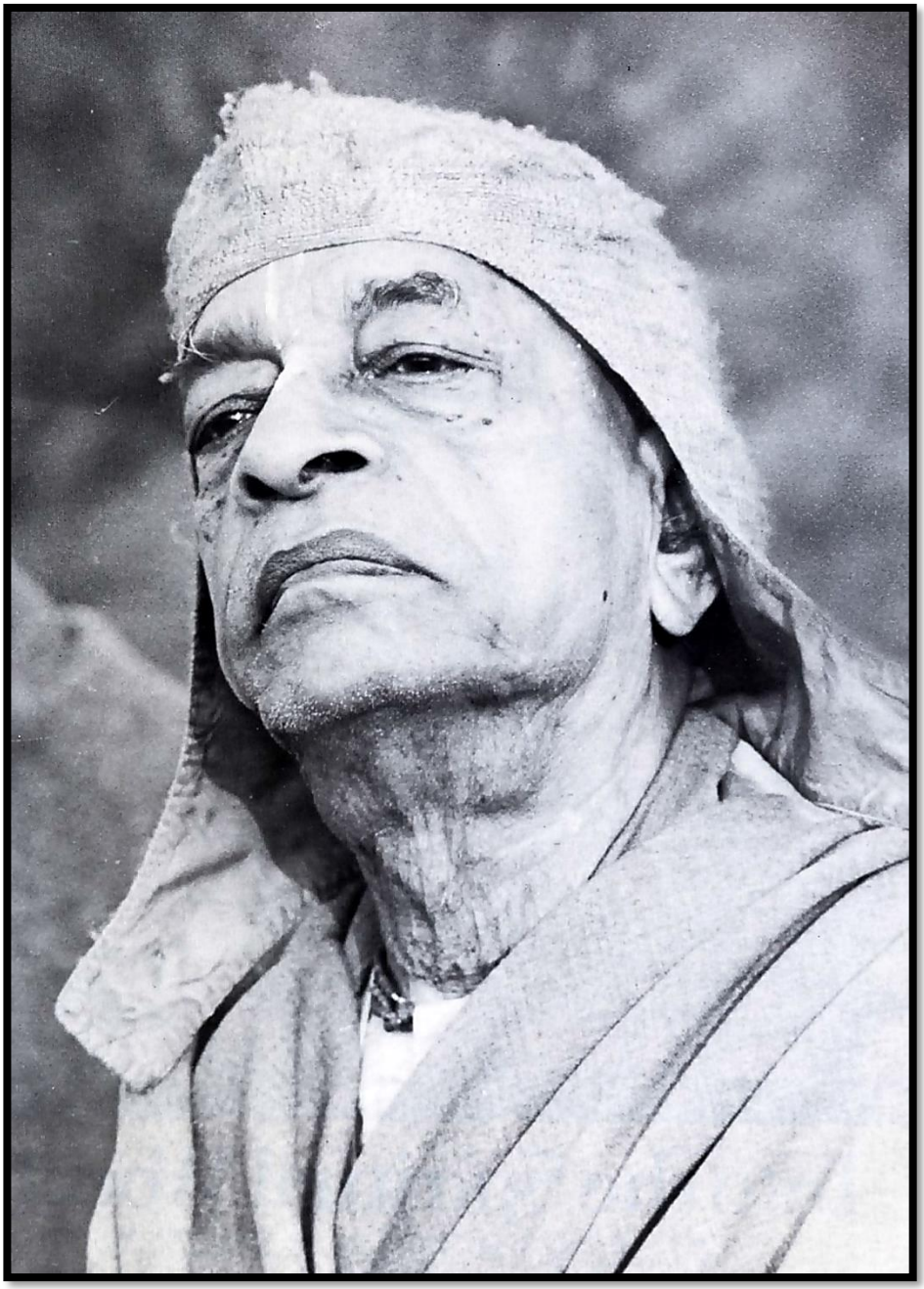
«Это химикат», — говорю я, смутно ощущая свою тупость. — «Некоторые утверждают, что оно может вызывать религиозные видения или экстаз. Считаете ли вы, что оно может быть полезно для духовной жизни?».

На мгновение он смотрит на меня с детским любопытством.

«Для вашей духовной жизни вам нет необходимости ничего применять», — говорит он. – «Ваша духовная жизнь уже здесь».

«Да, она, несомненно, здесь», — думаю я, стоя перед самой возвышенной личностью, какую мне когда-либо доводилось видеть.

Глава 2. Трансцендентные приглашения.

На следующее утро, когда я один отправляюсь увидеться со Свами, он, кажется, ожидает меня. Непосредственно и просто, он начинает объяснять, что нуждается в помощи в распространении сознания Кришны по всему миру. Замечая, что он печатал, я предлагаю ему свои услуги в этом, и он вручает мне рукопись первой главы первой песни «Шримад-Бхагаватам» Вьясадевы.

«Можете напечатать это?».

«О да», — говорю я.

Он очень доволен. Мы выкатываем маленький столик с печатной машинкой из угла, и я начинаю работу. Его рукопись помещена единым текстом без полей на тонкой, желтеющей индийской бумаге. Кажется, что Свами старался сжать слова на странице как можно уже. Я стал придерживаться правила экономии места на листе. Первыми словами были: «О царь».

Я, естественно, стал задаваться вопросом, является ли слово «О» именем царя, или слово «царь» стоит отдельно. Заключив, что вместо этого имелось ввиду «О Царь», я посоветовался со Свами.

«Да», — говорит он. – «Измени это тогда».

Перепечатывая другой параграф, я замечаю определённые грамматические несоответствия, возможно, типичные для бенгальца, который выучил английский в школе под управлением британцев в начале века. Чтобы привести текст в соответствие с используемым сейчас американским словоупотреблением, ему требуется значительное редактирование. Выведя несколько изменений, я говорю Свами, что, если он этого хочет, я мог бы сделать все надлежащие исправления.

«Очень хорошо», — говорит он улыбаясь. – «Сделай это! Изложи это замечательным образом».

Так началось моё редакторское служение. Я печатаю всё утро в комнате, где он читает, переводит, принимает посетителей и отдыхает.

Там есть жестяной сундук, используемый как письменный стол, и ковёр, на котором он сидит и иногда спит. Помимо моего столика, на котором стоит печатная машинка, другой мебели в комнате нет.

Когда я печатаю, я слышу, как он готовит на кухне, и могу чувствовать запах масла, перетапливаемого в *гхи*. Я заканчиваю главу в двадцать страниц в два раза больше за счёт широких полей. Изначально было всего восемь страниц.

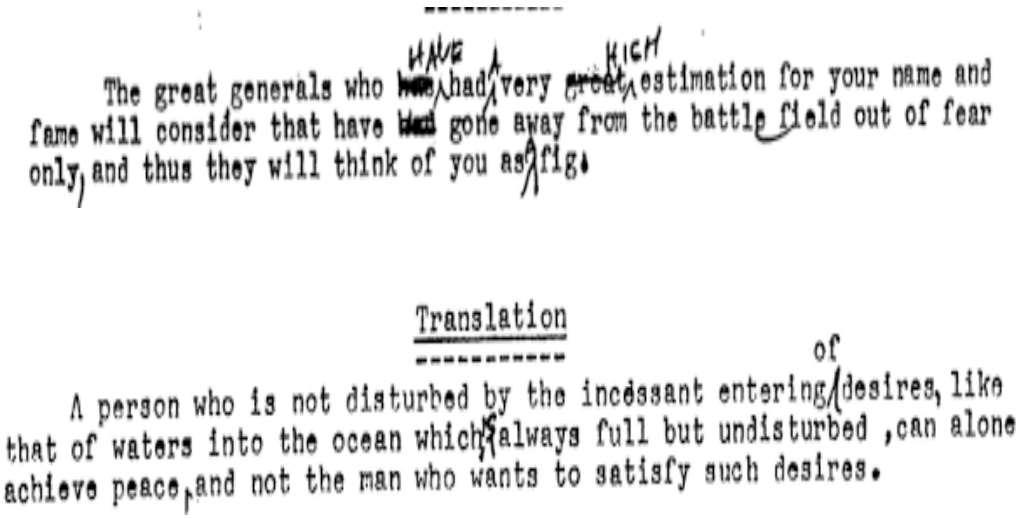
«Позвольте мне узнать, есть ли ещё работа», — говорю я ему. – «Я могу взять её с собой на Мотт Стрит и печатать там».

«Ещё? Да!» — говорит он. – «Ещё очень много работы!».

Он открывает прикрытую дверцу шкафа и вытаскивает два больших свёртка шафрановой ткани. Он показывает мне завёрнутые в неё тысячи страниц однородного, лишённого полей текста рукописи книги, неизвестной в западном мире. Я стою перед ними ошеломлённый.

«Здесь печатной работы на всю жизнь!» — протестую я.

«О, да!» — счастливо улыбается он. – «На много жизней».

The great generals who have had very high estimation for your name and fame will consider that have gone away from the battle field out of fear only, and thus they will think of you as fig.

Translation

A person who is not disturbed by the incessant entering of desires, like that of waters into the ocean which is always full but undisturbed, can alone achieve peace, and not the man who wants to satisfy such desires.

Фото с оригинальных страниц

* * *

Это типичный удушливый, жаркий июльский день. Копоть висит над улицами как ядовитая вуаль, затуманивая верхушки небоскрёбов.

Принтер даёт магазинчику «Бесценных Даров» 5,000 маленьких листовок. Там написано:

Воспевайте трансцендентные звуки:

Харе Кришна, Харе Кришна,
Кришна Кришна, Харе Харе
Харе Рама, Харе Рама,
Рама Рама, Харе Харе.

Повторяя эти звуки, вы очистите зеркало своего ума от покрывающей его пыли.

Свами А. Ч. Бхактиведанта
Международное Общество Сознания Кришны
Вторая Авеню, 26

Собрания ежедневно в 07.00
Понедельник, среда и пятница в 19.00

Приходите сами и приводите с собой друзей.
Мы ждём вас.

«Наконец-то, они тут, Свамиджи», — сообщаю я, используя, как и все теперь, более почтительную форму обращения.

«Очень хорошо! Теперь просто распространяйте», — говорит он.

Я беру около трёхсот.

S T A Y H I G H F O R E V E R

No More Coming Down

Practice KRISHNA CONSCIOUSNESS

Expand your consciousness by practicing the

TRANSCENDENTAL SOUND VIBRATION

HARE KRISHNA * HARE KRISHNA * KRISHNA KRISHNA * HARE HARE

HARE RAMA * HARE RAMA * RAMA RAMA * HARE HARE

This chanting will cleanse the dust from the mirror of the mind and free you from all material contamination. It is practical, self-evident, and requires no artificial aid. Try it and be blissful all the time.

TURN ON

through music, dance, philosophy, science, religion and prasadam (spiritual food.)

TUNE IN

AWAKEN YOUR TRANSCENDENTAL NATURE!

REJOICE IN THE OCEAN OF BLISS!

The process of Sankirtan (chanting of Hare Krishna, Hare Krishna, krishna Krishna, Hare Hare; Hare Rama, Hare Rama, Rama Rama, Hare Hare) brings about transcendental ecstasy.

DROP OUT

of movements employing artificially induced states of self-realization and expanded consciousness. Such methods only lead to spiritual laziness and chaos. End all bringdowns, flip out and stay for eternity. Bhaktiyoga has been practiced for many centuries and is authorized by India's great acharyas. Swami Bhaktivedanta is in the bonafide line of Krishna's disciplic succession. He has especially come to this country to spiritually guide young Americans.

THE INTERNATIONAL SOCIETY FOR KRISHNA CONSCIOUSNESS, Inc.
26 SECOND AVENUE (between 1st and 2nd Streets) NEW YORK, N.Y.
Phone: 674-7428

Acharya: A.C. BHAKTIVEDANTA SWAMI

Meetings every Monday, Wednesday and Friday at 7 P.M.
Every morning at 7 A.M.

YOU ARE CORDIALLY INVITED TO COME AND BRING YOUR FRIENDS

Листовка «Всегда оставайтесь на высоте!»

«Вы думаете, они неплохие?» — спрашивает он.

«Они замечательные», — говорю я. – «Людям будет любопытно узнать побольше».

«Мы назовём наше общество – ИСККОН!» — говорит он улыбаясь.

«Как?».

«И-С-К-К-О-Н», — говорит он с расстановкой между буквами, – «ИСККОН — Международное Общество Сознания Кришны».

Он смеётся. Его новая аббревиатура развеселила его. ИСККОН, ему забавно. Взяв листовки на Площадь Вашингтон, я распространяю их студентам Нью-Йоркского Университета и хиппи с Гринвич Вилледж. Я повторяю Харе Кришна нежно и счастливо, ощущая себя агентом из другого мира.

* * *

Хотя мы и не привыкли вставать рано утром, магнетизм Свамиджи тянет нас на соседние, ещё пустынные в 6.30 утра улицы. Я торопливо иду с Мотт Стрит на Вторую Авеню. Удивительно, Хаустон Стрит и Бауэри больше не такие серые и однообразно тусклые. Ранним утром, по нетронутому небу разбросаны золотистые и красные блики, и даже дома кажутся искрящимися. Глядя вперёд, на Вторую Авеню, я могу видеть перила Бруклинского Моста, сияющие поперёк Восточной Реки. Я воспеваю всю дорогу до фойе, находящегося в стоящем фасадом, здании, затем я нажимаю на кнопку звонка с отметкой «А. Ч. Бхактиведанта Свами». Дверь с шумом открывается, и я иду через маленькую прихожую и внутренний двор к задним апартаментам здания, затем пешком поднимаюсь вверх по лестнице, чтобы не разбудить соседей.

Эти ранние утренние собрания прекрасны и сокровенны. Каждое утро присутствует только восемь или десять человек — все мы молоды, всем около двадцати лет, кроме тридцатилетнего Джима

Грина, преподающего плотничье ремесло в «Союзе Купера». Майк Грант, пианист и композитор, только что закончивший обучение в Колумбии; Стив Гуарино, городской социальный работник; Чарльз Барнет, сразу после высшей школы занимавшийся *хатха-йогой;* бородатый Рой Дювойс, работающий по заказам, карикатурщик и писатель; Билл Эпстейн, официант в макробиотическом ресторане «Парадокс»; высокий худощавый Стэнли — никто ничего не знает о Стэнли; и команда с Мотт Стрит — Кейт, Уолли, я. Все мы сидим со скрещенными ногами на полу напротив Свамиджи, который сидит за маленьким сундучком. Он выглядит бодрым, так как встал уже несколько часов назад.

«Негромко», — говорит он, слегка прикасаясь друг к другу звонкими металлическими цимбалами.

«Чиньг, чиньг, чиньг», раз, два, три, раз, два, три. Мы хлопаем по счёту, вторя ритму его цимбал.

«*Самс̇а̄ра-да̄ва̄нала-лӣд̣ха-лока*», — С закрытыми глазами, он воспевает медленно и нежно, дрожащим баритоном, в то время как через окна пробиваются ранние солнечные лучи.

тра̄н̣а̄йа ка̄рун̣йа-гхана̄гханатвам
пра̄птасйа калйа̄н̣а-гун̣а̄рн̣авасйа
ванде гуро̣х шр́ӣ-чаран̣а̄равинда

«Духовный учитель получает благословение из океана милости. Точно так же, как облако может лить воду на лесной пожар, чтобы потушить его, духовный учитель освобождает поражённый материальной болезнью мир, гася полыхающий огонь материального существования. Я предлагаю свои почтительные поклоны его лотосным стопам».

Сначала Свамиджи взывал о милости к своему духовному учителю, Шриле Бхактисиддханта Сарасвати — основателю индийского Гаудия Матха. Это он наказал Свамиджи проповедовать сознание Кришны на Западе.

Бхактисиддханта, наш духовный дед, «ещё один человек с Вайкунтхи», покинул этот смертный мир в 1936 году. Завороженные,

мы слушаем, как Свамиджи воспевает. Его присутствие доминирует в маленькой комнате. Погружённый в воспевание, он прикрыл глаза. Его голова золотистая, сияющая, лучезарная. Когда он поёт, он выглядит как счастливое дитя, взывающее к своему творцу.

«Повторяя святое имя, танцуя в экстазе, воспевая и играя на музыкальных инструментах, духовный учитель черпает непреходящую радость в движении санкиртаны Господа Чайтаньи. Поскольку он ощущает блаженство чистой преданности, волосы его иногда встают дыбом, тело его трепещет, и слёзы потоками льются из его глаз. Я предлагаю свои почтительные поклоны его лотосным стопам...»

Затем Свамиджи поёт молитвы Господу Чайтанье и Его ученикам:

(джайа) шри-кришна-чайтанйа
прабху нитйа̄нанда
шри-адваита гада̄дхара
шрива̄са̄ди-гаура-бхакта-вринда

Господь Чайтанья, мы знаем, является инкарнацией, которая в пятнадцатом веке распространила воспевание Харе Кришна по всей Индии. После этих молитв Свамиджи воспевает Харе Кришна, и мы вторим ему.

«Негромко», — напоминает он нам. – «Соседи жалуются».

Мы поём в течении полутора часов, но кто следит за временем? Кажется, что мы вечно сидим перед Свамиджи и воздаём хвалу всепривлекающей Верховной Личности, Кришне. Воспевание завершается. Свамиджи вручает Рою «Бхагавад-Гиту» в переводе Радхакришнана, и Рой читает *санскритский* перевод и английский перевод стиха второй главы.

Исправив неправильно произнесенный Роем *санскрит,* Свамиджи критикует комментарии переводчика, осуждая их как «имперсоналистские». Тогда он начинает своё собственное объяснение текста.

Поскольку нас так немного, мы можем свободно задавать вопросы, как только возникает непонятный момент. Мы редко находим это необходимым. Свамиджи разъясняет каждый стих, приводя бесконечные аналогии, и связывая его истинное значение с чем-нибудь знакомым нам. Тщательно он проясняет то, что считалось мистическим и оккультным.

«Мистический — означает "непонятный"», — говорит он. – «Наше понятие Кришны не смутно. Оно очень ясно. Кришна даёт нам "Бхагавад-Гиту " и говорит: "Я таков". Нам следует понять это надлежащим образом, так, как её понял Арджуна».

Итак, ранним утром, когда по Хаустон Стрит начинают громыхать грузовики, а железные ставни Второй Авеню с треском раскрываются, Свамиджи приглашает нас к Кришне.

*** * ***

Кто знает, что на самом деле говорит Свамиджи? Чаще, то, что говорит Шанкара, имеет для меня больше смысла: «Я — непостижимая, имперсональная *атма* в каждом, является верховным». Это, несомненно, более логично, чем утверждение о том, что верховным является мальчик-пастушок по имени Кришна. И, к тому же, голубого цвета.

«Почему Кришна голубой?» — спрашиваю я Свамиджи.

«Спроси у Него», — говорит он.

«Кто поверит в это, не увидев этого на самом деле?».

«Мы не выдумываем какого-то искусственного Бога», — говорит он. Мы просто принимаем Кришну таким, как Он есть, и таким, каким Его описывают все истинные *ачарьи и садху — говиндам ади пурушам там ахам бхаджами*».

«Но, разве разные люди не воспринимают Его по-разному?» — спрашиваю я. — «И разве они не по-разному описывают Его?».

Бог Кришна – вечно юный пастушок, голубого цвета.

«Да, и мы принимаем за истину все религии, основанные Богом. Только Бог может установить религию. Мы принимаем и Христианскую и Мусульманскую вероисповедания, но мы отвергаем умственные измышления так называемых философов и мирских поэтов».

«Но большинство западных теософов и философов скажут, что Бог в образе голубого мальчика-пастушка — это плод воображения», — говорю я.

«Да, и некоторые *майявади*, *гьяни*-имперсоналисты, тоже говорят так. Поскольку поклонение имперсональному очень трудно, они пытаются вообразить некую форму Бога. Конечно, преданные не воображают себе Кришну. Они видят подлинную форму Бога. Бог так велик. Вы можете представить себе нечто, но это нечто не является формой Бога. Это — измышление. Такие выдумщики называются изобретателями формы Бога. Есть два разряда мошенников: те, кто борются с поклонением Богу и те, кто изобретают форму Бога. Те, кто воображают себе форму Бога, являются "изобретателями". А те, которые думают: "Я убил Бога", — борцами с поклонением Богу. Точно так же, как в Индии во времена британской оккупации, были индо-мусульманские столкновения, и индусы шли в мусульманскую мечеть и разрушали там всё, думая: "Мы разрушили их Бога", — а мусульмане шли в индуистские храмы и ломали идола, думая: "Мы убили индусского Бога". Это глупость. Так же, во времена движения гражданского неповиновения Ганди, люди бунтовали и разрушали всё, принадлежащее правительству, особенно почтовые ящики на улицах. Они думали, что, ломая их, они разрушают почтовое отделение или правительство. Такова глупость борцов с поклонением. Те, у кого есть подлинное представление о Боге, не станут спорить друг с другом. На протяжении всей истории было несколько религиозных сражений: индуистов с мусульманами, христиан с нехристианами. Но Бог есть Бог. У Него нет материальных качеств. Изобретатели формы Бога воображают себе: "Бог такой или этакий", но человек, пребывающий в знании, знает, что Бог един, и Он трансцендентен».

«А что насчёт западной философии?» — спрашиваю я. — «Вы говорите, что всё это измышления».

«Философия без религии — это умственные спекуляции», — говорит он. – «А религия без философии – сентиментальность».

«А Платон, Аристотель?».

«Умственные спекуляции».

«А Сократ?».

«Сократ реализовал Брахман», — говорит он. – «Он был великим философом, твёрдо убеждённым в бессмертности души. Когда он был осуждён на смерть, и его попросили выпить яд из болиголова, он не сокрушался, поскольку знал, что он не подвергнется разрушению вместе со своим телом, когда они спросили его: "Ну, Сократ, как ты хочешь, чтобы мы тебя похоронили?". Он ответил: "Прежде всего, попробуйте схватить меня. Тогда уже кладите меня в могилу"».

Свамиджи смеётся от всего сердца, сотрясая все вокруг: «"Хотя бы просто схватите меня", — говорит им он. Он знал, что они могут причинить вред лишь его телу, но он был вне телесной концепции. Тем, кто находится в сознании Кришны, очень хорошо известно: "Я не есть это тело. Я являюсь неотъемлемой частичкой Кришны"».

«Сократ тоже говорил о форме Бога», — говорю я. – «Он говорил, что его учитель Диотима, попытался повернуть его от несовершенной красоты земных форм к созерцанию идеальной формы красоты».

«Да, это философия!» — говорит Свамиджи. – «Сейчас наши глаза заняты созерцанием мирской красоты. Но мы должны отвлечь наши глаза от наслаждения этой красотой, и вместо этого созерцать красоту внутри. Точно так же с ушами и другими чувствами: мы должны слушать *омкару*, звук имени Бога, изнутри. Все чувства должны быть отвлечены от внешней деятельность и сосредоточены на форме Кришны в сердце. Это является совершенством йоги и философии. Конечно, ум очень беспокоен и возбуждён, так что это самое трудное».

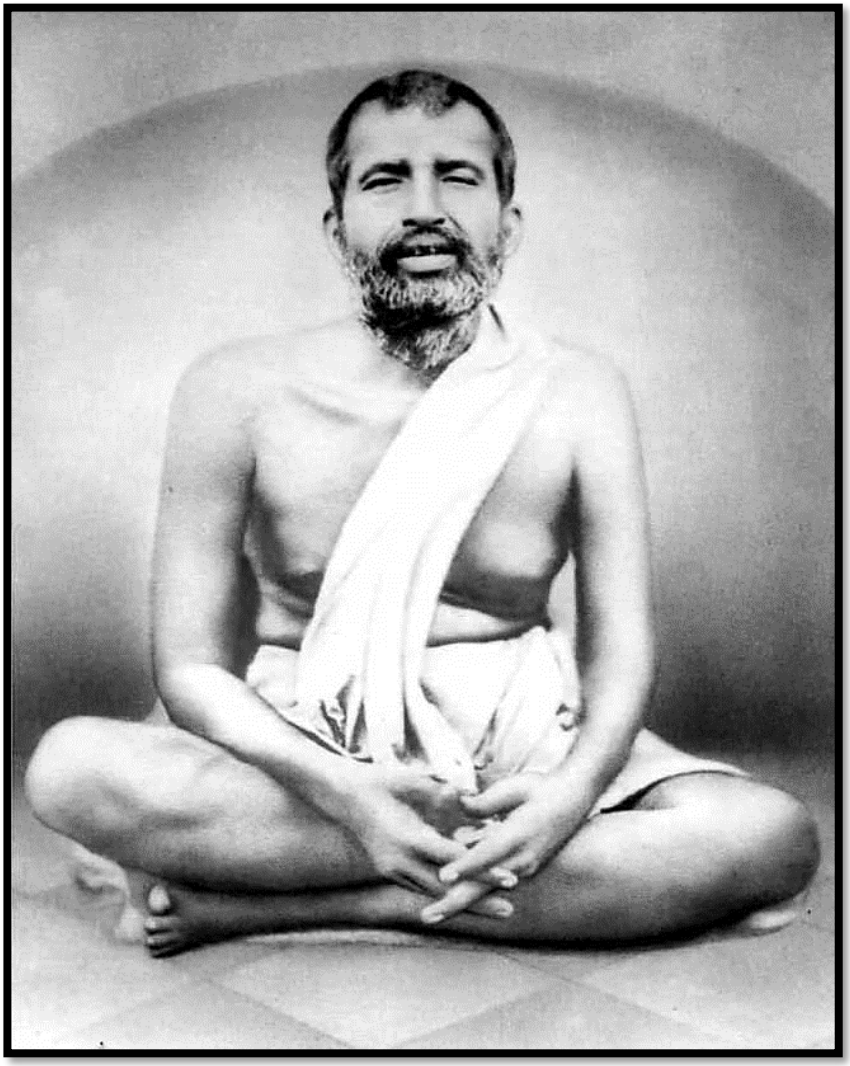
«А что насчёт Рамакришны?» — спрашиваю я. – «Он был преданным?».

Платон (ок. 428–348 гг. до н.э.)
и его ученик Аристотель (384–322 гг. до н.э.)

Платон — один из самых известных философов Древней Греции. Увлекшись в юности учением Сократа, Платон много путешествовал по миру. В 397 г. до н. э. он основал в Афинах философскую школу, известную под названием Академия (она находилась в саду, посвященном древнегреческому герою Академу).

Аристотель почитал своего учителя, но его философия в конечном итоге в важных отношениях отошла от Платона. Художник Рафаэль изображает Платона с Аристотелем беседующих вместе в окружении философов, раннего и более позднего возраста и ученых. Платон, держит копию своего диалога Тимей в руках и указывает на небеса вверх; а Аристотель, указывает на мир держа свою Этику.

Рамакри́шна Парамаха́мса.
(18 февраля 1836, Камарпукур, Бенгалия — 16 августа 1886, Калькутта).
Индийский гуру, реформатор индуизма, мистик и проповедник.

Шри Рамакришна выработал идеи о сознании, которое снисходит в феноменальный мир после испытания им состояния самадхи, которое он назвал «вигьяна». Кроме утверждения высочайшей верности Адвайта Веданты, он также провозгласил, что принимает как «Нитья» (Вечный Субстрат) так и «Лилу» (динамическую Феноменальную Действительность) как аспекты одного Брахмана. Так же одна из идей: «Джива – есть Шива».

Сва́ми Вивекана́нда.
(12 января 1863, Калькутта — 4 июля 1902 Белур)

Индийский философ Веданты и йоги, общественный деятель, ученик Рамакришны и основатель Ордена Рамакришны и Миссии Рамакришны, масон. Создал понятие «даридра нараяна сева» — служение Богу, видя Его присутствие в бедных людях и так же настойчиво рекомендовал практику брахмачарьи (целибата).

«Нет. Он был каким-то безумным монахом».

«Правда? Меня всегда учили, что Рамакришна был одним из многих знаменитых святых Индии! А Вивекананда?».

«Мошенник, женопоклонник. Он говорил, что Бог — это *даридра-нараяна*, "бедняк на улице". Так что, Миссия Рамакришны — это" открытие больниц и проповедь гуманизма". Они скажут вам, что Бог — это голодающий человек на улице. Какая ерунда! Господь Брахма говорит: "*чинтāмаṇи-пракара-садмасу калпа-вркша*". Кришна пасёт коров в обители, где все дома из духовных драгоценных камней, и Его окружают миллионы деревьев желаний, и Ему служат сотни тысяч богинь процветания. Так что, Он не бедняк, но Рамакришна был бедняком. Он так много занимался сексом, что стал импотентом, и тогда стал поклоняться женщинам как своей матери, и даже назвал какую-то проститутку Святой Матерью. Какой мошенник! Потом Вивекананда назвал его Богом. Но Бог — это не дешёвка. Мы должны вначале понять, что такое Бог. Он — Бхагаван, обладающий всеми достояниями. Мы должны узнать о Бхагаване от Самого Бхагавана. Любой человек, который говорит, что он Бог, на самом деле противоположность этому – "дог"» (игра английских слов God – Dog, примечание ред.).

Соглашаясь или не очень, я сижу и слушаю. Постепенно, по мере того как я увлекаюсь слушанием, согласие утрачивает свою важность. Он так сильно уверен в одном: «Кришна – Бог». Я никогда до этого не видел никого, кто так абсолютно, безо всяких сомнений, убеждён. И его убеждённость заразительна. Она становится основой нашей веры.

*** * ***

«Я хочу провести воспевание в одном из парков поблизости», — неожиданно говорит он в одно утро. – «Я предоставляю вам решить, в каком».

Воспевать на публике? Мы все удивлённые сидим молча. «Кришнаизм», проповедующийся на улице? Что подумают люди? Поскольку Свамиджи горел желанием пойти, мы в конце концов

согласились. Посовещавшись, мы решили, что Вашингтон Сквер — лучше всего.

В полдень следующего дня мы следуем за Свамиджи по Третьей улице до Вашингтон Сквер. Ньюйоркцы даже притормаживают свои машины, чтобы посмотреть на десять молодых людей, идущих за святым индусом, который повторяет на чётках и одет в одежды шафранового цвета. Отдавая себе отчёт, зная, что мы делаем из себя зрелище для публики, мы продолжаем держать свои глаза прикованными к Свамиджи, который несмотря ни на что проплывает по поверхности всего этого, как лебедь по воде, по-видимому, не подозревающий о звёздах и простолюдье.

«Эй, смотри! Этот старик забыл снять пижаму!» — кричит шайка хулиганов итальянцев.

Не обращающий внимания на их насмешки, Свамиджи идёт легкой походкой, поистине ощущая экстаз от того, что возглавляет это шествие по улице. Что он делает? Я удивляюсь. Неужели он думает заполнить весь Манхэттен воспеванием Харе Кришна? Что должны думать люди?

Мы следуем за ним через воскресную толпу — играющие дети Пуэрто Рикана, пара прогуливающихся негров, длинноволосые парни, играющие во фрисбис (летающая тарелка), пары пожилых поляков, сидящие на скамейках, человек из Хорошего Юмора, торгующий мороженым, итальянцы, возящиеся со своими мотоциклами, целующиеся влюблённые, и подростки, колотящие в барабаны бонго. Можно понять, что глаза всех поворачиваются на нас. Поправляя свои одежды и выскальзывая из своих белых туфель с острыми носами, Свамиджи усаживается удобно и основательно рядом с подростками и вывеской «Не ходите по газонам». Мы тоже садимся, опасаясь, что мы, наверняка, совершаем нечто противозаконное. Он начинает ударять в звонкие металлические цимбалы: *«Чиньг, чиньг, чиньг, чиньг, чиньг».*

«*Харе Кришна, Харе Кришна, Кришна Кришна, Харе Хар*е», — воспевает он.

Мы повторяем за ним. Один из ребят одалживает нам свой барабан бонго, и нам удаётся подыгрывать ритму Свамиджи. Собирается небольшая толпа. Минуты длятся как вечность. Моряк гасит о землю свою сигарету.

«Что за ад?» — жалуется он.

Через мгновение два плотных полицейских приближаются, расталкивая толпу.

«О'кей, кто здесь за главного?» — спрашивает один.

Мы можем указать только на Свамиджи.

«Разве вы не видите вывеску?» — кричит полицейский.

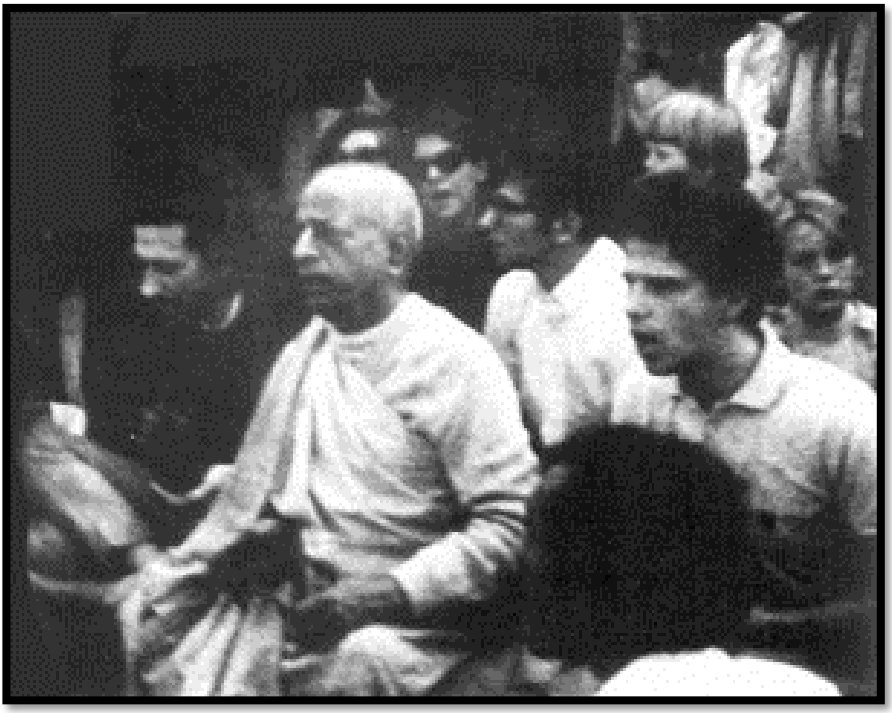
Свамиджи смотрит на табличку «Не ходите по газонам». Он чарующе улыбается полицейским и смиренно сходит с газона на асфальт. Мы спрашиваем, не хочет ли он, чтобы кто-нибудь сбегал назад на Вторую Авеню за подстилкой, но он отвечает: «Нет», и ещё раз основательно усаживается, в этот раз на горячий асфальт. Мы садимся в круг вокруг него. По мере того, как людей собирается всё больше и больше, уплотняется толпа, окружающая нас, Свамиджи ведёт воспевание где-то около тридцати минут, но для нас время остановилось на Воротах Вашингтон. Сияющий, в своих шафрановых одеждах, Свамиджи даёт начало первому публичному воспеванию «Харе Кришна» в Америке. Мы единственные, кто повторяет за ним. Все остальные просто глазеют. Когда воспевание завершается, Свамиджи поворачивается к Рою. Люди ожидают какого-то объяснения.

«Шримад-Бхагаватам», — говорит Свамиджи.

Рой вручает ему первый том. Свамиджи открывает предисловие и затем вручает книгу мне.

«Читай», — говорит он.

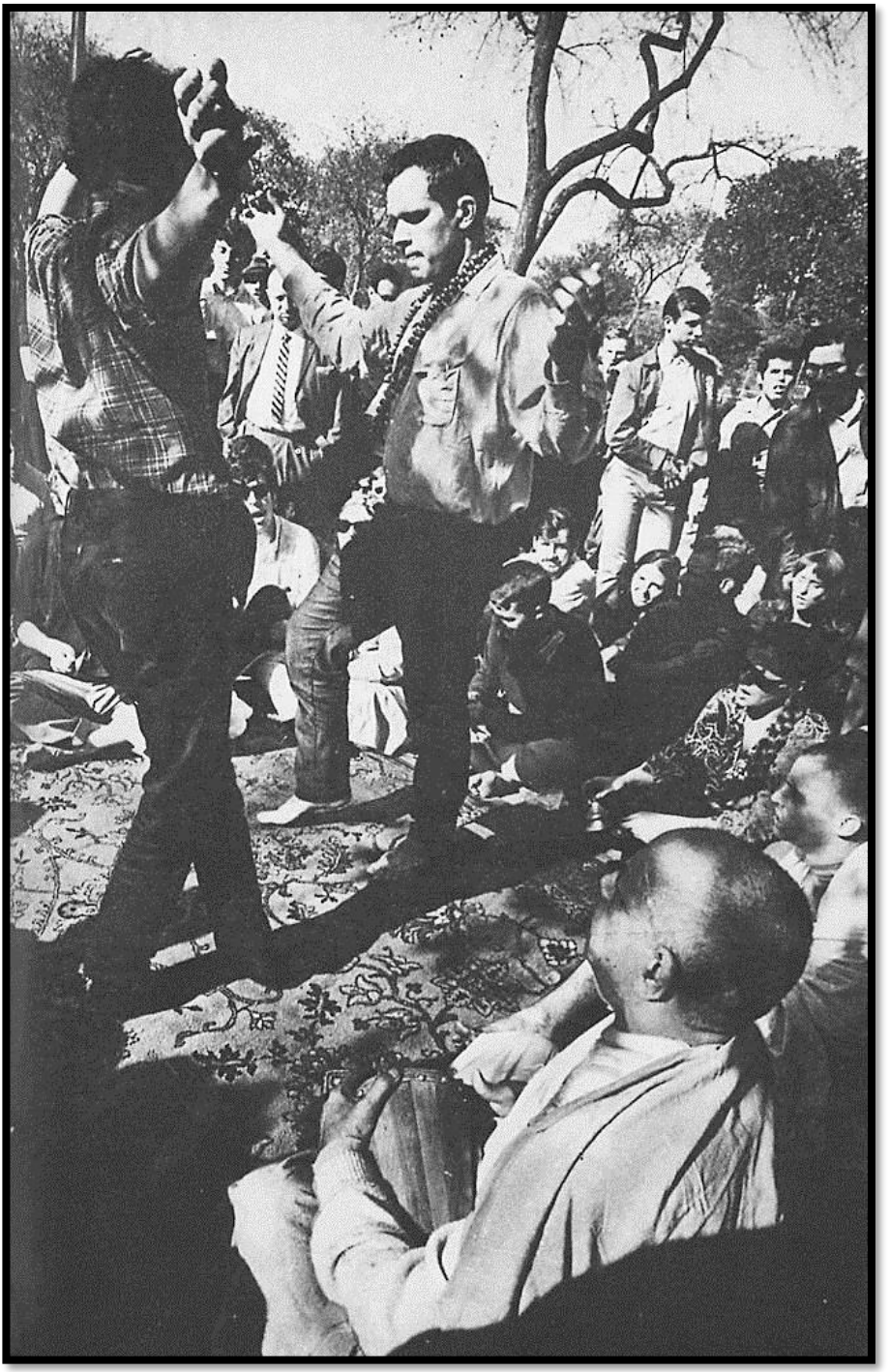
Я встаю и зачитываю громким голосом всё предисловие.

Шрила Прабхупада идёт на первую харинаму санкиртану в Нью-Йорке, 1966 г.

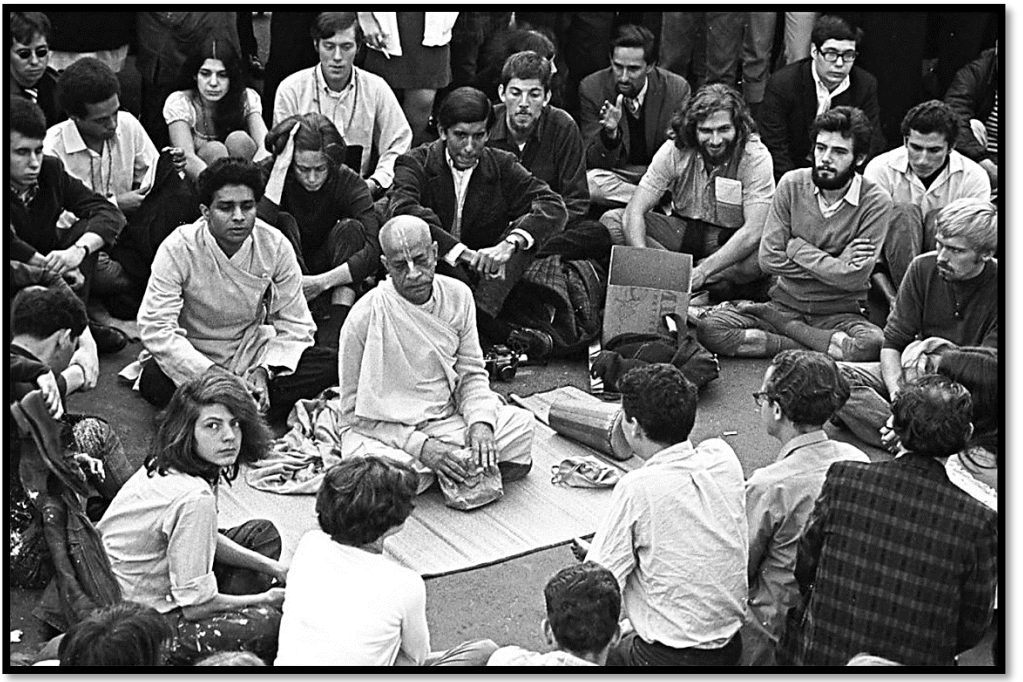
Шрила Прабхупада в Вашингтон Сквер (Томпкинс парк), Нью-Йорк.

Первый танец в Томпкинс-Сквер (Вашингтон Сквер), Нью-Йорк, 1966 г.

Томпкинс Сквер (Вашингтон Сквер), Нью-Йорк.

Шрила Прабхупада в Томпкинс Сквере.

Довольно удивительно, но люди меня слушают: «Причиной социальной дисгармонии является беспринципность атеистической цивилизации. Но Бог есть, Всемогущий Господь, из которого всё исходит, который все поддерживает и в которого всё возвращается на покой. Попытки материалистической науки обнаружить изначальную причину творения не привели к успеху, однако такая единая причина, первоисточник всего сущего, несомненно, существует. Логичное и авторитетное объяснение этого изначального источника всего сущего содержится в прекрасном "Шримад-Бхагаватам"».

Пока я читаю, я с трудом узнаю свой голос, ибо, кажется, что что-то большое говорит через меня. Несмотря на нашу робость, начиная отдавать себе отчёт во всём происходящем, мы ощущаем странную радость от нашего первого публичного *киртана*. Свамиджи был прав, во время публичного воспевания мантра ещё более могущественна.

*** * ***

Вернувшись обратно на Вторую Авеню, Рой спросил Свамиджи, доволен ли он нашим первым появлением на публике?

«Это было замечательно», — удовлетворенно говорит он. – «Теперь вы можете выходить в полдень и воспевать на улицах и в парках. Господь Чайтанья особо рекомендовал движение *санкиртаны,* публичное воспевание, для этого века *Кали*. Нет другого пути.

харер на̄ма харер на̄ма харер на̄маива кевалам
калау на̄стй эва на̄стй эва на̄стй эва гатир анйатха̄

Повторяется три раза для того, чтобы подчеркнуть особое значение: "Нет другого пути, нет другого пути нет другого пути к спасению в *Кали-югу*"».

Соглашаясь или не соглашаясь, мы продолжаем воспевание. Я стучу в бас-барабан, ножной корнет. Рой играет на бонго. Стив и Кейт стучат в *караталы.* Мы обходим Нижний Ист Сайд, заходим в Вилледж, затем кружим по Китай-городу, беспокоя буддистов.

* * *

Мы принимаем *прасадам* вместе во Свамиджи каждый день. *Прасадам* означает «милость». Свамиджи объясняет, что сначала мы должны замечательным образом приготовить пищу и затем предложить её Кришне. Кришна вкушает её просто глядя, а потом милостиво оставляет всё нам. Тогда нам дозволяется принять её. Свамиджи учит Кейта готовить, а позже Чарльз помогает им.

«Когда я был на корабле, я спрашивал себя, понравится ли американским юношам и девушкам *прасадам*», — смеётся Свамиджи.

Мы смеёмся вместе с ним, одновременно с этим чрезвычайно наслаждаясь *прасадам*. Когда я расспрашиваю Свамиджи о его путешествии на корабле в Америку, он рассказывает нам, что в начале он заболел морской болезнью. Поскольку он не мог есть пищу, приготовленную непреданными и не предложенную пищу, ему позволили готовить в своей собственной каюте.

Мы с Кейтом были поражены, узнав, что Свамиджи приплыл на Джаладуте «Скиндиа Лайн», том же самом корабле, который вёз нас в Индию. Вскоре после того, как Свамиджи сошёл с корабля, мы зашли на его борт.

«Всё это было устроено Кришной», — смеётся Свамиджи. – «Вам не нужно искать *гуру*. Как только Кришна видит, что вы искренние, он посылает к вам *гуру*».

* * *

Прасадам быстро становится популярным трансцендентным деянием. Свамиджи накладывает всем пищу на тарелку: суп из мунг бобов (*дал*), белый рис, тушёные овощи и *чапати,* индийский хлеб, плоские лепешки из пшеничной муки. В задних апартаментах Свамиджи мы сворачиваем Ориентальский ковёр и садимся на деревянный пол вдоль стен.

Предлагая пищу изображению Господа Кришны, Господа Чайтаньи и Его последователей, Свамиджи звонит в маленький

колокольчик и читает молитвы. Мы все сидим и ждём. Нас стало больше — теперь дюжина. Жена Майка, Джен, единственная женщина, не приходит на полуденный *прасадам* в задних апартаментах. Свамиджи сидит на корточках и передвигается согнувшись, раздавая *прасадам* из большой тарелки для предложения, которую он продвигает перед собой.

Пока он берёт рис и овощи своей рукой и кладёт понемногу каждого блюда, мы повторяем за ним молитву на бенгали, а затем на английском: «Это материальное тело — комок невежества, а чувства – это тропинки, ведущие к смерти. Мы пали в этот океан материального чувственного наслаждения. Из всех чувств язык – самый ненасытный и неукротимый. В этом мире чрезвычайно трудно совладать с языком, но Кришна очень добр к нам. Желая помочь нам обуздать язык, Он послал нам чудесный *прасадам*. Так давайте же вкушать этот *прасадам* до полного удовлетворения, прославляя Их Милости Шри Шри Радху и Кришну, и с любовью взывая о помощи к Господу Чайтанье и Господу Нитьянанде».

По началу мы берём только по одной *чапати*.

«Берите ещё», — настаивает Свамиджи.

«О, нет. Этого достаточно».

«Ну хотя бы ещё одну».

Он шлёпает *чапати* на наши тарелки. Стэнли, высокий и худощавый, в конце концов съедает десяток. Свамиджи выкладывает их перед ним горкой. Наш аппетит возрастает по мере того, как Свамиджи подталкивает нас брать ещё и ещё. Я вспоминаю, что в Индии я тоже ел рис, *дал*, *чапати* и тушёные овощи, но это не было *прасадам*. *Прасадам* более сочный, потому что к нему прикоснулись пальцы Свамиджи. И, как говорит Свамиджи, Кришна коснулся его Своим взглядом.

Когда к полудню начинает приходить больше людей, и вкушение в апартаментах Свамиджи становится неотъемлемой частью жизни каждого, *прасадам* забирают из кухни вниз, в храм и распространяют

там. Свамиджи, однако, продолжает вкушать у себя в комнате. Кейт и Чарльз готовят, и груда горячих *чапати* проносится вниз по лестнице к ученикам и гостям.

«У меня много блюд, которым вам нужно будет обучиться», — говорит Свамиджи Кейту и Чарльзу. – «Но сначала вы должны очень хорошо усвоить эти основные».

чатур-видха-шр́ī-бхагават-прасāда
свāдв-анна-трптāн хари-бхакта-санѓхāн
кртваива трптим̇ бхаджатаḥ садаива
ванде гуроḥ шр́ī-чараṇāравиндам

«Духовный учитель всегда предлагает четыре вида пищи Кришне, и когда он видит, что преданные вкушают *бхагават-прасадам*, он удовлетворён. Я предлагаю свои почтительные поклоны его лотосным стопам...»

«Наш метод не сухой», — говорит Свамиджи, вручая *чапати* каждому из учеников. – «Он полон сока, полон нектара».

И он учит Кейта, как готовить «сладкие шары» (*гулабджамуны*), плавающие в кипящем масле и сахарном сиропе. Свамиджи называет их «пулями ИСККОН», нашим «подрывным средством против *майи*». Мы сидим перед большой чашкой и пронзающими сладкими шарами, которые плавают в ней по самый верх. Постепенно мы узнаём, что знание рецептов у Свамиджи так же велико, как и его знание Вед.

«Есть так много блюд», — говорит он, — «и я научу вас им одному за другим. Но сначала вы должны научиться быть очень, очень чистоплотными. И никогда не пробуйте пищу, когда готовите. Если вы пробуете — всё испорчено. Всё, что бы мы ни предлагали Кришне, должно быть чистым. Вы должны научиться этому. Такова квалификация *брахмана* – чистота».

*** * ***

Поскольку говорили, что Аллен Гинзберг воспевает Харе Кришна на маршах мира и поэтических чтениях, мы послали ему одно из

трансцендентных приглашений Свамиджи: «Приходите сами, и приводите своих друзей. Мы ждём Вас».

Аллен вместе со своим другим Питером Орловским подъезжает на микроавтобусе Фольксваген. В пышной бороде Аллена нет ни одного седого волоса, его голова значительна лишена волос. Ему сорок два года, и он находится на вершине своей славы поэта-литератора контркультуры. Немного отдавая себе отчёт, он приносит с собой красивую новую фисгармонию из Калькутты.

«Это для *киртанов*», — говорит он, — «небольшое пожертвование».

Как обычно, Свамиджи спускается к семи и ведёт *киртан.* Аллен присоединяется, раздувая меха медлительной, с дрожащим гудением, фисгармонии. После лекции, он выходит вперёд и предлагает Свамиджи поклоны касаясь его стоп, что является обычным для Индии жестом. Когда Аллена представляют Свамиджи, тот приглашает его утром принять вместе с нами *прасадам*. Затем Свамиджи удаляется к себе в комнату.

«В какое время мне нужно прийти?» — спрашивает Аллен.

«К 11.00 утра», — предлагаю я. – «Вы можете побеседовать со Свамиджи до *прасадам*».

Аллен колеблется, потом нахмуривается. Кажется, что его что-то беспокоит, трудно точно сказать, что.

Он произносит: «Вам не кажется, что Свамиджи немного слишком... ну, эзотеричен для Нью-Йорка?».

Я останавливаюсь и удивляюсь. Я никогда не думал, что Свамиджи эзотеричен, хотя за ним стоит тяжесть авторитета Вед. Однако, Аллен со времён его поэмы «Вой 1955 года» почитается как антиавторитарист.

«У нас появилась проблема», — говорю я, меняя тему разговора. – «Виза Свамиджи выходит, и нам нужен адвокат по иммиграции».

«Мы поможем в этом», — говорит Аллен. – «Утром я принесу чек, для начала, на 200$».

Они с Питером уходят. Хотя с деньгами у нас плохо, я собирался попросить его всего лишь порекомендовать нам адвоката.

* * *

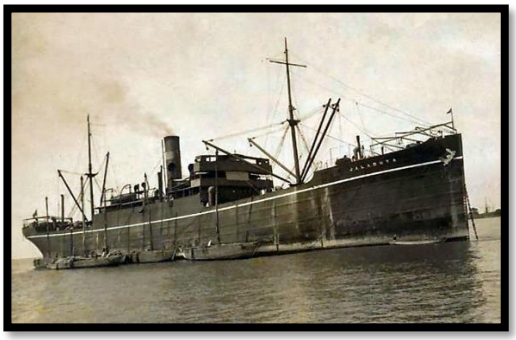
Аллен приезжает утром, он приносит с собой портативную фисгармонию, приобретённую им в Бенаресе. Сидя перед Свамиджи в его задних апартаментах, он поёт Харе Кришна на старинный мотив. Мелодия очень приятная, и голова Аллена раскачивается назад и вперёд, в то время как он раздувает меха фисгармонии, используя только гудение и позволяя своему голосу вторить мотиву.

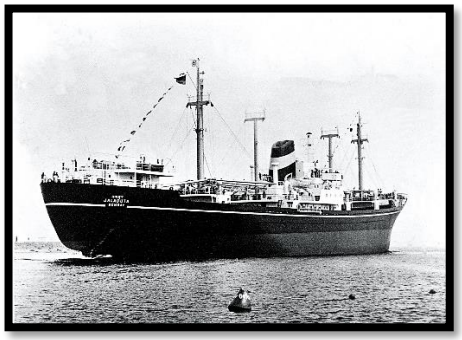
Его пение отличается от пения Свамиджи. Я почти ожидаю, что увижу, как появится монах с чашей. Свамиджи более радушен. Он улыбается и начинает объяснять философию Господа Чайтаньи.

«Он всегда вёл выступление *санкиртаны* по улицам», — говорит Свамиджи, — «и открыл движение гражданского неповиновения в Индии. Когда правительственные чиновники сломали барабаны *санкиртаны*, Чайтанья Махапрабху лично повёл тысячи людей ко дворцу Чанда Кази. Так что, вы — очень влиятельный человек. Я прошу вас воспевать эту Харе Кришна мантру на ваших поэтических чтениях и других публичных мероприятиях».

Цитируя «Бхагавад-Гиту», Свамиджи говорит Аллену, что обычные люди следуют действиям великого человека и склонны подражать ему.

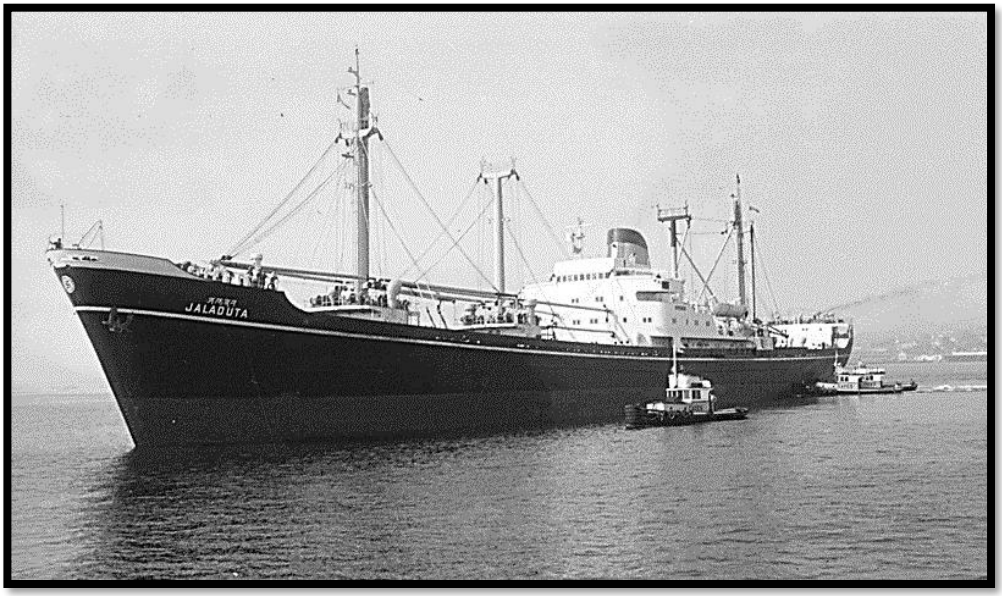
«Что бы ни делал великий, другие следуют ему», — говорит Свамиджи. – «Так что, это великая возможность для вас вести это движение сознания Кришны. Харе Кришна может очистить каждого. Когда лев в джунглях рычит, даже слоны бегут прочь. Эта трансцендентная звуковая вибрация, Харе Кришна, подобна рыку льва. Она прогонит прочь всех слонов нечистот, всю эту огромную свалку мусора, грязи, которая накопилась в наших умах за многие, многие рождения».

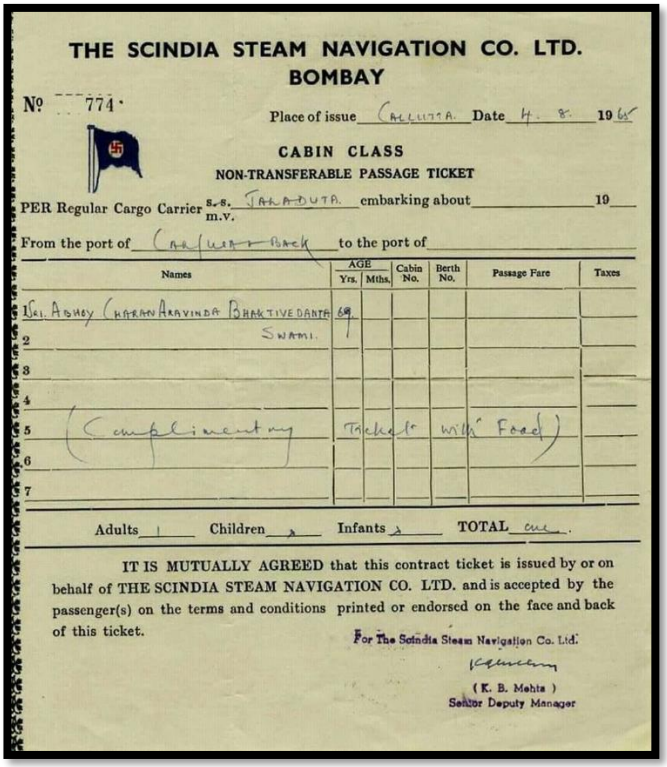

Корабль «Джаладута».
Всего было выпущено три «Джаладуты» в разные годы.
В 1904 году (верхнее слева), в 1927 (верхнее справа)
и все они были списаны до 1963 года.

Корабль на фотографии внизу был построен в 1959 году и был списан 1983 году. На этом корабле Шрила Прабхупада прибыл из Индии в Америку в октябре 1965 года, а Говард Уиллер (Хаягрива дас), отправился в Индию в это же самое время, в октябре 1965 года, на этом же корабле.

THE SCINDIA STEAM NAVIGATION CO. LTD.
BOMBAY

No. 774

Place of issue CALCUTTA Date 4. 8. 1965

CABIN CLASS
NON-TRANSFERABLE PASSAGE TICKET

PER Regular Cargo Carrier s.s. / m.v. JALADUTA embarking about ____ 19__

From the port of Calcutta Back to the port of ____

	Names	AGE Yrs.	AGE Mths.	Cabin No.	Berth No.	Passage Fare	Taxes
1	Srl. Abhay Charan Aravinda Bhaktivedanta Swami.	69					
2							
3							
4							
5	(Complimentary Ticket with Food)						
6							
7							

Adults 1 Children - Infants - TOTAL nil.

IT IS MUTUALLY AGREED that this contract ticket is issued by or on behalf of THE SCINDIA STEAM NAVIGATION CO. LTD. and is accepted by the passenger(s) on the terms and conditions printed or endorsed on the face and back of this ticket.

For The Scindia Steam Navigation Co. Ltd.

(K. B. Mehta)
Senior Deputy Manager

Билет Шрилы Прабхупады на «Джаладуту»

Маршрут корабля «Джаладуты» из Калькутта в Нью-Йорк

Аллен внимательно слушает. Хотя и восприимчивый, он, кажется, противится обращению себя. Пока ещё не полностью доверившийся, он обещает больше воспевать и бросить курить.

«А вы действительно намереваетесь сделать из этих американских парней вайшнавов?» — спрашивает он перед уходом.

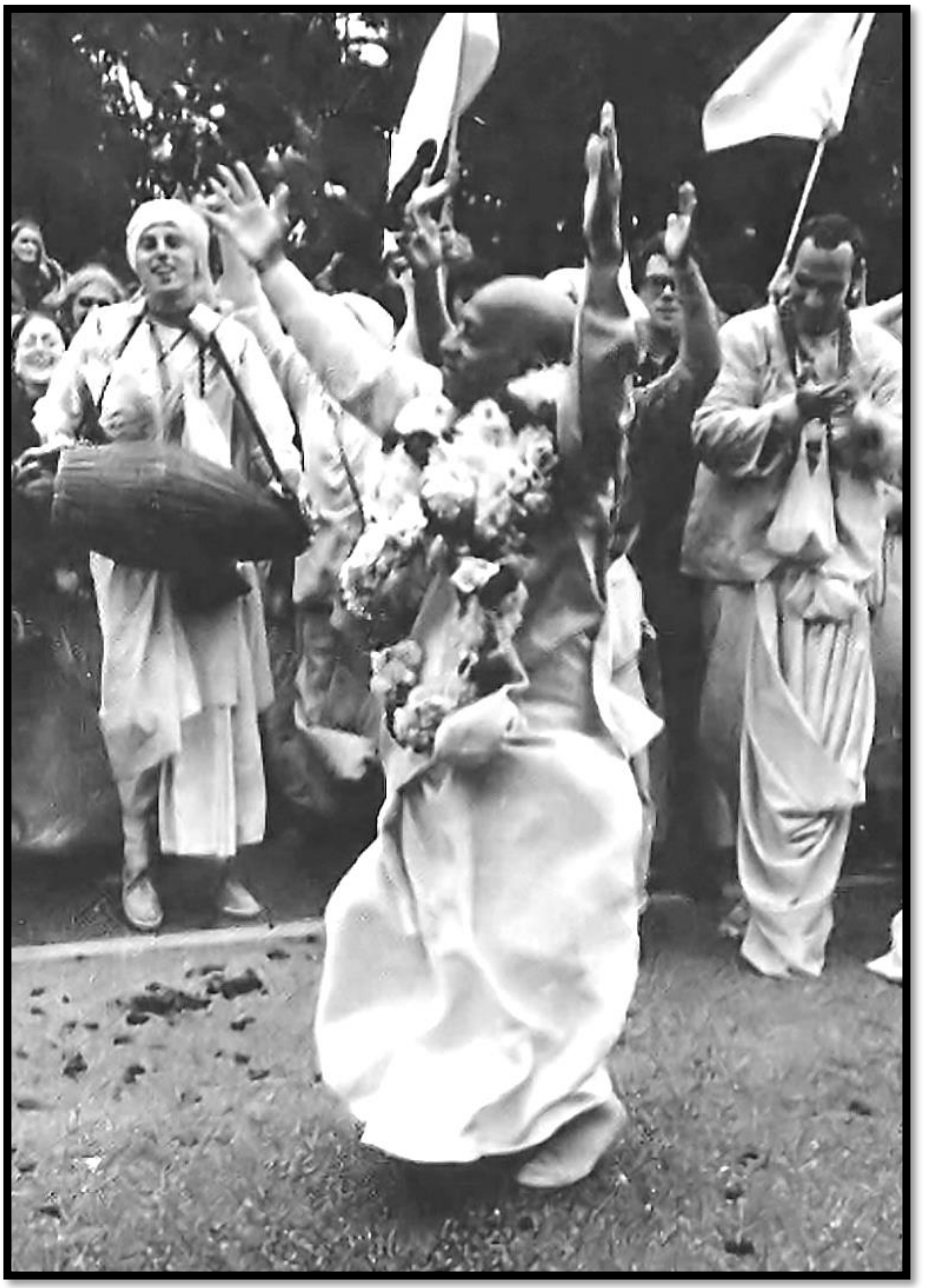
«Да!» — сияюще улыбается Свамиджи. – «И я сделаю всех их *брахманами*!».

«*Брахманами*?!».

Аллен оказывается застывшим в изумлении от того, что кто-то отважился превратить нас в *брахманов*.

«Ну, всего хорошего, Свамиджи», — желает он ему, вручая чек для помощи с визой.

Глава 3. Кто сумасшедший?

Вторая Авеню, дом №26 «Бесценные Дары». Нет сомнений в том, что для большинства жителей Нью-Йорка это не больше, чем запущенный магазинчик, в котором можно было бы открыть ломбард. Что же до шумного уличного движения и наших соседей — корпорации посылок «Экспресс», похоронного бюро «Гонсалес», «Мемориалы Братьев Вайцнер», бара «Красная Звезда» и автозаправочной станции «Мобил» — никто из них не подумал бы, что это — Вайкунтха. Но для нас «Бесценные Дары» становятся храмом, частью Вриндавана, из-за присутствия Свамиджи и тех слов, которые произносятся там. Кейт, Уолли и я рыщем по всем апартаментам Мотт Стрит, собирая сувениры ото всюду, где недавно были поставки из Индии: два ковра, десяток репродукций с картин, два настенных шёлковых полотна и две медные крышки для кальяна, — несём их на Вторую Авеню.

Потом, тайком от Свамиджи, мы начинаем украшать магазинчик «Бесценных Даров», превращая его в храм, подобающий для посланника Кришны. Это всё, на что мы способны. Мы кладём всё на Ориентальский ковёр, и начинаем развешивать репродукции индийских картин, шёлковые полотна и большое изображение Радхи и Кришны, выполненное Джимом Грином. Затем под картиной Джима мы сооружаем небольшое возвышение. Перед ним мы помещаем витиеватые гипсовые подсвечники, а рядом со всем этим, в поле досягаемости взгляда, мы вешаем большие латунные цимбалы, разновидность тех, что используются в оркестрах высшей школы. Когда Свамиджи входит, чтобы начать *киртан,* он смотрит с восхищенным изумлением на свежеукрашенный храм.

«О, вы делаете успехи в сознании Кришны!» — говорит он. – «Это замечательно. Это — сознание Кришны».

Когда Свамиджи садится на своё новое место на возвышении, мы все перестаем дышать, ожидая, что шаткая конструкция вот-вот рухнет. Он проводит незабываемый *киртан,* одновременно с этим нежно ударяя палкой о верхнюю часть больших *цимбал*. Потом, сойдя с возвышения, он показывает, как танцевать. Это нечто новое, и видеть это замечательно. Поднимая кверху свои руки, он ставит одну ногу перед другой и изящно, и грациозно погружается в ритм Харе Кришна.

Мы следуем за ним и танцуем в кругу. По мере того, как *киртан* всё больше разгорается, мы ударяем ложками в медные крышки для кальяна.

Придирчивые, однако, отдают предпочтение голым стенам и полу. Особенное негодование у них вызывает место на возвышении, испытывая чувство того, что Свамиджи не следует оказывать таких почестей.

«Почему он не может сидеть на полу, также, как и мы?» — выражают своё недовольство они. – «Свечи и ладан! Это снова как католическая церковь».

Но это почти не имеет значения, ибо Свамиджи доволен: «Это Сознание Кришны!».

И мы довольны просто видя, как доволен он. Наше незначительное, неловкое и не соответствующее стандарту, небольшое служение, выполненное в любви, принято.

*** * ***

Свамиджи особенно доволен двумя картинами, привезёнными нами из Индии. На одной из них — великий преданный — обезьяна Хануман, несущий гору для Господа Рамы. Рама попросил Ханумана принести Ему определённую траву, растущую на горе, и будучи не в состоянии отыскать её, Хануман принёс Ему целую гору.

«Хануман — обезьяна», — рассказывает нам Свамиджи, — «но он также является величайшим преданным Господа Рамачандры».

Другая картина изображает сияющую личность с шестью руками, стоящую с одной ногой, согнутой перед другой, в знаменитой позе Господа Кришны — *трибанга*. Две руки зелёного цвета держат лук и стрелы; две голубые руки держат флейту; а две золотистые — посох и сосуд для воды.

«О, очень хорошо», — говорит Свамиджи, удовлетворённый. – «Где вы приобрели её?».

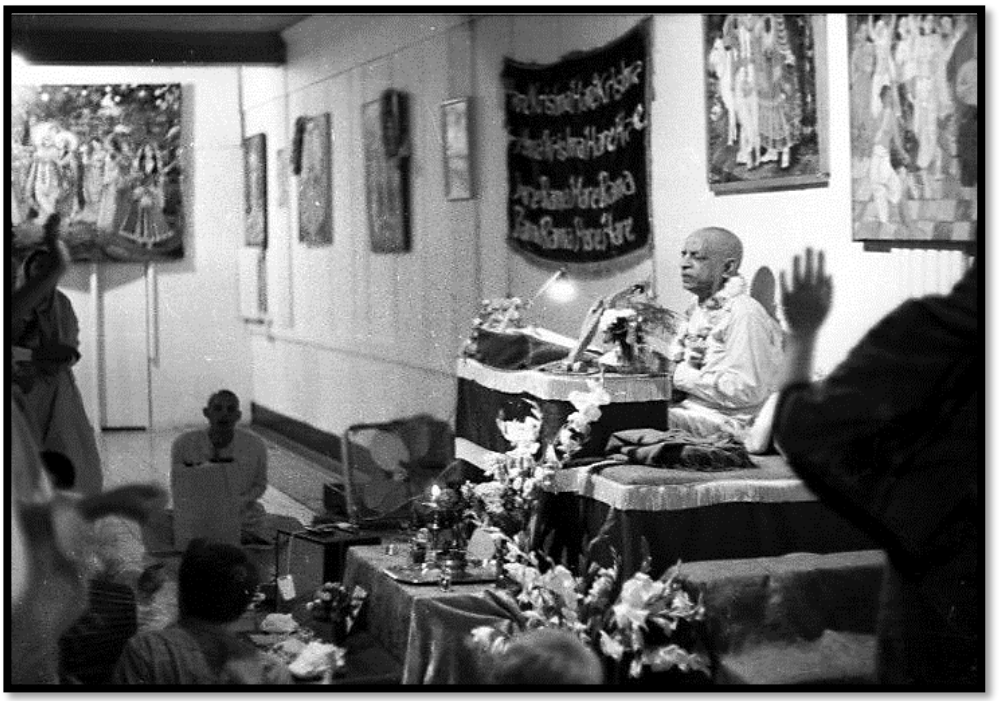

Шатбхуджа Гауранга в позе трибанга.

Две руки зелёного цвета держат лук и стрелы;
две голубые руки держат флейту;
а две золотистые — посох и сосуд для воды.

Хануман, несущий гору для Господа Рамы.

Программа на 2-ой Авеню в «Бесценных Дарах».

«В Калькутте», — говорю я.

«О, это так замечательно».

«Кто это?».

«Это Господь Чайтанья Махапрабху», — говорит Свамиджи.

«Но почему у Него шесть рук?».

«Потому что Он показывает, что является Рамой и Кришной. Это руки Рамы, а это — руки Кришны».

«А две другие?».

«Это руки *санньяси*, Господа Чайтаньи в качестве совершенного преданного».

«Значит, Господь Чайтаньи приехал за вами следом из Калькутты», -замечаю я.

«Это не случайно», — говорит Свамиджи, благоговейно глядя на изображение.

«Из всех индийских изображений вы выбрали именно это. Почему? Хотя вы и не помните этого, вы были преданными в прошлых жизнях. Теперь, из милости, Чайтанья Махапрабху пришёл. Это самое благоприятное».

*** * ***

Первоначально, лекции сейчас охватывают первые шесть глав «Бхагавад-Гиты», описывая различные систем *йоги.* Что является совершенством *йоги?*

«*Хатха-йога* – означает подавлять своё дыхание и сидеть неподвижно, — но так больше уже невозможно», — говорит Свамиджи. – «В этом веке *Кали,* люди ведут жизнь, полную

невежества и бед, которая коротка. Не может быть и речи о том, чтобы спокойно сидеть и пытаться медитировать, чтобы поставить ум под контроль. Арджуна, на том уровне, на котором он находился, назвал этот метод наиболее трудным. "Ум", — сказал он, — "столь же трудно контролировать, как ветер". Однако, разве Кришна в "Бхагавад-Гите" говорит Арджуне отправляться в лес и праздно сидеть в некой позе лотоса? Нет, это невозможно. Мы, по природе своей, деятельны, и духовная жизнь означает деятельность в соответствии с *дхармой*. Подобно Арджуне, мы можем быть другом Кришны, если мы работаем для Него и удерживаем свой ум всегда сосредоточенным на Нём. Такова *бхакти-йога,* наивысшая *йога* — работа для Кришны с преданностью. Господь Чайтанья сказал своим ученикам: "Проповедуйте эту истину, которой я учу: кого бы вы не встретили, просто попытайтесь сообщить ему о послании "Бхагавад-Гиты". Если вы просто пытаетесь делать это, вы являетесь совершенным *йогом*"».

«Почему то, что Арджуна хотел оставить поле битвы — это неправильно?» — Спрашивает после лекции Стэнли. – «Он просто пытался делать то, что было правильно».

«Арджуна хотел отказаться от битвы ради своего чувственного удовлетворения», — говорит Свамиджи. – «Он хотел избежать сражения со своими родственниками. С материальной точки зрения, это кажется очень хорошо, что Арджуна отказывается от своего притязания на царство, дабы удовлетворить родственников. За это мы назвали бы его замечательным человеком. Но Кришна не подтверждает этого. Почему? Потому что основной принцип был не верен: Арджуна решил не сражаться, чтобы удовлетворить свои собственные чувства. Это — *кама*, вожделение, прихоть. Кришна произносит "Бхагавад-Гиту", чтобы показать Арджуне, что тому не следует ни отказываться от своей предписанной деятельности в качестве воина, ни менять её на другую. Но ему следует изменить своё сознание с деятельности, направленной на собственное чувственное удовлетворение, на деятельность для Кришны».

«Но разве то, что Арджуна хотел мира, было неправильно?» — спрашивает Стэнли.

«Сначала вам следует узнать истинную основу мира», — говорит Свамиджи. — «Люди постоянно строят планы, чтобы в мире был мир, но они не знают истинной формулы мира. За последние двадцать лет, или около этого, Объединенные нации прилагали все усилия ради мира, но война по-прежнему продолжается. Формула даётся в "Бхагавад-Гите":

бхоктāрам̇ йаджн̃а-тапасāм̇
сарва-лока-махеш́варам
сухрдам̇ сарва-бхӯтāнāм̇
джн̃ātвā мāм̇ ш́āнтим рччхати

«Я являюсь тем, кому всё принадлежит и тем, на кого в конечном счёте направлена вся благотворительная деятельность. Всё, чтобы ты ни делал, делай это ради Меня». (БГ 5.29)

Мир невозможен, если мы не признаём Кришну истинным владельцем всего».

«Но, чтобы прийти к миру, разве мы не должны поверить в то, что любая война плоха?» — спрашивает Стефан Голдсмит.

Мистер Голдсмит сидит в раскладном кресле в дальнем конце храма. На нём одет костюм и галстук. Он молодой, немного щеголеватый, предприимчивый адвокат, помогавший Свамиджи основать Общество.

«Да», — говорит Свамиджи.

«Но "Бхагавад-Гита" учит, что есть хорошая война и есть плохая война. Это значит, Кришна считал, что для Арджуны было правильным убивать врагов, поскольку это была праведная война?».

«Да».

«Хорошо...» — Мистер Голдсмит колеблется, неуверенный в позиции Свамиджи. – «Хорошо, если у вас такая философия, к какому же миру вы придёте?».

«Тогда, что вы подразумеваете под миром?».

«Отсутствие войны».

«Необязательно», — говорит Свамиджи. – «Отсутствие войны необязательно является миром. Просто обдумайте это. Допустим, войны нет. Вы думаете, что все спокойны? Спросите любого, спокоен ли он. Прекращение войны не гарантирует мира. Есть бесчисленное количество вещей, беспокоящих вас, и война — всего лишь одна из них. Нам следует освободиться ото всех беспокоящих факторов, приняв Сознание Кришны».

«Хорошо, но как это возможно, что Кришна Сам был сторонником войны?» — упорствует Мистер Голдсмит. – «"Бхагавад-Гита" открывается войной».

«Да, война была необходима. Вы не можете абсолютно искоренить войну из социальной жизни. Почему же тогда правительство содержит армию и службу полиции, если нет необходимости в законах или приказах?».

«Ну хорошо, если вы считаете, что война необходима, тогда на этом наш разговор окончен», — говорит Мистер Голдсмит раздражённо.

«Поскольку вы считаете, что война необходима, то Кришна тоже считает, что она необходима. Что касается материального существования, то здесь необходимо такое множество вещей», — говорит Свамиджи. – «Материальное существование означает *джанма-мр̣тйу-джарā-вйāдхи:* рождение, старость, болезни и смерть. Эти четыре составляющих не зависят от войны или мира. Есть война, или нет, ваша проблема всё равно заключается в этих материальных путах. Пока существует человеческое общество, в нём иногда будет война, а иногда — мир. Но учёный человек видит, что несмотря на то, что он не хочет стариться и умирать, старость, болезни и смерть всё же существуют. Это настоящие проблемы. Война — это не единственное беспокойство. Может случиться очень сильная жара или холод, сильный ливень или засуха. Может подняться уровень воды в

Атлантическом океане, и этот прекрасный Нью-Йорк будет поглощён стихией. Есть так много беспокойств, которые мы претерпеваем от природы, материальных проблем, и пока мы имеем эти материальные тела, мы должны будем сталкиваться с ними. Абсолютным решением является Сознание Кришны. "Бхагавад-Гита" не говорит прекращать войну, она говорит прекратить ваши повторяющиеся рождения и смерти. "Бхагавад-Гита" не считается с принципом войны. Войны будут продолжать происходить пока существует человеческое общество. Как вы можете остановить их?».

«Да, но некоторые люди не считают, что войны необходимы», — говорит Мистер Голдсмит.

«Некоторые люди могут по глупости считать так, но никогда не было так, чтобы в человеческом обществе не было войн. Так что, войны будут продолжаться».

«Но и времени, когда все приняли бы Кришну, в истории человечества тоже не было», — заявляет в ответ Мистер Голдсмит.

«Если бы все были сознающими Кришну, в этом материальном мире уже никого бы не было», — говорит Свамиджи. – «Тогда бы уже и речи не могло быть о войне. Мой вывод таков, что война не является единственным беспокойством. Мы должны полностью покончить со всеми беспокойствами, приняв это Сознание Кришны. Теперь давайте устроим *киртан*!».

* * *

Показывая нам, как практиковать Сознание Кришны, и обеспечивая себе уверенность в том, что мы не сбежим с поля битвы, Свамиджи занимает нас самыми различными способами. Кейт и Чарльз готовят. Рой стережёт магнитофон. Стив заменяет пластмассовые буквы на окне, в объявлении о лекциях, Стенли вывешивает на стене в ванной комнате напоминание:

«Если вы не заняты, вы падёте в *майю*».

Убедившись в том, что мы заняты, Свамиджи отправляется на Большой Остров посмотреть на какие-то печатные станки, продающиеся там. Станки старых моделей с трафаретами, долго прибывавшие в пользовании, но всё еще работающие. Свамиджи приобретает два станка, по 75$ каждый. Когда он возвращается обратно на 2-ую Авеню, я тут же начинаю набирать трафареты для его очерка «Кришна — Источник Наслаждения». Мы выпускаем около 100 копий, и Свамиджи доволен.

«Мы должны начать свои публикации», — говорит он. — «Есть очень, очень много литературных трудов. Наше движение основано на этих трудах, передающихся через *парампару,* ученическую преемственность от одного *гуру* к другому. Это не так, что я просто представляю свою точку зрения. В конце концов, чего стоит моя точка зрения? Но эти Ведические писания — это основа, и они — энциклопедия. Это только начало наших переводов. На газетных стендах мы видим так много всякой чепухи. "Шримад-Бхагаватам" говорит, что такая литература предназначена для ворон, поскольку вороны наслаждаются, поедая испражнения и находясь в таких отвратительных местах. Но эти трансцендентальные произведения предназначены для лебедей, *парамахамс.* Они исполнены нектара, и преданные черпают из них знания, подобно тому, как лебеди пьют нектар из лотосов. Они являются особым даром Шрилы Вьясадевы, Самого Кришны».

* * *

Первая Песнь «Шримад-Бхагаватам», напечатанная в Индии, составляет три больших тома.

«Это самая короткая песнь», — говорит нам Свамиджи. — «Вы видите, что второй том больше, чем первый, а третий — больше, чем второй? Таков "Шримад Бхагаватам". Он расширяется. Когда мы завершим 12 песней, это составит более 60 томов».

Газетное фото изображает Свамиджи, презентующего три тома предшествующему премьер-министру Шастри. Я вспоминаю январское утро на грузовом судне, возвращающемся из Индии, когда

новости объявили о смерти Шастри, это было через полтора года после того, как он писал: «дорогой Свамиджи… премного благодарен за Ваше письмо. Я действительно признателен Вам за то, что Вы подарили мне экземпляр "Шримад-Бхагаватам". Было бы не плохо, если бы библиотеки правительственных учреждений приобрели экземпляры этой книги. Искренне Ваш, Лал Бандхур Шастри».

И что необыкновенно — эти трансцендентные книги, эти три тома! Эта суперобложка открывает вселенную, духовное небо за её пределами и изначальную духовную планету, Голоку Вриндавану, которую представляет цветок лотоса. В центре стоит голубоватого цвета Господь Кришна, играющий на флейте и наслаждающийся Своей обителью. К Его плечу прислонилась Радхарани, Его возлюбленная, а на заднем фоне под деревьями пасутся коровы, исполняющие все желания. Господь Чайтанья и Его преданные танцуют и играют на барабанах в ликовании, а пастушки (*гопи*) собираются группой вокруг Кришны в лесах.

Высшая планета Вайкунтха излучает духовное сияние, известное как *брахмаджьоти,* назначение *имперсоналистов.* Внутри этого *брахмаджьоти* плавают безграничные духовные планеты, управляемые различными экспансиями Кришны, которые все являются — четырёхрукими формами Нараяны: Мадхусудана, Шридхар, Васудева, Прадьюмна, Санкаршана и другие. В одной части бесконечного духовного неба находится всё материальное проявление, в котором возлежит гигантская четырёхрукая экспансия Вишну. Когда этот Вишну дышит, вселенные выходят из пор на Его коже и рассыпаются, подобно пузырькам, по причинному океану. В каждой вселенной Вишну лежит на ложе из клубков змея Шеши. Из огромного пупа Вишну вырастает стебель лотоса, из которого появляется Брахма, первое сотворённое существо. Это Брахма непосредственно уполномочен творить бесчисленных полубогов, людей, планеты, солнце и луну, которые заполняют нашу материальную вселенную.

Всё это полное творение представлено на обложке «Шримад-Бхагаватам» Свамиджи, который он сам напечатал в Нью-Дели в 1962 году.

Тома посвящаются Шриле Бхактисиддханте Сарасвати, духовному учителю Свамиджи: «Он вечно живёт в своих божественных наставлениях, и его ученик живёт вместе с ним».

Краткая биография на обложке рассказывает нам всё, что мы знаем о предыдущей жизни Свамиджи: Абхай Чаран Де, молодой (26 лет) руководитель крупной фирмы в Калькутте, встретил Его Божественную Милость Шрилу Бхактисиддханту Сарасвати в 1922 году. Шриле Бхактисиддханте понравился этот образованный молодой человек, и он вселил в него идею проповеди послания Господа Чайтаньи по всему миру.

Формально он был инициирован в 1933 году в Аллахабаде, где у него было своё дело. В 1936, буквально за месяц до оставления этого смертного мира, Шрила Бхактисиддханта дал особое указание Абхаю: принять проповедническую работу на английском языке.

Выполняя это указание, Абхай Чаран начал издавать ежемесячный журнал на английском языке «Бэк Ту Годхед» (1944). Общество вайшнавов признало его Бхактиведантой в 1947 году. В 1950 году он оставил свой дом в Калькутте, чтобы жить вне семьи, и в 1954 году он стал *ванапрастхой,* полностью отошедшим от семьи.

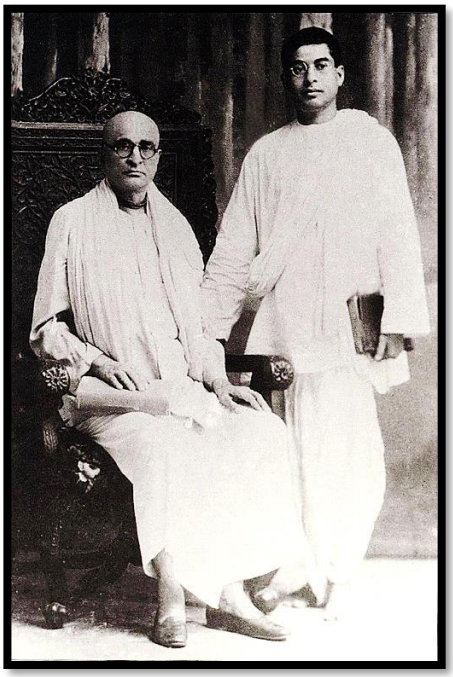
В 1959 он принял *санньясу,* и с этого времени он известен как А. Ч. Бхактиведанта Свами, полностью занятый исполнением миссии, завещанной ему его духовным учителем, несмотря на то что сейчас ему уже шестьдесят восемь лет (1964).

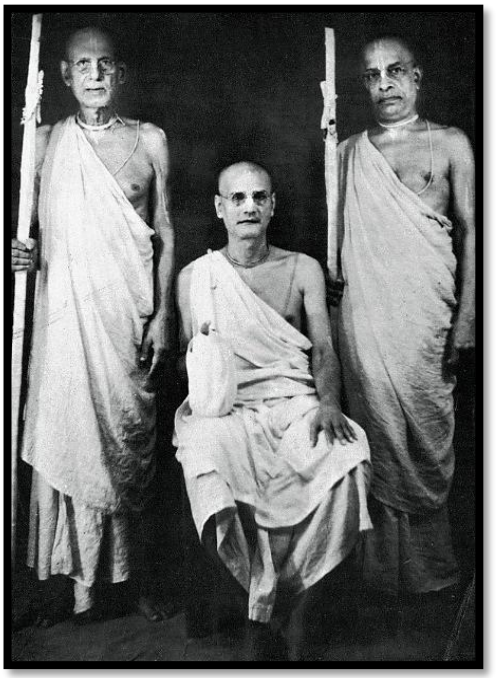
Два рисунка, изображавших превращение Абхая Чарана Де в Свами Бхактиведанту. Это довольно неожиданное перевоплощение. Со своими чёрными волосами и усами, Абхай Чаран напоминает мне предприимчивого калькуттского лавочника. Но это только внешне. Могла ли произойти такая внутренняя перемена?

По всему тому, что бы он не делал, будучи домохозяином, очень трудно подумать, что Свамиджи, когда бы то ни было был мирским человеком.

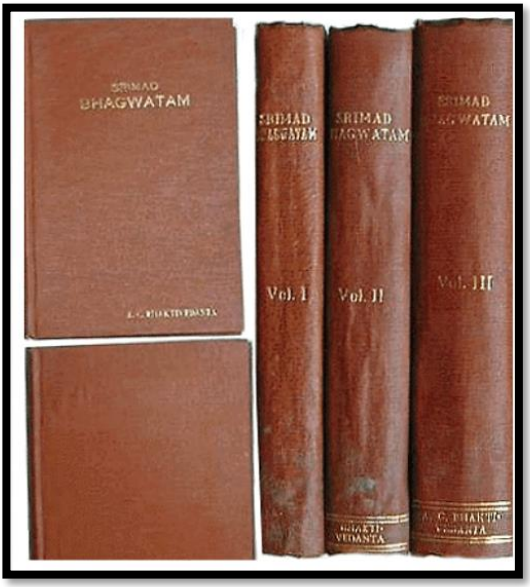
Семья Шрилы Прабхупады.

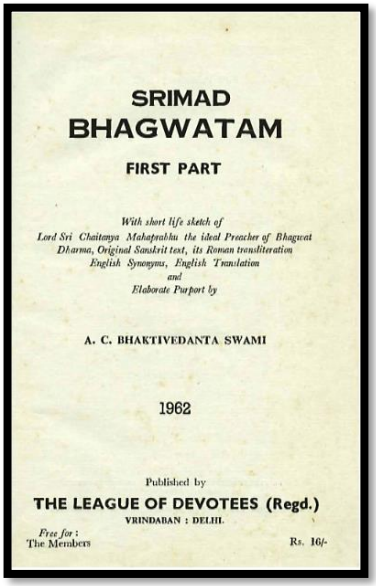

Шрила Прабхупада и первые три тома «Шримад-Бхагаватам».

SRIMAD
BHAGWATAM

FIRST PART

With short life sketch of
Lord Sri Chaitanya Mahaprabhu the ideal Preacher of Bhagwat
Dharma, Original Sanskrit text, its Roman transliteration
English Synonyms, English Translation
and
Elaborate Purport by

A. C. BHAKTIVEDANTA SWAMI

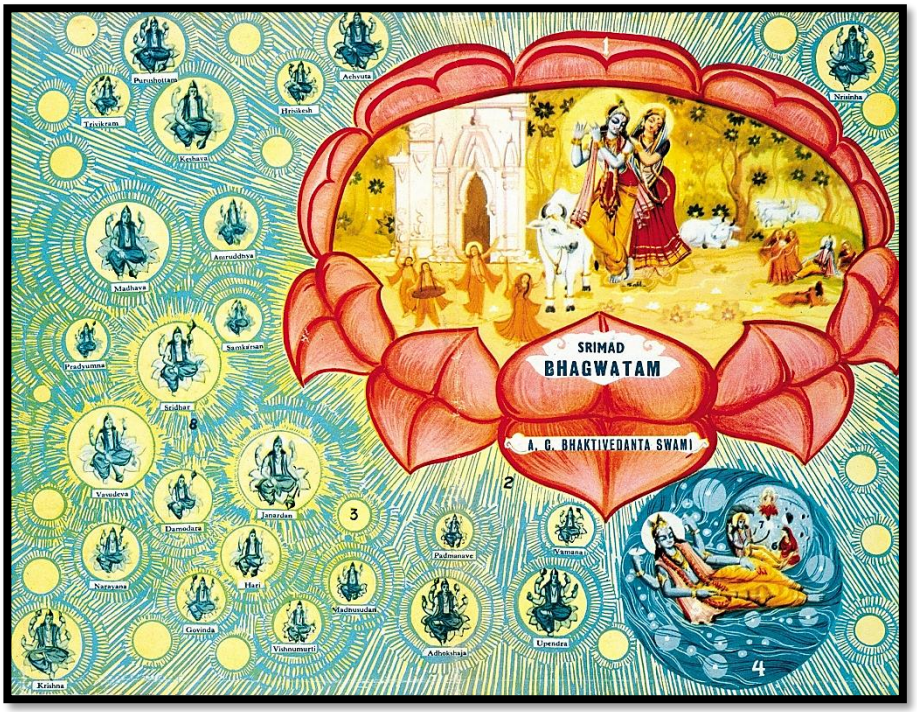
1962

Published by
THE LEAGUE OF DEVOTEES (Regd.)
VRINDABAN : DELHI.

Free for :
The Members

Rs. 16/-

«Шримад-Бхагаватам» привезенный Шрилой Прабхупадой из Индии.

Суперобложка первых трех томов «Шримад-Бхагаватам».
**Суперобложка — отдельная обложка, надеваемая на основную обложку.*

* * *

«До того, как написать эти книги, я никогда прежде не писал», — говорит мне Свамиджи. — «Я спрашивал себя: как я сделаю это? Так что, я просто сел и стал повторять то, что я услышал от моего духовного учителя. Я не вводил ничего нового. Если я и доволен чем-то, так это потому, что я представил послание таким, как оно есть, без всяких измышлений. Но что же до писательской работы», — смеётся он, — «это всё — милость моего духовного учителя. Он был таким образованным, таким трансцендентным аристократом, человеком с Вайкунтхи. Он никогда не был женат. Вечный *брахмачари.* Это он вдохновлял нас. Он сказал однажды: "В этом веке не стройте храмов. Издавайте книги". Для него книги очень важны, ибо с помощью них мы можем распространять это движение с наибольшим эффектом. Может случиться, что современный джентльмен может не посещать храм, но он захочет купить книгу».

* * *

Конечно же, многие посетители «Бесценных Даров» имеют свои собственные концепции о том, каким должен быть *свами*. Некоторые думают, что он должен сидеть в позе лотоса и медитировать. Свамиджи удобно сидит на полу со скрещенными ногами, так что одна его нога лежит на другой, в очень естественной позе. Это делает изначальную позу лотоса наигранной и неестественной. Что же до медитации*, хатха-йоги,* Свамиджи иногда смеётся, подражая *йогической* позе, выпрямляясь, задирая голову в воздух.

«Я управляю движением солнца. Я управляю движением луны», — говорит он.

Когда он сидит в этой позе, все смеются, потом Свамиджи смеётся, расслабляясь.

«Только посмотрите, какой вздор», — говорит он. – «Думать: "Я Бог. Я контролирую всё", — это последняя ловушка *майи.* Но эти негодяи *йоги* заявляют это, и так обманывают неискушённую публику».

Не упоминалось никаких имён, но позже Чарльз говорит мне, что речь шла конкретно о «*йогах* из верхнего города».

«Я управляю движением солнца. Я управляю движением Луны. Но когда у меня болит зуб, я бегу к врачу, крича: "Ооооx, помогите мне!". Ну, что же это за Бог?».

*** * ***

А некоторые посетители думают, что не нужно использовать магнитофоны.

«Мы используем печатные машинки, диктофоны, магнитофоны — так много всего в служении Кришне. Да, эти вещи материальны, когда используются для нас самих, но, когда используются для Кришны, они одухотворяются. Ибо сами мы не можем пользоваться ничем, но для Кришны — мы можем использовать всё. В этом разница. Духовен магнитофон или материален — определяет наше сознание».

«Тогда, почему мы вообще называем что бы то ни было материальным?» — спрашивает Рой.

«Потому что, для того, кто достиг высшей стадии духовной реализации, ничто не материально», — говорит Свамиджи. – «Как говорится в "Бхагавад-Гите", всё представляет собой Брахман. Всё же, Кришна говорит о Своей высшей и низшей энергии. Как это так? Без контакта с духом материя не может действовать. Но в высшем смысле, она не является низшей, поскольку исходит из Всевышнего. Вы не можете отделить энергию от Источника энергии. Энергия и Источник неотличны друг от друга. Электроэнергия, вырабатываемая электростанцией, может подарить нам охлаждающий холодильник и горячую печь. Тот, кто знает природу электричества, понимает, что действует та же самая энергия, как горячая или холодная, как низшая или высшая. Так что, на уровне знания не существует разграничения между материей и духом».

*** * ***

Когда я печатаю в комнате, где Свамиджи принимает *прасадам,* я ногой подвигаю печатную машинку.

«О, нет!» — говорит Свамиджи. – «Не допускайте, чтобы нога касалась чего-либо».

Я удивлён и даже немного раздражён. В конце концов, чем моя нога менее духовна, чем печатная машинка?

«Вы имеете в виду, что машинка духовна, а тело нет?» – спрашиваю я.

«Это материальное тело обременительно для души», — объясняет Свамиджи. – «Оно одухотворяется только благодаря исполнению трансцендентного служения. В служении Кришне есть множество оскорблений, которых следует избегать, и духовный учитель говорит нам, каковы эти оскорбления. В противном случае, у нас не будет возможности узнать об этом».

День за днём, одним примером за другим, Свамиджи позволяет нам узнать то, что является оскорбительным.

*** * ***

Я не могу продолжать пытаться ставить его учение в какое-либо соотношение с другими философиями и лекциями. Эта нежелательная, основанная на измышлениях, тенденция берёт начало в восьми годах обучения в американской школе. Рабиндранат Тагор, обнаруживаю я, так же «женопоклонник». Не любит Свамиджи и «Белых крыльев тишины» Харта Грэна, изображение «Моста сознания».

«Это не тишина», — говорит Свамиджи и обрывает тему.

«Эмерсон?».

«Он может так думать, но кто он, чтобы говорить о чём-то?».

«Уитман?».

«Сентиментальность».

«Кахлил Гибран?».

«Рисует голых людей», — говорит он, строя гримасу. — «Поэты и художники обычно пребывают в страсти».

«Уильям Блэйк?».

«Опять голые люди».

Но он одобряет стихотворение Блэйка:

Бог является, и Бог есть свет
Для тех несчастных душ, что живут в ночи,
Но Форма человеческая является тем,
Кто обитает в царстве дня.

У Свамиджи есть маленький кассетный проигрыватель, который ему кто-то дал, но у него не было кассет. Думая, что он хотел бы послушать какую-нибудь музыку, я роюсь в своей коллекции кассет и в конце концов выбираю *раги* на *ситаре* в исполнении Рави Шанкара — они более предпочтительны, я предполагаю, нежели Бах или Битлз.

Когда *ситар* начинает играть, Свамиджи слегка улыбается, и я делаю вывод, что он доволен. Он прослушивает двадцатиминутную *рагу* ничего не говоря. Когда она завершается, я задаюсь вопросом, переворачивать ли кассету на другую сторону?

«Вам понравилась музыка, Свамиджи?» — спрашивает Стенли.

«Музыка для чувственного удовлетворения», — отвечает Свамиджи.

«Ооо?!» — я застигнут врасплох. – «Но это же Рави Шанкар», — протестую я.

«Это музыка для чувственного удовлетворения», — повторяет он, непоколебимый.

«Но это же *рага*», — настаиваю я, взволнованный. – «Они играют их даже в храмах».

«Рави Шанкар – бизнесмен», — говорит Свамиджи, улыбаясь.

«А что, если он захотел бы стать преданным?» — спрашивает Рой.

«Тогда он может прийти».

«Но разве вы никогда не были бизнесменом, Свамиджи?» — спрашивает Стенли.

«Если бы я пошёл голым, значит вам тоже нужно ходить голыми теперь?» — отвечает Свамиджи, всё еще мягко улыбаясь, как будто его забавляет всё это беспокойство.

«Всё — чувственное удовлетворение», — недовольно дуюсь я. – «Мы не можем играть даже *раги*! Что же мы должны делать?».

«Вы должны понять», — терпеливо говорит Свамиджи. – «Если вы музыкант, вы можете играть свою музыку для Кришны. В этом случае — всё в порядке. Арджуна был воином, и он сражался для Кришны, и в этом было его совершенство. Если вы писатель, вы можете писать для Кришны; или если вы художник, вы можете рисовать для Кришны. Всё, что вы хотите, вы можете делать. Но не делайте это для своего собственного чувственного наслаждения. Делайте это для Кришны. Нужно изменить не работу, а сознание».

* * *

«А как насчёт секса?» — спрашивает Стефан Голдсмит во время ответов на вопросы после *киртана*.

Поспорив о войне, Мистер Голдсмит был не слишком дружелюбен по отношению к Свамиджи. Даже то, что он упомянул о сексе, удивило нас.

«Секс только со своей женой», — говорит Свамиджи. – «И даже это ограниченно. Секс предназначен для рождения детей в сознании Кришны. Мой Гуру Махараджа говорил, что, если бы он мог дать

рождение детям, сознающим Кришну, он вступал бы в половые отношения сотни раз. Всё же, это так сложно в этом веке, что он оставался *брахмачари,* соблюдал целибат».

«Но секс — это великая сила», — протестует Мистер Голдсмит, не позволяя прекратить эту тему. – «Чувство, которое мужчина испытывает по отношению к женщине, неоспоримо».

«Поэтому существует институт брака», — говорит Свамиджи. – «Так чтобы вы могли жениться и мирно жить с одной женщиной. Но жена не должна использоваться как машина для удовлетворения чувств. Половая жизнь должна быть ограничена».

«Что вы имеете в виду под ограничением?».

«Только с женой», — говорит он. – «Для зачатия детей».

«Но что, если вы не хотите детей, или у вас уже достаточно детей? Есть ли ещё какие-то ограничения?».

«Да», — говорит Свамиджи, а затем замолкает.

Мы ждём, но он ничего больше не говорит, так, будто не хочет обсуждать этот предмет в больших подробностях.

«Я не готов заводить детей», — протестует Мистер Голдсмит. — «Но это не означает, что я собираюсь отказаться от секса».

«Нет», — говорит Свамиджи. — Должно быть ограничение. – «Это не так, что мы станем вступать в половые отношения подобно кошкам и собакам. Половые отношения следует ограничить до одного раза в месяц только чтобы родить хорошего ребёнка».

«Один раз в месяц?!».

«Проще вообще забыть об этом», — говорю я.

«Ага! То-то и оно!» — говорит Свамиджи. — «Лучше не думать об этом».

«Лучше просто повторять Харе Кришна. Тогда мы спасены от столь многих беспокойств. Секс подобен чесотке; когда вы чешете больное место, от этого чесотка только усиливается. Так что, нам следует терпеть его, и просить Кришну помочь нам. Мы должны понять, что сексуальная жизнь — это высшее материальное удовольствие, и поэтому — крепчайшие кандалы, приковывающие нас к материальной жизни, к перерождению в материальном мире. Поэтому Кришна говорит Арджуне:

āвр̣там̇ джн̃а̄нам этена
джн̃а̄нино нитйа-ваириṇа̄
ка̄ма-рӯпеṇа каунтейа
душпӯреṇа̄налена ча

"Так чистое сознание живого существа, изначально обладающего совершенным знанием, оказывается во власти его вечного врага — вожделения, ненасытного и пылающего, подобно огню.". (БГ 3.39)

Кришна использует слово *кама,* похоть, — то, что мы называем половой жизнью. Лишь она не позволяет нам стать сознающими Кришну».

Стефан Голдсмит качает головой, а Свамиджи смотрит на него, улыбаясь, как бы говоря: «Проблема всё ещё есть?».

«Это просто... ну, это было доказано, что удерживать себя от сексуального порыва — опасно. Есть теория, гласящая, что войны происходят из-за — ...».

«Из-за того, что люди едят мясо», — вставляет Свамиджи. — «У нас будут войны до тех пор, пока люди будут продолжать есть мясо. А если мужчина ест мясо, он, несомненно, будет также иметь незаконные половые связи».

Бам! Бам! Поражённый двуствольными залпами, Мистер Голдсмит тихо одевает шляпу и выходит за дверь. После собрания об ограничении секса было много разговоров.

«Он не может рассчитывать на то, чтобы мы оставили секс», — говорит кто-то. – «Он распугает всех такой философией».

«Он не говорит, чтобы мы оставили это», — говорит Рой.

«Один раз в месяц — это тоже самое».

«Вы хотите сказать, что я должна иметь ребёнка каждый раз, когда я хочу секса?» — жалуется девушка.

«Я думал, что Кришна — Бог любви», — говорит кто-то. – «Где Он говорит, чтобы не заниматься сексом?».

«То, что говорит Свамиджи — это самые азы», — говорит Уолли. – «Все *гуру* не поощряют секс, разве не так? Это подобно тому, как ребёнку говорят, чтобы он не писался в штаны».

Мы поняли, что мы даже ещё не вступили в духовное «детство». Но Америка сейчас на самом пике Сексуальной Революции, и оставить это — всё равно, что поститься на пиру. Один за другим, мы приносим свои вопросы Свамиджи. И несмотря на то, что он отвечает нам с большим терпением, он не отступает от своих позиций.

«Просто поймите, что вы тонете в океане материальных чувственных наслаждений», — говорит он нам. — «Эта "Бхагавад-Гита" подобна отличному кораблю, а духовный учитель подобен хорошему капитану, а Харе Кришна *маха-мантра* подобна попутному ветру. Так что, вам следует воспользоваться преимуществом столь многих благоприятных вещей и пересечь этот океан. Когда вы предаётесь Кришне, материальный океан становится не больше лужицы из-под телячьего копытца».

*** * ***

«Джорж Бернард Шоу написал одну книгу», — говорит Свамиджи, — «которая называется "Вы Есть То, Что Вы Едите"».

Он улыбается, затем смеётся: «Вы то, что вы едите.» — Ему нравится название, и он повторяет его. – «Это факт».

Мы представляем себе людей, поедающих свиней, лягушек, креветок.

«А Мистер Шоу был вегетарианцем», — говорит он. – «Очень знаменитый драматург, да?».

«Да», — заверяю его я. – «Очень знаменитый».

«Но мы не просто вегетарианцы лишь ради того, чтобы быть вегетарианцами», — говорит он. – «Мы вегетарианцы потому, что Кришна говорит: "Предложи Мне какой-нибудь плод, немного зёрен". Он не говорит предлагать Ему мясо. Если бы Он сказал: "Предложи Мне немного мяса", — мы сделали бы это, но Он не говорит так. Так что мы едим только фрукты и овощи, зерновые и молоко. Этого достаточно. Если бы не это, мы не интересовались бы вегетарианством».

* * *

Не известно, каково может быть его мнение о мировых делах.

«Когда Индией правили британцы, было лучше», — говорит он. – «Они очень умные администраторы. А Лорд Моунтбэттен был самым умным из всех. Он видел разногласия, которые существуют между хинду и мусульманами, и поэтому он разделил Индию на Восточный Пакистан и Западный Пакистан. Даже сегодня это вызывает трудную ситуацию. Пакистан начнёт следующую великую войну. Марши за гражданские права, восстания негров: что за ерунда? Люди думают: "Я чёрный, белый, красный, жёлтый", — это всё кожная болезнь. Ложные обозначения. Я не есть это тело. Кто же я? *Ахам брахмасми*: я есть Брахман, духовная душа. Поскольку им недостаёт этого знания, они сражаются подобно кошкам и собакам, и они будут продолжать делать это до тех пор, пока они не превзойдут эту кожную болезнь и не поймут, что они являются духовными детьми Кришны, Его вечными неотъемлемыми частичками. Космическая программа НАСА (Национального Управления по аэронавтике и исследованию космического пространства в США): они пытаются добраться до Луны и других райских планет с помощью своих материалистических средств это невозможно. Они не получат разрешения на вход туда. Вы должны обрести духовную квалификацию, чтобы отправиться туда. Точно так же, как вам необходима виза, чтобы вам разрешили въехать

в другую страну, там необходима духовная виза. Согласно Ведам, Луна является высшей планетой, где живут продвинутые цивилизации полубогов».

«Тогда почему они не прилетают сюда?» — спрашиваю я.

«Зачем им делать это?» — отвечает он удивлённо. — «Эта планета среднего уровня. Полубоги наслаждаются сами по себе на райских планетах. Почему они должны прилетать в более низкие места».

Иногда утром Свамиджи просматривает газету. За одну жаркую августовскую неделю два тайфуна в Японии, оползни на Экваторе, разбушевавшиеся волны в Техасе, разбился автобус в Германии, наводнение в Болгарии, извержения вулкана на Яве, пожары в Калифорнии, ураган на Кубе, восстания в Нагалэнде и возрастающие бомбардировки во Вьетнаме, — всё это губит множество людей.

«Кришна называет все это *мритью-лока,* планета смерти», — говорит Свамиджи. – «Когда Махараджу Парикшита спросили, какова самая удивительная вещь в мире, он ответил: "Каждый день любой человек видит, что к другим приходит смерть, и всё же каждый думает: ко мне смерть не придёт". Мы ищем мира тут, но его тут нет. Мир есть на Вайкунтхе, в духовном небе. Вайкунтха означает — "свободный от беспокойств". На Вайкунтхе нет пожаров или наводнений, там нет ни войн, ни смерти. Но здесь смерть преследует нас в каждый момент. Точно так же, как студент в колледже готовится к своему выпускному экзамену, мы должны готовиться к экзамену смерти. Что бы мы ни делали для достижения совершенства, всё это будет проверено в момент смерти. Если мы пройдём этот экзамен, мы перенесёмся в духовный мир… Аборты, контроль рождаемости: они убивают младенцев в утробе. Как жестоко! В этом веке, когда преобладает нежелательное население, человек теряет сострадание. Когда вы убиваете живое существо, даже муравья, вы нарушаете его духовную эволюцию, его развитие. Это живое существо вынуждено снова принимать ту же самую форму жизни, чтобы отбыть до конца срок жизни, предначертанный ему в этом теле. А убийце придётся вернуться и заплатить за тот вред, который он причинил...

Распространение ядерных испытаний: «Пусть эти учёные решат проблемы рождения, старости, болезней и смерти. Но этого они сделать не могут. Напротив, они создали бомбы, чтобы от разочарования уничтожить всё. Таково их решение: ускорить смерть. В "Бхагавад-Гите" такие люди называются демоническими. Так или иначе, эти атомные бомбы не новы. В предыдущие века, люди были так продвинуты, что они могли использовать *брахмастру* ядерное оружие, вызываемое к действию только с помощью *мантры*. Вибрация! *Шабда* уничтожала сама по себе. Теперь они тяжело трудятся над этими механическими ракетами. И они думают, что они прогрессируют...».

*** * ***

Свамиджи хочет, чтобы я записал значение сознания Кришны для проспекта ИСККОНА.

«Но я не понимаю этого в достаточной степени», — протестую я.

«С этим всё в порядке. Пиши всё, что понимаешь».

Обратно на Мотт Стрит, я делаю беглые наброски моего представления сознания Кришны, пытаясь думать о том, что может удовлетворить Свамиджи и в тоже самое время связать его учение с более знакомой для Запада философией. После нескольких часов писания и переписывания, я несу мои старания к Свамиджи, надеясь, что они не слишком западнализованы. Он тихо читает, затем улыбается.

«Очень хорошо», — говорит он. – «Мы напечатаем это».

Затем он пишет дополнительные материалы на обратной странице.

«Теперь ты можешь напечатать», — говорит он мне, — «и мы отошлём это в типографию. Я прибавил кое-какие дополнительные объяснения Общества».

Я прочитал основные цели ИСККОНА:

- распространять духовное знание «Бхагавад-Гиты» по всему миру через движение *санкиртаны* Господа Чайтаньи,

- дать людям сознание Кришны, что приведёт к достижению мира, и восстанавливать святые места трансцендентных игр, связанные с личностью Кришны.

Перед тем как мне отнести проспект в типографию, Свамиджи вручает мне другой лист бумаги, исписанный его теперь уже знакомым округлым почерком.

«Прибавь ещё вот это», — говорит он. – «Хорошо?».

Я читаю введение на санскрите, затем:

- пусть во всём мире будет только одно писание – «Бхагавад-Гита», пропетая Шри Кришной.

- пусть будет только один Бог — Шри Кришна.

- пусть будет только один гимн для воспевания — Харе Кришна.

- И пусть будет только одно занятие для всех людей — трансцендентальное любовное служение Кришне.

- пусть Объединенные Нации возьмутся за это дело и принесут миру подлинный мир.

Это возвышенно и просто.

«"Бхагавад-Гита" была рассказана не для ограниченного круга людей» — говорит нам он. – «Нет. Подобно тому, как солнечный свет, он для всех. То же самое солнце светит и в Америке, и в Индии. Вы не можете сказать: "Это американское солнце". Или: "Это индийское солнце". Хотя я иностранец, я вижу здесь то же самое солнце и луну, здесь такие же облака и деревья. Так почему же я думаю о себе как о иностранце? Никто не иностранец в царстве Бога; мы все братья, на

всех светит одно солнце, принадлежащее Богу. Изначальный Отец — это Верховный Господь. Даже животные — наши братья. Имеем ли мы право убивать их только потому, что они отличаются от нас? Когда мы приходим под свет солнца сознания Кришны, мы можем видеть, что каждый имеет это право на этот солнечный свет. Таково вселенское братство. Но до тех пор, пока мы остаёмся в темноте, мы говорим: "Это моя комната. А это — твоя". Мы должны выйти на свет сознания Кришны, где нет недостатка ни в чём, и там мы сможем счастливо жить все вместе, с полной верой в Кришну».

*** * ***

В библиотеке Нью-йоркского Университета я собираю список адресов главных колледжей. В течении нескольких часов я печатаю манильские брошюрки. Мы наполняем их приложениями к «Шримад-Бхагаватам», новым проспектом и рекомендациями Премьер-Министра Шастри. Затем мы рассылаем около трёхсот толстых манильских брошюрок в библиотеки колледжей, предлагая им трёхтомник «Шримад-Бхагаватам» всего за 18 долларов. Ответ не приходит ни из одного колледжа. Мы теряем около 50 долларов на печать. И Свамиджи в наибольшей степени бережлив, даже с печатью. Он держит маленькие почтовые весы, чтобы взвешивать письма. Он никогда не использует две страницы, когда можно обойтись одной. Он никогда не тратит лишнего цента на конверт.

«Когда я прибыл в вашу страну в прошлом году», — говорит он нам, — «у меня был только один чемодан, одна пара *каратал* и 7 долларов. И все эти книги».

Размышляя о своих трудностях в начале, Свамиджи сотрясается от смеха.

«Если Кришна захочет, деньги придут», — говорит он. — «Зачем тяжко трудиться, подобно ослу, как вьючное животное, лишь ради наслаждения этих чувств? Это не является смыслом человеческой жизни. Лакшми, богиня процветания, заботится о лотосных стопах Нараяны, Кришны. А Кришна поддерживает такое множество миллионов и миллионов живых существ во вселенной. Вы думаете, Он накормит всех, но не Своих преданных? Нет. Деньги придут без

тяжёлой борьбы. Точно так же, как приходят счастье и горе. Мы не ищем горя, но оно приходит. Подобно этому приходит и счастье. Нам не нужно прилагать никаких отдельных усилий для этого».

Уроки в трансцендентной экономике: «Кришна сохранит то, чем обладает Его преданный и даст ему то, чего ему не достаёт».

Свамиджи никогда не копит деньги. Всё, что он получает как пожертвования, он сразу же тратит на распространение сознания Кришны.

«Они говорят, что, когда Радхакришнан видел деньги, его руки изгибались в обратную от них сторону», — говорит Свамиджи, выворачивая свои руки. – «Но вайшнав говорит: "О, какие-то деньги! Замечательно"!».

Свамиджи раскрывает свои ладони и улыбается.

«"Я могу использовать эти деньги для Кришны. Я могу построить храм или распространить книги о Кришне". Да, таково правильное использование денег. Всё принадлежит Кришне. Если мы находим на улице деньги, мы не должны оставлять их лежать там или тратить их на самих себя. Нет. Мы должны вернуть их тому, кому они по праву принадлежат. Таково правильное использование денег. А когда Кришна видит, что мы используем деньги надлежащим образом для Его прославления, Он посылает больше. В конце концов, Он — супруг богини Лакшми. Деньги — это Лакшми».

*** * ***

Жаркий августовский день проходит медленно. Всякий раз, когда мы проявляем склонность к тому, чтобы впасть в бездеятельное состояние, Свамиджи подталкивает нас к действиям.

«Одного отречения недостаточно» — говорит он нам. – «Человек должен также работать для Абсолютной Истины. Мы можем выбирать — служить нам Кришне или *майе,* иллюзии, но мы всегда служим. Если вы не служите Богу, вы закончите тем, что будете служить какой-

нибудь собаке… Вечное живое существо — это тот, кем наслаждаются, *пракрити,* а Кришна — это тот, кто наслаждается, *пуруша.* Для женщины естественно служить объектом наслаждения, когда мужчина наслаждается ею. Но во взаимоотношениях они оба испытывают наслаждение: *пракрити* наслаждается в её подчинённом положении, в служении, в том, что ей наслаждаются... Рамакришна, поклоняется богине Кали как Абсолюту. Но Бог не женского пола. Такая концепция — это вожделение. Будучи очень привязанным к женщинам, мошенники пытаются выдумать какого-то бога-женщину, они называют свою жену или какую-нибудь проститутку "Святой Матерью", и продолжают наслаждаться сексом. Но Бог всегда мужчина. Бог — это Кришна... В Индии есть другие, самые отвратительные, их называют *сахаджиями,* которые думают, что они — Кришна и совершают свои так называемые *раса-лилы* с юными девушками. Это самое большое извращение. Шрила Бхактивинода Тхакур в своё бремя преподал урок одному *сахаджие,* Шрила Бхактивинода Тхакура является Вашим духовным учителем духовного учителя вашего духовного учителя, он является отцом Шрилы Бхактисиддханты. Бхактивинода был главой большой семьи, в которой было много детей, а он также был министром правительства. Таким образом, он отчитал одного такого *сахаджия,* который мог испускать искры — некий мнимый *йоги,* который под именем религии развращал молодых девушек. Бхактивинода Тхакур увидел это, он посадил его в тюрьму, и в тюрьме *сахаджия* покончил с собой... Мы не можем подражать играм Кришны *с гопи* в большей степени, чем в той, в которой мы можем подражать тому, как он поднял Холм Говардхан. Сначала поднимите Холм Говардхан; если вы сделаете это — тогда уже танцуйте *с гопи.* Или выпейте океан яда, подобно Господу Шиве. Тогда можете курить ганджу. Наши искусственные попытки наслаждаться подобно Богу в этом материальном мире обрекают нас на разочарование, это подобно тому, как две женщины будут пытаться наслаждаться без мужчины. Чтобы испытывать истинное наслаждение, необходим Кришна — источник наслаждения».

* * *

Многие вечерние лекции, данные по Второй Главе «Бхагавад-Гиты», подчёркивали то, что мы не эти тела, но Брахман, дух.

«Ваше материальное положение не имеет значения», — говорил он нам. – «Что имеет значение, так это чтобы вы утвердились в духовной жизни. Духовный человек видит Верховного Господа везде, в каждый момент, в каждом живом существе. Поскольку он любит Кришну, он обладает этим видением. Он не видит коров, мужчин, женщин или глупцов. Он видит только Верховного Господа. Другие могут смотреть на него как на нищего, но он знает, что он самый счастливый и самый богатый человек в мире… Когда Кришна появляется в этом мире, Он являет Свои деяния просто, чтобы привлечь нас. "О, ты разочаровался в дружбе? Брось, дружи со Мной. О, ты разочаровался в том, что сможешь найти хорошего господина? Брось, служи Мне. Не разочарован ли ты в любви своих детей? О, так прими Меня свои сыном". В этом мире мы постоянно разочарованы в своих взаимоотношениях с другими. Мы ожидаем чего-то от своих друзей или детей, но они разочаровывают нас, или вырастают и идут своей дорогой. Но Кришна будет для вас совершенным другом, или самым послушным сыном, точно так же как когда Он играл эту роль с Матерью Яшодой. Подобно этому, если вы разочаровались в любви — примите Кришну как своего мужа или возлюбленного. Вы никогда не разочаруетесь. Такова вся философия: чего бы вы ни желали — вы можете получить это во взаимоотношениях с Кришной. С Кришной вы не будете знать обмана. Вы будете совершенно счастливы».

Пока мы слушаем, мы едва ли замечаем, что он делает нас сознающими Кришну, мало по малу, день за днём, несмотря на нашу прошлую *карму* и умонастроения.

«Человек в Сознании Кришны не ходит хмурый», — говорит он нам – «Нет. Он добросовестно работает, делает всё мастерски. Когда кто-то входит в Сознание Кришны, он становится поэтом и пишет гимны во славу Господу».

Вместо того, чтобы ругать зло секса и интоксикаций, или критиковать наши дурные привычки, Свамиджи занимает нас в исполнении особых ежедневных обязанностей по отношению к Кришне.

«Совершенство *йоги* в том, чтобы видеть Кришну везде. Всё же, хотя преданный и видит Господа везде, он, всё-таки, поклоняется

Господу в храме. Он не думает, что, поскольку Кришна вездесущ, поклоняться Ему в храме бесполезно. Если Кришна везде, то Он так же и в храме».

Когда мы идём к нему удручённые, думая, что мы никогда не сможем изменить свои привычки или мирское сознание, Свамиджи даёт нам надежду, напоминая нам, что Кришна — наш лучший друг и вечный доброжелатель.

«Когда Кришна увидит, что вы искренни», — говорит он, — «Он поможет вам бороться с *майей.* Сознание Кришны вначале может показаться подобным яду, но в конце — это нектар. Так что, просто станьте терпеливыми. Когда вы войдёте в служение Кришне, вы осознаете, насколько несчастны вы были в материальном осквернённом состоянии. И вы не захотите возвращаться к нему».

«А что насчёт ада, Свамиджи?» — спрашивает Стенли. – «Где он находится?».

«Существуют адские планеты, называемые Тамисра», — отвечает Свамиджи. – «Душа падает туда после смерти. Тот, кто ведёт адскую жизнь здесь — идёт по пути в Тамисру. Большая часть этой планеты — это пустыня».

«Там хуже, чем на Земле?».

«Хуже? Эта планета — это шанс для прогресса! Сюда приходит Кришна, ты думаешь, это хуже? Просто мы делаем здесь всё плохо».

«В аду души получают наказание?».

«Да, очень суровое. Там их даже бросают в огонь. Конечно, мы думаем, что мы независимы, но после того, как этому телу приходит конец, материальная природа может забросить нас куда угодно. "Шримад-Бхагаватам" даёт нам перечень наказаний — одного наказывают одним способом, другого – другим».

«Вечен ли ад?» — спрашиваю я. – «Христиане говорят, что он вечен».

«Ад — это забвение Кришны», — говорит он.

«Но вечен ли он?».

Он останавливается на мгновение: «Ничто не вечно, кроме блаженной жизни с Кришной».

«Это хорошая новость…», — говорю я с облегчением.

«Да! Мы никогда не должны думать, что Кришна хочет наказать нас. Нет. Ад временен. Как только живое существо соглашается с Кришной, аду приходит конец. Каждый, кто придаётся Кришне — свободен. Единственное, что необходимо — это искреннее предание себя. Кришна — наш самый дорогой друг. Он хочет, чтобы мы жили в вечном блаженстве вместе с Ним. Мы те, кто наказывает себя сам, пытаясь господствовать над материальной природой».

*** * ***

Когда некоторые из поклонников психоделического культа посещают «Бесценные Дары», они начинают спорить, говорить о том, что Абсолютную Истину невозможно описать словами, «слова не способны описать её».

Юные хиппи колются и сидят в позе лотоса, созерцая свой пупок: «Ух ты! Что происходит? Невозможно сказать. Говорить значит — ограничивать. Те, кто говорят — не знают; те, кто знают — не говорят. Дзен — это молчание, это звук хлопка собственных ладоней…».

«Вздор!» — кричит Свамиджи, — «Вы не можете говорить, потому что глупца не распознают до тех пор, пока он не откроет рта. Тогда все узнают, что он глупец. Но почему вы можете говорить так много всякого вздора, но не говорите об Абсолютной Истине? Несомненно, Абсолютную Истину можно описать и прославить. Вьясадева дал нам множество произведений. И в "Бхагавад-Гите" Кришна говорит Арджуне: "Я таков. Я — солнце и луна, Я вкус воды, Я — сила сильного, красота красивого, Я автор Вед и Веданты".

Почему это Его невозможно описать? У Него есть Его игры и деяния, и они описаны в Ведических писаниях как достойные прославления. Веды прославляют Абсолютную Истину, и это тоже считается *киртаном.* Это не так, что *киртан* — это только Харе Кришна. "Бхагавад-Гита" — это тоже *киртан.* О молчании и речи быть не может. Молчание означает — прекратить говорить ерунду».

Другая популярная концепция, которой горели психоделисты — это вера в то, что человек уже является Богом, но просто не сознаёт этого. Поколение «Мы – Бог».

«Возвращение к Кришне не означает, что вы становитесь Кришной», — говорит нам Свамиджи. – «Когда сын возвращается домой, к своему отцу, он не становится своим отцом. Всегда существует различие индивидуальностей. Мы можем стать отцом Кришны, подобно Васудеве или Нанде Махарадже, но мы никогда не можем быть равны Ему. Мы всегда будем подчинёнными неотъемлемыми частичками».

Но, в частности, Свамиджи критикует комментарий Радхакришнана на 34 текст 9 главы «Бхагавад-Гиты», в котором Кришна говорит Арджуне: «Занимай свой ум мыслями обо Мне, предлагай поклоны и поклоняйся Мне. Будучи полностью погружённым в Меня, ты, несомненно, придёшь ко Мне».

Радхакришнан комментирует этот стих так, что мы должны предаться не личности Кришны, но «не рождённому, не имеющему начала, вечному, который говорит через Кришну».

«Только посмотрите!» — говорит Свамиджи, когда этот стих читается на вечерней лекции. – «Я говорил вам, Доктор Радхакришнан был имперсоналистом. Это философия *майявади* ещё хуже, чем атеизм».

Мы не знаем, что на самом деле значит *«майявади».* Когда мы спросили Свамиджи, он говорит, что имперсоналистов называют *майявади,* потому что они считают вечное, трансцендентное тело Кришны *майей,* иллюзией.

Сарвепалли Радхакри́шнан
(5 сентября 1888, Тируттани — 17 апреля 1975, Мадрас, Индия).

Индийский философ, общественный и государственный деятель, второй президент Индии (1962—1967). Почетный член Британской академии. Был убеждён, что все вероучения по сути своей едины. Он считал, что развитие мировой религиозной и философской мысли должно привести к появлению универсальной религии, универсальной философии и универсальной морали, и фундаментом их должна будет служить адвайта-веданта.

Шрила Прабхупада читает вечернюю лекцию.

Посетители программ на 2-ой авеню. Хаягрива крайний справа.

«Для них», — говорит он, — «Абсолютная Истина — это имперсональный Брахман, а Кришна подчинён Брахману. Но в "Бхагавад-Гите" Кришна говорит, что Он является Верховной Абсолютной Истиной, и что имперсональный Брахман подчинён Ему».

К нашему общему удивлению, Кейт начинает защищать Доктора Радхакришнана.

«Я думаю, он прав», — говорит он. – «В конце концов, Кришна во всех нас. Так что, если мы предаёмся нерождённому внутри нас, тогда мы достигаем Абсолютной Истины».

Чтобы подтвердить свою точку зрения, Кейт цитирует Шанкару и Хуанга По, Будду, Спинозу и Святого Павла. Свамиджи просто сидит на возвышении, и я впервые замечаю, как он краснеет. Принимая во внимание его золотистый цвет кожи, это удивительно.

Когда Кейт делает паузу, Свамиджи спрашивает: «Ты закончил?».

Кейт не закончил. Он говорит о «Я» и о «Едином Уме», свободно цитируя различные писания, перед тем как закончить.

«Ты закончил?» — снова спрашивает Свамиджи.

«Да», — говорит Кейт.

«Итак, ты понял, что мы имели ввиду, говоря, что Кришна – Бог?».

«Да», — говорит Кейт.

«И что поклоняться надлежит Богу?».

«Да», — говорит Кейт.

Внезапно, Свамиджи, покраснев и придя в ярость, привстаёт.

«Тогда почему ты хочешь отделить это от Кришны?» — кричит он, сотрясая маленький магазинчик. — «Это и есть Кришна! Это – Кришна!» — Он хлопает рукой по кафедре. – «Это не "нерождённый внутри Кришны"! Это Кришна!».

Мы все сидим ошеломлённые, так, как будто лев вспрыгнул на помост.

«Кришна, Верховная Личность Бога, непосредственно говорит Арджуне: "Мне. Поклоняйся Мне". А Доктор Радхакришнан говорит, что поклоняться надо не личности Кришны, а некой пустоте. Просто взгляните на негодного мошенника! Вы хотите поклоняться не Кришне, а какой-то нарождённой пустоте, вместо Него? Кришна — это Абсолютная Истина. Его тело, ум и Его сущность — абсолютны. И он говорит: "Думай обо Мне, будь предан Мне, поклоняйся Мне". И даже Шанкара говорит: "*бхаджа говиндам, бхаджа говиндам, бхаджа говиндам":* "Поклоняйтесь Говинде, поклоняйтесь Говинде поклоняйтесь Говинде. Ваш вздор не спасёт вас в момент смерти!". И всё же, этот мошенник хочет отделить это от Кришны. Вы хотите следовать за таким мошенником? Кришна говорит: "поклоняйтесь Мне". Вы понимаете? Тогда почему Вы говорите, что это не Кришна? Почему не Кришна?».

Мы все смотрим на Кейта так, будто он вдруг превратился в неприкасаемого. Это удивляет нас всех, потому что обычно он так сведущ. Всё же, он просто сформулировал образ мыслей *майявади,* который присущ всем нам. Мы молча сидим, ошеломлённые, не смея отважиться на большее.

«Видишь, как Свамиджи покраснел?» — спрашиваю я Уолли после всего.

«Как он разгневался!».

«Но он прав», — говорит Уолли. – «Все комментаторы пытаются избежать Кришну. Ты ведь читал до этого "Бхагавад-Гиту". Но до тех пор, пока ты не повстречал Свамиджи, думал ли ты когда-нибудь поклоняться Кришне? Я должен признать, что такого никогда не приходило мне в голову».

Таким образом, мы обнаружили, что мы тоже – имперсоналисты-*майявади*. Увлечённые бездеятельностью и гедонизмом, мы ничего не знаем о духовной личности или деятельности.

Свамиджи пришлось по-настоящему кричать изо всех сил, чтобы заставить нас понять, что Бог — это личность, и что деятельность во имя Него находится на духовном уровне.

«Таково самое существенное послание "Бхагавад-Гиты"» — говорит Свамиджи на следующее утро. – «Господь Кришна велит Арджуне сражаться, но Он говорит ему: "Делай это для Меня". Когда мы работаем для Кришны и воспеваем Его имя, мы уже освобождены и живём на духовном уровне. Точно так же, как человек обжигается, прикасаясь к чему-то горячему, также и вы освобождаетесь, как только вы входите в служение Кришне».

Мы все ощущаем, как будто бы мы только что коснулись чего-то очень горячего. Нет сомнений в том, что наш долгий сон теперь потревожен.

«Мы объявляем войну», — говорит Свамиджи. – «Войну с *майей*».

* * *

Вскоре после того, как мы объявили войну Майя деви, она наносит удар.

«Когда Майя деви видит, что вы начинаете преданное служение», — говорит Свамиджи, — «вы можете ожидать от неё нападения».

Кейт — первый пострадавший, так как именно он первым попытался доставить удовольствие Свамиджи, одевшись в одежды и обрив свою голову, оставив только небольшой пучок волос сзади, как это делают вайшнавы. Хотя округи нижнего Ист-Сайда наполнены сектантами, всё же, сочетание одежд, чёток, *шикхи* и знака *тилаки* на лбу — неповторимо в своём роде. Фактически, оно вопиюще. Человека с длинными волосами и бородой можно сразу же отнести к

определенной категории, но нет никакой возможности, что кто-то может одеться подобно преданному — так, как одет Свамиджи, — и всё же суметь слиться с картиной унылого Нью-Йорка.

Вызывающий фактор есть во всём: то, что голова обрита — это было бы нормально, если не обращать внимания на *шикху* сзади; у одежд сзади тоже что-то вроде хвоста; и когда рука засунута в мешочек для чёток, один палец высунут наружу. А *тилака* – глина на лице! Дорожное движение останавливается, когда Кейт идёт по улице на овощной рынок на Первой Авеню, чтобы купить продукты для храма. Видя реакцию публики на Кейта, мы останавливаемся, откладываем бритьё головы и надевание одежд.

Когда Свамиджи сообщает нам, что преданные, которые посвящают служению всё время, могут жить в храме, Кейт переезжает сразу же. После этого, желая получить какую-то финансовую помощь, он идёт в Департамент Благотворительной помощи. Через несколько часов раздаётся неистовый телефонный звонок от него. Кажется, чтобы собрать благотворительную помощь, ему понадобилась справка от психиатра. Когда он отправился в Больницу Беллевью, чтобы найти там психиатра, он, неумышленно для себя, подписался в том, что он не здоров.

«Они обвели меня вокруг пальца», — говорит он мне по телефону. — «Я подписал бланк, чтобы увидеться с доктором, но теперь они заперли меня здесь. Тут ужасно. Вытащите меня отсюда».

Перед тем, как повесить трубку, его голос был готов сорваться. Я уверил его, что мы найдём какой-нибудь способ освободить его.

«Я никогда не предлагал ему собирать благотворительную помощь», — говорит Свамиджи после того, как я рассказываю ему о происшедшем. — «Как они могли просто взять и закрыть его?».

«Я думаю, кто-то, должно быть, скомпрометировал его», — говорю я — «Или он был вынужден сам подписаться в этом».

Свамиджи качает головой и говорит: «Тогда отнеси ему несколько *чапати*»».

Кейт побрился и переоделся самым первым.

* * *

Время для посещений где-то с двух до трёх дня. Чарльз готовит несколько *чапати* и упаковывает немного риса и бананов в бумажный пакет. Затем мы с Уолли берём с собой *прасадам* на Беллевью, отправляясь туда пешком, чтобы сэкономить на автобусе.

В два часа раздаётся резкий звонок колокольчика, и нам разрешают войти через закрытые двери зелёного горохового цвета. Кейт спешит нам навстречу, с обритой головой и в белом больничном халате, он выглядит так, как будто уже долгое время пребывает в клинике.

«Итак, они позволили тебе оставить *шикху*», — говорю я.

«Они отобрали у меня мои чётки», — жалуется он. – «Это самое плохое. Правда, пара больных воспевают вместе со мной».

«Свамиджи обеспокоен», — говорю я ему. – «Ему нужна твоя помощь в приготовлении *прасадам*. Он хочет знать, когда ты выйдешь отсюда».

«Они говорят мне, что уже через пару дней», — говорит он, — «но некоторые люди пробыли здесь уже по нескольку месяцев. Всё неопределенно. Похоже, что они просто играют, стараясь унизить тебя».

«Они просто наблюдают за тобой», — говорю я. – «Это называется палата наблюдения».

«Когда придёте в следующий раз, принесите мне что-нибудь почитать», — говорит он, — «что-нибудь от Свамиджи».

Всё, что у меня есть — это «Нарада Бхакти-Сутры». Правда, они красивые. Я не понимал их в Индии. Мы обещаем вернуться на следующий день вместе со «Шримад-Бхагаватам» и ещё с каким-нибудь *прасадом.*

* * *

Когда мы возвращаемся, Свамиджи вручает мне новый десятистраничный очерк, состоящий из лекций. На первой странице он от руки написал заглавие: «Кто сумасшедший?».

«Они говорят, что он сошёл с ума», — говорит он мне, — «но в действительности, "Шримад-Бхагаватам" говорит, что те, кто днём и ночью тяжело борются ради того, чтобы получить немного еды и сексуального наслаждения, они — сумасшедшие. А человек, занятый преданным служением Господу, пребывает в здравом уме, ибо он знает, какова истинная цель человеческой жизни. И суть заключена в этом». Я беру очерк и начинаю набирать текст.

«Ты можешь дать это его психиатрам», — добавляет он, как самое последнее, что пришло ему в голову. – «Пусть они почитают и получат пользу».

Мы делаем около ста копий очерка и на следующий день, когда идём в палату наблюдения, берём несколько с собой. Кейт и ещё некоторые больные счастливы получить их. Дежурный психиатр, однако, разгневан.

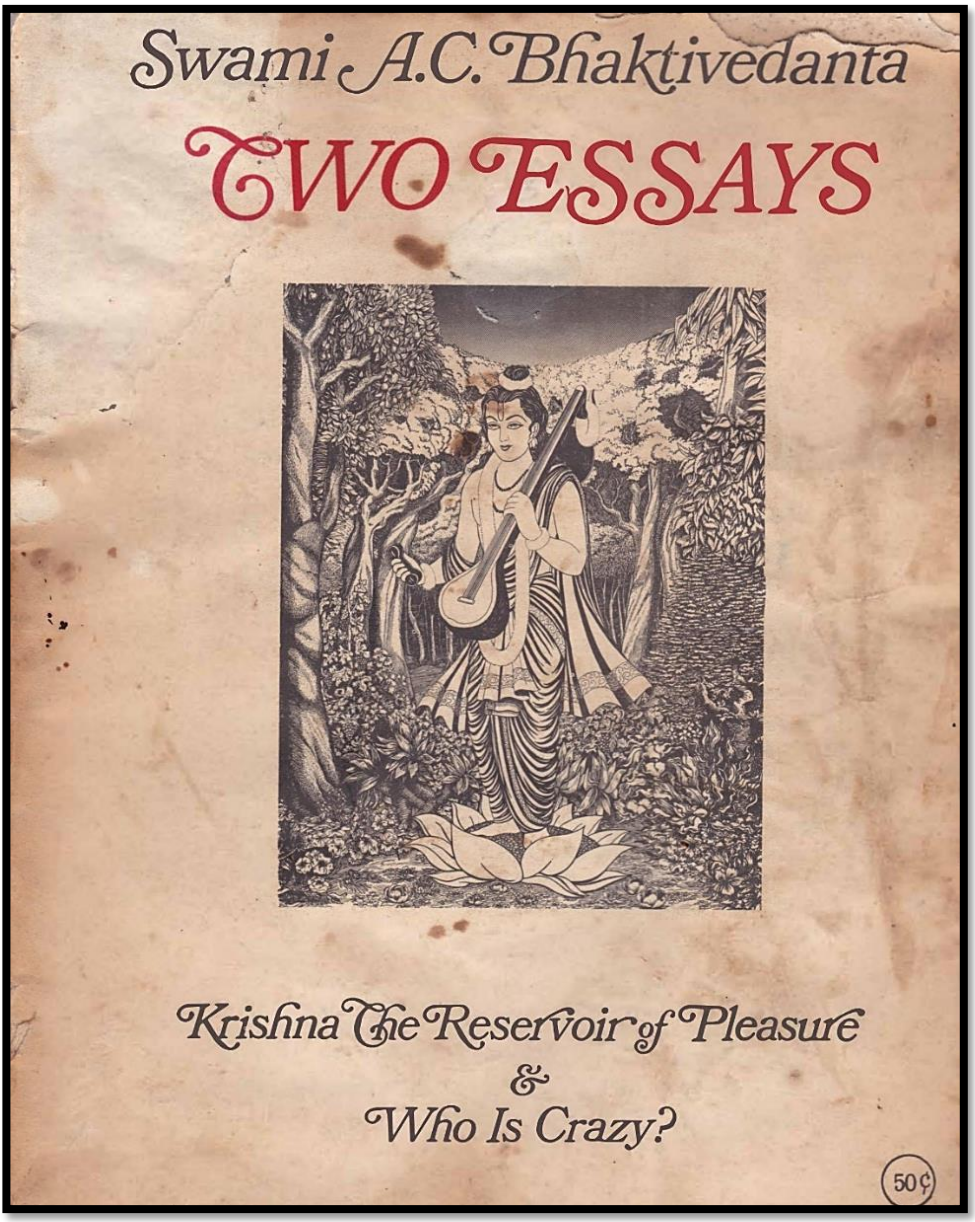
«Разве вы не знаете, что я могу сделать с вами?» — угрожает он нам.

Мы с Уолли пытаемся рассказать ему о сознании Кришны, но он быстро перебивает нас:

«Вы верите в то, что Бог — это личность?», — спрашивает он. – «Разве можно так ошибаться? Идея о том, что Бог может быть личностью, ушла семьсот лет назад».

Когда мы даём ему очерк «Кто сумасшедший?», он говорит: «Неверный жест», — и на этом наш разговор оканчивается.

Видя, что Кейта ожидают трудности, мы желаем ему удачи.

Два эссе:
«Кришна – источник наслаждения» и
«Кто сумасшедший?».

Одно из первых произведений литературы о сознании Кришны, широко распространённой в западном мире, вдохновившее многих людей исследовать духовное измерение своей жизни.

«Кришна говорит, что Его преданный никогда не погибнет», — напоминает ему Уолли. Всё же, Кейт беспомощно смотрит на нас, в его руке очерк Свамиджи. Когда посетительский час подходит к концу, тяжёлые двери захлопываются.

* * *

31 августа, 27 годовщина Второй Мировой Войны. Организация, называющаяся «Вера Человека», приглашает Свамиджи на конференцию Объединенных Наций в Борьбе за Мир. Конференция должна была длиться до 20 сентября, когда будет созвано Основное Собрание. В восемь утра мы сопровождаем Свамиджи до Площади Мира на Восточной Реке. Площадь около нас пуста. День уже жаркий, а с реки нет ветра. Наши взгляды сосредоточены на Свамиджи, мы начинаем стучать в цимбалы и петь Харе Кришна. В ту же минуту охранник сообщает нам, что мы причиняем слишком много беспокойства. Это хранители мира, а хранить — дело тихое. Свамиджи соглашается и вместе с нами стоит на тротуаре, прекратив *киртан* и, вместо этого, тихо воспевая на своих чётках.

Мы стоим и тихо повторяем Харе Кришна до тех пор, пока не устаём; тогда мы садимся и продолжаем повторять. Несколько прохожих, должно быть, думают о нас как об очень странных. Мы сидим полукругом, а Свамиджи сидит лицом к нам, его правая рука в мешочке для чёток, его лоб сморщен, выражение его лица серьёзно, когда он повторяет: «Харе Кришна, Харе Кришна, Кришна Кришна, Харе Харе». После того, как мы на протяжении четырёх часов спокойно воспеваем на чётках, мы едва ли беспокоимся о том, что думают о нас люди. И Свамиджи, конечно же, не беспокоится. Он придаёт значение только тому, чтобы служить Кришне, даже если это значит сидеть на обочине около Восточной Реки. В полдень мы возвращаемся на Вторую Авеню.

«Нам нет дела до этого сохранения мира», — говорит он нам. — «Мы просто хотим распространять это воспевание Харе Кришна, вот и всё. Как только люди присоединятся к этому воспеванию, мир придёт сам собой. И тогда не нужно будет прилагать каких-то искусственных усилий для мира».

На следующее утро в Нью-Йорк Пост появляется наше фото. Репортёр называет Свамиджи «Свами Кришна». Во Вьетнаме бушует война.

«Пока люди будут есть мясо, всегда будут войны», — говорит Свамиджи. – «Поедая мясо, они развивают в себе умонастроение тигров. И действуя таким образом, они будут продолжать убивать других и погибать сами». Он сообщает нам, что нехорошо использовать воспевание ради достижения каких-то политических целей. Ганди использовал "Бхагавад-Гиту", чтобы продвинуть свою политическую философию, и его комментарии, аллегорически интерпретирующие Поле Курукшетры, показывают, что он, в действительности, не принимает Кришну и Арджуну как исторических персонажей».

«Ганди пытался через "Бхагавад-Гиту" утвердить принцип ненасилия», — продолжает он, — «но "Бхагавад-Гита" была произнесена на поле битвы и проблема Арджуны была в том, сражаться ему или нет. "Бхагавад-Гита" принимает насилие. Как вы можете сказать, что это не так? Зачем тогда представлять какое-то жонглирование словами и уводить людей в сторону? Ганди изучал "Бхагавад-Гиту" утром и вечером, и "Бхагавад-Гита" была его жизнью и душой, но, к несчастью, он толковал её по-своему. Но это не тот путь, которым можно понять "Бхагавад-Гиту". С мирской точки зрения, Ганди был очень замечательным человеком, у него был хороший характер, он отличался хорошим поведением. Его личность была идеалом. Он говорил о ненасилии, но сам погиб, став жертвой насилия. И, несмотря на то что он всю жизнь работал ради объединения Хинду и Мусульман, Индия всё равно была разделена на части».

«Значит, в конечном счёте, Ганди потерпел крах?» — спрашивает Рой.

«Чтобы достичь успеха, нужно следовать надлежащей личности в цепи ученической преемственности, основанной Господом Кришной», — говорит Свамиджи. – «Кришна не выступает защитником ненасилия. Вы не можете выкинуть насилие из Его слов. Кришна говорит Арджуне: "Ты должен сражаться!". Вы должны быть

осторожны, чтобы слова Кришны не интерпретировать по-своему. Чтобы понять их правильно, вам необходимо следовать по стопам *махаджан,* великих личностей».

«В каком случае насилие дозволено?» — спрашиваю я.

«Согласно *шастре*», — говорит Свамиджи, — «если кто-то поджигает ваш дом или крадёт вашу жену, — вы должны убить его. Это — самозащита, а не насилие. Но по собственной прихоти вы не имеете права убить даже муравья. Несколько лет назад в Джханси, меня пригласили говорить о ненасилии на дне рождении Ганди. Итак, я сказал им, что насилие — это не позволять человеку выполнять его долг. С моей точки зрения — это насилие. Самый первый долг в жизни человека — это восстановление его взаимоотношений с Богом. Это то, на что каждый имеет право по рождению. Цивилизация, которая не позволяет исполнить этот долг, совершает самый жестокий вид насилия. Если люди не получают образования в этой сфере, если их ведут в неверном направлении, значит они — жертвы величайшего насилия. Человеческая жизнь предназначена для того, чтобы пересечь океан материального существования. Те, кто пытаются препятствовать этому продвижению, называются! *атма-ханах,* убийцы души».

Рой спрашивает, должны ли мы завтра опять идти к ООН.

«Нет, зачем нам?» — говорит Свамиджи. – «Они не разрешают нам петь *киртан.* Кроме того, нам не следует воспевать, преследуя какие-то скрытые мотивы, такие как присутствуют в материальном мире. Мы должны просить лишь о беспричинном преданном служении Кришне рождение за рождением. Так молится Господь Чайтанья. А Харе Кришна *санкиртана* — это высшая формула мира. Что они знают о мире? Современная цивилизация — это битва кошек и собак. Не больше».

Произвели ли впечатление на Свамиджи Объединенные нации?

«Они просто собирают флаги, вот и всё. Каждая нация думает: "Это моя земля". Единым мир будет только тогда, когда люди примут единого Бога — Кришну, — и единое священное писание —

"Бхагавад-Гиту", — и одно занятие — любовное служение Кришне. В противном случае, они будут просто продолжать собирать всё больше флагов».

* * *

Этим вечером в конце лекции, Свамиджи делает объявление, что вскоре будет инициация.

«Что это такое?» — спрашивает Стенли.

«Я расскажу вам позже», — говорит Свамиджи и возвращается к себе в комнату.

Это рождает волну обсуждений и предположений.

«О чём, хотя бы, идёт речь?» — спрашиваю я Роя.

«Я понимаю так, что это определённая формальность», — говорит он. – «Это значит, что ты официально принимаешь Свамиджи как духовного учителя».

«А ещё что?».

«Ну, никто толком не знает», — смеётся он. – «Нам нужно подождать, и тогда – увидим».

«Это такая традиция в Индии», — говорит Уолли, — «принимать *гуру*».

«Но ведь он уже наш *гуру*?» — спрашиваю я. – «Что изменится?».

«Свамиджи упомянул, что-то об огненном жертвоприношении» — говорит Рой.

«Огненное жертвоприношение?!».

Что же планирует Свамиджи? Чем больше мы узнаём, тем больше мы ощущаем, что нас заводят в неизведанные духовные сферы.

На следующее утро, после лекции, Стенли поднимает руку и спрашивает: «Свамиджи, некоторые из нас задаются вопросом, что же, на самом деле, значит инициация?» — говорит он со всем своим смирением.

Поначалу Свамиджи не даёт ответа, а просто тихо сидит на своём возвышении, его голова высоко поднята. Проходит долгая минута нашего ожидания.

«Да», — говорит он, наконец, прочистив горло. – «Теперь я расскажу вам. Инициация означает, что духовный учитель принимает ученика и соглашается отвечать за него, а ученик принимает духовного учителя и соглашается почитать его как Бога».

Ошеломлённые, все погрузились в задумчивое молчание, взорвись бомба — это не смогло бы шокировать бы нас больше. Свамиджи сидит неподвижно, как изваяние, его голова по-прежнему высоко в воздухе, его глаза стремительно переходят с одного человека на другого. Комната наполняется странным напряжением. Он ждёт дальнейших вопросов, и когда их нет, он встаёт и, не сказав ни слова, выходит. Внезапно все сразу же начинают говорить.

Я поворачиваюсь к Уолли: «Он просто взорвал мой ум» — говорю я.

«Мой тоже» — говорит Уолли.

Никто толком не знает, что и сказать. Всего лишь за неделю до этого Свамиджи говорил, что если кто-либо объявляет себя Богом, то его следует считать собакой.

* * *

После обеда того же дня, когда мы навещаем Кейта в Беллевью, мы рассказываем ему о нашем замешательстве.

«Я не знаю, хочу ли я сейчас принять инициацию», — говорит Уолли. – «Я не думаю, что смогу почитать Свамиджи как Бога. Кейт не видит никакого противоречия».

«А разве ты не делаешь этого уже?» — спрашивает он. — «Ты принимаешь всё, чтобы он ни говорил тебе».

«Нам нужно прояснить всё это», — говорю я.

«Да», — говорит Кейт. – «До инициации. В твоём уме не должно быть никаких сомнений. Спросите у Свамиджи, что именно это значит».

* * *

Вернувшись в храм, мы совещаемся с другими, затем поднимаемся в апартаменты Свамиджи.

«Мы в замешательстве», — говорю я. – «Мы не знаем, что на самом деле значит инициация. Вы сказали, что предполагается, что мы должны считать духовного учителя Богом».

«Это значит, что ему надлежит оказывать всё почтение, какое оказывают Богу», — говорит Свамиджи. – «Он является представителем Бога».

«Значит, он не Бог?».

«Бог — это Бог», — терпеливо говорит он, — «но духовный учитель так же хорош, как и Бог, поскольку он может дать вам Бога. Просто попытайтесь понять: представитель правительства так же хорош, как и само правительство, поскольку он уполномочен правительством. Так что, мы говорим о нём, что он — представитель правительства. Это ясно?».

«Да» — отвечаем мы с облегчением.

«Те, кто объявляют, что они — Бог — *майявади,* имперсоналисты», добавляет он. – «Они думают, что, растворившись, они смогут отрицать личность. Но преданный вайшнав никогда не думает таким образом. Из "Бхагавад-Гиты" мы понимаем, что индивидуальность сохраняется даже после достижения высшего освобождения. В противном случае, не может быть речи о каких-либо

взаимоотношениях, о каком-либо служении, или взаимной любви. Итак, ваш вопрос указывает на то, что вы серьёзны в своём понимании. Это значит, что вы внимательно слушаете, Мой Гуру Махараджа говорил, что вы должны избрать своего духовного учителя, не смотря на него, а слушая его. Не выбирайте кого-то просто потому, что у него длинные волосы или борода, или какие-то красивые телесные черты, нет. Вы должны слушать. Ведический метод основанный на *шрути:* на восприятии через уши в покорном состоянии духа. Затем — *пранипата:* вручение себя. *Нипата* означает — непредвзятый. Вы не должны подходить к истинному духовному учителю только, чтобы поспорить с ним. Как и не должны слепо принимать. Вы должны быть достаточно разумны, чтобы искренне вопрошать, задавать вопросы, точно так же как сейчас вы задаёте вопросы, и затем — исполняете служение. Как и не должны мы судить о духовном учителе с материальной позиции. Духовным учителем моего Гуру Махараджа был Гауракишора Дас Бабаджи, который был совершенно неграмотным человеком. Несмотря на то, что мой Гуру Махарадж был самым сведущим учёным своего времени, он принял Гауракишора Даса Бабаджи своим духовным учителем. И хотя Гауракишора Дас Бабаджи не мог даже написать своего имени, он всегда ссылался на Веды, когда говорил:

йасйа деве парā бхактир йатхā деве татхā гурау
йасйаите катхитā хй артхā пракāшанте махāтманах̣

"Подлинный смысл писаний открывается тому, кто твердо верит в Верховную Личность Бога и в духовного учителя" («Шветашватара-упанишад», 6.23)».

И хотя мы и не великие души, обладающие непоколебимой верой, мы удовлетворены тем, что Свамиджи не собьёт нас с пути. Он говорит нам, что церемония инициации планируется на 9 сентября, наиболее благоприятное время — день после Джанмаштами — дня явления Господа Кришны. До тех пор у нас ещё есть время решить.

Глава 4. Огненное жертвоприношение на 2-ой авеню.

8 сентября 1966 года, Джанмаштами. Господь Кришна, как мы узнали, не рождается как обычный ребёнок. Он является. Пять тысяч лет назад в Матхуре, в Индии, Он явился в образе четырёхрукого Нараяны, наряженный в Свои трансцендентные одеяния. По просьбе Своей матери, Он принял двурукую форму, подобную обычному ребёнку. Кришна в наибольшей степени угождает Своим преданным.

«Сегодня мы постимся», — говорит нам Свамиджи. – «Обычно мы не постимся весь день. Сознание Кришны предназначено не для тех, кто ест слишком много или слишком мало. Ганди ради политических целей постился много дней, но мы не делаем так, В "Бхагавад-Гите" такого рода посты считаются относящимися к *раджасу,* страсти. Мы постимся в соответствии с предписаниями: на *Экадаши,* на одиннадцатый день после полнолуния, мы не употребляем зерновых. Это не полный пост, а на Джанмаштами — полный пост в течении всего дня до полуночи. Сегодня мы постимся и воспеваем, а завтра будет инициация».

Нас одиннадцать человек, собирающихся получить инициацию. Рой покупает нам бусины для чёток для воспевания, 108 деревянных, размером с орех, составляют один круг. Стоя во дворе за храмом, я нанизываю их на нить, собирая в чётки, называющиеся *джапа-мала*. Пока я аккуратно нанизываю яркую красную бусину на нить и завязываю узел, я воспеваю. На то, чтобы связать все чётки, уходят многие часы. Когда я спрашиваю Свамиджи, почему бусин 108, он говорит мне, что они представляют *гопи,* пастушек Вриндавана, возлюбленных Кришны.

В полдень мы со Стенли идём на Орчард Стрит, на захудалый базар, и покупаем хлопчатобумажную ткань, и красим её в шафран в ванной Свамиджи. Потом мы разрезаем её на широкие полосы, около четырёх метров длиной, для одежд. Стенли заходит даже так далеко, что бреет себе голову, но другие же уклоняются от этого, особенно после того, что случилось с Кейтом. Кроме того, многие из нас с некоторой извращённой гордостью оставляют длинные волосы, считая, что это отождествляет нас с членами картины хиппи. Мы принадлежим к поколению длинноволосых.

«В *Кали-югу* люди думают, что они будут очень красивыми, если просто будут носить длинные волосы», — говорит Свамиджи. – «Таково мнение "Шримад-Бхагаватам"».

Мы размышляем над этим. Свамиджи милостиво не настаивает ни на том, чтобы мы обрили головы, ни на том, чтобы мы надели одежды преданных. Уже позже, после полудня, когда некоторые из нас теряют покой и чувствуют голод из-за поста, Свамиджи говорит нам, что в холодильнике есть фрукты.

«Если вы чувствуете слабость, то возьмите их», — говорит он.

Мы не делаем этого, но вместо этого позволяем себе выпить немного воды. Для большинства из нас — это самая суровая аскеза, через которую мы когда-либо проходили. После вечернего *киртана* мы просим Свамиджи почитать что-нибудь из его новой рукописи, и он посылает Роя наверх, принести его перевод «Бхагавад-Гиты». Мы чувствуем, что это — необыкновенное событие. Наконец-то, мы не должны будем слушать перевод имперсоналиста Радхакришнана!

Как и в Первой Песни «Шримад-Бхагаватам», переводы дополнены доскональными комментариями, объясняющими все аспекты стиха в Вайшнавской персоналистической традиции. После чтения Свамиджи рассказывает историю явления Кришны около пяти тысяч лет назад.

«Те, кто могут понять природу пришествия Кришны, не рождаются снова», — говорит Свамиджи, — «но достигают обители Кришны. Таково обещание Кришны Арджуне на поле битвы».

Затем он рассказывает о том, как Кришна родился в полночь в тюрьме Своего демонического дяди, царя Камсы.

«Явление Господа можно сравнить с восходом полной луны в небе», -рассказывает он нам. – «Он явился Своим родителям — преданным, Васудеве и Деваки, — полностью украшенный, одетый в одежды из жёлтого шёлка, держащий в четырёх Своих руках морскую раковину, булаву, диск и цветок лотоса, и на Нём были прекрасные

украшения. Поскольку злобный Царь Камса убивал всех детей Деваки, Васудева отнёс Кришну во Вриндаван, где Он рос как сын Махараджи Нанды, богатого владельца множества коров».

Описав рождение Господа Кришны, Свамиджи начинает говорить о завтрашней инициации, рассказывая нам о четырёх основных ограничениях для всех, кто принимает *инициацию*: не употреблять в пищу мясо (а также яйца и рыбу), не играть в азартные игры, не заниматься незаконным сексом и не принимать интоксикации (включая алкоголь, сигареты, ЛСД, марихуану, чай и кофе).

«Для духовного продвижения необходимо очищение», — говорит он. — «Некоторые, так называемые *преданные*, курят и пьют, и говорят о Кришне, но это — издевательство. Для того, чтобы на самом деле понять Кришну, мы должны быть чисты, как изнутри, так и снаружи. Только чистое воспевание может принести истинное духовное продвижение. У новичков может проявляться склонность к тому, чтобы расслабиться и уменьшить свои усилия, но для того, чтобы продвигаться, мы должны постоянно увеличивать свои усилия и преданность. Для новичка трудно следовать этим регулирующим принципам и удерживать свой ум на Кришне, если он общается с неверующими; поэтому мы основали это общество».

«Несколько лет назад, когда один из моих братьев в Боге отправился в Англию, один аристократ спросил его: "Что я могу сделать, чтобы стать *брахманом*?" — и мой брат в Боге ответил ему, что для начала он должен отказаться от мясоедения, интоксикаций, азартных игр и незаконного секса. "Невозможно!" — ответил аристократ», — Свамиджи искренне смеётся. – «Он подумал, что это невозможно, потому что материалистическая жизнь вращается вокруг этих четырёх греховных действий. Люди тяжело трудятся весь день, чтобы ночью наслаждаться этими четырьмя столпами *Кали-юги*. *Кали-юга* — это самый деградировавший век, и Махарадж Парикшит отвёл для олицетворения *Кали* места для проживания там, где имеют место эти четыре греховных вида деятельности. Так что вы должны очень тщательно избегать их. Благодаря регулярному воспеванию и следованию этим регулирующим принципам вы будете прогрессировать. В этом нет сомнений».

Шрила Прабхупада гуляет по Нью-Йорку, 1966 год.

* * *

Все правила заставляют нас задуматься, но никто ничего не говорит. Что нам остаётся делать? Возражать? Жаловаться? Как это возможно — за ночь изменить привычки целой жизни, или нескольких жизней? Если бы мы искренне желали изменить свои жизни, мы бросили бы себя к стопам Господа Кришны и положились бы на Его защиту. Но что мы знаем о Кришне? Мы можем видеть перед собой только Свамиджи.

«Что бы ни препятствовало сознанию Кришны — это должно быть отвергнуто», — говорит он, — «а всё, что помогает — должно быть принято».

Перед его чистотой секс, мясоедение, интоксикации и азартные игры — кажутся поистине отвратительными. Всё это — *анартхи,* нежелательные вещи.

«Ваша греховная *карма* подобна вращающемуся вентилятору», — объясняет Свамиджи. – «Воспевая Харе Кришна, вы выключаете его. Вентилятор может всё ещё вращаться некоторое время после того, как вы его выключили, но, поскольку он не получает больше подпитки, он вскоре остановится».

«Когда он остановится, это будет к лучшему?» — спрашивает кто-то.

«Вы знаете, где выключатель», — говорит Свамиджи. – «Вы всегда можете опять включить его».

Несмотря на оговорки и предполагаемые трудности, мы помещаем свою прорастающую веру на Свамиджи. Воспевая и слушая, как он обсуждает «Бхагавад-Гиту», мы верим, что всё остальное придёт. А если нет, то, что мы теряем? Мы хотя бы попробуем!

«В этих усилиях нет ни потерь, ни поражений», — говорит Кришна Арджуне, — «и даже небольшое продвижение по этому пути может защитить человека от величайшего страха».

«Мы все пытаемся выжать какое-то наслаждение из этих материальных тел», — говорит Свамиджи. – «Но вместо того, чтобы наслаждаться, мы страдаем. Я рассказывал вам о верблюде? Иногда верблюд жуёт колючие ветки и у него во рту течёт кровь. Чувствуя вкус своей собственной крови, он думает, что колючки очень вкусные, и так он просто продолжает жевать. Материальное удовольствие подобно этому. Мы думаем, что мы наслаждаемся, но в действительности, мы пьём свою собственную кровь. Это происходит из-за невежества».

*** * ***

Мы продолжаем воспевать на наших новых чётках весь вечер. Никто из нас никогда до этого не воспевал так долго, и несмотря на то, что мы весь день, постимся, мы чувствуем мистический заряд энергии в нас.

По мере того, как приближается полночь, мы жадно рисуем в своём воображении огромный пир в честь дня рождения Господа Кришны, горы сочного *прасада:* пирожные и *качори, халава* и *пури, сабджи,* сладкий рис, *самосы* и *гулабджамуны*.

Всего за несколько минут до полуночи Свамиджи, наконец-то, нисходит из Своей кухни с *прасадом.* Но наши лица мрачнеют. Это всего лишь поднос с порезанными фруктами!

«О, нет!» — шепчу я Уолли. – «Это всё, что мы получаем после того, как целый день умирали с голода?».

Выражения у всех на лицах отражают разочарование. Ничего не говоря, Свамиджи даёт тарелку Рою, который передаёт её по кругу.

«Мы никогда не сможем так ограничивать себя», — говорит Уолли, когда берёт ломтик яблока и пол банана.

Но, к нашему удивлению, небольшая порция фруктов полностью удовлетворяет нас. Постясь или пируя, когда мы находимся вместе со Свамиджи — нам всегда здорово, — это то, что мы все знаем. Для нас

он — мудрец, дедушка, духовный учитель, любимый дядюшка, — всё это вместе. Сидя на возвышении, вкушая немного фруктов вместе с нами, он дружески беседует с нами, казалось бы, о мирских вещах, и смеётся.

«Воспевать, танцевать, вкушать *прасадам* и рассуждать о философии», — говорит он, — «таков наш метод кто не примет его?».

Кому же может не понравиться это – вечно быть в обществе Свамиджи? Хотя мы и не говорим этого, мы чувствуем в своих сердцах, что он — это наша единственная связь с Кришной в этом тёмном и полном одиночества мире.

* * *

«Теперь у вас есть чётки», — говорит Свамиджи на следующее утро, — «вы должны воспевать 64 круга ежедневно».

«64 круга?!!! Чтобы произнести отчётливо каждое слово мантры, мне требуется 5 минут на один круг. 64 круга займут больше пяти часов».

«Это невозможно! У нас никогда не будет столько времени».

«Хорошо», — говорит Свамиджи. – «32 круга».

«Невозможно, — говорим мы. – «Мы никогда не сможем делать этого. Это слишком для нас».

«Ну хорошо», — говорит Свамиджи. – «16 кругов. Не меньше».

После *киртана* Свамиджи просит нас повторить один круг и маленький магазинчик наполняется вибрацией мантры. Это в наибольшей степени успокаивающе. Это уносит нас прочь даже от постоянной какофонии уличного движения 2-ой Авеню, от детей и лающих собак.

«Самое лучшее — воспевать все свои круги с самого начала дня, в действительности, до восхода солнца. Возможно, этого вы делать не

можете, но, по крайней мере, старайтесь, чтобы к полудню ваши 16 кругов были прочитаны. Конечно, воспевание должно продолжаться всё время. В этом ограничений нет».

«Даже когда мы идём в ванную?» — спрашиваю я.

«Да», — смеётся Свамиджи. – «Конечно же, вы не должны брать с собой в ванную *чётки.* Но повторять *мантру* вы можете всегда».

* * *

В полдень этого же дня мы с Уолли снова навещаем Кейта в Беллевью. Он рад услышать о том, что мы прояснили всё со Свамиджи.

«Сегодня вечером мы принимаем инициацию», — говорю ему я. — «Будет огненное жертвоприношение».

«Я отдал бы всё за то, чтобы быть там», — говорит он. — «Сегодня я, наконец, виделся с психиатром, всё ещё ни слова».

«Свамиджи говорит, что для тебя будет специально инициация, когда ты выберешься отсюда», — говорю я. — «Ему, на самом деле, нужна твоя помощь на кухне».

«Я пытаюсь сидеть и читать Нараду», — говорит он, — «но дежурные не позволяют мне спокойно сидеть. Они продолжают изводить меня по любой причине. Однако у меня есть несколько ребят, которые воспевают со мной. Они не знают, что делать с этим».

«Будь осторожен, не вызывай у них враждебности», — советует Уолли. — «Помни, что ты намереваешься выйти отсюда как можно скорее Свамиджи ждёт тебя».

Несмотря на смех и слова воодушевления, нам не удаётся его ободрить.

* * *

Днём мы, следуя руководству Свамиджи, подготавливаем всё для инициации, достав землю, щепки, цветы, топлёное масло (*гхи*), зёрна

кунжута и ячменя, красящие порошки разных цветов и бананы — всё, что необходимо, для огненного жертвоприношения.

Этим вечером мы со Стенли впервые надеваем одежды преданных. Свамиджи показывает нам, как оборачивать *дхоти* вокруг талии и завязывать его в стиле вайшнава. Поскольку материал необычайно длинный, мне трудно удерживать его от того, чтобы он не свалился.

Видя это, Свамиджи туго затягивает узел, подобно капитану корабля, закрепляющему спасательный трос, исполненному решимости не потерять человека в океане *майи*. Он одобряет шафрановые водолазки с высоким воротом, которые мы купили на Орчард Стрит, как сочетающиеся с *дхоти*.

Когда все мы, одиннадцать человек, собираемся в его апартаментах, Свамиджи ведёт нас в алтарную комнату и показывает, как наносить *тилак*. Следуя его примеру, мы аккуратно смешиваем очищенную глину с водой в своих ладонях.

«Это должна быть глина из священной реки Ямуна», — произнес он, — «но здесь мы используем то что у нас есть».

Тогда мы наносим влажную глину на свои лбы перед небольшим зеркалом. Тем не менее, у меня не получается вайшнавская "U", как это делает Свамиджи, и я развожу по лбу различные извилистые мазки. Видя это, Свамиджи слегка проводит своим пальцем по моему лбу, и я, глядя в зеркало, вижу совершенной формы знак *тилака.*

«Мой Гуру Махараджа никогда не пользовался зеркалом», — говорит Свамиджи, — «но его *тилак* всегда был совершенен. Он никогда не считал ученика бесполезным, если ученик носил *тилак*».

Хотя этот сложный ритуал для нас — таинство, Свамиджи, однако, превращает его в совершенно естественный и совершенно уместный. Всё, что мы знаем, на самом деле, о церемонии инициации, это то, что будет огненное жертвоприношение *(агнихотра-ягья)* в древнем ведическом стиле. И это, само по себе, уже очаровывает нас.

В центре комнаты расположен небольшой холмик земли, и вокруг него уложены бананы, лучина для растопки, благовония, горшок с *гхи*, семена кунжута, зёрна ячменя и цветные краски.

Свамиджи садится на полу перед холмиком и жестом зовёт нас сесть, с другой стороны. Поскольку комната маленькая, все мы, одиннадцать человек, заполняем всё пространство, сидя со скрещенными ногами, на полу. Только трое из нас одеты в одежды преданных, на остальных — обычные брюки и водолазки. Несколько гостей стоят в конце комнаты и с любопытством глазеют через открытую дверь и перегородку. Мы воспеваем Харе Кришна тихо, чтобы не беспокоить соседей.

В восемь вечера Свамиджи зажигает благовония и тихо начинает читать мантру *гаятри*, предлагая поклоны сначала Богу Солнца.

"*Ом бхур бхава сва тат савитур...*".

Он показывает нам, чтобы мы повторяли Харе Кришна на наших чётках, и внезапно комната наполняется гулом мантры. Тогда Свамиджи берёт ложку в свою левую руку и трижды капает водой себе на правую руку из маленькой серебряной чашечки. Он делает маленький глоток этой воды, капает ещё одну ложечку воды на правую руку и сбрасывает воду на пол. Он передаёт чашечку и ложечку по кругу, и мы делаем как положено, следуя его примеру.

Некоторые из нас помещают воду не на ту руку или глотают её в неподходящий момент, и он терпеливо поправляет нас. После того, как нам это удаётся, он начинает воспевать.

«Теперь повторяйте за мной», — говорит он, начиная произносить очистительную мантру:

ом̇ апавитраḥ павитро вā
сарвāвастхāм̇ гато ’пи вā
йаḥ смарет пуṇдарīкāкшам̇
са бахйāбхйантара-шу́чиḥ
шри вишну шри вишну шри вишну

«Нечистый или чистый, даже прошедший через все возможные ситуации, если человек помнит лотосоокую Верховную Личность Бога — он чист изнутри и снаружи».

Мы изо всех сил стараемся повторять слова следом за ним. После того, как мы три раза повторяем *санскрит,* Свамиджи поднимает вверх руки, призывая к молчанию. Затем он напоминает нам, что нам никогда не стоит беспокоиться, когда мы встречаемся с трудностями, ибо мы всегда должны знать, что Господь Кришна ведёт нашу колесницу.

«Кришна и Арджуна сидели в одной колеснице», — рассказывает он нам. — «Но Арджуна знал, что Кришна — Всевышний. Мы тоже как бы в одной колеснице с Кришной. Эта колесница — это материальное тело, а в сердце присутствует Господь Кришна как Сверхдуша, являясь свидетелем всех наших действий. Даже несмотря на то, что Он сопровождает нас в материальном мире, Кришна никогда не привязывается. Ему нет необходимости действовать, ибо у Него нет материальных желаний. Он — Параматма, Сверхдуша, а мы — *джива-атма*, индивидуальные фрагментарные души. В Упанишадах это сравнивается с двумя птицами, сидящими на одном дереве тела. Одна птица, *джива-атма,* наслаждается плодами дерева, в то время как другая птица, Параматма, просто сидит и наблюдает. Эти две птицы имеют вечные трансцендентные любовные взаимоотношения, но одна птица так сильно погрузилась в наслаждение плодами этого дерева, что забыла своего Друга. Это забвение Кришны называется *майей.* Всё же Его любовь к нам так велика, что, когда бы мы ни переселялись из одного тела в другое, Кришна идёт вместе с нами, чтобы посмотреть, что мы делаем. Он просто ждёт, чтобы мы повернулись к Нему лицом. Как только мы поворачиваемся лицом к Кришне, Он говорит: "Мой дорогой сын, идём со Мной. Ты вечно дорог Мне. И сейчас, когда ты повернулся лицом ко Мне, я очень счастлив"… Кришна всегда исполняет наши желания. Если мы хотим отвернуться от Него, Он позволяет нам. И если мы хотим страдать, Он разрешает нам, но разумный человек спросит: "Почему я страдаю? Я не хочу стариться и умирать, но я должен делать это". Ради чего мы проходим через все эти страдания? Всего лишь ради горстки чувственного наслаждения, вот и всё. Снова и снова люди жуют уже пережёванное. У вас есть

сахарный тростник, из которого выжат весь сок. После того, как сахарный тростник переработали, в нём уже нет больше сока. И его выбрасывают. Но всё же, думая, что в этом материальном мире есть хоть какое-то наслаждение, люди жуют уже пережёванное. И каков результат? Несмотря на то, что люди ищут вечного счастья, они находят одни лишь страдания. И когда вы начинаете задаваться вопросом о причине этих страданий, то наступает время обратиться к истинному духовному учителю, который может научить вас тому, как положить конец страданиям... Мы не предназначены для страдания, мы предназначены для вечного счастья. Мы не являемся этой грубой материей, но мы есть Брахман, духовная душа, неотъемлемая часть Верховного Брахмана, Господа Кришны. И когда мы осознаем свою природу как Брахмана, мы исполнимся счастья — *брахма-бхӯтаḥ прасаннātмā...*"».

Его рассказ продолжается около 30 минут. Наши скрещённые ноги болят, и мы пытаемся изменить их положение, даже когда Свамиджи рассказывает нам о том, что мы не являемся этими телами. Но ни в один момент времени мы не можем отвести от него своих глаз. Своими словами он обвораживает нас. Ещё раз, он напоминает нам, что нам нужно следовать четырём основным регулирующим принципам, запрещающим мясоедение, незаконный секс, интоксикации и азартные игры.

«Это четыре признака этого века *Кали*», — говорит он. – «в этот век люди мало живут, они невежественны, вздорны, забывчивы, всегда пребывают в беспокойстве. Так давайте отбросим весь этот вздор, будем воспевать Харе Кришна и будем счастливы и вернёмся обратно домой, обратно к Богу».

Когда лекция заканчивается, Рой достает маленькие деревянные нашейные чётки, которые называются *кантхималы*, и мы одеваем их на шее друг другу, завязывая их сзади.

«Эй, а как ты будешь снимать их?» — спрашивает Уолли.

«Мы не будем их снимать», — говорит Стенли. — «Это ошейники собак Кришны».

Затем, одни за другими, Свамиджи берёт наши чётки для *джапы* и воспевает на них, повторяя всю Харе Кришна мантру на каждой из 108 бусин. Мы воспеваем, и гудение наших голосов наполняет комнату. Потом мы по очереди получаем наши чётки и новые, духовные имена.

Майк Грант становится Мукундой, Джэн становится Джанаки, Уолли становится Умапати, Карл становится Карлапати, Стенли становится Стриадхишей, Джим Грин Становится Джаганнатхой, Бил Эпштейн становится Равиндра Сварупой, Джанос, приезжающий к нам из Монреаля, становится Джанарданой.

Свамиджи кивает мне, и я пододвигаюсь вперёд и вручаю ему большие красные чётки для *джапы*. Прочитав круг, Свамиджи возвращает их мне. Теперь они освящённые.

«Ты начинаешь вот здесь», — говорит он, — «и повторяешь по кругу, вот так, до сюда. Тут не перепрыгивай. Теперь ты разворачиваешься и читаешь в обратную сторону, вот так. 16 кругов в день. Твоё имя — Хаягрива».

Правой рукой я беру чётки, держу их крепко и склоняюсь на полу в поклоне, повторяя мантру:

нама ом вишну-пāдāйа кришна-прештхāйа бху-тале
шримате бхактиведāнта-свāмин ити нāмине

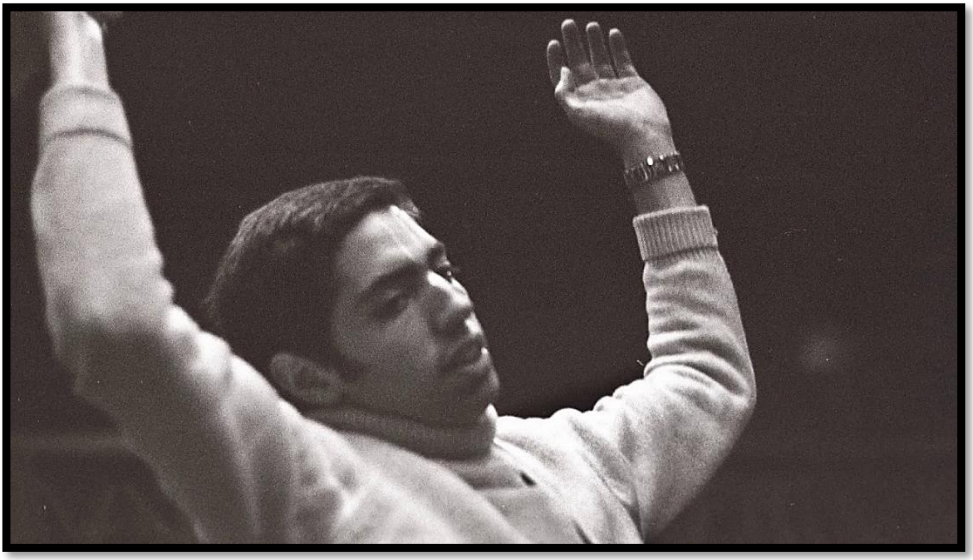
«Я предлагаю свои поклоны Его Божественной Милости А. Ч. Бхактиведанте Свами, который очень дорог Господу Кришне, ибо принял прибежище у Его лотосных стоп».

Пока я повторяю это, я чувствую, что всё становится светлее и ярче, так, будто вся комната ярко сияет, а бремя множества рождений исчезло. Из сострадания и милости, духовный учитель поглощает греховные реакции кармы ученика.

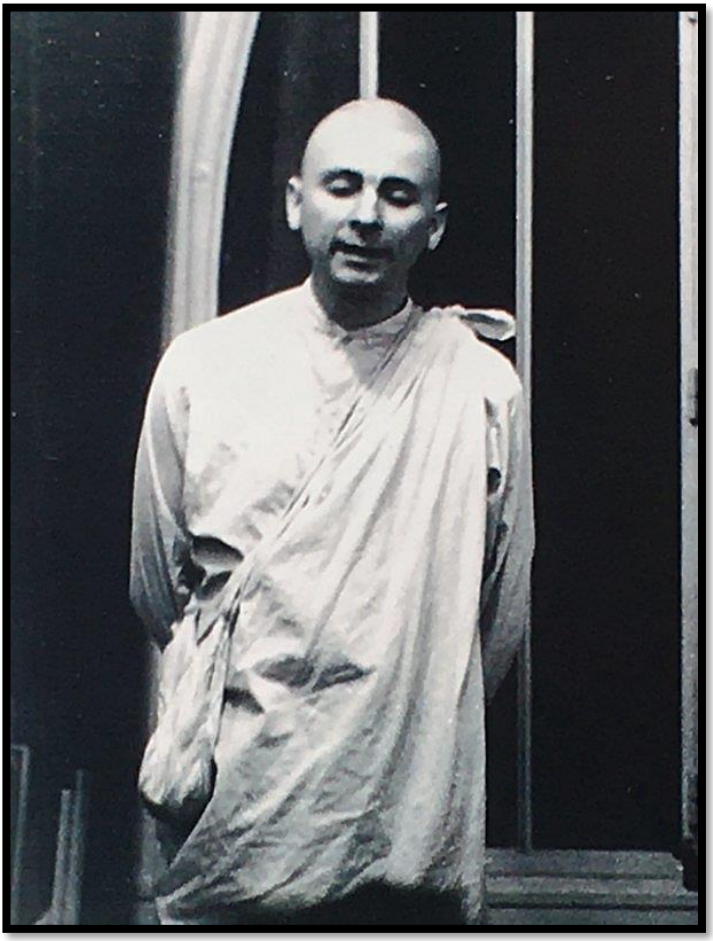
Как сказал нам Свамиджи, слово *гуру* значит «тяжёлый», оставляя за нами возможность понять, почему это так.

Хаягрива дас.

Майк Грант становится Мукундой.
Его воспоминания о Шриле Прабхупаде в книге «Чудо на Второй Авеню».

аУолли становится Умапати.

Бил Эпштейн становится Равиндра Сварупой.

*** * ***

Начитав все одиннадцать чёток, Свамиджи разбрызгивает цветные краски вверх и вниз, и по сторонам на холмик земли перед собой. Все мы напряжённо наблюдаем за каждым его движением. Он погружает прутики и деревянные щепки в растопленное масло, затем зажигает их от свечи. Одну за другой, он берёт щепки и ставит их, укладывая маленький костёр на холмике. Затем он смешивает семена кунжута и ячменя с топлёным маслом в миске и разбрасывает это вокруг, говоря нам сгрести по пригоршне.

Пока он читает молитвы на *санскрите,* мы повторяем за ним слова:

ванде ’хам̇ ш́рӣ-гуроḥ
ш́рӣ-йута-пада-камалам̇ ш́рӣ-гурӯн ваишн̣ава̄мш́ ча

«Я предлагаю свои поклоны лотосным стопам моего духовного учителя и стопам всех Вайшнавов».

На *санскрите* мы также предлагаем поклоны главным учителям ученической преемственности. Каждая молитва завершается словом «*сваха»,* повторяющимся три раза. Когда мы говорим «*сваха»,* мы бросаем семена кунжута и ячмень в поглощающий *карму* огонь.

Тем временем Свамиджи продолжает подливать масло с семенами кунжута и ячменем, и подкладывать щепки до тех пор, пока холмик не начинает полыхать. Молитвы текут и текут с ритмичными *«сваха»,* и кажется, что им нет конца, и по мере того, как мы продолжаем, пламя всё поднимается и поднимается, и комната наполняется жаром.

Когда молитвы наконец завершаются, мы можем слышать лишь треск огня и хлопки семян кунжута; кто-то раздаёт бананы, и Свамиджи говорит нам класть их в огонь. Мы так и делаем, и бананы быстро начинают тлеть. Когда дым начинает сгущаться, некоторые из гостей начинают кашлять м отступают в проход. Свамиджи хладнокровно выливает оставшееся масло и семена кунжута в огонь.

Мы задаёмся вопросом: что, если кто-то поднимет панику и вызовет пожарных. Поистине, странное зрелище для нью-йоркских пожарных: Свамиджи, невозмутимый, среди дыма, сидит напротив костра, сияя от удовольствия над своими одиннадцатью новоиспечёнными учениками.

«Этот дым не ест глаза», — говорит он, когда Мукунда и Джанаки спешат открыть окна. – «Другой дым приносит беспокойство, но этот – нет».

Широко улыбаясь, Свамиджи встаёт, хлопает в ладоши и громко воспевает Харе Кришна. Переставляя одну ногу перед другой, он танцует перед костром. Мы также танцуем и поём, и дым постепенно отступает.

Наша греховная *карма* сгорела дотла! Жертвоприношение завершено, Свамиджи смешивает немного пепла с оставшимся маслом и понемногу помещает на наши лбы. Я спрашиваю у него, что значит моё новое духовное имя.

«Хаягрива — это инкарнация Кришны, которая приходит в *Сатья-югу*, золотом веке», - говорит он. – «Хаягрива — значит птица-лошадь. У Кришны в образе Хаягривы лошадиная голова и крылья, как у птицы. Когда Он дышит, из Него исходят Веды».

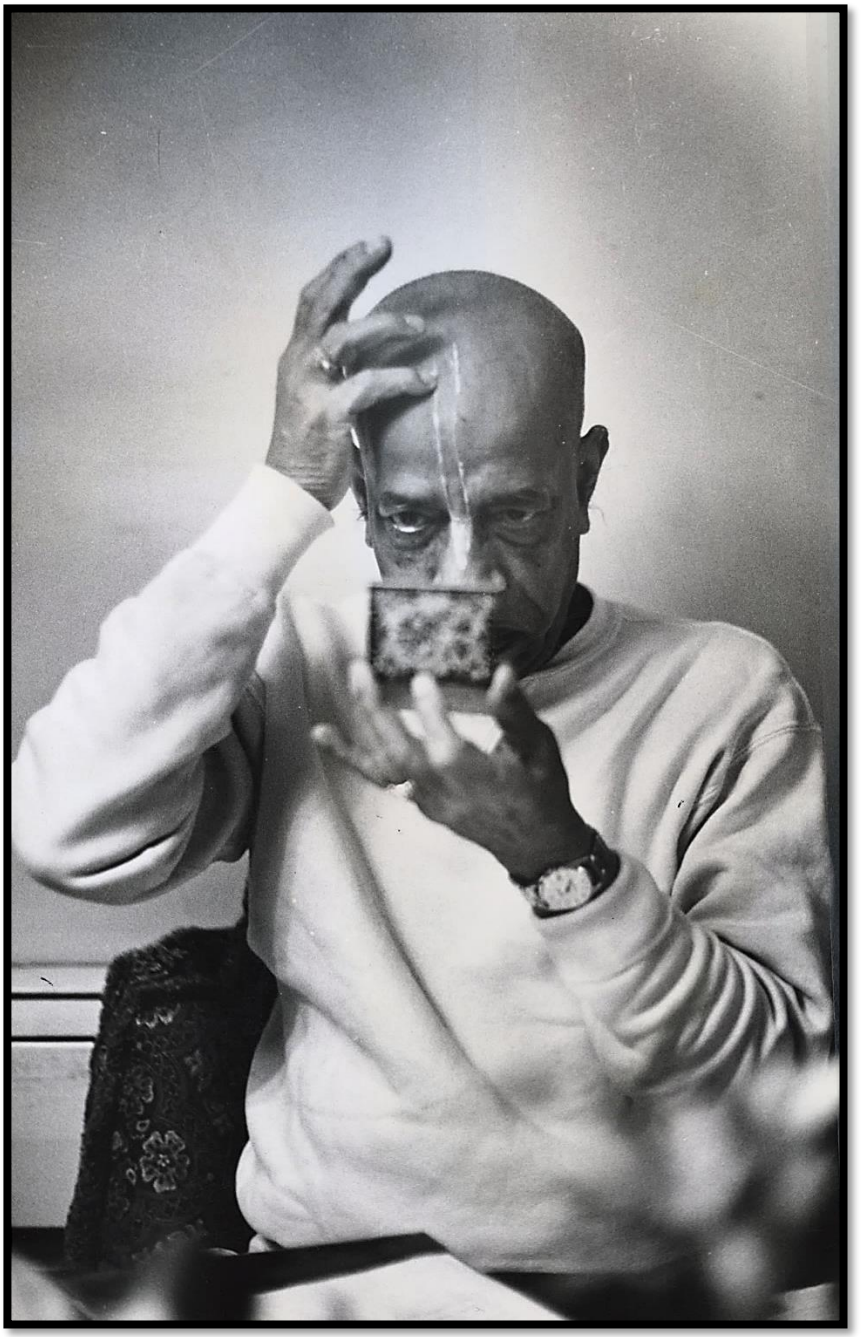
Пытаясь представить себе Хаягриву, я воображаю греческого бога Пегаса, нарисованного на заправочной станции Мобил.

«Но это не так, что ты — это Хаягрива», — быстро предупреждает Свамиджи. – «Нет, ты – Хаягрива дас. *Дас* — значит "слуга", слуги Хаягривы. Мы все — слуги Бога. Мукунда — значит Кришна, дарующий освобождение. Поэтому – Мукунда дас *брахмачари*. Раярама дас *брахмачари*. *Брахмачари* — значит "ученик, соблюдающий целибат"».

Пока раздаётся *прасадам,* Свамиджи разговаривает с гостями, побуждая их последовать примеру его новых учеников. Он счастливо смеётся и шутит, объясняя значение каждого имени.

Приближается полночь, мы все расходимся по своим квартирам, одиннадцать до этого ничего не подозревавших людей, волею судьбы выбранных из миллионов горожан, собранных странным святым человеком с чужой земли, может быть, из другой вселенной, связанные его желанием распространить сознание Кришны в Америке.

Глава 5. Взрыв Харе Кришна.

«Если Кришна увидит, что вы делаете навстречу к Нему один шаг», — говорит Свамиджи, — «Он сделает десять шагов навстречу вам. Он так счастлив видеть, что вы повернулись к Нему. Он желает видеть, как мы вернёмся к Богу гораздо сильнее, чем мы желаем вернуться к Нему».

Опять на Мотт Стрит, я пялюсь на себя в зеркало и повторяю моё новое имя. «Теперь ты Кришнин…», — думаю я, рассматривая новые *кантхималы* вокруг своей шеи. – «Это — ошейник собаки Кришны, и он не снимается».

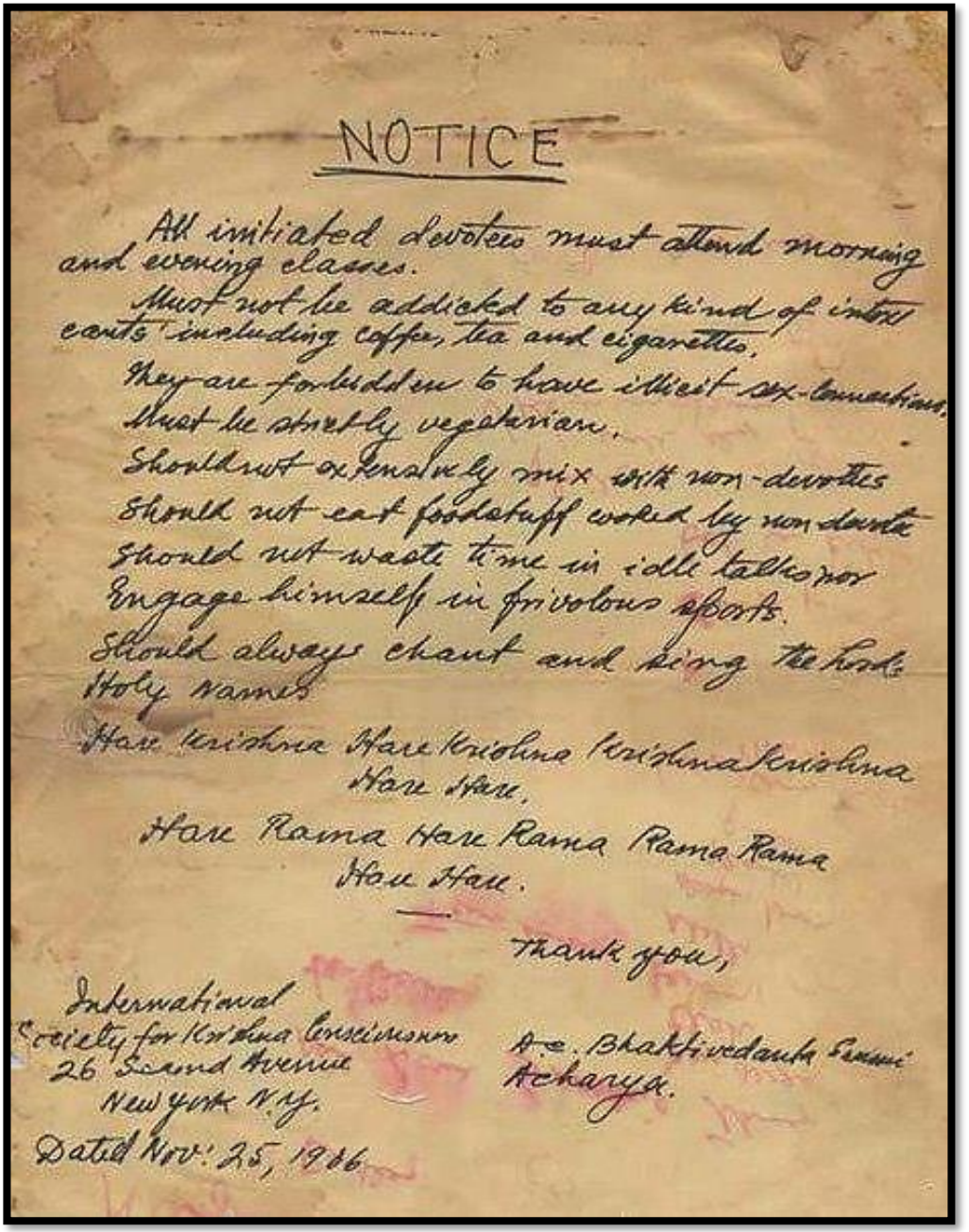
Мы все с оптимизмом принимаем решение следовать правилам. Для большинства из нас с отказом от мясоедения и азартных игр нет проблем. Но правила, ставящие под контроль секс и интоксикации, однако, вынуждают некоторых к быстрым изменениям в образе жизни. Я решаю обратить всю старую квартиру на Мотт Стрит в ашрам *брахмачари*. Со стен уходят психоделические плакаты, и на них появляется лотосоокий Кришна. На следующий день в храме мы обнаруживаем объявление, расположенное на двери в ванную комнату. Там аккуратно чернилами самим Свамиджи написаны дополнительные правила и предписания.

ВНИМАНИЕ!

Все инициированные преданные должны посещать утренние и вечерние лекции. Не должны увлекаться ни одним видом интоксикаций, включая кофе, чай и сигареты. Им запрещается иметь незаконные половые связи. Они должны быть строгими вегетарианцами. Не должны иметь слишком много дел с непреданными. Не должны есть пищу, приготовленную непреданными. Не должны тратить время на праздные разговоры и увлекаться пустыми спортивными играми. Они должны всегда воспевать и повторять святые имена Господа:

Харе Кришна Харе Кришна, Кришна Кришна Харе Харе,
Харе Рама Харе Рама, Рама Рама Харе Харе

Спасибо.
А. Ч. Бхактиведанта Свами, Ачарья.

NOTICE

All initiated devotees must attend morning and evening classes.

Must not be addicted to any kind of intoxicants including coffee, tea and cigarettes.

They are forbidden to have illicit sex-connection.

Must be strictly vegetarian.

Should not sexually mix with non-devotees

Should not eat foodstuff cooked by non-devotees

Should not waste time in idle talks nor engage himself in frivolous sports.

Should always chant and sing the Hare Holy names

Hare Krishna Hare Krishna Krishna Krishna Hare Hare,

Hare Rama Hare Rama Rama Rama Hare Hare.

Thank you,

International Society for Krishna Consciousness
26 Second Avenue
New York N.Y.

A.C. Bhaktivedanta Swami
Acharya.

Dated Nov. 25, 1966

Объявление написанное Шрилой Прабхупадой.

Прочитав объявление, Умапати ничего не говорит.

Раярама просто усмехается: «Ни чая, ни кофе…», — говорит он, покачивая головой.

С ужасом мы начинаем осознавать, что ограничить себя больше, чем в гамбургере, мы не в состоянии. Мы пристрастны к кофе и чаю, и нам трудно себе представить завтрак без яиц. Кроме того, хлеб, булочки, кексы мороженое и печенье, обычно включают в свой состав яйца. А также «никакой пищи, приготовленной непреданными», — ставит запрет на все рестораны, забегаловки и даже самую хорошо упакованную пищу из супермаркета. А «никаких дрожжей, лука, чеснока и грибов» — кладёт конец пицце. Кто-то даже сказал, что большая часть сыров сделана с сычугом — из желудка коровы!

«Я смягчил всё это на 90%», — говорит Свамиджи. — «Если бы я рассказал вам сейчас всё сразу, вы упали бы в обморок».

* * *

На второй неделе пребывания Кейта на Белевью, мы с Умапати продолжаем приносить ему фрукты и *чапати*. Каждый день больничные доктора подают нам некоторую надежду, а потом с наслаждением разбивают её.

«Личный психиатр и мои родители могут вытащить меня отсюда», — говорит Кейт нам.

Доктора дают Кейту диагноз, по которому он – «злостный шизофреник». Когда Свамиджи слышит об этом, он опечаленно покачивает головой.

«Мы все зависим от милости Кришны», — говорит он — «когда у нас есть эти материальные тела, мы вынуждены проходить через столь много трудностей. Харидаса Тхакура избили плетями за его преданность Кришне, а потом они выбросили его мёртвого в реку. Но всё же, Харидас никогда не жаловался. Преданный смотрит на свои горести как на милость Кришны, как на минимальное наказание за

свои прошлые ошибки. Он думает: «О Кришна, я должен был бы страдать гораздо сильнее, но, по Твоей беспричинной милости, мои страдания сведены до минимума».

* * *

Через три дня после инициации Свамиджи проводит первую свадьбу: Мукунда и Джанаки, которые были инициированы вместе и теперь их брак должен быть освящён ведическим образом. Сестра Джанаки, Джоан, прибыв из Орегона, помогает украсить маленькое помещение, подготавливая его к свадьбе, она развешивает цветы вдоль и поперёк потолка. В кухне Свамиджи руководит приготовлением угощения. Это будет наш первый большой пир. Он показывает нам как делать *качори* и *пури*. Общим счётом, мы приготавливаем 15 видов блюд — *гулабджамуны* (сладкие шары), *сабджи,* сладкий рис, *халаву* и разные виды *чатни.* Мукунда появляется в белых одеждах, а Джанаки одевает новое красное шёлковое сари и тяжёлые серебряные серьги. Одеть сари — это идея Свамиджи.

«В сари девушки выглядят очень женственными, не правда ли?» — говорит он, смеясь.

Около сорока гостей наполняют помещение. Джанаки с Мукундой сидят напротив Свамиджи, сидящего перед жертвенным холмиком. Поклоны и гирлянды предложены, благовония зажжены, и свадьба начинается.

«Ом бхур бхава сваха тат...»

По кругу передается чашечка с водой, как во время инициации. Свамиджи даёт короткую речь.

«В браке в сознании Кришны не может быть и речи о разводе», — говорит нам он. – «В материальном мире, когда муж устаёт от одной жены, он заводит другую, или, когда случается какое-то разногласие, они сразу же расходятся. Но в сознании Кришны — нет. Брак — это на всю жизнь. Обязанностью жены является — служить мужу, поддерживать дом в чистоте, хорошо готовить и предоставлять мужу

все удобства, когда он возвращается домой с работы. Жена подобна богине Лакшми. Когда она присутствует — ни в чём нет недостатка. Её обязанность — рожать сознающих Кришну детей и помогать мужу в жизни развивая сознание Кришны. А обязанностью мужа является защищать жену и заботиться о ней. Жена не должна покидать дом, для того чтобы пойти на работу. Этот план не годиться. Жена никогда не независима, но она всегда находится под защитой и должна оставаться дома, таким образом, семейная жизнь будет проходить очень спокойно. И даже если и есть какие-то разногласия, и речи не может быть о разводе. Разногласия между мужем и женой: как сказано в Ведах, подобны грому без молний — много шума, но никакой опасности. Так что, помните об этом, живите вместе в сознании Кришны и будьте счастливы».

Церемония продолжается, Джоан, сестра Джанаки, официально представляет Джанаки Мукунде.

«Я принимаю Джанаки даси в качестве моей жены», — повторяет за Свамиджи Мукунда, — «и я буду отвечать за неё на протяжении всей нашей жизни. Мы будет мирно жить в сознании Кришны и никогда не расстанемся».

Свамиджи поворачивается к Джанаки.

«Принимаешь ли ты Шримана Мукунду даса *брахмачари* как твоего спутника жизни?» — спрашивает он. – «Будешь ли ты всегда служить ему и помогать ему выполнять его деятельность в сознании Кришны?».

«Да. Я принимаю Шримана Мукунду в качестве своего мужа на всю мою жизнь. Мы никогда не разлучимся — ни в горести, ни в радости, — я буду служить ему всегда, и мы будем вместе жить мирно в сознании Кришны».

Мукунда и Джанаки обмениваются гирляндами и местами, на которых сидели. Мукунда снимает ярко-красное сари с волос Джанаки, затем опять покрывает её голову сари. Стриадхиша связывает сари Джанаки с кромкой *дхоти* Мукунды.

«Оставьте одежды связанными на неделю» — говорит Свамиджи, затем он распрыскивает разноцветные краски на холмике для жертвоприношения.

Мы снова окунаем свои руки в *гхи*, ячмень и кунжут, огонь зажжён и начинаются молитвы. Помещение снова заволакивает дымом.

*** * ***

После пира мы лопаемся от картофельных *качори.*

«Здесь в Америке я вижу, что это закономерность — когда юноша и девушка живут вместе», — говорит Свамиджи. – «Конечно, в материальном мире это сексуальное желание естественно, но мы говорим вам, что вы не должны жить вместе как кошки и собаки. Если вы хотите секса, вы должны пожениться».

Когда свадьба завершается, становится уже поздно, и мы с Равиндра Сварупой сопровождаем Мукунду и Джанаки на их чердак всего в нескольких зданиях по Бауэри.

«На следующей неделе мы уезжаем в Сан-Франциско», — говорит мне Мукунда.

«А оттуда мы собираемся в Индию. Знаешь, вам нужно подумать о том, чтобы поехать на побережье. Я слышал, что Сан-Франциско созрело для сознания Кришны».

«А не рано ли сейчас ещё расширяться?» — спрашиваю я. — «Мы ведь здесь только начали».

«Да, но у Свамиджи есть ученик, которого сейчас здесь нет», — говорит он мне, — «по имени Гарви Кохен. Он вызывает большой интерес, просто говоря с людьми. Он пытается найти место для храма в помещении какого-нибудь магазинчика и готовит для Свамижди сюрприз к январю».

Мукунда полон энтузиазма в том, чтобы отправиться в Индию, и в том, чтобы распространить сознание Кришны по всему миру.

«В конце концов», — говорит он, — «Свамиджи назвал это Международным Обществом Сознания Кришны. Так что, рано или поздно, нам нужно будет стать международным обществом».

Он думает, что Свамиджи должен будет покинуть Нью-Йорк до зимних снегов.

«Сейчас его здоровье в порядке», — говорит он, — «но кто знает? Он привык к тропической Калькутте».

Позднее мы смотрим Аллена Гинзберга в телевизионном шоу. Гинзберг воспевает Харе Кришна и упоминает о том, что появился новый Свами в Нижнем Ист-Сайде, который только что начал давать лекции по *мантра-йоге.*

Мы счастливо хлопаем в ладони. Это наша первая реклама по телевидению.

* * *

Несмотря на постоянное пребывание в обществе Свамиджи и каждодневное свидетельствование его вдохновляющих трансцендентальных действий, я обнаруживаю некоторую сложность в следовании основным правилам.

Когда я признаюсь в этом Свамиджи, он вскакивает на ноги: «Тогда воспевай Харе Кришна!» — говорит он, сила его жеста подхватывает меня, так, что я сам собой встаю. – «Воспевай Харе Кришна! Кришна! Кришна! Кришна, помоги мне! Кришна, спаси меня!».

Я начинаю воспевать, побуждаемый одной лишь его духовной силой, стирающей пыль с зеркала ума, очищающей и возвышающей меня.

И́рвин А́ллен Ги́нзберг
(3 июня 1926— 5 апреля 1997).

Американский журналист и поэт второй половины XX века. основатель битничества и ключевой представитель бит-поколения наряду с Д. Керуаком и У. Берроузом. Автор знаменитой поэмы «Вопль» (англ. Howl, 1956). Оказал значительное влияние на контркультуру 1960-х годов.

«С этим телом связано такое множество беспокойств», — говорит он. – «Чувства желают столь многих вещей. Дурные привычки побуждают нас к действиям, дурные привычки из этой жизни и также из других жизней. Но Кришна говорит, что даже если человек действует по всей видимости аморально, из-за какого-то прошлого дурного общения или дурных привычек, его следует считать *садху,* святым, если он решительно настроен стать сознающим Кришну. Так или иначе, мы должны продолжать выполнять наши обязанности. Тогда постепенно, по мере продвижения, будет происходить очищение. Конечно, преданный может показаться аморальным, или он может пасть из-за дурных привычек. Иногда привычка становится нашей натурой… Точно так же, как с тем вором, который отправился в паломничество. Ночью, когда другие паломники спали, этот вор начал обворовывать их багаж и собирать их сумки, но он подумал: "О, я пришёл в это святое место, и всё-таки, в силу своей дурной привычки, я ворую. Нет! По крайней мере, пока я нахожусь здесь, я не буду воровать". Утром, когда другие паломники проснулись, они стали искать свои сумки, но увидели, что они все лежат не в тех местах, все перепутаны. " В чём дело? Что случилось?" — спрашивали они. Тогда вор встал и сказал им: "Джентльмены, я — профессиональный вор. Поскольку у меня есть привычка воровать по ночам, я собирался обворовать ваши сумки, но так как я пришёл в это святое место, я решил не делать этого, так что, вместо этого, я просто положил ваши сумки в разные места — одну тут, другую там". Такова природа дурной привычки. Даже хотя человек и не хочет делать этого, он имеет такую дурную привычку. Поэтому Кришна говорит, что, если человек решает прекратить действовать согласно своим дурным привычкам и посвящает себя развитию сознания Кришны, его следует считать святым. Даже если он случайно падёт, и сделает что-то, что с точки зрения общественности кажется аморальным, этого не следует принимать в расчёт. Поскольку он обратился к сознанию Кришны, он очень скоро станет святым. Очень скоро».

*** * ***

«Мой Гуру Махараджа Шрила Бхактисиддханта обычно говорил: "Этот мир — не место для джентльмена". И это правда. *Майя* очень

сильна. Я находился в тёмном колодце семейной жизни, и он вытащил меня оттуда!».

Память об этом вызывает слёзы на его глазах. Для нас Свамиджи – это безупречно чистый лебедь, плавающий на трансцендентном уровне, и всё же он говорит, что его духовный учитель спас его из океана материальных страданий.

«Роль духовного учителя невозможно переоценить», — говорит он. – «*Гуру* так же хорош, как и Бог, но он не Бог. Так говорят только *майявади.* Только Кришна – Бог, это факт. Но для преданного, *гуру* так же хорош, как и Бог».

* * *

На третьей неделе пребывания Кейта в Беллевью, мы с Умапати продолжаем навещать его, проводя с ним по часу каждый день. Так как он отказывается есть что-либо из больничной пищи, мы приносим ему *чапати,* фрукты и овощи, и немного риса, перемешанного с *далом*. Доктора как никогда решительно настроены в отношении того, чтобы не оставлять его в покое, и Кейт уже почти теряет надежду.

«Они даже говорят о том, чтобы перевести меня в Центральное Отделение», — говорит он. Когда мы возвращаемся к Свамиджи, мы сообщаем ему о том, что положение Кейта становится серьезным.

«Зачем он вообще пошёл туда?» — спрашивает Свамиджи. – «Я никогда не говорил ему идти туда».

«Из-за этого-то он и попал в беду», — говорю я, и в следующий момент мне внезапно на ум приходит Аллен Гинзберг.

«Может быть, мистер Гинзберг сможет помочь?» — предлагаю я.

«Да, попробуйте обратиться к нему», — говорит Свамиджи.

Аллен рекомендует нам доктора Хорнера, Юнгианского психиатра из Восточной Калифорнии. Я звоню доктору Хорнеру и

объясняю ему затруднительное положение Кейта. На следующий день доктор отправляется в Беллевью, говорит с Кейтом и затем пишет заключение, утверждающее, что он следует разумной религиозной дисциплине и должен быть отпущен на свободу. Но даже этого оказывается недостаточно: в заключении требуется подпись членов семьи. Не зная, куда обратиться, Кейт звонит своему отцу в дальнюю Исландию. К сожалению, его отец, баптистский священник-фундаменталист, опасается, что, общаясь со Свамиджи, Кейт попадёт в лапы анти-христианства. Он не решается ставить свою подпись.

Хотя Кейту уже около 30 лет, ему оказывается необходима подпись отца. В конце концов, в отчаянии, он обещает отправиться домой вместе со своим отцом и стать христианином. За несколько часов Кейт снова возвращается на Вторую Авеню, задыхаясь от быстрого бега.

«Мне пришлось выпрыгнуть из машины моего отца, чтобы добраться досюда», — говорит он, — «но всё же это получилось!».

Когда Свамиджи видит Кейта, он встаёт и обнимает его.

«Ну вот! Кришна спас Своего преданного!» — говорит Свамиджи. – «О, я умолял Кришну».

«Как же так, у меня забрали этого замечательного юношу? Я молился, чтобы они отпустили тебя. Поскольку они заняты этими делами сумасшедших, они говорят, что ты — сумасшедший. Но в действительности, материалисты — сумасшедшие, потому что для них это временное тело — это всё, и они пренебрегают вечной душой. Сумасшедший думает, что все остальные — сумасшедшие, но нам нет дела до их мнения. Мы предоставим Кришне решать, кто же на самом деле сумасшедший».

* * *

На следующий день после освобождения Кейта, 23 сентября, — день явления Радхарани, вечной спутницы Господа Кришны, и Свамиджи объявляет о второй церемонии инициации.

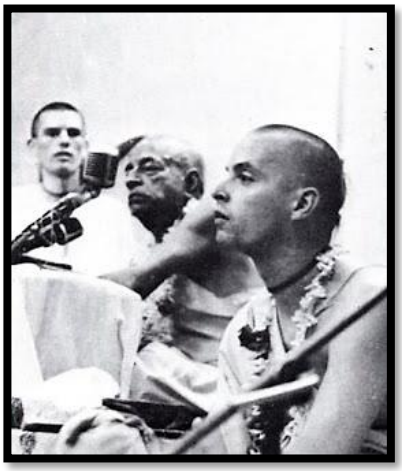
«Сегодня мы будем поститься до полудня», — говорит он. — «Шримати Радхарани так милостива, что она не хочет, чтобы мы голодали».

Утром он показывает Кейту как готовить *расагулы,* сладкие шарики, из творога, сваренные в сиропе. Они очень сладкие и сочные. Большая кастрюля с ними стоит в углу маленькой алтарной Свамиджи, и иногда, когда мне очень хочется, я спрашиваю у Свамиджи, могу ли я взять один.

«Да, возьми», — говорит он, как всегда.

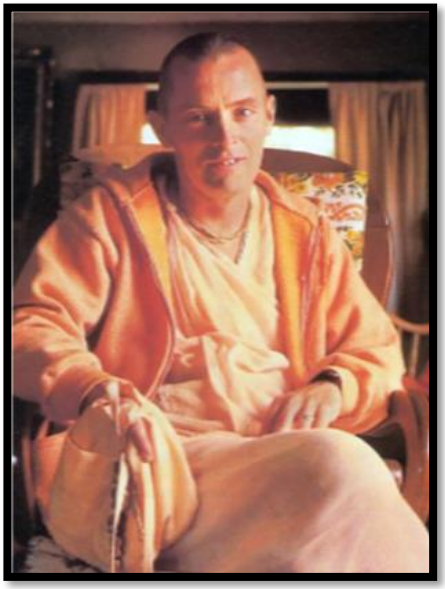
Вместе с Кейтом будут инициированы Брюс, Чарльз и Стив. Брюс выглядит как футбольный захватчик, в противоположность ему, Стив и Чарльз — аскетически худы. Кейт становится Киртанананадой, Брюс становится Брахманандой, а Стив — Сатсварупой.

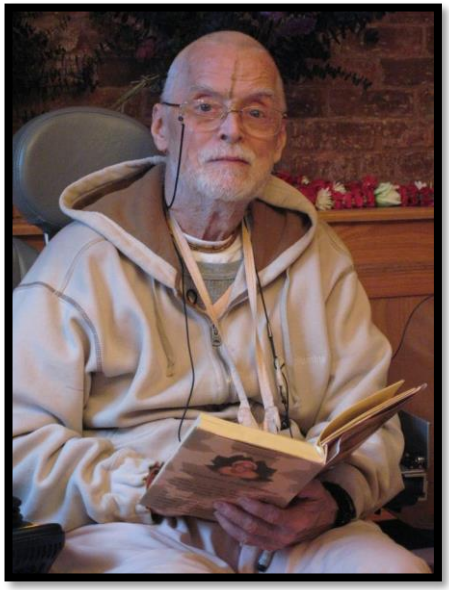
«Сегодня, 23 сентября, — день рождения Радхи», — говорит Свамиджи. – «Она на пятнадцать дней младше Кришны. Когда Кришна был маленьким мальчиком, Он играл вместе с деревенскими детьми, и поскольку Он был красивым, все девочки молились о том, чтобы однажды Он стал их мужем. Поскольку Радха больше всех любит Кришну, она является символом величайшего поклонения. Кришна и *гопи,* девочки-пастушки, были одного возраста, но поскольку девушки выходят замуж раньше, чем юноши женятся, все они вышли замуж до того, как Кришна женился. Всё же, несмотря на то что они были замужем, они все так сильно любили Кришну, что стоило Ему заиграть на Своей флейте, они оставляли свои дома и отправлялись к Нему. Это продолжалось до тех пор, пока Кришне не исполнилось шестнадцать лет; тогда Он оставил Своих друзей и уехал в Матхуру к Своему настоящему отцу, и все Его друзья провели остаток своих жизней плача и тоскуя по Нему. Радха и Кришна снова встретились на Курукшетре во время солнечного затмения, и это была встреча любви, но потом — они вновь были разлучены. Радха — возлюбленная Кришны, и по Её благословению Кришна примет нас. "Харе" — значит "Радха", так что, когда мы повторяем "Харе Кришна", мы повторяем "Радха Кришна". Мы говорим имя Радхи первым; потому что Кришна любит Её».

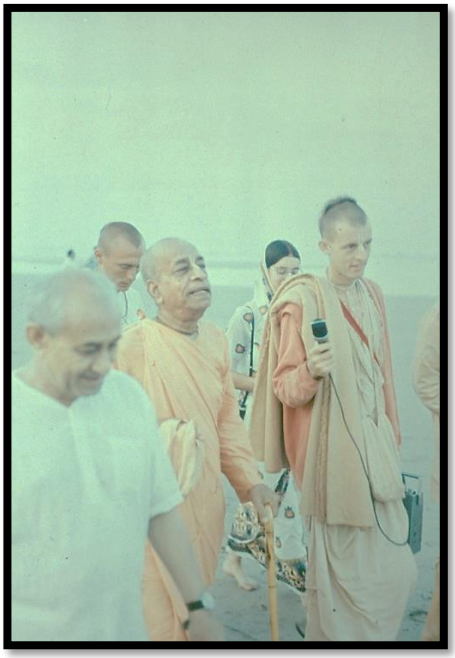

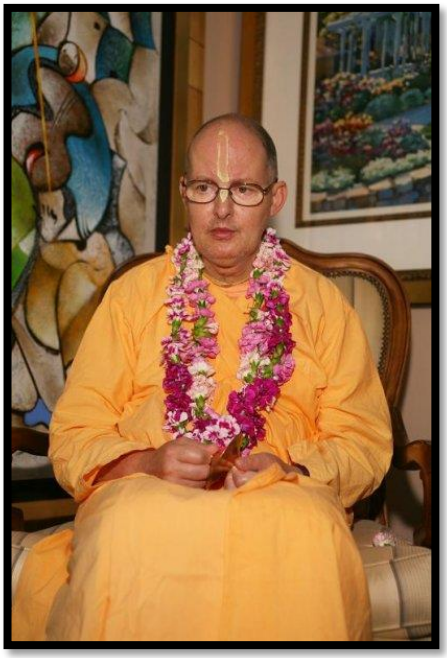

Кейт (6.09.1937-24.10.2011)
- стал Киртанананадой.

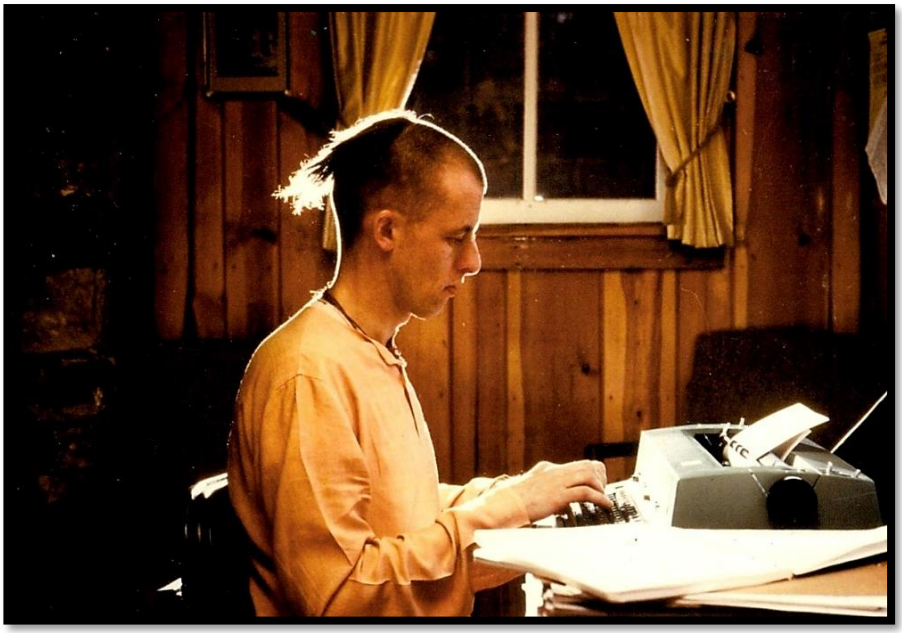

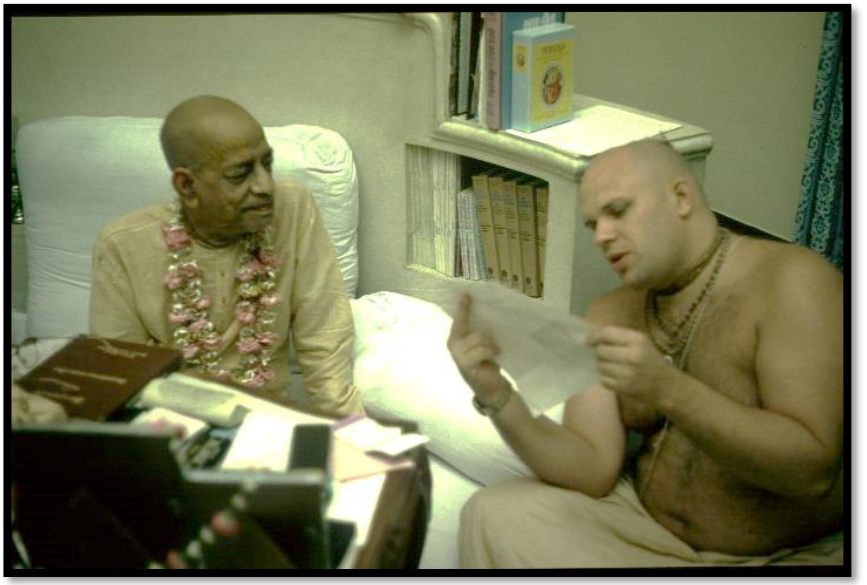

Стив (6.12.1939) — стал Сатсварупой (на фото слева, он держит микрофон от катушечного магнитофона), в 1970 году он получит санньясу и станет Сатсварупой дас Госвами и напечатает «Прабхупаду Лиламриту».

Печатание «Прабхупады Лиламриты» на ферме «Гита-Нагари».

Брюс (14.08.1943-7.06.2015) – стал Брахманандой.
Его воспоминания о Шриле Прабхупаде в книге «Свамиджи».

Брахмананда (с мридангой) и преданные со 2-й авеню 26.

Огненное жертвоприношение в апартаментах Свамиджи преисполнено радости. Здесь нет ошибок первой инициации, нам удаётся лить воду в ту руку, в которую надо, и говорить «*сваха*» в нужный момент.

* * *

Это первая сцена из серии «сцен с матерями». Брахмананда написал вдохновляющее письмо о Свамиджи своему брату Грегу, который только начал свою учёбу в Колорадо, продал свою печатную машинку и купил билет на самолёт до Нью-Йорка, чтобы присутствовать на инициации. К удивлению, появляется также и мать Брахмананды, но она в такой ярости от того, что Грег бросил колледж, что не разговаривает с ним. Сидя на раскладном стуле в комнате Свамиджи, она вытерпливает инициацию с каменным лицом.

Когда инициация заканчивается, она говорит Свамиджи: «Вы не могли оставить мне хотя бы одного сына?».

«Иди, поклонись своей матери», — говорит Свамиджи Брахмананде, и Брахмананда сразу же исполняет его просьбу, касаясь пола своим лбом.

«И всё-таки я не могу понять, чем вам не понравился иудаизм?» — дуется она, более чем польщённая этим странным жестом смирения со стороны её сына.

«Иудейское Христианство, Мусульманство — вопрос не в этом», — говорит Свамиджи. – «Вопрос в том, чтобы развить вашу любовь к Богу. Таков критерий первоклассной религии».

* * *

Свамиджи почтительно обходится со всеми матерями, поздравляя их с тем, что у них такие замечательные, разумные сыновья, и утешает их сладкими шариками. И хотя большинство матерей приходят с тем, чтобы обвинять его в похищении и порче их детей, они всегда уходят успокоенные. Некоторые даже посещают *киртаны* и сидят на раскладных стульях в конце комнаты «Бесценных

Даров». Во время воскресного пира, одна мама даже выбежала на улицу на «перекур» марихуаны.

«Почему бы тебе не дать своему языку просто удовлетвориться *прасадам*?» — отчитывает её сын.

Моя мама пишет Свамиджи письмо благодарности за «огромную и разительную перемену» во мне: «Мы просто хотим, чтобы Вы знали, насколько мы ценим ту деятельность, которую Вы ведёте в этой стране, особенно среди молодого поколения. Они нуждаются в Вас, духовном наставнике и лидере, чтобы вывести их из их заблудшего, разочарованного, мятежного и материалистического состояния — обратно к Богу».

Свамиджи так доволен письмом, что он копирует его на ксероксе для распространения.

*** * ***

К началу сентября наши воскресные «пиры любви» начинают обретать популярность в Нижнем Ист-Сайде. Поскольку большинство наших гостей — это не работающие молодые люди, пожертвования едва ли оправдывают расходы. Но это не важно.

«Пусть они приходят и вкушают», — говорит Свамиджи. — «Они привлекутся, если они увидят, что у нас не сухая философия».

Под его руководством, Киртанананда и Ачьютананда учатся готовить *качори*, *самосы*, сладкий рис, *халаву*, сладкие шарики и *дал* из *мунг*-бобов.

Киртанананда такой талантливый повар, что Свамиджи называет его «Китченананда» (От английского "kitchen" — "кухня"). После пиров мы так наполнены, что единственное, на что мы способны — это кататься по полу в храмовой комнате и спать.

Но такое чрезмерное потворство своим желаниям не позволительно на протяжении долгого времени.

Однажды утром, после лекции, Свамиджи говорит: «Вам следует есть как можно меньше».

«Но сначала вы сказали, что мы должны есть много *прасадам»,* — возражает Умапати. – «А теперь вы говорите, что нам следует есть немного».

«Как нам понять, какому наставлению следовать?».

Свамиджи спокойно смотрит сверху вниз со своего места на возвышении и слегка улыбается.

«Когда я сказал, что вам нужно есть много, у вас не было вопросов» – отвечает он.

*** * ***

Так как это — прекрасный октябрьский вечер, мы сидим в нашем внутреннем дворике и воспеваем. Когда Умапати выражает свой восторг полной луной, Грег делает ему замечание.

«Это *майя»,* — говорит он.

Это вызывает у нас спор. Должен ли преданный смотреть на мир как на *майю*? Мы задаём этот вопрос Свамиджи.

«Для преданного мир подобен Вайкунтхе», — говорит он. — «Кришна говорит, что солнце и луна — это Его глаза. Когда преданный смотрит на луну, он видит Кришну».

Мы хотим прояснить это.

«Не заключается ли разница между духовной вселенной и материальной только в сознании?» — спрашиваю я.

«Да».

«Но помимо этой вселенной, есть ещё другие отдельные вселенные?».

«Да», — говорит Свамиджи. – «Говорится, что материальная вселенная занимает лишь маленькую часть, уголок в безграничном духовном небе. Это место — это своего рода тюрьма для обусловленной души. Но для преданного оно так же хорошо, как Вайкунтха».

«Но здесь существует закон перемен».

«Да, здесь ничто не постоянно. Всё изменяется: начинает существовать, остаётся в течении какого-то времени, производит какие-то побочные продукты, приходит в упадок и исчезает. Но духовный мир не такой. Там всё *сат-чит-ананда*, исполнено знания, блаженства и вечности. Здесь, если мы захотим почитать книгу, мы должны будем открыть её, но там книга открывается сама. Там всё исполнено духовного сознания. Дома сделаны из *чинтамани,* философского камня, а деревья дарят вам сколько захотите каких угодно плодов. В "Брахма-Самхите" приводится множество описаний».

У меня всё ещё есть сложность в том, чтобы принять учение Вед о замкнутой гелиоцентрической вселенной.

«А как объяснить звёзды? Может быть, когда в Ведах упоминается вселенная, речь идёт о солнечной системе?» — предполагаю я.

«Веды непогрешимы», — говорит Свамиджи. – «Что знают эти современные учёные? Они пытаются приобрести знания через свои несовершенные чувства, используя телескоп и столь много изобретений. Но сами по себе глаза — это несовершенный инструмент. Как вы может прийти к совершенному знанию с помощью чего-то несовершенного? Знание Вед совершенно и непогрешимо, потому что оно исходит из Верховного Совершенного, Шри Кришны. Поскольку мы находимся в ученической преемственности, начинающейся от Господа Брахмы, мы принимаем это знание как совершенное. А учёные пусть говорят, что хотят».

Это практически опрокидывает Джорджа Хендерсона, Доктора философии и математики, старого друга, который посещал *киртаны.*

«Нас интересует конкретно то, что измеримо чувствами», — говорит он.

К нашему удивлению, неожиданно Свамиджи уподобляется грому.

«Ваши чувства совершенны?» — спрашивает он.

«Я говорю о всём круге учёных», — говорит Джордж.

«Тогда, совершенны ли их чувства?».

«Для учёного, человек — это критерий всего», — говорит Джорж.

«Только Бог обладает совершенными чувствами», — отвечает Свамиджи. – «Поэтому только Бог может судить о чём-либо совершенно. Все остальные не совершенны. Вы что, Бог?».

«Что?».

«Вы – Бог?» — повторяет Свамиджи громко, шокируя всех нас. — «Если вы Бог, то, не могли бы вы показать нам свою вселенскую форму?».

Джордж тихо сидит, ошеломлённый и смущённый. Позже Свамиджи говорит нам, что, если кто-то объявляет себя Богом, то мы должны попросить его, чтобы он показал нам свою вселенскую форму, ту, которая была явлена на Курукшетре.

«Поскольку Арджуна был преданным Кришны, у него не было желания увидеть вселенскую форму», — говорит он нам. — «преданного интересует только Кришна в Его изначальной двурукой форме. Но Кришна показал Арджуне гигантскую вселенскую форму, чтобы преподать урок человечеству, чтобы установить критерий, по которому можно распознать Бога. Если какой-нибудь негодяй объявляет себя Богом, мы должны потребовать от него показать свою вселенскую форму. И если он покажет её, то Он — Бог. Но явление этой формы не приносит преданному особого удовольствия. Это в большей или меньшей степени направлено на то, чтобы дать

материалистам увидеть величие Бога. Нет необходимости напоминать преданному о величии Бога. Он и так знает, что Бог велик. И единственное, что его интересует — это служение Кришне в Его изначальной форме мальчика пастушка».

«А какого роста Кришна?» — спрашиваю я.

«Он такой же, как и ты», — говорит Свамиджи. – «Он среднего роста. Он может быть так велик или так мал, как это необходимо, — больше наибольшего, или меньше наименьшего. Таков Абсолют. Так что, когда Он приходит, Он нашего роста. В Матхуре множество людей смотрели на Него как на обыкновенного человека. Это происходит из-за влияния Его *йога-майи.* Может казаться, что Он такой же, как и мы, но это не так. Он всегда является Верховной Личностью Бога. Чтобы понять Кришну таким, каков Он есть, мы должны обратиться с этим вопросом к авторитетам — *гуру, садху, шастрам*. У нас нет иного способа узнать Его. Например, однажды ночью я услышал странный звук, и я не могу сказать, что это было. Я знаю только, что это был необычный звук, и всё. На следующий день приходит полицейский и спрашивает: "Свамиджи, вы слышали оружейный выстрел?". Тогда я узнаю, что этим звуком был оружейный выстрел. Но если бы полицейский не пришёл, я никогда бы не догадался, что же это был за звук. Подобно этому, мы можем пытаться делать предположения о том, что такое Абсолютная Истина, думая: "Это то или это". И тогда, в один прекрасный день к нам приходит Кришна, или Его представитель, и говорит нам: "Она такова!". Но до тех пор, пока Кришна не скажет вам этого, вы не сможете догадаться сами».

* * *

Киртанананда, Равиндра Сварупа и Стриадхиша теперь постоянно живут в храме. Утром они складывают свои спальные мешки за возвышение и приводят в порядок храм к приходу Свамиджи. Как и следовало предполагать, соседи начинают жаловаться, особенно возражают они по поводу семичасовых утренних *киртанов,* которые усиливаются в своей громкости благодаря возросшему числу посетителей и их энтузиазму.

Женщина со второго этажа льёт воду на пол, чтобы она протекала через щели, и воодушевляет своих детей прыгать и колотить по полу, чтобы помешать прохождению лекций. Один мальчик пуэрториканец, убеждённый в том, что мы все поклоняемся демону, бросает камень в наше застеклённое окно. Отношение публики к нам, однако, улучшается с нашим первым крупным выходом — *киртаны* в Томпкинс Сквер Парке. Это Аллен Гинзберг первым предлагает нам отправиться именно в Томпкинс Сквер Парк, который расположен между А и Б Авеню в Нижнем Ист-Сайде.

«Если вы будете проводить *киртаны* там, вы сможете заинтересовать множество людей и, возможно, больше людей будут посещать храм, — Это что-то вроде места Воскресных собраний».

Мы быстро получаем разрешение воспевать в парке и в воскресенье, со Свамиджи во главе, идём через улицы, заполненные отдыхающими людьми. Киртанананда также одет в одежды преданного, и наше шествие мимо поляков, украинцев и соседей пуэрториканцев вызывает сенсацию. К тому времени, когда мы доходим до парка, за нами следует около дюжины любопытствующих.

Мы расстилаем ковёр под большим дубом в центре парка. Затем мы образуем круг вокруг Свамиджи, который берёт маленький барабанчик *бонго* и начинает вести воспевание. Поначалу толпа встречает нас холодным безразличием, но вскоре — теплеет, по мере того как слова *мантры* становятся привычными. Свамиджи неутомимо бьёт в барабанчик. Проходят тридцать минут, час. Пожилые украинцы и поляки, проходя мимо, ошеломлённо таращатся и ворчат. Вскоре вокруг нас собирается больше людей, и они все проталкиваются вперёд, чтобы увидеть Свамиджи. Стриадхиша и я стучим в *цимбалы,* а Киртанананда играет на гармонии, подаренной Гинзбергом.

Кто-то приносит *тамбуру*, но её звук растворяется в шуме. Дети пуэрториканцы прибегают сюда со своей игровой площадки, таращатся во все глаза, а потом счастливо смеются. Я громко ударяю в *цимбалы* над головой. Человек из «Доброго Юмора» устремляется к нам, звеня своими колокольчиками продавца мороженого.

Ачьютананда, Брахмананда и Грег танцуют в круге, ещё несколько храбрых зрителей присоединяются к нам в воспевании.

После продолжительного *киртана* Свамиджи начинает было говорить, но поскольку люди едва слышат его, он берёт барабанчик и снова начинает воспевание. Маленький мальчик бросает яйцо в Раяраму и убегает. Наши голоса постепенно хрипнут, и мне становится интересно, как долго Свамиджи будет продолжать. Но когда проходит второй, час кажется, что его голос становится даже ещё сильнее.

Когда он воспевает, его брови сдвинуты в сосредоточении, и вены на его шее выступают: «Харе Кришна! Харе Кришна! Кришна! Кришна! Харе! Харе!».

Аллен Гинзберг присоединяется к нам, в такт раскачивая головой и играя на ручных цимбалах. Репортёр «Нью Йорк Таймс» просит меня отвести Гинзберга в сторону для интервью.

«Он не должен отрывать человека от поклонения», — говорит Аллен. — «Скажите ему это».

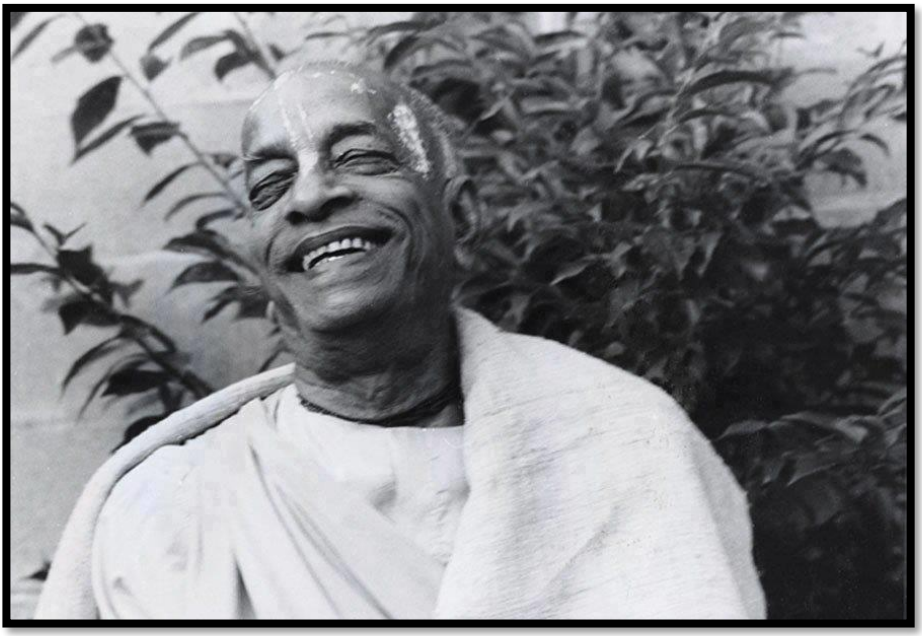
Пальцы Свамиджи продолжают выбивать ритм на барабане. Как он может продолжать так долго?

«*Харе Кришна! Харе Кришна!*».

Он взывает через весь этот заасфальтированный парк с его застывшими деревьями, игровыми площадками, скамейками, коричневыми кирпичными зданиями и закрытой пустой Пресвитерианской церковью.

«*Харе Рама, Харе Рама*», — повторяем мы. – «*Рама Рама, Харе, Харе*».

Присоединяется негр на саксофоне. Кто-то приходит с большим барабаном. Гремят бубны, и люди начинают подниматься и танцевать. К нашему удивлению и радости, парковый *киртан* Свамиджи превращается в весёлое торжество, праздник для Нижнего Ист-Сайда.

Шрила Прабхупада в Нью-Йорке, 1966 г.

Шрила Прабхупада просил воспевать Харе Кришна на улицах и в парках и показывает, как нужно танцевать. Хаягрива сзади слева, хлопает в ладоши. Нью-Йорк 1966 г.

«Эй, парень, кто этот старый священник?» — спрашивает кто-то.

«Он не священник», — слышится ответ. – «Он – *свами*!».

«Мне это ничего не говорит, дружище. Я всё-таки докопаюсь до истины!».

Мы с Раярамой раздаём листовки:

ВСЕГДА ОСТАВАЙТЕСЬ НА ВЫСОТЕ,

Никогда не спускаясь

Занимайтесь сознанием Кришны.
Расширяйте своё сознание, повторяя
Трансцендентные Звуки:

Харе Кришна, Харе Кришна,
Кришна Кришна, Харе Харе,
Харе Рама, Харе Рама,
Рама Рама, Харе Харе

Хотя домохозяйки-полячки выбрасывают их, однако юным американцам, приехавшим сюда из провинции, нравится идея о том, чтобы всегда оставаться на высоте. Может быть, это само по себе не является стимулом к чистому преданного служению, но всё же, послание, призывающее воспевать «Харе Кришна», проникает сквозь всё это.

Более того, Свамиджи одобрил эту листовку: «Да, всегда оставаться на высоте! Такова идея! Да! Никогда больше не спускаться в этом материальный мир!».

«Харе Кришна, Харе Кришна», — продолжаем мы, а дневное время уже почти на исходе.

Пальцы Свамиджи покраснели от игры на маленьком барабанчике, но он не замедляет темпа. Только он может «поджечь эту взрывчатку», чтобы вызвать взрыв Харе Кришна! Когда приближаются сумерки, он завершает *киртан*. Мы сворачиваем ковёр: в то время, пока люди спрашивают о храме.

Репортёр Таймс, чудесным образом, поворачивает вместе с нами к «Бесценным Дарам», и он вместе со Свамиджи на виду у всех беседует. Ачьютананда приносит им блюдце со сладкими шариками. На следующее утро, в понедельник, десятого октября, «Нью-Йорк Таймс» публикует фотографию Свамиджи, сидящего на ковре, ударяющего в барабанчик бонго, в то время как Брахмананда и Ачьютананда танцуют перед ним. Заголовок гласит: «ПАСТВА СВАМИ ВОСПЕВАЕТ В ПАРКЕ, ЧТОБЫ ОЩУТИТЬ ЭКСТАЗ».

Когда Свамиджи видит заметку, он широко улыбается. «Очень хорошо. Теперь мы можем продолжать эту программу каждое воскресенье».

* * *

Перед следующим *киртаном* в парке, однако, мы получаем большую, неожиданную поддержку публики. «Другая Ист Вилледж», местная подпольная газета, которая довольно широко читается в Нижнем Ист-Сайде, заполняет весь первый печатный лист фотографией Шрилы Прабхупады, стоящего под дубом в Томпкинс Сквер Парке, вокруг него собралась толпа людей. Заголовок гласит: «СПАСАЙТЕ ЗЕМЛЮ СЕЙЧАС! ХАРЕ КРИШНА, ХАРЕ КРИШНА, КРИШНА КРИШНА, ХАРЕ ХАРЕ, ХАРЕ РАМА, ХАРЕ РАМА, РАМА РАМА, ХАРЕ ХАРЕ».

Мы мчимся к Свамиджи с первым экземпляром, и когда он видит его, то расплывается в улыбке. Мы читаем ему вслух: «пожилой человек, семидесяти одного года, отправляется в Нью-Йорк, в Ист Вилледж, и намеревается показать миру, что он знает, где можно найти Бога. Всего за три месяца, этот человек, Свами А. Ч. Бхактиведанта, достигает успеха в том, чтобы убедить самую трудную часть общества — богему, цвет потребителей химических препаратов и марихуаны, и

хиппи, — в том, что он знает путь к Богу: отключиться, воззвать и приблизиться.

Этот новоявленный святой человек при всём нашем уважении к Доктору Лири, зашёл гораздо дальше в том, что называется «расширением сознания», что ещё слаще, чем ощущение от химиката, дешевле, чем марихуана и не дискредитируется полицией.

«Как это возможно?».

«Через Кришну», — говорит Свамиджи.

«Что такое хиппи?» — спрашивает Свамиджи.

Мы пытаемся объяснить так хорошо, как только можем.

«Я опасаюсь, что многие люди сочли бы за хиппи нас», — говорю я.

«Нет, вы не хиппи, вы хэппи *(счастливые)*», — смеётся Свамиджи, – «но кем бы вы не были до этого, Кришна изменит вас. Не так ли?».

Нам так же приходится объяснять, что такое «цвет потребителей химических препаратов», «марихуана» и «фишки» (полиция).

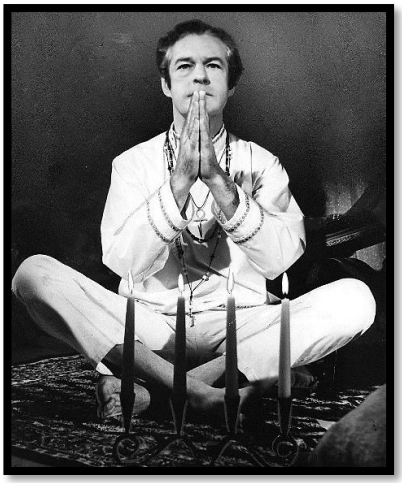
И когда Свамиджи становится понятно, он улыбается и говорит: «Да, это правда. Сознание Кришны вначале может показаться подобным яду, но это нектар в конце. Так что, он слаще всего».

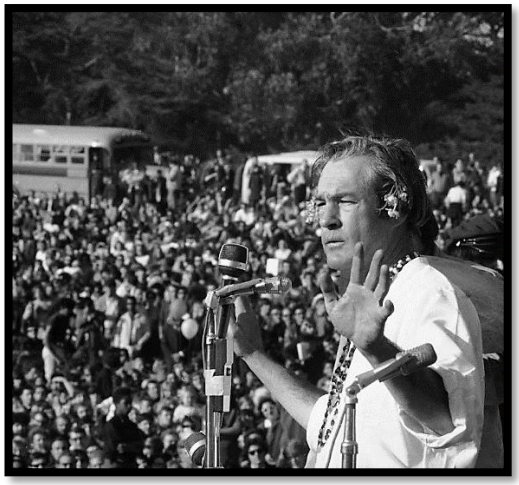
После этого он спрашивает: «Кто этот доктор Лири?».

Мы объясняем, что он — лидер психоделического движения и что он только что основал церковь ЛСД (Лиги Духовных Открытий). *(прим. пер. ЛСД — химикат, обладающий, наркотическим воздействием).

«Он заявляет, что ЛСД — это способ для реализации Бога», — говорит Киртанананда.

Ти́моти Фрэ́нсис Ли́ри (22.10.1920-31.05.1996).

Американский писатель, психолог, участник кампании по исследованиям психоделических препаратов, разработчик программного обеспечения, одних из первых, индексируемых ЭВМ психологических тестов

Свою скандальную известность Лири получил за исследование влияния психоделиков на психику и нервную систему человека. Его исследования были в самом разгаре, когда психоделики (и прежде всего ЛСД) объявили вне закона. Лири получил огромную популярность в разгар движения хиппи. Со временем в прессе его стали называть «ЛСД-гуру».

Лири активно пропагандировал психоделики, выступал с лекциями и написал ряд книг, посвящённых расширению границ человеческого сознания. В 1980-е годы Лири увлёкся компьютерами и даже создал ряд программных продуктов.

«Это значит, что его Бог — это ЛСД», — отвечает Свамиджи. – «Если он заявляет, что посредством ЛСД вы можете достичь Бога, это значит, что ЛСД более могущественна, чем Бог. Но мы не можем согласиться с этим. Это рискованно. Что он будет делать, когда ЛСД больше не останется? Разве ЛСД вечна? Неужели Бог — это такая дешёвая вещь, что Его можно достичь, просто приняв таблетку? *Йоги* в течении многих жизней предаются аскезам, и всё-таки, они не могут увидеть Бога. И в «Бхагавад-Гите» Кришна говорит, что Его можно достичь лишь путём чистой, безраздельной преданности. После многих, многих рождений, тот, кто пребывает в знании, предаётся Кришне, так как знает, что Кришна есть всё. Но этот Доктор Лири говорит, что следует предаться ЛСД. Это вздор. Такие люди сбивают с толку себя и других».

Весь октябрь, каждое воскресенье мы воспеваем в Томпкинс Сквер Парке, а после *киртана* множество людей следуют за Свамиджи обратно в «Бесценные Дары». Благодаря статье в «Другой Ист Вилледж» и этим *киртанам* в парке, мы быстро становимся известны в Нижнем Ист-Сайде, как люди из Харе Кришна.

*** * ***

Съёмочная группа новостей CBS посещает «Бесценные Дары» и снимает лекцию Свамиджи и *киртан*. Их тема: «Счастье На Второй Авеню». Они решают не использовать интервью со Свамиджи из-за его слишком сильного акцента. Киртанананда рассказывает о том, как сознание Кришны охватывает все религии. Брахманада, когда был футбольным нападающим, обращался к Святому Петру. Я говорю о том, как воспевание спасает молодых людей от безумства ЛСД. Они снимают то, как мы выходим из храма, отправляясь на уличную *санкиртану*. Сатсварупа, Ачьютананда и Стриадхиша стучат в цимбалы. Я иду следом, играя на большом барабане.

Однако, не все заметки в газетах столь лестны. Заголовок в «National Insaider», менее успешном варианте «National Inquirer», гласит: «НОВАЯ ИНДИЙСКАЯ РЕЛИГИЯ ВОЗВЕДЁТ ВАС ВЫШЕ ЛСД». Мы ошарашены фотографией танцующего Раярамы, которая подписана: «Последователь культа вот-вот войдёт в транс».

New Indian Religion Sends You Higher Than LSD!

The Secrets Of Krishna Consciousness

«НОВАЯ ИНДИЙСКАЯ РЕЛИГИЯ ВОЗВЕДЁТ ВАС ВЫШЕ ЛСД».

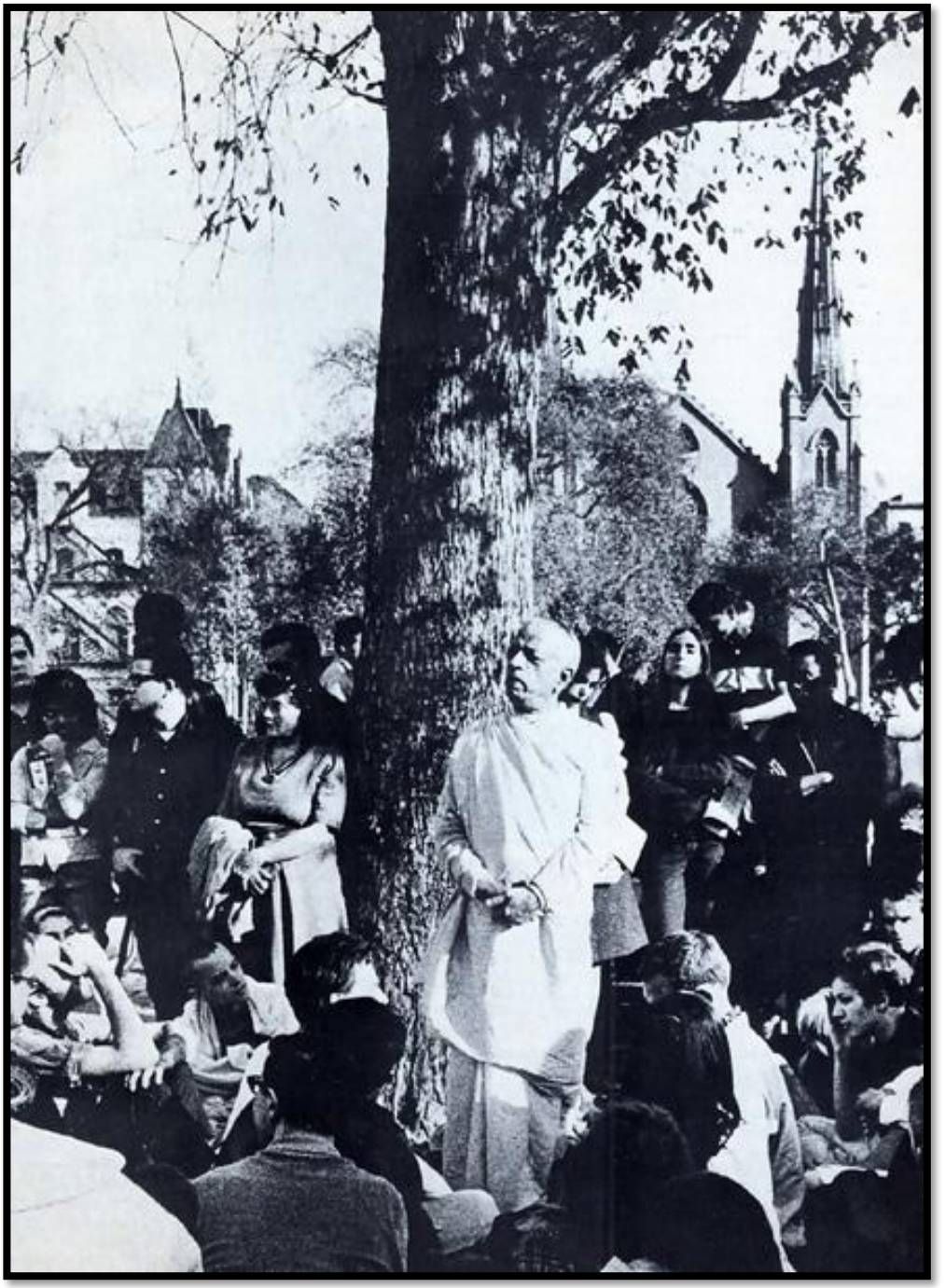

The New York Times.

Swami's Flock Chants in Park to Find Ecstasy

50 Followers Clap and Sway to Hypnotic Music at East Side Ceremony

«ПАСТВА СВАМИ ВОСПЕВАЕТ В ПАРКЕ, ЧТОБЫ ОЩУТИТЬ ЭКСТАЗ».

После продолжительного киртана Свамиджи начинает было говорить,
но поскольку люди едва слышат его,
он берёт барабанчик и снова начинает воспевание…

Воспевание в Томпкинс Сквер парке.

Газета «Другой Ист Виллидж».

«СПАСАЙТЕ ЗЕМЛЮ СЕЙЧАС! ХАРЕ КРИШНА, ХАРЕ КРИШНА, КРИШНА КРИШНА, ХАРЕ ХАРЕ, ХАРЕ РАМА, ХАРЕ РАМА, РАМА РАМА, ХАРЕ ХАРЕ».

* * *

Следуя совету Свамиджи, я пишу мэру Нью-Йорка.

Его секретарь отвечает: «Мэр Линсай в наибольшей степени ценит работу, которую выполняет ваше общество, особенно в сфере борьбы с употреблением наркотиков».

Он обещает передать моё письмо в Городской Наркологический Центр. Тем временем, мы говорим хиппи, что воспевание поднимает выше, чем ЛСД, так, как об этом говорит «National Insaider».

* * *

Бородатый, с бешенными глазами, парень поднимается в апартаменты без предупреждения.

«Я выше вас», — говорит он Свамиджи.

«Пожалуйста, примите мои смиренные поклоны», — говорит Свамиджи, слегка кланяясь.

«Я выше вас», — настаивает молодой человек, имея целью нечто большее, чем просто признание. — «Сегодня я слышал Великий Голос!».

Брахмананда мягко, дипломатично выпроваживает его.

«Пожалуйста, не пускайте больше никаких сумасшедших», — говорит нам Свамиджи.

«Если вы скажете людям, что они находятся в тисках материальной природы, они не поймут вас. Они настолько привыкли к страданиям, что ошибочно принимают эти страдания за счастье. Кришна является истинным владельцем их тел, а душа внутри тела — частица Кришны. Кришна вечен, исполнен знания и блаженства. Он не связан материальной природой. Мы являемся обусловленными

душами, но нам никогда не удастся исправить эту ситуацию, пытаясь убедить себя в том, что мы являемся Богом. Теперь они принимают какие-то интоксикации, ЛСД, и на какое-то время убеждают себя в том, что они — Бог, но потом они вынуждены возвращаться обратно, и снова и снова проходить тот же самый процесс, и они всё время связаны неким материальным химическим препаратом — ЛСД. Таким образом, они все больше и больше запутываются в материальной природе. Поэтому, необходимо сознание Кришны. Это величайшее благо для общества, поскольку оно может освободить каждого из тисков материальной природы. В сознании Кришны нет ничего материального. Имена Кришны не материальны. Имена Кришны чисто духовны и несут освобождение».

*** * ***

По вечерам, из-за того, что число посетителей *киртанов* увеличилось, магазинчик «Бесценных Даров» переполнен людьми с улицы. Однажды вечером Гинзберг приводит с собой Эда Сандерса и Тули Купферберга из рок-группы «Фагс».

«Фагс» горды собой, так как они — самая непристойная по содержанию рок-группа на земле. После оживлённого *киртана,* Свамиджи даёт лекцию о том, что «секс — это испражнения». Сандерс и Купферберг сидят и скептически посмеиваются, длинные рыжие волосы и борода Сандерса щетинится в протесте. В конце концов, ведь он — певец «Group Crope» и «Богини Трущоб Нижнего Ист Сайда».

Свамиджи цитирует великого мудреца Ямуначарью: «С тех пор как я занят в трансцендентном служении Шри Кришне, стоит мне подумать о сексе, мои губы кривятся в отвращении, и я сплёвываю».

«Фагс» больше никогда не приходят снова.

*** * ***

Конечно же, многие приходят в поисках чудес. Желая «зарядиться», они ожидают получить немедленный «электрический удар» от *гуру.*

Группа «Фагс» («The Fugs»).
Эд Сандерс (в середине), Тули Купферберг (слева).

Возглавляла андеграундную сцену 1960-х годов и стала важной частью американской контркультуры того десятилетия. Группа известна своим комедийным, даже непристойным характером, но также получила известность благодаря своим стойким настроениям против войны во Вьетнаме в 1960-х годах. В переписке 1969 года, найденной в файле ФБР, рок-группе «Фагс» названа "самой вульгарной вещью, которую только может представить человеческий разум".

Эд Сандерс и Ален Гинзберг.

«Что значит "зарядиться"?» — спрашивает Свамиджи. — «Почему бы не засунуть руку в розетку? Это дешёвые трюки. Так называемый "флакон с витрины". В аптеках они держат такие большие флаконы с подсвеченной водой. Там внутри нет настоящего лекарства, просто вода. Так что, мы называем это "флакон с витрины". *Йоги* на подобие таких "флаконов" пускают всякие искры и создают немножко золота, и люди думают: "Как здорово! Он создал немножко золота!". Они не задумываются над тем, что в мире есть много рудников, и какой толк в этом маленьком кусочке золота? Нет, настоящие *йоги* не прибегают к таким дешёвым трюкам. И некоторые люди думают, что, если они отрастят длинные волосы и бороды, они станут *йогами*. Это тоже вздор. Они не *йоги*. Они – пугало».

Плакаты с бородатым Свами Сатчитанандой, который предлагает сплав различных систем йоги, в большом количестве расклеены по Манхеттену. Его ученики посещают наше собрание. Но они не впечатлены Свамиджи. Нет бороды, нет «заряда энергией».

Но если приглядеться повнимательнее, можно увидеть определённые тонкие трансцендентальные знаки, отличия на теле Свамиджи: его большие уши, такой же формы, как у Будды. И несметное число выражений его глаз, раскрывающих всю палитру человеческих чувств: любовь, преданность, терпение, неодобрение, юмор, симпатию, рвение — так же, как и трансцендентные эмоции, незнакомые нам. А его характер, его аристократические жесты.

Чем больше в нас развивается преданность ему, тем больше проявляются его несравненные черты и качества, и мы начинаем видеть его как чисто трансцендентную личность.

«Он похож на Будду», — шепчет однажды одна девушка.

«А я видела, как гномы бегали вокруг его стоп!» — говорит другая.

Когда *йог* Динкар, ученик Махариши Махеш Йоги, приходит навестить Свамиджи, тот приглашает говорить его на вечернем *киртане*.

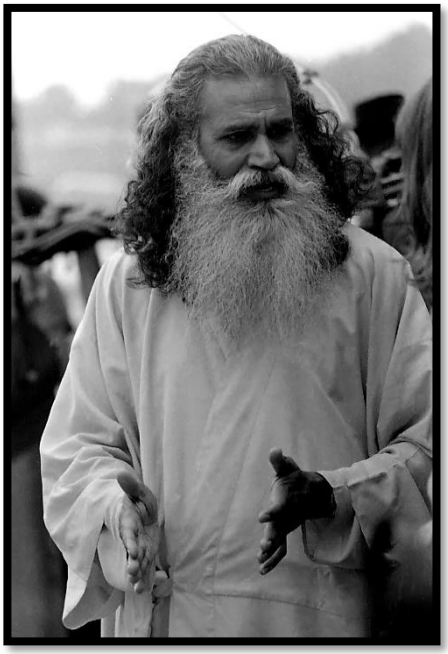

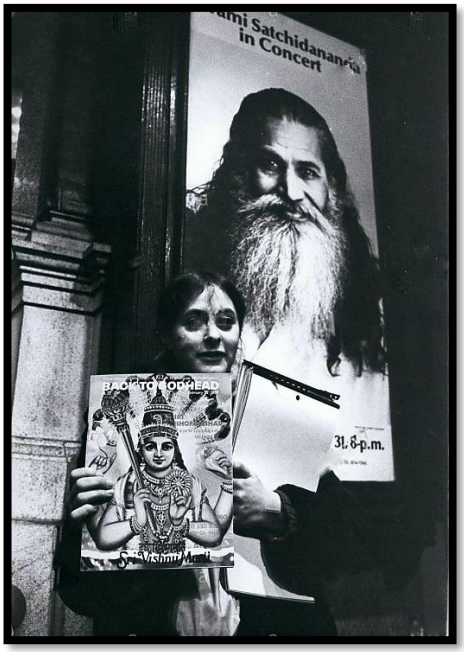
Махари́ши Махе́ш Йо́ги,
(12.01.1918 — 5.02.2008).

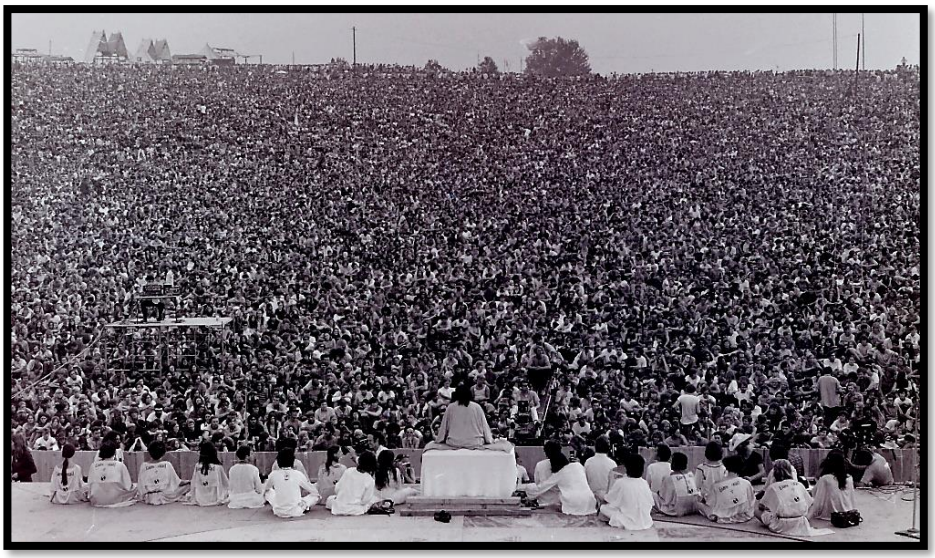
Неоиндуистский проповедник, основатель трансцендентальной медитации (ТМ) и программы «ТМ-Сидхи». начале 1959 года приехал в Калифорнию, где в течение нескольких месяцев обучал желающих ТМ. Интерес к «ведическим знаниям» позволил организовать постоянно действующий центр ТМ, так же как в Нью-Йорке и в Европе. В 1960-х большой вклад в распространение ТМ в США внесло также движение хиппи.

К 1965 году через свои центры Махариши подготовил уже в целом около десяти тысяч учителей ТМ. Число обучившихся ТМ в Америке составило 550,000 человек, а во всем мире — более миллиона, причём рост движения составлял 35,000 человек в месяц.

В 1968 году учениками Махариши стали участники легендарной группы The Beatles, довольно быстро разочаровавшиеся в гуру после путешествия в Индию. После возвращения Джон Леннон написал саркастичную песню Sexy Sadie. Считается, что разрыв с The Beatles впоследствии привёл к закрытию ашрама в Ришикеше. В 1990-х годах Маккартни и Харрисон принесли Махариши свои извинения. Махариши ответил, что считает «битлов» ангелами, а на ангелов он не может обижаться.

Свами Сатчидананда (все фотографии 1969 года, Америка).
(22.12.1914 Коимбатур — 19.09.2002, Ченнай, Индия).

Индийский гуру и йогин, эмигрировавший в США и приобретший много последователей на Западе. Был автором множества философских и духовных книг, наибольшую популярность из которых приобрёл составленный им учебник по хатха-йоге. В 1969 году выступил на открытии Вудстокского фестиваля, назвав музыку «божественным звуком, управляющим всей Вселенной».

Йог Динкар — худой, седой джентльмен из Бруклина.

«Я вижу здесь величие», — говорит он. – «Это истинная йога. Я был на многих собраниях йоги и слышал множество речей по «Бхагавад-Гите», но здесь я чувствую истинное величие. В этом нет сомнений».

«Когда вы встречаетесь со Свамиджи», — говорит один молодой человек, – «вы чувствуете так, как будто вы пропутешествовали по всему миру бесчисленное количество жизней только для того, чтобы увидеть и услышать его».

Проходит ещё одна инициация. Младший брат Брахмананды, Грег, становится Гаргамуни. Затем есть ещё Ранчор, новичок-студент из Томпкинс Сквер Парка. Боб Корен, социальный служащий, становится Рупанугой, Дэн Кларк, первоклассный кинооператор, становится Дамодаром. Джуди Козловски, студентка-художница из Городского Колледжа, становится Джадурани.

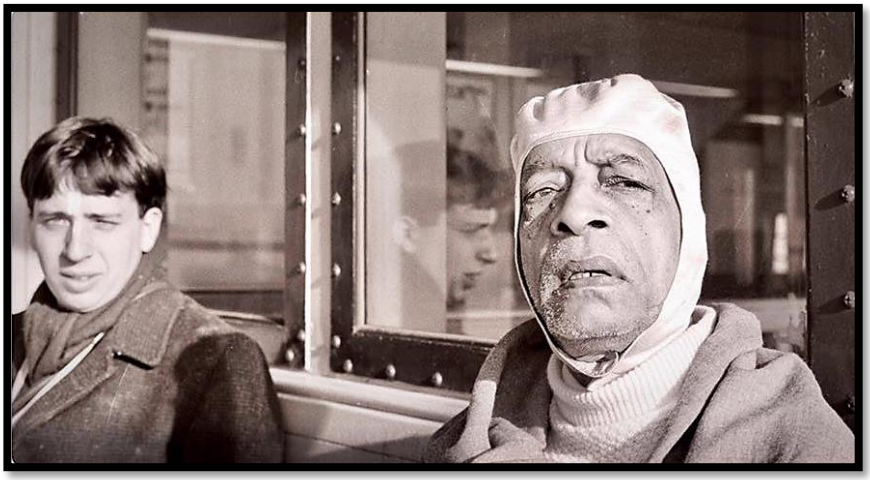
* * *

«Если больше ничего не остаётся, просто дай им возможность воспевать Харе Кришна и принимать *прасадам»,* — предписывал Шрила Бхактисиддханта.

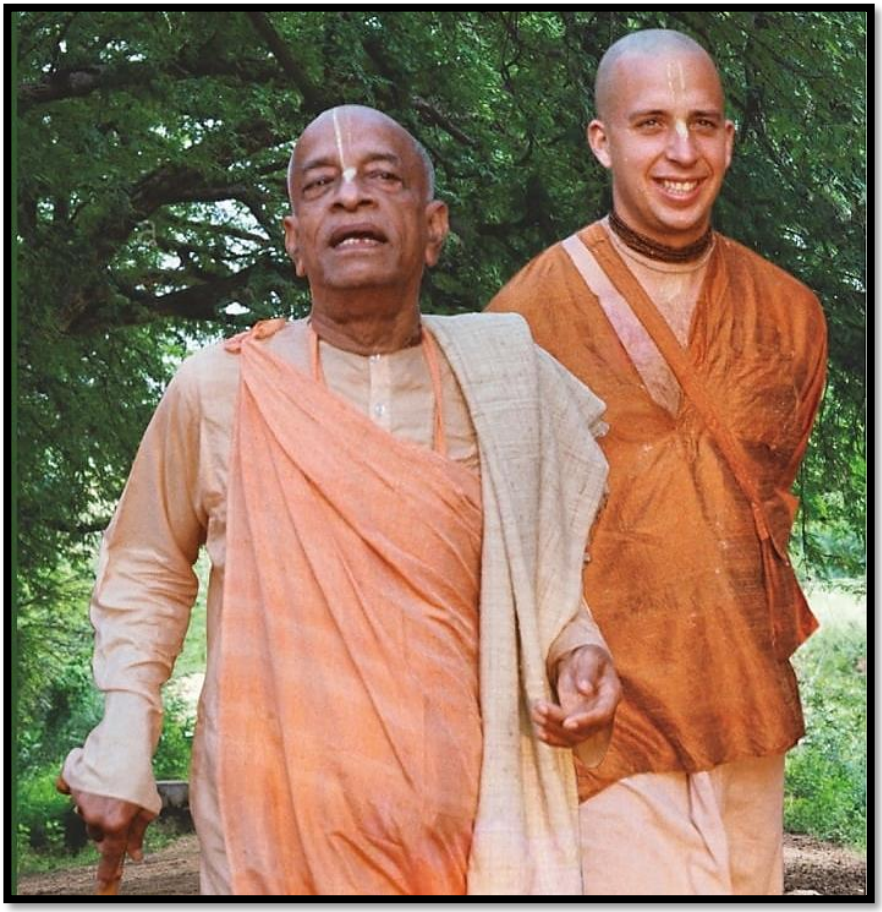
Свамиджи решил принимать девушек, инициировать их, и потом выдавать замуж. По ведической традиции, женщинам никогда не была дозволена независимость. Их назначение — быть замужем, рожать детей, убирать дом, готовить, помогать мужу прогрессировать в сознании Кришны и сбивать масло.

«Когда они сбивают масло, это хорошо развивает их тела», — смеётся Свамиджи.

Джадурани 19 лет, и она очень хорошенькая. Она — художница, и Свамиджи сразу же занимает её написанием картин, изображающих четырёхрукого Нараяну. Поначалу имеются некоторые негодования по поводу Джадурани. Особенно обеспокоенным кажется Стриадхиша.

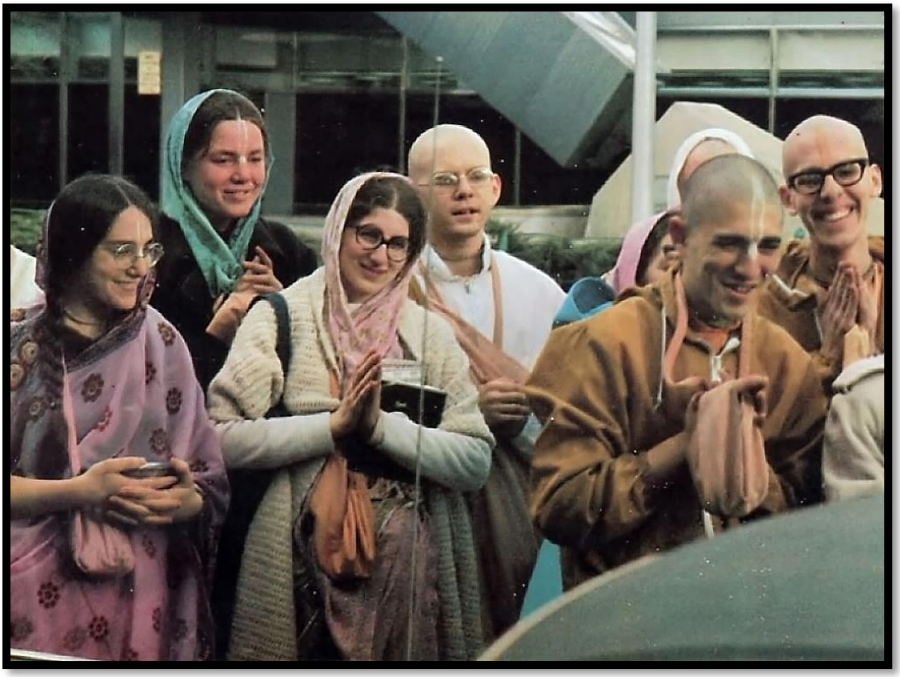

Младший брат Брахмананды, Грег (25.02.1943), становится Гаргамуни.

Русская по происхождению, Джуди Козловски, студентка-художница из Городского Колледжа, становится Джадурани.

Шрила Прабхупада и Рупануга.

«Девушка — это просто объект отвлечения внимания».

Другие также возражают, но Джадурани спокойно сидит в углу маленькой алтарной комнаты и рисует. Свамиджи жалуется на то, что её Нараяна чересчур мускулистый, слишком уж в стиле страстного Микеланджело.

«Мускулистые тела — это тела в *гуне* страсти, — Духовные тела не такие. Современные представления о красоте целиком находятся в страсти. Попробуй ещё раз, поменьше мускул. Нет, не толстым. Бог не толстый. Но и не тощий. Тощие люди подобны волкам, голодным волкам, охотникам до секса».

Бедная Джадурани озадачена: «Не мускулистый, не тощий, не толстый. Что же за вид телосложения у Бога тогда?».

«Совершенная красота — красота абсолютная и полная. Когда мы увидим Кришну, мы не захотим иметь никаких дел с так называемой красотой материального мира. Красота Кришны влечёт к себе всё в мироздании — великих полубогов, мужчин, женщин, даже растения и животных. Эта красота беспредельна. То, что мы называем красотой здесь — это всего лишь искажённое отражение».

Джадурани пытается снова. Она рисует десятки Нараян с округлёнными, идеализированными фигурами, и огромными, увлажнёнными глазами. Никто, я думаю, никогда не был похожим на это, за исключением, может быть, иллюстраций из детских книг сказок. Но Свамиджи доволен.

«Да, ты делаешь прогресс», — говорит он Джадурани.

* * *

В трёх кварталах от нас кто-то выбрасывает на улицу пианино. Хулиганы разбивают его до такой степени, пока не остаётся одна внутренняя часть. Мы с Ачьютанандой одалживаем тележку и перевозим эти внутренности в «Бесценные Дары» и устанавливаем их в задней части помещения.

«Что это?» — спрашивает Свамиджи.

«Струны от пианино», — говорю я. – «Для *киртана*».

«*Ачча*!».

В кульминационный момент *киртана* мы впервые ударяем по обнажённым струнам. Грохот можно услышать вплоть до Хьюстон Стрит. Бертон Грин, пианист, специализирующийся по тому, чтобы «забираться в пианино», — присоединяется к нам. Он приглашает Свамиджи на его ближайшее сольное выступление в «Таун Холе». Свамиджи вежливо принимает его приглашение и посещает это мероприятие.

Разыгравшись на своём концерте Бертон, вскоре отказывается от клавиатуры и залезает вовнутрь пианино, чтобы молоточками постучать по струнам. Свамиджи тихо воспевает на своих чётках, не обращая внимания на дисгармонирующие звуки. Поэты, похожие на гермафродитов, читают всякий вздор, к счастью, слишком бессвязный для понимания Свамиджи.

Во время перерыва, когда Бертон спрашивает Свамиджи, понравилось ли ему, тот вежливо говорит, что да. Наступило время, когда он обычно в течении часа отдыхает. Мы предлагаем ему уйти, но Бертон умоляет нас остаться на вторую половину, и Свамиджи молча соглашается. После концерта мы идём к Бродвею, чтобы спуститься в метро.

Указывая на электроиллюминацию в Таймс Сквере, Свамиджи рассказывает нам о том, как он, когда впервые прибыл в Нью-Йорк, был удивлён, увидев афиши, в открытую рекламирующие секс-фильмы, — нечто невиданное для Индии. Припомнив несколько названий фильмов, он смеётся.

«Идя по дороге, человек видит какие-то испражнения», — говорит он, — «испражнения жидкие, и он думает: "Какая гадость". Пройдя немного дальше по дороге, он опять видит испражнения, но поскольку в течении какого-то времени эти испражнения полежали на

солнце и затвердели, человек думает: "Это хорошая вещь", — Но он не задумывается, над тем, что твёрдые или жидкие — испражнения есть испражнения. Удовольствие или боль — это всё одно и тоже. В материальном мире удовольствие — это всего-навсего твёрдые испражнения. Но мы думаем, что они просто замечательные».

Позже Свамиджи по-секрету сообщает Брахмананде, что ходил на концерт только, чтобы увидеть «Таун Холл».

«Я думаю о том, чтобы снять его», — говорит он. – «Мы можем провести там какую-нибудь программу».

*** * ***

Стоит прекрасная осенняя погода и Свамиджи принимает приглашение из «Ашрама Ананды» Доктора Мишры, на севере штата. Свамиджи был познакомлен с Рамамурти Мишрой вскоре после своего прибытия в Соединенные Штаты, и Мишра приветствовал его и разместил в своей студии йоги на Вест Севентиз и в «Ашраме Ананды». На самом деле, они со Свамиджи были в ссоре на философской почве, он даже попросил Свамиджи не читать лекции в его студии йоги. Мишра проповедовал имперсональную философию *майявади:* в момент смерти человек растворяется в Абсолюте и навеки утрачивает форму. Концепция школы — «Мы есть Бог». За годы Мишра умудрился издать одну книгу по *хатха-йоге* и привлечь немного последователей. Теперь, поскольку Мишра в Индии, в «Ашраме Ананды» подумали, что это подходящее время пригласить Свамиджи, проповедующего противоположную философию.

Ашрам, находится недалеко от Монроэ, в двух часах езды от Манхеттена, несомненно, представляет собой идиллию. Большой белый особняк и несколько маленьких зданий, возвышающихся над застывшим горным озерком. Мы все слегка завидуем из-за того, что не в состоянии предложить Свамиджи такого места, и сожалеем о том, что по окончании уикенда ему придётся возвращаться в убогие городские условия Нижнего Ист-Сайда. Всё же мы надеемся, что в один прекрасный день мы сможем предложить ему нечто даже более роскошное. Группа Мишры отчётливо разделяется на два клана:

пожилые вдовы, у которых в руках кошелёк, и висящие у них на шеях молодые битники. С закрытыми глазами, все они сидят в позе лотоса, задерживая дыхание и медитируя на «*Ом*», имперсональный аспект Бога.

«Кришна включает в Себя слог *Ом*», — говорит нам Свамиджи, — «В "Бхагавад-Гите" Кришна говорит, что *Брахман,* имперсональное сияние брахмаджьоти, покоится на Нём. Таким образом, когда мы воспеваем Харе Кришна, мы автоматически воспеваем также и Ом».

*** * ***

Первую ночь в Ашраме, Киртанананда, Ачьютананда, Брахмананда, Гаргамуни, Сатсварупа, Умапати, Стриадхиша и я, спим на улице в своих спальных мешках. Три или четыре раза я просыпаюсь, и каждый раз я лежу на спине, глядя на вечно передвигающиеся по небосклону созвездия, я потерял чувство времени. Время от времени, прямо перед рассветом, я погружаюсь в дрёму. Мне снятся преданные, гроздями собирающиеся вокруг сияющей золотой личности. Его трансцендентное тело, лучащееся красотой, невиданной в этом мире, очаровывает каждого.

Ошеломлённый, я спрашиваю: «Кто это?»

«Ты разве не знаешь?» — говорит кто-то. – «Это – Свамиджи!».

Я снова смотрю, но не вижу никакого сходства. Золотая личность, выглядящая не старше двадцати лет, кажется сошедшей прямо с планет Вайкунтхи.

«Если это Свамиджи», — спрашиваю я сам себя, — «то почему он не пришёл на землю таким?».

Голос от куда-то изнутри отвечает: «Тогда люди привлекались бы моей красотой, а не моим учением».

Затем, к моему удивлению, я вижу, как эта сияющая личность превращается в Свамиджи, а потом сразу обратно в прекрасного

полубога. Он делает это несколько раз, а я наблюдаю за ним, преисполненный благоговения. И я просыпаюсь, сон ясно запечатлён в моём уме, больше даже как видение, нежели чем сон. Я чувствую странную свежесть, так, будто бы я омылся в некоем неведомом бальзаме. Снова я вижу, что созвездия переместились, а затухающие звёзды постепенно исчезают в надвигающемся рассвете.

Обдумывая то, что я увидел, я вспоминаю, как Свамиджи сказал, что, хотя большинство снов — это просто порождение ума, сны о духовном учителе имеют духовное значение.

«Если во сне *гуру* даёт наставления», — сказал он мне, — «ученик должен последовать».

А потом добавил: «Я приехал на Запад после того, как мой духовный учитель несколько раз советовал мне это, приходя ко мне во сне».

Я всё ещё лежу, глядя на теперь уже бледные звёзды в ясном пространстве, и думаю о золотом полубоге. Потом наступает рассвет.

*** * ***

Киртанананда, Ачьютананда, Стриадхиша и я стоим за особняком, наблюдая, как солнце величественно поднимается из-за гор, разбрасывая по небосклону внезапные розовые, золотые и багряные вспышки света. Цвета отражаются в озере, зеркале без ряби. В этот момент, когда вся палитра достигает самых больших высот своего великолепия, мы слышим, как к нам подключается кто-то из окна позади нас. Это Свамиджи зовёт нас к себе на утренний *киртан.*

«Природа очень красива», — говорит нам он. — «Всё творение так грандиозно, но мы не должны настолько пленяться им, чтобы забыть о его Творце. Здесь, в этом мире все очарованы творением, но никто не знает Творца».

Мы сидим на небольших мягких подстилках у стены в гостиной комнате. Слева от нас двустворчатые окна, доходящие до пола,

открывают вид на горы и раннее утреннее солнце. Справа от нас — другое солнце: Свамиджи. Играя на цимбалах, которые блестят в лучах солнца, он ведёт нас в воспевании Харе Кришна. Наше воспевание будит младших учеников Мишры. Один за другим, они спускаются по лестнице в гостиную комнату, садятся в позу лотоса и начинают свои дыхательные упражнения. Стриадхиша скачет по комнате как кенгуру в экстазе, хлопая в ладоши в воздухе. Ачьютананда танцует как маленький дервиш *(дервиш — нищенствующий мусульманский монах)*, Киртанананда играет на гармонии. *«Чиньг, чиньг, чиньг»*, — отбивают ритм цимбалы. После воспевания президент Ашрама даёт небольшую речь, восхваляя наш *киртан* как выражение высшего вида йоги. Входят старшие вдовы. Воодушевлённые присутствием Свамиджи, они начинают говорить о своих мистических переживаниях.

«Когда я медитирую», — говорит одна леди, — «я чувствую себя каплей воды, которая вливается в великий океан и растворяется в нём, растворяется, растворяется...».

«Это неправильно», — внезапно обрезает её Свамиджи.

Леди от неожиданности выходит из состояния, в которое погрузило её восторженное воспоминание.

«Когда вы используете сравнение или метафору», — продолжает он, — «все элементы должны соответствовать, в противном случае, сравнение будет ошибочным. Прежде всего, капля не может раствориться в целом океане. Капля — вечно капля, и не более того. Даже если ей так или иначе удастся поглотиться остальной частью воды, она никогда не сможет стать всем в океане. Вы не можете отрицать того факта, что в океане плавают гигантские рыбы. Так что, как вы можете стать целым океаном и раствориться в нём, если вы всего лишь капля? И что вы можете знать об обитателях океана? Нет. Чтобы сравнение было верным, все его элементы должны соответствовать. Это сравнение ошибочно. *Майявади* используют его, чтобы сбивать людей с толку».

Старшие леди сидят оторопевшие. Капля океана — это один из любимых примеров Мишры. Каждый раз, когда они приводят какой-

то из аргументов Мишры, Свамиджи нападает на них. Он знаком с Мишрой. Его философию он называет «замаскированным атеизмом, что ещё хуже, чем Буддизм». К нашему удивлению, по мере того как леди продолжают представлять философию Мишры, Свамиджи начинает поражать их своими аргументами.

Вскоре, леди умолкают. Молодые ученики сидят в позе лотоса, уставившись на свои носы. Наши глаза прикованы к Свамиджи. Мы остаёмся в Ашраме Ананды в течении двух дней, потом возвращаемся в город. Нижний Ист-Сайд после спокойного осеннего Катскилла, — это удар Железного Века, но стоит нам оказаться в одной комнате со Свамиджи, где мы сидим и едим сладкие шары, слушая, как он говорит, мы забываем об окружающем мире. Может быть, Ашрам Ананды и великолепен своим солнцем, но у нас есть Свамиджи.

*** * ***

Мы получаем приглашение от Свами Никхилананды из Миссии Рамакришны в Верхнем Городе. Поскольку Свамиджи отозвался о Рамакришне как об «этом безумном монахе-импотенте», я интересуюсь, следует ли нам принимать приглашение.

«Почему бы и нет? Ты можешь взять с собой ещё одного *брахмачари* и рассказать им что-нибудь о нашей философии».

Мы с Ачьютанандой, одевшись в одежды преданных, отправляемся туда. В то время, как мы заходим в комнату для лекций, со сцены говорит Свами Никхилананда.

Аудитория состоит из пожилых вдов и молодых людей из Айви Вилледж, одетых в костюмы с жилетами. Никхилананды — опрятный джентльмен пятидесяти лет, чисто выбритый и одетый в костюм. Я чувствую себя неудобно экзотичным в своих одеждах до тех пор, пока не вижу одну леди в сари.

Никхилананда говорит нам, что жизнь — это огромный спектакль, в котором все мы играем роли: святых или романтиков, солдат или воров. В действительности, не имеет значения, какую роль

мы играем. В конце концов мы все вернёмся за кулисы и пожмём руку Режиссёру, который поздравит нас и поблагодарит, в соответствии с тем, как мы играли нашу роль.

После лекции нас приглашают в гостиную на втором этаже. Мы отказываемся от предложенных нам белого вина и кофе.

«Не хотите даже немного кофе?» — спрашивает удивлённый Никхилананда.

«Нет. И даже чая» — говорю я.

Он закуривает сигарету.

«И даже сигарет».

«Да», — улыбается он. – «Я вижу, Свамиджи учит чистой *йоге*. Это очень трудно для жителей Запада, не так ли? И всё-таки, я слышал, он имеет какой-то успех, особенно, среди молодых поклонников наркотиков. У него не плохо получается отучать их от принятия ЛСД и марихуаны. Вы должны поздравить его с этим».

«А ещё от незаконного секса, мясоедения и азартных игр», — говорит Ачьютананда. – «И даже от яиц».

«Вы даже яйца не едите?!» — Никхилананда покачивает головой. — «Да…, ну тогда вам нужно рассказать мне, как мне бросить эти сигареты».

«Повторяйте Харе Кришна», — предлагаю я. – «Вы не сможете курить и повторять одновременно».

«О, Боже мой!» — смеётся он.

«Да, воспевайте!» — он смотрит на одного из парней из Йельского Университета.

«Может быть, ты можешь подогреть для них молока?» — говорит он.

Свами Нихилананда
(1895–1973)

В 1933 году он основал Рамакришна-Вивекананда Центр в Нью-Йорке, филиал Миссии Рамакришны, и оставался его руководителем до своей смерти в 1973 году.

* * *

Вернувшись обратно в «Бесценные Дары», мы рассказываем Свамиджи о нашей встрече.

«Только посмотрите», — говорит он, — «*свами* означает — "тот, кто умеет контролировать чувства", а он просит, чтобы ему сказали, как бросить курить. Так что же это за вздор?».

«Да, большинство из его последователей — это пожилые женщины», — говорю я.

«Да», — смеётся Свамиджи. – «Я видел их. Это обманщики и обманутые. Поскольку они уже стоят на пороге смерти, они присоединяются к этой *йоге* и ко всему этому, и платят деньги какому-то шарлатану за то, чтобы он учил их всей этой ерунде. Но вы можете заметить, что среди моих учеников не найдётся старых людей».

Самым старшим — 26-28 лет.

«Все вы — молодые люди, и у вас впереди вся жизнь, и у вас много энергии для того, чтобы распространять это движение. А это как раз то, что требуется. Так что, Кришна посылает вас мне в помощь. Я не могу делать этого один. Я стар и могу умереть в любую минуту, но вы молоды и полны сил. Так что, не губите свои жизни даром. Примите сознание Кришны и будьте счастливы».

* * *

Хотя Свамиджи читает только Ведические писания, иногда он цитирует Вильяма Купера («Англия, со всеми твоими недостатками, я всё равно люблю тебя»); Милтона («Мы служим даром, потому что любим даром»); и Шекспира («Лунатик, влюбленный и поэт — их суть — одно воображение»). Поэтому я удивляюсь, когда Свамиджи называет великого Барда мирским поэтом. Рассерженный, я бросаюсь на защиту Шекспира.

«Когда вы обладаете сознанием Кришны, вы видите, что все великие поэты и художники восхваляют Верховную Личность Бога»,

— говорит Свамиджи. – «Все восхитительные и прекрасные вещи в этом мире происходят — лишь из крошечной искорки энергий Кришны, а поэты всегда пишут об этих вещах. Таким образом, косвенным образом они восхваляют Кришну. Но, поскольку они не знают этого, они не пребывают в сознании Кришны непосредственно. Шекспир, возможно, очень великий поэт по стандартам литературы, но, так как он не восхваляет Кришну непосредственно, мы называем его мирским».

«Шекспир часто писал о приведениях», — говорит Стриадхиша. – «Существуют ли они на самом деле?».

«Да, и они всегда причиняют беспокойства», — говорит Свамиджи, с такой уверенностью, что я ожидаю, что сейчас увижу, как одно из них пролетит мимо.

«Люди, которые совершают самоубийство, становятся привидениями. Это очень ужасное состояние "развополощённое". Они часто ищут себе тела, чтобы поселиться в них, и иногда они завладевают телами пьяниц. И пьяницы тоже иногда становятся привидениями. Это отвратительное состояние, потому что привидениям хочется иметь тело. И если человек слишком привязан к какому-то дому или какому-то месту, то он становится привидением там. Но есть один верный способ избавиться от привидений: воспевайте Харе Кришна. Привидения не останутся там, где присутствует *харинама*».

*** * ***

«А коммунизм?».

«Что за искусственная философия? Как люди когда-либо смогут стать равными? В "Бхагавад-Гите" Кришна говорит: "Я установил четыре касты". В каждом обществе есть *брахманы, кшатрии, вайшьи и шудры*. По своим природным наклонностям человек является интеллектуалом или рабочим. Эти четыре уклада всегда будут в любом обществе, даже в России. Это не деление по рождению, они

определяются по качествам, *гунам,* материальной природы, преобладающим в каждой индивидуальности. Так что, Марксистский социализм искусственен, потому что он пытается уравнять всех, а это никогда не будет возможным, поскольку всегда существует индивидуальность. Единственный реальный социализм — это духовный социализм Господа Чайтаньи. Кем бы вы ни являлись — мужчиной, женщиной, *шудрой*, индусом, мусульманином, христианином, американцем, индийцем — это не имеет значения. Кришна — для всех».

«А демократия?»

«Это правление народа, воли большинства. Но если мы не можем ожидать ничего хорошего от большинства людей этого века *Кали,* тогда чего мы можем ожидать от их правительства? Они выберут мошенников, вот и всё. Большинство выберет любого, кто пообещает им удовлетворять их чувства. Что необходимо, так это сознающий Кришну царь, пользующийся советами квалифицированных *брахманов.* Таков ведический путь. Духовная аристократия. Когда лидеры прибывают в сознании Кришны, государство функционирует надлежащим образом. Но материалистическая демократия и социализм или что бы там ни было — это превратится в общество, где одна собака грызёт другую».

*** * ***

Нас с Умапати беспокоят нападки Свамиджи на буддистов. Хотя Гаутама Будда упоминается в «Шримад-Бхагаватам» как *аватара,* Свамиджи ссылается на его учение просто как на акт против забоя животных.

«Господь Будда пришёл на землю, чтобы проповедовать *ахимсу*», — говорит он нам. – «Ненасилие. И для того, чтобы сделать это, ему пришлось отвергнуть Веды, поскольку Веды допускают жертвоприношения животных при соблюдении определённых условий. Но Будда отверг Веды и проповедовал *нирвану*, пустоту: поскольку жизнь — это страдание, самое лучшее — это отрицать существование всего. Да, материальная жизнь — это страдание, но Бог

— это не пустота. Бог — это личность, и человеческая жизнь — это средство для нас пробудить наши взаимоотношения с этой Верховной Личностью. Поэтому мы называем философию Буддистов атеистической».

Когда мы с Умапати возвращаемся на Мотт Стрит, мы обсуждаем лекцию Свамиджи.

«А что на счёт вечных и всеведущих **татхагатов*?».

**Татха́гата (в санскрите и пали — букв. «так ушедший» или «тот, кто вышел за пределы» — пояснительно-разъяснительный эпитет, использующийся в буддийской мифологии хинаяны и махаяны для Будды Шакьямуни и для других Будд).*

«Разве они не существуют в сфере *нирваны*? А разве *нирвана* не является пустотой с формой?».

«А что насчёт Будды? Разве ему не поклоняются как воплощению *татхагатов*?».

Пока мы подвергаем критике нападки Свамиджи на буддистов, входит Киртанананда и объявляет, что он уходит от Свами.

«Просто мне не нравится то, что происходит», — говорит он.

«Это как раз то, о чём мы только что говорили», — говорит Умапати.

«Вы идиоты!» — говорит Киртанананда, внезапно принимая противоположную нам сторону.

Он соврал просто для того, чтобы проверить нашу убеждённость.

«Вы что думаете, я когда-либо уйду от Свами? Вы ничего не решите, сидя здесь и рассуждая. Вам нужно пойти и поговорить с ним».

В конце концов соглашаясь, мы идём на квартиру к Свамиджи.

«У нас есть некоторые пункты, которые нам трудно понять», — тихо начинаю я.

«И какие же?» — спрашивает Свамиджи, готовый ко всему.

Я чувствую, как становлюсь всё меньше и меньше.

«Почему вы называете атеистами буддистов?» — выдавливаю я из себя.

«Потому что они являются таковыми», — говорит он.

«Но нам это непонятно», — упорствую я. – «Просто, это противоречит *сутрам*, которые мы читали».

«У них нет никаких представлений о Личности Бога», — отвечает он, — «и они отвергают Веды. Поэтому, они – атеисты».

Это не удовлетворяет меня. Это кажется чересчур упрощённым.

«Но атеисты не верят в Верховную Сущность или высшее сознание за пределами вселенной», — отваживаюсь я. — «Насколько я в состоянии понять, когда Будда или буддисты говорят о божественном сознании или божественном разуме, они говорят о Боге, таким образом, называть их атеистами было бы несправедливо».

Я захожу слишком далеко. Свамиджи внезапно вскакивает на ноги.

«Если я говорю, что они атеисты, значит, они атеисты!» — кричит он, выделяя каждое слово. – «Они отрицают Кришну, Верховную Личность Бога, они отрицают Веды, они отвергают Ведическую культуру, и поэтому они – атеисты!».

Мы не видели его таким разгневанным с тех пор, как он кричал на Киртанананду. Я хочу провалиться сквозь землю. Боюсь, что, если он не успокоится, может случиться что-то ужасное. И мой тупой вопрос будет тому причиной.

«Да, конечно», — быстро соглашаюсь я, пытаясь нейтрализовать оскорбление, нанесённое мной.

Свамиджи садится обратно за сундучок, кажется, что его ярость уходит, так же быстро, как и пришла.

После продолжительного молчания, я предполагаю: «Я думал, что читал некоторые отрывки, где Будда, возможно, говорил о Боге».

«Тогда принеси эти отрывки», — говорит он. – «Но ты не найдёшь ни одного такого».

Этим вечером на Мотт Стрит мы просматриваем буддистские *сутры*, не найдя никаких явных упоминаний о Боге, по крайней мере, в Ведическом смысле. Намёки на Бога есть лишь в «Божественном сознании» и в «*татхагатах*», которые, кажется, имеют некие божественные качества.

Свамиджи прав. С Ведической точки зрения, Будда, несомненно, — атеист. Тем не менее, мы выбираем отрывки, которые в наибольшей степени соответствуют случаю, и несём их Свамиджи.

«Вы правы», — начинаю я. – «Там нет упоминаний о Боге».

«Видите!».

«Но мы обнаружили некоторые отрывки, которые намекают на...».

Он качает головой, показывая тем самым, чтобы я даже не пытался.

«Проповеднику необходимо нападать», — говорит он, сворачивая обсуждение.

Я чувствую себя очень маленьким и глупым, безмозглым простофилей пред его величием; скрупулёзным книжным червем пред его божественной милостью.

* * *

Свамиджи обеспокоен тем, что Стриадхиша ест только из-под палки. Он тощий, высокий юноша, его самовольный пост приводит к тому, что он выглядит как заключённый. Я полагаю, что он наслаждается величием поста. Должно быть, он повторяет более ста кругов в день и спит не более двух-трёх часов в сутки. Его остекленевшие глаза впали, а веки потемнели. Быстро повторяя на чётках своим тихим голосом, он игнорирует всех остальных преданных.

«Зачем ты это делаешь?» — спрашивает его Свамиджи. — «Тебе нужно есть больше и следить за своим здоровьем».

«Да, Свамиджи», — говорит Стриадхиша.

Он кланяется, спускается в храм и съедает половину *чапати* и пару ложек *дала*, повторяя Харе Кришна между каждым отправлением пищи в рот.

«"В Бхагавад-Гите" говорится, что эта *йога* не для тех, кто ест слишком мало или слишком много», — говорим мы ему. Претворяясь, будто он не слышит, он продолжает повторять Харе Кришна.

«Кришна говорит, что те, кто постятся слишком много – демоничны», — говорит ему Гаргамуни.

«Ты не можешь насильно ворваться в царствие Божие», — предупреждает Киртанананда.

«*Харе Кришна, Харе Рама*», — говорит Стриадхиша, стеклянным взглядом глядя из своих широко раскрытых глаз.

* * *

Большое событие! Лэрри Богарт, друг Свамиджи, работающий в «Объединённых Нациях», тот, который помог Свамиджи зарегистрировать ИСККОН, должен прийти повидаться со Свамиджи,

и тот сам помогает Киртанананде и Ачьютананде готовить особый пир к его приходу.

«Никто не должен беспокоить меня сейчас», — говорит он Стриадхише, и тот спускается вниз по лестнице и садится на стороже.

Лэрри Богарт приходит немного раньше, и Стриадхиша встречает его у храмовой двери.

«Сейчас Свамиджи занят», — говорит он. — Вы, если хотите, можете войти и подождать».

Мистер Богарт входит и Стриадхиша отыскивает для него складной стул.

«Будьте любезны, снимите, пожалуйста, свою обувь», — просит он.

Мистер Богарт выполняет его просьбу. Стриадхиша вручает ему экземпляр буклета «Кто Сумашедший?». Мистер Богарт терпеливо ждёт в течении получаса. Затем он просит Стриадхишу сообщить Свамиджи, что он ждёт его. В конце концов, мистер Богарт — высокопоставленное лицо.

«Но Свамиджи сказал мне, чтобы его никто не беспокоил», — говорит Стриадхиша.

«Тогда, скажите ему, что я заходил», — говорит Мистер Богарт, надевая ботинки и уходя.

*** * ***

Готовя пир, Свамиджи обращает внимание на то, что Мистер Богарт опаздывает. В конце концов, когда пир уже почти готов, он говорит Киртанананде позвонить и выяснить, едет ли он. Ходит Стриадхиша, неистово повторяя Харе Кришна.

«Мистер Богарт пришёл, чтобы повидать вас, Свамиджи», — говорит он.

«Да, зови его сюда», — отвечает Свамиджи.

«Он дожидался вас, а потом ушёл. Он велел мне сказать вам об этом».

«Что? Он был здесь и ушёл? Почему ты не привёл его ко мне?».

«Вы же сказали, что никто не должен тревожить вас, Свамиджи», — говорит Стриадхиша.

«Но Мистер Богарт — это очень влиятельный джентльмен...».

«Мы ждали...».

Тут Свамиджи взрывается: «Глупец! Тупица! Мошенник! Негодяй!».

Стриадхиша разгромлен ещё до того, как Свамиджи стал ругать его. Он небрежно кланяется и выбегает из комнаты.

* * *

В течении двух дней Стриадхиша ничего не ест. Он сидит в углу храма и воспевает.

«Скажите ему, что он должен есть», — говорит обеспокоенно Свамиджи.

«Ты должен есть», — говорим мы Стриадхише. – «Свамиджи велел».

«Харе Кришна, Харе Кришна, Кришна Кришна, Харе Харе», — бормочет Стриадхиша, даже не глядя на нас.

«Он в *майе*», — говорит Гаргамуни.

В конце концов, Стриадхиша один идёт увидеться со Свамиджи. Он просит у него немного денег. Совсем чуть-чуть. Всего лишь половину доллара.

«Зачем?» — спрашивает Свамиджи.

«Чтобы купить немножко бензина, так, чтобы я мог сжечь себя».

Вызвав к себе Брахмананду, Свамиджи просит Стриадхишу повторить свою просьбу.

«Пожалуйста, Свамиджи», — говорит Стриадхиша. — «Это была скорее личная просьба».

Мы совещаемся по поводу того, что нам делать. Во Вьетнаме буддистские монахи ежедневно занимаются самосожжением, словно спички. Кремация на Второй Авеню — это именно то, чего нам не хватает для того, чтобы нас прикрыли. И Свамиджи тогда, несомненно, вышлют из страны. В конце концов мы звоним матери Стриадхиши, которая приезжает и забирает его домой. Мы не знаем толком, что и думать обо всём этом. Стриадхиша, вроде бы, достаточно повторял Харе Кришна!

«Нельзя силой ворваться в царствие Божие», — заключает Киртанананда.

«Он ослушался Свамиджи», — говорит Гаргамуни, съедая ещё один сладкий шарик. — «Он не ел».

Мы больше никогда не упоминаем о Стриадхише. Мы знаем, что для Свамиджи — это равносильно утрате родного сына.

*** * ***

Вечером, сидя на небольшой скамейке во дворе, Свамиджи говорит нам, что, если он смог бы сделать одного человека сознающим Кришну, он считал бы, что достиг успеха в своей миссии.

«Сейчас на *киртаны* приходит больше людей, потому что мы производим какой-то шум в газетах», — говорит он. – «Но, так как я не лгу им, и не говорю, что они смогут стать сознающими Кришну и в то же время заниматься чувственным наслаждением, то они уходят.

Что мне делать? Переделать послание Кришны в угоду американцам? Это не моё послание, и у меня нет права его менять. Я могу лишь передавать его вам таким, как оно есть. Если мне нужно будет сидеть под деревом всего лишь с одним искренним учеником, то всё будет в порядке. Нам не нужно много звёзд. Нам нужна всего одна луна. Одна луна осветит весь небосклон».

Мы все смотрим друг на друга, каждый из нас жаждет того, чтобы стать луной для Свамиджи. Но тёмные облака невежества и забывчивости очень трудно разогнать.

«А вы не думаете о том, чтобы вернуться во Вриндаван, Свамиджи?» — спрашивает Раярама.

«Моё сердце всегда стремится во Вриндаван», — говорит он, улыбаясь. – «И даже находясь в Нью-Йорке, в этом великолепном городе, самом большом городе в мире, я был бы очень счастлив вернуться в мой Вриндаван, в это святое место. Конечно же, кто-то в таком случае может спросить: "Тогда почему вы здесь?". Я должен буду сказать, что просто, таков мой долг. Я принёс вам послание. Мой Гуру Махарадж дал мне указание: "Всё, чему бы ты не научился, и каким бы знанием не обладал, ты должен отправиться в страны Запада, и распространять это". Так что, несмотря на все трудности, я здесь. Если я поеду во Вриндаван и буду сидеть там, мне будет очень удобно там, не будет никаких беспокойств. Но я взял на себя отважиться на такое в преклонном возрасте, потому что я связан долгом. Несмотря на все неудобства, я должен исполнять свой долг. Таков основополагающий принцип продвижения в духовном знании».

«Может быть, однажды вы сможете взять нас с собой во Вриндаван», — предлагает Киртанананда. — «Мы все хотели бы отправиться туда вместе с вами».

«Да», — смеётся Свамиджи. – «Вам понравится там».

«Со временем мы отправимся туда».

«Но, на самом деле, мы уже находимся во Вриндаване, в обители Кришны. Сейчас я в Америке, но это не значит, что я покинул

Вриндаван. Если мы всегда думаем о Кришне, то мы всегда во Вриндаване. И в Нью-Йорке, я по-прежнему во Вриндаване, поскольку моё сознание всегда остаётся там. Сознание Кришны означает — жить вместе с Кришной на духовной планете Голока Вриндаван. Вам нужно просто подождать того момента, когда вы оставите это тело. Таков процесс:

ананйа-четāḫ сататам̇
йо мāм̇ смарати нитйаш́аḫ

"**О сын Притхи, тот, кто непрестанно помнит Меня, сможет легко прийти ко Мне (БГ 8.14)**".

"Для преданных, Я очень легко достижим", — говорит Кришна. Величайший, самый драгоценный дар становится так легко обретаем для того, кто принимает метод сознания Кришны.

тасйāхам̇ сулабхаḫ пāртха
нитйа-йуктасйа йогинаḫ

"Такой преданный сможет легко прийти ко Мне, ибо он всё время служит Мне (БГ 8.14)**"».**

Свамиджи на мгновение останавливается и смотрит на нас.

«Конечно, вы можете подумать, что это что-то не такое простое», — говорит он, читая наши мысли, и улыбается. – «Иногда, когда луну закрывают облака, мы думаем, что её там нет, потому что всё вокруг темно. Но когда облака проходят, мы видим, что луна была там всё время, сияя в свою полную силу. Это движение сознания Кришны — это и есть эта благословляющая луна, сияющая сквозь облака *Кали-юги*».

Глава 6. Обратно к Богу.

21 октября 1966 года. Я захожу в комнату Свамиджи, предлагаю поклоны, и он вручает мне первые три тома «Шримад Бхагаватам», которые он напечатал в Индии.

«Вот», — говорит он. – «Возьми и читай».

Я открываю книги. На первой странице каждой книги он написал моё духовное имя и подписал «С моими наилучшими благословениями. А. Ч. Бхактиведанта Свами».

«О, спасибо Вам, Свамиджи», — говорю я.

«Всё в порядке», — говорит он, улыбаясь. — «Теперь ты будешь составлять журнал "Обратно к Богу"».

«Обратно к Богу! Туда, где мы были однажды».

Вопрос в том, чтобы открыть эту утерянную землю.

Как говорит Свамиджи: «Я пришёл, чтобы напомнить вам о том, что вы забыли».

Следуя указаниям своего духовного учителя, Шрилы Бхактисидханты Сарасвати, Свамиджи начинает выпускать «Обратно к Богу» в 1944 году. «Бэк ту Годхед», ежемесячно выходящий в Индии с 1944 по 1956 год, журнал создаёт Свамиджи репутацию одного из ведущих философов в Индии. И теперь Свамиджи предписывает Раяраме и мне представлять его журнал Западу.

«Работайте искренне», — говорит он нам, — «и сделайте его таким же крупным, как журнал "Таймс"».

23 октября я печатаю гранки для нашего первого издания. Наш эпиграф тот же, что и оригинальный эпиграф Свамиджи: «Бог — это свет, неведение — тьма. Там, где Бог — нет места невежеству».

Мы включаем туда две лекции Свамиджи, взятые из тех заметок, которые делал Умапати в сентябре. Есть ещё несколько стихотворений

Киртанананды и мой очерк. Мы печатаем столько копий, сколько может выдать нам печатный станок с этих гранок — около ста штук, и Гаргамуни быстро распродаёт их на площади «Святого Марка» по 15 центов за штуку. И несмотря на то, что это самая вольная, самая непрофессиональная брошюра, Свамиджи доволен.

«У нас есть так много писаний для перевода», — говорит он, — «Нам нужно только распространять это знание, которое имеется в них, уже данное нам Шрилой Вьясадевой: "Шримад Бхагаватам", "Веданта-Сутра". И книги ученика Шри Чайтаньи Махапрабху, Шрилы Рупы Госвами. И "Шри Чайтанья-Чаритамрита" Кришнадаса Кавираджа Госвами. О, ещё нам предстоит опубликовать столько томов книг! На газетных стендах мы можем увидеть столь много различных печатных изданий, и вороны черпают удовольствие в них, так как воронам нравятся отвратительные вещи. Но "Обратно к Богу" предназначается для лебедей, потому что этот журнал связан с Кришной».

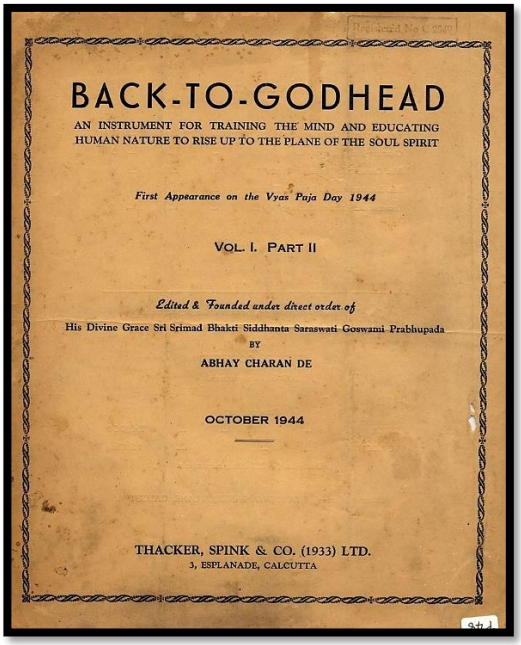
*** * ***

Раярама даёт Аллену Гинзбергу экземпляр «Обратно к Богу», и спрашивает, нет ли у него какого-нибудь материала, который он мог бы предложить для публикации. Как всегда, оказывая нам услугу, Аллен даёт статью в четыре страницы, под названием «Размышления о мантре», и мы печатаем её в нашем третьем выпуске. К несчастью, философия Аллена по поводу мантры расходится с философией Свамиджи.

«Люди думают, что я своего рода *гуру*», — протестует Аллен. – «Это то, кем они хотят меня видеть. Но я таковым не являюсь. Это всего лишь мои размышления, основанные на моём личном опыте».

В своих размышлениях Аллен определяет мантру как короткую звуковую формулу, и сравнивает её с песней «Rolling Stones» и со словами в стихотворении Гертруда Стейна – «чисто физическими звуками, произносимыми в полностью материальной вселенной».

Хотя мы и публикуем эту статью, Свамиджи указывает на имеющиеся в ней расхождения.

BACK-TO-GODHEAD

AN INSTRUMENT FOR TRAINING THE MIND AND EDUCATING HUMAN NATURE TO RISE UP TO THE PLANE OF THE SOUL SPIRIT

First Appearance on the Vyas Puja Day 1944

VOL. I. PART II

Edited & Founded under direct order of

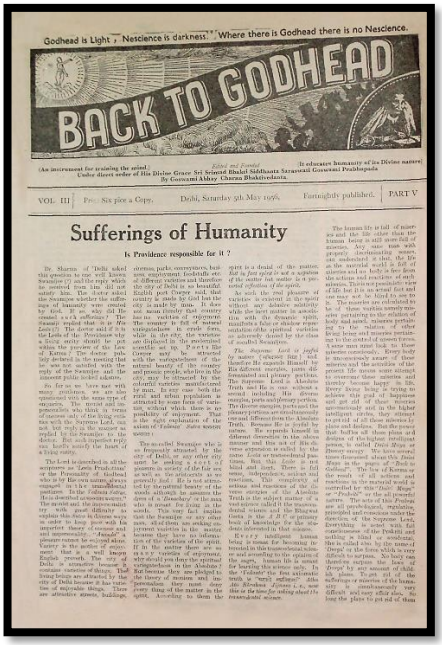
His Divine Grace Sri Srimad Bhakti Siddhanta Saraswati Goswami Prabhupada

BY

ABHAY CHARAN DE

OCTOBER 1944

THACKER, SPINK & CO. (1933) LTD.
3, ESPLANADE, CALCUTTA

Godhead is Light, Nescience is darkness." "Where there is Godhead there is no Nescience.

BACK TO GODHEAD

Edited and Founded
(An instrument for training the mind)
Under direct order of His Divine Grace Sri Srimad Bhakti Siddhanta Saraswati Goswami Prabhupada
By Goswami Abhay Charan Bhaktivedanta

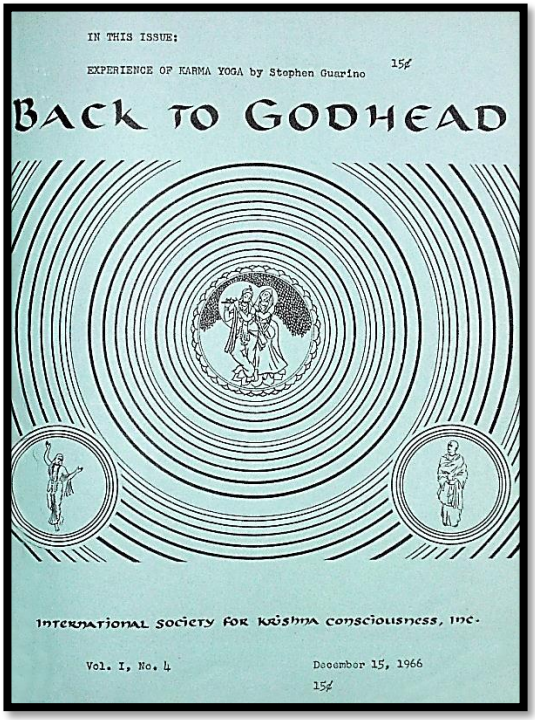
It educates humanity of its Divine nature

VOL III | Price Six pice a Copy. | Delhi, Saturday 5th May 1956. | Fortnightly published. | PART V

Sufferings of Humanity

Is Providence responsible for it ?

Журнал «Back to Godhead» (Назад к Богу), 1944 и 1956 гг.

IN THIS ISSUE:

EXPERIENCE OF KARMA YOGA by Stephen Guarino 15¢

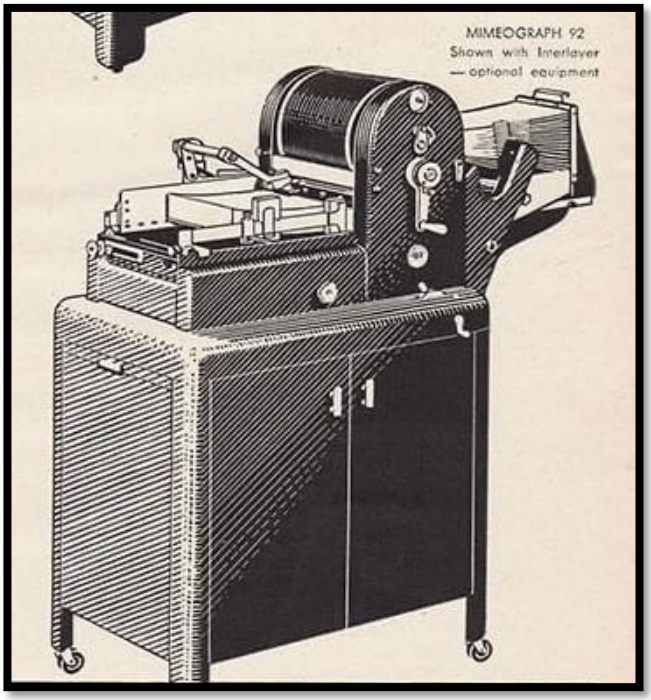
BACK TO GODHEAD

INTERNATIONAL SOCIETY FOR KRISHNA CONSCIOUSNESS, INC.

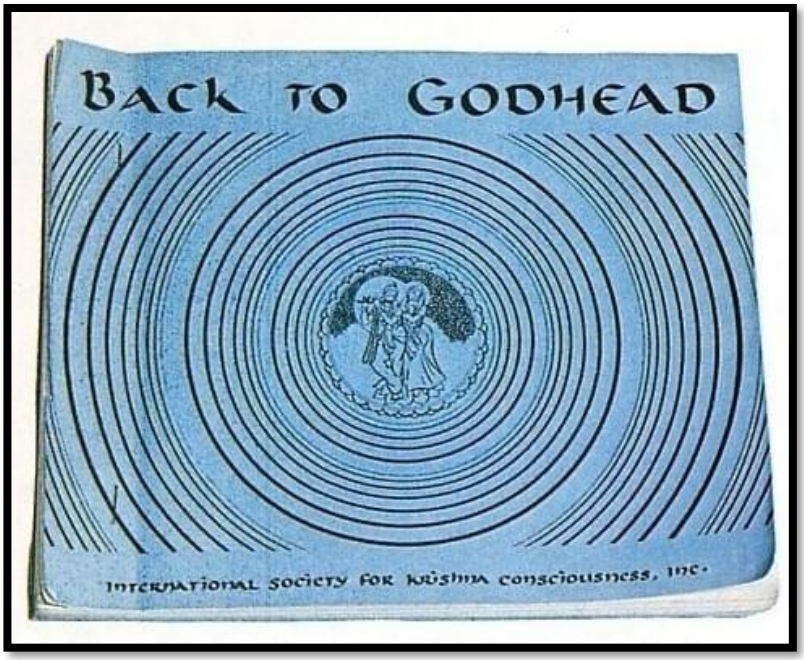
Vol. I, No. 4 December 15, 1966

15¢

Журнал 1966 года, который начал выходить под руководством Хаягривы.

Мимиограф, на этом самом копировальном аппарате
Выпускались первые номера в Нью-Йорке в 1966 году

Копия первого издания 1966 года, напечатанного в Нью-Йорке

«Кришна тождественен своему имени», — говорит он нам. — «Это означает, что Его имя имеет те же качества, что и Он сам — *"сач, чит, ананда"*. Ни одна материальная вибрация не вечна, в противном случае, почему тогда материальные звуки надоедают нам, и мы вынуждены каждую неделю менять их "репертуар". Так же, как и не может ни одна мирская песня, — такая как «Rolling Stones», или любая другая — даровать подлинное знание или бесконечное блаженство. В добавок ко всему, эта *трансцендентальная* вибрация очищает. Любой может видеть, как меняются к лучшему наши ученики, чего нельзя сказать про тех, кто поёт мирские песни». Помимо этого, Свамиджи возражает против фразы "чисто физические звуки в полностью материальной вселенной"».

«Это неправда», — говорит он, — «поскольку в действительности, всё духовно. Оно становится материальным только тогда, когда мы забываем о Кришне. Поэтому, когда мы слышим имя Кришны, которое тождественно Самому Кришне, мы должны помнить Господа. Таким образом, всё очищается».

Есть и другие, менее значительные расхождения, вытекающие из этого. Аллен упоминает, что Альфред Лорд Теннисон повторял своё собственное имя, и такая мантра расширяет сознание «в большей степени, нежели серьёзная беседа с психоаналитиком, любимым человеком или со священником». Он даже сравнивает это со страстным плачем влюблённого.

«Теннисон может быть и чувствовал что-то, когда повторял своё имя, "Теннисон", но чувствовал ли при воспевании его имени тоже самое кто-нибудь ещё, помимо него?» — спрашивает Свамиджи. – «Хочется ли мистеру Гинзбергу воспевать "Теннисон, Теннисон"? Но воспевание имени Кришны приносит наслаждение каждому. Это значит, что есть что-то, что отличает имя Кришны от всех остальных имён. Он является сосредоточием всех и вся. Какой-то там психолог, священник или любовник может быть и могут расширить ваше сознание от одного предела до другого, но только Кришна не имеет никаких пределов, и поэтому может расширить ваше сознание бесконечно. В этом разница. Так же, как и нельзя сравнивать Харе Кришна мантру с каким бы то ни было сексуальным плачем, поскольку

в таком плаче человек зовёт какого-то партнёра, прийти и удовлетворить его чувства. Это значит — чувственное наслаждение. Но когда мы воспеваем Харе Кришна, мы взываем к Кришне: "Пожалуйста, позволь мне служить Тебе". Таким образом, на духовном уровне то, чего мы желаем — это служение, на материальном же уровне каждый гонится за наслаждением чувств».

Есть и другие моменты, но Свамиджи останавливается на этом. Затем он говорит нам о том, что «Обратно к Богу» предназначен для статей, написанных исключительно преданными, и предупреждает нас, чтобы мы впредь были очень осмотрительными и не публиковали ничего постороннего.

На самом деле, у нас самих достаточно сложностей с тем, чтобы не отклоняться в философии. Не зная с чего начать, я прибегаю к тому, что начинаю писать статью, сравнивающую сознание Кришны с трансцендентализмом в американской литературе. Но Свамиджи не критикует наших писательских проб, содержащих всякую всячину. Он — источник всего вдохновения.

* * *

«Иммиграционный отдел не собирается продлевать мою визу», — говорит нам Свамиджи у себя в комнате после вечернего *киртана*. — «Я не знаю, почему они отказались продлить её. Я ответил на все их вопросы».

Первоначально Свамиджи въехал в Америку с двухмесячной визой, которая постоянно продлевалась каждые два месяца уже более года. Теперь, в конце концов, они отказывают в дальнейшем продлении. Аллен Гинзберг с помощью иммиграционного адвоката пытается устроить всё с продлением визы. Однако, требуется больше денег, и мы решаем, что, если каждому из нас удастся добыть по 25$, мы сможем справиться со всеми гонорарами для адвоката.

«Я очень тронут тем, что вы так сильно хотите, чтобы я остался, что готовы сделать это ради меня», — говорит Свамиджи. — «Я очень вам признателен».

Все мы принимаемся добывать деньги. Брахмананда даже одевает костюм и отправляется в Центральный Парк просить подаяния.

«Мой отец уезжает в Израиль», — говорит он людям. – «Пожалуйста, помогите, если можете».

С некоторой дополнительной помощью от мистера Гинзберга, нам удаётся оплатить адвокату его гонорар, и Свамиджи получает ещё одно продление визы. Адвокат берётся за петицию о постоянной визе.

*** * ***

«Вам нужно провести выборы», — говорит Свамиджи. – «Нам необходим один президент храма, один казначей, секретарь и комендант. Потом, думаю, Брахмананда должен быть нашим президентом, Гаргамуни — казначеем, секретарём — Сатсварупа, а Киртанананда — комендантом храма».

Хотя мы соглашаемся с предложением Свамиджи, мы всё равно проводим «выборы», и наша новая администрация приступает к своим обязанностям.

Брахмананда, физически самый крупный среди нас и наиболее впечатляющий, делает объявления в конце *киртанов.* Сатсварупа ведёт детальную запись всех лекций, несмотря на то что они, записываются на магнитофон, и всех *ишта-гоштхи,* еженедельных собраний, на которых мы обсуждаем философские и организационные вопросы.

Гаргамуни хлопается об пол посредине храмовой комнаты со своим дипломатом, который он использует в качестве письменного стола, и объявляет, что поскольку он — казначей, то у него нет никаких других обязанностей. Свамиджи зовёт его «Гаргамани» *(игра букв в имени Gargamuni, в английском языке буква «и» произносится иногда как «а», из муни получается слово «мани», money – деньги).* Киртанананда же быстро наводит порядок как в храме, так и в апартаментах Свамиджи, и заботится о том, чтобы этот порядок поддерживался.

Сатсварупа снимает квартиру неподалёку и некоторые из нас поселяются там, или просто приходят туда принимать душ. Иногда оказывается, что всё бремя финансирования «Бесценных Даров» возложено на одного худенького, маленького Сатсварупу. Он периодически умоляет Свамиджи разрешить ему бросить работу в Отделе Обеспечения, и присоединиться к остальным ученикам, которые всё время живут в храме, но Свамиджи отказывает ему: «Работай, но отдавай плоды Кришне».

В действительности, каждый из нас чувствует, что несёт на себе эту ношу ответственности за наше новое Общество, ибо Свамиджи заставляет каждого из нас чувствовать себя особенным, нужным и важным. Наши отношения с Кришной индивидуальны и личностны. Каждая часть служит целому. Для того, чтобы всё тело функционировало надлежащим образом, каждый его член должен работать в дружном сотрудничестве с остальными.

*** * ***

Мохан Лал Шарма, мой старый коллега с Факультета Английского из Охийского Университета, заходит повидаться с нами. Он предлагает Свамиджи поклоны и касается его стоп.

«Воды Ганги протекают тут», — произносит он.

«Спасибо», — улыбается Свамиджи. – «Это всё по милости Шри Чайтаньи Махапрабху».

Когда Раярама предлагает походатайствовать о помощи у кого-нибудь из индийской общины в Нью-Йорке, Свамиджи встречает это без энтузиазма.

«Я думал об этом, когда только приехал сюда», — говорит он. — «Я надеялся на то, что мои соотечественники в Америке будут первыми, кто заинтересуется обществом сознания Кришны, но нет. Обычно они, подобно молодым воронам, молодым материалистам, которые черпают наслаждение в отбросах, на помойках и в отвратительных местах. Поскольку в Индии много нищеты, многие

индийцы ради экономического успеха приезжают сюда работать и учиться. Обычно они подражают жителям Запада — покупают новые машины, пьют ликёр, едят мясо, посещают ночные клубы и заводят женщин. Так что, есть поговорка: "Вороны едят отбросы, а молодые вороны едят их в ещё большем количестве". Нет, не ожидайте от них никакой помощи».

* * *

Гарви Кохен пишет из Сан-Франциско, что Западное Побережье созрело для сознания Кришны. В январе наступает пора «Сборища племён и народов», и ожидается сотня тысяч человек. Полчища молодых людей стекаются в Сан Франциско, с цветами в волосах, (от чего и происходит выражение о том, что молодое поколение — это цвет общества, «Сила Цветов»), взращенные на наркотиках, предположительно расположенные к расширению своего сознания и, как мы полагаем, дожидающиеся того, как бы расширить его за рамки наркотиков. Гарви просит о помощи. Он уже подыскивает магазинчик на Хэйт-Эшбери, районе, прилежащему к Голден Гейт Парку, в «самой гуще событий». Свамиджи загорается.

«Да, мы должны отправиться туда», — говорит он – «мы поедем сразу же, как только он найдет помещение».

Мукунда и Джанаки решают отправиться в Индию через Западное Побережье. Предлагая поклоны Свамиджи, они выходят из комнаты.

Свамиджи говорит Мукунде: «Попытайся открыть храм в Сан-Франциско».

Похоже, что Сан-Франциско будет первым филиалом нашего юного дерева преданности.

* * *

Свамиджи не удовлетворён магазинчиком в доме 26 на Второй Авеню.

Лозунг «Сила цветов» впервые появился в Беркли (Калифорния) на протестах против войны во Вьетнаме. В 1965 году Аллен Гинзберг опубликовал статью «Как провести митинг-спектакль», где призвал протестующих взять с собой побольше цветов, чтобы раздавать их полицейским, журналистам, политикам и другим людям. Использование цветов, игрушек, флажков, конфет и музыки позволяло придать антивоенной демонстрации форму спектакля уличного театра и снизить уровень страха, гнева и угроз, обычно присущих протестным выступлениям.

В частности, Гинзберг предлагал противопоставить «Силу Цветов» устрашающему «призраку» «Ангелов ада» — группировки мотоциклистов, которые поддерживали действия армии США во Вьетнаме, приравнивали всех протестующих против них к коммунистам и угрожали с применением насилия сорвать планируемые антивоенные демонстрации в Калифорнийском университете в Беркли.

Методика Гинзберга позволила привлечь положительное внимание к протестам, а «Сила Цветов» стала одним из узнаваемых символов контркультурного движения.

В конце 1966 года метод «Силы цветов», использовавшийся в выступлениях «партизанского театра», распространился из Калифорнии в другие части США.

Знаковым местом для движения «Сила цветов» стал район Хейт-Эшбери в городе Сан-Франциско штата Калифорния. Там, недалеко от перекрёстка улиц Хейта и Эшбери, в середине 1960-х годов, часто собирались любители психоделической рок-музыки, неподалёку жили музыканты-исполнители, в том числе самые известные: певица Дженис Джоплин, группы Jefferson Airplane и Grateful Dead.

«Бесценные Дары» служат нам на первых порах, первые несколько месяцев, до того, пока возросшая популярность в газетах не привлекла большого наплыва людей, но теперь очевидно, что нам требуется найти новое, большее здание. Мы начинаем поиски: покинутые залы собраний, старые церкви, чердаки, пустые складские помещения. Плата за аренду помещения в Гринвич Вилледж слишком высока, а про центр города и речи не идёт. Свамиджи говорит, что хочет купить здание. Но на что?

«Кришна снабжает всем», — говорит он нам. – «Он обеспечивает животных и непреданных. Насколько же в большей степени он готов обеспечивать Своих преданных!».

Мы находим некоего Мистера Пэйна, элегантно одетого агента по недвижимости.

«Лиха беда начало», — говорит он Брахмананде, который, как наш президент, руководит поисками помещения для нашего нового храма.

«Вы зарегистрированы как религиозная организация, не подлежащая налогообложению», — продолжает мистер Пэйн. – «Вы и представления не имеете о том, как это поможет вам. Большинство людей вынуждены покидать свои помещения только потому, что они не могут заплатить налогов. Да, Кришна на самом деле заботиться о вас. И у меня есть подходящее место для вас и вашего учителя».

Он показывает нам красивое, трёхэтажное здание из красного кирпича, неподалёку от площади «Святого Марка», в хорошей местности в нижнем городе, недалеко от молодёжной жизни, и всё же в зоне, где и жители верхнего города могут чувствовать себя удобно. У здания есть небольшое крыльцо, большие двойные двери, открывающиеся в зал собраний, идеальный для *киртана*. Полированный пол из сосны и толстые внутренние двери из орехового дерева украшены резьбой по дереву и отлакированы. Мистер Пэйн прав: это совершенное здание для храма ИСККОН. Свамиджи одобрительно смотрит на это.

«Приобретайте его», — говорит он Брахмананде.

Брахмананда начинает вести переговоры. Но как можно вести их, когда у нас нет денег? Здание продается за 100,000$.

Ни один из нас никогда не замахивался на подобную сумму.

«Если вы сможете просто дать предоплату в 5,000$, — я смогу устроить так, чтобы владельцы подписали контракт. 5,000$ предоплатой и ещё 5,000$ в течении двухмесячного срока. Это должно быть не так трудно».

«Сделайте это», — говорит Свамиджи Брахмананде. И целеустремленный, большой, крепкий Брахмананда отправляется добывать деньги.

* * *

Теперь каждый день, ранним утром, ещё до того, как кто-либо из нас просыпается, Свамиджи продолжает печатать на машинке, работая над своим переводом «Бхагавад-Гиты». Месяцем раньше, в феврале, он надиктовал на магнитофоне введение, которое Сатсварупа распечатывает теперь как «Введение к Гитопанишад».

Тем временем, я продолжаю печатать Вторую Песнь «Шримад-Бхагаватам», вводя минимальные редакторские правки, исправляя только грамматические погрешности. Я также продолжаю составлять «Бэк ту Годхед» и писать статьи о нематериальном «Я» и об одухотворении энергии. Все журналы расходятся. Печатный станок, к сожалению, не в состоянии печатать больше, чем 100 экземпляров каждого издания. Мы подумываем о том, чтобы купить принтер, но его цена нам не по карману.

* * *

Свамиджи показывает нам как зажигать маленькие именинные свечи и ставить их на маленький столик, служащий в качестве алтаря для Господа Чайтаньи. Он капает капельку воска и потом ставит свечу на неё. Мы повторяем эту процедуру каждый вечер. Когда мы спрашиваем, каково значение этого действия, он отвечает, что это предназначено для того, чтобы увеличить вашу преданность, и дальше

объясняет нам, что это — Рама-Виджая и что этим мы отмечаем победу Господа Рамы над демоном Раваной (В Индии этот праздник называется Дивали, Дипавали и длиться 5 дней, примечание редактора).

Каждый вечер, после принятия душа, Свамиджи садится перед изображением Господа Чайтаньи, наносит *тилак*, и безмолвно повторяет мантру *гаятри*, его *брахманский* шнур обвёрнут вокруг большого пальца его правой руки. Ни один из нас не знает этой мантры, так же, как и истинного значения шнура. После этого он звонит в маленький колокольчик, зажигает благовоние, предлагает его Господу Чайтанье, затем предлагает поклоны. Для нас всё это очень удивительно, очень странно. Мы зовём это «колокольчиками».

*** * ***

Мистер Дий, семидесятилетний бенгалец с длинной белой бородой и седыми волосами, посещает Свамиджи. Мистер Дий носит ботинки на шнурках и чёрную, застёгивающуюся на пуговицы рясу, и объявляет себя воплощением Иезекиля. Он всю свою жизнь скитался по земле. Его спутник — Библия. Он никогда не омывается.

«Ваша молодёжь должна иметь видение, а ваши старики – мечты», — говорит он, — «из своего оружия пусть они сделают косы, плуги и серпы. И в горы! Прочь из городов! Когда нагрянет море огня, города будут уничтожены. В горы! Объединяйтесь в общины».

На Свамиджи это нагнетает скуку.

«Конец приходит постоянно», — говорит он. – «Для нас не представляет особого интереса тот или иной конец. Разрушение происходит всё время. Мы будем оставаться тут и выполнять свои обязанности ради Кришны, и когда Кришне будет угодно, Он может забрать нас».

Из сострадания, Свамиджи позволяет мистеру Дию побыть в храме. Он остаётся на неделю. Потом до Свамиджи доходят слухи о том, что он сбивает людей с толку, проповедуя, что Кришна — демон, и что единственный путь — через Христа.

«Скажи ему, что он должен покинуть нас», — говорит Свамиджи Брахмананде. – «Он — змея. Просто приносит беспокойства».

И, таким образом, воплощение Иезекиля уезжает из «Бесценных Даров».

«Он может верить во что угодно», — говорит Свамиджи, — «но то, что его проповедь направлена против Кришны, — этого мы терпеть не можем».

*** * ***

Тем временем Брахмананда продолжает вести переговоры с Мистером Пэйном. И хотя Брахмананде каким-то чудом и удалось раздобыть 5,000$ задатка, владельцы хотят ещё больших подтверждений нашей способности оплатить здание. Мы вынуждены нанять адвоката, чтобы внимательно рассмотреть условия контракта.

«Мистер Пэйн причиняет нам столько боли», — говорит Свамиджи. (прим. пер. английское слово pain [пэйн] означает боль, созвучно с именем Мистера Пэйна) — «В чём сложность?».

Он не видит никакой необходимости в Мистере Пэйне вообще.

«Почему мы не можем купить здание непосредственно у его владельцев? Зачем нужны все эти агенты?».

«Обычно здесь так делается,» — говорим мы.
Мы ждём. Здание на площади Святого Марка продолжает оставаться для нас замком в небе, а 5,000$ завязывают нас с Мистером Пэйном.

* * *

5 ноября 1966 года. Около 30,000 человек собираются в Вашингтон Сквере, чтобы пройти с парадом мира по 5-ой Авеню. Аллен Гинзберг приглашает нас присоединиться к его группе, собирающейся в «Томпкинс Сквер парке».

Протест в Вашингтон-сквере (Томпкинс сквер парк), 5.11.1966.

«Да, пойдите с М-ром Гинзбергом», — говорит нам Свамиджи, произнося всегда первый слог в слове "Гинзберг" в нос. – «Идите и воспевайте Харе Кришна. Это истинная формула мира. *Хари-санкиртанам*».

Аллен надевает куртку и бельё в индийском стиле, гитаны, он играет на портативной гармонии, приобретённой им в Бенаресе. От «Томпкинс Сквер парка» до «Тайм-Сквер» в центре города два часа ходьбы. Мы рассеиваемся в толпе, чтобы вести воспевание в широком круге.

«Мир Америке!», — поёт Аллен. – «Харе Кришна, Харе Кришна».

Он привязывает гармонию на ремень вокруг своей шеи и выводит из неё мерное гудение. Я дую в горн-уга, своего рода резиновый шар, используемый в калькуттских такси. Запуганные владельцы магазинов на Пятой Авеню закрывают двери и ставят железные решётки на окна. Около двух блоков демонстрантов подключаются к воспеванию. И хотя некоторые поют «Мир во Вьетнаме» и «Мир Америке», они вскоре устают от этого и возвращаются к Харе Кришна. В точности, как говорил Свамиджи: «Материальная вибрация скоро надоедает».

Я чувствую, что иду по облакам, воспевая до хрипоты. Сама величина городской толпы волнует душу. Мы берёмся за руки, выстраиваясь в длинные ряды, и танцуем на улице. Полицейские, стоящие вдоль блокады, вызывающе таращатся. Не слышны нам и оскорбительные выкрики ирландцев с розовыми физиономиями. Дети итальянцев швыряют в нас бумажные стаканчики из-под мороженого.

«*Харе Кришна, Харе Кришна, Кришна Кришна, Харе Харе*».

На «Тайм Сквер» мы разбиваемся в круги, садимся и продолжаем воспевание.

Я вспоминаю наставление Свамиджи: «Просто примите Сознание Кришны, и мир в мире придёт сам собой».

Пока я смотрю, как люди поют, я думаю о марше неповиновения Господа Чайтаньи около 500 лет назад в Бенгалии. Поскольку местный министр запретил публичное воспевание Харе Кришна, Господь Чайтанья возглавил многотысячную демонстрацию протеста, и все воспевали Харе Кришна. Теперь в Нью-Йорке повод для воспевания другой, но основа остается одной и той же — забвение Кришны.

Как сказал Свамиджи: «Мой Гуру Махарадж говорил нам, что в мире есть лишь одна проблема — недостаток Сознания Кришны».

Когда Аллен произносит речь по поводу мира, я едва ли могу его слышать. Война во Вьетнаме кажется мне второстепенной по сравнению с безграничными возможностями воспевания. Когда мы на метро возвращаемся в храм, некоторые молодые люди идут за нами за хлебом, молоком и ещё Харе Кришна мантрой. Каждый рад узнать, что чем больше людей воспевают, тем могущественнее воздействие мантры.

* * *

7 ноября. В Дели 200,000 индийцев бунтуют, требуя немедленного запрета государственных боен. Восстание возглавляется *садху*, святыми людьми.

«Правительство атеистично», — говорит Свамиджи, — «но вы можете видеть, что люди протестуют. Они знают, что *го-мата*, мать-корова — любимица Кришны и потому священна».

Свамиджи делает набросок письма в «Таймс Индии» и просит меня написать его на чистовую. В нём Свамиджи цитирует предписания Вед, запрещающие убийство коровы, особо указывая на то, что корова является матерью человека, представительницей земли.

«За это их ожидает множество жестоких последствий», — предупреждает он строго. – «Скотоводов, забойщиков, мясников, транспортёров, владельцев ресторанов и потребителей. И даже посудомоек.»

* * *

13 ноября. На Второй Авеню в «Гэйт» театре «встреча в знак всеобщего благоволения и братской любви», дурацкий политический бенефис для Луиса Аболафиа, Нижне-Ист-Сайдского кандидата в президенты Соединённых Штатов. Гвоздями программы являются Тимоти Лири, Аллен Гинзберг, «Фагс» и «Свами Бхактиведанта с поющими Харе Кришна».

Лири разъезжает по городу на Фольксвагене со статуей Будды из папье-маше поверх машины. Свамиджи считает это оскорбительным.

«Какое он имеет отношение к Господу Будде?» — спрашивает он. – «Господь Будда был великим принцем, который отрекся от всего, чтобы медитировать. Что общего имеет Будда с ЛСД? Это просто издевательство».

Некоторые преданные с неохотой идут на то, чтобы везти туда Свамиджи. В конце концов, Лири и Гинзберг поддерживают наркотики и секс, и наш иммиграционный адвокат не поощряет общение Свамиджи с контркультурой. Всё же Свамиджи смотрит на это как на ещё одну возможность распространить Сознание Кришны, и он решает пойти. Ожидая своего выхода на сцену, нам приходится сносить громкую и бездарную трескотню рок-групп, так же, как и церемонию «Празднования Банана». Некоторые люди объявляют, что можно улететь, куря листья банана.

Свамиджи терпит всё это с трансцендентной выдержкой. Мы воспеваем в течение 15 минут. Мы с Ачьютанандой энергично танцуем, подпрыгивая в воздухе, носясь в одеждах, преданных и стуча в маленькие ручные *цимбалы*. Организаторы мероприятия не предоставляют нам много времени, и Свамиджи вкратце объясняет значение мантры, написанной на доске. Его объяснение конкретное и запоминающееся.

«Кришна — это Бог, Харе — это энергия, через которую мы приближаемся к Богу, а Рама — это Бог, являющийся наслаждающимся всем этим. Это не обычные слова, это имена Бога.

Бог и Его имя неотличны друг от друга. Чего не скажешь об обыкновенных словах. Если вы будете сидеть в углу и повторять: "Вода, вода, вода," — вы не избавитесь от жажды. Но если вы повторяете "Харе Кришна", то Бог будет танцевать у вас на языке».

Мы уходим сразу после этого. Реакция публики хорошая, и мы раздаём приглашения в «Бесценные Дары». Руководители мероприятия сообщают нам, что бенефисы будут проходить каждое воскресенье весь ноябрь и что мы должны будем продолжать приходить сюда. Вернувшись в храм, Свамиджи взрывается со смеху, когда узнаёт о том, что Аболафию серьёзно выдвигают в качестве кандидата в президенты.

«Может быть, нам стоит выдвинуть Брахмананду», — говорит он.

*** * ***

Требуется больше денег для того, чтобы заключить контракт с М-ром Пэйном и владельцами здания. К сожалению, молодые люди, посещающие лекции Свамиджи, имеют скудные сбережения. Для финансового благополучия нам нужен какой-то богатый пожилой благодетель. У Мишры есть такой, и у Никхилананды есть. Без них, кажется, из трущоб не выбраться.

С такими мыслями Брахмананда и Раярама устраивают *киртан* в Холле Манхеттен Джудсон в центре города, прямо напротив Гарнеджи Холла. Аренда одного вечера стоит 200$, месячная стоимость аренды квартиры Свамиджи на 2-ой Авеню. Подумав, что пожертвования покроют это, мы снимаем зал на 15 ноября.

Раярама рассылает по почте скромные приглашения в центре города. Мы надеемся на толпу, но когда приезжаем, то видим всего 8 человек аудитории. Наши сердца проваливаются. Мы должны были знать. Мы обманули надежды Свамиджи. В гримёрной комнате мы ставим свежие *тилаки* и повторяем *джапу* вплоть до восьми часов. Затем выходим на сцену за Свамиджи, садимся рядом с ним в круг, смотрим в пустой зал. И хотя мы чувствуем себя так, что нам хочется убежать оттуда, Свамиджи выглядит необеспокоенным всем этим.

Заполнено ли помещение людьми или там всего один человек, для него это всё равно. Его цимбалы звенят, и он начинает воспевать молитвы к учителям. Мы поём Харе Кришна и танцуем, затем Свамиджи даёт короткую речь и отвечает на один или два вопроса после неё. Мы ещё раз воспеваем и потом уходим, на 200$ обедневшие и без единого благодетеля. По возвращению на Вторую Авеню, Свамиджи отчитывает Раяраму.

«Я предупреждал тебя, что мы должны брать деньги за билет», — говорит он. – «В Бенгалии есть история о человеке, предлагавшем бесплатно манго. И никто не брал у него манго, поскольку каждый думал: "О, почему он отдаёт эти манго? С ними должно быть что-то не в порядке". Но когда он установил на них цену в 2 или в 3 рупии, они подумали: "Давайте проверим, стоят ли его манго этого на самом деле?". Когда люди видят, что что-то бесплатно, они думают, что это что-то никчёмное. Попроси с них за это 3$ или 5$ — и тогда они будут ценить это».

* * *

Уязвлённые своим провалом, мы отступаем от дальнейших попыток что-либо предпринять в центре города и решаем остаться на своей обжитой территории в Нижнем Ист-Сайде. Мы опять приходим в «Гэйт театр», но людей там так мало, что мы рассматриваем это как потерю времени. Томпкинс Сквер Парк всё ещё предоставляет нам самые лучшие возможности для притока новых преданных и использовать его можно бесплатно. Но позже ноябрьские ветры кладут конец парковым киртанам.

Приходят осенние дожди. Свамиджи включает комнатный обогреватель и одевает шафрановый шерстяной свитер и пальто, чтобы дойти до храма через внутренний двор. Мы начинаем подумывать о более тёплом климате для его здоровья. Письма от Гарви Кохена и Мукунды вдохновляют. Несколько знаменитых рок-групп Сан-Франциско предлагают свои услуги в том, чтобы выступить с выгодой для храма, а в главных магазинах Хайт Стрит «Бэк ту Годхед» раскупают в первый же день. Теперь вопрос только в том, чтобы найти магазинчик под аренду.

«Как только Мукунда найдёт место», — говорит Свамиджи, — «я полечу туда».

Тогда он признаётся нам, что никогда до этого не летал на самолёте.

* * *

Несмотря на то, что я воспеваю с июля месяца, психоделическая картина космоса так и не раскрылась предо мной, как я надеялся. Что же я делаю неправильно? Почему я не увидел апокалиптических видений, тех, которые наблюдал Арджуна на поле битвы Курукшетра? Где же *вират-рупа,* Вселенская Форма, содержащая в себе мириады глаз, рук, голов и ртов, извергающих пламя и поглощающих миры?

«Если 100 тысяч солнц взойдут одновременно в небе, их совместное сияние можно сравнить с сиянием Высшей Личности в этой Вселенской форме».

В соответствии с тем, что говорит Свамиджи, Шри Кришна явил эту форму Арджуне из своей особой благосклонности. Конечно же, то, что увидел Арджуна, находится вне всяких описаний и человеческого воображения. Он увидел всё творение, заключённое в теле Господа.

«Чистый преданный не стремится увидеть эту форму», — говорит нам Свамиджи. – «Преданный предпочитает двурукую форму Кришны, как мальчика-пастушка. *Вират-рупа* является для материалистичных людей, на которых может произвести впечатление лишь могущество и великолепие Всевышнего».

Ну ладно, в конце концов, разве мы, западные люди, не являемся материалистами от рождения? Разве эта форма не предназначена для нас? Наконец, я набираюсь смелости, чтобы обратиться к Свамиджи, дождавшись, пока он останется один в своей комнате, сидя за своим сундучком и читая.

«Почему я не могу видеть Кришну так, как Арджуна видел его на поле битвы?» — напрямик спрашиваю я.

«Ты не можешь», — говорит Свамиджи. — «Для этого существует процесс воспевания Харе Кришна».

«Я воспеваю уже более 4-х месяцев», — возражаю я, — «но я до сих пор не вижу ту вселенскую форму со всеми головами и руками. Что я делаю не так?».

Свамиджи смотрит на меня несколько секунд, его глаза увеличены под очками, потом он молча вручает мне рукопись недавно переведённых стихов 11-ой главы.

Я читаю: «О величайшая из всех личностей, о высшая форма, несмотря на то что сейчас перед собой я вижу Тебя в истинном состоянии, всё же я хочу увидеть, как Ты вступил в это космическое проявление; я хочу видеть эту Твою форму. Если ты полагаешь, что я могу созерцать Твою космическую форму, о мой Господь, О Повелитель всех мистических сил, будь же милостив, яви мне Свою безграничную вселенскую сущность».

«Вот», — говорит Свамиджи, — «если ты полагаешь, что "я могу созерцать Твою космическую форму". Так что, о чём это говорит?».

Я снова смотрю на стих и более глубоко обдумываю его. Затем я поднимаю глаза на Свамиджи. Его взгляд сосредоточен на мне в ожидании моего ответа. Вдруг я начинаю чувствовать себя снова тупым, как тогда, когда я пытался защищать буддистов.

«Это говорит о том, что Господь Кришна есть наилучший судья», — наконец говорю я. – «Так что Арджуна предоставил Ему решать».

«Да», — говорит Свамиджи. – «Таков процесс. Арджуна был великим воином, великим преданным Кришны. Он не хотел созерцать *вират-рупу* для своего личного наслаждения. Он просил об этом от имени материалистов. И всё же он говорит Кришне: "Если Ты полагаешь, что я могу". Таково отношение, которое должно быть у нас. Теперь что ты думаешь?».

Он снова смотрит на меня, ожидая ответа, и на мгновение я задумываюсь о том, что если я буду настаивать, то он может даже явить мне своё видение.

«Я не думаю, что я готов», — в конце концов говорю я.

«Да», — улыбается Свамиджи, когда я отдаю ему обратно стихи. – «Да, мой духовный учитель говорил: "Не прилагайте больших усилий для того, чтобы увидеть Бога. Но прилагайте большие усилия для того, чтобы Бог увидел Вас". Таким образом, мы должны просто продолжать своё воспевание Харе Кришна, и Кришна обратит внимание на наше служение. Выполняй преданное служение искренне, и со временем всё придёт».

*** * ***

Весь декабрь Свамиджи продолжает работать над своим переводом «Бхагавад-Гиты». Я редко вижу его за работой из-за его расписания. Он спит с одиннадцати вечера до 2 или 3 утра. Потом он встаёт, включает диктофон, диктует свои обширные комментарии на «Бхагавад-Гиту» в то время, пока великая столица спит. Используя сравнение «Бхагавад-Гиты», он сказал нам, что материальный мир подобен баньяновому дереву, с корнями, перевёрнутыми вверх, а ветвями вниз. Дерево предстает перед нами в таком виде, когда оно искажённо отражается в воде. В материальном мире всё вверх тормашками: всё плохое оказывается желаемым, а всё, чего в действительности можно желать, кажется вызывающим отвращение.

Когда я вижу, как Свамиджи уходит на покой, как раз в то время, когда большинство нью-йоркцев предаются усладе своих чувств, и поднимается, чтобы служить Кришне, как раз в то время, когда они спят, я вспоминаю стих из «Бхагавад-Гиты»: **«То, что для всех живых существ — ночь, для владеющих собой — время пробуждения; и то, что для всех — время пробуждения, ночь — для мудреца, чьё видение направлено внутрь себя».**

В 07.00 он спускается в храм вести утренний *киртан* и лекцию. Когда он возвращается в свои апартаменты, он принимает душ, вкушает лёгкий завтрак и перечитывает рукопись или даёт советы нам. В полдень, приняв *прасадам*, он повторяет несколько кругов, а потом отдыхает в течение часа, лежа на боку на коврике перед своим сундучком. Сатсварупа набирает на печатной машинке то, что он

записывает на диктофон. Иногда, когда он не может понять, что он сказал, ему приходится консультироваться со Свамиджи. Печатного текста выходит около сотни страниц. Свамиджи поистине очень плодовитый писатель.

«Я написал введение за один вечер последнего числа февраля, когда я был один», — говорит он мне. – «Я просто сидел в своих апартаментах и не было никого, с кем нужно было говорить, и я вспомнил, как мой духовный учитель говорил: "Если есть всего один человек, всё в порядке. Проповедуй ему о Кришне. А если нет никого, ты можешь проповедовать стенам." Так что я проповедовал стенам. Но у меня был этот магнитофон, и то, что я говорил, теперь вы можете услышать».

Это было введение к «Бхагавад-Гите». Когда Свамиджи начинает работать над последними шестью главами «Бхагавад-Гиты», он говорит мне, что теперь я могу начать редактировать её.

«Редактируй так, чтобы она имела силу и ясность», — говорит он. — «Мы хотим, чтобы эта "Бхагавад-Гита" была приемлема для публикации, поэтому важна грамматическая точность. Она должна быть так же приемлема и для академического круга, и поскольку ты имеешь опыт в этой сфере, ты знаешь, как лучше всего отредактировать её. Если у тебя появится какой-нибудь вопрос о смысле, ты можешь консультироваться со мной».

Свамиджи посылает Брахмананду попытаться заинтересовать издателей. Каждый день Брахмананда набирает списки издателей и садится в метро до центра города, ожидая часами в офисах встречи с бизнесменами, заинтересованными лишь в быстрой продаже.

«У этих *свами* просто нет денег», — говорит ему один. – «Это рискованно, очень рискованно».

* * *

Свамиджи всегда держит у себя в сундучке почтовые весы и губку для наклеивания почтовых марок.

С самого начала он наставлял нас в чистоте, очень много, как какой-нибудь родитель: «мойте руки, совершайте омовение, не кладите пальцы в рот. Мойтесь, не грызите ногти. Меняйте одежду. Выньте карандаш изо рта. Не касайтесь ног. Хорошо убирайтесь».

Забывшись, я облизываю почтовую марку прямо перед ним. Его глаза широко раскрываются в шоке (от неожиданности).

«ООО! Хаягрива! Ты забыл!».

Как справедливо! Да, я всегда забываю, день за днём. «Забывчивость» — наша болезнь. Наше рождение — ни что иное, как сон и забвение...

*** * ***

Оживлённое декабрьское утро. Мы сидим в «Бесценных Дарах», ожидая Свамиджи. Он нисходит из своих апартаментов, завёрнутый в *чадар* и несущий большую коричневую книгу. Сначала он воспевает молитвы *гуру* и ведёт нас в воспевании. После этого он открывает книгу, и мы все чувствуем, что должно произойти нечто историческое.

«Сегодня», — говорит он, — «мы почитаем из "Чайтанья-Чаритамриты"».

Наконец! На протяжении нескольких последних месяцев он подчёркивал, что есть 3 книги, которые мы должны знать: «Бхагавад-Гита» — сущность Сознания Кришны, поведанная Самим Господом Кришной; «Шримад-Бхагаватам» — имеющая дело с играми Кришны, написанная Вьясадевой, и «Чайтанья-Чаритамрита» — описывающая игры Господа Чайтаньи, написанная Кришнадасом Кавираджей Госвами.

«Чайтанья-Чаритамрита» нежно любима вайшнавами, поскольку она являет высший уровень любви к Кришне, любви, явленной в божественных играх Господа Чайтаньи, который явился на земле как чистый преданный, обезумевший от любви к Кришне.

«Господь Чайтанья — это Радха и Кришна вместе», — говорит нам Свамиджи, — «Он — Кришна в настроении Радхи. Он — Кришна, который пришёл, чтобы насладиться вкусом любви к Кришне в разлуке. Понимание этой божественной *расы* — это наивысший уровень».

Свамиджи концентрируется на разговоре между Господом Чайтаньей и Его учеником Санатаной Госвами, касающемся экспансий Кришны в духовном мире и различных типов *аватар.*

«Христианство учит, что есть только одна *аватара*», — высказывается гость, — «Это Христос».

«Как это?» — спрашивает Свамиджи, — «Христос говорил, что он — сын Божий, и мы принимаем его как совершенного сына Бога. Но разве это говорит о том, что он единственный сын? Существуют миллионы и миллионы планет, и Бог в Своих бесчисленных инкарнациях является на каждой. Эта информация содержится в Ведах. Какое у вас есть свидетельство того, что Бог приходит лишь однажды? Никакого. Просто подумайте. В книжном магазине мы можем обнаружить как словарь для начинающих студентов, так и энциклопедию для более продвинутых. Энциклопедия содержит в себе и всю информацию словаря и ещё многое, помимо этого. Религия также подобна этому. Ведические писания — это энциклопедия, и они завершённые, полные. Они содержат в себе безграничную информацию о Боге, Его играх и инкарнациях. Таким образом, Господь Чайтанья советует нам воспользоваться общением с *садху, шастрами и гуру.* А *гуру* не должен расходиться с *шастрами и садху*. Эти три авторитета никогда не могут противоречить друг другу. Мы должны оценивать *гуру* в отношениях с *садху и шастрами.* Если он расходится с ними, то он не *гуру*».

«А каковы взаимоотношения между Христом и Кришной?».

«Разве вы не знаете? Что говорится в Библии? Христа называют сыном Бога, не так ли?».

«Он также есть Бог», — говорит гость.

«Да, отец и его сын — одно. Сын служит отцу, и они качественно едины».

«Значит, они одно и тоже?».

«С чего вы взяли, что "одно и тоже"? Отец — это отец, а сын — это сын. Если вы — сын, тогда вы и ваш отец — одно. Но если вы говорите, что «я не только сын, но я также и отец», то это противоречие. Как вы можете быть сыном, а также и отцом?».

«Ну, в соответствии с позицией католиков, они — одно. Это необъяснимо».

«Если это необъяснимо, то что же вы спрашиваете? В любом случае, я даю вам объяснение: Христос — сын Божий, и он един с Богом-Отцом. Но Вы не можете сказать, что он тождественен Отцу. Бог-Отец продолжает оставаться Отцом, а сын продолжает оставаться сыном».

* * *

«Когда Кришна проявлял Своё могущество в Двараке», — говорит Свамиджи – «он распространил Себя в 16,108 различных форм, чтобы жить вместе с каждой из Своих 16,108 жён в отдельном дворце».

Сатсварупа покачивает головой, сомневаясь: «Я просто не могу понять, как кто-то может сделать это», — говорит он.

«Кришна может держать Вселенную у Себя во рту», — говорит Свамиджи, — «и показать её Своей матери Яшоде в качестве детской проказы. Так что, если Он может это, то какие у Него могут быть сложности с тем, чтобы содержать какое угодно число жён со всеми удобствами?».

Сатсварупа снова покачивает головой и в замешательстве смотрит в пол. Ему не трудно принять, что малыш Кришна может держать вселенную у Себя во рту. Но как Кришна смог умножить Себя во столько раз, чтобы содержать тысячи жён в тысячах дворцов?

* * *

Очевидно, мы не можем усвоить всё за раз, как и не ожидаем, что нам сразу станет всё понятно. Летом и осенью Свамиджи делал упор на начальное знание: *ахам брахмасми «я* — не это тело, но чистая духовная душа», «Бхагавад—Гита», глава вторая. Теперь, когда мы изучаем «Чайтанья-Чаритамриту» и «Шримад-Бхагаватам», значение и красота понимания Вселенной с точки зрения Сознания Кришны постепенно проявляется для нас. Мы начинаем понимать, что основой восприятия реальности Кришны является осознание искусственности материального мира.

«"То, что нереально, — никогда не существовало", — говорит Кришна Арджуне, — "а подлинное никогда не прекратит своего существования". Материальные достижения подобны детским игрушкам», — говорит нам Свамиджи. – «Они смоделированы по подобию настоящих вещей, но они всего лишь имитация. Маленькая девочка может часами воображать, что её игрушечный домик настоящий, но он всё равно остаётся игрушкой. Кришна оплодотворил этот материальный мир духовными искорками, нами. И мы — маленькие дети, играющие в игрушки, а Кришна — добрый отец, позволяющий нам наиграться вволю. Материальное тело появляется, затем оно растёт, производит побочные продукты, старится, истощается и исчезает. И этот процесс повторяется снова и снова. Но чтобы избежать всех этих страданий, мы должны обратиться к Кришне, повернуться к реальности. Иллюзия сильна, она всегда говорит: "Посмотри сюда! Наслаждайся! Ты — Бог. Зачем тебе поклоняться кому-то"?».

«У меня вопрос», — говорит гость, поднимая руку.

«Да».

«Если мир нереален, как говорят и буддисты, то зачем предавать ему столько значения?».

«Это не совсем так, что этот мир нереален», — поправляет его Свамиджи.

«Этот мир существует, но он преходящ. Мы, Вайшнавы, предпочитаем использовать слово "преходящий", как более точное, нежели "нереальный" или "сон". Поскольку мир преходящ, о нём можно сказать, что он нереален, или подобен сну. Это значит, что он проходит. Но Вайшнавы смотрят на мир как на творение Кришны, и поэтому оно прекрасно, хотя и преходяще. Если я создам что-то прекрасное, будет ли хорошо, если вы скажете, что это нереально и иллюзорно? Нет, правильным словом было бы "преходяще"».

«Если отражение от источника не имеет никакой ценности, или преходяще, как вы говорите, то не является ли его понимание так же не имеющим ценности, поскольку оно является *майей*, или преходящим?».

«Да», — говорит Свамиджи, — «если оно не ведёт к изначальному источнику, Кришне. Люди увлечены отражением и не хотят вернуться к источнику этого отражения. В этом их проблема. Мы находимся в этом отражении и поэтому стоим в тупике. Как в песне: "Я думал, что строю свой дом благополучно, но он сгорел дотла." Всё, что бы мы тут не делали, — это всё латание заплат на старом одеяле. Откуда взяться счастью? Какую бы материальную вещь вы не обрели, она в конце концов исчезнет. К нам должно прийти это чувство временной природы вещей. Наша жизнь бесполезна до тех пор, пока мы не разовьём духовное знание. Объявите войну *майе* и обернитесь к реальности, к источнику всего. Такова должна быть цель знания».

«Тогда что полезного для духовного продвижения мы можем воспринять посредством чувств?».

«Всё, если вы умеете правильно обращаться с ними», — говорит Свамиджи.

«До тех пор, пока мы находимся в этих телах, мы будем есть, спать, защищаться и совокупляться. Ничего из этого не запрещается, но должно быть ограничено. Вместо того, чтобы есть всякую ерунду, вы можете есть Кришна *прасадам.* Если вы едите не *прасад,* вы увеличиваете продолжительность сна. 5-6 часов сна достаточно. Мы должны уменьшить время сна, поскольку сон — это потеря времени.

Если вы можете контролировать себя в еде, то вы сможете управлять и сном. Подобно этому и защита. В половой жизни в браке также нет ничего дурного, поскольку она контролируется необходимостью зачатия детей. Но так как вы не можете контролировать своё сексуальное желание, вы занимаетесь этим для других целей. Почему бы не придерживаться добровольного ограничения? Имейте свою половую жизнь, пусть у вас будут 1-2 ребёнка, и живите себе мирно. Ничего не нужно прекращать, но всё нужно контролировать. Если вы можете управлять своими чувствами, вы можете стать *свами*, даже в вашей одежде».

*** * ***

Прямо перед Рождеством продюсер звукозаписи, Аллен К. предлагает записать наши *киртаны* и выпустить пластинку Харе Кришна.

«Да, мы должны записаться», — говорит Свамиджи, — обрадованный этим предложением. – «Это наша обязанность».

Вечером перед днём записи один из гостей появляется в «Бесценных Дарах» с деревянным барабаном, похожим на *мридангу* — двух мембранный бенгальский глиняный барабан, используемый в *киртанах* вайшнавами, славящийся тем, что признан Самим Господом Чайтаньей.

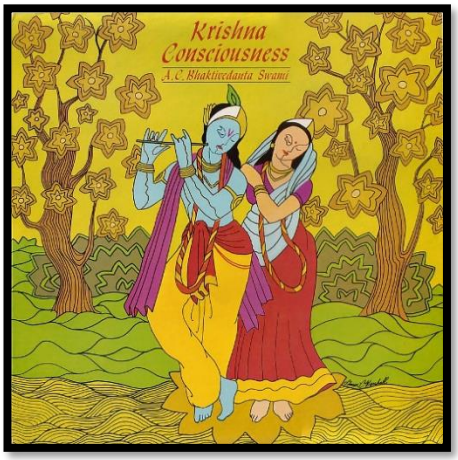
Свамиджи узнаёт его со своего возвышения. Быстро барабан оказывается на его коленях, и он мастерски играет на нём. Все смотрят с изумлением. Для нас звуки кажутся прилетающими из далёкой Бенгалии или, возможно, с другой планеты, так необычны ритмы, отзывающиеся сладостным эхо.

«У нас должен быть этот барабан для завтрашней записи», — говорит Свамиджи, и Брахмананда уговаривает владельца одолжить его нам для записи.

На следующий вечер Рупануга везёт нас на Тайм Сквер на своём автобусе марки «Фольксваген». Когда мы входим в студию записи «Адельфан», там уже записываются некоторые рок-н-ролл музыканты.

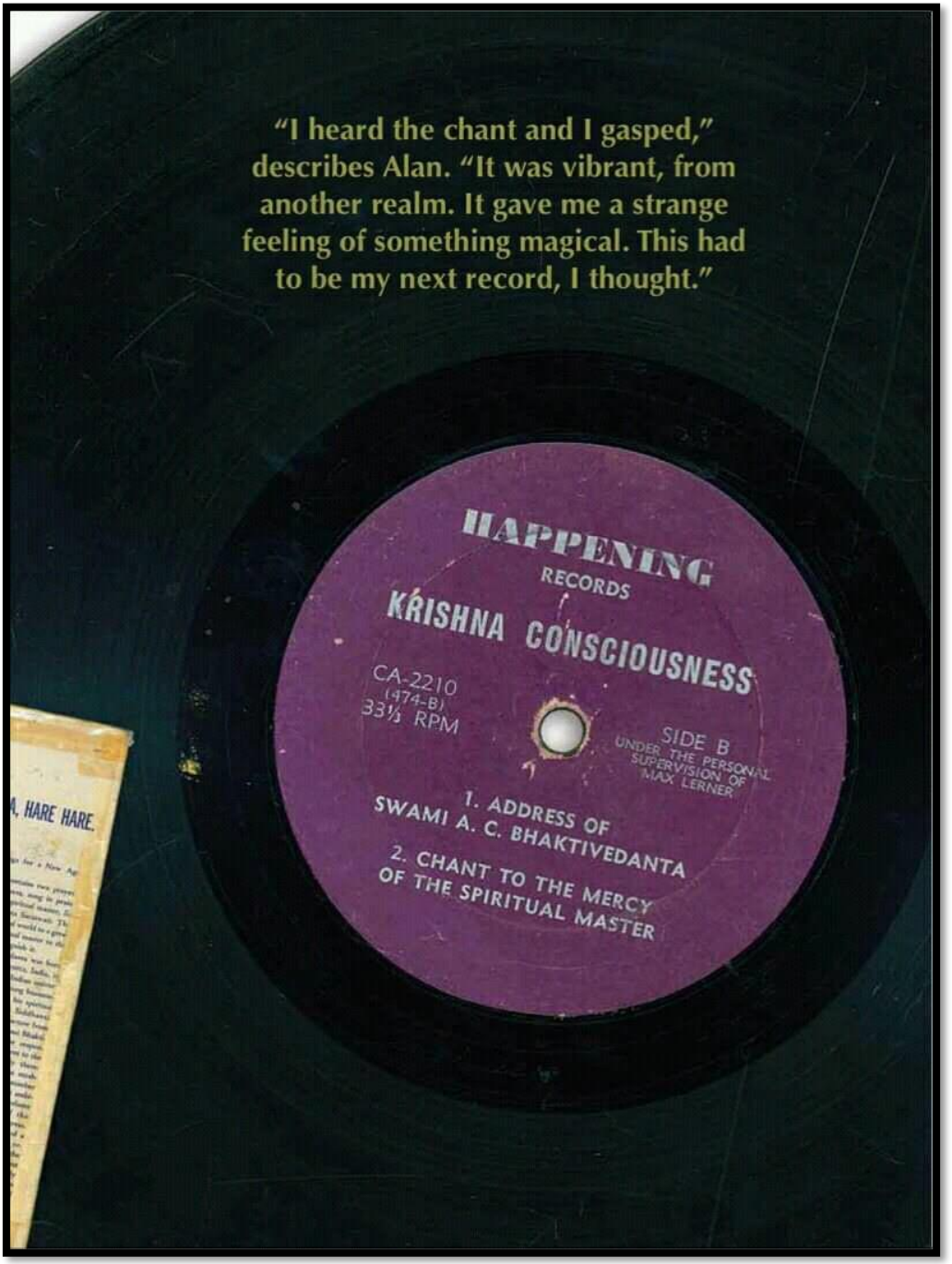

Шрила Прабхупада на записи пластинки.

Обложка и задняя часть пластинки с описанием, 1966 год.

Пластинка с мантрой и обращением от Шрилы Прабхупады

«Как называется ваша группа?» — спрашивает кто-то.

«Воспевающие Харе Кришна», — говорю я.

И что примечательно, под этим названием нас и записали.

Свамиджи садится на коврик в центре студии и играет на барабане. С закрытыми глазами он поёт молитвы *гуру*. Его голос исполнен преданности, абсолютной уверенности, благоговения и восторга.

Это производит впечатление даже на звукооператоров. Когда он завершает петь *«Самсара дава»* и *«Ванде хам»,* он ведёт нас в воспевании Харе Кришна. Киртанананда играет на тамбуре, а остальные играют на цимбалах и бубнах. Затем, поскольку операторы должны подрегулировать свою аппаратуру, Свамиджи должен спеть все молитвы ещё раз заново.

Закончив пение, он даёт несколько заранее подготовленных формулировок, объясняющих значение *мантры.* Когда долгая церемония записи в конце концов заканчивается, Свамиджи чувствует себя чрезвычайно уставшим.

*** * ***

Итак, это уже слишком. Мы привыкли принимать его здоровье как само собой разумеющееся, в основном потому, что он всегда является источником, исполненным нескончаемой энергии. Хотя он более чем вдвое старше нас, он доводит нас до изнеможения своими бесконечными духовными программами, идеями, планами — всё для того, чтобы прославить Кришну по всему миру. У нас нет даже представления о том, каково истинное значение его миссии. Мы воспитаны в духе того, что в наше время одна личность не может повлиять на события, происходящие в мире. Мир слишком велик и слишком сложен. Что может сделать один человек? Мы живём не во времена Александра или Цезаря, как и не во времена Сократа или Христа.

Предвещая недоброе, на следующее утро после записи Свамиджи беспокоит учащённое сердцебиение. Есть также проблемы с пищеварением. Судя по его расписанию у него перенапряжение. Киртанананда лично заботится о нём, оберегая его от излишних посетителей, пытаясь свести к минимуму его работу. Но это невозможно. Уже через неделю Свамиджи говорит о том, чтобы поехать на Западное побережье, несмотря на то, готово ли всё в Сан-Франциско или нет.

* * *

31 декабря. Прощай 1966. Харе Кришна и с Новым Годом! Новогодний вечер. «Бесценные Дары» заполнены преданными и гостями. Свамиджи ведёт *киртан,* и мы все воспеваем и танцуем при свете свечей. Это праздник, незабываемый для нас.

«Воспевайте! Воспевайте!» — говорит нам Свамиджи, и наше воспевание заглушает даже пьяную пирушку на 2-ой Авеню.

Снова Свамиджи околдовывает нас. Во время пира Свамиджи вкушает вместе с нами, он сидит на своём возвышении и любезно беседует. Он продолжает настаивать на том, чтобы Умапати, Сатсварупа и я брали больше *прасада. Гулабджамунов* – «пуль ИСККОНА» — целое ведро, и мы набиваем себя ими.

«Для нас каждый день — Новый Год», — говорит Свамиджи. – «Кришна всегда новый, всегда свежий, и мы всегда празднуем Его. Только посмотрите, в чём заключается праздник у этих людей в материальном мире — они пьют отраву, чтобы забыть обо всём! Поскольку они разочарованы, они хотят забыться. Но для преданного всё совсем наоборот. Преданный всегда хочет помнить Кришну».

*** * ***

На первой неделе нового года мы получаем весточку из Сан-Франциско о том, что снят магазинчик неподалёку от Голден Грей Парка, в центре района Хэйт-Эшбери, где «собираются все племена и народы».

«Мы заняты тем, что превращаем его в храм», — пишет Мукунда, вкладывая билет на самолет. Вняв совету Свамиджи, Мукунда и Джанаки отказались от своего путешествия в Индию. В конце концов, самое лучшее, что может предложить нам Индия, уже пришло к нам.

«Тогда я немедленно отправляюсь», — объявляет Свамиджи.

Конечно же, никто из нас не хочет, чтобы Свамиджи покидал Нью-Йорк, но он напоминает нам, что мы принадлежим Кришне, а не Нью-Йорку, и что мы должны распространить это движение по всему миру. Решительный и убеждённый, он волнует наше воображение. Да, Сознание Кришны должно отправиться на Запад! И после Калифорнии — по всему миру!

Мы окончательно регистрируем его авиабилет и начинаем упаковывать его рукописи в сундучки. Ранчор набирает достаточно денег, чтобы сопровождать Свамиджи на самолёте как его личный слуга. Раярама с Равиндра Сварупой берут напрокат машину, чтобы перевезти её в Сан-Франциско, и выезжают за 3 дня до отъезда Свамиджи.

Мы все волнуемся. Первый перелёт может оказаться слишком большой нагрузкой для сердца Свамиджи. Все хотят поехать с ним.

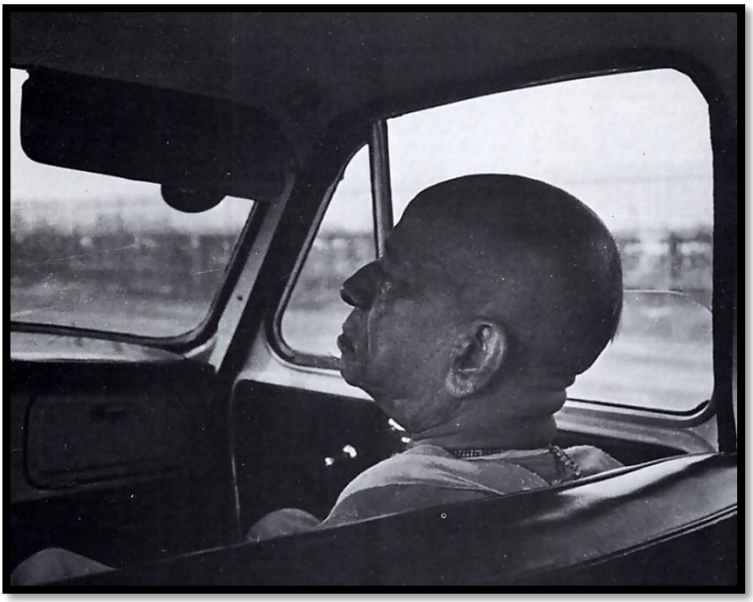
«Храм в Нью-Йорке должен поддерживаться замечательным образом», — говорит нам Свамиджи. – «Теперь это работа Брахмананды».

«Но как долго вас не будет, Свамиджи?» — спрашивает обеспокоенный Брахмананда.

«Две недели», — говорит Свамиджи. Потом он добавляет, смеясь, — «Но вам не следует исчислять их днями Брахмы».

И всё же долгая нью-йоркская зима и течение дел без Свамиджи кажутся нам непривлекательными. В конце концов, разве Кришна не находится там, где он? А поэтому, разве наше место не у его лотосных стоп?

Находчивый Киртанананда берёт напрокат «Chevy» 1965 года выпуска, чтобы добраться до Калифорнии. Воспевая Харе Кришна 50 часов без перерыва день и ночь мы едем на машине вслед за Свамиджи, на землю, где живут «Дети Цветов».

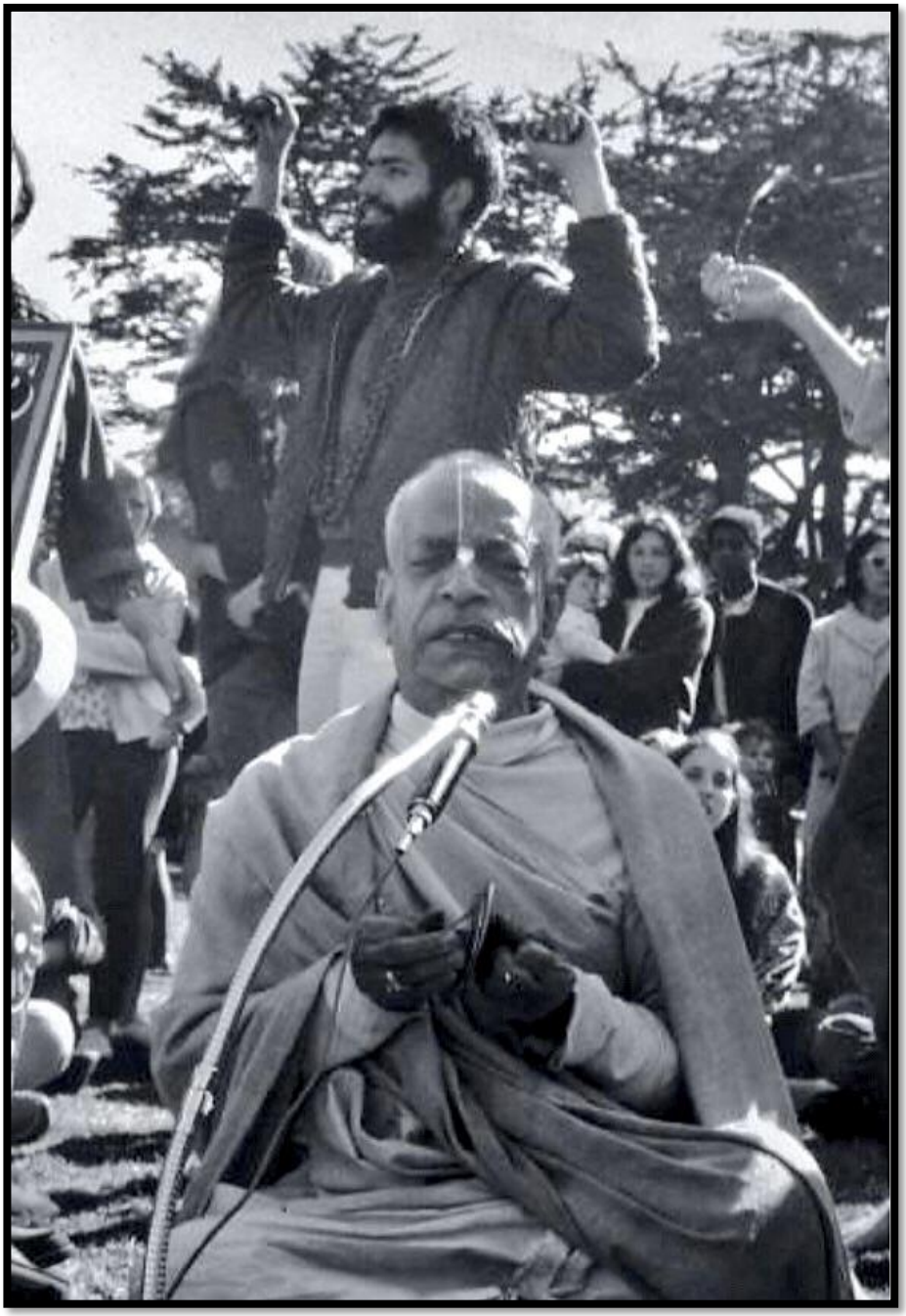
Шрила Прабхупада едет туда, где живут «Дети Цветов».

«Chevy» 1965 года выпуска.

ЧАСТЬ 2. Сан-Франциско. 1967 г.

Глава 7. Свами в Хиппи Лэнде.

17 января 1967 года. Когда Свамиджи выходит из самолета и входит в аэропорт Сан-Франциско, его встречает группа примерно из пятидесяти молодых людей. Когда пресса задает ему вопросы, он распространяет свои обычные трансцендентальные приглашения.

«Мы приветствуем каждого, находящегося в любой жизненной ситуации, прийти в наш храм и услышать послание сознания Кришны», — говорит он.

«Включает ли это хиппи и богему Хейт-Эшбери?» — спрашивает репортёр.

«Каждого, включая вас или кого-либо ещё», — говорит Свамиджи. – «Кем бы вы ни были — тем, кого вы называете кислотноголовым, или хиппи, или кем бы вы ни были, — то, кем вы являетесь, это не имеет значения. Как только вас примут на обучение, вы изменитесь».

«Как вы относитесь к наркотикам и сексуальной свободе?» — спрашивает другой репортер.

«Есть четыре основных условия для тех, кто вступает в это движение», — говорит Свамиджи. – «Я не позволяю своим ученикам заводить подружек. Я запрещаю все виды одурманивающих веществ, включая кофе, чай и сигареты. И я запрещаю есть мясо и играть в азартные игры».

«И ЛСД?».

«Я считаю его одурманивающим средством. Я не разрешаю своим ученикам употреблять это или любое другое одурманивающее средство».

Это объявление провоцирует репортеров задать вопрос Аллену Гинзбергу, который в аэропорту первым из всех коснулся стоп Свамиджи в знак почтения. Как поэт-лауреат битников, а ныне признанный патриарх хиппи, Аллен председательствовал на недавнем «Собрании племен», когда сто тысяч человек в парке Голден Гейт праздновали наступление «психоделического века».

«Ну, вы могли бы сказать, что Свами очень консервативен», — отвечает Аллен. – «То есть, консервативный индус. Вы могли бы даже сказать, что он для своей веры то же, что баптист в твердой оболочке для христианства».

«Консервативный? Что это означает?» — озабоченно спрашивает Свамиджи.

«В отношении секса и наркотиков», — подсказывает Мукунда.

«Конечно, в этом смысле мы консервативны», — говорит он. «Это означает, что мы следуем *шастрам* [писаниям]. Мы не можем отойти от "Бхагавад-гиты". Но мы не консервативны. Лично Господь Чайтанья был настолько строг, что даже не смотрел на женщину, но мы принимаем в это движение всех, независимо от пола, расы, веры, касты, положения или чего бы то ни было. Все приглашаются прийти и повторять Харе Кришна. Нет, мы не консервативны».

Когда Свамиджи спускается к месту выдачи багажа, новые преданные бросают перед ним цветы и украшают его гирляндами. В ожидании багажа он поднимает руки и начинает танцевать. Ранчор держит над ним зонтик от солнечного света. Аллен тоже начинает танцевать и петь, и различия забываются. Во время танца Свамиджи дарит цветок каждому человеку, который пришел поприветствовать его.

*** * ***

«СВАМИ ПРИГЛАШАЕТ ХИППИ!» — гласят главные заголовки газет. «СВАМИ В СТРАНЕ ХИППИ», — сообщают «Хроникл», описывая встречающих Свамиджи как принадлежащих к «длинноволосым, бородатым и одетым в сандалии». Газеты Сан-Франциско заняты созданием образа хиппи.

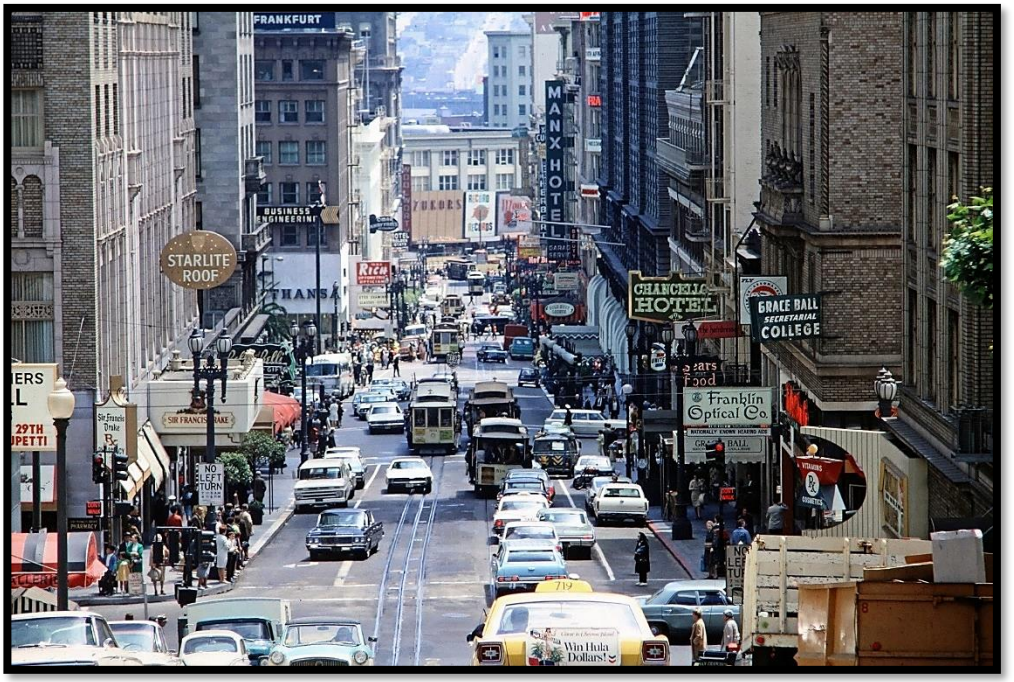
«Хиппи» — слово, недавно популяризированное газетами, означающее большие новости, гарантирующие хорошие уличные продажи.

Прилет Прабхупады в Сан-Франциско, фото 17 января 1967 года.
Ален Гинзберг с бородой и в очках, Шьямасундара смотрит в камеру.
Мукунда сзади с бородой.

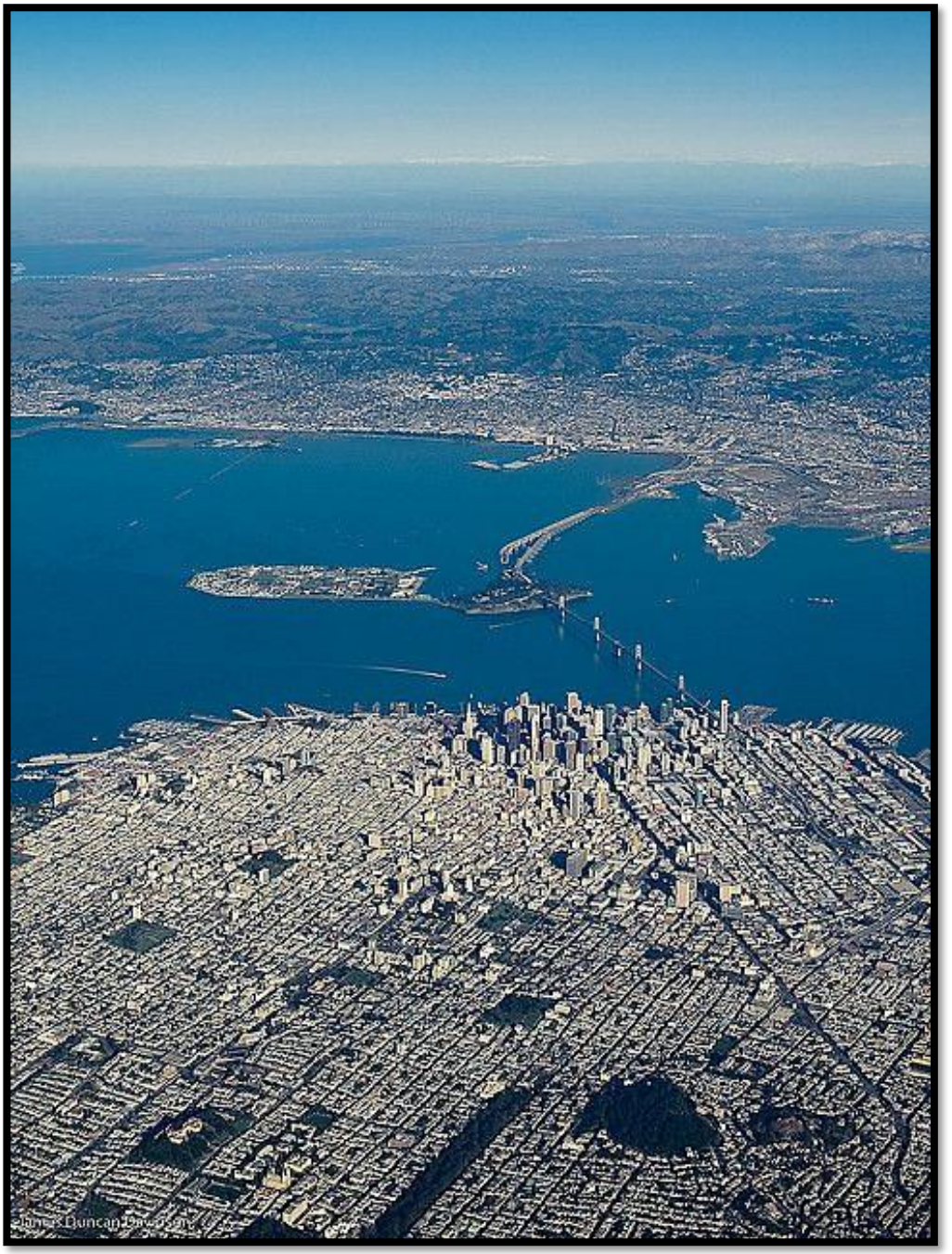

Сан-Франциско на спутниковой карте США, на ней же можно найти Нью-Йорк.

Сан-Франциско, 1967 год,
Так выглядят кварталы города, где не тусуются хиппи.

Сан-Франциско, США.

Swami in Hippie-Land

Holy Man
Opens S. F.
Temple

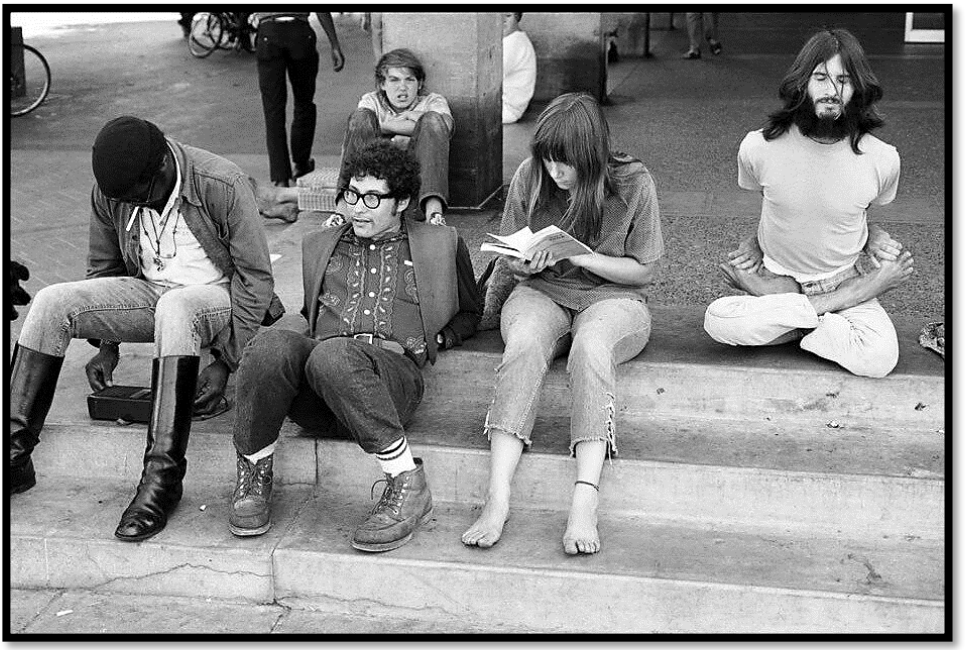
Swami Invites the Hippies

Swami Invites Hippies
To Hippieland Temple

But They'll
Have to
Square Up

Заголовки газет о приезде Шрилы Прабхупады в Сан-Франциско.

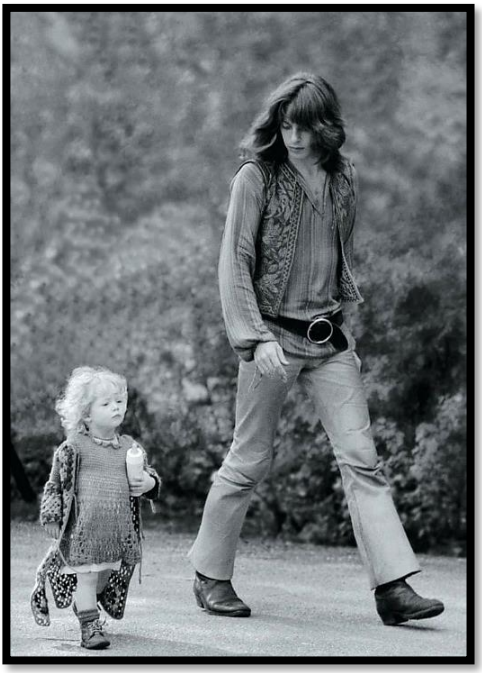
Хиппи в Сан-Франциско, 1967 год.

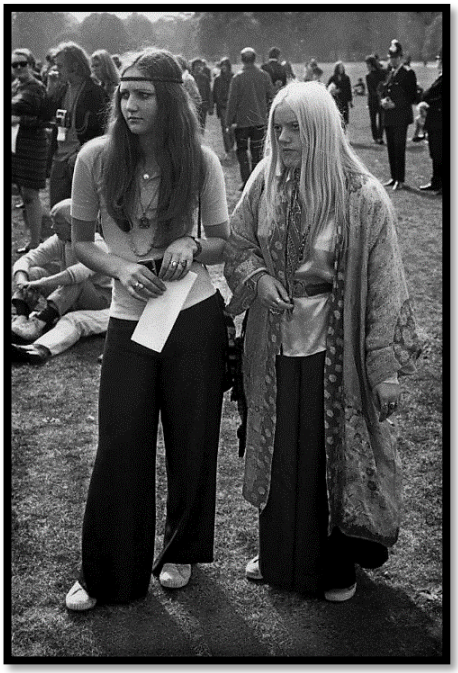

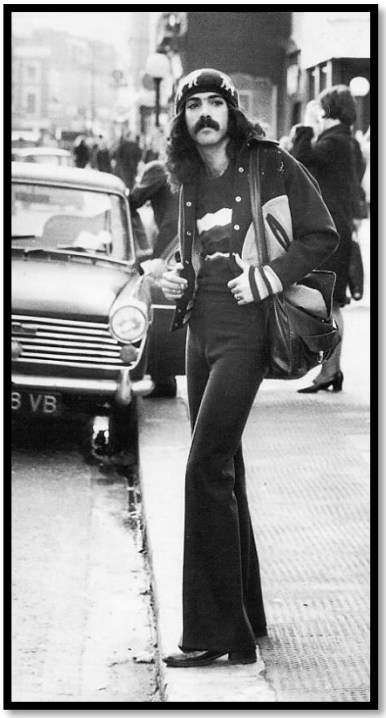
Хиппи в Сан-Франциско, 1967 год.

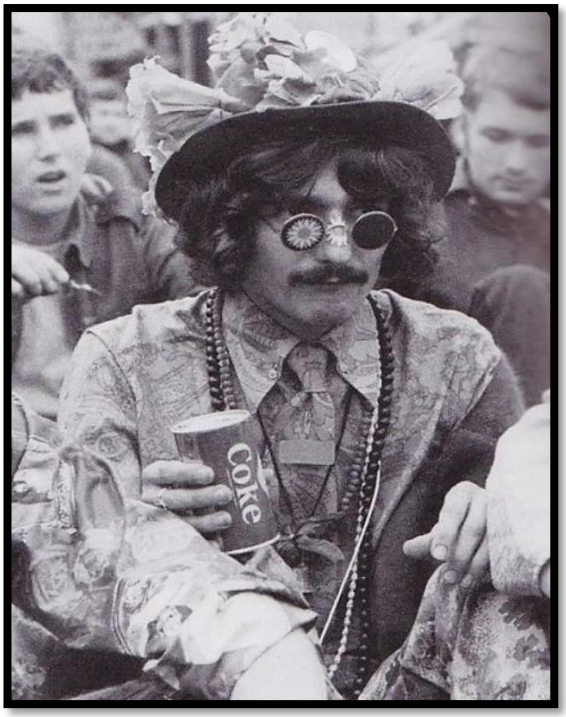

Хиппи — дети цветов.

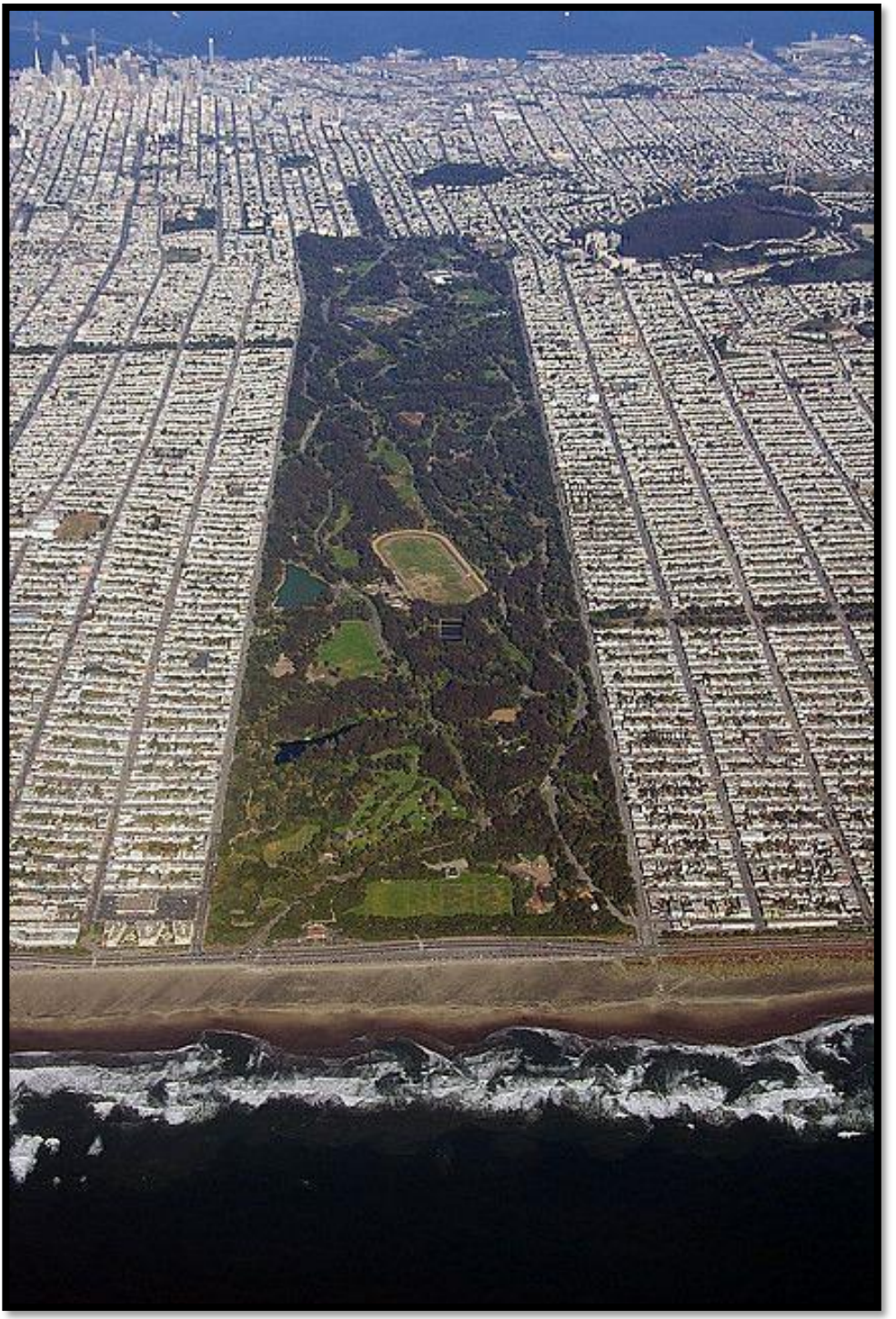

Перекрёсток улиц Хейт и Эйшбери.

Сан-Франциско, улица Хейт. Выступление рок-группы Grateful dead.

Парк «Голден Гейт» (Золотые Ворота), Сан-Франциско.

* * *

Магазинчик на Фредерик стрит, арендованный Мукундой, находится всего в двух кварталах от «Голден Гейт» парка, прекраснейшего в мире дендрария. Сам магазинчик небольшой, очень похож на «Бесценные Дары», но более светлый, благодаря большому застеклённому окну. Вывеска над главным входом гласит: «Храм Радхи – Кришны». В конце комнаты на маленьком алтаре горят свечи и курятся благовония. Рядом с алтарём расположено сидение на возвышении для Свамиджи — пурпурного цвета подушки, — *вьясасана* (место для представителя Ведавьясы), рядом располагаются преданные, сидящие на желтовато — коричневых ковриках.

На стенах и на окне вывешены перепечатки из «East Village Other», и перепечатки фото Свамиджи, стоящего в Томпкинс Сквер Парке с заголовком: «СОЗНАНИЕ КРИШНЫ ПРИХОДИТ НА ЗАПАД».

С самого начала *киртаны* здесь более оживлённые, нежели в Нью-Йорке. Танцы свободны и энергичны, храм набит молодыми людьми с длинными волосами, бородатыми, в экзотических одеяниях, с чётками, индийскими безделушками, бумажными звёздами и разукрашенной кожей. Китайский фонарик из папье — маше служит абажуром электрической лампочке, свисающей с потолка. За *вьясасаной* вывешена картина, изображающая Господа Чайтанью и его учеников — копия, которую в прошлом году сделал Харидас (Гарви Кохен) — президент храма в Сан-Франциско. Ему немного больше тридцати, и он чуть — чуть старше, чем большинство из нас. У него коротко постриженная борода, и искренние, вопрошающие голубые глаза. Он — художник из Нью-Йорка. Умея хорошо выражать свои мысли своей учтивостью, он умудряется держать в мире всех — хиппи, ангелов ада, обычных людей и преданных. Я говорю ему, что мне нравится его картина Господа Чайтаньи и Его учеников.

«О, когда я впервые увидел оригинал, я подумал, что они все женщины», — говорит Харидас. — «А когда Свамиджи увидел мою копию, он посмотрел на их грудь и сказал: "Нет. Никогда так не делай". Я подумал, что они напомнили ему стиль художника Рубенса. Так что я ещё увеличил их».

«Сумасшедшие художники», — смеётся Свамиджи, когда я упоминаю об этом.

* * *

Харидас повстречался со Свамиджи осенью 1965 года, когда Свамиджи наносил визит в ашрам Ананды доктора Мишры в верхнем штате.

Он рассказывает: «Я ездил туда на выходные, говорит мне Харидас. Ты знаешь, что это такое. Каждый погружён в своё. Ну и однажды вечером, когда я читал у себя в комнате, вошёл Свамиджи и сказал мне, что существуют формы *йоги,* которые выше *хатха-йоги* Мишры. До этого я уже был очарован этим маленьким пожилым человеком, сидящим в углу и воспевающим на чётках. Он никогда не присоединялся к дискуссиям, а просто сидел в углу приёмной для высокопоставленных особ, воспевая молитву на чётках. Он на самом деле овладел моим вниманием. Так что ты можешь себе представить, что я почувствовал, когда он вошёл ко мне в комнату и сказал: "*Бхакти-йога* – это величайшая наука о преданности Богу". Когда он сказал это, я осознал, что он говорит правду, и это было так, как если бы я никогда до этого не слышал. Я почувствовал, что он читает мою душу. Все мои вопросы были разрешены, даже не заданными. И я подумал: "Вот мой учитель". Так, будто бы вся моя жизнь была лишь подготовкой к этому моменту».

«Я знаю это чувство», — говорю я. — «Другие описывают это очень похоже».

«Это действительно было странно», — размышляет Харидас.

Его слова были настолько простыми, и всё же они казались исходящими из глубочайшей древности. Я действительно утратил чувство места и времени. Это было сосредоточием жизни.

После этого, до окончания уик-энда я не переставал смотреть на него. Он сидел спокойно, и с достоинством, излучая необычайную доброту. Он попросил меня посетить его, когда он вернётся в город, и я, конечно же сделал это. Его комнатой был крошечный офис в задней

части «Общества йоги доктора Мишры» в районе Уэст 70-е, и я начал регулярно посещать его.

«А Мишра?».

«Он всегда много путешествовал».

«Свамиджи несколько раз просили говорить, но было настолько очевидно, что это — истинный духовный учитель, что это приводило в смятение присутствующих. Так что он редко читал лекции. Я просто приходил к нему в комнату, и мы сидели там на полу, друг против друга, и воспевали. У него были лишь печатная машинка, новый магнитофон, ящик с книгами, которые он привёз из Индии, и цветная репродукция Господа Чайтаньи и Его последователей. Он часто смотрел на это изображение, а когда он выяснил, что я художник, то попросил меня нарисовать её».

Кажется, что, вспоминая всё это, Харидас с грустью тоскует по тем дням. Я осознаю, что ничто не сможет, когда — либо в какой — то степени уподобиться сокровенным моментам в Нью-Йорке, когда Свамиджи был одинок и безызвестен. Теперь его окружают его ученики, и особо ревностно охраняет юный Ранчор, который отличается бестактностью и иногда даже оскорбительностью.

«Это что, значит, каждый раз, когда мы пожелаем увидеть Свамиджи, нам придётся драться с ними?» — сокрушается Харидас.

Я говорю об этом Свамиджи.

«А вы ожидаете, что каждый должен быть такой как бы вы хотели?» — спрашивает он с улыбкой.

*** * ***

Апартаменты Свамиджи на Фредерик Стрит, рядом с храмом, немного меньше, чем его резиденция в Нью-Йорке, но обстановка та же самая: печатная машинка, диктофон, книги, матрас и сундучок с рукописями. Мукунде удалось снять помещение на первом этаже — квартиру для себя и Джанаки.

Здесь я встречаю двух преданных из Сан-Франциско — Шьямасундару и его жену Малати. Они восторженно рассказывают мне о «Мантра Рок-танце», запланированном в танцзале Авалон.

«Обещали участвовать некоторые крупные рок группы», - говорит мне Шьямасундара. – «Грейтфул дэд», «Моби грейп», «Дженис Джоплин» и «Биг Бразер».

Названия мне не о чём не говорят. Мне известны лишь «Rolling Stones» и «The Beatles».

«Открывается целая новая школа Сан-Франциской музыки», — объясняет Шьямасундара. — «"Грэйтфул Дэд" уже выпустили свой первый диск. То, что они сыграют для нас — это большая поддержка нам, как раз тогда, когда она нам так необходима».

«Но Свамиджи полагает, что даже Рави Шанкар – *майя»,* — высказываюсь я.

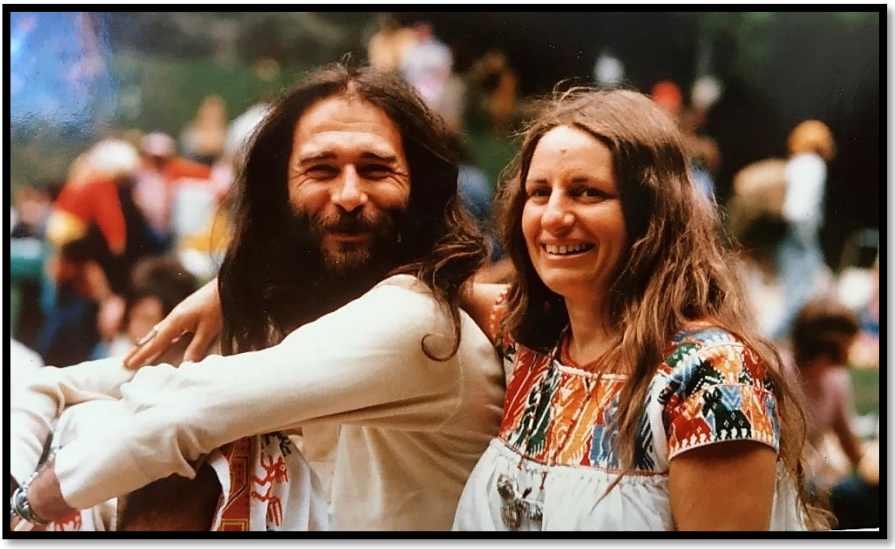
«Всё будет в порядке», — уверяет меня Шьямасундара. — «Все ансамбли будут на сцене, а Аллен Гинзберг представит Свамиджи Сан-Франциской публике. Свамиджи скажет несколько слов, и вместе с ансамблями споёт Харе Кришна. Затем он уйдёт. Там должно быть около 2-х тысяч человек».

*** * ***

Ночью я сплю на полу в комнате за храмом. Сквозь стену мне слышно, как музыкальные автоматы громыхают рок-музыкой, крутят её до поздней ночи. Диггеры — разновидность хиппи, американские добровольцы – являются нашими соседями.

Атмосфера в Сан-Франциско праздничная, расслабляющая. Движение хиппи достигает апогея в средствах массовой информации. Тысячные толпы собираются ежедневно в Сан-Франциско, украшенные цветами и в расклешённых брюках, звеня бубнами.

Сборище кишащих хиппи, празднующие ни что иное, как то, что они собрались здесь. Люди намереваются кайфовать от ЛСД, или по крайней мере от марихуаны.

«Лето любви» (англ. The Summer of Love).

Лето 1967 года, когда в квартале Сан-Франциско под названием Хейт-Эшбери собралось около ста тысяч хиппи, знакомых и незнакомых, чтобы праздновать любовь и свободу, создавая тем самым уникальный феномен культурного, социального и политического бунта. Бесплатная еда, бесплатные наркотики и свободная любовь были доступны в парке «Голден Гейт» Новоиспечённые дети цветов, возвращаясь домой, к привычному образу жизни, распространяли в городах США, Канады, Западной Европы, Австралии, Новой Зеландии, Японии новые идеи, идеалы, принципы поведения и моды.

Диггеры Сан-Франциско были группой активистов и актеров уличных театров, действовавшей с 1966 по 1968 год и базирующейся в районе Хейт-Эшбери в Сан-Франциско.

Первоначальное название «диггеры» произошло в 1649 от группы людей, верящих в экономическое равенство, основанное на конкретном отрывке из Деяний Апостолов. Диггеры того времени пытались (путем «выравнивания» земли) реформировать существующий общественный порядок с помощью аграрного образа жизни, основанного на их идеях создания небольших сельских общин.

Сообщество среднего класса Америки вопит, кричит, чтобы положить конец всему этому. Закройте Хэйта ещё до того, как это случится!

Президент Джонсон посылает ещё большее количество войск во Вьетнам. Ещё больше повесток сгорают в протесте. Ещё больше длинноволосого люда стекается на Побережье. Многие из них толпятся в храме за принятием утреннего *прасада,* в поисках места поесть.

*** * ***

Однако в 07.00 утра на программе присутствуют всего лишь 6 преданных.

«Где все?» — шепчу я Мукунде.

«А, они будут позже», — отвечает он сонливо.

Свамиджи оглядывается вокруг. Прошлым вечером храм был битком набит людьми.

«Они спят?» — Спрашивает он. – «Это нехорошо. Они спят слишком много».

Он воспевает молитвы обращения и Харе Кришна, затем начинает лекцию по «Бхагавад-Гите».

«Мантра — это комбинация двух слов», — говорит он. — «*"Ман"* означает "ум", а "*тра*" — освобождение. Таким образом, Ведические мантры или гимны предназначены для того, чтобы освободить нас от умственных измышлений. Те трудности, которые мы сейчас испытываем, существуют на умственном и на психологическом плане. Психоделическое движение расположено на этом уровне. Они говорят о расширении ума, но вам следует знать, что над умом стоит разум, а над разумом стоит душа. Таким образом мантра освобождает нас от этого умственно-психологического плана, и утверждает нас на духовном».

С улицы стекается полдюжины человек, небритые и грязные, очевидно, что они провели на ногах всю ночь в парке. Они скверно пахнут наркотиками.

Свамиджи говорит об Абсолютной Истине. Он подчёркивает необходимость *тапасьи*, покаяния.

Один юноша с длинными прямыми, белокурыми волосами начинает что-то бубнить и дёргаться. Его молочно-белая кожа превращается почти в красную, такую же, как и платок, повязанный вокруг его головы. Прабхупада сравнивает половую жизнь людей со спариванием животных. Он указывает на необходимость очищения.

В конце концов юноша взрывается, выкрикивает: «Я - Бог!».

Я смотрю на Мукунду, не зная, что делать. Мукунда не обращает внимания на юношу, и не отрывает взгляда от Свамиджи.

«Что такое?» — спрашивает Свамиджи.

Я смотрю на Харидаса. Тот качает головой, указывает на то, что не следует обращать внимания на юношу.

«В чём дело?» — снова спрашивает Свамиджи.

«Он говорит, что он Бог», — объясняет Мукунда.

Свамиджи отводит голову назад и сквозь очки смотрит на юношу. Насмотревшись, он возвращается к тексту «Бхагавад-Гиты» и своему комментарию.

«Не приняв на себя аскезу, и не пройдя через покаяния, мы не можем очистить наше существование», — говорит он, — «а не очистив своего существования, мы не в состоянии наслаждаться своей природой как Брахман».

«Я – Бог!».

«Так что, если мы следуем предписаниям духовной жизни, наше обусловленное существование очистится, и мы сможем начать свою духовную жизнь нескончаемого счастья».

«Бог!».

«Есть ли какие-нибудь вопросы».

«Я-Бог!».

Все смотрят по сторонам, но никто не поднимает руку. Парень сидит передо мной, посередине храма, его лицо теперь скорее розовое, нежели красное. Наступает продолжительное молчание, а в это время Свамиджи смотрит на нас всех, а потом берёт *цимбалы*.

«Так что, воспевайте Харе Кришна», — говорит он.

Хлопая, мы начинаем петь на утреннюю мелодию.

Харе Кришна, Харе Кришна,
Кришна Кришна, Харе Харе,
Харе Рама, Харе Рама,
Рама Рама, Харе Харе

Белокурый юноша вскакивает на ноги.

«Я-Бог!» — неистово орёт он. — «Я – Бог!».

Он колотит себя в грудь и глухие удары отдаются эхом как удары *мриданги.*

«Я! Я!».

Воспевание почти выводит его из себя.

Мукунда, улыбаясь, начинает танцевать, а юноша орёт снова и снова: «Я — Бог! Я — Бог!».

Ритмы смешиваются. Он разворачивается и бросается прочь из храма, всё ещё стуча себя в грудь. Он бежит вниз по Фредерик Стрит, колотя себя руками, до тех пор, пока не скрывается из поля нашего зрения и досягаемости нашего слуха.

*** * ***

После *киртана* Свамиджи возвращается к себе на квартиру вместе с Мукундой и Джанаки. Встреча с гостями запланирована на 09.00 утра.

Я спрашиваю Харидаса, почему он не вышвырнул парня, когда тот прерывал лекцию. Брахмананда выдвинул бы его при первой же попытке нарушить покой.

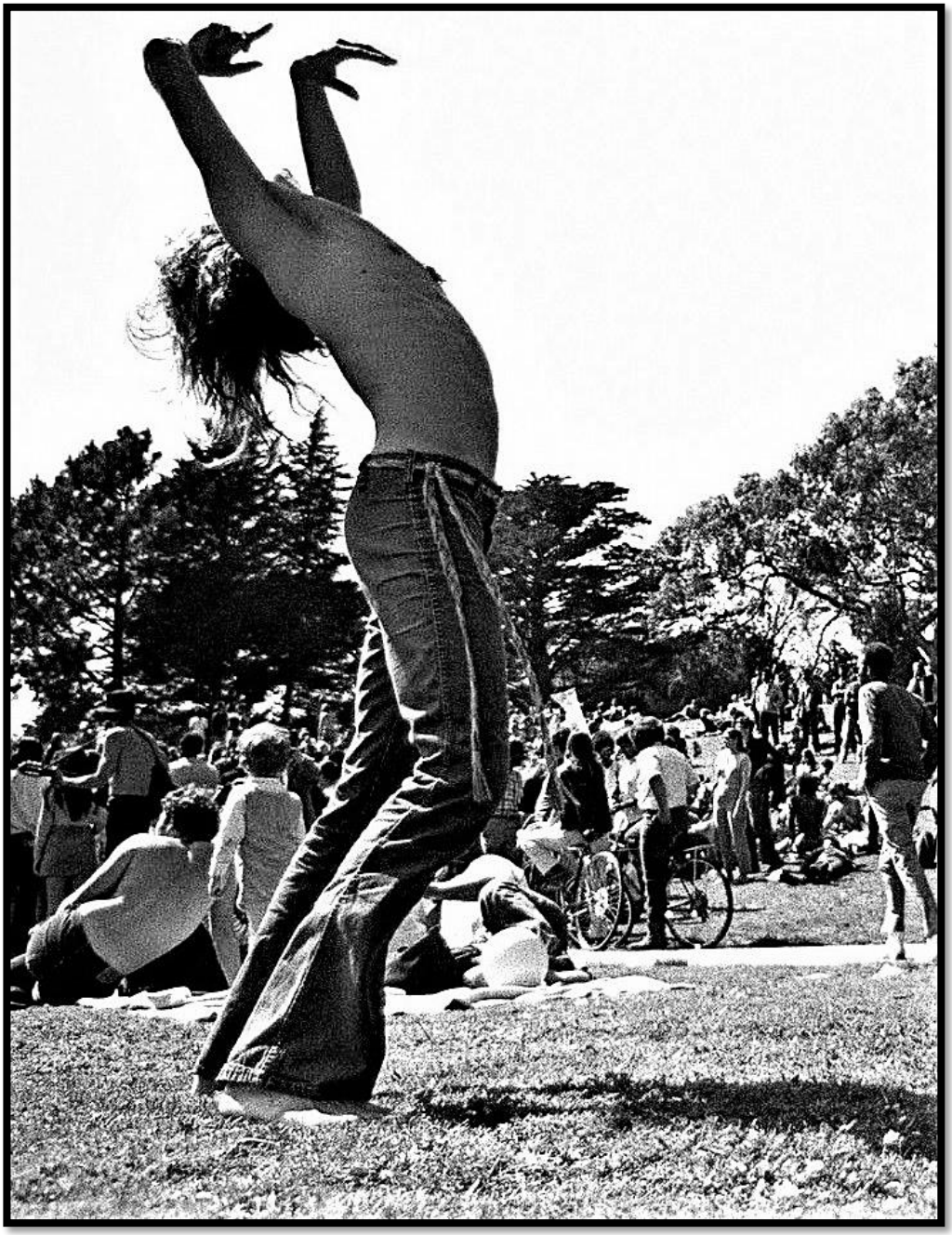
«Здесь нам нужно быть осторожными с хиппи», — говорит мне Харидас. — «Тактичными, вот верное слово. Если кто-то улетает от ЛСД, то люди автоматически оказывают ему все почести, как Богу. Они приходят к нам, скачут вверх и вниз, вопят, но мы не можем коснуться их даже пальцем, потому что они — святые ЛСД. Выгони мы этого юношу, всё соседство ополчилось бы против нас. Диггеры, в соседней от нас двери, довольно шумные, но они выключают свои музыкальные автоматы во время лекций, и они дали нам материал, и помогали украшать храм. Иногда туда заходят "Ангелы Ада" и поднимают много шума, а иногда они даже приходят сюда. Если они заходят, то лучше быть с ними повежливее, хотя они всегда создают беспокойства».

Будто бы уловив этот намёк, кто-то из диггеров начинает орать как ошалелый, за этим следуют глухие удары, звуки бьющегося стекла и ещё вопли. Кто-то из девушек влетает во внутрь, и запирает дверь.

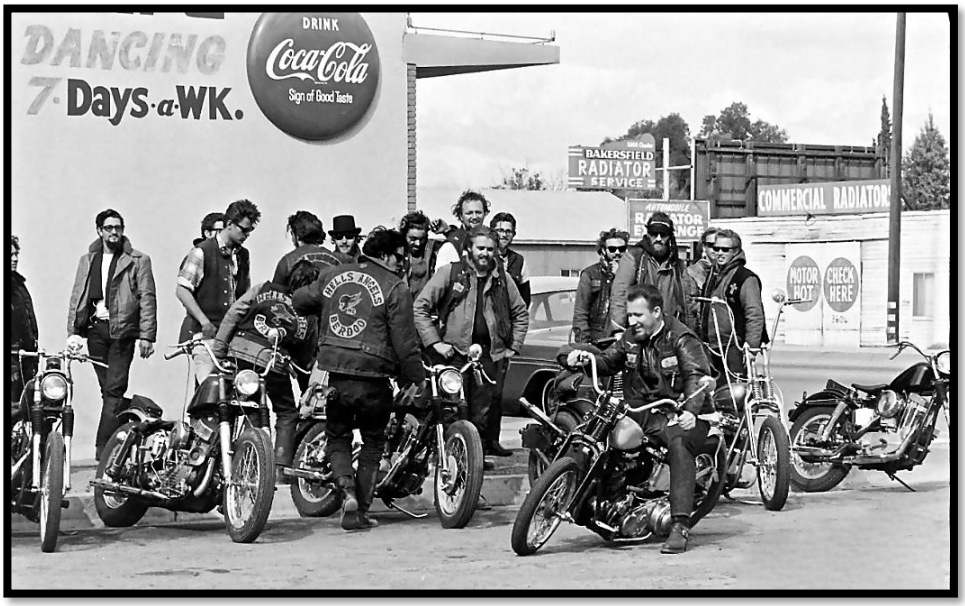
«О, вы не ходите туда!» — плачет она. – «Это Ангелы Ада! Они разорвут вас на кусочки!».

Харшарани раздаёт утренний *прасадам.* Она ставит дополнительную посуду.

«Будет больше гостей», — спокойно говорит она.

«…Если кто-то улетает от ЛСД, то люди автоматически оказывают ему все почести, как Богу…».

«Ангелы Ада» (англ. Hells Angels) — один из крупнейших в мире мотоклубов, имеющий свои филиалы по всему миру. Правоохранительные органы ряда стран называют клуб «бандой мотоциклистов» и обвиняют в торговле наркотиками, рэкете, торговле краденым, насилии, убийствах и т. д. Члены клуба утверждают, что являются мирными энтузиастами мотоциклов, объединившимися для совместных мотопробегов, собраний и проведения общественных мероприятий.

Крики и стук продолжаются, и кончаются лишь когда подъезжает полиция и скорая помощь. Здоровый негр только что избил трёх «Ангелов Ада». Открывается дверь, с улицы наплывает ещё 10 человек, все обсуждают драку. Харшарани приносит ещё *прасадам.*

.

Харшарани, Джанаки, Джадурани — первые девушки, инициированные в движении. В Нью-Йорке люди всё ещё спрашивают, принимают ли в храм девушек, но в Сан-Франциско девушки принимают Кришну с самого начала. В конце концов, Кришна вечно юн и прекрасен. Ему нечего делать, кроме как развлекаться и играть на своей флейте. Он любит танцевать. Он тот, кто разбивает сердце каждого. И девушки естественно собираются вокруг него.

Храм в Сан-Франциско переполнен хорошенькими девушками. Свамиджи начинает ежедневно проводить свадьбы.

*** * ***

«Почему вы избрали для своего храма центр земли хиппи, Свамиджи?» — спрашивает репортёр «Хроникла».

«Потому что здесь можно не так дорого снять помещение», — отвечает Свамиджи.

Брахмананда часто звонит из Нью-Йорка. Он рассказывает нам, что сначала они спрашивали себя, смогут ли они справляться со всем в отсутствии Свамиджи, но теперь они удивлены тому, насколько легко оказывается это делать.

«Воспевание — это самое основное», — говорит нам Брахмананда. – «Мы всегда можем сесть и воспевать».

Он добавляет, что присутствие Свамиджи ощущается сейчас по-другому, и даже более удивительным, чудесным образом. Мы начинаем понимать, как служение в разлуке доставляет большую радость.

* * *

Свамиджи нравится Сан-Франциско. Ранним утром, он проходит мимо стадиона Цезаря, вниз по Станйан, к Голден Гэйт Парку. Мы следуем за ним, тихо воспевая на чётках, по узкой тропинке, к рододендроновой аллее. Некоторые преданные собирают немного цветов для храма, и время от времени Свамиджи останавливается, чтобы спросить нас о каком-нибудь цветке или дереве.

«Деревья должны так много терпеть», — говорит он, — «из-за очень греховных предыдущих жизней. Деревья вынуждены в течение многих лет стоять и страдать».

После прогулки Свамиджи принимает посетителей из ряда обществ, включая Институт Культуры Хейт-Эшбери, члены которого хотят сделать Харе Кришна значительной частью новой обособленной культуры Хейт-Эйшбери, которая вот-вот, изменит Америку. Свамиджи даже посещает их встречи за круглым столом, тихо повторяя на своих чётках, с закрытыми глазами, снося дым сигарет и их долгую утомительную пустую болтовню.

Когда же в конце концов его просят говорить, он отвечает: «Поставьте Кришну в центр. Таким образом вас непременно ожидает успех. А без него чего вы сможете достичь?».

Приходят Дзен Буддисты и странная новая христианская секта ЛСД, «Братство Золотого Лебедя», все члены облачены в одежды французских монахов, и воспевают: «Иисус Христос, смилуйся надо мной».

Они сами называют себя *йогами.* Свамиджи в наивысшей степени снисходителен, он позволяет им дать короткую речь в храме. Однако, буддистов он не приглашает выступить.

Свамиджи продолжает переводить «Бхагавад-Гиту». Он настолько загорелся изданием её, что мы вступаем в переговоры с местными издательствами. Цена очень высока. В Нью-Йорке Брахмананда продолжает искать издателей.

«А как насчёт мистера Пэйна?» — спрашивает Свамиджи. — «А деньги? А здание? Либо мы должны получить здание, либо он должен вернуть нам наши 5,000$. И что насчёт мистера Кальмана — где подписанный контракт?».

Мукунда объясняет важность предстоящей программы в танцзале Авалон. Мы обсуждаем программу с Алленом Гинзбергом. Аллен представит Свамиджи и попросит его спеть Харе Кришна.

«Мелодия, на которую вы поёте, трудна для группового воспевания», — говорю ему я.

«Возможно», — соглашается Аллен, — «но эта мелодия, которую я впервые услышал в Индии. Удивительная женщина — святая пела её. Я настолько привык к этой мелодии, что только на неё и могу петь убедительно».

Несмотря на то, что эта мелодия очень сладостная, она слишком усложнённая для огромной группы людей. Мы советуемся со Свамиджи.

«Не думаете ли вы, что можно было бы изменить мотив на более привлекательный для слуха западного человека?» — спрашивает Аллен.

«Можно петь на любой мотив», — говорит Свамиджи. — «Это не так важно. Что важно, так это то, что вы поёте Харе Кришна. Можно петь на мелодию вашей страны. Это не имеет значения».

*** * ***

Теперь каждый день всё больше молодых людей толпится на улице, у храма, в поисках ночлега. Вибрация Хэйт-Эшбери выманила их из своих домов в провинциях и прислала на столь притягательный запад, часто без гроша, с рюкзаками и спальными мешками и мечтами о приключениях.

Что за странное сборище! Китайцы, японцы, мексиканцы, анголы, индийцы, негры. И теперь ещё и Харе Кришна.

Кто-то написал на стене Хэйтэтбюрского кинотеатра: «Долой кастовую систему!».

Что за причудливые фантазии! Кем угодно можно стать на Хэйт-Эшбери. На улицах они разыгрывают что-то вроде исторических сценок, выглядя характерно для старого Запада или подобно принцам, или крестьянам из средневековой Европы. Странно видеть их входящими в храм, странно слышать, как проповедует им Свамиджи, говоря им, что они не будут вечно молоды, что тело не прочно, и что Кришна ждёт нас в духовном мире.

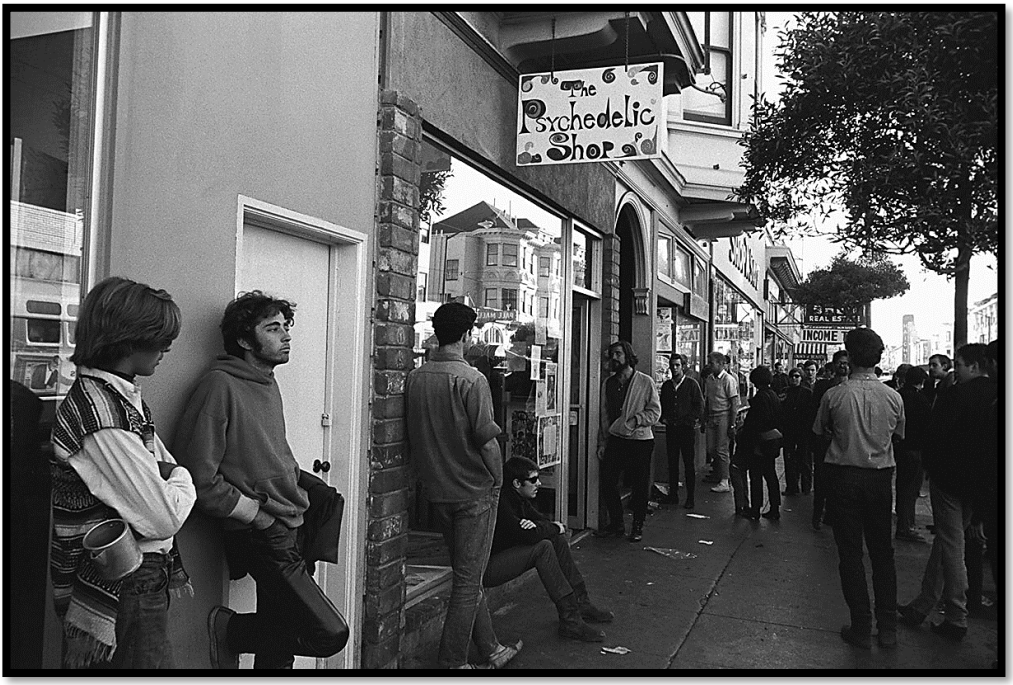
*** * ***

После завтрака, состоящего из апельсинов, манки с финиками и коричневым сахаром, и горячего молока, мы с Харидасом навещаем магазинчики, расположенные дальше по Хэйт стрит, сосредоточенные в половине квартала, ведущего ко входу в «Голдэн Гэйт» парк. Их кричащий коммерцианизм во всей своей полноте, сильно контрастирует на фоне спокойствия эвкалиптов и дубов.

Мы заходим в Печатный Двор, потом в психоделический магазин, и в «Знамение». Каждую среду вечером мы проводим воспевание в медитационной комнате психоделического магазина. Харе Кришна звучит среди тусклого света, благовоний, гобеленов и дневных светильников, и тибетских мандал. Хэйт-Эшбери представляет собой кричащий карнавал психодемии, обожествление наркотиков. Но корнем этого является общее разочарование в материализме, — отчаяние Сизифа, пытающегося закатить свой камень на гору снова и снова, изнывая от этого вместо того, чтобы отложить в сторону это своё бремя, разорвать цепь обусловленности и преодолеть таким образом свою *карму*.

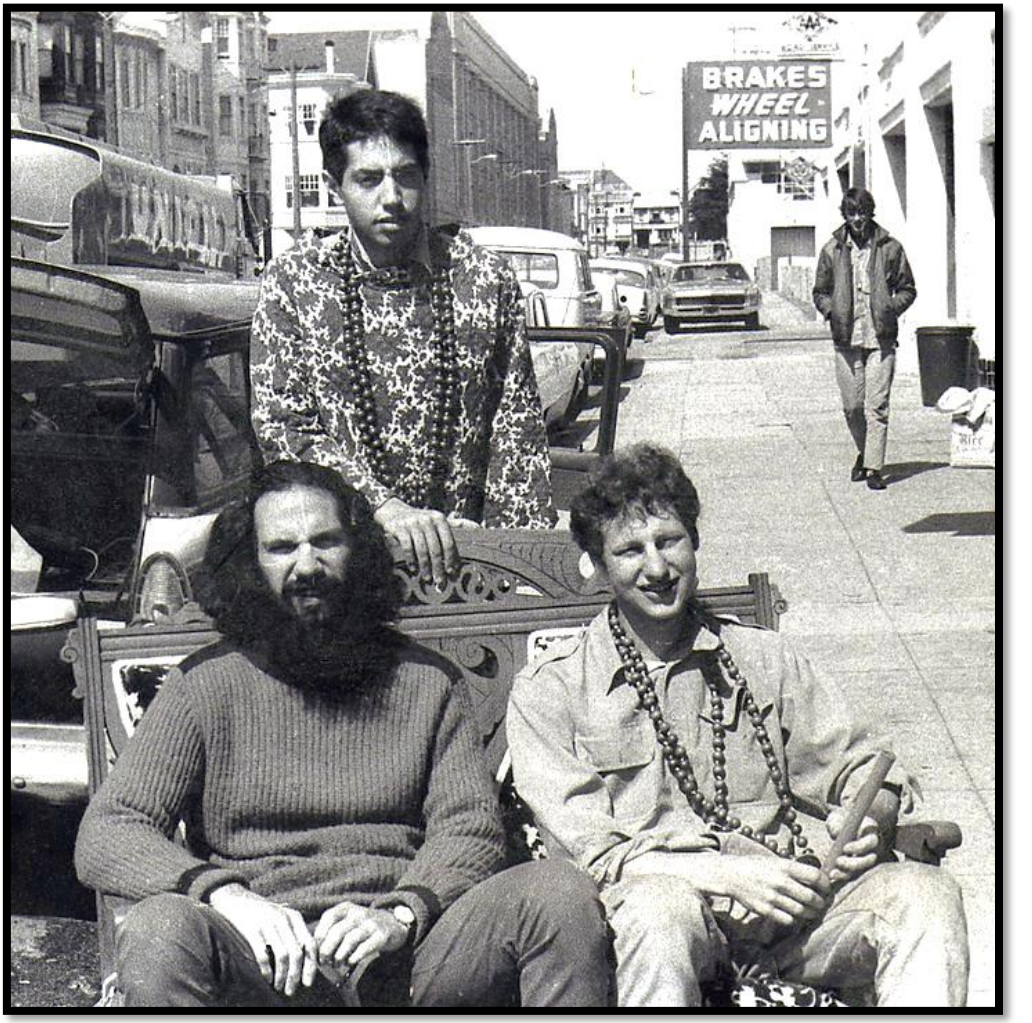
«Только Кришна может освободить нас от кармы», — говорит нам Свамиджи. – «Поэтому другое Его имя — Мукунда, тот, кто дарует *мукти*, освобождение. Ни у кого другого нет этой власти».

Таким образом, на столиках среди психоделических изданий, мы кладём свой «Бэк Ту Годхед», «где Бог — там свет».

Психоделический магазин и хиппи на Хейт-Эшбери, 1967 г.

Мукунда (сзади), Хаягрива (слева), Гурудас (справа).

И хотя эти журналы настаивают на том, чтобы хиппи отказались от принятия наркотиков, они раскупаются быстрее, чем мы в состоянии их выпускать.

*** * ***

Воскресенье 29 января. Вечер Сознания Кришны в танцзале Авалон. Харидас, Мукунда, Шьямасундара, Джанаки и Малати отправляются туда раньше, чтобы убедиться в том, что всё готово.

Танцзал огромен, он окружён зеркалами, и его последняя гордость — это слайдоскопы и специальное освещение. Два кинопроектора постоянно вращаются, а звуковая система сотрясает пол и стены. Авалон и Филльмор — два дома Сан-Франциского рока: «Джефферсон Эйрплэйн», «Big Brothers», «Holding Company», «Moly Grape», «Quicks Liver», «Messenger Service», «Oratlul Deed», «Steve Millem», «Janis Jopin» — все молоды, белокожи и привыкшие к ЛСД.

«Я думаю, те, кого вы называете хиппи, — это наши лучшие кандидаты», — говорит Свамиджи. — «Несмотря на свою молодость они уже не удовлетворены от материальной жизни, разочарованы. И не зная, что делать они обращаются к наркотикам. Так что, пускай они приходят, а мы научим их духовной деятельности. Как только они включатся в процесс Сознания Кришны, все их *анартхи*, нежелательные вещи отпадут».

Когда в 19.00 часов двери Авалона открываются, туда потоками начинают стекаться ребята и девушки хиппи, «Ангелы Ада». А к восьми часам, когда «Graitfull Dead» начинает играть, танцзал набивается битком. Поток мелодии, вопли и звуки духовых инструментов, усиленные громкоговорители, размером превосходящие большие стенные шкафы, сотрясают танцзал. Раздаётся одобряющий ор, и огни прожекторов начинают прыгать по залу, окрашивая своим цветом море кружащихся, колышущихся тел.

В 21.30 Свамиджи выезжает с Фредерик Стрит. Он одет в свежие шафрановые одежды. Пока он обсуждает перевод «Чайтанья Чаритамриты» сладостный аромат гардений с его гирлянды заполняет машину.

В 22.00 часов он поднимается по ступенькам Авалона, Киртанананда и Рангор идут по обе стороны от него, когда он входит в зал через задние двери. Табачный дым смешивается с ароматом благовоний. «Janis Joplin» вопит в микрофон. Электрогитары, барабаны, и свет прожекторов бомбардирует сцену. Всё же, Свамиджи проплывает мимо всего этого, прокладывая свой путь сквозь стены танцзала к сцене, подобно лебедю, пробирающемуся сквозь лотосы.

Внезапно «Janis Joplin» заканчивает свою песню, и слайд шоу сменяется. Картины, изображающие Кришну и полубогов, вспыхивают на стенах: «Кришна и Арджуна на колеснице», «Кришна, вкушающий масло», «Кришна, покоряющий демона-смерча», «Кришна, играющий на флейте». Самопроизвольно зал взрывается воплем одобрения, и когда Свамиджи садится рядом с Гинзбергом на переднем плане сцены, вопль превращается в овацию, ансамбли также поднимаются на сцену. Свамиджи снова и снова предлагают гирлянды. Аллен Гинзберг начинает свою вступительную речь, концертируя внимание публики с искусностью Пайд Пайперс (вокальная группа, популярная в 1940-х годах), Свамиджи спокойно сидит, его голова высоко поднята, он похож на золотого Будду — царственный, запредельный, святой — странное противопоставление поэту Гинзбергу. Аллен рассказывает о том, как его собственный интерес к Харе Кришна начался в Индии 5 лет назад. Затем он вспоминает, как Свамиджи открыл свой магазинчик на Второй Авеню и воспевал Харе Кришна в «Томпкинс Сквер» парке.

«Теперь сознание Кришны пришло на Запад, на Хэйт-Эшбери», — говорит он, приглашая всех в храм на Фредерик стрит.

«Я особенно рекомендую ранние утренние *киртаны»,* — добавляет он, — «для тех, кто хочет стабилизировать своё сознание после ЛСД».

Хотя едва ли можно назвать проповедь в духе вайшнавизма, аудитория хранит благоговейное молчание. После вступительной речи Аллена, говорит Свамиджи, давая краткое описание истории мантры, начиная с Господа Чайтаньи.

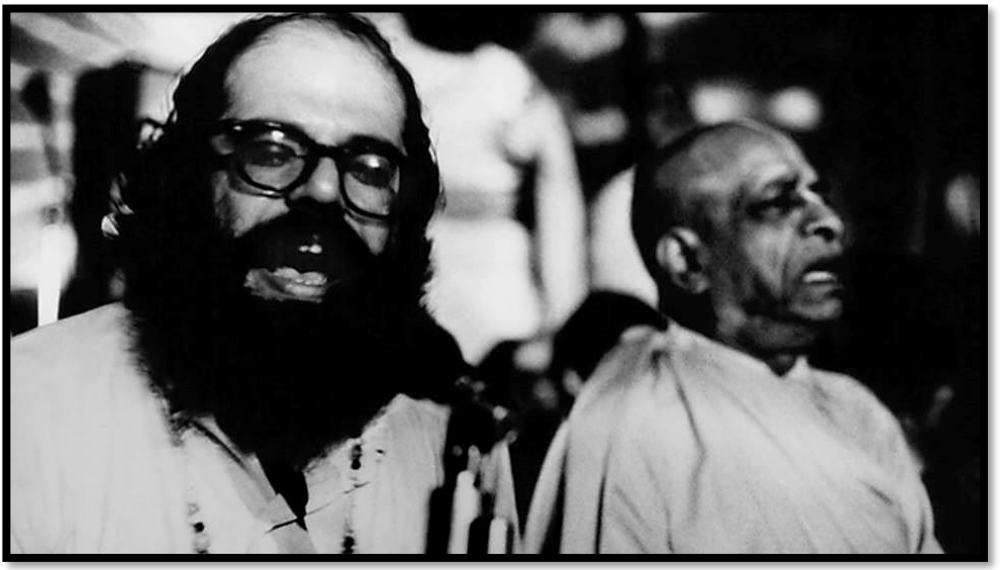
Реклама выступления Шрилы Прабхупады в Авалоне, 1967 год.

Танцевальный зал Авалон в 1967 году.

Фотография с того самого концерта в Авалоне, 1967 г.

Шрила Прабхупада и Аллен Гинзберг на сцене Авалона, 1967 г.

«Это то, что практически рекомендовано для этого века», — говорит он. — «*Кали-юга*, это, когда жизнь людей коротка, а сами люди невежественны, сварливы и всегда пребывают в затруднительном положении. Всё же, не смотря на такую ситуацию, мы всегда можем воспевать *маха-мантру*».

«Ангелы Ада» глазеют в немом недоумении. Одетые в джинсовые куртки, кепки, кожаные регалии, с цепями, татуировками и длинными грязными волосами, они кажутся основными кандидатами в орду приведений Господа Шивы. Свамиджи упоминает о правилах и предписаниях.

«Любой может воспевать *маха-мантру»,* — говорит он. – «Всего 3 слова — Харе, Кришна и Рама. "Харе" — это энергия Господа...».

Я сомневаюсь, чтобы большая часть его речи была понята, но все вежливо стояли и слушали с уважением. Когда Свамиджи объясняет *мантру,* слайды высвечивают слова на стенах. Тогда Аллен медленно начинает воспевание, он поёт в микрофон на свою шарманочную мелодию, присоединяются «Big Brother» и «Gratful Deat», «Mobey Grape».

Постепенно, воспевание охватывает зал. Люди начинают поднимать руки и танцевать. Мы едва слышим аудиторию, но надо всем этим звучит голос Аллена, кричащий своё «Харе», звучащее как «*хурей*».

Свамиджи встаёт и начинает танцевать и воспевание устойчиво перерастает в кульминационный момент. На задней стене проектором высвечивается изображение Кришны с флейтой в руке, павлиньим пером в волосах. Путаницы цветов кружатся в ритме *мантры,* ритм ускоряется до бешенного, слова сливаются, и различаются лишь «алленовские» выкрики «*Хурей! Хурей*!». Сквозь мерцающий свет прожекторов я вижу, как люди танцуют и звенят бубнами. Затем внезапно воспевание кончается, и всё, что можно услышать это громкое гудение микрофонов. Свамиджи предлагает поклоны *гуру,* читая громко *премадхавани*: «*Ки джай*! *Ки джай*! Вся слава собравшимся преданным! *Ки джай*!».

Всё кончилось. Пока люди приходят в себя, Аллен объявляет, что рок-группы вскоре продолжат концерт, Свамиджи спускается со сцены и идёт сквозь густой дым и толпу к главной лестнице, и снова Киртанананда и Ранчор следуют за ним.

«Это не место для *брахмачари*», — провозглашает Свамиджи, уходя.

Концерт приносит нам чистого дохода 1,500$, но этого едва хватит покрыть все храмовые долги.

*** * ***

Утром храм полон людей с программы в Авалон, они не ложились спать. Свамиджи читает лекцию о вечности духовной души.

«Её невозможно утопить в воде, сжечь в огне, так же, как и нельзя иссушить её ветром», — говорит он. — «И эти вечно существующие души можно найти повсюду на земле, в воздухе, в воде, и даже на солнце. тДуша может получить тело, приспособленное к атмосфере любой из планет, но не одно из этих тел в материальном мире не может существовать вечно. Таковы материальные рамки. Элемент времени так силён, что он сокрушает каждого. Всё, что бы вы не создали, даже если оно очень прекрасно и свежо сейчас, в конечном счёте увянет, подобно цветку. В определённое время цветки вырастают очень красивые, но с течением времени они чахнут и исчезают. В точности подобно этому, сейчас вы молоды и ваши тела прекрасны. Да что вы говорите, давайте же наслаждаться, можете возразить вы. Но ваши тела увянут и умрут. Таков порядок природы. Поэтому Кришна говорит Арджуне не уклоняться от своего долга на поле битвы».

* * *

Позже утром, мы с Киртанандой везём Свамиджи на побережье, где он поёт *мантру*, неслыханную нами никогда прежде: «*Говинда джая, джая*...».

Он воспевает медленно, его исполненный тоски низкий баритон смешивается со спокойными ударами волн.

«Говинда — это Кришна, который дарует наслаждение коровам и чувствам. Гопала — это Кришна — мальчик пастушок, а Радха-Рамана — это Кришна, который наслаждается Радхарани. Таковы слова этой *мантры»*.

Он воспевает наполненную тоски, западающую в душу, мелодию, так, что кажется, что он докликается, а потом вновь оказывается, что нет, и он снова должен звать, подобно постоянно вздымающимся и разбивающимся волнам снова и снова, старающихся охватить весь берег. Воспевая, он медленно идёт по тротуару. Январский ветер свеж и прохладен. Я внимательно изучаю немного бурых водорослей, прибитых к берегу, и решаю, что продолговатые полые свитки с их колоколообразными концами могли бы стать неплохими рожками для *киртанов.* Киртанананда достаёт одеяло и накрывает им плечи Свамиджи. Свамиджи смотрит на Тихий океан.

«Он велик, и потому спокоен», — говорит он.

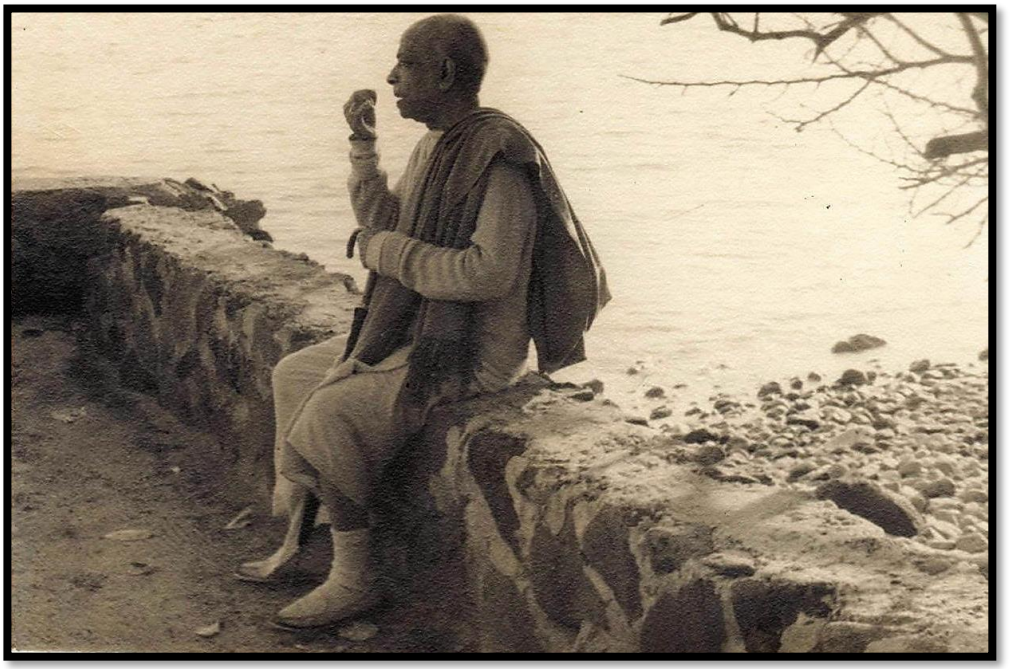
«Он подобен вечности», — говорю я.

«Ничто не вечно, кроме Кришны», — отвечает он, и умолкает. Затем он продолжает, — «В бенгальской поэзии есть одно стихотворение: «Что это за голос, зовущий, зовущий из океана? Приди сюда...приди...».

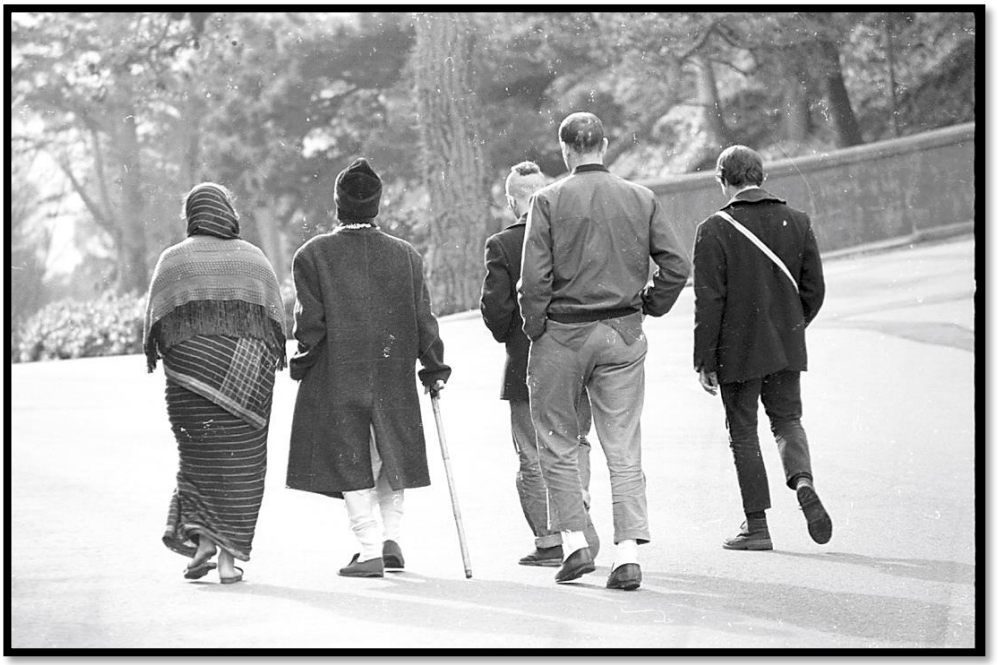
В течение долгого времени Свамиджи сидит на скамейке у пляжного тротуара, глядя на океан и напевая бенгальскую песню, обращённую к Гопинатхе, Господу Кришне, властелину *гопи*. Время от времени он останавливается и переводит нам её стихи.

«О Гопинатха, пожалуйста поселись в укромном уголке моего сердца и покори этот ум, и таким образом забери меня к себе. Лишь тогда исчезнут ужасные опасности этого мира».

Потом он поёт следующий куплет, глядя на океан, так будто бы там аудитория. Это редкий момент, спокойствие, умиротворение, вне всего материального, и я хочу, чтобы он длился вечно. Но через какое-то время Свамиджи встаёт, глубоко вздыхает, словно услышав зов долга, и говорит: «Возвращаемся в храм».

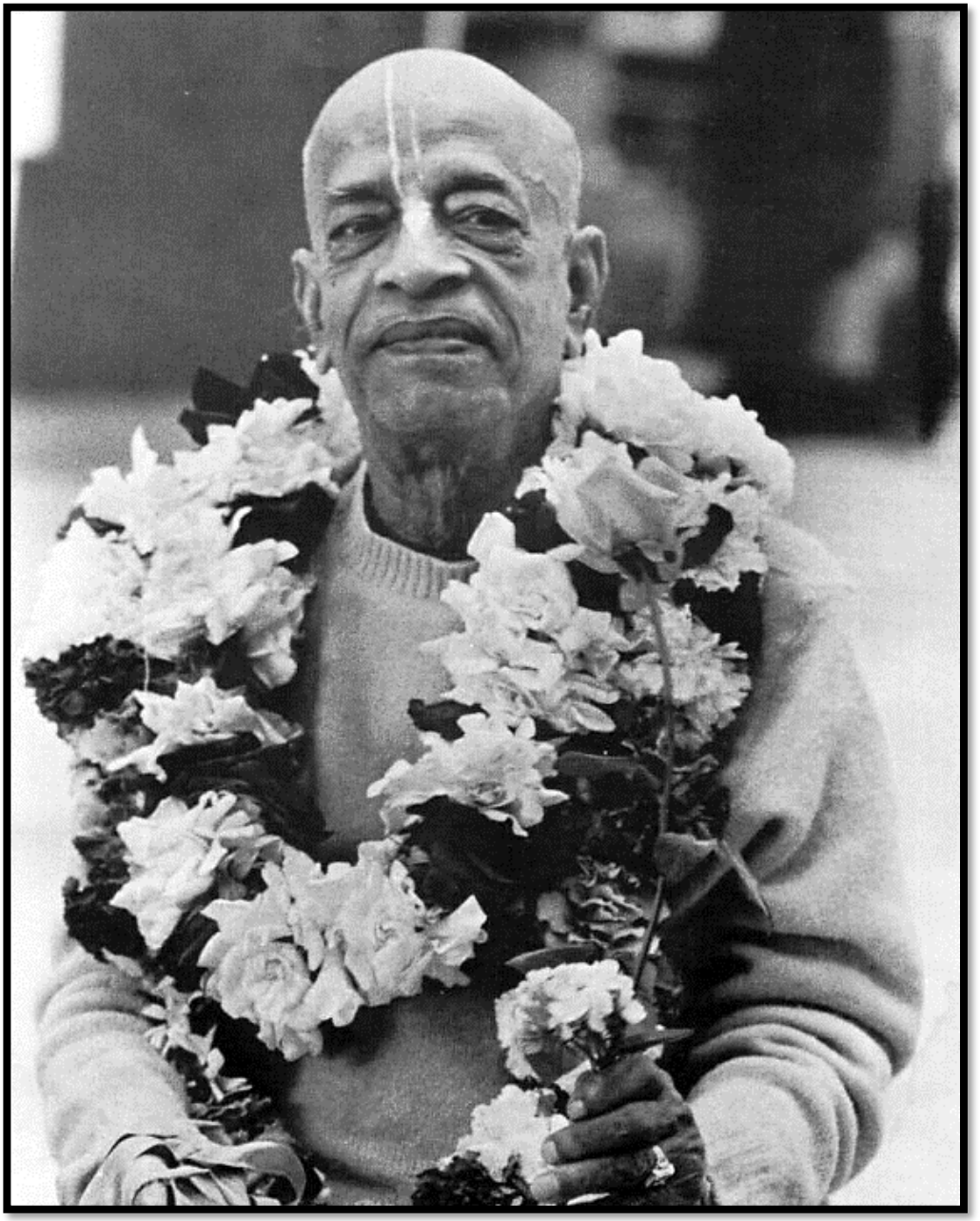

Шрила Прабхупада смотрит на Тихий Океан, Сан-Франциско, 1967 г.

Прогулки со Шрилой Прабхупадой, Сан-Франциско 1967 г.

Глава 8. Цветы для Господа Джаганнатхи.

Стоят прекрасные февральские дни с совершенной, для семидесятых погоды, туман рано рассеивается, и с ясного насыщенно-голубого неба яркие, отточенные солнечные лучи падают на пышную растительность Голден Гэйт Парка. Парк со всех сторон погружён в величайшее разнообразие видов растений и деревьев, которые невозможно обнаружить ни в одном другом уголке земли. Мы затрудняемся рассказать Свамиджи, где какое растение.

«Когда Чайтанья Махапрабху проходил через леса, все растения, деревья и лианы были счастливы видеть Его и наслаждались Его присутствием. Такова жизнь растения в духовном мире — полное сознание».

«А эти деревья, Свамиджи? Насколько развито сознание у них?».

«О, духовная душа находится там, но сознание временно перекрыто. Восприятие более ограничено».

Свамиджи прогуливается мимо людей, играющих в шашки, проходит под старыми дубами, идёт мимо площадки для игры в шаффлборд, затем останавливается, поворачивается к нам и говорит: «Взгляните только. Пожилые люди в этой стране не знают, что им делать. Так что, они играют, как дети, тратя в пустую свои последние драгоценные дни, которые должны предназначаться для развития сознания Кришны. Поскольку их дети выросли и ушли от них, это самое подходящее время для духовного развития. Но нет, они играют в игры, или заводят какую-нибудь кошку или собаку и расточают свою любовь на них. Вместо того, чтобы любить Бога и служить Ему, они любят дога, и служат ему. Но они всё равно должны служить и любить».

Он качает головой, и снова смотрит на площадку для игры в шаффл. Старики с криками стучат фишками по числовой доске.

«Это самое печальное», — говорит Свамиджи. – «Но они не станут вас слушать. Их уже не свернуть с их пути. Поэтому мы обращаемся к молодым, которые ищут».

Ша́ффлборд — игра на размеченном столе или корте, с использованием киёв и шайб (если игра проводится на корте), или шайб, которые толкаются рукой (если игра проводится на столе).

Заходя дальше в парк, мы проходим через заросли кустов рододендрона, отягощённых гроздями белых и розовых цветов. Мы проходим теннисную площадку, затем добираемся до паркового музея. Свамиджи предлагает выставить здесь работы, изображающие Кришну.

«Наши художники, Джадурани и Харидас, могли бы представить здесь свои картины. Им следует нарисовать их побольше. Такой прекрасный парк», — говорит он. – «Здесь в Америке у вас есть все удобства. Всё, чего вам недостаёт — это сознание Кришны. Если всё здесь использовать в служении Кришне, то это превратит вашу страну в страну высшего класса».

Возвращаясь в храм, мы проходим «Холм Хиппи» — знаменитое место, где молодые люди принимают солнечные ванны, болтают друг с другом, поют, занимаются любовью и курят марихуану. Полиция махнула рукой на «Холм Хиппи». Это единственное место, куда могут отправится хиппи и чувствовать себя там в безопасности.

«Вы, американцы, напряжённо боретесь за счастье», — говорит Свамиджи. – «Но в этой борьбе нет необходимости. Счастье и горе приходят и уходят. В точности так же, как горе приходит к вам, когда вы не стремитесь к нему, счастье приходит так же. Нам не нужно прикладывать особых усилий и для него. Но если мы будем развивать сознание Кришны, наши беды будут сведены к минимуму».

Мы объезжаем вокруг Моста Голден Гэйт направляясь к лесу Мьюир, где стоят 3,000-летней давности красные деревья. Спускаясь вниз по дороге, под высокими, сине-зелёными навесами из крон, Свамиджи читает маленькие таблички у самых больших деревьев, затем задумчиво поднимает взгляд на их ветви.

«Эти деревья стоят уже здесь в течении тысяч лет из-за своей привязанности к сексу», — говорит он. – «Мы не знаем, какой следующий вид тела готовит для нас природа. Возможно, они поместит нас в тело, подобное этому. Тогда мы должны будем стоять в течении столь долгих лет на одном месте».

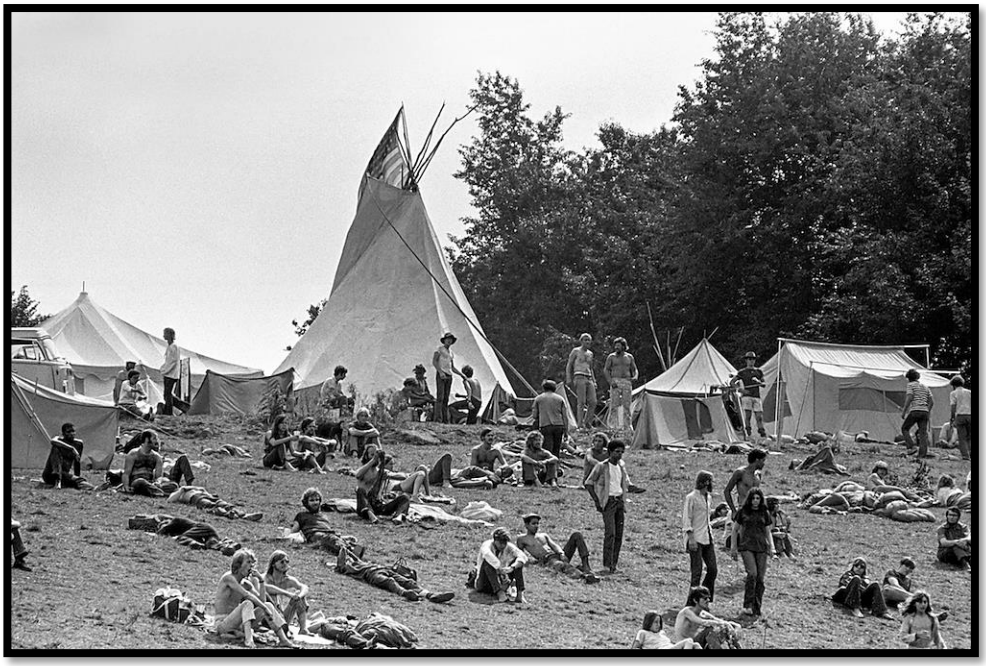

Холм Хиппи, Сан-Франциско, 1967 г.

Холм Хиппи, Сан-Франциско, 1967 г.

* * *

Затем он рассказывает историю Налакувары и Манигривы, сыновей Куверы, хранителя сокровищ полубогов.

«Эти два брата, хотя и являлись великими полубогами, пали жертвой вина и женщин, и однажды, когда они были пьяны, они вошли в воды Ганги и резвились там обнажённые в обществе молодых девушек. Пока они таким образом развлекались, мимо проходил мудрец Нарада, но Налакувара и Манигрива были слишком пьяны для того, чтобы сокрыть свою наготу. Желая им добра, Нарада превратил их в деревья, лишив их подвижности, так чтобы они впредь не делали глупостей. Сохраняя полное сознание, братья стояли в течение долгих лет как братья близнецы во дворе Нанды Махараджи, где часто играл малыш Кришна. В один прекрасный день, поскольку Кришна был проказником и воришкой масла, Его мама привязала Его к большой деревянной ступе. Когда эта ступа застряла между двумя деревьями, маленький Кришна, обладающий сверхчеловеческой силой, свалил эти деревья наземь. Внезапно освобождённые, из этих деревьев появились два полубога, с сияющими как огонь телами, и стали прославлять Господа молитвами и гимнами. Быть деревом, — это один из видов наказания для тех, кто чрезмерно греховны», — говорит Свамиджи. – «Но для Налакувары и Манигривы это было, в конечном счёте, благословением Нарады».

После часа прогулки мы покидаем лес Мьюир, и отправляемся обратно по ветреной прибрежной дороге. Её извилины и ухабы укачивают Свамиджи. Когда он жалуется нам на беспокойство, мы снижаем скорость.

«Когда я плыл в Америку на корабле компании Скандия Лайнс, я болел морской болезнью», — говорит он. – «Но летя на самолёте из Нью-Йорка, я чувствовал лишь, что мне немного закладывало уши, самолёт лучше».

Вернувшись в храм, Свамиджи чувствует себя довольно плохо. Киртанананда и Ранчор сидят с ним в его квартире, где он отдыхает до вечерней лекции.

Мост «Золотые ворота» (Голден Гейт), Сан-Франциско.

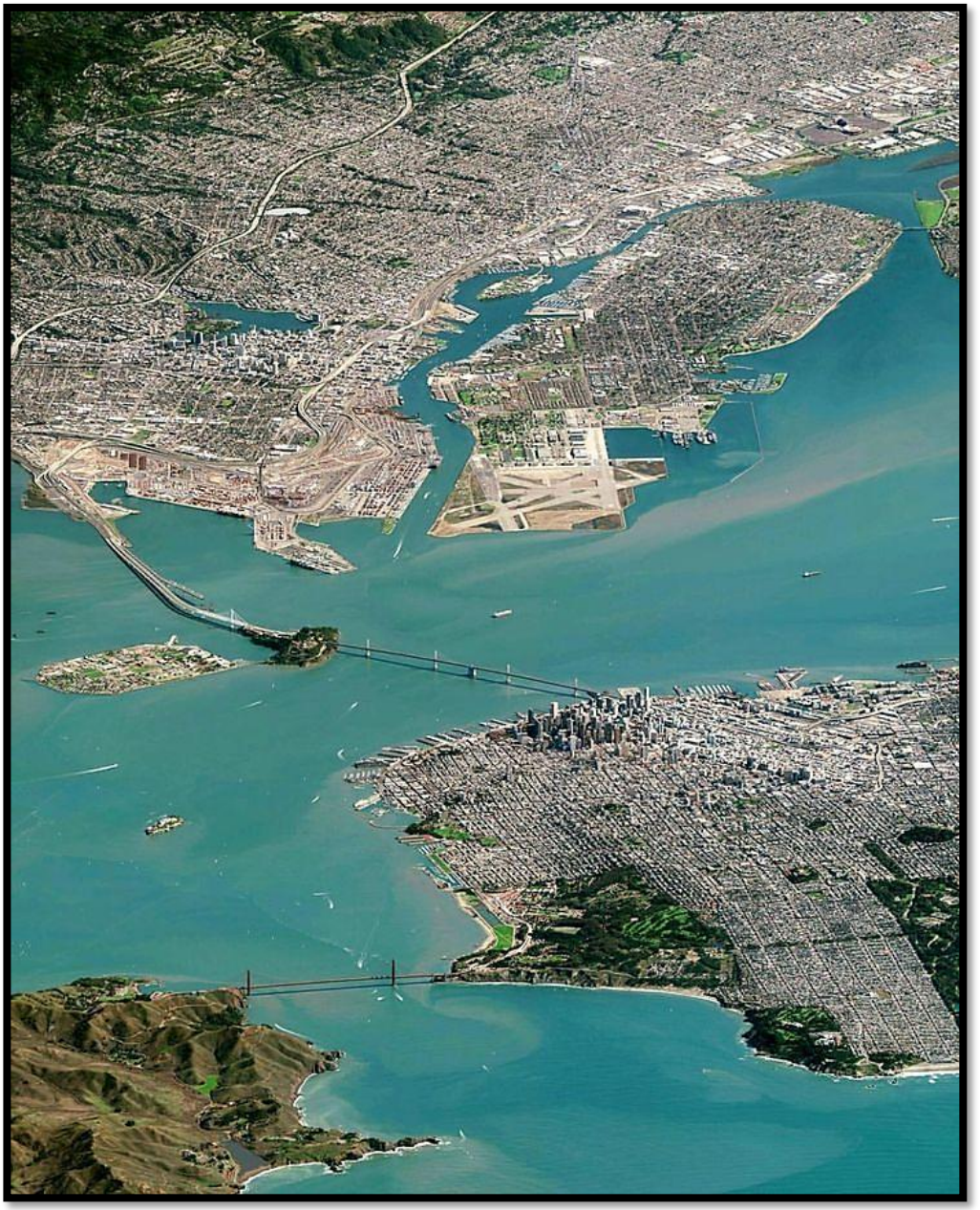

Лес Красных деревьев Мьюир, Сан-Франциско.

Тюрьма на острове Алькатрас, Сан-Франциско.
Территория острова использовалась как защитный форт, позже, как военная тюрьма, а затем как сверхзащищённая тюрьма для особо опасных преступников и тех, кто совершал попытки побега из предыдущих мест заключения. На момент 2021 года, не действует и открыта для туристов.

Сан-Франциско, США.

Мост внизу на фото – Золотые Ворота (Golden Gate Bridge),
между верхним и нижним мостом островок слева – тюрьма «Алькатрас».
С моста Золотые Ворота дорога налева ведёт к лесу Мьюир.
Фрагмент зеленого парка справа внизу в углу, не вошел в кадр – Голден Гейт парк.

«В этом материальном мире мы пленены половой жизнью и помещены в тюрьму», — говорит он нам. – «Только сегодня я видел одну такую тюрьму с камерами в безвыходном положении, со всех сторон окружённую водой. Как она называется?».

«Алькатрас», — говорит кто-то.

«Да, там так много приспособлений для того, чтобы не дать заключённым никакой возможности выбраться оттуда. Сейчас мы находимся в тюрьме этого тела. И что держит нас здесь? Половая жизнь. До тех пор, пока мы не узнаем, что наше счастье находится вместе с Кришной, мы будем пытаться наслаждаться этим материальным миром, и таким образом будем связаны половой жизнью. В действительности, мы страдаем, но секс заставляет нас думать, что мы счастливы. Здесь мы подвержены страданиям, возникающим из ума и тела, приходящим от других живых существ, и от климатических условий. Избежать этих страданий невозможно. В точности так же, как сегодня днём, когда я вернулся из леса Мьюир, я чувствовал неудобства, связанные с болью в моём теле. Это происходит, и так всегда: иногда болит тело, иногда нас беспокоит наш ум, иногда нам причиняют беспокойства наши сограждане, иногда кто-то ещё доставляет их нам. Сейчас вы думаете, что, если вы просто прекратите войну во Вьетнаме, вы обретёте мир. Но здесь мир невозможен никогда. Это место предназначено для страданий, и поэтому они будут приходить к нам в одной форме или в другой. Такова природа этого материального мира. Великий мудрец Ришабхадева сказал, что эта материальная атмосфера есть ни что иное, как сексуальная привязанность. И не больше. Вы сможете обнаружить эту привязанность не только в человеческом обществе, но и в обществе животных, в обществе птиц, в обществе насекомых, в любом обществе. А если вы отправитесь на высшие планеты, в обители полубогов, вы найдёте и там сексуальное влечение. И Господь Брахма, высшее живое существо, сотворив прекрасную дочь, привлёкся ею. И когда Кришна, пойдя на хитрость, появился в образе очень красивой девушки перед Господом Шивой, Шива обезумел от вожделения. Таким образом, если уж Господь Брахма и Господь Шива могут стать безумными от вожделения, то каково же наше положение? Мы — кошки и собаки в сравнении с ними».

Хиппи сидят тихо, их глаза широко раскрыты, удивлённые тем, что не слышат от Свамиджи пропаганды секса, наркотиков, рок-н-ролла и безделья. Они привыкли к так называемым *гуру* из Индии, говорящим им: «Наслаждайтесь! Наслаждайтесь!».

«*Гуру* это вам не какая-то игрушка, увлечение», — говорит Свамиджи. – «Он не какой-то предмет, с которым можно хорошо поговорить, нет. Следует найти истинного духовного учителя и предаться ему. Таково наставление "Бхагавад-Гиты". *Гуру* нужно следовать».

«Являетесь ли вы авторитетом в самосознании?» — спрашивает кто-то.

«Да», — говорит Свамиджи. – «Конечно, я не знаю, являюсь я авторитетом или нет, но мой духовный учитель уполномочил меня выступать в таком качестве. Я... Я..».

Свамиджи колеблется мгновение, и кажется почти смущённым.

«Я не считаю себя авторитетом. Я просто пытаюсь выполнять приказ моего духовного учителя. Вот и всё. Но быть авторитетом не так уж сложно. Если вы просто попытаетесь понять "Бхагавад-Гиту", так, как понял её Арджуна, вы станете осознавшей себя душой. Это не такое уж трудное дело. К сожалению, люди прибегают по-разному к своим собственным измышлениям, и таким образом извращают весь процесс».

* * *

Более радикальные хиппи и противники Вьетнамской войны хотят большего, нежели мир во Вьетнаме. Они хотят признания «солидарности людей», учреждения нового мирового государства, зарождающегося в планетарных, а не в «трущобных» пределах. Свамиджи обвиняет хиппи в том, что они ставят человека вперёд всех остальных обитателей планеты, других граждан.

«Вы говорите о мире, и одновременно с этим едите мясо», — говорит он. – «Вы говорите о мире, тем временем забивая на бойнях

своих матерей — коров. А ещё удивляетесь тому, что происходят войны. Солидарность людей — означает нечто большее, чем просто разговоры о вселенском братстве параллельно с поеданием животных. Вселенского братства никогда не будет, до тех пор, пока мы не признаем вселенского Отца и всех живых существ в качестве Его сыновей. Такова подлинная основа солидарности».

Как только заканчивается медовый месяц мантра-рок-танца, Свамиджи ожесточает нападения на удовлетворение чувств, настаивая в каждой своей лекции на том, что духовный прогресс несовместим с наркотиками, ленью и недозволенным сексом.

«Кришна не говорит Арджуне: "Я буду сражаться, а ты просто сиди в колеснице и кури *ганджу* (марихуану)". Нет, хотя Кришна — Бог, и Он мог легко убить каждого на поле битвы, всё-таки Он хотел, чтобы Его преданный действовал от Его имени. "Просто будь Моим инструментом", — говорит Он Арджуне. — "И сражайся без привязанности". Сражаться — было долгом Арджуны как *кшатрия*. Исполняя свой долг, он не навлёк бы на себя греха».

«А как насчёт призывного набора в армию?» — спрашивает кто-то.

«Наши ученики воспитываются как *брахманы»,* — говорит Свамиджи. – «Их не следует принуждать действовать в качестве *кшатриев*, воинов. Кроме того, *кшатрий* борется во имя принципов религии. Сейчас же люди просто как собаки дерутся за обладание костями. Вот и всё».

«Но "Бхагавад-Гита" была рассказана на поле битвы, и Кришна призывает Арджуну сражаться».

«Всё, что бы ни делалось для Кришны, немедленно одухотворяется», — объясняет Свамиджи. – «Долг Арджуны, как *кшатрия,* — сражаться. Если он станет сражаться для Кришны, следуя наставлениям Кришны, то его действия в сражении станут духовными. Таково его спасение».

«Нет! Нет!».

Хотя некоторые в протесте выходят из комнаты, некоторые проявляют более чем просто пассивный интерес. Когда хиппи становятся более серьёзными, Свамиджи разочаровывает слушателей в отношении мирской музыки и воодушевляет их обрить свои головы и бороды и сменить свои потёртые брюки клёш на одежду преданных.

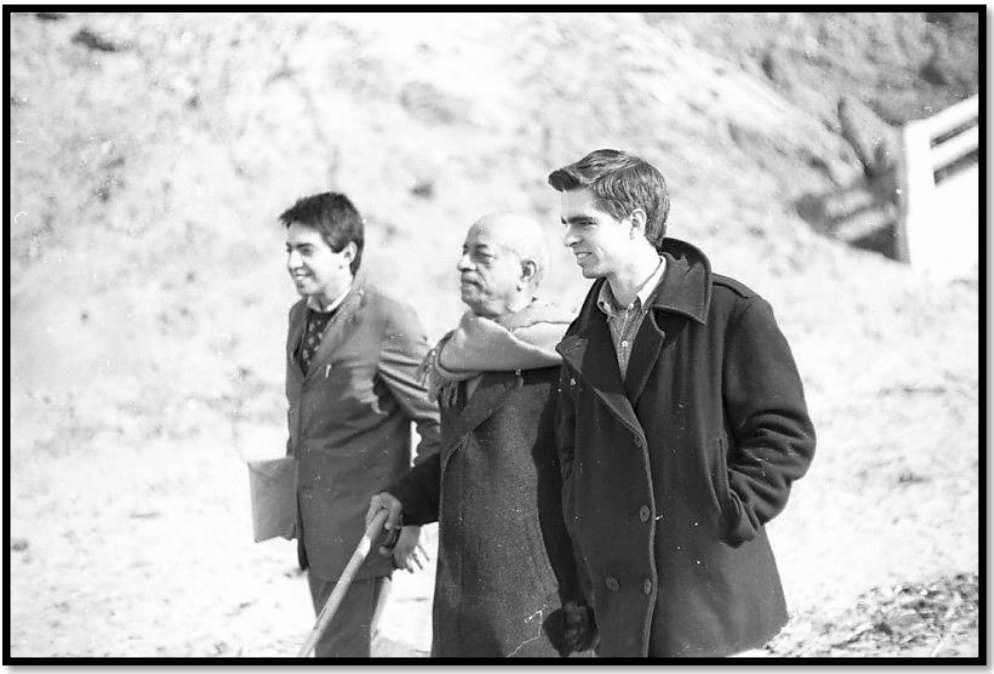
«Так что, когда люди будут видеть вас, они будут вспоминать о Кришне. Таково значение *садху: садху* — это тот, кто напоминает другим о Кришне».

Всё-таки, Свамиджи не настаивает на одежде преданных и на бритье головы. Эти вещи упоминаются по ходу. Некоторые решаются обриться и переодеться, большинство — нет. Но никакого давления.

«Любое служение Кришне, на какое вы способны – принимается».

Проходит ещё несколько инициаций: Гурудас и сестра Джанаки, которую теперь зовут Ямуна даси, Субал и его жена Кришна даси, Гаурасундара и его жена Говинда даси, Халадар даси, Рамануга, Уддхава, Упендра. Все они помогают Харидасу и Харшарани поддерживать храм. Шьямасундара и Мукунда всегда планируют какие-то крупные события, покрупнее мантра-рок-танца. Равиндра Сварупа слоняется вокруг без дела, он поверхностно увлёкся культами Оуспенского.

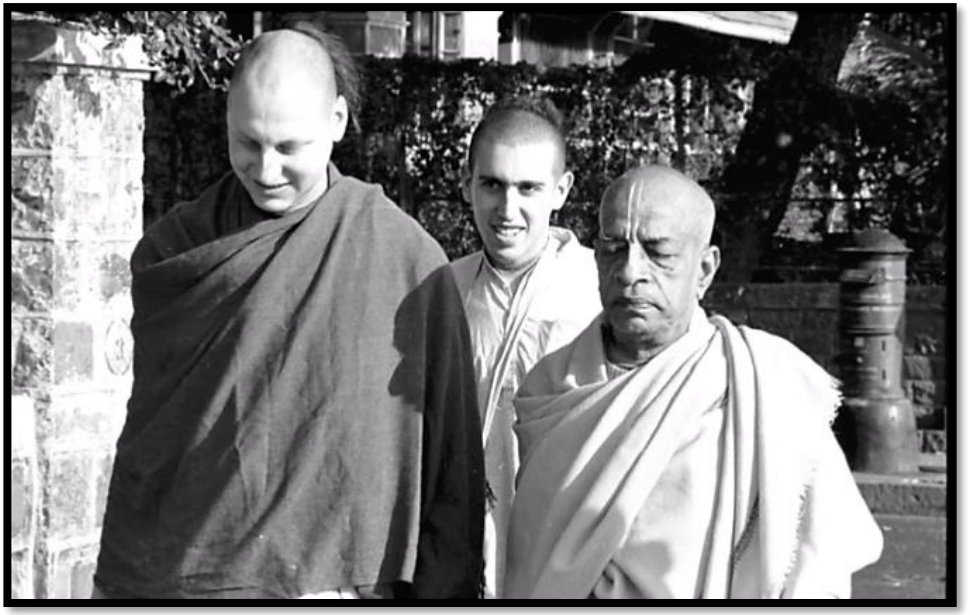
Я беру на прокат электрическую печатную машинку, устанавливаю её в задней комнате храма, и продолжаю печатать гранки для «Бэк Ту Годхед», пишу и редактирую, в то время, пока Харшарани посылает людей за продуктами, и готовит дневной *прасадам.* Мы собираем список, и выясняем, что все тридцать наших преданных — безработные. От предложения Свамиджи устроиться на работу все начинают увиливать. Некоторые берутся продавать «Оракул» и другие психоделические газеты с рук туристам на Хэйт. Так или иначе, мы чувствуем, что Храм Радхи Кришны переживет вопли и выкрики — эфемерный блеск психоделии.

Шрила Прабхупада, Мукунда (слева), Гаурасундар (справа).

Шрила Прабхупада, Ямуна (слева), Джаянанда (высокий), Гаргамуни (справа).

Шрила Прабхупада, Гурудас (слева).

Шрила Прабхупада, Шьямасундара(слева), Малати деви даси.

* * *

В начале февраля Киртанананда возвращается в Нью-Йорк, получив от Свамиджи указание отправиться в Монреаль и открыть там третий центр ИСККОН.

«Там есть этот юноша Джанардан», — говорит ему Свамиджи. — «Ты можешь присоединиться к нему и сформировать храм. Он говорит по-французски и может хорошо переводить, а ты можешь руководить храмом. Это не трудно. Просто следуй программе, которая у нас есть здесь, и когда у тебя будет готовое место, я приеду».

Когда в аэропорту мы видим, как Киртанананда улетает, мы желаем ему удачи в открытии первого центра за пределами Соединённых Штатов.

«Возможно, мы в конце концов станем международным обществом», — говорю ему я. Мы обсуждаем то, как увеличить число центров по всему миру, по цепочке.

* * *

Гаурасундар и его жена Говинда даси, из Техаса, — это новые преданные, которые никогда не были хиппи. Каждое день в 06.30 утра они стучатся в храмовую дверь, будя меня. Я повязываю *дхоти* и бегу открывать им иногда вместе с ними за дверью ждут ещё двое или трое посетителей — хиппи, всю ночь проведшие на ногах и только отошедшие от ЛСД и теперь последовали совету Гинзберга в том, чтобы «восстановить своё сознание на «неизменно высоком уровне».

Одно из таких «восстановлений» случилось в два часа утра, когда я был разбужен громкими ударами и криками, и фарами полиции. Когда я открыл дверь, молодой человек с рыжими волосами и бородой ворвался внутрь, крича: «О Кришна! Кришна! Помогите! Не дайте им схватить меня! Ради Бога, помогите!».

В дверь сунул голову полицейский: «Мы привели его сюда», — говорит он с улыбкой, — «думая, может быть, вы сможете помочь ему».

«Мне плохо в этом теле!» — кричит парень.

Полиция уехала, и юноша стал бешено воспевать Харе Кришна. Он побелел и обильно вспотел. Полнейший ужас. Я провожу остаток раннего утра воспевая вместе с ним, пока не приходят Гаурасундар с Говинда даси. Стабилизация «неизменно высокого уровня» становится службой коммуны ИСККОН.

* * *

Иногда, когда Свамиджи приходит рано утром, в храме только Гаурасундар, Говинда даси и я.

«А где остальные?» — спрашивает Свамиджи.

Нам стыдно ответить ему. Харидас, Шьямасундара и Малати живут всего в пятнадцати минутах ходьбы отсюда. Мукунда и Джанаки живут прямо над нами. Гурудас и Ямуна — в десяти минутах ходьбы. Где же они?

«Вся эта их сонливость — это нехорошо», — говорит Свамиджи. — «Это низший вкус — *гуна* невежества. Жизнь предназначается для постижения сознания Кришны, но большая часть нашего времени растрачивается впустую: первые 18 лет забирает детство, последние 10 или 15 лет — старость. Так что же остаётся нам? Всего каких-то 30 добрых лет — самое большее. А если половину этого мы тратим на сон, сколько времени у нас останется».

Постепенно посещаемость утренних лекций налаживается.

* * *

Являясь единственным преданным, всё время живущим в храме, и, кроме того, одним из старших преданных, я само собой начинаю сходить за коменданта храма, роль которого часто вызывала у меня сочувствие. Помимо случаев «возвращения в сознание», здесь есть ещё черные мальчишки, крутящиеся вокруг храма, поджидая, когда какая-нибудь девушка-хиппи войдёт в транс, так чтобы они смогли

стащить её сумочку. Разгонять этих мальчишек так же бессмысленно, как пытаться отогнать мух от навозной кучи. В конце концов я вынужден предупреждать женщин следить за своими сумочками.

«Люди приходят сюда для того, чтобы возвысить своё сознание», — возражает Харидас. – «Ты не можешь говорить им такое».

Он прав, конечно. И я должен теперь стоять и охранять дверь. Негры пускают сигаретный дым прямо внутрь. А от случая к случаю бывает, что нагрянут «Ангелы Ада», требуя гамбургеров и пива и угрожая убить меня, когда я прошу их разуться.

Один светлый кадр — я отвечаю за организацию ежедневной группы *санкиртаны*. После дневного *прасадам,* мы выходим на Хэйт Стрит, воспевая Харе Кришна, стуча в барабаны и звеня цимбалами. К тому моменту, когда мы подходим к зданию типографии, всего в двух кварталах от парка — за нами следует дюжина хиппи, бренча на гитарах и звеня бубнами. Иногда я играю на старой трубе, иногда на рожке, который я сделал из найденных на пляже бурых водорослей. Я больше всего люблю этот рожок, его звук разносится на несколько кварталов.

На Хэйт Стрит нет никого старше тридцати. Хиппи едва ли грозит опасность вырождения. Бодрые от видений ЛСД, они идут за нами, подпрыгивая и улыбаясь, их глаза сияют — все чем-то похожие на легендарных героев, романтичные и наивные. В конце концов выходит пластинка, записанная нами в декабре, под названием «Сознание Кришны», и «Психоделический Магазин» часто проигрывает её.

Мы останавливаемся около их комнаты для медитации и поём до тех пор, пока магазин не заполняется народом. Затем мы обходим круг обратно к Голден Гэйт Парку, обходим небольшой пруд у его входа, и движемся далее к большому полю, где мальчишки играют в футбол и бросают кегли. Мы устанавливаем флажки и взятый на прокат барабан с литаврами, а люди с Холма Хиппи присоединяются к нам на флейтах и бонго. После *киртана* многие из них возвращаются в храм. И некоторые в последствии становятся инициированными преданными.

Помимо *киртанов,* я замечаю, что провожу много часов на солнце в парке, прогуливаясь вдоль теннисного корта к тихим беседкам, окружённым гибискусами и эвкалиптами. А иногда я сижу под белыми и розовыми кустами рододендрона и редактирую «Бхагавад-Гиту». После этого я заглядываю в музей и гуляю по садам, подражающим восемнадцатому столетию, воспевая свои ежедневные круги и изучая искусство рококо. Постепенно я начинаю избегать Японских Садов. Они переполнены иностранными туристами, которые смотрят на нас как на одурманенных наркотиками хиппи. Отстаивая престиж средних американцев, полисмены выгоняют хиппи из этой зоны.

Однажды утром Равиндра Сварупа, Халадар, Субал и Кришна даси настаивают и упорствуют в том, чтобы пойти туда. Я присоединяюсь к ним и вскоре очень скоро прихожу в шок при виде того, как Равиндра Сварупа вдруг падает на колени и предлагает свои поклоны бронзовой статуе Будды. Самый обеспокоенный полицейский, какого мне только случалось когда-либо видеть, подскакивает к нам, размахивая своей дубинкой.

«Что вы себе позволяете!» — кричит он. – «А ну! Все вы, вон отсюда!».

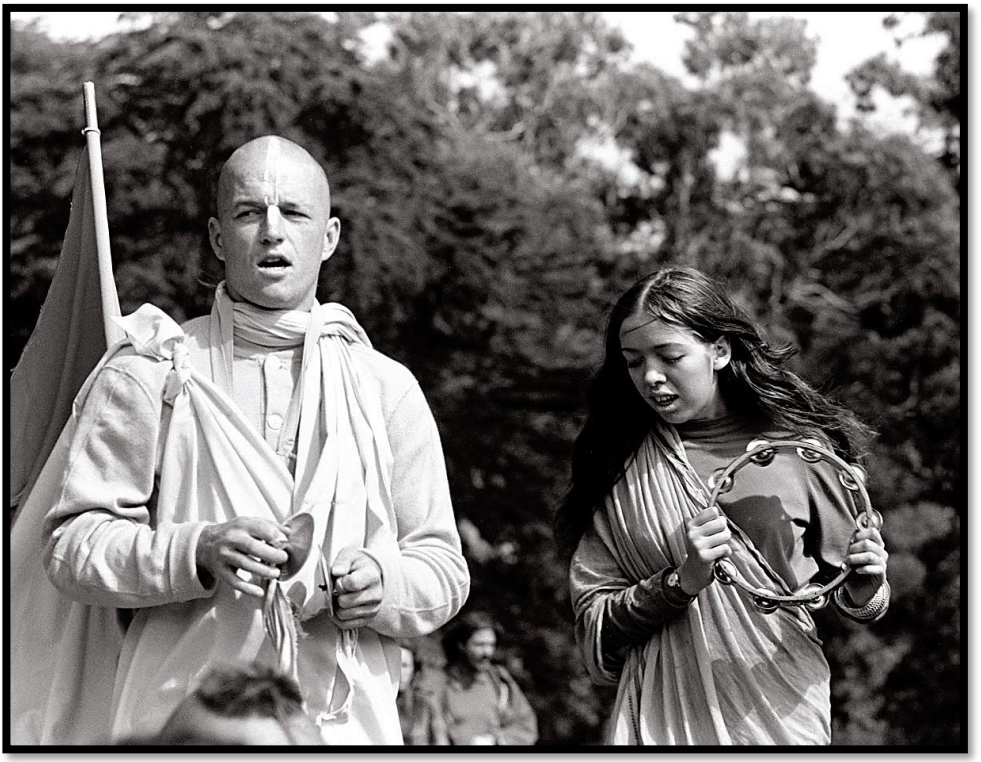
Собирается толпа.

«Этот сумасшедший человек пытался поклоняться статуе», — говорит маленький мальчик. – «Но полицейский поймал его».

Такое впечатление, что Равиндра Сварупа наслаждается всеобщим вниманием, как будто бы ему предоставляется случай попроповедовать.

«Вы хотите сказать, что поклонятся Будде противозаконно?» — спрашивает он.

Полицейский пылает и проверяет удостоверения. Его лицо огненно-красного цвета. Люди вокруг нас тоже слегка напряжены.

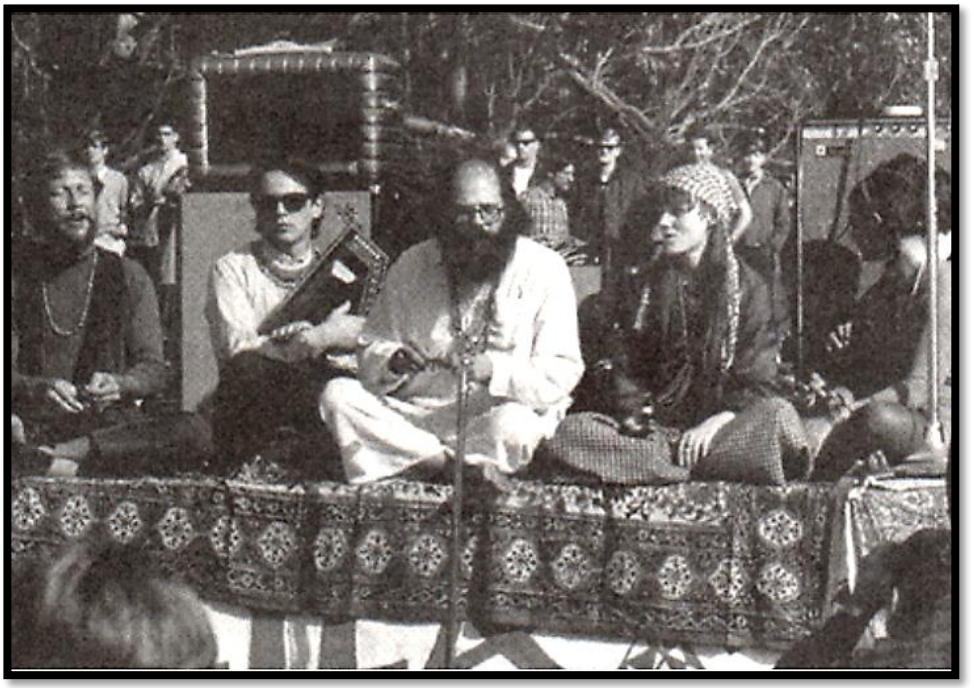

Проповедь среди хиппи.

Гурудас и Кришнадас.

Ален Гинзберг на Холме Хиппи.

«Ум объят пожаром», — я вспоминаю высказывание Будды. – «Идеи объяты пожаром. Сознание ума объято пожаром. Впечатления, полученные через ум, объяты пожаром...».

«Наш духовный учитель говорит, что Будда — это *инкарнация*», — продолжает Равиндра Сварупа, давая понять, что он оказался в пострадавших, — «и ему следует оказывать почтение».

Полицейский проглатывает свой гнев и в конце концов выпроваживает нас.

«Вы, американцы, всегда выставляете Господа Будду на улицу на газон», — добавляет Свамиджи, когда я упоминаю об этом инциденте. – «Но вам не следовало бы помещать тех, кто выше вас по положению туда, где птицы могут ронять на них свои испражнения».

*** * ***

27 февраля. Мы едем на машине к Плато Алто на встречу со студентами из Стэндфордского Университета. Свамиджи садится на один из кофейных столиков в комнате для отдыха и начинает вести *киртан,* воспевая в микрофон. Сначала там только двадцать студентов, но по мере того, как мы продолжаем петь и танцевать, собирается больше. Затем происходит нечто из области чудес. Воспевание и танец охватывают всю комнату. Студенты: которые никогда до этого не слышали мантру скачут вверх и вниз, безудержно выкрикивая её слова. Опять Свамиджи околдовывает всех. До конца этого шумного *киртана* он воспевает ещё в течение часа. После этого он объясняет слова мантры и основную философию отличия от материального тела.

«Если вы хотите подлинного счастья, вы должны отбросить иллюзорное представление о том, что "я есть это тело"», — говорит он студентам. – «Этот танец Харе Кришна — наилучший метод избавления от этой иллюзии. Вы не понимали слов, но вы всё равно чувствовали экстаз этого танца. Нет необходимости понимать язык. Звук сам по себе волнует душу. Если вы будете практиковать это, ваша жизнь станет совершенной. Это недорого, и вам не нужно для этого проходить через трудности и делать упражнения. Вам не нужно класть свою голову между колен».

«Почему мы должны практиковать этот танец?» — спрашивает один студент.

«Потому что это хорошо для вас», — отвечает Свамиджи.

«Чем это хорошо для меня?» — настаивает студент.

«Продолжайте танцевать и увидите».

Есть несколько вопросов по философии. Затем кто-то спрашивает должны ли студенты откликнуться на военный набор на войну во Вьетнаме. Я креплюсь.

«Если ваша страна приказывает вам, то нет вреда в том, если вы пойдёте», — говорит Свамиджи, опираясь на факты.

Лица опадают. Мёртвая тишина. Студенты и преподаватели смотрят друг на друга.

«Как это, нет вреда в том, чтобы убивать людей?» — обеспокоенно спрашивает бородатый профессор.

«Есть разница между тем, чтобы убивать на войне и совершать убийство мирных граждан», — говорит Свамиджи. – «Если солдат убивает на войне, следуя приказу свыше, его награждают медалью. Если же он убьёт исходя из своих собственных соображений, его повесят. Таким образом, есть разница. Арджуна на поле битвы Курукшетра убивал, следуя указанию Кришны; поэтому он тем самым не навлекал на себя греха».

«Нет! Нет!» — закричали студенты.

Кто-то вышел. Свамиджи спокойно смотрит на свою разгневанную студенческую аудиторию.

«На трансцендентном уровне нет ничего верного или не верного», — говорит он. – «Когда вы делаете то, что приказывает вам ваше правительство, то, как вы можете нести за это ответственность? Вы просто должны следовать приказу, данному свыше.

Ответственность несёт правительство. Ваша же ответственность распространяется на то, какое правительство вы выбираете. При монархическом строе вам нужно делать то, что велит вам одна личность. Но теперь вы упразднили монархию и установили демократию, правительство из людей, и теперь вы сами выбираете своих людей в правительство. Так что, если вы сделали своё собственное правительство, почему вы жалуетесь, когда это правительство посылает вас на войну?».

Полемика обостряется. Студенты начинают в гневе повышать голос.

«Нацист!» — кричит кто-то. – «Фашист!».

Одновременные и перебойные выкрики приводят к полному беспорядку. Свамиджи берёт цимбалы и начинает ещё один *киртан,* и мы начинаем воспевать. Студенты и преподаватели смотрят в недоумении. Никто не присоединяется к воспеванию. Несколько человек остаются и спорят, но большинство уходит.

*** * ***

Утром мы читаем Свамиджи первую страницу в «Пало Алто Таймс»: «ДРЕВНИЙ ТАНЕЦ ТРАНСА — ВОТ С ЧЕМ ПРИЕХАЛ СВАМИ В СТЭНФОРД. Появился новый танец, который грозит стать повальным увлечением в нашей стране. Он называется "*Свами*". Он грозит сменить "фраг", "ва туси", "свим" и даже добрую старую "польку". Почему? Потому что Вы можете делать в нём любые известные вам "па" и в тоже время ощущать настоящее счастье. И так вы можете избавиться от иллюзии, что вы и ваше тело – неразделимы».

Далее репортер продолжает, описывая *киртан:* «До того, как вечер подошёл к концу, все 250 человек в аудитории танцевали и топали, раскачивались, под удары индийских инструментов и слова священных санскритских Вед: Харе Кришна, Харе Рама. Они воспевали это без перерыва на протяжении 70 минут».

Я никогда не видел Свамиджи более довольным газетной статьёй. К счастью, о теме войны там упоминается лишь мельком.

«Замечательно!» — говорит он. – «Можете сделать копии с неё? Как они назвали танец? *Свами*?».

Он смеётся: «Да. Теперь мы должны проводить больше программ в университетах. Это была наша первая, и, я думаю, за этим огромный потенциал».

Позже, под фотографией студентов, танцующих во время *киртана* в «Пало Алто», Свамиджи печатает: «Все присоединяются в совершенном восторге, когда Свами Бхактиведанта воспевает своё гипнотическое Харе Кришна».

* * *

Затем, в начале марта, без предупреждения, неожиданно, Господь Джаганнатха, Верховный Господь вселенной, одаряет нас Своим присутствием, превращая Сан-Франциско в Нью-Джаганнатха Пури. Его пришествие совершенно необычайно. Длинноволосый, босоногий молодой человек заходит однажды утром с любопытной деревянной резной фигуркой, висящей на верёвочке у него на шее. Всего два дюйма (5 см) высотой, это произведение искусства стоило парню 25 центов на местном складе импортных товаров. С точки зрения индийского искусства, деревянная фигурка представляла собой нечто аномальное, более похожая по стилю выполнения на африканскую или индейскую. Большая, плоская полукруглая голова, а руки — это всего лишь крохотные палочки, торчащие по бокам. Ног нет вообще, а торс — прямоугольный. Глаза — большие чёрные диски. Две точки служат носом, а рот представляет собой изогнутую в улыбку линию. По белому *тилаку,* отмеченному не её лице, мы догадываемся о том, что эта фигурка имеет нечто общее с вайшнавизмом.

«На складе их много», — говорит мне парень. – «Если хотите, можете купить себе».

Охваченный любопытством в связи со знаком *тилака,* я несу фигурку Свамиджи.

«Что это такое, Свамиджи?» — спрашиваю я, когда ставлю её перед ним на его сундучке.

Глаза Свамиджи широко раскрываются от изумления, и он улыбается.

«О, это Господь Джаганнатха», — говорит он. – «Это Кришна».

«Кришна?» — я усердно разглядываю фигурку, пытаясь разглядеть какие-то отдалённые представления других черт из описания Господа.

Я ничего не вижу, но так или иначе, это кажется вполне уместным, что Господь вселенной смотрит на Своё творение с такой блаженной сверхчеловеческой улыбкой.

«Это Господь Кришна, в такой форме Ему поклоняются в великом храме Джаганнатха Пури, в штате Орисса», — объясняет Свамиджи. — «Там Он обитает вместе со Своей сестрой Субхадрой и братом Баларамой».

Затем Свамиджи рассказывает связанную с этим историю: «Один царь города Пури, Индрадьюмна, доверил Вишвакарме, скульптору полубогов, вырезать ему статуи Господа Кришны, Его брата Баларамы и сестры Субхадры. Вишвакарма согласился при одном условии, что "ему позволят завершить его работу в уединении. Никто не должен был смотреть на Божества до того, как они будут завершены; если их увидят незавершёнными, то он прекратит всю свою работу ". Когда царь согласился, скульптор начал работать за закрытыми дверьми. В конце месяца, или около того, царь потерял терпение и спросил Вишвакарму, когда он закончит? "Немного позже ", — сказал ему Вишвакарма. Прошёл месяц, и опять царь получил тот же самый ответ. Прошёл год, ответ оставался тем же. В конце концов, прождав столь долгое время, терпению царя пришёл конец, и он ворвался в комнату скульптора. Вишвакарма, который был инкарнацией Бога, тут же исчез, оставив три незавершённые статуи стоящими посреди комнаты. Хотя Божества и не были завершены, царь проникся к Ним огромным почтением, так что он поместил Их в храм и поклонялся Им со всей пышностью».

«Они были вырезаны из дерева?» — спрашиваю я.

«Да. А каждый год Господь Джаганнатха покидает храм, и отправляется на побережье, и в Джаганнатха Пури проводится величественная процессия. Люди приходят со всей Индии, чтобы увидеть, как Господь едет на побережье на Своей колеснице».

«Колеснице?».

«Своего рода колеснице. Это огромные колесницы. Процессия проходит каждый год, и тысячи людей приходят увидеть это. Когда Господь Чайтанья впервые вошёл в храм и увидел Господа Джаганнатху, Он сказал: "О, тут Кришна!" — и упал на пол в экстатическом трансе, и в течении нескольких дней не приходил в Себя».

«А можно, у нас здесь тоже будет Господь Джаганнатха?» — спрашиваю я.

«О да! Обязательно! Мы должны приветствовать Его здесь. В конце концов, Он пришёл сюда Сам. Нам не пришлось прилагать к этому своих усилий. Это в наибольшей степени благоприятно. Это проявление воли Кришны, то, что у нас в Сан-Франциско появился Господь Джаганнатха».

Свамиджи также замечает, что это — самое уместное, потому что Господь Джаганнатха несёт особые благословения: Его сострадание распространяется даже на тех, кто привязан к барам и публичным домам, и поклонение Ему не включает себя таких строгостей как поклонение Радхе и Кришне, и, как он говорит, он научит нас этому поклонению, когда мы немного продвинемся.

Но на данный момент, Господь Джаганнатха — это совершенная форма Божества для *Кали-южной* Америки, и особенно для гедонистической Калифорнии. Конечно, двухдюймовая фигурка слишком мала для того, чтобы послужить чем-либо кроме образца; поэтому Свамиджи просит Шьямасундара, наиболее компетентного резчика по дереву, вырезать Джаганнатху гораздо большего размера. Надеясь выбрать самый лучший образец, мы с Шьямасундарой обыскиваем склад импортных товаров и счастливо обнаруживаем Джаганнатху шестнадцати дюймов (40,64 см) в высоту. Мы также

находим двух других Божеств того же роста. Мы молниеносно несём их Свамиджи.

«Это Субхадра, сестра Кришны», — объясняет Свамиджи, — «а это — Баларама, Его брат. Так что, Шьямасундара, ты можешь вырезать всех троих и сделать алтарь в храме. Затем я установлю Их».

Шьямасундара покупает три деревянных бруска, три фута (91,44 см) высотой каждый, и начинает вырезать на крыше своей квартиры на Хэйт Стрит. Я каждый день замечаю, как продвигается его работа. Она продвигается с заметной быстротой. В очень короткое время, к середине марта, Божества готовы, и мы приносим их в храм. Наряду с сидением для Свамиджи, Шьямасундара сооружает незамысловатый алтарь из красного дерева. Вечером, мы совершаем набег на Голден Гэйт Парк и возвращаемся в храм с коробками цветов для церемонии установления. Божества Джаганнатхи поистине прекрасны, и поразительно схожи с оригиналами. Свамиджи доволен.

«Кришна дал тебе разум», — говорит он Шьямасундару. – «Ты сделал это так замечательно».

На установлении Свамиджи проводит новую церемонию, в которой он предлагает Господу Джаганнатхе благовоние, огонь, воду, тряпичный платок и цветы, вращая их и одновременно звоня в колокольчик.

«Это называется *арати*», — объясняет Свамиджи, пустив по кругу свечу. Следуя его примеру, мы слегка касаемся пламени, а затем своего лба.

«В этой церемонии мы берём тепло пламени. Это явление Джаганнатхи Свами, и теперь храм готов для того, чтобы начать в нём поклонение. Кришна — это личность, и мы должны завести с Ним дружбу. В точности так же, как когда мы хотим увидеться с какой-то высокопоставленной личностью, нам нужно завести знакомство с ней, нам следует представиться Кришне в дружественной, исполненной любви манере. Если мы хотим перенестись на эту высшую планету, Кришналоку, то мы должны подготовить себя к тому, чтобы любить

Кришну. Подготовиться к любви к Богу. Мы должны находится в близких отношениях с Богом через любовь к Нему. Мы не можем претендовать на расположение Всевышнего, до тех пор, пока у нас не будет любовных взаимоотношений с Ним. Есть шесть видов любовного взаимообмена, по которым мы можем судить о наличии нашей любви к кому-либо. Прежде всего, вы должны дарить что-то тому, кого вы любите. И затем вы должны принимать что-то от него. Затем, вы должны предлагать ему какую-то пищу, и принимать от него то, что он даёт вам в ответ. Затем, вы должны открывать ему свой ум, а потом слушать то, что говорит вам он. В соответствии с *шастрой*, это шесть принципов любовного взаимообмена между Кришной и Его преданными. Так что, я прошу вас, преданные, когда вы приходите в храм, приносите по одному плоду и одному цветку, чтобы предложить их Господу Джаганнатхе. Не обязательно, чтобы это было чем-то дорогостоящим. Всё, что вы в состоянии себе позволить. А сейчас, раздайте *прасадам*».

Харшарани, Малати и Джанаки раздают бумажные тарелки. Это пир при свечах, и Свамиджи настаивает на том, чтобы мы раздавали *прасадам* тем, кто наблюдает с улицы.

«Замечательно приготовленные блюда», — говорить он. – «Слава поварам!».

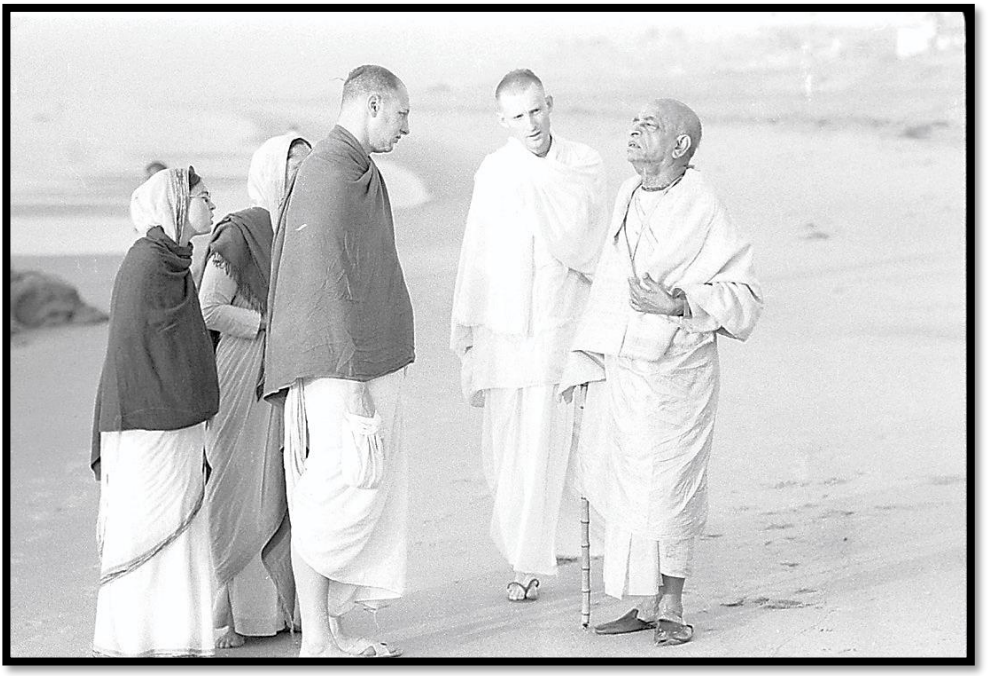
Сам Господь Джаганнатха имеет незамедлительный успех. На следующее же утро, все преданные бегут покупать двухдюймовые фигурки Джаганнатхи и вешают их себе на шеи. Проблема, однако в том, как закрепить на них нить. Маленькие вкручивающиеся шурупчики на верхушке головы вскоре оказываются непригодными.

«Вы не должны делать отверстий в голове Господа», — говорит нам Свамиджи.

В конце концов мы прибегаем к клею.

Свамиджи учит нас новой специальной *мантре* Господа Джаганнатхи, и поёт её на красивый мотив:

джаганнатха свами найана патха-гами бхавату-ме

Шрила Прабхупада рассказывает историю про Джаганнатху.

«…терпению царя пришёл конец, и он ворвался в комнату скульптора».

Перевод такой: «Господь вселенной, милостиво яви Себя моему взору».

Поздно вечером, когда храм уже пуст, я счастливый сижу перед Господом Джаганнатхой, воспевая эту мантру. На следующий день, полагая, что Господа Джаганнатху хотели бы увидеть все, мы относим Его на *киртан* в Голден Гэйт Парк. Хиппи Он очень нравится. За несколько минут, прямо в тени Холма Хиппи собираются сотни людей, танцующих вокруг Него и воспевающих. Огромные круглые глаза Господа Джаганнатхи глядят на причудливое зрелище Америки. Его улыбка кажется даже ещё более веселой. Видя, какую большую толпу Он привлёк, я бегу за Свамиджи.

«Мы забрали Господа Джаганнатху в парк», — говорю я, — «все там воспевают».

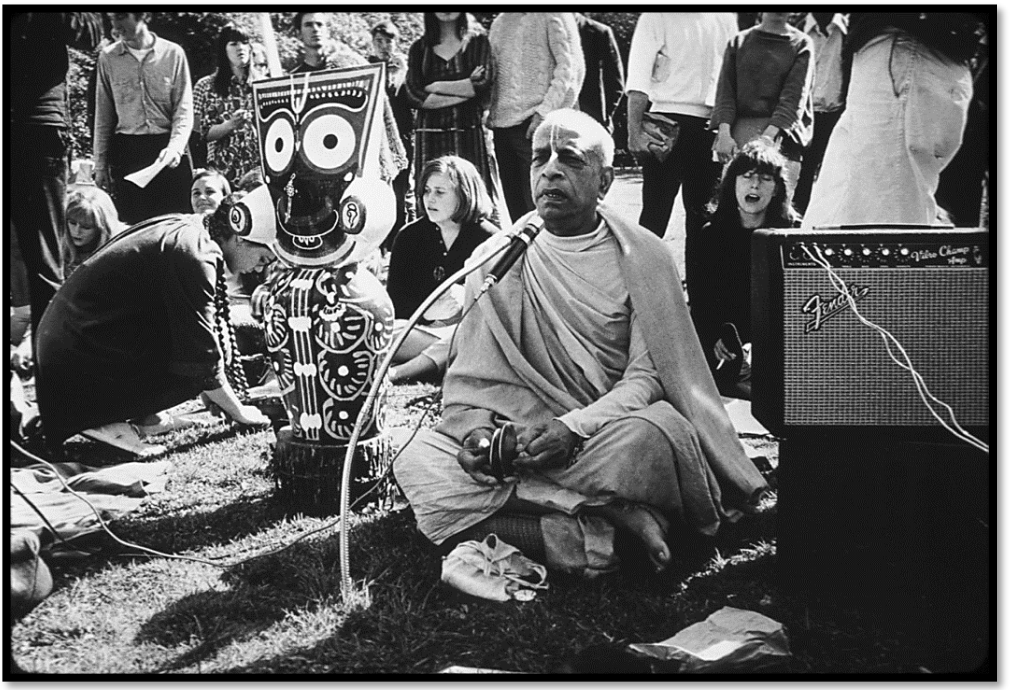
«Что?! Что вы сделали?».

Свамиджи спешит вместе со мной в парк. Когда он видит Господа Джаганнатху на траве, окруженного танцующими хиппи, он предлагает поклон, касаясь лбом травы. Видя это, мы также предлагаем поклоны.

Затем Свамиджи садится на траву рядом с Господом Джаганнатхой и начинает воспевать вместе с нами. Приходит ещё больше людей. Шьямасундара и Мукунда бегают в храм за усилителем и колонками, барабаном, нашими декарациями из флажков и шестов и подушкой для сидения Свамиджи.

Возглавляя воспевание, Свамиджи громко ударяет *цимбалами* и поёт в микрофон: «Харе Кришна! Харе Кришна! Кришна! Кришна!».

Танцуя вокруг Свамиджи и Господа Джанганнатхи, мы воспеваем до наступления сумерек. Вернувшись в храм, Свамджи говорит нам, что Господь Джаганнатха — это *арча-вираха*, проявление Господа в материальном мире, предназначенное для поклонения, и поэтому с Ним нельзя обращаться как с обычной деревянной статуей. Так он раз и навсегда отчитывает нас за это.

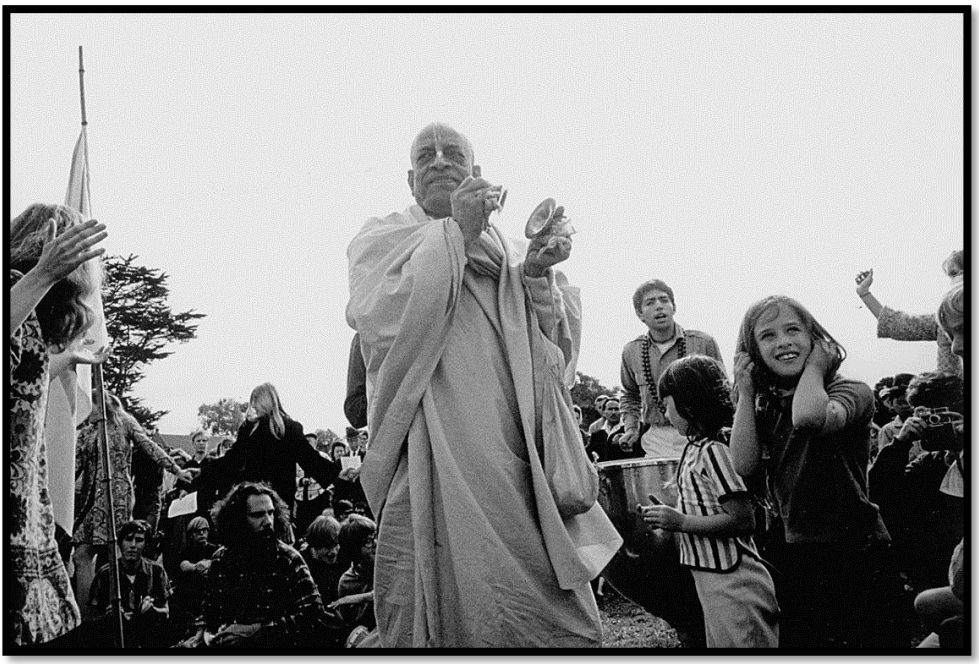
Спонтанная программа на Холме Хиппи.

Спонтанная программа на Холме Хиппи.

Храм Нью-Джаганнатха Пури в Сан-Франциско, 1967 год.

*** * ***

Присутствие Господа Джаганнатхи быстро становится украшением маленького храма на Фредерик Стрит. Для Него ежедневно делаются гирлянды, так же, как и для Субхадры и Баларамы. Из Нью-Йорка мы получаем Вишну, нарисованного Джадурани, а Говинда даси пишет большой портрет Свамиджи, который мы вешаем за его место для сидения. Мы так же развешиваем репродукции с Кришной, распространяемые индийской компанией «Бриджбаси», продающиеся на Хэйт Стрит в психоделических магазинах.

Лично мне популярное изобразительное искусство Бриджбаси кажется слишком кричащим, но Свамиджи говорит нам, что техника не так важна. Важно то, что эти картины изображают Кришну, и основаны на описаниях священный писаний. Хотя они могут быть выполнены несовершенным образом, они напоминают ему о Кришне.

Одна репродукция, самая любимая, называется Мурали Манохар, изображающая Кришну как темнокожего юношу-пастушка, держащего Свою флейту у губ, стоящего в Своей знаменитой позе *трибанга,* с одной ногой, согнутой перед другой. На заднем фоне в лунном свете течёт река Ямуна, а на её берегах резвятся павлины.

Когда Свамиджи видит это изображение, он улыбается и цитирует стих на санскрите:

смера̄м̇ бхан̇гӣ-трайа-парічита̄м̇ са̄чи-вистӣрн̣а-дршт̣им̇
вамшӣ-нйаста̄дхара-кишалайа̄м уджджвала̄м̇ чандракен̣а
говинда̄кхйа̄м̇ хари-танум итаḥ кешӣ-тӣртхопакан̇т̣хе
ма̄ прекшишт̣ха̄с тава йади сакхе бандху-санге ’сти ран̇гаḥ

«Дорогая подруга, если ты дорожишь мирской дружбой, не смотри на улыбающееся лицо Господа Говинды, который стоит на берегу Ямуны у Кеши-гхата. Бросая взгляды краешком глаз, Он прижимает флейту к устам, похожим на нежный, едва распустившийся цветок. Его божественное тело, изогнутое в трёх местах, ярко сияет в лучах лунного света»
(ЧЧ, Ади-лила 5.224).

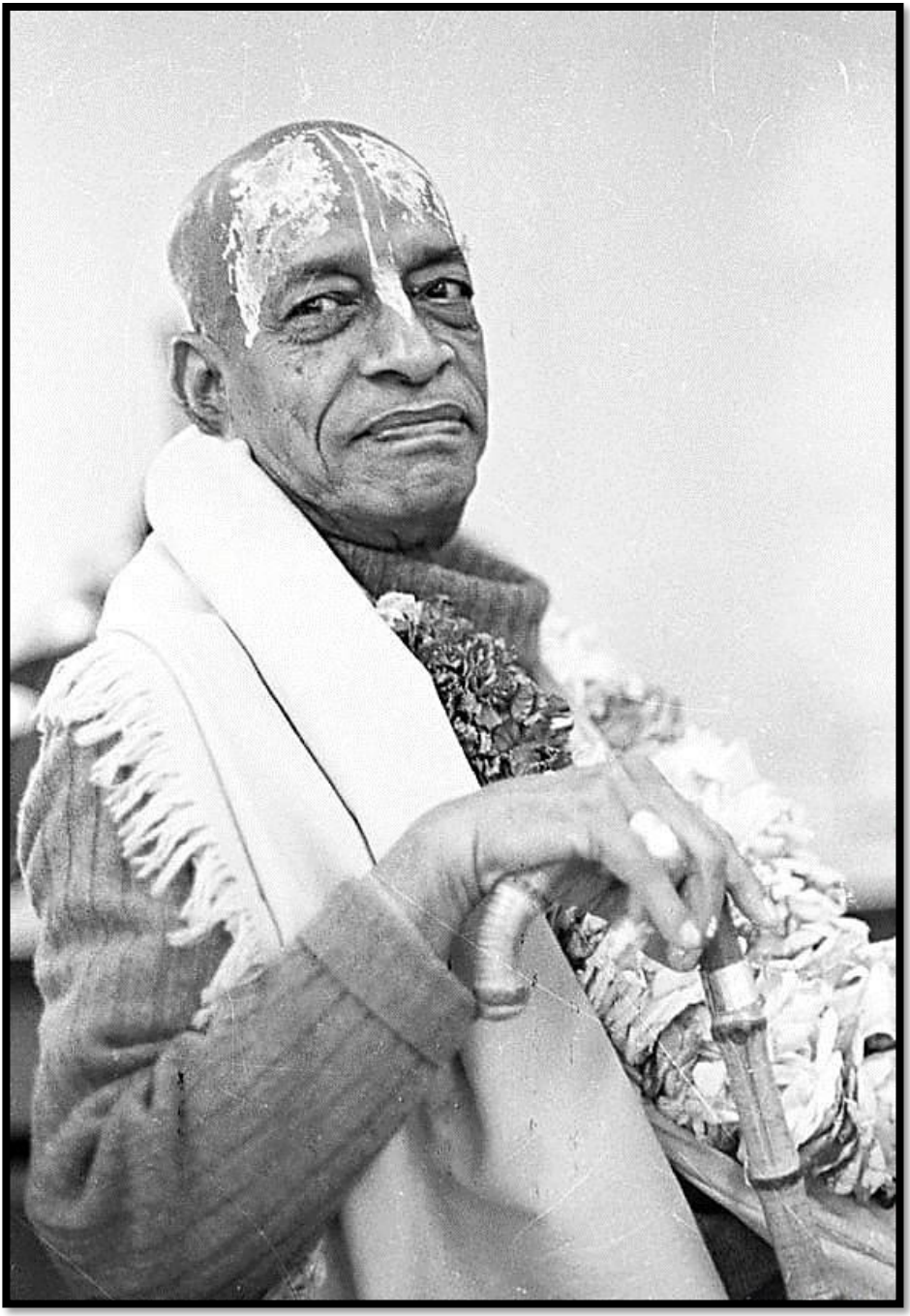
Мурали Манохар

Несмотря на то, что теологи могли бы назвать это описание слишком уж романтическим, нет сомнений в том, что Кришна обращается к калифорнийской молодёжи. Его юношеские развлечения

идут в острый контраст с аскетизмом Будды и страданиями Христа. В то время как Христос страдает, а Будда медитирует и постится, Кришна танцует со ста восемью девушками-пастушками в лесах Вриндавана.

Для большинства на Хэйт-Эйшбери, Господь Кришна — с Его юношеской привлекательностью, длинными волосами, павлиньим пером, гирляндами, босыми ногами, кольцами и бусами, подругами и друзьями — никто иной как «Изначальный Хиппи».

Глава 9. Безумие по Кришне.

Голден Гэйт Парк благоухает мартовскими цветами. Утренний туман рано рассевается и стоят безоблачные солнечные дни. Тысячи людей продолжают стекаться в Сан-Франциско со среднего запада и с востока, и наши воскресные *киртаны* привлекают большие толпы. По воскресенья люди всегда гуляют в парке, и как только мы начинаем звенеть *цимбалами* и воспевать, они присоединяются к нам. Флаги Христианства, Мусульманства, Буддизма, Иудаизма и ИСККОНА развеваются на высоких шестах, провозглашая всеобщее братство. Мы устанавливаем их на лужайке у подножья Холма Хиппи, также, как и барабан. Харидас, Мукунда, Шьямасундара, Субал и Упендра сидят в кругу на траве. Мы медленно отбиваем барабанный ритм, звенят *цимбалы*, и самодельный рожок возвещает о начале *киртана.*

После того как мы в течении часа воспеваем, со своей квартиры приходит Свамиджи и заходит в середину круга, хлопая в ладоши и танцуя, он выглядит удивительно ярким в своём шафрановом одеянии. Он возглавляет воспевание, играя на своей личной паре цимбал, больших, сияющих и слегка изогнутых, для большей громкости резонанса. Хотя он на пол века старше, чем кто-либо во круг него, его присутствие оживляет всё молодостью. Паря в *киртане,* как ребёнок среди других детей, Свамиджи танцует с руками, поднятыми вверх, к голубому небу, поочередно ставя одну ногу перед другой, слегка наклоняясь, воодушевляя каждого танцевать.

Затем случается нечто, достойное того, чтобы это отметить. Юноши и девушки берутся за руки и образуют большой круг вокруг нас. Ещё один круг выстраивается вокруг этого, и внезапно Свамиджи оказывается в центре двух кругов танцующих, воспевающих молодых людей. По мере убыстрения ритма, круги начинают передвигаться все более быстро в противоположных направлениях, все крепко держатся друг друга за руки все вместе, круги сталкиваются и дёргаются как огромные колёса, катящиеся без всякого управления, у всех перехватывает дыхание, все смеются и пытаются воспевать. А Свамиджи подстрекает нас.

Харе Кришна, Харе Кришна, Кришна Кришна, Харе Харе
Харе Рама Харе Рама Рама Рама Харе Харе

В то время, пока круги вращаются, вокруг нас мелькают калейдоскопические образы: флаги, бонго, гитары, рожки, цимбалы, гармоника, ситары, бубны, флейты, счастливые лица, серебряные звёзды, ослепительное солнце, полумесяц, дети, трава, цветы, лающие собаки, бряцающие цимбалы, и Свамиджи, величаво танцующий в центре.

«То, как эти юноши и девушки танцевали сегодня днём в парке», — позже говорит нам Свамиджи, — «это то, как Кришна танцевал в *раса-лиле*. Потому что каждая *гопи* хотела танцевать с Ним, Кришна расширил Себя во множество форм и танцевал так, что в каждом кругу Он был между каждой *гопи*, и каждая из *гопи* думала, что Кришна принадлежит ей».

* * *

После воскресного *киртана* в парке мы возвращаемся в храм на четырёхчасовой пир. Обычно люди стоят за дверями и ждут с бумажными тарелками внутри всё уже набито битком. Пожертвования дают нам немного денег, но Харшарани всегда умудряется приготовить достаточно *кичри* и *халавы*. Девушкам часто бывает трудно обслужить каждого, до того, как люди возвращаются за добавкой. Я обычно беру свою тарелку на улицу, просто чтобы подышать свежим воздухом. К нам иногда заходят индийцы, и с удивлением смотрят на то, как хиппи принимают культуру, отвергнутую ими.

* * *

Знаете ли вы, кто первый
Вечный космонавт вселенной?
Кто первый посылает свои бурные вибрации
На все космические супер-станции?
Все планеты по орбитам летают
Из-за песен, которые он распевает.
До Плеяды и Девы он их рассылает,
Ибо странствует там, где сам пожелает...
Но перед тем, как ты решишь, что я в безумии,
Я объясню: речь идёт о Нараде Муни.

«Нарада Муни никогда не остаётся в одном месте на большее время, чем то, которого хватило бы, чтобы подоить корову», — рассказывает нам Свамиджи. – «Он носит с собой свою вину и всегда воспевает Харе Кришна по всей вселенной. Он — преданный наивысшего класса».

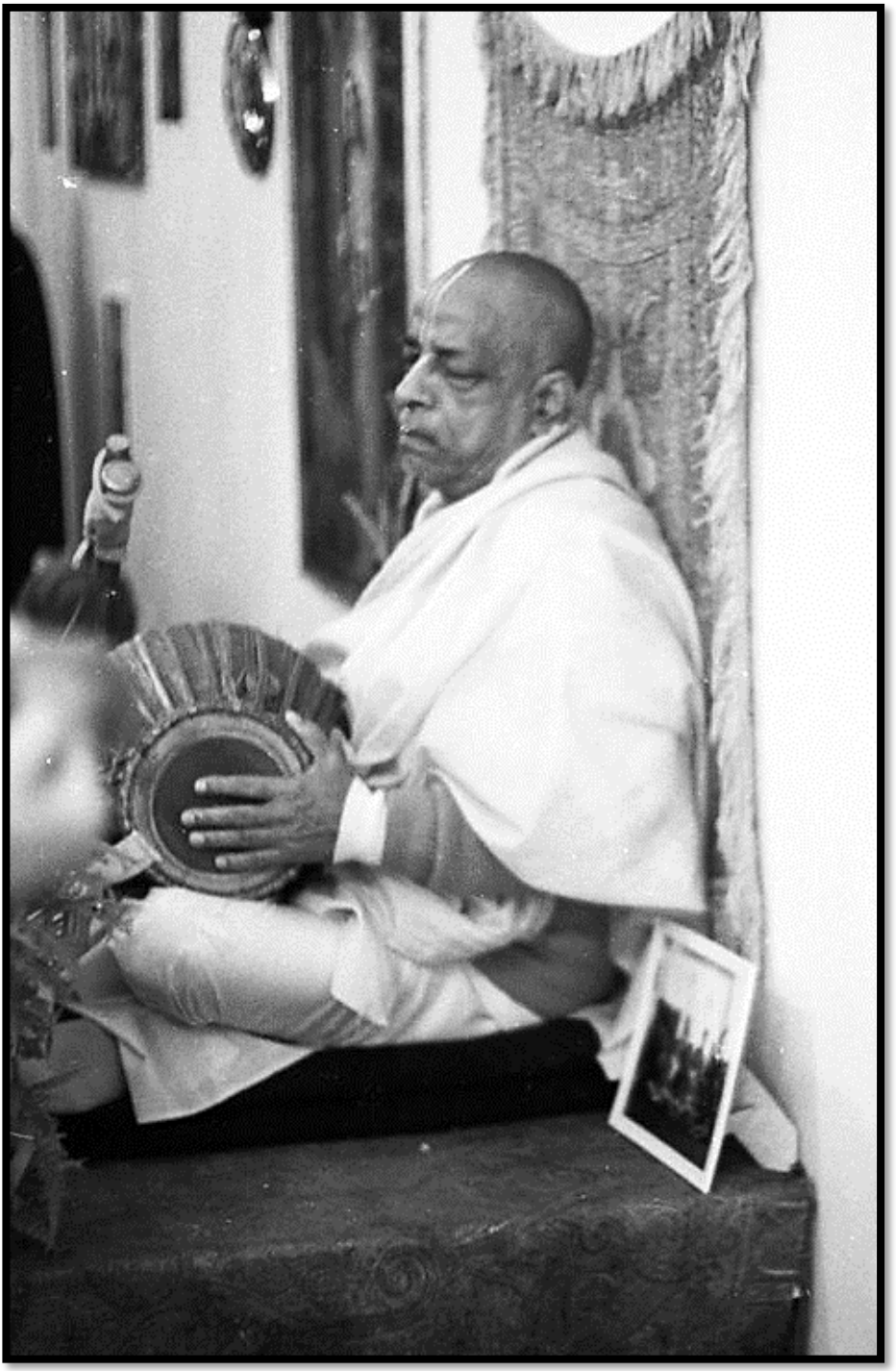
Воодушевлённые примером этого странствующего Вайшнава, мы с Мукундой пишем песню, для наслаждения Свамиджи – «Нарада Муни».

О Нарада Муни, нетленный космонавт,
Ты странствовать свободен за рамки достижения
Ракет и кораблей космических движения.
Распространяя любви и счастья вибрации
Ко всем космическим инкаранациям,
Воспевая в блаженстве и на вине играя,
Весь космос его сцену собой представляет.
Он поёт: Харе Кришна, Харе Кришна,
Кришна Кришна, Харе Харе
Харе Рама, Харе Рама,
Рама Рама, Харе Харе.

В это время из Индии прибывает на корабле партия *цимбал* и *мриданг* — бенгальских глиняных барабанов, заказанных Свамиджи, который очень тщательно проверяет их, пока распаковывает.

«Эти барабаны были избраны Самим Господом Чайтаньей», — рассказывает он нам. – «Они специально предназначены для этого движения *санкиртаны*. И поскольку они трансцендентны, они издают сладчайший звук, который не может произвести ни один другой барабан в мире».

Затем он распаковывает каждую *мридангу*, стряхивая упаковочную стружку и до мельчайших подробностей разглядывая перетяжные ремни и мембраны. Когда на *киртане* он играет на одном из них, все мы тут же понимаем, что к *киртану* прибавился новый, сверхматериальный элемент. *Мриданга* выделяет каждое Харе Кришна звуком эхо, как бы взывая о нашем спасении.

Шрила Прабхупада с мридангой в храме Сан-Франциско, 1967 год.

Впоследствии Свамиджи начинает обучать Мукунду игре на *мриданге*: «*Тика тика ти. Тио-ти-нак-тах, де тах де та тах*». Так как ритм простой, хочется слишком быстро ускорить.

«Нет», — говорит Свамиджи. – «Играй медленно. Сначала очень медленно. Тебе следует играть медленно и учиться делать это в совершенстве».

Никому, в действительности, не удаётся в совершенстве овладеть игрой на *мриданге*. Все мы обращаемся с барабаном каждый по-своему неумело. Только Свамиджи может играть правильно.

*** * ***

Во вторник вечером мы идём на пляж вместе со Свамиджи и проводим незабываемый *киртан* на закате у Тихого Океана. Сидя на песке, мы смотрим на подкатывающиеся волны прилива, или воспеваем, дожидаясь, пока солнце не скроется глубоко под линией горизонта.

«Тихий — значит спокойный», — говорит Свамиджи. – «Это потому, что от так огромен и велик. Когда кто-то так велик, он само собой будет спокоен, так как ему нечего бояться».

Харидас сооружает костёр за песочной дюной, и мы танцуем и воспеваем вокруг него. На Свамиджи одето старое пальто, а голова его обёрнута в *чадар** (прим. пер. — шерстяное покрывало, используемое как накидка), он хлопает в ладоши и воспевает:

Говинда джая джая,
Гопала джая джая,
Радха-Рамана Хари,
Говинда джая джая

Взявшись за руки в кружок, мы танцуем вокруг костра. Мукунда, Джанаки, Шьямасундара, Малати и Харидас играют на *цимбалах* и бубнах. Я играю на рожке. Свамиджи тоже танцует, иногда поднимая руки в воздух, иногда хлопая. Когда над Тихим Океаном начинают

ярко светиться звёзды, а пена и брызги волн отступают в темноту, мы запеваем «Нарада Муни».

«Вам нужно писать побольше таких песен», — говорит нам Свамиджи, — «песен, прославляющих *ачарьев*, великих святых личностей. *Бхакта*, охваченный любовью к Богу, хочет петь, обращаясь к Нему, или Его представителям. А Харе Кришна — наивысшая из всех песен. Это плачь ребёнка, взывающего к отцу, плач чистой любви. О, есть много-много песен в традиции Вайшнавов, песни Бхактивинода Тхакура, и песни Мирабаи».

Закончив воспевание, мы жарим картофель, затем мажем его топлёным маслом. Свамиджи ест вместе с нами, сидя на большом бревне. А после картофеля мы запекаем зефирки начинённые изюмом и коричневым сахаром. Пока Орион и Большая Медведица ярко светят, в темноте ударяются о берег волны, мы собираемся вокруг костра, и чтобы погреться и спеть наше последнее Харе Кришна.

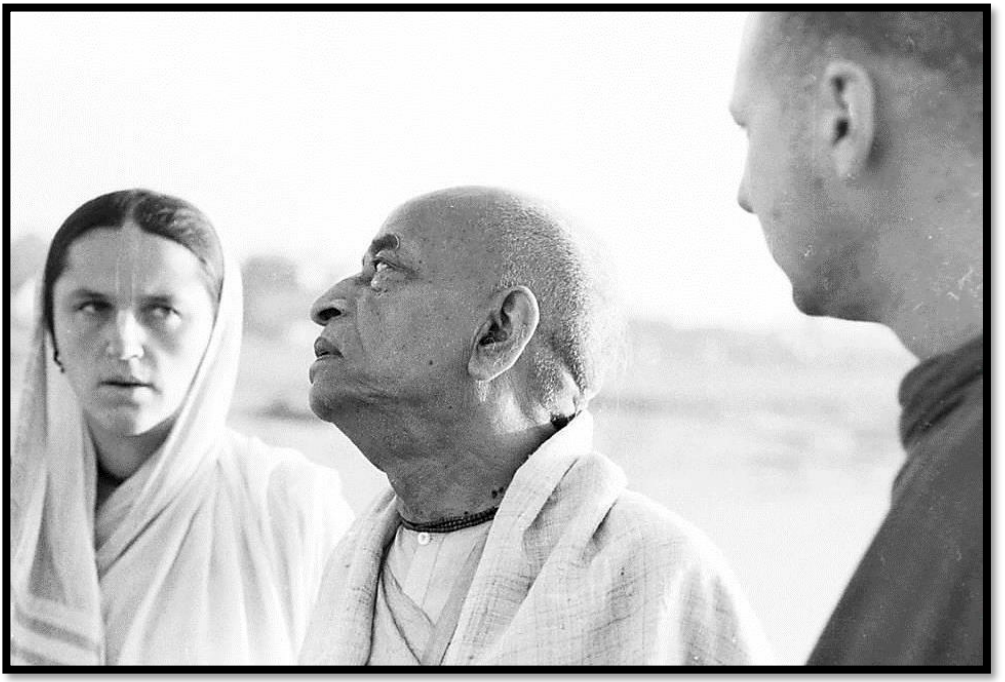
После этого мы кланяемся на песке, а Свамиджи провозглашает: «Вся слава собравшемся преданным! Вся слава собравшимся преданным! Вся слава Тихому Океану!».

И все мы смеёмся, Свамиджи смеётся громче всех.

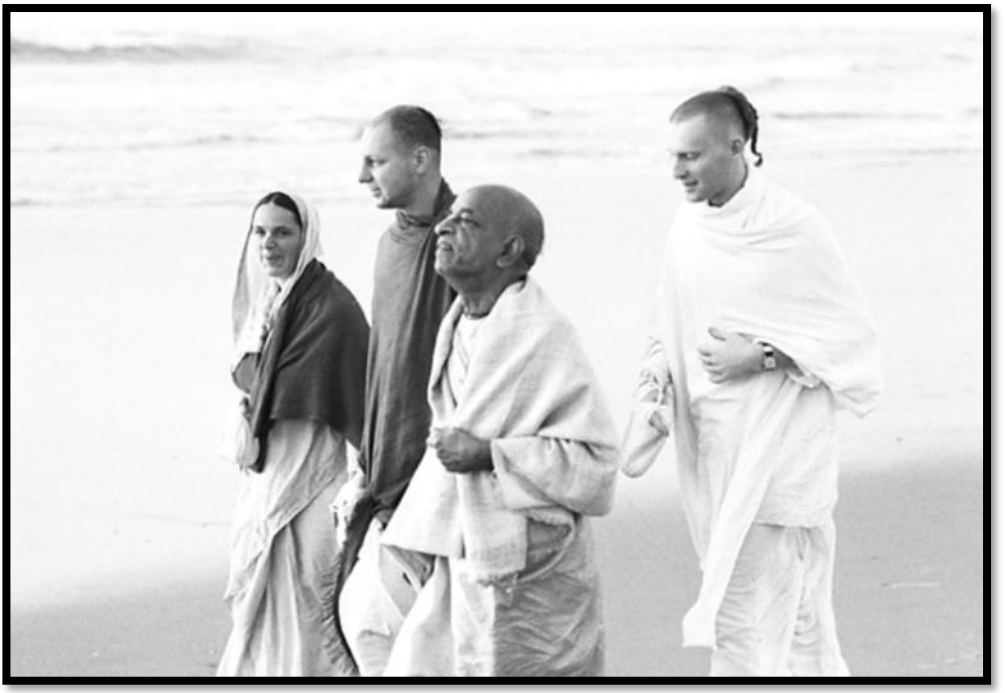
*** * ***

«А разве в зефире нет яиц?» — спрашивает Киртанананда, услышав о происшедшем.

Несмотря на трудности поначалу, Киртанананда открывает храм на Парк Авеню в Монреале. ИСККОН теперь открыл уже три храма. Свамиджи считает Монреаль благоприятным местом, поскольку там находится Международная Экспозиция. До приезда Киртанананды храм представлял собой заброшенный кегельбан. Джанардана, ведущий широкую пропаганду среди недовольных французских католиков, помог ему. Одержав триумф, Киртанананда посылает нам статью из монреальской газеты «Ле Ноувеау Самеди», на французском.

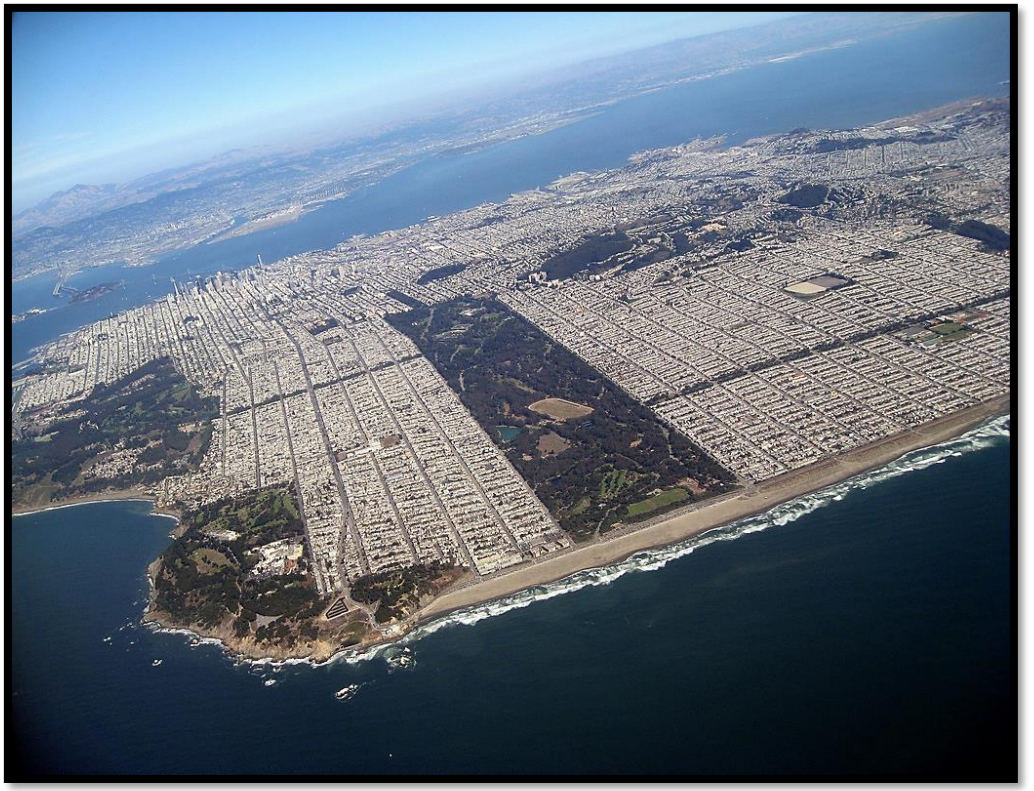

Прогулки у океана, Сан-Франциско, 1967 год.

Сан-Франциско, США. Большой прямоугольник – Голден Гейт парк.

Заголовок гласит: «ОНИ ЗАЯВЛЯЮТ, ЧТО ИНДУССКИЙ БОГ КРИШНА — ЭТО ОТЕЦ ИИСУСА ХРИСТА, И ЧТО ОББИТАТЕЛИ ЛУНЫ – НЕВИДИМКИ».

«Кто сказал, что они невидимки?» — спрашивает Свамиджи. — «В Ведах луна описывается как одна из высших планет. Там обитают полубоги в течение тысяч лет, и там они пьют *сому*. Вы не можете отправиться туда с помощью своих искусственных приспособлений, ни в ракете, ни в скафандре, нет вы должны обладать квалификацией, чтобы получить надлежащее тело, чтобы принять рождение среди полубогов».

Киртанананда отстаивает ведическую точку зрения перед улыбающимися французскими католиками, отклоняя Коперника и Ньютона как заурядных мирских учёных, сбитых с толку картиной механической вселенной. Киртанананда пишет, что ему удалось оплатить аренду благодаря тому, что он провёл несколько рок-концертов в кегельбане, и найдя несколько попечителей. Так как он задал вопрос о содержании яиц в зефире, я, в свою очередь, спрашиваю его о том, как это он провёл рок-концерты в храме?

«Ну, без денег и храма бы не было», — пишет он. – «Кроме того, главной частью рок-танца была *мантра*, а алтарь Вишну хорошо освещался множеством свечей и благовоний. В целом, вся атмосфера по-настоящему магическая, и, думаю, ещё улучшится. Ансамбли были исполнены энтузиазма, и, хотя им всё же нужно улучшить стиль исполнения *мантры,* и я думаю, у них это получится».

Кришна — отец Христа. Невидимые обитатели луны. Мантра-рок. Запуск Монреальского храм откладывается до лучших времён.

* * *

«Кришна — это восьмое воплощение Вишну, не так ли?» — спрашивает кто-то во время ответов на вопросы.

«Кришна — это изначальная Личность Бога», — отвечает Свамиджи. – «Под Вишну мы подразумеваем Кришну. Четырёхрукая

форма — это особая форма, проявленная Кришной. Брахма творит, Вишну поддерживает, а Шива разрушает. Но Сам Кришна не имеет никаких дел, кроме того, чтобы наслаждаться. Поэтому мы можем видеть, как Он танцует с *гопи*, в Своих чистых, блаженных, вечных играх?».

«А Рама?».

«Он также является Всевышним Господом, экспансией Кришны, которая побеждает демона Равану. Хануман был Его слугой, слугой-обезьяной, который использовал свою ярость против Раваны. Но когда мы воспеваем Харе Кришна, Харе Рама, мы относим это не к этому Рама, а к Балараме — брату Кришны и Его первой экспансии. "Харе" же относится к Радхарани».

«А почему сюда включена Радха?».

«Она является духовной потенцией Кришны. Это не так, что Кришна один. Он всегда вместе со Своей возлюбленной, самой возвышенной *гопи*. Когда Кришна наслаждается Сам, Он расширяет Себя как Радха-Кришна. Здесь в материальном мире, то, что мы называем половой жизнью — это есть извращённое отражение этой потенции наслаждения. Мы не должны рассматривать Радха-Кришну в этом свете. Это оскорбительная ошибка».

«А что насчёт полубогов?» — спрашивает кто-то. — В соответствии с "Бхагавад-Гитой", принося жертвы полубогам, человек получает всё необходимое».

«Да».

«Но в Индии, где почитают этих полубогов, люди бедствуют. Но здесь, никто не верит в них, но здесь всего достаточно».

«Просто подождите…».

По комнате пробегает смех. Свамиджи смотрит вокруг, ожидая других вопросов.

«Конечно, нет необходимости в отдельном поклонении полубогам, добавляет он. – «Поскольку Кришна является источником всех полубогов, мы поклоняемся Ему, и полубоги удовлетворяются автоматически. Полубогам обычно поклоняются мало разумные люди. "Те, кто поклоняются полубогам, отправятся к полубогам", — говорит Кришна. Но это положение временно. Преданные поклоняются Кришне и достигают Его высшей, вечной планеты. Индия сейчас прибывает в затруднительном положении, поскольку люди отвернулись от нашей ведической культуры и стали поклоняться западной технологии. Но вы также должны понять, что ваше процветание в настоящий момент — это результат ваших благочестивых действий в предыдущих жизнях. Наступит момент, когда эти результаты истекут».

* * *

Множество индусов, посещающих храм на Фредерик Стрит, говорят нам, что они никогда не видели таких жгучих, исполненных энтузиазма *киртанов,* ни в Индии, ни где-либо ещё в мире. Срабатывает сочетание магических элементов. Прежде всего — присутствие Свамиджи. Но, достаточно примечательно то, что его присутствие чувствуется даже когда он не спускается в храм, и находится у себя и пишет свои книги. Дружный *киртан* усиливается, когда к нему добавляются новые инструменты — флейта и теноровый саксофон, горны и барабан с литаврами, *цимбалы* и рожок из водорослей, бубны и *мриданги*, гитары и бонго, ситары и кастаньеты. Часто мы присоединяемся, хлопая в ладони и танцуя по кругу вдоль стен храма, прыгая по полу, рискуя тем, что он сотрясается. *Киртан* всегда начинается с вдохновляющего Харе Кришна. После этого Свамиджи читает лекцию, затем мы воспеваем:

гопала, гопала, девакинандана гопала

Мы впервые слышим эту *мантру* от поэта Гинзберга, и в течении недели Свамиджи терпит её. Затем он зовёт меня к себе.

«Это не является авторитетной Вайшнавской *мантрой»,* — говорит мне он. – «Вы можете заменить "Деваки" на имя "Яшода".

Яшода, а не Деваки, считается настоящей матерью Кришны, поскольку именно с ней Он проводил игры *ватсалья-расы*. Но лучше всего вам вообще не петь эту *мантру*, потому что она не авторитетна».

Всё же, настаивая на разнообразии, мы поём:

шри рам джай рам джай джай рам

«Один раз воспевания Харе Кришна стоит 2,000 *джай* Рам», — замечает Свамиджи. – «Так что, зачем вам тратить время?».

По вечерам во вторник и в четверг Мукунда проводит уроки музыки, обучая нас различным мелодиям для воспевания Харе Кришна *мантры.* А также и для «*говинда джай джая, гопала джая джая, радха-рамана хари, говинда джая джая*», которую так прекрасно поёт Свамиджи на *киртанах* и у себя наверху, играя на гармонике, голосом, исполненным преданности, так, как может петь только он, на всей протяжённости мирового времени, поскольку фактор времени имеет такое же значение, как и пространство. Даже в те вечера, когда Свамиджи не спускается в храм, он слушает наши *киртаны* из своей комнаты.

Позже он спрашивает: «Хороший был *киртан,* правда? А Хиппи? Как они его оценили? Да, если они примут это воспевание Харе Кришна, они изменятся. И они изменят мир. Америка — такая могущественная страна, ей подражает весь мир. Так что, примите это воспевание, сделайте свою страну сознающей Кришну, и весь мир последует вашему примеру».

*** * ***

Не все наши преданные хиппи или перебежчики из движения хиппи. Есть ещё Джим, водитель такси, — спокойный, владеющий собой молодой человек, который раньше учился в Университете Штата Огайо.

«За рулём я заработал эти головные боли», — рассказывает он Свамиджи. – «Я ужасно волновался, ведя машину. Но потом я начал воспевать Харе Кришна, и теперь вождение не тревожит меня вовсе».

Джим получает инициацию, и его новое имя — Джаянанда Дас. Он продолжает водить такси, очень сосредоточенно воспевает *джапу*, жертвует храму деньги и любую свободную минуту тратит на содействие Свамиджи.

Другой преданный не хиппи — это мистер Мортон, который только что завершил своё адвокатское образование. Он немного старше большинства преданных, и кажется, что из-за этого чувствует себя не в своей тарелке, но продолжает посещать программы, хотя выражение его лица часто бывает пристыженным, так как его беспокоит его домашняя жизнь. Бедный мистер Мортон. Он не может оторваться от воспевания. И всё же дома у него жена и дети, и жена не одобряет его увлечения «культом хиппи». Она так же постоянно напоминает ему, что осенью они должны будут вернуться в Омаху, где он будет устраиваться на работу адвоката. Мистер Мортон покупает большие красные бусины и собирает их на нить. Он носит их вокруг шеи и воспевает 16 кругов ежедневно. Во время *киртана* он стоит посреди комнаты, раскачиваясь взад-вперёд, с закрытыми глазами, с блаженной улыбкой, охваченный восторгом.

«Нет проблем», — говорит ему Свамиджи. – «Вы можете быть адвокатом для Кришны. Вы можете быть кем угодно. Но делайте это для Кришны. Такова *бхакти-йога*».

Мистер Мортан снова делает понурое лицо.

«Но моя жена», — говорит он. – «Она уже угрожает мне разводом. И отказывается прекратить готовить мясо».

«Приведите её на *киртан*», — говорит ему Свамиджи.

Он так и делает. После двух минут она выходит. Он остаётся вместе с храмом до тех пор, пока его жена и карьера не утаскивают его в Омаху.

«Он всегда будет помнить об этом времени как о самых счастливых днях своей жизни», — говорю я Харидасу. – «И всегда будет задаваться вопросом, почему?».

Водитель такси, Джим стал Джаянанда дас

Затем я прерываюсь, колеблюсь, печально размышляя о том, что та же самая возможность не в меньшей степени вероятна и для меня самого. Для всех нас.

*** * ***

Я написал это блюз Самсары,
Думая: Хорошо или плохо?
Поражение или победа?
Всё это курение и ...
Просто раскручивают колесо
Рождения и смерти.
Я никогда не получу освобождения
Просто посредством чувственного удовлетворения.
ЛСД и марихуана
Не приведут меня к нирване.
А медитация на пустоту
Подарит мне лишь шизофрению.
Помня о том, что я не есть это тело,
Я скажу ей, что я — брахмачари.
Так что забудь об этой истории с дядей Сэмом,
Я продолжаю и продолжаю
Воспевать, воспевать и воспевать:
Харе Кришна, Харе Кришна
Кришна Кришна Харе Харе.
Что в этой материальной пучине
Принесёт мне облегчение?
Кто?
- А. Ч. Бхактиведанта Свами, Кришна,
отгоните от меня этот блюз Самсары!

Это искренняя песня Харидаса. Для нас всегда существует соблазн секса, коктейльных и шоколадных баров, пирожных, легкомысленных игр, Баха и Моцарта, рок-н-ролла, поэзии и романов, путешествий, наркотиков, ЛСД, долгих бессмысленных разговоров за кофе или стаканом пива. Сможем ли мы когда-нибудь отказаться от всего этого? Будучи как-то старше других – нам где-то около тридцати лет, — Харидас, я и ещё несколько других, мы с изумлением

наблюдаем ту лёгкость, с которой подростки отказываются от обычных для нас наклонностей, пьянства, и дурных привычек.

«*Майя* — это ни что иное, как улыбка Кришны», — пытаюсь вспомнить я.

«Для вас это должно быть проще», — говорят молодые преданные. — «Вы напробовались всего этого ещё с 1958. Мы же едва ли успели почувствовать вкус».

Свамиджи поддерживает другую точку зрения.

«Лучше всего с самого начала получить воспитание в духе *брахмачари*», — говорит он. – «Отказаться от того, чего вы никогда не пробовали — проще всего. Приучившись однажды к незаконному сексу, азартным играм, мясоедению или чему-угодно, очень трудно потом отказаться от этого. Очень трудно отбросить дурную привычку. Побуждения к чувственному наслаждению — в этом и состоит причина нашей обусловленности. Мы забыли, что наше подлинное наслаждение заключается в служении Кришне, и в том, чтобы доставлять наслаждение Ему. В своём невежестве, мы развиваем в себе дурные привычки к столь многим нежелательным вещам. Сейчас нашим юным преданным легче отказаться от очень многого, потому что у них не было шанса приучиться к этим вещам. Но даже если у вас есть такая привычка, вы приходите к такому моменту, когда вы понимаете, что нет счастья в чувственном наслаждении. Разочарованные *майей,* вы можете обратиться к Кришне. Но это не самый желательный путь. Самый лучший способ — это не забывать Кришну ни на мгновение».

«Но Кришна говорит, что все пути ведут к Нему», — говорит кто-то.

«Где Он говорит такое?» — возражает Свамиджи.

Перевод Свамиджи этого стиха из «Бхагавад-Гиты», где говорится о «путях», очень точен: «Всем им, — в соответствии с тем, как они предаются Мне, — я отвечаю соответственно. Каждый во всём следует Моим путём, о сын Притхи».

«Это не означает, однако, что все пути ведут в одно место», — объясняет нам он. – «Да, это все пути Кришны, точно так же как все дороги в Америке принадлежат правительству Америки. Но можете ли вы из этого заключить, что все дороги ведут в Сан-Франциско? Преданные достигают лично Кришны, а имперсоналисты достигают сияния Брахмана, которое исходит от Кришны. Пути эти принадлежат Кришне, но цели их не одни и те же. В материальной вселенной есть 8,400,000 видов жизни, и есть пути, ведущие к каждому из них. И всё это пути Кришны, поскольку Он является Отцом всех живых существ. Но означает ли это, что мы намереваемся стать кошкой или собакой? Нашей целью должно быть — служить Кришне, вот и всё. Мы не стремимся стать полубогами или кем бы то ни было. Господь Чайтанья имел лишь одну просьбу: даровать Ему беспричинное преданное служение из жизни в жизнь, несмотря на тип тела. Хануман замечательно служил Господу Раме в теле обезьяны».

Всё же, многие из нас спотыкаются на пути сознания Кришны и возвращаются обратно на свои старые пути. Как возможно направить всё в одно русло, лично к Кришне? Есть музыка, быстрые машины, интоксикации и золотистые калифорнийские девчонки, восклицающие: «Здорово! Здорово!». Шрила Прабхупада рассказывает нам историю о молодом принце, который привлёкся одной красивой девушкой, оказавшейся преданной. Лишь однажды увидев её, принц влюбился в неё, и договаривался с её отцом о том, чтобы жениться на ней. Но так как девушка была преданной Кришны, она отказала ему.

«О, твоя красота так пленила меня», — сказал принц. – «Если я не буду обладать ею, я покончу с собой».

Понимая ситуацию, девушка сказала: «Приходи сюда через две недели, и ты получишь мою красоту». Принц ушёл, но, когда он вернулся через две недели, он едва ли смог узнать молодую девушку. Поскольку она приняла сильное слабительное, которое обезводило всё её тело, она была истощена и сморщилась как старуха.

«Ты хочешь получить мою красоту?» — спросила она ужасающегося принца. — «Ты найдёшь ее там, в углу».

И она указала на горшок: полный испражнений и рвоты.

«Вот красота, которая была так желанна для тебя», — сказала она. – «Возьми её, и будь счастлив».

* * *

Рамануджа дас — *брахмачари*, но он начинает искать себе хорошенькую девушку.

«Но это всего-навсего комбинация из крови, гноя и испражнений», — напоминаю я ему. — «Всего лишь желчь, моча, мясо, жидкость, кости, кишки».

«Да», — отвечает он. – «Но всё это находится на своих местах».

* * *

«Мисс *Майя* очень сильна», — объясняет нам Свамиджи. «Когда она видит, как вы пытаетесь стать сознающим Кришну, она подстреливает вас, и вы падаете».

Он улыбается и качает головой, так, будто повстречался с непобедимым врагом. «Она очень сильна, а мы очень слабы. Как огонь и масло. Мы никогда не должны думать, что стали сильнее *майи.* Единственную помощь мы можем оказать себе — это Харе Кришна. Когда *Майядеви* нападает на нас, мы должны взывать: "Кришна! Кришна! Пожалуйста спаси меня!"». Поскольку один лишь Кришна сильнее *майи,* только он может защитить нас. Когда чистый преданный своей любовью завоёвывает Кришну, *Майядеви* становится перед таким преданным и спрашивает: "Как я могу служить тебе?". Только тогда *майя* перестаёт быть врагом. Только тогда *майю* можно считать улыбкой Кришны».

*** * ***

Такое впечатление, что у девушек меньше трудностей, чтобы предаться. Они просто отдают себя, взывая: «Кришна! Кришна!».

«Женщины от природы мягкосердечны», — говорит Свамиджи, — «но, к сожалению, они также и непостоянны. Они всё очень быстро принимают и также быстро оставляют. Они из сантиментов быстро присоединяются к сознанию Кришны, но затем появляется какой-нибудь юноша, и они отвергают всё. Мужчины же не так быстро могут принять, но, если они приняли, они в меньшей степени склонны отказаться от этого. Так что рождение мужчиной считается более возвышенным, поскольку мужчины в большей степени расположены к пониманию сознания Кришны, и поэтому остаются устойчивыми. В Ведической литературе женщина считается слабой, мягкосердечной. Её следует защищать, им нельзя позволять ходить куда им вздумается, как это происходит в этой стране. Поэтому мы выдаём наших девушек за прекрасно сознающих Кришну юношей».

Некоторые полагают, что девушкам легче предаться Богу, так как Он — юноша.

«Это материалистическая точка зрения», — говорит Свамиджи, — «поскольку душа не мужчина и не женщина. То, что Кришна — всепривлекающий, означает, что Он привлекателен для всех. Но Кришна — всегда мужского пола, т.к. Он — тот, кто наслаждается, душа — *джива-атма* по отношению к нему всегда женского пола, та кем наслаждается Он. А когда женщина пытается имитировать мужчину, всё становится вверх тормашками, не так ли? Так что, лишённая сознания Кришны, обусловленная душа лишена наслаждения. Множество нулей равны по значимости нулю. Поэтому нам нужно поставить единицу перед нулями. Кришна — это недостающая единица, дающая наслаждение бесчисленным нулям.

ахам̇ бӣджа-прадах̣ питā

Я — отец, дающий семя».

* * *

Обозреватель из отдела светской хроники газеты «Сан-Франциско Хроникл» берёт интервью у Малати и её группы *«гопи».*

Программы для студентов в Сан-Франциско, 1967 год.

Малати и её гопи.

«Эти "*гопи*" — пишет обозреватель — «это девушки-пастушки. Они носят сари и будут рады исполнить *киртан* где угодно».

Вероятно, заметка о девушках широко читается, нас бомбардируют телефонные звонки желающих пригласить Малати и её *«гопи»* к себе домой провести *киртан.* Когда они получают приглашение от одной из богатейших семей Сан-Франциско, Томпсонов, Малати соглашается. Я выдвигаю предложение, что, поскольку это выглядит как затея девушек, она может взять с собой *гопи* и пойти сама, но Малати сообщает мне, что девушки боятся идти одни. Так или иначе 12 человек нас умудряется вместиться в старый «Chivy» Шьямасундары. По пути нас останавливают и берут с нас штраф за то, что наша машина переполнена. У дверей нас встречает недоумевающая прислуга, обозреватель ничего не писал о хиппи мужского пола, сопровождающих *гопи.* Перед тем как позволить нам войти Томпсоны и их прислуга порядочно суетятся и шепчутся между собой.

С самого начала вечер оказывается для всех неудачным. Такое впечатление, что нас пригласили на вечеринку богатых, пьяных, зажиточных американцев средних лет, в основном для того, чтобы развлекать их пока ансамбль рок-н-ролла опрокидывает ещё по одному стакану. Не зная, как быть, я немного рассказываю о миссии Свамиджи в Америке, о том, как он основал ИСККОН и храмы в Нью-Йорке на Фредерик-стрит, и о смысле и значении *мантры.* Затем мы начинаем воспевание, но через 2 минуты нас прерывает пьяный воинственно настроенный старик. Томпсоны слишком пьяны, чтобы чувствовать себя в какой-то мере неловко. Миссис Томпсон даёт Малати пожертвование в размере 100$, говоря о том, что все отдают должное нашему доброму начинанию, по отучению молодёжи от наркотиков. Затем мы складываем гармонику, собираем свои *цимбалы* и быстро уезжаем.

«Вам не следует воспевать и объяснять *мантру* перед такими людьми», — говорит нам впоследствии Свамиджи. – «В действительности Кришна сказал Арджуне, что объяснять "Бхагавад-Гиту" можно только благочестивым личностям. Конечно же сейчас, в *Кали-югу*, люди в большинстве своём находятся под влиянием страсти

и невежества, так что если мы будем проповедовать только благочестивым, то мы вовсе не найдём себе достойных слушателей. Желание Господа Чайтаньи таково, чтобы это воспевание проповедовалось в каждой деревне и городе всего мира, и ИСККОН имеет назначение осуществлять Его желания. Поэтому мы и проповедуем хиппи. Но вы не должны посещать пьяные вечеринки».

* * *

Свамиджи вызывает меня к себе в комнату. Я кланяюсь и сажусь перед ним, чувствуя нечто особенное.

«Я думаю о том, что было бы неплохо, если бы ты написал пьесу о Господе Чайтанье», — говорит мне он. — «Я дам тебе набросок всего сюжета. Тогда всё, что тебе нужно сделать — это обработать его».

Два дня подряд я сижу в комнате Свамиджи и слушаю его описание жизни Господа Чайтаньи. В это время Свамиджи также даёт лекции по «Чайтанье-Чаритамрите». По рукам также ходит перевод «Чайтанья-Чаритамриты», выполненный Нагендрой Кумаром Ройем. Свамиджи читает немного из его перевода и быстро обнаруживает несоответствие. Он делает это, проверив одно слово – «ревматизм», неверно переведённое с бенгали. Свамиджи тут же провозглашает мистера Кумара Роя сентименталистом. Перевод ошибочен. Его следует выбросить.

«Я дам всё, что тебе необходимо знать», — говорит он мне.

Я записываю всё на магнитофон, и прерываю его только тогда, когда не понимаю о чём идет речь. На второй день Свамиджи рассказывает об уходе Харидаса Тхакура, одного из главных учеников Господа Чайтаньи. Описывая это во всех подробностях, Свамиджи необычайно погружается в эти события, так, будто бы всё это происходит перед его глазами.

«Когда Чайтанья Махапрабху навещал Харидаса в последний день его жизни», — говорит Свамиджи, — «Господь спросил: "Харидас, скажи мне, чего ты хочешь? Они оба могли понять это.

Харидас сказал: "Это мой последний день. Если бы ты милостиво стоял передо мной..."».

Свамиджи внезапно умолкает на мгновение и опускает взгляд на свои руки.

«Итак, Чайтанья Махапрабху встал перед ним», — продолжает он, его голос очень мягкий, а глаза полны слёз. – «И Харидас оставил своё тело глядя на Него».

Затем Свамиджи сидит и тихо плачет внутри себя. Это молчание раздаётся сквозь шум с улицы и гул магнитофона. Я уставился в пол. Потом смущённо поднимаю глаза, чувствуя, что моё присутствие в комнате излишне. Но когда я начинаю свой новый вопрос, Свамиджи продолжает говорить снова.

«После его ухода», — продолжает он, — «Господь Чайтанья отнёс тело Харидаса на берег океана, и преданные вырыли могилу для него, которая и по сей день находится там — *Самадхи* Харидаса Тхакура. А Чайтанья Махапрабху взял на руки мёртвое тело и стал танцевать с ним в *киртане*. Так Чайтанья Махапрабху Сам провёл похоронную церемонию по Харидасу».

И Свамиджи продолжает пересказывать пьесу так, будто бы ничего и не произошло, его внезапное молчаливое всхлипывание унесло ветром.

*** * ***

Хотя в эти весенние дни я и пишу пьесу о Господе Чайтанье, моё главное служение — это помочь Свамиджи в редакции «Бхагавад-Гиты». Он продолжает переводить, спеша завершить рукопись, но всё же тщательно комментируя каждый стих в своём объяснении. Каждый день я консультируюсь с ним, чтобы перевод каждого стиха точно соответствовал значению, которое он хотел в него вложить.

«Редактируй так, чтобы перевод был сильным и ясным», — говорит мне он. — «По милости Кришны ты имеешь квалификацию

профессора английского языка. Представляешь себе, как ошибки в грамматике могут дискредитировать нас в глазах знатоков. Я хочу, чтобы они отдали должное этой "Бхагавад-Гите" как окончательному переводу. В то время как все остальные пытаются присвоить себе заслугу Кришны».

Я потонул в редактировании, поскольку большая часть текста из-за грамматики имеет двусмысленное значение, я обнаруживаю, что практически по каждому стиху приходится советоваться со Свамиджи. Такое впечатление, что в санскрите, хинди и бенгали на одну фразу накручивается ещё столько, что изначальный смысл просто теряется. Никто ещё не спрашивал Свамиджи, на каком языке он думает. На бенгали, я полагаю, но судя по всему, что я знаю, это может быть и хинди или *санскрит*. Он часто говорит о том, что санскрит — язык полубогов, и что это изначальный язык, от которого произошли все остальные. На самом деле, именно этот самый язык использовал Кришна, когда Он рассказывал «Бхагавад-Гиту» миллионы лет назад богу солнца Вивасвану, так же, как и 5,000 лет назад Арджуне на Курукшетре. 700 стихов были пропеты на санскрите. Свамиджи отметает археологические и филологические официальные заявления метлой презрения в своих руках.

«Что они знают? На этой земле существовали великие цивилизации сотни тысяч лет назад. Они полагают, что всё начинается с них — с пещерных людей и обезьян. Но в прошлые времена Махарадж Бхарата правил всем миром, и повсюду были великие высокоразвитые цивилизации. Кто может отрицать, тот факт, что санскрит — это мать всех языков? Так называемые знатоки просто измышляют всякий вздор, выдвигают вздорные гипотезы. Они занимаются тем, что называется: "Я и ты выдвигаем гипотезу, а я выдвигаю гипотезу лучше твоей". Но "Бхагавад-Гита" — это не гипотеза. Это то, как всё есть на самом деле. Поэтому я представляю её такой, какая она есть. Не такой как она представляется мне, а такой как она была поведана. Радхакришнан говорит, что мы не должны поклоняться лично Кришне, а Ганди говорит, что Курукшетра символизирует собой то или иное, но все это представляет собой субъективные мнения, измышления ума. Чтобы разоблачить их, нам следует как можно быстрее опубликовать "Бхагавад-Гиту" как она

есть. Кто-то сказал мне, что комментарии слишком подробные, но такова Вайшнавская традиция — постоянно расширять. Цель этих комментариев — перевести всё значение обратно на Кришну, исправить те заблуждения, которые допустили комментаторы мошенники. Практически говоря, это единственный авторитетный перевод. Так что, я горячо желаю видеть, как наша "Бхагавад-Гита" будет полностью опубликована».

В Нью-Йорке Брахмананда продолжает вести переговоры с издателями. Свамиджи в Сан-Франциско консультируется больше с частными издателями. Так как книга выходит очень объёмной, её издание будет дорогостоящим. Свамиджи хочет также включить тексты санскритского деванагари, что будет стоить ещё поверх общей стоимости. Мы всё ещё пытаемся наскребать плату за аренду квартиры Свамиджи. В Нью-Йорке — тоже самое. А Киртанананда — его могут в любой момент вышвырнуть из кегельбана (в Монреале).

Никому из нас, в действительности, не хочется подсчитывать достояния (богатства) Международного Общества Сознания Кришны. В действительности, единственное наше достояние — это он сам — Его Божественная Милость.

*** * ***

21 марта. Свамиджи только что дал лекцию по «Шримад-Бхагаватам». Он завершил и спрашивает, нет ли вопросов? Все молчат, и он ещё раз просит задавать вопросы и ждёт.

«Должны быть вопросы», — говорит он.

Говинда даси робко тянет руку, и Свамиджи замечает её.

«Не могли бы вы рассказать о том, как Господь Чайтанья спрашивал всех, где Кришна, когда шёл по лесу? Или, может быть, это не хорошо обсуждать» — спрашивает она.

«Нет, нет», — счастливо отвечает Свамиджи.

«Это замечательно. Твой вопрос очень хороший. Я очень рад. Господь Чайтанья — величайший преданный Кришны, и мы должны размышлять о Его жизни. Он никогда не говорил: "Я увидел Кришну", — напротив, Он был безумен по Кришне».

Свамиджи выделяет слово «безумен», продлевая каждый слог, так, пока в нашем воображении не появляется Господь Чайтанья, танцующий и трепещущий от экстаза.

«Он всегда думал: "Когда же я увижу Кришну? Где же Кришна? Где Кришна?". Он был совершенно одержим Кришной. И таков основной смысл философии Чайтаньи. Это называется служением в разлуке. Когда преданный думает: "Кришна, Ты такой удивительный, но из-за того, что я такой глупец и негодяй, я не могу видеть Тебя. У меня нет никаких качеств, чтобы видеть Тебя". Таким образом мы должны ощущать разлуку с Кришной, и эти чувства обогатят нас в нашем сознании Кришны. А не так, что "Вот Кришна, я увидел Тебя, всё". Нет, беспрестанно думать о себе как о недостойном увидеть Кришну — это обогатит вас».

Свамиджи задумчиво покачивается из стороны в сторону и смотрит на каждого из нас. Мы сидим молча, не отрывая от него глаз.

«Да», — продолжает он, — «когда Кришна покинул Вриндаван, чтобы отправиться в дом своего отца, Радхарани ощущала разлуку так, что постоянно была безумна по Кришне. Таким образом Чайтанья Махапрабху проявлял эти чувства Радхарани, и нам следует понять, что это — наилучший способ поклонения Кришне и сознания Кришны».

Он снова останавливается, ждёт, думает, потом продолжает.

«Вы знаете о том, что Чайтанья Махапрабху бросился в море, крича: "Кришна, здесь ли Ты? Где Ты, Кришна?". И непосредственные ученики Господа Чайтаньи, Госвами — Рупа и Санатана Госвами — также поклонялись Кришне в этом чувстве Разлуки. Есть один чудесный стих о них».

Он начинает петь его, погруженный в экстатическое чувство, голос его глубокий и насыщенный:

хе рāдхе враджа-девīке ча лалите
хе нанда-сӯно кутаḥ
шр́ī-говардхана-калпа-пāдапа-тале
кāлиндī-ване кутаḥ
гхошантāв ити сарвато враджа-пуре
кхедаир махā-вихвалау
ванде рӯпа-санāтанау рагху-йугау
шр́ī-джīва-гопāлакау

«Я предлагаю свои почтительные поклоны Шести Госвами — Шриле Рупе Госвами, Шри Санатане Госвами, Шри Рагхунатхе Бхатте Госвами, Шри Рагхунатхе-дасу Госвами, Шри Дживе Госвами и Шри Гопале Бхатте Госвами — которые очень громко воспевали всюду во Вриндаване, восклицая: "О Царица Вриндавана, Радхарани! О Лалита! О сын Нанды Махараджа! Где же вы сейчас? Может быть, Вы на склоне холма Говардхан, или под деревьями на берегах Ямуны? Где же Вы?". Таково было их настроение в Сознании Кришны».

Он делает паузу, закрывает глаза. Потом опять начинает говорить.

«Позже, когда Госвами достигли очень большой зрелости в преданном служении, они каждый день ходили вокруг Вриндавана, в точности как безумные, крича: "Кришна, где Ты"?».

После этого Свамиджи не говорит ничего больше, а просто сидит со скрещенными ногами на своём сиденье на возвышении, его ладони сложены вместе, глаза закрыты во внезапно, неожиданной охватившей его медитации. Так, как будто бы среди ясного неба грянул гром. Пока мы сидим, наблюдая за ним, мы чувствуем, что на храм опустилось наэлектризованное, вибрирующее спокойствие.

Это нечто очень необычное — чувствуем все мы, но всё же не осмеливаемся ни говорить, ни переглядываться, ни оторвать от него своих глаз. Доступный нашему восприятию духовный феномен! Мы

своими глазами можем видеть, как он ушёл глубоко в себя и оставил это тело, храм, этот город и этот мир далеко позади, — настолько глубоко в нём то, что он проповедует другим.

Все мы купаемся в этой конденсированной тишине всего лишь 3 или 4 минуты, но, как землетрясение, эти минуты кажутся нам вечностью. Нет, не как землетрясение, нет никакой суматохи. Просто ужасающая благоговейная тишина, продляющая эти минуты больше, чем могла бы это сделать суматоха. Мы видим, как его сознание возвращается в тело. Он прочищает горло, медленно открывает глаза и тянется за *цимбалами*, лежащими рядом с ним.

«Давайте проведём *киртан*», — спокойно говорит он и начинает воспевать, — «*говинда джая, джая…*».

* * *

После этого случая ко мне прибегает Субал, хлопая своими голубыми глазами: «Ты видел это? Ты видел это?».

Все мы начинаем строить догадки по поводу того, что случилось. Мы между собой называем это «лекция *самадхи*». Она становится предметом обсуждения в диалогах шёпотом на несколько дней.

* * *

Похоже, что мистер Пэйн, настоящий агент по недвижимости, удрал вместе с 5,000 долларами, предварительного вклада храма. Свамиджи разговаривает с Брахманандой на слишком большом расстоянии.

«Обратитесь к мистеру Голдсмиту, нашему адвокату», — говорит он ему. – «Мы должны вернуть обратно деньги».

Брахмананда признаёт, что это его вина: он отдал деньги мистеру Пэйну без надлежащего контракта. И тут вдруг он должен или платить остаток, или попрощаться с 5,000 долларами.

«Этих юных ребят обманули», — говорит Свамиджи.

Затем он качает головой.

«Деньги — такая вещь! Как только они ушли из ваших рук...» — он проводит рукой в воздухе, изображая как колышется вода. Потом смеётся. – «И их больше нет».

Но это в числе всего остального, вынуждает Свамиджи возвращаться в Нью-Йорк. К сожалению, Мукунда организовал только одну встречу для него, 6 апреля в Беркелей. Помимо этого — ничего. Брахмананда пишет о том, что составил целый список мероприятий в Нью-Йорке, Филадельфии и Вашингтоне. И ещё нужно посетить новый храм в Монреале.

«Возможно Брахмананда может мне устроить встречу с вашим президентом Омонсоном», — смеётся Свамиджи. – «Это ведь очень сложно, не так ли? И всё же люди говорят о том, чтобы встретиться с Богом. Что должен возомнить о себе человек, если он думает, что Бог обязан явиться перед ним? А мошенники утверждают, что "Я есть Бог"».

Брахмананда присылает Свамиджи по почте кассету с записью нью-йоркских преданных, где они говорят о том, как сильно скучают по нему. Это их отчаянная мольба о том, чтобы он вернулся. Мы с Мукундой содрогаемся внутри, когда видим, как Свамиджи с сочувствием слушает запись.

«Это сценарий Брахмананды, для того чтобы вернуть Свамиджи в Нью-Йорк», — говорит мне впоследствии Мукунда.

В тот же вечер Свамиджи сообщает нам, что улетает в Нью-Йорк 9 апреля. Нам срочно нужно зарегистрировать ему билет.

*** * ***

Грузовик с хлебом проезжает по Фредерик Стрит и сворачивает на Станиан. Свамиджи видит его из окна своей квартиры. На кузове большими буквами написано «Просто очень вкусно!».

Свамиджи смеётся.

«Просто очень опасно», — говорит он. — «Этот материальный мир просто очень опасен. Смерть всегда стоит позади нас, поджидая. К непреданному Кришна приходит в образе смерти. Но к преданному смерть приходит в образе Кришны».

* * *

6 апреля: танцевальный зал Паулей на территории Калифорнийского университета Берклей, центра студентов противников вьетнамской войны. Около 500 студентов собираются послушать как Свамиджи обсуждает природу души и даёт формулу мира. Порядок программы всегда один и тот же: воспевание, лекция, время ответов на вопросы, и ещё воспевание.Во время ответов на вопросы выступает какой-то болтливый баловень-негр.

«Свамиджи, скажите, а как меня зовут?» — спрашивает он.

Свамиджи его не видно, он просто слышит его голос из толпы.

«Тебя зовут Кришна-дас», — отвечает он.

«А что это значит?».

«Это значит, что ты слуга Кришны».

«Почему слуга?».

«Потому что по отношению к Кришне это наш конституциональный долг — служить Ему. Пальцы служат руке, части служат целому. Это наш долг, как вечных частиц Кришны — служить. И каким образом? Вот это вам нужно выяснить».

«Но я не служу Кришне».

«Значит ты служишь *майе*. Но ты всё равно служишь».

«Я служу самому себе».

Программа со студентами.

Шрила Прабхупада и Джаянанда.

«Да», — терпеливо говорит Свамиджи. – «Ты служишь своим чувствам. Твой язык говорит: "Скушай вот эту чудесную пищу", — и ты ешь. Глаз говорит: "Посмотри на эту хорошенькую девушку", — и ты смотришь. Так что, разве ты не слуга?».

Он не отвечает.

«Ты должен служить. Либо — *майе,* либо — Кришне. Если ты владеешь своими чувствами, то ты — *госвами*. А когда твои чувства очищены, ты можешь с их помощью служить Кришне. Таково совершенство для тебя».

«Но зачем вообще служить? Почему вы с самого начала делаете акцент на служении?».

«Потому что, это наша природа — хотеть служить тому, кого мы любим. У нас есть желание сделать что-то для того, кого мы любим. Разве это не естественно?».

«Да, это так, я полагаю».

«Зачем полагать? Вы должны знать наверняка. Если есть любовь к кому-то, то за этим будет следовать та или иная форма служения. Это обязательно! В этом заключается счастье для нас — в этом служении — наше вечное счастье. Поэтому мы должны развивать свою любовь к Кришне».

Студенты присоединяются к воспеванию. Но после этого они все выходят из зала, качая головами. Они настроены скептически. Для них, Вьетнамская война — главная проблема жизни, единственный камень преткновения на пути к счастью. Так, что как в действительности Харе Кришна положит конец войне во Вьетнаме?

«Войны происходят постоянно. В *Кали-югу* люди сражаются из-за ничего», — говорит Свамиджи.

В печати это событие выходит в самом оскорбительном свете.

Репортёр из «Берклей Барб» пишет: «Девушки-преданные в их экзотических нарядах напомнили о танцовщицах гарема из забытого Голливудского эпоса».

Репортёр также признаётся в том, что потратил большую часть своего времени наблюдая за тем, как мини-юбка одной несдержанной молодой леди развивалась от её эротических вольных движений во время танца. И так далее. Но самое худшее — это то, что они раскритиковали там формулу мира Свамиджи. Всё простое хорошо, но не так хорошо работает.

Мы не рискуем показать статью Свамиджи. Охваченный яростью, я звоню в редакцию «Барклей Барб».

«Ваша статья нас очень оскорбила», — говорю я редактору. – «Наши *брахмачарини* конечно же не выглядят как танцовщицы из гарема».

«Корреспондент имеет право на субъективное мнение», — отвечает редактор.

Я соглашаюсь с этим, но указываю им на допущенную философскую погрешность. Когда негр спросил Свамиджи о том, кто он есть, Свамиджи, как пишет репортёр, говорит ему: «Вы – Бог».

«Но этого не может быть», — возражаю я. – «Он сказал: "Вы — слуга Бога"».

Сойдясь на этом, редактор печатает опровержение, прибавив: «Таким образом, религия Свамиджи отличается от религии Тимоти Лири. Лири любит говорить людям: "Вы -Бог"».

*** * ***

9 апреля: Свамиджи выезжает в аэропорт. Перед тем как сесть в машину, он останавливается, в руке у него трость, он бросает долгий взгляд на маленький магазинчик. Этот взгляд имеет огромное значение. Гурудас тут же щёлкает фотоаппаратом.

«Это прощальный взгляд», — про себя думаю я.

В аэропорту девушки плачут. Свамиджи успокаивает их, уверяя всех нас, что вернётся к фестивалю Ратха-ятры Господа Джаганнатхи, который намечен на 9 июля.

«Вы должны организовать эту процессию по главной улице», — говорит нам он. – «Сделайте всё замечательно. Мы должны привлечь множество людей. В Джаганнатха Пури у них каждый год такие огромные процессии. В это время Божество может покинуть храм».

Мы наблюдаем как он исчезает по пассажирскому проходу к самолёту. Вернувшись в храм, я мою его квартиру на втором этаже и оставляю его спальню в качестве алтарной комнаты. Несмотря на то, что мне хочется вернуться в Нью-Йорк, я должен следовать его наставлениям и содержать в порядке храм, а также вести переговоры с издателями в Сан-Франциско.

Поскольку обстановка храма и атмосфера в нём напоминают нам о Свамиджи, мы не можем положительно утверждать, что мы лишены его. Его присутствие ощущается даже ещё более сильнее, и мы впервые начинаем понимать, что подразумевается под тем, что служение в разлуке — это наиболее экстатическая *раса*.

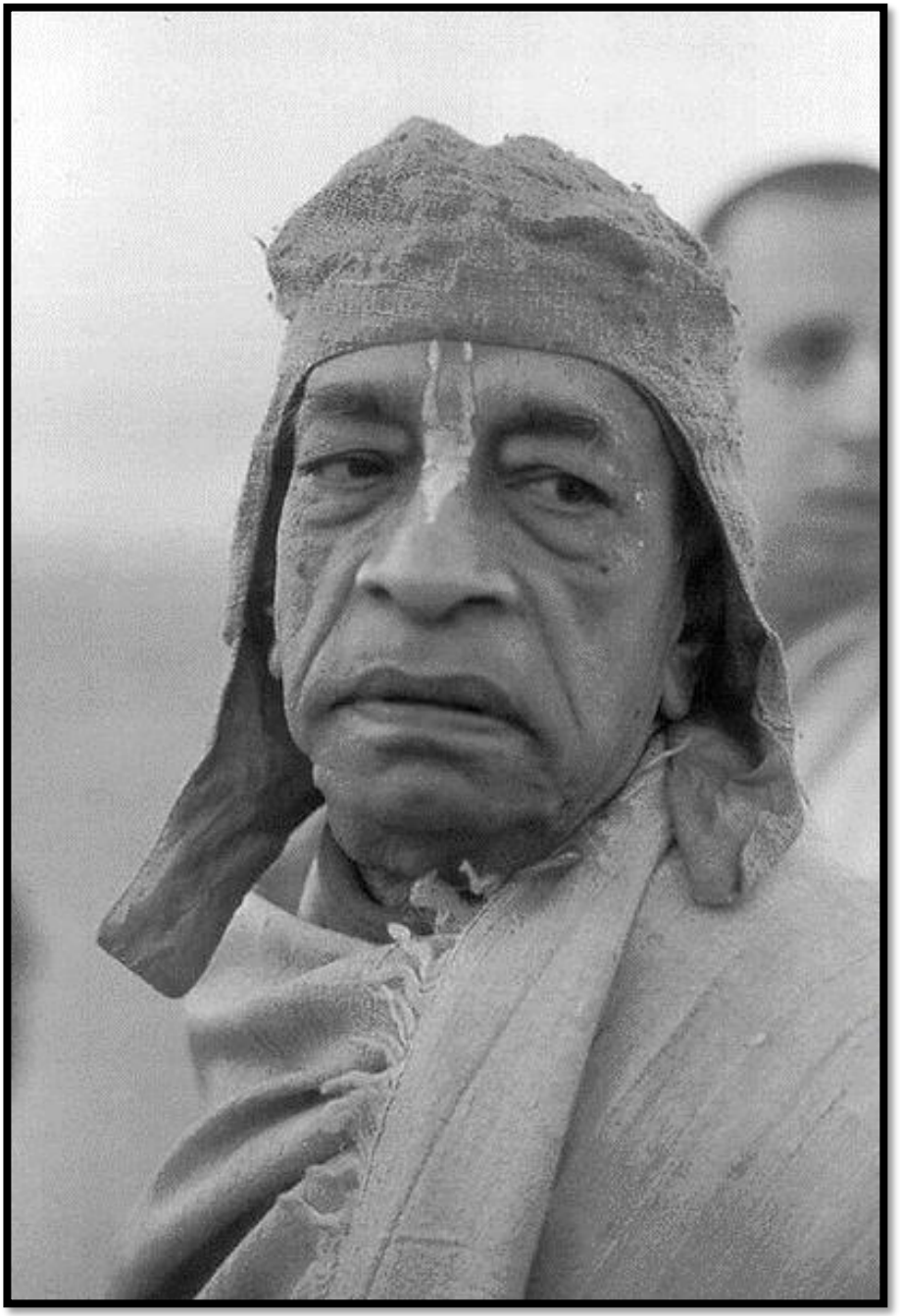
Харидас, Мукунда, Шьямасундара, Гурудас, Джаянанда, Субал, Упендра, и всхлипывающие девушки: Джанаки, Малати, Ямуна, Харшарани, Лилавати... Всем нам придётся утешать друг друга, и позаботиться о том, чтобы маленький магазинчик на Хэйт-Эшбери оставался на плаву. В конце концов, Свамиджи обещал вернуться через 3 месяца.

«Чайтанья Махапрабху показал нам пример совершенного преданного», — всплывают у нас в памяти слова Свамиджи. — «Служение в разлуке. Когда Кришна покинул Вриндаван, *гопи* обезумели в Его отсутствии. До конца своих жизней они проливали слёзы по Кришне, и они во многом действовали очень странно, так говорится в *шастрах*. Исполнение служения в разлуке возносит нас на наивысший уровень совершенства — на уровень *гопи*».

Тот самый снимок «прощальный взгляд», сделанный Гурудасом, 9.04.1967.

Глава 10. Удар в душу.

В течение апреля и мая наплыв туристов и фантасмагория хиппи в Хэйт-Эшбери, поднимается до редких высот. Как на карнавале Марди Грас, празднование приближается к пику, стремительно мчится к некому неопределённому дню «среды на первой неделе великого поста». *Киртаны* проходят бешеные и безудержные. Мы часто проводим воспевания в танцзалах Фильмор и Авалон, во время антрактов в выступлениях рок групп. Начинается фестиваль «Лета любви», и мы так же воспеваем в программе «би ин» в Голден Гэйт Парке, в Христианском Союзе Женской молодежи, (*прим. перев. международная организация У.Т.С.А.*) и в Психоделическом Магазине, а также вместе с хиппи — поклонниками солнца ранчо «Монинг Стар».

Весна пролетает так быстро, возможно из-за того, что дни её полны долгих солнечных и праздничных часов. Молодёжь всех национальностей без дела скитается по парку, босиком, в ободранных спецовочных штанах, не спеша создавая то, что они, надеются, станет коммуной любви и мира, — миром, где нет никого старше 30-ти, где нет насилия, невежества и смерти. И они поют Харе Кришна, поскольку смотрят на ИСККОН как на экзотический цветок в букете хиппи — нечто, ещё более отдалённое от 20-го века Америки, от политических интриг и их бесконечной борьбы. Постепенно активисты и негры начинают остерегаться нас, считая, что мы — некое передовое движение, увлёкшееся культурными традициями неразвитых наций. Но что они знают о Кришне? Или о Свамиджи? Что, в действительности, знает любой из нас?

*** * ***

23 апреля, Свамиджи пишет мне: «Мне так приятно узнать о том, что ты ощущаешь разлуку со мной. И я так же чувствую тоже самое здесь. Эти чувства имеют огромное значение — а именно, то, что мы постепенно утверждаемся в подлинном сознании Кришны. Я получаю множество писем от других, преданных из Сан-Франциско, и телефонных звонков, указывающих на то, что они все чувствуют разлуку, которая является основой духа сознания Кришны Господа Чайтаньи. Чем больше мы ощущаем её, тем это лучше для нашего продвижения. Однако, с материальной точки зрения, поскольку сейчас

возникли сложности с поездкой в Монреаль, я возможно вернусь в Сан-Франциско где-то в следующем месяце».

Свамиджи отмечает также, что любая хорошая машинистка может очень быстро освоить искусство работы с печатным станком. Если я буду набирать «Бхагавад-Гиту» и «Бэк ту Годхед», то он купит станок. И таким образом Сатсварупа, Раярама и я разрешили бы свою «печатную проблему». Он готов вложить в этот издательский станок 45,000 долларов. Одновременно с этим он планирует открыть новые филиалы в Балтиморе и Бостоне.

«Брахмананда, Раярама и Махапуруша — эти трое ребят, — прошлым вечером уже уехали в Бостон», — пишет он, — «чтобы разведать положение дел там, и в зависимости от этого мы и будем действовать».

* * *

Наши поиски издателей или подходящей типографии снова и снова ни к чему не приводят.

И, как я и опасался, 10 мая Свамиджи пишет мне: «Беру на себя смелость сообщить, что теперь удалось организовать издание "Бхагавад-Гиты" в Индии, и поэтому я прошу тебя выслать мне обратно отредактированную рукопись по получении этого письма».

Мы считаем это постыдным для нас, вечный позор на нашу голову за то, что наш духовный учитель для того, чтобы издать свои книги, вынужден отсылать её в Индию. Но это не факт, что коммерческое издание в США обошлось бы в сумму, которая нам не по карману. Поэтому Брахмананда умоляет Свамиджи дать нам ещё хоть немножко времени. Мы, конечно же, сможем найти каких-нибудь заинтересованных издателей.

* * *

В конце мая Киртанананда уезжает из Монреаля, чтобы навестить Свамиджи в Нью-Йорке.

«Я слышал, что ему немного не здоровится», — говорит мне он по телефону.

Они с Джанарданом планируют побыть там несколько дней, но прибыв туда, Киртанананда решает остаться. 30 мая он снова звонит мне.

«Свамиджи плохо себя чувствует», — говорит он мне. – «Он выглядит уставшим. Он порядочно потерял в весе и выглядит довольно истощённым».

Не зная, что и делать, я никому ничего не говорю.

* * *

1 июня: снова звонит Киртанананда. Я отвечаю с телефона за храмом. Он чрезвычайно расстроен. Свамиджи в больнице. У него что-то вроде инфаркта. Кусочек по кусочку, по мере того как Киртанананда рассказывает напряжённым голосом, кусочки складываются вместе. Мы должны были это предвидеть. Учащённое сердцебиение было у Свамиджи ещё со времени нашей записи пластинки в Нью-Йорке до Рождества. Он также пил слишком много воды, что указывало на повышенный сахар в крови — диабет.

«Недавно у него было сильно учащённое сердцебиение», — говорит Киртанананда. – «Он выглядел совсем не хорошо, так что я попросил всех оставить его в покое. Его беспокоила дрожь в руке. Это было ужасно».

Пока я слушаю, в моём уме возникают ужасные образы испытывающего боль Свамиджи. Кришна, дорогой, помоги нам! Я вспоминаю как Свамиджи говорил: «Если что-нибудь случится со мной, не зовите врача. Просто дайте мне мои чётки. Я хочу просто воспевать Харе Кришна и так отправлюсь к Кришне».

Киртанананда продолжает: «Ну, мы позвонили и вызвали врача, который сделал ему укол пенициллина и дал диагноз: нервное осложнение после гриппа. Врач сказал, что, возможно, он слишком много молится».

«Слишком много молится?!».

«Потом вчера, когда я сидел в комнате Свамиджи...» — голос Киртанананды обрывается. – «Тем временем внизу шёл *киртан*... опять началась дрожь в руке, и лицо Свамиджи начало сжиматься, а глаза стали широко раскрываться. Затем внезапно он откинулся назад, и я поймал его. Он выдохнул — Харе Кришна. Затем всё прекратилось. Клянусь, я подумал, что это конец... Но тут он опять начал дышать и воспевать. Хотя больше уже его тело было неподвластно ему. Мы позвонили в госпиталь. Сейчас он находится в больнице Бет Израиля».

Всхлипывая, почти не слышно на большом расстоянии, Киртанананда обещает держать нас в курсе. Я вешаю трубку, и мгновение стою онемев, не зная, что делать. В храме несколько преданных воспевают. Лилавати делает гирлянды для Господа Джаганнатхи. Харшарани черпаком набирает из бака муку для вечерних *чапати.*

«Где Харидас?» — спрашиваю я.

Никто не знает. Я бегу в Станйан. Ярко светит солнце. Несколько хиппи играют во фрисбис (летающую тарелку) поперёк Фредерик Стрит. Я бросаюсь от одной квартиры к другой, пока, в конце концов, не обнаруживаю Харидаса и не отвожу его в сторону.

«Звонил Киртанананда», — говорю я ему. – «У Свамиджи сердечный приступ и он сейчас в больнице. Он попросил нас провести всю ночь воспевая».

Харидас выглядит так, будто его только что ударили в лицо. Нет, хуже — ударили в душу. Он стоит, глядя на меня, молча и не дыша, затем печально качает головой.

«Я так и знал», — говорит он. – «Я чувствовал, что должно случиться что-то ужасное. Просто посмотри на эту фотографию».

Он показывает мне отпечатанную фотографию, тот снимок, где Свамиджи бросает последний взгляд на храм, свой последний взгляд,

полный бесконечной печали. Пока мы смотрим на фото, мы не можем плакать. Плачь сам по себе ограниченная вещь, не подобающая для выражения безмерной пустоты, ужасного чувства безвременной потери. Мы чувствуем, что вся духовная атмосфера уходит от нас.

«Мы больше никогда не увидим его», — говорю я. – «Я знаю это. Я просто чувствую»

«Ты рассказал остальным?» — спрашивает Харидас.

«Нет. Я не смог. Они воспевают в храме. Такие счастливые».

«Ну... пока не говори им», -говорит он. – «Мы постараемся побольше выяснить. Потом, вечером перед *киртаном* мы скажем им».

*** * ***

Ошеломлённые, мы с Харидасом бредём по парку. Мне не хочется видеть никого из преданных. Мы садимся на скамейку у входа в парк и тихо воспеваем на *чётках,* одни, наедине со своей ужасной тайной и бесконечно не выразимым страхом. Прежде всего мы боимся того, что с уходом Свамиджи распадётся движение Харе Кришна. Мы ведь только начали, фундамент только что был завершён. Учение Свамиджи может быть утеряно. Помимо тех нескольких книг, что он привёз с собой из Индии, не опубликовано ни одной новой книги, и даже «Бхагавад-Гита» ещё не завершена. Я боюсь за себя лично. Что я буду делать без его слов, без *киртанов,* без маленьких магазинчиков-храмов, без тихих мгновений в его комнате, без случайных диалогов, без постоянного присутствия Вриндавана и Господа Кришны? Меня устрашает возвращение к хаосу и к одинокому поиску. Как это странно! Я вспоминаю, что гороскоп Свамиджи предсказывал, этот приступ. Несколькими годами раньше, в Индии, астролог вычислил некую точку обрыва на его 71-ом году, некий неизбежный пик. Фактически, это должно быть его предначертанным смертным часом, моментом, в который он должен оставить тело.

По пути через границу, владелец грузового судна Джаладута, хиромант, сказал Свамиджи, что если тот переживёт свой 71-ый год,

то проживёт ещё много лет. Смертельный кризис пришёл во время триумфа, в звёздный час.

«Я всегда буду с тобой», — вспоминаю я его слова. — «Духовный учитель всегда со своим учеником. Я постоянно чувствую присутствие моего духовного учителя».

Но ведь мы так молоды, так незрелы, на столь чужой для Ведической культуры земле. *Майя*, несомненно, всосёт нас как губка. И теперь мы находимся в ситуации, когда вот-вот лишимся своего духовного отца. Поднимая глаза, я смотрю с парковой скамейки на детей, играющихся в фонтане и на освещённой солнцем траве и задаюсь вопросом, как смеет жизнь продолжаться, быть такой весёлой и счастливой?

*** * ***

Я пытаюсь дозвониться Киртанананде в Нью-Йорк, но он в больнице. Вместо этого я говорю с Раярамой.

«Всё, что я могу тебе сказать, на самом деле, это то, что Свамиджи очень, очень болен», — говорит мне он. – «Он попросил всех нас всю ночь воспевать ради его выздоровления».

Мы с Харидасом собираем всех вместе в храме, и пытаемся придумать как изложить всё в наименее болезненной форме. Харидас смотрит на меня и кивает.

«Сегодня днём мне позвонил Киртанананда», — в конце концов произношу я. – «Свамиджи заболел».

Джанаки и Лилавати тут же бросаются в слёзы. Это быстро распространяется на остальных девушек. Созерцая это, я тихо сижу, вспоминая о том, как Сократ прогнал женщин от своего смертного одра, чтобы умереть тихо и спокойно. Некоторые из ребят начинают расспрашивать о деталях. Сказать им в ответ особо и нечего, помимо того, что нас попросили воспевать всю ночь и молить Господа Нрисимхадева о выздоровлении Свамиджи.

Господь Нрисимхадев — это свирепое воплощение Кришны — полу-лев, получеловек, — который нисходит, чтобы спасти Своего преданного Прахлада от его демонического отца Хираньякашипу. После того, как Нрисимхадев убивает отца Прахлада, Прахлад возносит следующую молитву, чтобы утихомирить Господа. И эту молитву мы сразу же принимаемся воспевать:

тава кара-камала-варе накхам адбхута-шрингам
далита-хиранйакашипу-тану-бхрингам
кешава дхрита-нарахари-рупа
джайа джагадиша харе

«О мой Господь. Твои руки прекрасны, словно цветы лотоса, но своими длинными ногтями Ты раздираешь на части осу Хираньякашипу. Тебе, о Господь вселенной, я предлагаю свои смиренные поклоны».

*** * ***

Мы включаем тусклые фонари в алтаре Божеств Джаганнатхи, зажигаем свечи и воспеваем в мерцающих тенях. Это очень серьёзное и торжественное воспевание, и ещё более серьёзный и торжественный танец. Новость быстро разлетается по Хэйт Стрит, и вскоре храм заполняется посетителями, пришедшими присоединиться к нам в нашей вахте и воспевать всю ночь.

Мукунда и Джанаки звонят в Нью-Йорк. Никакой дополнительной информации. Киртанананда проводит эту ночь в больнице у кровати Свамиджи. Никого больше туда не допускают. Таковы больничные ограничения. Да, и в Нью-Йорке проходит вахта. Все воспевают всю ночь. Пришла полночь, мы воспеваем. Большинство гостей ушло, но никому из нас ещё не хочется спать. Воспевание несёт нас на своих волнах.

Мой ум летит к Свамиджи, в Нью-Йорк, в будущее, в прошлое. Я вынужден возвращать свой блуждающий ум обратно в храм, к объективному настоящему — мольбе к Кришне оставить нам нашего

учителя, хотя бы ещё ненадолго. И пока мы поём, мы все ощущаем присутствие Свамиджи, настоятельное, чисто духовное присутствие.

К двум часам утра нас всех начинает клонить в сон. Я меняю инструменты один за другим, чтобы поддерживать себя в бодром состоянии, иногда играя на *мриданге,* иногда — на *цимбалах* или гармонике. Многие танцуют, чтобы не засыпать. Девушки раздают лёгкий *прасадам* — дольки яблок и изюм. Сидеть рядом со стеной опасно — это приглашение задремать. Мы все настолько хилые. Лишь чистый преданный Арджуна — это Гудакеша, тот, кто победил сон. Между тремя и четырьмя часами наступает наиболее экстатическое время — предрассветный час *брахма-мухурта*, мы чувствуем, что если Свамиджи всё ещё жив, то он несомненно выживет. Мы поём, мы повторяем на чётках. Мы воспеваем на протяжении всего нашего обычного 7-ми часового *киртана* и до позднего утра. Воспевая 14 часов подряд, мы счищаем пыль с зеркала ума. Мы ощущаем Кришну и Свамиджи повсюду. Конечно же, сейчас ему лучше!

* * *

Буквально перед самым полуднем звонит Киртанананда, чтобы рассказать о том, что Свамиджи всё-таки жив, хотя и очень, очень слаб. Нам следует продолжать воспевать. Доктора берут у него всяческие анализы.

«Это ужасно», — говорит он. – «Они хотят вколоть ему иглу сквозь череп, чтобы сделать пункцию мозга. Он не хочет всего этого, но из-за нас покоряется. Он просто поместил себя в наши руки».

«Что он хочет делать?» — спрашиваю я.

«Это трудно сказать. Он всё — таки так слаб. Но он не давал никаких намёков на то, что собирается оставить тело».

Я хватаюсь за это как за хорошую новость и рассказываю Харидасу и Мукунде. Проявляется сдержанный оптимизм. Но внутри мы знаем, что его тело старое и перенесло инфаркт. Он может уйти в любое мгновение. Мы всё ещё ждём звонка с вестями.

* * *

3 июня. Свамиджи пробыл в больнице 2 дня.

«Кажется, что он реагирует на массаж», — говорит мне Киртанананда. — «Он немного говорит, говорит о том, чтобы поехать в Индию, чтобы проконсультироваться с аюрведическим врачом. Он только что продиктовал письмо своему брату в Боге в Индию, с просьбой дать ему совет в соответствии с Аюрведой».

«Значит, ему лучше», — говорю я.

«Он хочет покинуть больницу», — добавляет Киртанананда. – «Всё же, он говорит о том, что мы не знаем, когда смерть может прийти к нам. Но он не обеспокоен этим. Он говорит, что Кришна позволил ему пережить этот сильный приступ, поскольку хочет, чтобы он выполнил приказ своего духовного учителя распространить движение *санкиртаны* в Америке».

Эта новость окрыляет всех нас. На следующий день Киртанананда сообщает мне, что Свамиджи, несомненно, набирается сил.

«Выражение его лица разглаживается», — говорит он, — «и воспевание его снова становится полным силы. Он уже не спит так много. Всё время воспевает. Сегодня утром он смог даже нанести себе *тилак*».

Но вечером звонит Раярама, чтобы сказать, что это был тяжёлый день для Свамиджи. Сейчас он висит на волоске. Временами кажется, что он на грани смерти. А временами, он готов покинуть больницу.

Сообщения продолжают быть противоречивыми, 6 июня: «Свамиджи хочет переехать в сельскую местность, на побережье», — говорит мне Киртанананда. – «Он бесповоротно поспешил оставить госпиталь. Его беспокоит, что это очень дорого — 100$ в сутки. И он говорит, что они не оказывают ему никакой помощи, просто колют его иглами».

Раярама осведомляет нас, что они сняли для Свамиджи небольшой дачный домик в Лонг Брэнч, недалеко от воды.

«Свамиджи хочет побыть рядом с морем», — говорит он. – «Он просто хочет места, где сможет спокойно отдохнуть. Больница совсем не помогает ему».

Мы выводим логические построения: если он рассчитывает покинуть госпиталь, значит, конечно же, самое страшное — позади. Но насколько силён урон, нанесённый его здоровью? Сможет ли он когда-нибудь опять давать лекции, писать, танцевать в *киртанах* в парке, возглавлять нас в духовных марафонах? Остаться без него сейчас — это то, чего мы утаено боялись с самого начала. Он голыми руками прочищал нас, быстро изменяя наши жизни ежедневными разоблачениями. Всё же столько ещё осталось лишь приоткрытым! Всё ещё не завершена «Бхагавад-Гита», и многое остаётся не сказанным: 12 песней «Шримад-Бхагаватам», «Чайтанья-Чаритамрита», «Веданта-сутра», «Бхакти-расамрита-синдху». Он планировал перевести и от комментировать всё это.

«Мне есть так много, чего рассказать вам», — часто говорит он. — «Мы не проникли даже глубже поверхности. В нашей традиции есть такие удивительные писания! Нам нужно работать быстро, и издавать всё это!».

Но разрешатся ли его мечты о Ведической Америке, подобно мечтам Дон Кихота о Испанском Рыцарстве? Грустно думать о том, что эти духовные эпосы останутся безнадёжно захороненными в прошлое, в старых пыльных томах книг, хранящихся на книжных полках под ярлыком «оккультное». Но разве не разослал он по воздуху Кришну в звуке? Кришну, перекатывающегося у нас на языках? Разве не принёс Он Самого Кришну, Личность Бога, на 2-ую Авеню? В Томпкинс Сквер? В Голден Гэйт парк? А теперь, после того как он одарил нас проблесками Кришны, неужели он покинет нас?

* * *

Несмотря на возражения врачей, Свамиджи 8-го июня выписывается из больницы. Брахмананда и Киртанананда тут же

отвозят его в «Бесценные Дары», где он предлагает поклоны своему духовному учителю и Кришне, а затем сразу же уезжает на океанское побережье в домик в Лонг Брэнч. Теперь Киртанананда пишет, что такое впечатление, что Свамиджи невозможно сломить.

«Когда он слышит нашу запись "Нарады Муни", он садится на своей кровати и начинает хлопать в ладоши».

«Это американский мотив?» — спрашивает он.

Свамиджи хочет, посмотреть храм, открытый в Ванкувере.

«Там есть один джентльмен...».

*** * ***

10 июня я получаю письмо от самого Свамиджи: «Хотя я практически на пути к смерти, я всё равно не могу забыть о моих публикациях. Я хочу, независимо от того, буду я жить или умру, чтобы ты взял на себя очень серьёзную заботу об издании моих книг. Немедля, я хочу отослать "Бхагавад-Гиту" в Японию для издания. Мы должны представить готовый, отредактированный экземпляр. Я надеюсь, что ты завершил редактировать, по крайней мере, семь глав. Остальное печатается с диктофона, и так, как кажется, что здесь нет возможности редактировать это, я думаю, что тебе придётся сделать это... Я думаю о том, чтобы поехать в Сан-Франциско сразу же, как только я наберусь немного сил, что, я надеюсь, произойдёт к концу месяца, но, в случае если я не смогу приехать, тебе нужно будет аккуратно сделать всё самому и отослать в Японию. Пожалуйста, сообщи мне, сможешь ли ты сделать это. Если ты согласишься, я пошлю диктофонные копии, чтобы ты сделал всё, что требуется. Это принесёт мне огромное облегчение, и я ожидаю ответа как можно быстрее...».

Книги! Он на грани смерти, и единственное, что его заботит — это издание «Бхагавад-Гиты Как Она Есть». Единственная причина его пребывания в материальном мире — это распространение сознания Кришны, и книги — это «большая *мриданга*», самодостаточные

киртаны, которые не считаются ни со временем, ни с пространством, они выдерживают испытание временем, и путешествуют далеко-далеко.

* * *

«Сегодня случилось нечто удивительное», — рассказывает мне по телефону Киртанананда. – «Мы приехали в домик около полудня, и конечно же, Свамиджи ещё не обедал. Я стараюсь приготовить всё как можно быстрее, но всё же, к 2-ум часам готово ещё не было. Тогда он пришёл в кухню.

«Где мой обед? Принеси мне что там у тебя есть сейчас же!».

«Он был в ярости. Я стал извиняться, чего мне делать не стоило, и закончил готовить всё, что у меня было — *дал*, несколько *чапати* и овощи. Он сел в кухне и стал с аппетитом есть. Видеть это было замечательно».

Такая новость воодушевляет весь храм. Но на следующий день нас разочаровывает обратное сообщение.

«У Свамиджи была тяжёлая ночь, и он чувствует себя очень плохо. Мы просто не знаем, в чём дело».

Единственный диагноз вне всяких сомнений. У него диабет. Врач дал ему таблетки, чтобы попытаться совладать с этой болезнью, но он не хочет принимать их. Он хочет вылечиться диетой.

«Он выдерживает это довольно хорошо», — говорит мне Киртанананда, — «но всё же день ото дня бывают сильные крайности. Иногда он чувствует себя хорошо, в другие дни — плохо. Когда он встаёт на ноги, он строит планы о том, чтобы вернуться в Сан-Франциско, поехать туда и сюда. В плохие дни он просто говорит: "Дайте мне вернуться в Индию"».

Так что, день за днём, мы не знаем, что нам делать. В зависимости от последних новостей из Нью-Йорка, дух в Сан-Франциском храме

колеблется. Всего через каких-то несколько недель наступает 9 июля — день Фестиваля Колесниц Ратха-ятра. Мы планируем провести шествие по Хэйт Стрит вниз к парку и океану, но делаем ли мы что-то из специальных приготовлений?

«Свамиджи говорит, что тебе нужно оставаться там и помогать организовывать Ратха-ятру», — говорит мне Киртанананда. – «Он сказал, что если ты устроишь её очень хорошо, то он приедет».

«Я даже не знаю, что из себя представляет Ратха-ятра», — возражаю я.

«Просто организуй процессию», — говорит Киртанананда, — «от храма до побережья. Так все хиппи смогут тянуть большие повозки с Божествами. А потом — раздайте *прасадам»*.

Это ещё больше сбивает меня с толку. Большие повозки? Мы с Харидасом прочёсываем общественную библиотеку, и нам удаётся обнаружить книгу с фотографиями колесниц Ратха-ятры в Ориссе, В Индии. Это действительно очень большая повозка, сделанная полностью из дерева, с бесчисленными деревянными колёсами, около которых стоят маленькие, по сравнению с нами, люди. В соответствии с этой книгой, люди бросаются под колёса, чтобы их раздавило, и так они сразу же получают освобождение. Сама же колесница огромная, как гигантский корабль, столь большая, чтобы нести на себе сотню человек. На ней есть балюстрады и увешанный гирляндами трон для Божеств. Чтобы тащить её, понадобилось бы несколько сот человек, и полицейские, без сомнения, сочтут это слишком опасным, грозящим жертвами на улицах Сан-Франциско. Кроме того, мы ни за что не смогли бы возвести такое сооружение за 3 недели.

*** * ***

С огромной радостью я получаю большое письмо от Свамиджи, датированное 25 июня.

«Я запланировал приехать в Сан-Франциско 5 июля, но всё это зависит от высшей воли Абсолютной Личности, человек предполагает,

а Бог — располагает. Что же касается моего здоровья, в основном оно поправляется, но иногда я чувствую сильную слабость. Однако, я надеюсь, что на следующей неделе у меня уже будет достаточно сил для перелёта в Сан-Франциско».

Я посылаю Свамиджи приглашение на Ратха-ятру, чтобы воодушевить его приехать. Преданные в Нью-Йорке сообщают нам, что выглядит он хорошо, и даже играет на *караталах,* воспевая и даже иногда немного даёт лекции. Похоже, что худшее позади!

«Свамиджи говорит, что он несомненно приедет на Ратха-ятру», — объявляет Киртанананда. Все собираются в кучу вокруг телефона.

«Он приедет!» — кричит Шьямасундара.

«Свамиджи приедет на Ратха-ятру!» — рассказывает всем Мукунда.

На следующий день другой телефонный звонок, и мрачный Киртанананда сообщает: «Теперь он говорит, что собирается возвращаться в Индию», — говорит он мне. – «Ему нездоровится. Он хочет показаться аюрведическим врачам».

Такое перекидывание взад-вперёд продолжается до конца июня, и мы не знаем, как нам быть с Ратха-ятрой. По выходным мы с Джаянандой ездим по всему побережью в поисках коттеджа, где Свамиджи мог бы отдохнуть на океанском воздухе. В конце июня Свамиджи уезжает из домика в Лонг Брэнч и возвращается в храм в Нью-Йорк. После того как Свамиджи проходит положенный ему медосмотр в клинике, нам звонит Киртанананда. Впервые его голос звучит по-настоящему счастливо.

«Доктора были изумлены», — говорит он. – «Они не могли этого понять. Он перенёс такой тяжелый инфаркт, а сейчас всего 3 недели спустя, у него такие хорошие результаты медосмотра. Когда я спросил, можно ли ему лететь в Сан-Франциско, врач сказал: "Нет никаких оснований, почему бы и нет." Так что мы зарезервировали ему билет на самолет на 5 июля».

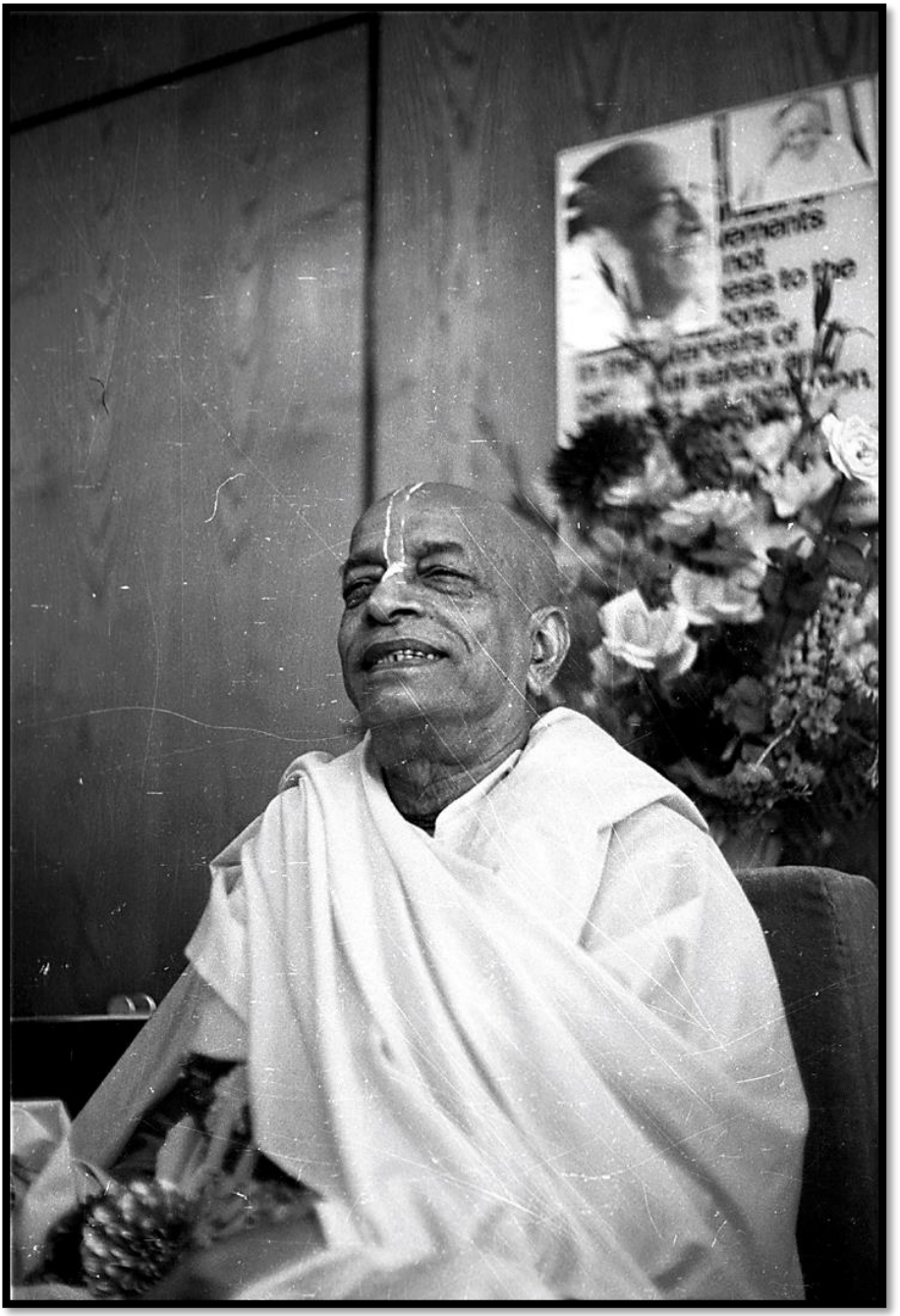
Мы торопимся. Мукунда снимает хороший домик в живописном месте на побережье в Стинсон Бич, в небольшом уютном уголке, чуть севернее Сан-Франциско. Это предместье, под названием Пресидио, богато зелёной растительностью, пальмами, в доме есть открытый внутренний дворик, раздвижные окна и садовая статуя Будды, вся усеянная птичьим помётом. Мукунде пришлось умолять владельцев снизить плату за аренду до 100$ в неделю. В Нью-Йорке Свамиджи остаётся в своих апартаментах. Несмотря на то, что он всё ещё не приходит на *киртаны* в храме, он уверенно поправляется.

Мы узнаём о том, что он ввёл новое времяпровождение — утренние прогулки. В 07.00 утром он выходит и гуляет вместе с преданными по Второй Авеню, где он садится на скамейку и воспевает на чётках, или просто отдыхает, дыша утренним воздухом. Потом он идёт обратно в «Бесценные Дары». Эти прогулки вошли в число ритуалов на ряду с остальными.

*** * ***

Среда, 5 июля, Аэропорт Кеннеди. Свамиджи вместе с Киртанананадой садится на самолёт компании Дельта Эйрлайнс, 621-го рейса. Какие-то неполадки с одним колесом, и самолёт задерживается где-то на час. Мы ждём в Сан-Франциско с корзинами цветов.

Глава 11. Ратха-ятра в Сан-Франциско.

Пока прилетевшие пассажиры проходят завершающую регистрацию документов, мы все с нетерпением ждём, думая о том, как же будет выглядеть Свамиджи. Мы как-то не можем представить себе его изможднным, немощным или хилым. Нам трудно согласиться с тем, что его тело — посредник, через которого мы воспринимаем от него его учение — может быть каким-то образом повреждено, не считаясь с величием личности, находящейся внутри него. Он последним идёт с самолета в сопровождении Киртанананды. Несмотря на пережитый им серьёзный инфаркт, он почти не изменился, не считая того, что выглядит немного усталым. Девушки бросаются ему на встречу, все в слезах. Мы бросаем цветы, собранные в Голден-Гэйт парке: рододендрон и гибискус. Он улыбается в ответ, но ничего не говорит, и это странно. Вместо того, чтобы дать свою обычную речь в аэропорту, он смотрит на нас, чтобы мы дали ему пройти. Он тихо повторяет Харе Кришна, его пальцы непрерывно перебирают чётки в мешочке, ведя счёт кругов. Мы делаем ему проход, и он пробирается сквозь толпу к эскалатору, который быстро выносит его к выходу. Следуя его примеру, мы ничего не говорим, а просто воспеваем на чётках тихо и внимательно. Его присутствия уже достаточно. Он цел и невредим, и мы удовлетворены тем, что он наконец-то с нами.

Выйдя из здания аэропорта Свамиджи, садится в такси Джаянанды. Мы предлагаем ему отвезти Свамиджи прямо в Стинсон Бич, но Свамиджи хочет заехать сначала в храм на Фредерик Стрит. Не дожидаясь выгрузки багажа, Киртанананда поручает багажный талон Упендре. Услышав о приезде Свамиджи, храм заполняют посетители с Хэйт стрит. Свамиджи остаётся там лишь столько времени, сколько нужно, чтобы предложить поклоны Божествам Джаганнатхи. Ничего не говоря, он возвращается в машину, и Джаянанда отвозит его в Стинсон Бич, в Пресидио.

По дороге в Стинсон Бич находится лес Мьюир, и вспомнив, что ветреные ухабы укачали тогда Свамиджи, Киртанананда просит ехать помедленнее, и склоняясь Свамиджи ложится отдохнуть. И всё же его подташнивает. Прибыв в Стинсон Бич мы все вздыхаем с облегчением. Свамиджи сразу же замечает за прочим убранством лужайки статую Будды.

Он качает головой и слегка улыбается, как бы говоря: «Вы всё ещё не научились».

Теперь больше, чем когда-либо, мы чувствуем в его присутствии нечто необъяснимое — призрачное, манящее, уникальное, магическое. Медленно и тихо шагая к домику, он вызывает в нас любовь и благоговение. Но странно видеть, как теперь он молчалив, странно находиться в его присутствии и не слышать его бесконечных бесед о Кришне, видеть, как он терпеливо сносит то, как ухаживает за ним Киртанананда. И всё же теперь каждое мгновение, проведённое вместе с ним, кажется более драгоценным и полным прелести. Внутри каждый из нас знает, как близки мы были к тому, чтобы навсегда утратить его, и как мало осталось времени.

Джанаки нарушает молчание и напряжённую встречу рыданием. Мукунда пытается успокоить её. Свамиджи улыбается и смотрит через раздвижное окно на океан.

«Чудесно», — тихо говорит он. – «Вы нашли чудесное место».

С материальной точки зрения, Пресидио — всего лишь прописанное доктором лечение. Но я с грустью чувствую, что Свамиджи не останется здесь надолго. Хотя он только что прибыл, на лице его лежит тень отъезда.

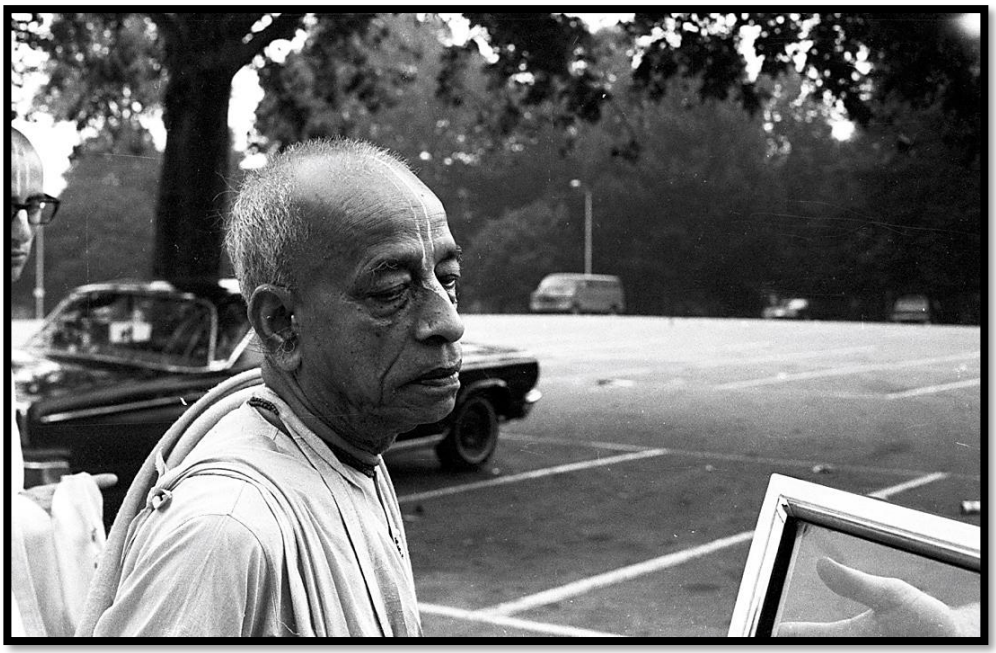
джайа ом вишну-пада парамахамса
паривраджакачарйа аштоттара-шата
шри шримад абхайа-чаранаравинда
бхактиведанта свами махараджа прабхупада — кй джайа

Вся слава *ачарье* Ом Вишну-Пада 108 Триданди Госвами Абхаю Чаранаравинде Бхактиведанте Свами Прабхупаде, который находится на высочайшей ступени *санньясы*.

Паривраджакачарья — это странствующий монах, всегда приезжающий и уезжающий. Так или иначе, он примиряет две противоположности. Сидя на полу за своим низеньким сундучком, он выглядит так, как будто вечно находится тут, и всё — таки в его присутствии есть нечто от неуловимости вспышки молнии. Нужно двигаться очень быстро, чтобы суметь коснуться его лотосных стоп.

Шрилу Прабхупаду встречают Ален Гинзберг и Джаянанда, Сан-Франциско 1967.

* * *

Сейчас Свамиджи ни с кем не разговаривает. Он сразу же идёт в свою комнату отдыхать. Перелёт был огромным напряжением. Киртанананда ясно даёт всем понять, что Свамиджи на режиме выздоровления. Кроме Упендры — слуги, и меня, для редактирования, посетителей быть не должно. Свамиджи больше всего не терпится завершить «Бхагавад-Гиту». Сейчас это его главная забота, она должна стать Библией движения Сознания Кришны. Без неё, мы оказались бы на корабле в открытом море, без карты и компаса. Так что, нам нужно предоставить Свамиджи все условия для выздоровления.

* * *

Пока Свамиджи отдыхает, Киртанананда хлопочет о том, чтобы превратить домик в Вайкунтху. Он привёз с собой из Нью-Йорка дюжину картин — изображение Нрисимхадева, Нарады Муни, Радхи Кришны, храма в Джаганнатха Пури. Джадурани усовершенствовала своё искусство. Мы развешиваем картины по дому. Поскольку Божества Джаганнатхи за несколько дней до Ратха-ятры должны исчезнуть на некоторое время из храма, мы привозим Их Светлости в Пресидио и устанавливаем Их на пианино в гостиной.

Ратха-ятра намечена на воскресенье — всего через четыре дня. Мы всё ещё пребываем в замешательстве относительно процессии. Кажется, что указания Свамиджи невыполнимы, нам поручено устроить что-то порядка шествия Роуз Боул. Шьямасундара и Джаянанда лихорадочно трудятся, чтобы соорудить балдахин поверх грузовика с открытым кузовом, данного нам на прокат диггерами. Полиция начинает досаждать нам. Они хотят точно знать, как долго будет проходить шествие.

«И что это вообще такое?» — домогаются они.

«Религиозный фестиваль», — объясняем мы.

Полицейские качают головами, жалуются на хиппи, и устанавливают всё новые клейма. Хэйт-Эшбери, хиппи, *свами*, поклонники культов, почитатели кислоты, участники «би-ин», длинноволосые, рок группы — для них всё это одно и тоже.

«Просто обеспечьте всем полную безопасность», — говорят они. – «И проведите это всё в темпе».

* * *

Суббота 8 июля. Прошло три дня после приезда Свамиджи. Мы едем в Стинсон Бич за Господом Джаганнатхой. За последние 3 дня никому не позволялось навещать Свамиджи. Киртанананда и Упендра заботились о нём, я же обращался к нему лишь с самыми острыми проблемами редактирования. Пока мы помещаем Божества в машину Джаянанды, Свамиджи стоит в дверях и наблюдает за нами, очевидно, испытывая желание поехать вместе с Господом. Мы ничего не говорим, понимая, что, если бы он мог, он с радостью возглавил бы процессию.

«Этот фестиваль — главное событие года в Джаганнатха Пури», — рассказывает нам он, говоря медленно, едва слышным голосом. – «Так что, проведите его замечательным образом. Господа не надо подгонять и торопить, но следует везти Его на побережье как приличествует царю. На самом деле, колесницу должны тащить вручную. Мы можем понять это из одного случая. Когда колесница встала как вкопанная, Чайтанья Махапрабху Сам уткнулся в неё головой и стал толкать, так, что она поехала, таким образом он явил свою сверхчеловеческую силу. А перед Господом Джаганнатхой Чайтанья Махапрабху пел и танцевал, и в экстазе падал на землю. Эти игры содержатся в писаниях, и однажды мы переведём их. В любом случае, это первая Ратха-ятра в Америке. Проведите её так хорошо, как только можете, и Господь Джаганнатха будет удовлетворён».

Из Стинсон Бич мы везём Божества на квартиру Шьямасундаре на Хэйт и Лион. Там мы помещаем Их в угол и зашториваем. Их Светлости прячутся. Несмотря на то, что мы хотим провести процессию по Хэйт Стрит через Голден Гэйт парк, полиция настаивает на том, чтобы мы пошли по Фредерик Стрит и направлялись на юг. Работники парка боятся того, что хиппи могут потоптать цветы. В субботу весь день девушки готовят и смазывают маслом *чапати*. Джаянанда беспрерывно ездит туда-сюда, перевозя ящики яблок и бананов, и выполняя сиюминутные поручения. Без энтузиазма

Джаянанды мы были бы как без рук. С опытностью водителя такси, он катает свою машину вверх и вниз по холмам Сан-Франциско, перевозя *прасадам*, плакаты, цветы, инструменты, усилители и колонки.

Его воодушевление заразительно, он вдохновляет на помощь даже самых рассеянных хиппи. Хотя плакаты Ратха-ятры, нарисованные Харидасом представляют собой официальное оповещение о празднике, все на Хэйт-Эшбери только и говорят, что о фестивале.

Шествие Кришны к побережью! Пир любви! Несите цветы, надевайте колокольчики, разукрасьте себя, воспевайте и веселитесь! Чествуйте Шри Джаганнатху, Господа Вселенной!

*** * ***

Воскресное утро, 9 июля. Шьямасундара едет к диггерам, забирать грузовик, который сегодня будет колесницей господа Джаганнатхи, верховного владыки вселенной. На открытый кузов мы вбиваем гвоздями деревянные подпорки 5 футов в высоту, чтобы укрепить на них балдахин. Вместе с балдахином мы развешиваем цветы и колокольчики, а на деревянные подпорки мы наклеиваем репродукции с Кришной. На широком бампере мы пишем краской Харе Кришна на санскрите.

Субал и Рамануджа разгружают коробки с цветами из парка, а Харшарани с Ямуной приносят полные корзины *чапати*. Джаянанда приезжает с 35 литровыми баками полных яблоками, апельсинами и бананами. Когда колесница Ратха-ятры готова, Джаянанда катит её к апартаментам Шьямасундары, где ждут Их Светлости. Расшторив Божества и одев на них гирлянды из гибискусов, мы осторожно несём Их вниз на их колесницу.

джаганнатха-свами найана патха гами бхавату ме

- поём мы, помещая Господа Джаганнатху с правой стороны в колеснице под балдахином.

«Господь вселенной, пожалуйста, яви Себя мне».

Субхадра выглядывает сзади, а Господь Баларама стоит с левого боку. По четырём углам колесницы мы расставляем Христианский, Мусульманский, Иудаистский флаги и флаг ИСККОН. Наш флаг состоит из санскритского *Ом*, и рисунка танцующих Радхи и Кришны.

«В действительности, каждое Божество должно ехать на отдельной колеснице», — рассказал нам Свамиджи, — «а колесницы эти за верёвки должны тянуть по улицам толпы людей. Но, ничего может быть в будущем вы сможете организовать это».

В целом же, Господь Джаганнатха выглядит очень счастливым, глядя на вселенную со своего некрытого грузовика. Пока мы поворачиваем за угол на Хэйт Стрит, колокольчики на балдахине позванивают. Их Светлости слегка покачиваются, как будто танцуют. Мы беспокоимся о том, чтобы укрепить Их получше. В час дня на мотоциклах приезжает полиция, чтобы сопровождать наше шествие по Хэйт. Начинают собираться хиппи, а улица свободна от машин. Харидас, Мукунда, Джанаки и я едем на колеснице. Мукунда кричит в микрофон, прося каждого воспевать Харе Кришна. Пока Господь Джаганнатха великодушно улыбается, полицейские набирают обороты на своих мотоциклах. Они торопятся.

Харидас играет на *мриданге*, я извергаю из своего рожка звуки, подобные тем, при разрушении вселенной. Увидев таращащихся на нас индийцев, мы приглашаем их на колесницу. Мы медленно продвигаемся вперёд. Субал с воздетыми к небу руками, танцует пред колесницей и воспевает. Мы просим его идти медленно, несмотря на полицейских. Ямуна, Гурудас, Упендра и другие тоже идут, окружив колесницу. Девушки одеты в сари и даже некоторые хиппи облачились в одежды преданных. Барабаны, цимбалы и бубны отбивают ритм, и толпа запевает Харе Кришна.

Всегда готовые присоединиться к какому-нибудь празднеству, хиппи вылезают с боковых улиц, из квартир, из кафе, целыми тучами. Девушки раздают апельсины, яблоки, бананы, *чапати, пури*. Пока Шьямасундара ведёт колесницу, по обочинам дороги собираются люди, втекают в уличное шествие. Господь Джаганнатха не перестает улыбаться.

«Двигайтесь! Двигайтесь!» — кричит с мотоцикла полицейский Шьямасундаре, потом обрывается.

«Помедленнее!» — кричит Мукунда в окно Шьямасундаре. — «Мы можем прибавить на Фредерик».

По Хэйт, ко входу в парк, мы собираем огромнейшую толпу. Субала, теперь превратившейся в вертящегося дервиша, как сумасшедший танцует перед колесницей, иногда останавливаясь и кружась кругами. Джаянанда прыгает вверх и вниз на прямых ногах и стучит в цимбалы. Время от времени колесница останавливается и собираются люди вокруг танцующего Субала и прыгающего Джаянанды. Полицейский на мотоцикле опять прорезается и вопит на Шьямасундару, чтобы тот ехал быстрее.

«Я не могу переехать через людей», — возражает Шьямасундара.

В конце концов, когда мы добираемся до входа в Станйан, окружающие нас толпы блокируют улицы. Мы сворачиваем налево, к храму, а полицейские взмывают, разворачиваясь как бешеные осы. Хиппи хватаются за заднюю часть колесницы. Я разбрасываю цветы. Мукунда разбрасывает яблоки. Харидас разбрасывает воздушные поцелуи. Когда мы добираемся до Фредерик Стрит и проезжаем храм, раздаются громкие возгласы.

«Храм Радхи-Кришны, *ки джай*! Нью-Джаганнатха Пури, *ки джай!*»

Пока мы поднимаемся в горку, Шьямасундара переключается на первую передачу. Снова танцующие Субал и Джаянанда вынуждают нас останавливаться. Тогда двигатель моментально выключается, и мы сползаем назад где-то на 10 метров. Я боюсь, что мы подавим людей, но все умудряются, смеясь увильнуть с пути. Господь Джаганнатха оберегает нас. Когда мы проезжаем по району, заселёнными богатыми людьми, они выбегают на свои балконы посмотреть. У них открываются рты. Некоторые свирепо смотрят в гневе.

«Сумасшедшие хиппи!».

«То ли ещё будет!».

«Это международное общество спятивших».

Домовладельцы накидываются на полицейских, требуя объяснений. Мы едем дальше, за нами теперь уже следуют сотни хиппи, все они воспевают Харе Кришна, толпа теперь распростерлась на 3 квартала. Когда мы добираемся до пляжа, мы спрыгиваем с колесницы, бежим по песку вниз и встаём перед Тихим океаном.

Харе Кришна. Дальше дороги нет.

Хиппи разбредаются вокруг как сбитые с толку лемминги, глядя на нас и ожидая чего-то. Мы не знаем, что делать дальше. Свамиджи не дал нам дальнейших указаний, и сейчас весь *прасад* уже роздан. Я советуюсь с Харидасом.

«Что же теперь?».

«Я знаю так же, как и ты», — отвечает он.

«Свамиджи сказал, чтобы мы провели *киртан* и раздали *прасадам*», — говорит Субал.

«Мы сделали это».

Я оглядываюсь назад, на колесницу. Господь Джаганнатха по-прежнему улыбается. По традиции Его должны были бы бросить в океан, и вырезать из дерева новое Божество, но Свамиджи сказал нам, что в этом нет необходимости.

«Я думаю, что нам нужно просто продолжать воспевать», — предлагаю я.

«Давайте отвезём Господа Джаганнатху в горы», — говорит Субал.

«Конечно. Почему бы и нет? Попозже».

Джаянанда на строительстве первой колесницы.

Ратха-ятра, Сан-Франциско, 1967 год.

Хотя у нас не осталось больше *прасадам,* некоторые хиппи бегают вокруг с бумажными тарелками, с которых они раздают леденцы. Мы с Харидасом берём по паре горстей, и сосём сладкие кристаллики, глядя на океан. Мукунда и Гурудас сидят на песке и продолжают воспевать. Вокруг них собирается толпа народу. Все тянут руки за леденцами.

«Свамиджи хочет увидеть Божества», — говорит Шьямасундара. — «Давайте попоём здесь около часа, а потом направимся в Стинсон Бич».

Мы сооружаем костёр и воспеваем вокруг него вплоть до четырёх часов дня. Когда мы останавливаемся, всё, что мы можем слышать — это шум волн и повторяющийся звон цимбал. Внезапно, Ямуна вскакивает на ноги и смотрит на море.

«Где Гурудас?» — спрашивает она.

Я смотрю по сторонам и не вижу его. Затем, когда я опять поворачиваюсь к ней, вижу, что Гурудас сидит с ней рядом. И всё-таки, Ямуна, как будто бы ослепла, пускается бежать по пляжу, зовя Гурудаса. Джанаки говорит Мукунде, что ей что-то нехорошо. Мукунда смеётся. Исчезает куда-то Равиндра Сварупа. Хиппи по-прежнему толкутся вокруг, и я внезапно осознаю, что Свамиджи ждёт нас. Я поворачиваюсь к Харидасу, который продолжает пялиться на бегущие волны.

«Лучше нам сесть в грузовик сейчас», — говорю я, выводя его из его мечтаний.

«Да, Боже мой, это воспевание действительно привело меня в полную рассеянность», — говорит он.

Мы проходим немного по прибрежной дороге, пытаясь собрать вместе всех преданных, чтобы отправиться в Стинсон Бич, но такое впечатление, будто все разлетелись в разные стороны. В конце концов Джаянанда, Харидас, Харшарани и я забираемся в машину Джаянанды. Остальные едут со Шьямасундаром, воспевая для

Божеств, в колеснице. Мы договариваемся встретиться дома у Шьямасундара, и оттуда вместе поехать в Стинсон Бич.

Пока мы едем мимо Голден Гэйт Парка, я начинаю замечать, что машина становится прозрачной. Когда я смотрю наверх, сквозь красную пластмассовую крышу я вижу небо. Парковые деревья и дорожные знаки становятся видны сквозь сами стены машины. Я внезапно начинаю чувствовать, как будто бы меня приклеило к глазной сетчатке.

«Что-то не так?» — спрашивает Харидас.

«Я странно себя чувствую», — говорю я. – «Похоже, что это от того, что мы так долго воспевали».

«Ты ведь, конечно же, не ел эти леденцы? — спрашивает Харшарани. – «Я слышала, что в них была добавлена ЛСД».

Я должен же был знать. Леденцы! Конечно же! Я смотрю на Харидаса и вижу, как меняется его лицо.

«Не удивляйся!» — посмеивается он.

«Итак, это объясняет то, что произошло с Ямуной и Джанаки!».

«Многим стало плохо», — говорит Харшарани. – «Кришна даси и нескольким ещё».

«О Кришна дорогой!» — я понимаю, что наркотическое воздействие только начинается. К тому времени как мы доезжаем до Шьямасундары, я вижу всё в голубом цвете. Я бегу наверх и падаю на кровать. Это поистине долгое падение. Я подскакиваю, бегу в ванную, и смотрю в зеркало на то, как я превращаюсь в совсем другого человека. Харидас и Шьямасундара спрашивают, в готов ли я ехать в Стинсон Бич.

«Я не могу увидеть Свамиджи в таком состоянии», — говорю я.

«Это пройдёт».

«По крайней мере, нам нужно немного подождать».

«Это был потрясающий фестиваль», — произносит Шьямасундара. – «Все только о нём и говорят».

Я сижу и наблюдаю как они превращаются у меня в глазах во множество людей.

«Это не сознание Кришны», — думаю я. – «Это колдовская алхимия, чёрная магия».

Я раскаиваюсь в том, что наелся *бхоги*, не *прасадам.* Зная, что физические эффекты сойдут, я выжидаю время до тех пор, пока терпение Шьямасундара не истекает. К счастью, я съел не так уж много. Мы набиваемся битком в грузовик и едем в Стинсон Бич, пока только начинает смеркаться.

Свамиджи выходит из дома, посмотреть на стоящего в Своей колеснице, Господа Джаганнатху. Он очень доволен. Мы забираем Божества в дом и помещаем Их обратно на пианино. Впервые после прибытия Свамиджи сюда, столь много преданных сразу имеют возможность увидеть Свамиджи. Собравшись в гостиной, мы рассказываем Свамиджи о фестивале.

«Это было замечательно! Всем очень понравилось».

Свамиджи с интересом выслушивает обо всех деталях. Когда Шьямасундара рассказывает ему о том, как грузовик остановился на холме и стал скатываться назад, Свамиджи улыбается.

«Да», — говорит он. – «Это развлечение Господа Джаганнатхи. Однажды, колесница встала, как вкопанная, так, что даже царские слоны не могли сдвинуть её с места. Только Сам Господь Чайтанья смог подтолкнуть её. Так что, Господь Джаганнатха милостиво принёс с Собой в Америку Свои развлечения».

Киртанананда раздаёт *прасадам,* и мы едим от всей души. Все чувствуют себя окрылёнными, поскольку то, как Свамиджи

выздоравливает — очевидно. Пока мы вкушаем *прасадам,* мы слушаем как он рассказывает о Джаганнатха Пури и о планетах Вайкунтхи. Речь его теперь довольно окрепла.

«До тех пор, пока мы пребываем в этом океане материальной природы», — говорит он, — «мы всегда будем чувствовать тревогу. Но не на Вайкунтхе. Вайкунтха — означает свободу от тревог. Все в материальной вселенной — от Господа Брахмы до мельчайшего муравья — пребывают в беспокойстве по тому или иному поводу. Если вы смотрите на птицу, и сделаете резкое движение, то птица улетит в страхе. Она будет в тревоге думать: "О, что, если меня поймают и съедят?". В «Падма-пуране» говорится, что меньшие живые существа служат пищей для больших. Так что все пребывают в беспокойстве — даже сам Брахма, ибо несмотря на то, что его год неисчислимо огромен по сравнению с нашим, всё равно в конце приходит уничтожение».

Пока мы слушаем, мы забываем о леденцах и о временном опьянении, которое кажется детским баловством, чем-то искусственным. Но когда Свамиджи спрашивает о том, где Джанаки и Ямуна, Субал упоминает о инциденте.

«Они поправляются, Свамиджи», — говорит он. – «Какие-то хиппи раздавали леденцы, начинённые ЛСД. Никто этого не знал».

Глаза Свамиджи широко раскрываются.

«О! Вы только посмотрите!» — говорит он. – «Вы не можете есть всё, что попало. Вы должны есть только Кришна *прасадам*. Пусть это послужит вам уроком. Вы получили минимальные последствия, поскольку вы пытались служить Господу Джаганнатхе».

Затем снова Свамиджи сводит всё к разговору о Кришне и о чудесных эффектах преданности Ему, и у нас такое впечатление, что он и не болел никогда вовсе, что он продолжает говорить так целую вечность.

«Когда я приехал из Индии», — говорит он, — «я плыл через океан воды. А чтобы приехать сюда из Нью-Йорка, я летел над

океаном облаков. Над облаками было солнце, но, когда мы спустились сквозь облака и приземлились, в Сан-Франциско было пасмурно и облачно. Но само солнце по-прежнему продолжало светить. Эти облака не в состоянии окутать весь мир, или хотя бы все Соединенные Штаты, которые — всего лишь песчинка во вселенной. С самолёта эти небоскрёбы кажутся нам очень крошечными. Подобно этому, с точки зрения Бога, весь этот вздор в материальном мире совершенно незначителен. Как живое существо, я очень незначителен, и имею склонность к падению. Но у солнца нет такой тенденции. Оно всегда находится за пределами облаков *майи*».

«Свамиджи», — говорит новый ученик. – «Почему одна душа возвышается, в то время как другая – падает?».

«Почему одна душа находится в пивном баре, а другая — в храме Кришны?» — спрашивает в ответ Свамиджи.

Парень не знает, что ответить.

«Потому что один хочет быть здесь, а другой нет», — говорит Свамиджи, отвечая сам себе. – «В этом заключается независимость. Если ты злоупотребишь ею, ты падёшь. А используешь её правильно — то будешь возвышаться».

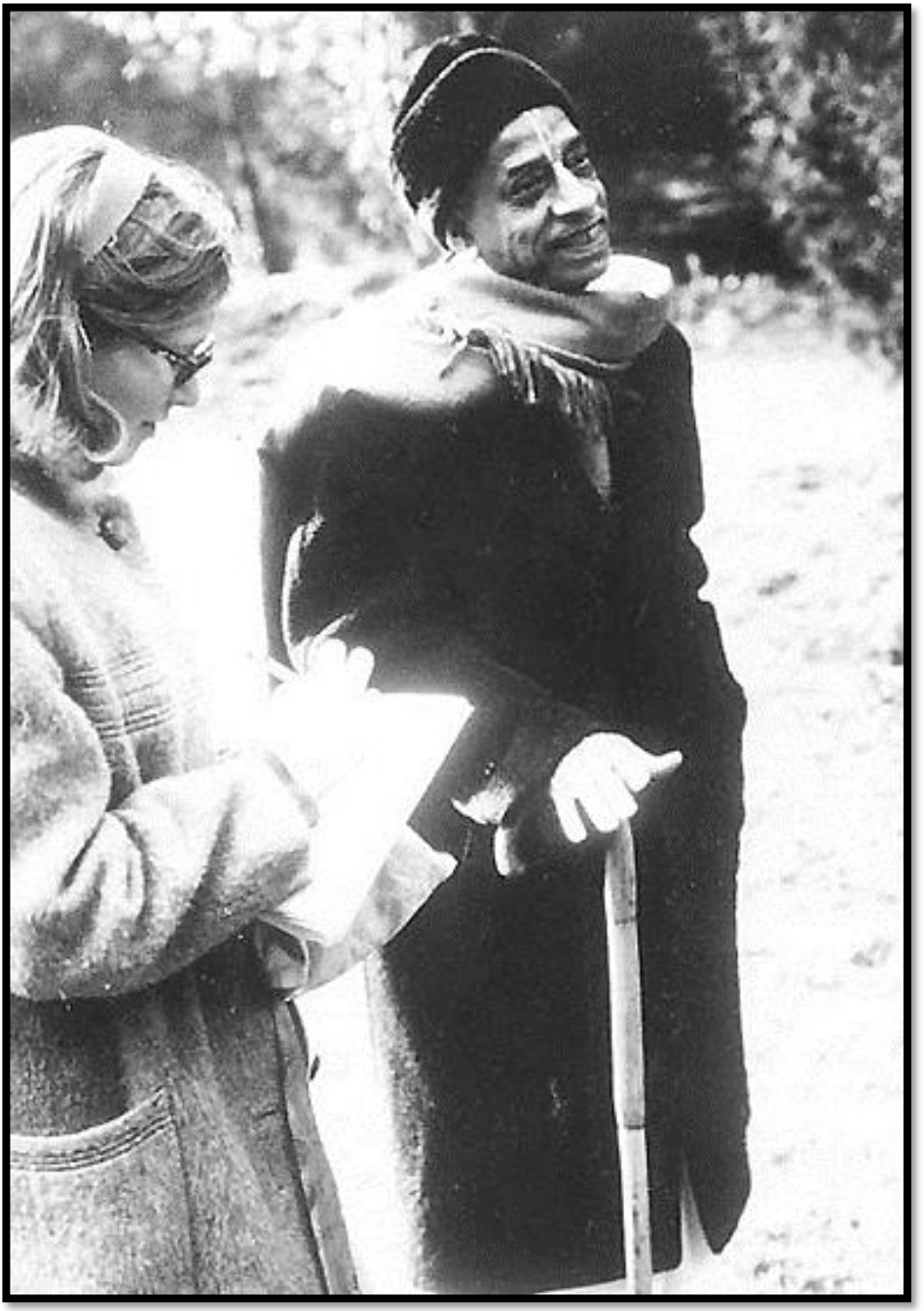
*** * ***

Через некоторое время Киртанананда предлагает, чтобы мы позволили Свамиджи отдохнуть. Божества останутся на несколько дней в Пресидио перед тем, как вернуться в храм. К тому времени, как начинает сгущаться вечерний туман, мы снова загружаемся в открытый грузовик. Он уже больше не представляет собой трансцендентную колесницу Господа. Трон Джаганнатхи перенесли, а зонт убрали. Ратха-ятра в Сан-Франциско 1967 завершилась.

Возвращаясь в храм, мы воспеваем и сбиваемся все вместе в кучку от вечернего ветра. Мы счастливы из-за того, что Свамиджи остался доволен. Наше шествие к Тихому Океану вместе с Верховным Господом вселенной было победоносным.

«Это было только начало», — говорит Свамиджи на следующее утро. — «Мы проведём со всей пышностью множество таких праздников по всему миру. Один за другим, вы увидите!».

Глава 12. Отъезд в Индию.

Пресидио — место не слишком райское. Птичий помёт на голове Будды, без сомнения предвещал нечто дурное. Тут очень мало солнца. К востоку за домом горные вершины перекрывают дорогу утренним солнечным лучам, а к полудню собираются облака и сгущается туман. И температура воздуха довольно прохладная для июля. Для полного выздоровления Свамиджи необходимо много солнца. Особенно ему не хватает утреннего солнца. Он чувствует, что, если бы он просто смог получать достаточно света и тепла его состояние бы улучшилось. Из-за этого он начинает поговаривать о том, чтобы вернуться в Индию, и это огорчает нас. Мы предоставили ему самое замечательное место, какое только возможно рядом с Сан Франциско, но мы не смогли предоставить ему солнце.

Более того, Свамиджи отказывается приостановить контакты с храмом. Он хочет посещать храм по крайней мере два раза в неделю, но извилистая дорога в Сан Франциско слишком тяжела. Он всё чаще говорит об Индии. Он хочет проконсультироваться у аюрведического врача, который обычно предписывает природные средства на основе трав, рекомендованные в определённом разделе Вед. И потом, есть ещё индийский массаж, искусство которого неведомо никому из нас. Свамиджи жалуется на то, что западные знают только как кромсать ножами и утыкивать иголками. Мы не знаем, что и предложить. Мы чувствуем себя не отвечающими требованиям, беспомощными.

После фестиваля Ратха-ятры, Свамиджи говорит мне, что я должен оставаться в Пресидио и всё время работать над окончательным вариантом рукописи «Бхагавад-Гиты». В Нью-Йорке Брахмананда продолжает вести переговоры с издателями. Книги должны быть изданы любой ценой. Моё дело — подготовить рукопись как можно лучше.

«Текст должен быть правильно изложен на хорошем английском языке», — настаивает Свамиджи. – «Если будут какие-то вопросы по переводам стихов, можешь спросить меня. Помни, тебе нужно редактировать для силы и ясности».

Каждый день я стараюсь прояснить и усилить предложения, не изменяя стиля и не затрагивая значения, и, нет необходимости

говорить, что это очень трудно. Очень скоро я обнаруживаю, что советуюсь со Свамиджи практически по каждому стиху, и под час перевод, который он диктует мне, выходит совершенно другим. Переводы стихов — это наиболее проблематичная задача, потому что они зачастую отличаются от санскритского английского пословника, представленного наряду с ними. Что же делать?

«Этим ты порядком беспокоишь его», — говорит мне Киртанананда. — «Всякий раз, когда кто-нибудь появляется у него в комнате, он говорит с ним до изнеможения».

Это правда. Он начинает говорить сидя. Затем он прислоняется спиной к спинке кресла и продолжает говорить. Потом он облокачивается на подлокотник кресла. Потом он ложится на бок, и всё ещё продолжая говорить, продолжая объяснять, продолжая прославлять Кришну.

В это время он говорит Харидасу: «У меня больше нет физического тела. Оно полностью духовно».

Харидас выходит из его комнаты почти плача.

«Свамиджи прекрасен как никогда», — рассказывает он мне. – «Возможно ли такое, чтобы твой духовный учитель всё ещё прогрессировал сам в духовной жизни?».

«Я не знаю», — говорю я. – «Он говорит, что духовная жизнь всегда динамична».

«Такое впечатление, что его вибрация теперь на гораздо более высоком уровне», — настаивает Харидас.

«Остальные говорят тоже самое», — говорю я. – «Но может быть и так, что это просто зависит от нашего восприятия».

«Сейчас он больше воспевает», — продолжает настаивать Харидас. – «Даже больше, чем тогда, когда он жил у Мишры, больше, чем я когда-либо слышал».

«Мне не хотелось бы спекулировать по этому поводу», — говорю я.

* * *

В конце концов Свамиджи устаёт от того, что я постоянно консультируюсь с ним о стихах «Бхагавад-Гиты».

«Просто перепиши стихи с какого-нибудь другого перевода», — говорит мне он. – «Стихи не так важны. Есть так много переводов, более или менее точных, к тому же, всегда приводится санскрит. Сосредоточься на комментариях. Есть так много вздорных комментариев, таких, как комментарии Радхакришнана, Ганди, Никхилананды. Чего недостаёт, так этих вайшнавских комментариев в проповеднической цепи Чайтаньи Махапрабху. Это то, чего не хватает всем этим английским версиям. Это то, чего не хватает миру».

«Но я не могу просто списать переводы других», — говорю я.

«В этом нет ничего плохого».

«Но это же будет плагиат».

«Как это? Эти слова принадлежат Кришне. Слова Кришны понятны, как ясный день. Просто эти комментаторы извратили их значения своими утверждениями о том, что всё это относится "Не к Кришне". А мои комментарии утверждают, что всё это относится «К Кришне". В этом единственное различие».

* * *

В десять или в одиннадцать часов, когда солнце показывается из-за гор, Свамиджи выходит на пляж, садится на маленькую подстилку и воспевает Харе Кришна. Повторяя очень тихим голосом, едва слышно, он сидит со скрещенными ногами, с чадаром, обёрнутым вокруг его головы как тюрбан.

Мы ожидаем, что в любое мгновение мы можем поднять глаза и увидеть, как подстилка, на которой он сидит, отрывается от земли, и устремляется на запад, через океан, в Индию.

На фоне переменной облачности, дни с Стинсон Бич пролетают быстро. Около пяти утра Киртанананда просыпается и слушает, когда встанет Свамиджи, и как только это происходит, тот заходит в его комнату и открывает окно, чтобы впустить ранний утренний ветерок. К сожалению, в Стинсон Бич нет раннего утреннего солнца.

На утренней прогулке Свамиджи сопровождает Упендра — восемнадцатилетний *брахмачари*, заботливый и преданный, который спокойно идёт за Свамиджи, пока тот спускается вниз по берегу. Часто Свамиджи проходит небольшой участок и садится на какое-нибудь бревно или на снесённое дерево и смотрит на океанский прибой. Иногда он сидит молча, а иногда он читает стихи на бенгали или санскрите, или рассказывает о Кришне, или о важности расширения нашего движения.

Это тихие, прекрасные, сокровенные мгновения. Он продолжает говорить нам о том, что ему нужно больше солнца. И это, конечно же, приводит к планам о возвращении в Индию.

«Я возьму с собой в Индию некоторых из вас, для обучения», — говорит он нам. – «Сейчас со мной поедет Киртанананда. И ты, Хаягрива, тоже можешь поехать. И Мукунда со Шьямасундарой».

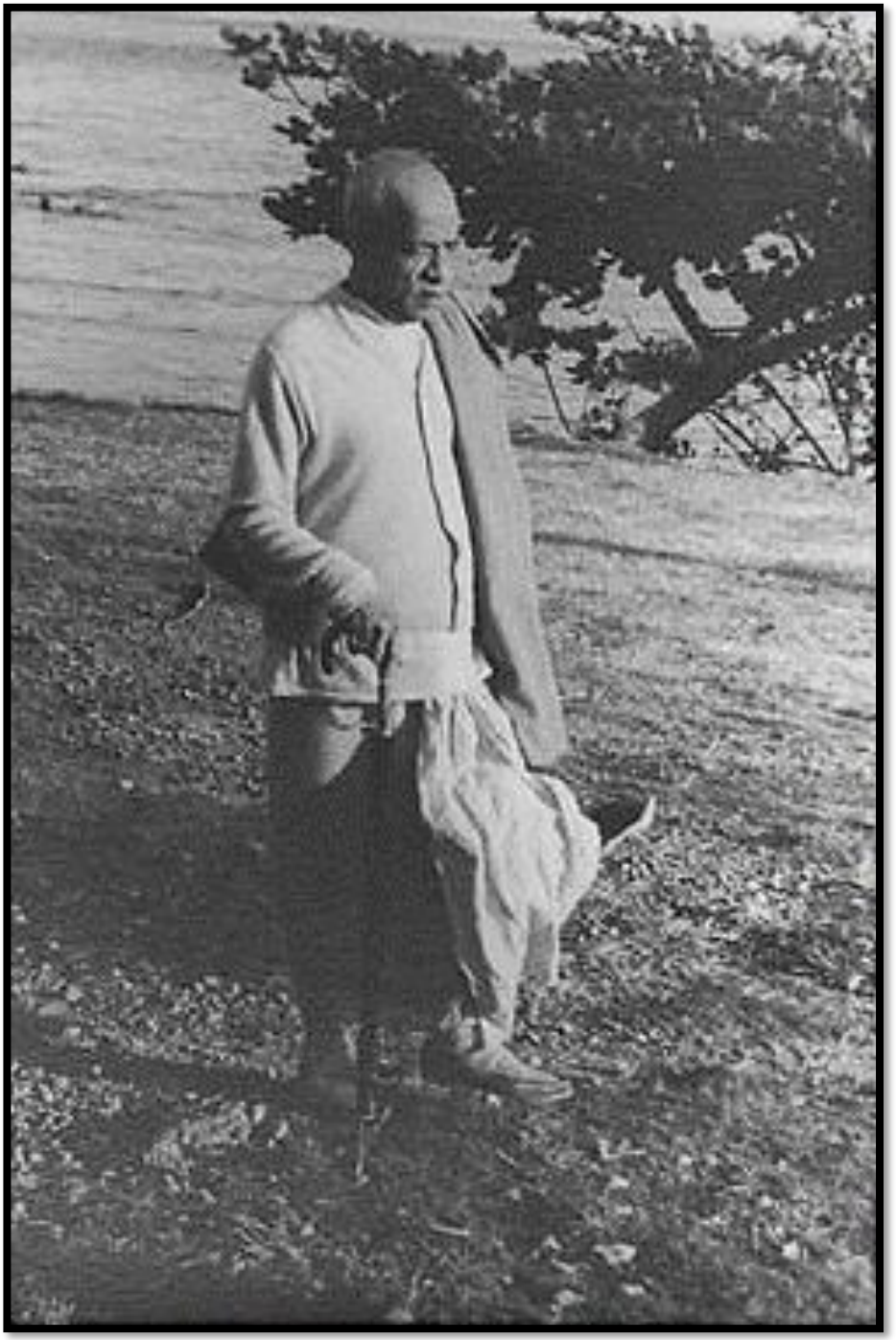
«Но у нас ни у кого нет денег на дорогу», — говорю я.

«Это я смогу устроить. Владелица пароходной компании Скиндиа, Сумати Морарджи, может помочь. Вы ездили на её корабле; я знаю, что это вполне подходит. Может быть она даст разрешение на свободный проезд моим ученикам, чтобы они могли приезжать во Вриндаван».

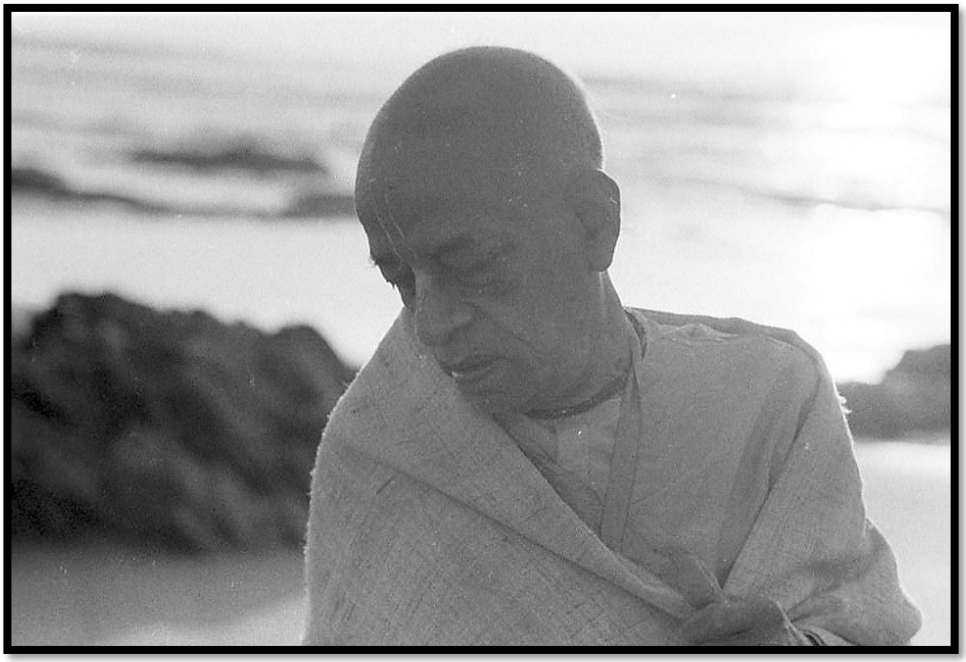
«Вы поедете обратно во Вриндаван?».

«Я не знаю, когда настигнет меня смерть», — говорит он серьёзно. – «Я хочу умереть во Вриндаване».

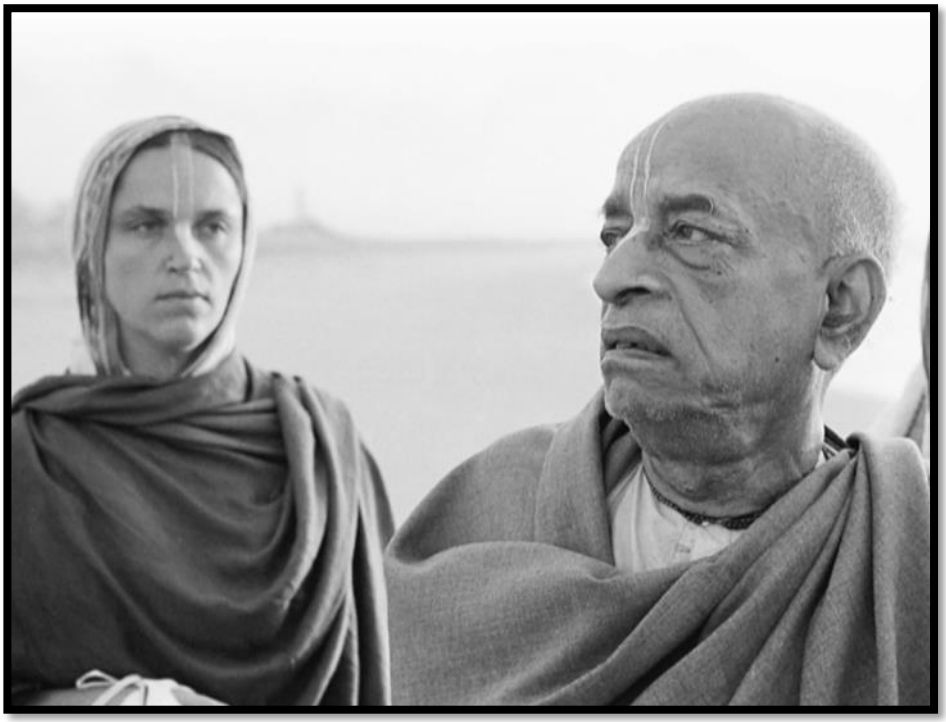
«Пожалуйста не говорите о том, чтобы покинуть нас сейчас», — говорит Киртанананда.

Шрила Прабхупада, прогулки у океана в Сан-Франциско, 1967 год.

Шрила Прабхупада, прогулки у океана в Сан-Франциско, 1967 год.

«Духовный учитель никогда не покидает своего ученика», — говорит он. — Я ни разу не чувствовал такого, чтобы мой Гуру Махарадж покинул меня. Однако это тело теперь состарилось, и может отказать в любой момент. Конечно, это не имеет значения, умру я в Америке или во Вриндаване. Думать о Кришне — значит находиться во Вриндаване».

«Тогда оставайтесь здесь, с нами, Свамиджи», — говорю я. — «Вы сможете обучать нас здесь. Если вы хотите, мы можем поехать в Лос-Анджелес, где больше солнца».

«Да, мне нужно больше солнца», — смеётся Свамиджи. – «Но Вриндаван — это нечто особое. Вы увидите это. Вриндаван — это единственное место во вселенной, где сознание Кришны раскрывается само собой».

*** * ***

Каждое утро разные преданные приезжают из Сан-Франциско, чтобы в течении дня побыть со Свамиджи. Несмотря на то, что здесь нет никаких формальных, соблюдаемых при церемонии инициации, ритуалов, или нет огненного жертвоприношения, Свамиджи воспевает на новых чётках и инициирует преданных, одаривая их духовными именами: Анируддха, Уддхава, Мурари, Девананда.

Однажды, когда приезжает Джанаки, она выражает возражение по поводу изображения Господа Нрисимхадева, раздирающего внутренности демона Хиранйакашипу.

«Это действительно ужасная картина», — говорит она, делая гримасу.

«Для преданных она прекрасна», — говорит он. – «Преданный восхваляет Господа Нрисимхадева:

далита хиранйакашипу тану бхрингам

"Ногтями своих прекрасных рук, ты разодрал на части этого осоподобного демона". Хираньякашипу был таким великим демоном,

что даже пытался убить своего маленького сына, Прахлада Махараджа просто потому, что тот был преданным. Так что Господь убил Хираньякашипу, чтобы защитить Своего преданного и освободить демона».

«Но сейчас нет таких демонов», — говорит Джанаки.

«О да», — отвечает Свамиджи. – «Демон значит – непреданный».

«Может быть мы не должны называть их демонами», — предлагает Киртанананда. – «Люди никогда не придут к нам, если мы будем называть их демонами».

«Но они являются демонами», — говорит Свамиджи. — «Если вы не преданный, то вы – демон».

«А разве большинство людей не находится где-то посередине?».

«Посередине — значит демон», — говорит Свамиджи.

«Но большинство людей никогда не слышали о Кришне», — говорит Киртанананда, — «Как можно называть их демонами?».

«Каждый слышал о Боге», — говорит Свамиджи. – «Кришна — это Бог. В любом случае, они могут быть и невинными, поэтому мы говорим им о Кришне. Но на самом деле, поскольку они находятся здесь, в этом материальном мире, они, в действительности, не невинны. Так или иначе они выбрали забыть о Кришне, и поэтому являются демонами».

«Я думал, что в сознании Кришны человек во всех видит Кришну», — говорит Киртанананда.

«Да», — отвечает Свамиджи. – «Кришна также и в демонах. Но разве это означает, что нам нужно стать демонами? До тех пор, пока вы не будете отличать демонов от преданных, вы не сможете прогрессировать в сознании Кришны».

«А может демон стать преданным?».

«Конечно — воспевая Харе Кришна и согласившись служить Кришне. А преданный может временно пасть и действовать подобно демонам. У нас всегда есть эта независимость».

* * *

Проведя неделю в Пресидио, Свамиджи чувствует значительное улучшение своего здоровья, и в конце концов решает, что должен уехать. Поскольку здесь мало солнца, и время от времени бывает туман, это не самое лучшее для него. И ему остаётся принять только одно решение: ехать ему с запада — через Японию, или с востока — через Нью-Йорк. Поскольку его деньги лежать на счету в банке в Нью-Йорке, он решает взять курс на восток. Киртанананда будет сопровождать его.

«Когда Киртанананда увидит Вриндаван», — говорит он, — «он будет не в состоянии понять, как я смог уехать оттуда, чтобы отправиться сюда. Вриндаван так прекрасен. Там нет этих гудящих моторами машин, носящихся повсюду и производя столько копоти. Есть только Харе Кришна, и все постоянно воспевают. Там не меньше пяти тысяч храмов. Я покажу их тебе, Киртанананда. Мы обойдём там все, и я всё покажу тебе».

Он говорит мне, что я должен оставаться и работать вместе с Брахманандой, чтобы убедиться в том, чтобы «Бхагавад-Гита» была издана. Брахмананда — большой, впечатляющий, разговорчивый, напористый человек. Он убедит одной своей представительностью. Он убедит одной своей манерой обращения. Тем временем, сам Свамиджи будет поправлять в Индии своё здоровье и вернётся, когда в полной мере наберётся сил.

Во время нашего последнего дня пребывания в Стинсон Бич несколько ребят из храма в Сан-Франциско продолжают наносить визиты Свамиджи, и один за другим они приезжают, чтобы получить инициацию или просто получить драгоценное общение со Свамиджи. Пока люди приезжают и уезжают, Киртанананда постоянно внимательно следит за тем, чтобы Свамиджи не перенапрягался. В течении дня я сижу во внутреннем дворике, работая над «Бхагавад-

Гитой» и изредка беспокоя Свамиджи своими вопросами. По полудню, когда Свамиджи садится на пляже, мы с Упендрой решаемся недолго поплавать в холодном Тихом океане.

«Осторожно, смотрите не простудитесь», — предупреждает нас Свамиджи, как заботливый родитель.

Наиболее счастливые мгновения бывают вечером, когда мы проводим *киртаны.* Мы проигрываем пластинку Харе Кришна на портативном проигрывателе и воспеваем под неё. Свамиджи сидит на гостиной кушетке и хлопает в ладоши, его глаза остаются закрытыми в сосредоточенной медитации. Чтобы он не уставал, мы не даём *киртану* становиться слишком громким. Нас никогда не собирается там больше трёх или четырёх человек.

Всё время, когда я поднимаю глаза на окно, я вижу прибой океана, потом поворачиваюсь и вижу Свамиджи, сидящего на кушетке и картину, изображающую храм в Джаганнатха Пури, висящую на стене за ним, и кажется, что мы и на самом деле находимся с Джаганнатха Пури. Свамиджи всегда переносит с собой свою собственную атмосферу. После воспевания Харе Кришна, мы читаем «Бхагавад-Гиту», а затем поём:

говинда джая джая
гопала джая джая
радха-рамана хари
говинда джая джая

Иногда Свамиджи тоже встаёт и танцует, и, хотя мы и беспокоимся о том, что он так напрягается, видеть это чудесно.

* * *

Свамиджи покупает билет на самолёт, чтобы уехать в Нью-Йорк, а оттуда — в Индию. Он продолжает говорить об индийском солнце и аюрведическим враче. Некоторые из преданных волнуются, думая, что Свамиджи решил отправиться в Индию, чтобы оставить там тело, и спрашивают его, можно ли, чтобы в его отсутствие кто-нибудь из его

братьев в Боге приехал в Америку чтобы возглавить движение. В ту минуту, когда этот вопрос поступает к нему, мы чувствуем, что сам по себе этот вопрос оскорбителен.

Свамиджи становится очень серьёзен, закрывает глаза и на мгновение кажется, что он размышляет над ним. Потом внезапно мы видим, как по его щекам падают слёзы.

«Мой Гуру Махарадж... он не был обычным духовным учителем», — говорит он, утирая слезы, — «Он... спас меня».

Позже Свамиджи говорит нам, что мы всегда должны знать, что никто не может заменить нам его. Сама эта идея оскорбительна.

«Если кто-то приедет и скажет вам нечто, что будет отличаться от того, что сказал вам я», — говорит он, — «вы будете в замешательстве». Предмет исчерпан.

*** * ***

В день его отъезда, Шьямасундара и Малати выезжают из Сан Франциско, чтобы забрать Свамиджи и Киртанананду. Харидас, Упендра и я едем следом за ними в храм на Фредерик Стрит. Перед храмом ждут несколько десятков юношей и девушек, ожидающих получить инициацию. Все они чувствуют, что больше уже никогда не увидят его вновь.

В его квартире рядом с храмом творится хаос. Даже Киртанананда не в состоянии навести там порядок. Кандидаты на инициацию поднимаются к нему по четыре человека, и Свамиджи воспевает на чётках их всех. Так же, как и в Стинсон Бич, не проводится никакого огненного обряда — он просто воспевает на чётках и даёт им духовные имена.

Не считаясь с нашими советами, вечером Свамиджи спускается в храм. Там всё битком набито. Когда он входит, мы кланяемся и *киртан* обрывается. Каждый чувствует трагическую перемену со времени болезни Свамиджи. До неё мы принимали его за нечто, само собой разумеющееся; теперь же, мы обращаемся с ним с огромным трепетом.

В его присутствии у нас проявляется некое благоговейное внимание. Когда он садится на своё сидение, все глаза смотрят на него. Он делает нам знак, чтобы мы продолжали *киртан.* После *киртана*, вместо того чтобы, как это было запланировано, покинуть храм, Свамиджи просит, чтобы ему дали микрофон.

«Я думал, что от него не ожидается, что он станет говорить», — шепчу я Киртанананде. — «Ничто не может остановить его теперь».

Сначала Свамиджи начинает говорить тихо, рассказывая о важности движения *санкиртаны* Господа Чайтаньи, а потом — о том, как ему повезло, в его приезде в Америку.

«Я оставил дом, думая, что я оставляю своих детей», — говорит нам он. – «В Индии у меня было всего пятеро детей, о которых я заботился. Теперь я приехал в вашу страну, и внезапно у меня появились сотни детей, и все вы заботитесь обо мне. Так что, в этом проявление милости Кришны. Кришна обещает, что когда вы погружаетесь в служение Ему, Он сохранит то, чем вы обладаете, и в добавок даст вам то, чего вам недостаёт. Теперь я уезжаю в Индию на некоторое время, но, когда я полностью поправлюсь, я вернусь сюда. С материальной точки зрения, мы, может быть, и расстанемся, но, когда мы воспеваем Харе Кришна и речи быть не может о расставании. На трансцендентном уровне между нами существует единство. Мы все едины в служении Кришне, подобно частям одного тела. Возможны какие-то нападки *майи*. *Майя* очень сильна. Но мы должны крепко держаться в нашем сознании Кришны. Это чисто духовно. Пожалуйста, не принимайте это легковесно. Все вы молодые юноши и девушки, и у вас впереди ещё вся жизнь. В этом материальном мире всё приходит и уходит, но я умоляю вас, не растрачивайте свои жизни в пустую на эти материальные вещи...».

Потом, в первый раз это происходит во время лекции, мы слышим, как его голос обрывается, и на глазах выступают слёзы.

«Не выбрасывайте свои жизни на ветер. Человеческая жизнь — это такая... такая возможность. Я умоляю вас... примите этот процесс. Это самый возвышенный процесс. Он... вечен».

Хотя к Свамиджи быстро возвращается его внешнее самообладание, все мы по-прежнему остаёмся в шоковом состоянии: ребята на грани того, чтобы пуститься в слёзы, девушки — плачут в открытую.

«Мы можем прийти и уйти», — заключает он, — «но это воспевание Харе Кришна остаётся».

* * *

Долгое время он сидит на своём сидении на возвышении, созерцая обусловленные души перед собой, души, облачённые в юные американские тела, души, запутавшиеся и сбитые с толку, но по какой-то счастливой случайности оказавшиеся в его обществе.

«Это сознание Кришны столь прекрасно», — говорит он наконец, — «что, если вы однажды утвердились в нём, вы будете видеть Кришну повсюду. Не только в храме, но в форме Параматмы, Сверхдуши сердце каждого живого существа, Вы будете видеть Его в каждом атоме творения. И тогда вы скажете: "О! Кришна — властелин всего сущего!"».

«А вы сейчас видите Сверхдушу в моём сердце?» — спрашивает кто-то.

Мгновение он колеблется, так, будто бы вопрос был оскорбителен, затем отвечает: «Да».

«А Господь стоит или сидит там?» — допытывается вопрошающий.

«Стоит», — говорит Свамиджи.

Все тянут руки. Каждый хочет получить от него перед отъездом какой-то сокровенный ответ.

«Почему символом христианства является крест?» — спрашивает кто-то.

Свамиджи опять колеблется. Обычно он не любит обсуждать христианство. Потом вдруг его глаза увлажняются и наполняются грустью.

«Когда я думаю о Господе Иисусе, распятом на кресте...» — Он качает головой. — «Нет. Это не символ преданности. Преданные не любят сосредотачиваться на таких вещах, на страданиях своего учителя. Но, в действительности, тело Христа было духовно. Он не оставил после себя ничего. Точно так же, как когда Кришна и Бхишмадева были на поле битвы. Когда стрелы Бхишмадева пронзали тело Господа, Он воспринимал их как поцелуи. Тело Господа никогда не материально. И полагать, что это не так — великое оскорбление. Есть одно «Евангелие эпохи Водолея», где говорится о том, что Иисус ходил в Индию, на сколько мне известно».

На этом он исчерпывает эту тему. Руки ещё тянутся.

«Вы знаете *йоги* Криянанду?» — спрашивает кто-то.

«Однажды я встречался с ним здесь».

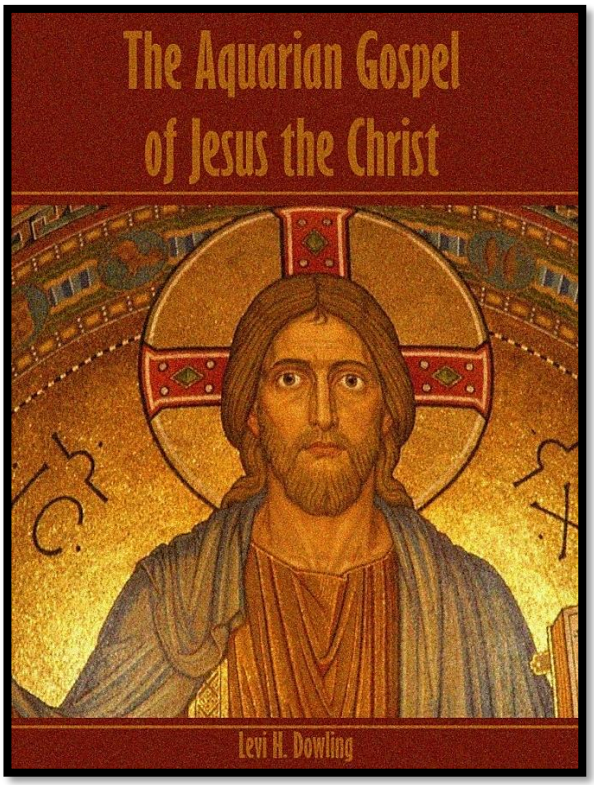
«Он говорит, что не нужно слушать никого, кроме самого себя. Он говорит, что, истина заложена в нас самих, и что было бы ошибкой искать её где-то ещё».

«Тогда почему вы слушаете то, что говорит вам он?» — спрашивает Свамиджи.

Никакого ответа.

«Нет, вы должны понять, что когда люди говорят вам: "Никого не слушайте", то, что они на самом деле имеют ввиду означает: "Слушайте меня". Так что, он просто пытается выдавать себя за высшего авторитета, как будто он — Бог. В *Кали-югу* это в порядке вещей».

Тянутся ещё руки, но Свамиджи даёт понять, что ему надо уезжать.

Евангелие эры Водолея
Автор – Леви Х. Даулинг.

Эта книга о рождении Иисуса, о его обучении в святилищах Истины, о многолетних странствиях по Индии, Тибету, Ассирии. Греции, Египту.

Автор книги — Леви Х. Даулинг родился в 1944 г. в Бель-Виле, штат Огайо. Он был сыном священника, род которого происходил из Шотландии и Уэльса, и с малых лет начал задумываться о самых глубоких вопросах человеческой жизни. В шестнадцать лет Даулинг уже начал проповедовать, в восемнадцать стал пастором небольшой церкви, а в двадцать — капелланом в американской армии.

В юности Даулинга посетило видение, в котором ему поручалось возвести некий Белый город. Само понятие Белого города он воспринял как символ летописания жизни Иисуса Христа и начал тщательно готовиться к хронологически выверенному изложению земного пути Спасителя. Подготовка заняла сорок лет, проведенных в медитации и молитве.

В единственном произведении Леви, можно найти сведения о жизни Иисуса с двенадцати до тридцати девяти лет. Свое название книга получила потому, что была написана незадолго до начала астрологической эпохи Водолея. Книга содержит описание дальнего путешествия Иисуса — через Гималаи в Тибет, где он посвящает себя изучению писаний древних мудрецов, хранящихся в одном из храмов Лхасы. После этого через Лахор он возвращается в Индию, а оттуда направляется на Ближний Восток.

«Я всего лишь хотел сказать своим инициированным ученикам: пожалуйста, постарайтесь открыть больше храмов, чтобы распространять это воспевание Харе Кришна. Постарайтесь понять философию "Бхагавад-Гиты". Кришна поможет вам изнутри. Воспевайте Харе Кришна, изучайте и проповедуйте "Бхагавад-Гиту", распространяйте *прасадам*. И таким образом открывайте храмы повсюду. Во Вриндаване было сто восемь *гопи*, которые танцевали с Кришной. Так что, я хочу, чтобы по всему миру было открыто сто восемь центров сознания Кришны». — Он смеётся. — «Сейчас у нас есть центр в Нью-Йорке, в Монреале и здесь. Так что, предстоит ещё много работы».

Субал тянет руку: «Кришна даси, Харшарани, Дживананда и я собираемся поехать в Санта-Фе, чтобы открыть там храм», — говорит он.

«Это замечательно».

«Мы с Нандарани хотели бы попробовать сделать это в Лос-Анджелесе», — говорит Джаянанда.

«Да, вам нужно сделать это», — говорит Свамиджи. – «Это очень важный город, не так ли? Так что, вы должны отправиться туда, и во столько городов, во сколько только можете. Распространяя это движение, вы сослужите величайшую службу человечеству».

Затем Свамиджи берет свои цимбалы, проводит последний, коротенький *киртан* и возвращается к себе наверх.

*** * ***

Всё ещё остаётся несколько человек, ожидающие инициации, и Свамиджи в своей комнате повторяет на их *чётках.* Мы предлагаем ему отдохнуть, но он настаивает, что он должен завершить повторять все эти круги, до того своего отъезда завтра с утра. Ночью он спит совсем чуть-чуть, и проснувшись рано по утру опять воспевает.

Около восьми часов утра он спускается по лестнице вниз, чтобы опять отправиться в путь. На нём одета Вайшнавская шапка, похожая

на шлем лётчика Первой Мировой, или, может быть, на шлем для космических путешествий Нарады Муни. Его сопровождает Киртанананда. Следом за ними идёт мистер Мортон, мрачный как никогда, всё ещё неспособный отказаться от своей жены.

Мы садимся в машину Джаянанды, чтобы ехать в аэропорт. Когда мы прибываем туда, у входа нас встречает толпа воспевающих преданных. Вокруг бегают работники аэропорта, недоумевая, что делать: их громкоговорители заглушаются нашими барабанами и *цимбалами*. Выхватив у Свамиджи билет, Джанаки пытается заставить его пообещать вернуться.

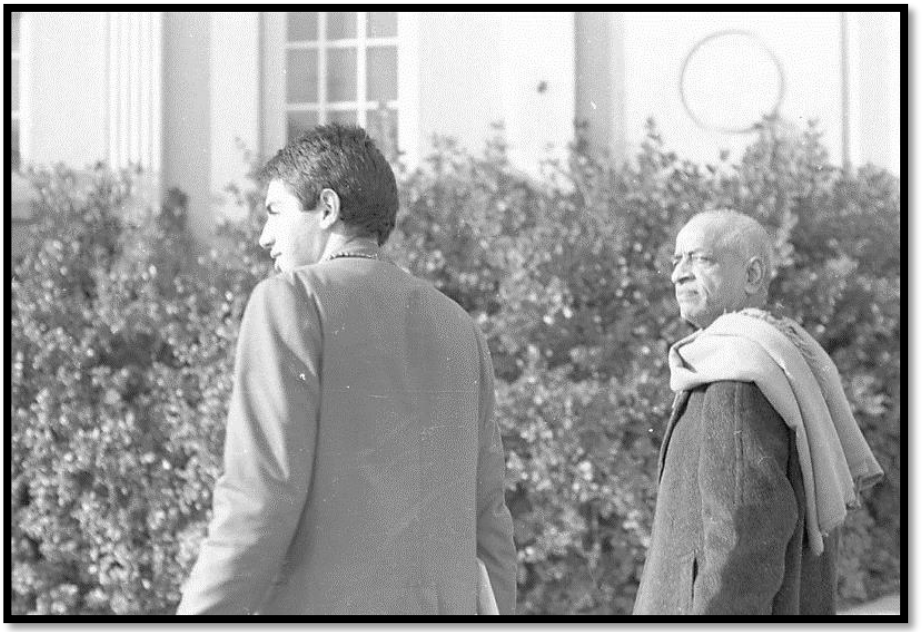
Он смеётся, гладит её по голове и говорит: «Всё в порядке».

Затем Свамиджи смотрит на меня и просит свои таблетки. Я роюсь в его сумке, но не могу обнаружить их. Он протягивает руку, ожидая их. Я начинаю вытаскивать вещи из сумки, неистово разыскивая таблетки, представляя себе, что пока он ждёт с ним может случиться приступ. Таблеток нигде нет. Кто паковал эту сумку? Киртанананда? Я вываливаю её содержимое на сидение. Джанаки начинает плакать. Киртанананда обвиняет меня в утере таблеток. Преданные продолжают во весь голос петь, в то время пока работники аэропорта бегают за охраной.

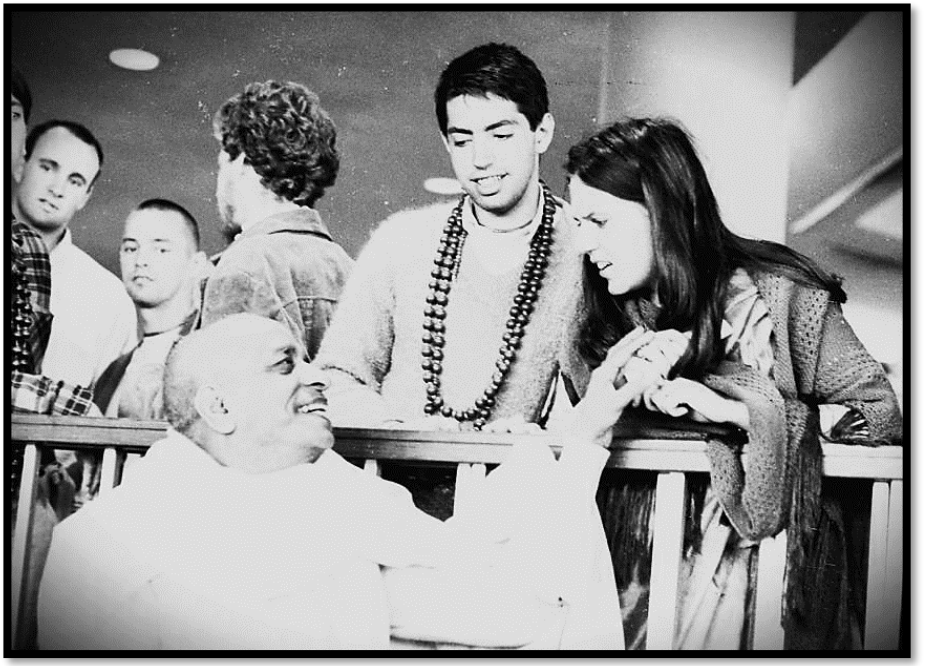
В этот момент Свамиджи начинает смеяться над плачущей Джанаки. Он расплывается в прекрасной, широкой улыбке, и Гурудас снимает его на фото. Свамиджи продолжает смеяться, потешаясь надо всем этим. Пассажиры начинают заходить в посадочные ворота. Полёт до Нью-Йорка длится шесть часов без остановок.

«Всё это — идея Свамиджи», — говорит он. - «Он хочет проконсультироваться с аюрведическим врачом".

Когда все другие пассажиры уже зашли, Свамиджи проходит сквозь ворота вместе с идущим за ним следом Киртанандой. Поднявшись по трапу, он оборачивается, чтобы сказать нам: «Харе Кришна!».

Мукунда и Шрила Прабхупада в Пресидио, Сан-Франциско 1967 год.

Мукунда и Джанаки провожают Шрилу Прабхупаду.
Джанаки пытается украсть билету Шрилы Прабхупады.
Сзади на фото крайний слева Джаянанда, Киртанананда смотрит в кадр.

Девушки пытаются пройти за ним через вход для пассажиров, но их останавливают на контроле билетов. Затем Свамиджи уходит из поля нашего зрения. Мы беспомощно стоим перед звуконепроницаемым стеклянным окном, наблюдая за самолётом, до тех пор, пока он не начинает сворачивать на взлётную полосу. На мгновение мы улавливаем проблеск руки Свамиджи с мешочком для чёток, машущей нам через одно из окошек. Затем он исчезает, направляясь в Нью-Йорк, затем в Дели, и в конце концов обратно в маленький священный город, под названием Вриндаван.

* * *

После отъезда Свамиджи храм на Фредерик Стрит чуть не расформировывается совсем, потому что почти все инициированные преданные уезжают в другие города. Субал, Кришна даси и Дживананда отправляются в Санта-Фе. Кажется, кто-то пообещал им место для проживания в старом замке. Даянанда и Нандарани уезжают в Лос-Анжелес. Гаурасундар и Говинда даси возвращаются на восток, в Нью Йорк. Харидас, наш президент храма, объявляет, что отправляется в Юкэтан, чтобы найти там себе домик на побережье и рисовать. Мукунда предлагает, чтобы я принял на себя обязанности президента храма, но я заверяю его, что собираюсь попытаться следом за Свамиджи отправиться в Индию.

«Джаянанда может стать президентом», — предлагаю я.

Джаянанда протестует, но мы рассматриваем это как симптомы его природной скромности. Очевидно, он является самым серьёзным инициированным учеником, устойчивым и продвинутым, и, будучи немного старше остальных, способным найти общий язык с теми, кто живёт за пределами Хэйт-Эшбери. Мы не можем навечно остаться на Земле Хиппи.

Кроме того, Земля Хиппи быстро вырождается. К концу июля улицы более заполняются туристами с востока и с средней полосы. Так или иначе, беззаботный юношеский невинный оптимизм куда-то пропадает. Хэйт-Эйшбери превращается в ночной кошмар притона

Гринвич Вилледж. Тротуары кишмя кишат школьниками, беглыми подростками, моряками, солдатами, туристами средних лет, проводящими здесь свой двухнедельный отпуск, торговцами наркотиками и проститутками.

«В чём дело, парень?».

«Не хотите ли купить какой-нибудь допинг?».

Вводимые внутривенно амфетамины пришли на смену ЛСД. Всё меньше людей говорит о мистических переживаниях или о новом сознании. Жизнь упёрлась в секс, наркотики и рок — н- ролл. Зыбкие мечты Сан-Франциско о чём-то мистическом разбились вдребезги. Лопнул симпатичный разноцветный мыльный пузырь психоделии. Здесь на Фредерик Стрит мы были в самом центре всего этого, но никогда не были частью этого. Да выживет же дух Нью-Джаганнатха Пури! Да защитит же Господь Нрисимхадев свой храм Радхи-Кришны!

*** * ***

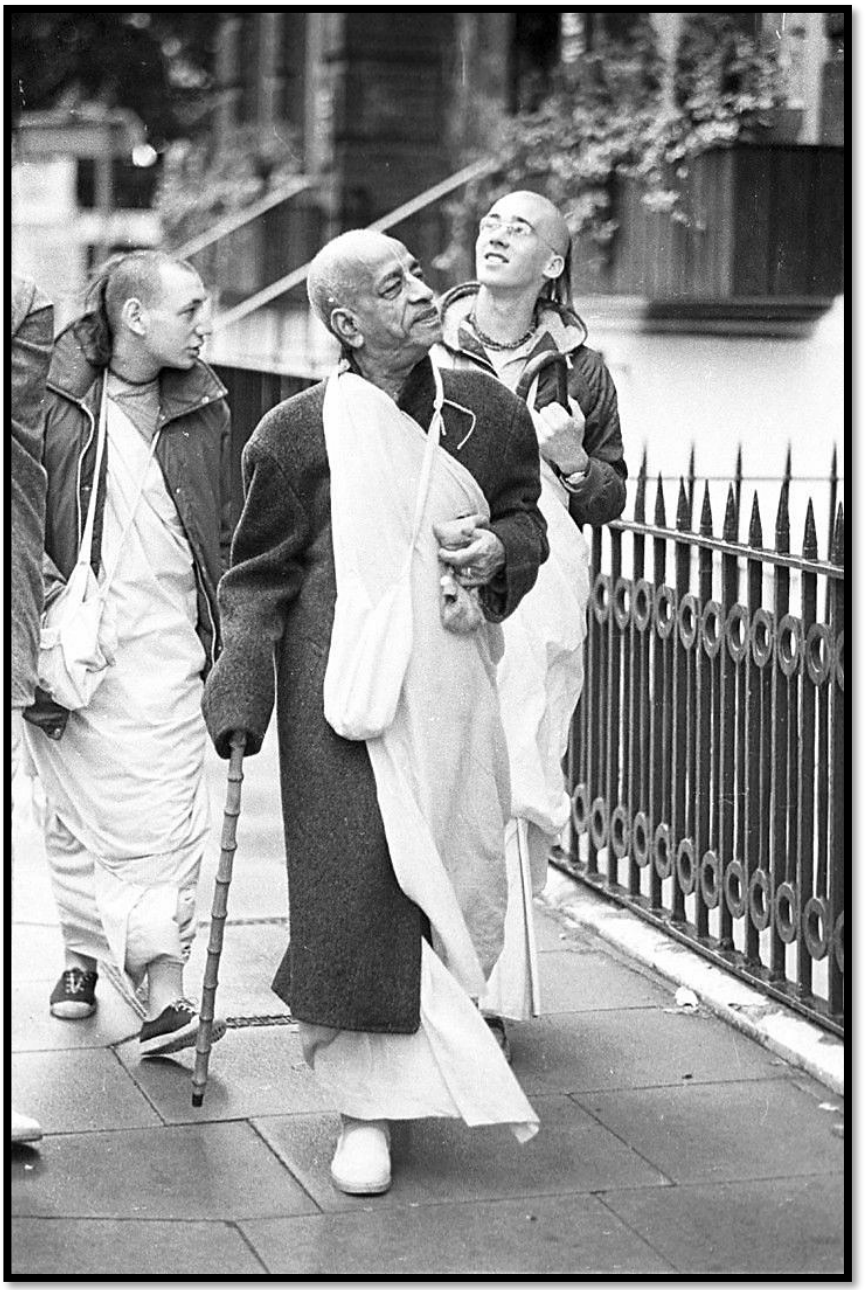
Как и прежде, в отсутствии Свамиджи, утешением для нас остаётся его учение.

«О разлуке не может быть и речи», — звенят эхом его прощальные слова.

«Звуковая вибрация соединяет нас вместе, даже несмотря на то, что материального тела может и не быть рядом. Зачем придавать этому материальному телу столько значения? Просто продолжайте воспевать Харе Кришна, и мы будем вместе. Вы будете воспевать здесь, а я буду воспевать там, и эта вибрация окружит всю планету. Мы можем находиться на разных сторонах земного шара, но Харе Кришна облетает вокруг всего земного шара быстрее, чем вы даже произносите это. Может быть, я уеду, но мой *Гуру* Махарадж и Бхактивинода Тхакур остаются здесь. Они — ваши духовные дедушки, и я попросил их милостиво позаботиться обо всех вас — моих духовных детях. Так что, не должно быть никакого беспокойства. Дед всегда заботиться о детях лучше, чем отец. Поэтому, не волнуйтесь».

ЧАСТЬ 3: Нью-Вриндаван. 1968-1969 гг.

Глава 13. Добро пожаловать, Шрила Прабхупада.

Во время долгого отсутствия Свамиджи меня преследуют его слова: «Хотя я практически стою на пороге смерти, меня волнует судьба моих публикаций. Неважно, буду ли я жить или умру, позаботьтесь хорошенько о моих публикациях».

Мы в смятении. Пытаясь удержать корабль ИСККОН на плаву, опираемся только на то, что нам осталось: святые имена, фразы, аудиозаписи лекций, несколько книг и брошюр, воспоминания и фотографии.

«Хотя я практически стою на пороге смерти…».
(Свамиджи всегда употребляет «практически» вместо «фактически»).

Его публикации! СЛОВО на английском языке! Передо мной лежит первый завершённый черновой вариант «Бхагават-Гиты как она есть», готовый к финальному редактированию.

«Она должна быть напечатана немедленно», — постоянно напоминает он. — «Или найдите издателя, или мы напечатаем её сами. Закончите это дело поскорее».

Улетая из Сан-Франциско, я даже в самолёте просматриваю рукопись. Возвращаюсь в Нью-Йорк для дальнейшей работы с Брахманандой, который по-прежнему занят поисками издателя. В «Бесценных дарах» мы продолжаем жить в ожидании новостей о здоровье Свамиджи. Каждый день мы ждём письма, подписанного его размашистым почерком и твёрдой рукой: «ваш вечный доброжелатель, А.Ч. Бхактиведанта Свами».

*** * ***

Вскоре начинают приходить письма от Киртанананды. Новость об этом распространяется мгновенно. Свамиджи и Киртанананда были задержаны в Лондоне на ночь, потому что у кого-то на борту оказалась ветрянка. Они провели двадцать четыре часа на карантине, включая ночь в гостинице, предоставленной авиакомпанией. Утром Свамиджи почувствовал себя намного лучше, и они отправились в Москву, где провели три часа. Полная тишина московского аэропорта не произвела

на Свамиджи никакого впечатления. Так же, как не впечатлили его женщины крестьянского вида, моющие залы, или марксистские лозунги. Женщин необходимо защищать, и в каждом обществе существует четыре касты. Как могут *шудры*, рабочий класс, управлять государством? Четыре касты были предложены Самим Кришной, и господин Маркс не может так просто взять их и отменить. Это иллюзия, которой охвачены демонические натуры.

«Мы провели в Москве три часа», — пишет Киртанананда, — «затем пересели на другой самолёт и в полночь были в Дели. Мы прибыли в самый разгар сезона дождей, и когда сошли с трапа, нас окутал горячий и влажный индийский воздух. Ощущение, что ты находишься в раскалённой кирпичной печи».

* * *

Августовский Нью-Йорк окутан смогом. Мы ждём писем, повторяем Харе Кришна, магазинчик «Бесценные дары» постоянно открыт. Хотя Брахмананда за все дела берётся с решимостью Кортеса (известный испанский конкистадор), мы не расширяемся. Мы просто поддерживаем то, что есть.

«Как только Свамиджи прибыл в Дели», — пишет Киртанананда, — «новость мгновенно разнеслась по всей округе. Очевидно, что здесь он пользуется большим уважением. Один из пареньков, живущих в храме, сообщил мне по секрету, что люди считают его чуть ли не инкарнацией».

Разница в климате была слишком велика для ослабленного организма Свамиджи.

«На следующий день», — продолжает Киртанананда, — «у него начался сильный кашель. Он каким-то образом подхватил пневмонию. Такой путь проделать, чтобы вылечиться, и вот пожалуйста – пневмония! Вызвали аюрведического целителя, который дал Свамиджи какие-то таблетки. Травы из джунглей. В конце концов Киртанананда пригласил врача-сикха, который сделал Свамиджи инъекцию пенициллина. Через два дня Свамиджи полегчало. Но он

ещё настолько слаб, что очень уязвим для разных недугов. Непрерывно молитесь за него, потому что только Кришне под силу спасти его для нас».

Последующие письма убеждают нас в том, что Свамиджи вернулся в Индию для того, чтобы оставить тело. После десяти дней, проведённых в Дели, он наконец смог выехать во Вриндаван.

Из письма Киртанананды: «Через 2 часа мы были в Матхуре. Оттуда взяли тонгу до Вриндавана. Множество храмов, павлинов и обезьян. Я делаю Свамиджи массаж и помогаю готовить ему пищу… Что же касается его здоровья, оно стабильно улучшается с тех самых пор, как мы достигли Вриндавана. Он связался с хорошим аюрведическим врачом, который прописал ему такие простые средства, как сандаловая паста и *харитаки*, лекарственное растение. Его навещают много братьев по вере, в своих ритуалах они используют много мантр к Господу Чайтанье, и мантра Харе Кришна кажется затерянной в несметном количестве прочих молитв. Но если у них спросить, какую мантру они считают наиболее важной, ответ будет, несомненно, "Харе Кришна"».

Обдумывая возможность снова заняться преподавательской деятельностью, чтобы скопить на билет в Индию, я в письме обращаюсь к Свамиджи за советом.

Ответ приходит в начале сентября. Моё первое письмо из Вриндавана! На штемпеле дата: 29 августа 1967 года, храм Радха Дамодара, район Сева Кунджа, город Вриндаван, округ Матхура, штат Уттар Прадеш, Индия.

«Я очень счастлив получить в Индии первое письмо от вас», — пишет он. — «Что касается "Бхагават-Гиты", пожалуйста, закончите её поскорее: её необходимо напечатать — в издательстве ли, самостоятельно ли — неважно».

Всё та же просьба: закончите, издайте!

«Хотя я практически стою на пороге смерти…»

Письмо продолжается: «что же до разлуки, знайте, что я тоже её ощущаю, и это план Кришны – сделать так, чтобы мы больше не расставались. В трансцендентном мире чувство разлуки более ценно, чем переживания от встречи. Физически я постараюсь приехать к вам в Штаты при первой возможности. Я люблю вашу страну, и вдохновляемый этой любовью, я приехал в Америку. Это чувство меня не покидает. Состояние моё, хотя и медленно, но улучшается. И я сплю и ем лучше, чем в Нью-Йорке. Теперь относительно вашего преподавания: Кришна хочет, чтобы каждый использовал свой талант насколько это возможно. Арджуна был великим воином, и Кришна одобрял его занятия военной деятельностью. Он никогда не говорил: "ты посиди, а Я всё за тебя сделаю", хотя Он мог бы. Нет, мы должны использовать наши таланты в служении Господу – это настоящая *санньяса*. Официальное принятие *санньясы*, требуемое от пожилых людей, означает, что им необходимо отказаться от материальной жизни и посвятить всё своё время и силы служению Богу. Так как вы уже преданно служите Ему, без всякой личной выгоды, вы всегда будете *санньяси* в сердце. Преподаватели всегда пользовались определённым влиянием. Ваши искренние намерения проводить *киртан* могут быть подхвачены вашими коллегами и студентами. В то же время будет продолжаться ваша успешная редакторская деятельность, так что я советую устроиться на работу».

Свамиджи мельком упоминает о поездке в Индию в конце письма: «Я также планирую съездить в Бомбей, поговорить с управляющим директором компании "Синдия Лайн", чтобы нам дали хорошие скидки на поездки».

Постскриптум Киртанананды надолго погружает нас в размышления: «вчера меня сделали *триданди свами*, по всем правилам, в день явления Господа, и по словам Свамиджи, это была одна из лучших церемоний, которую он когда-либо видел. В момент инициации сотни людей, которые были в это время в храме Радха-Дамодара, собрались вокруг посмотреть обряд и выразить своё почтение. Сейчас у меня огромное желание и ответственная миссия – распространить эти трансцендентные вибрации Харе Кришна по всей Америке».

* * *

Хотя учебный год уже начался, и мои шансы получить место преподавателя невелики, я звоню в отдел по трудоустройству Нью-Йоркского университета и интересуюсь вакансиями. Свершается чудо, и мне находят место. Я являюсь на интервью с коротко подстриженными волосами, прохожу его и получаю место ассистента преподавателя в общинном колледже в Уилкс-Барре, штат Пенсильвания. С некоторыми сомнениями, но следуя совету Свамиджи, я соглашаюсь и присутствую на церемонии вступления в должность. Я пою «Звёздно-полосатый флаг» вместе со всеми, вышагиваю по сцене, про себя повторяя *мантру* на чётках, спрятанных под мантией. Декан представляет меня президенту колледжа, сообщая, что я являюсь автором «Bragaway Getter» (искажённое название «Бхагават Гиты», которое очевидно не может произнести декан). Они в восторге, что я буду работать у них. Я думаю о Господе Джаганнатхе, шествующем по Хэйт-Эшбери.

* * *

Я представляю себя медитирующем на поляне, усеянной рододендронами. Письма, приходящие из Индии, сообщают об улучшении здоровья Свамиджи. Киртанананда пишет, что Свамиджи даже совершает пешие прогулки до различных храмов Вриндавана, чтобы пообщаться со своими духовными братьями. Хотя ему доставляют огромное удовольствие визиты в Имлиталу, где Чайтанья Махапрабху был охвачен любовью к Кришне, обычно он наслаждается покоем своей комнатки в храме Радха Дамодара, где находится *самадхи* Дживы Госвами, личного спутника Господа Чайтаньи. Рядом с храмом – *самадхи* Рупы Госвами, который также был учеником Господа и автором «Бхакти-расамриты-синдху», или «Нектара преданности», важного вайшнавского труда по *бхакти-йоге*.

«Свамиджи явно идёт на поправку», — сообщает Киртанананда, — «но он двигается по-прежнему медленно и ещё очень слаб».

Киртанананда также рассказывает истории о кусачих черепахах, живущих в Ямуне, которые за несколько минут могут обглодать труп

до костей. И ещё истории о том, что во Вриндаване есть один заветный сад, в котором ночью можно увидеть танцующего с *гопи* Кришну, и больше никогда не вернуться обратно.

Услышав это, Свамиджи хохочет: «Думаешь, Кришна настолько прост, что позволит увидеть Себя вот так легко материальным взором?».

* * *

Наконец-то удача! Брахмананде удалось заинтересовать издательство «Макмиллан» в публикации «Бхагават Гиты как она есть». Я получаю письмо от Свамиджи, датированное 19 октября из Шри Чайтанья Сарасвати Мата в Навадвипе, места рождения Господа Чайтаньи в Западной Бенгалии.

«Относительно "Бхагават-Гиты"», — пишет он, — «я полностью согласен с вашими предложениями. Если "Макмиллан" заинтересованы, пусть они займутся публикацией, если же они откажутся, пожалуйста, начните переговоры с другими издательствами».

Переговоры с «Макмилланом» — долгожданный лучик света среди туч. Наконец-то серьёзное издательство! Слово Свамиджи будет услышано. Но остаётся одна большая проблема. Рукопись содержит восемьсот страниц, а издательство хочет, чтобы мы сократили её до трёхсот, чтобы уменьшить расходы на печать. Передо мной стоит грустная задача: решить, какие из комментариев Свамиджи не представляют важности.

* * *

Прошла всего неделя с начала занятий, а я уже устал от работы. В моих руках 120 апатичных, ограниченных душ американских подростков, и моя задача – научить их составлять простые утвердительные предложения, а затем скомпоновать их так, чтобы получился связный текст из пятисот слов. И в то же время я должен распространять сознание Кришны. Но как?

Своими весточками из Индии Свамиджи ободряет меня: «ваши письма так приятно читать и узнавать, что ваши мысли заняты только Кришной. Когда вы пишете: "вместо английского я бы лучше преподавал сознание Кришны", это мне так напоминает о Господе Чайтанье. Некоторое время Господь Чайтанья занимался *чатушпати*, то есть преподавал в небольшой деревеньке. Когда Он объяснял своим ученикам грамматику, Он объяснял Кришну. В грамматике санскрита есть глава, называемая *дахту*, — спряжение глаголов. Чайтанья Махапрабху объяснял *дахту* как Кришну, и он рассказывал о Кришне постоянно. Когда ученики почувствовали, что их учитель ведёт себя странно, Трансцендентный Учитель закрыл этот курс».

*** * ***

Холодный, дождливый ноябрь я провожу на Сускеханне *(река в США, самая длинная в восточной части страны)*. По мне, так Уилкс-Барр – это самые задворки сознания. Шахтёрский городок, пивбары. Горластые юнцы на мотоциклах. Автоматы для игры в пинбол. Студенты с труднопроизносимыми польскими фамилиями. Сейчас, когда мы ввязались в войну во Вьетнаме, давайте её будем поддерживать.

Некоторые из ребят уходят в армию. Кто остаётся, отращивают волосы и курят травку. Вслед за «Sergeant Pepper» Биттлз выпускают к Рождеству «Magical Mystery Tour». Роллинг Стоунз – «Satanic Majesties» *(Сатанинские Величества)*. Джим Моррисон и «Дорз» на пике славы со своими «Странными Днями».

С наступлением зимы я всё чаще вспоминаю весну в парке Золотые Ворота, чистое небо и цветы, и Свамиджи, танцующего в тени Холма Хиппи. Шагая на занятия по унылым улицам, я повторяю про себя мантру «*самсара дава*…», а в голове у меня звенит «California dreaming…».

Брахмананда звонит из Нью-Йорка.

«Свамиджи уезжает из Индии», — восторженно сообщает он. – «Он летит в Японию. Оттуда в Лос-Анджелес».

* * *

Это неожиданная, очень приятная новость, но в каждом письме из Индии всё новые и новые планы. Мы все пишем Свамиджи о том, как он нужен. Даже в Уилкс-Барре ребята знают о *гуру, йоге* и «мистицизме», благодаря популярным исполнителям. Согласно журналу «Лайф», этот год был «Годом *Гуру*», и в их статье подробно написано о Свамиджи и Махариши Махеш Йоге, которым увлеклись «Битлз» и многие другие знаменитости. Мик Джаггер из «Роллингов» собирается вместе с «Битлз» и Гинзбергом записать мантру. Во Вьетнаме американский солдат становится буддийским монахом. Нет времени более подходящего для распространения сознания Кришны. Мы взываем к Свамиджи.

* * *

И он появляется – но совершенно иначе и самым чудесным образом. Проходит год, американцы снова готовятся к празднованию Рождества, а Свамиджи прилетает в Сан-Франциско из Токио 16 декабря. Это не слабый недомогающий Свамиджи, а полный сил и энергии Прабхупада.

«Прабхупада означает: "тот, кто нашёл прибежище у лотосных стоп Кришны"», — поясняет он. — «Рупу Госвами называли Прабхупадой, потому что он всегда поклонялся лотосным стопам Чайтаньи Махапрабу. Всех шестерых Госвами называли Прабхупадами. К духовному учителю обычно обращаются Вишнупада, или Гурудев, или Прабхупада. Это выражает уважение и почтение».

«А, ты имеешь ввиду Шрилу Прабхупаду?» – поправляет меня Брахмананда по телефону, когда я звоню узнать о самочувствии Свамиджи.

«Да, Шриле Прабхупаде значительно лучше, и он уже ругает имперсоналистов. Он прибыл в Сан-Франциско этим утром».

Я звоню в храм в Сан-Франциско, и Мукунда сообщает, что Прабхупада чувствует себя отлично и отдыхает у себя в комнате.

«Мне вылететь немедленно?» — спрашиваю я.

«Подожди, я спрошу. Если ты нужен здесь Прабхупаде, я скажу Брахмананде».

Через два дня я получаю заказное письмо от самого Прабхупады в котором он настаивает на моём продолжении работы в Уилкс-Барре, чтобы скопить денег на покупку земли для ашрама. Он также высылает мне для редактирования копию лекции, которую он собирается прочесть в эфире одной из радиостанций Сан-Франциско.

«Мы мыслим Кришной, мы повторяем имена Кришны, мы живём Кришной, мы едим, сознавая Кришну, мы говорим о Кришне, мы надеемся на Кришну, мы черпаем силы в Кришне» — пишет он. – «И мы вернёмся к Кришне, вне всяких сомнений, — это основа сознания Кришны».

Наконец-то! Мастер *бхакти-йоги* вернулся! Ложные *йоги* в страхе разбегаются.

«Что представляет собой эта *йога*-обманщица? Вам говорят: "Заплатите 35$, я дам вам личную мантру, и потом делайте что хотите". Это *йога*? Наша мантра бесплатна. Она никакой не секрет. Мы даруем её каждому. И, как мы обычно говорим, если ты ведёшь себя как собака, быть тебе собакой».

*** * ***

ИСККОН снова полон жизни. Ведутся непрерывные телефонные переговоры Нью-Йорка с центром в Лос-Анджелесе на бульваре Пико. И с Сан-Франциско. И с Монреалем. Редактирование «Бхагавад-Гиты» закончено. Раярама урезал её до трёхсот страниц ради сотрудничества с «Макмилланом», несмотря на все мои протесты.

Я называю это издание «скелетом», так как уцелели совсем немногие комментарии. В своём письме от 15 января 1968 года Прабхупада просит меня возобновить совместную редакторскую работу с Раярамой и забыть о мелких разногласиях.

«Для меня», — пишет он, — «английский язык всё же остаётся иностранным языком, и я убеждён, что ваши совместные усилия по редактированию книг очень мне помогут. Давайте же с новыми силами возьмёмся за служение Кришне».

Сейчас, когда «Бхагават-Гита» вот-вот выйдет в печать, Прабхупада предвидит большое будущее всей духовной литературы.

«Мы должны закончить "Шримад-Бхагаватам" в 60 томах, из которых мы опубликовали только три. Ещё два тома уже в печати в Индии. Таким образом, остаётся 55 томов. Я очень надеюсь на ваше сотрудничество и помощь. Чтобы издать целиком "Бхагаватам", нужно 40,000$, из которых у меня уже есть 12,000$, собранных Брахмананда, Джаянандой и другими».

Прабхупада добавляет, что я должен подготовиться к поездке в Индию с ним через четыре-шесть месяцев. Там мы сможем закончить работу над рукописью «Бхагаватам».

Весь февраль я борюсь с нестерпимым желанием улететь на запад. Я стараюсь сосредоточиться на занятиях, но обнаруживаю, что преподаю больше «Бхагавад-Гиту», чем английский. Веды с лёгкостью вписываются в объяснения этимологии слов, трактовку эссе Эмерсона, дневников Торо, метафизических умозаключений Мелвилла, чётких строк Дикинсон, мистических стихов Уитмена. Второй семестр проходит более расслабленно, студенты более пассивны, послушны и дружелюбны. Некоторые вечером приходят ко мне почитать мантру.

В конце февраля Киртанананда, ставший к тому времени странствующим *санньяси*, звонит сообщить мне, что он едет в Западную Вирджинию познакомиться с человеком, давшим объявление в «Оракуле Сан-Франциско» об оказании поддержки людям, желающим организовать религиозную общину.

На выходных, свободных от занятий, я сопровождаю Киртанананду в Уилинг, находящийся в северной части Западной Вирджинии. Там мы знакомимся с мистером Фостером, дородным, лысеющим доморощенным философом, который хочет создать

сообщество для «всех, кто хочет познать Истину». Разговорчивый мистер Фостер поведал нам, что он не только обрёл Истину, но и готов поделиться ею.

«Вам нужно всего лишь открыться», — говорит он.

Непрерывно болтая, он везёт нас посмотреть землю.

«У меня здесь всего около 300 акров (~121,5 Га). Сюда входит вот эта придорожная ферма, и ещё одна, вверх по просеке, куда не так-то просто добраться. Парочка людей из Калифорнии должны приехать на этих выходных помочь».

С дороги мы можем осмотреть территорию в общих чертах. Местность, пожалуй, слишком холмиста для серьёзного земледелия, но первопроходцам она, возможно, показалась бы отличной. Здесь царит атмосфера спокойствия, и лес из клёнов, тополей и акаций покрывает склоны холмов. Фостер говорит нам, что он бы хотел сдавать в аренду участки тем, кто поможет ему организовать религиозную общину.

«Вы можете немедленно обосноваться, и жить здесь круглый год».

Он продолжает разглагольствовать о том, что Гурджиев и Успенский в сравнении с ним просто мелочь, с его-то недавно приобретёнными знаниями. Мы не упоминаем в его присутствии об ИСККОН или Прабхупаде. Ясно, что мистер Фостер не потерпит на своей земле никакого *гуру,* кроме себя самого. Киртанананда решает остаться на ферме и предлагает мне написать Прабхупаде, что мы начинаем строительство ашрама.

*** * ***

Март в Уилкс-Барре ветреный, пасмурный и холодный. Каждый раз, когда я думаю о Прабхупаде в Сан-Франциско, меня охватывает желание бросить работу, вскочить на самолёт и отправиться на побережье. Всего 6 часов лёту! Вспоминаю март прошлого года, храм,

заполненный хиппи, бутоны цветов в парке Золотые Ворота (Голден Гейт), оживлённые многочасовые *киртаны*, лекции Прабхупады, и тихие поздние беседы у него в комнате. Поддавшись порыву, я пишу письмо Прабхупаде, умоляя его приехать на восток. Я рассказываю ему о земле в Западной Вирджинии и обрисовываю возможности создания ашрама.

17 марта приходит ответ: «Я очень рад слышать, что нашёлся человек, который хочет открыть ашрам в Западной Вирджинии. Я бы очень хотел, чтобы эта огромная площадь – 320 акров (~129,5 Га) – превратилась в Нью-Вриндаван. У вас есть Нью-Йорк, Новая Англия, и так много всего "нового", "нью", так почему бы нам не основать Нью-Вриндаван в вашей стране? Моё предложение считать Сан-Франциско Новым Джаганнатха Пури. Об этом уже, по сути, было торжественно заявлено во время праздника Ратха-ятры, в котором вы принимали участие. Когда вы приедете в следующем году, пожалуйста, поощряйте энтузиазм, пусть на тихоокеанском побережье появится Новый Джаганнатха Пури. Я возвращаюсь в Нью-Йорк где-то в середине апреля, при условии, что там не слишком холодно. Очень надеюсь, что мне выдадут постоянную визу в вашей стране, и, если Киртанананда возьмётся превратить 320 акров земли в Новый Вриндаван, я могу остаться там и помогать вам в строительстве Нового Вриндавана в Западной Вирджинии».

* * *

Трансцендентные города! Трансцендентные поселения, погружённые в служение Радха Кришне, Господу Джаганнатхе, Господу всей вселенной! Новый Вриндаван, Западная Вирджиния! Новый Джаганнатха Пури, Калифорния! Прабхупада, какие ещё дары ты привёз из родной Индии? Какие духовные границы?

«Я так счастлив слышать, что вы скучаете по атмосфере Сан-Франциско, которой вы наслаждались в прошлом году. Каждый раз, когда я иду на лекцию, я вспоминаю о вас, с какой радостью вы повторяли мантру, как здорово у вас получалось играть на рожке. Каждый раз, когда я вижу корнет, лежащий без дела, потому что никто на нём не умеет играть, я вспоминаю Хаягриву Брахмачари… Я дам

вам знать, когда я приеду в Нью-Йорк, и, если у вас получится оставить ненадолго работу, пожалуйста, приезжайте в один из выходных, и я с удовольствием пообщаюсь с вами».

* * *

Прабхупада прибывает в Нью-Йорк 17 апреля. Очевидно, что поездка в Индию пошла ему на пользу – новости с западного побережья не лгали: он действительно выглядит обновлённым. В аэропорту Кеннеди мы украшаем его гирляндами. Мы кланяемся и стараемся даже слегка не повернуться к нему спиной. Он улыбается, видно его приятное волнение, он изящно шагает, опираясь на трость, всем своим обликом показывая, какую радость ему доставил такой тёплый приём. Сейчас мы буквально чувствуем, как воздух пронизан триумфом. Из сострадания к нам, Господь Кришна позволил Прабхупаде вернуться в тот момент, когда он был нам очень нужен.

«Вы всё выполняете?» — интересуется он. – «Читаете 16 кругов?».

Ответом ему служат звуки *мриданги* и дружное «*Харибол*». Аура его улыбки окутывает нас, как чистый бодрящий апрельский дождь. В «Бесценных дарах» его лекции наполнены силой. Он говорит нам, что все наши заслуги, все приобретения не значат ничего в сравнении с Кришной. Он — номер один.

«Без Кришны мы все нули, стоящие в одиночку. И сколько нулей бы вы ни добавили, результат будет одинаков – ноль. Но если вы начнёте с единицы, а затем добавите ноль, вы получите десять. Ещё ноль — уже сотня, шесть нолей – миллион. И так далее. Только во взаимосвязи с Кришной мы все что-то значим. Иначе – ничто. Ноль».

Гаурусундар и его жена Говинда даси сейчас личные секретари Прабхупады, заменив на этом посту Киртанананду и Ранчора. Разговаривая шёпотом, они тщетно пытаются сдержать наплыв посетителей. Царит строгая атмосфера, как в зале суда, где решается дело государственной важности. Прабхупада в центре всего. Он уже не бедный пожилой Свамиджи, нуждающийся в помощи. Смотришь

на него, и видишь сияние, из которого исходят бесконечные идеи, планы, конкретные задания, совершенные ответы, идеальные советы, и счастливые пожелания благополучия.

«Вы очень хорошо выглядите», — говорит я ему.

«Да, Индия очень благотворно на меня влияет».

Некоторое время он в молчании смотрит на меня. Глаза в глаза. Как это было всегда. Вечность. Он так же сидит за своим сундучком, сейчас покрытым шафранным шёлком. Он так же сидит на индийском коврике и приглашает всех войти. Но та близость, которая существовала в маленькой группе, исчезла. Он — великий лидер, чистейшее духовное средство освобождения душ. И мы осознаём это.

«Вы тоже», — отвечаю я. – «Очень хорошо. Вы полностью оправились».

«Итак, вы виделись с хозяином земли в Западной Вирджинии?» – спрашивает он.

«Да», — отвечаю я. – «Прекрасное место, хотя насчёт владельца у меня имеются некоторые опасения».

«Вы должны убедить этого господина принять сознание Кришны. Тогда мы сможем превратить эту землю в ашрам Кришны».

«Я сомневаюсь, что мы сможем это сделать. Может быть, Киртанананде удастся. Он говорит, что тот против всех сектантских течений».

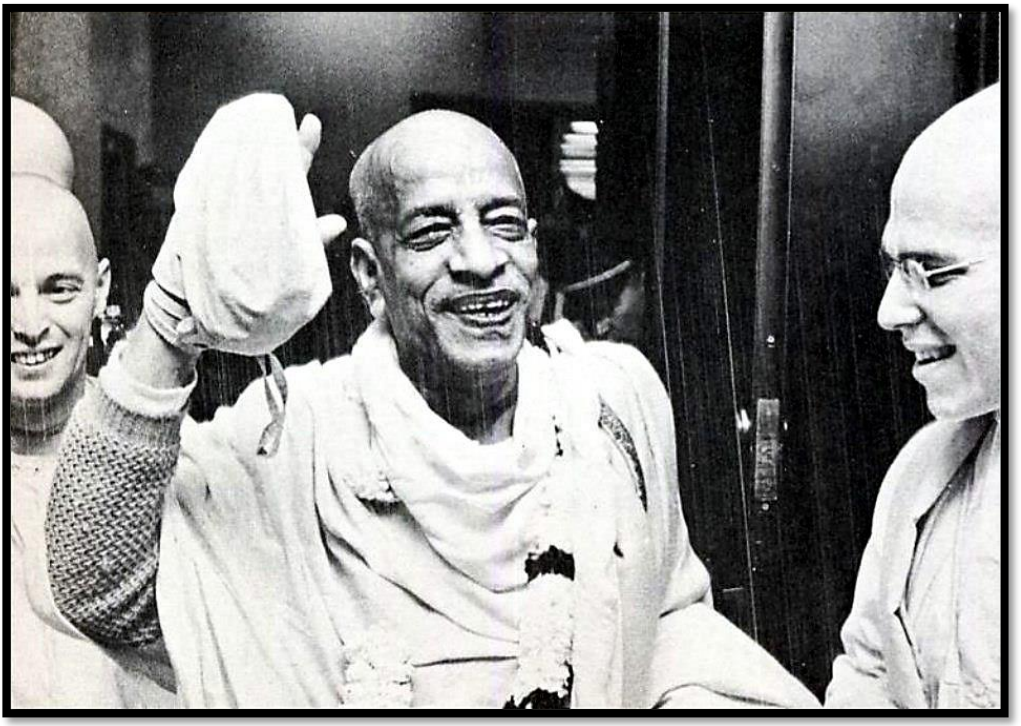
«Тогда вы должны убедить его, объяснить ему, что мы не религия, но наука, и мы не сектанты».

«Я постараюсь».

«Да, вы должны постараться», — говорит он. — «Постарайтесь превратить его землю в Новый Вриндаван. Всё остальное только по воле Кришны».

Встреча Шрилы Прабхупады в аэропорту Нью-Йорка, 1968 год

Шрила Прабхупада, Нью-Йорк 1968 год.

Пока мы обсуждаем создание трансцендентной общины, преданные передвигаются вокруг на цыпочках. Везде дух деятельности. Говинда даси приносит серебряное блюдо с фруктами. Видя, что меня немного раздражают эти бесконечные хождения, Прабхупада неожиданно улыбается с большой любовью и снимает гирлянду из роз со своей шеи.

«Подойдите поближе», — говорит он.

Я придвигаюсь и кланяюсь, а он в этот момент надевает мне на шею гирлянду. Я чувствую её тяжесть и ощущаю сладкий аромат роз.

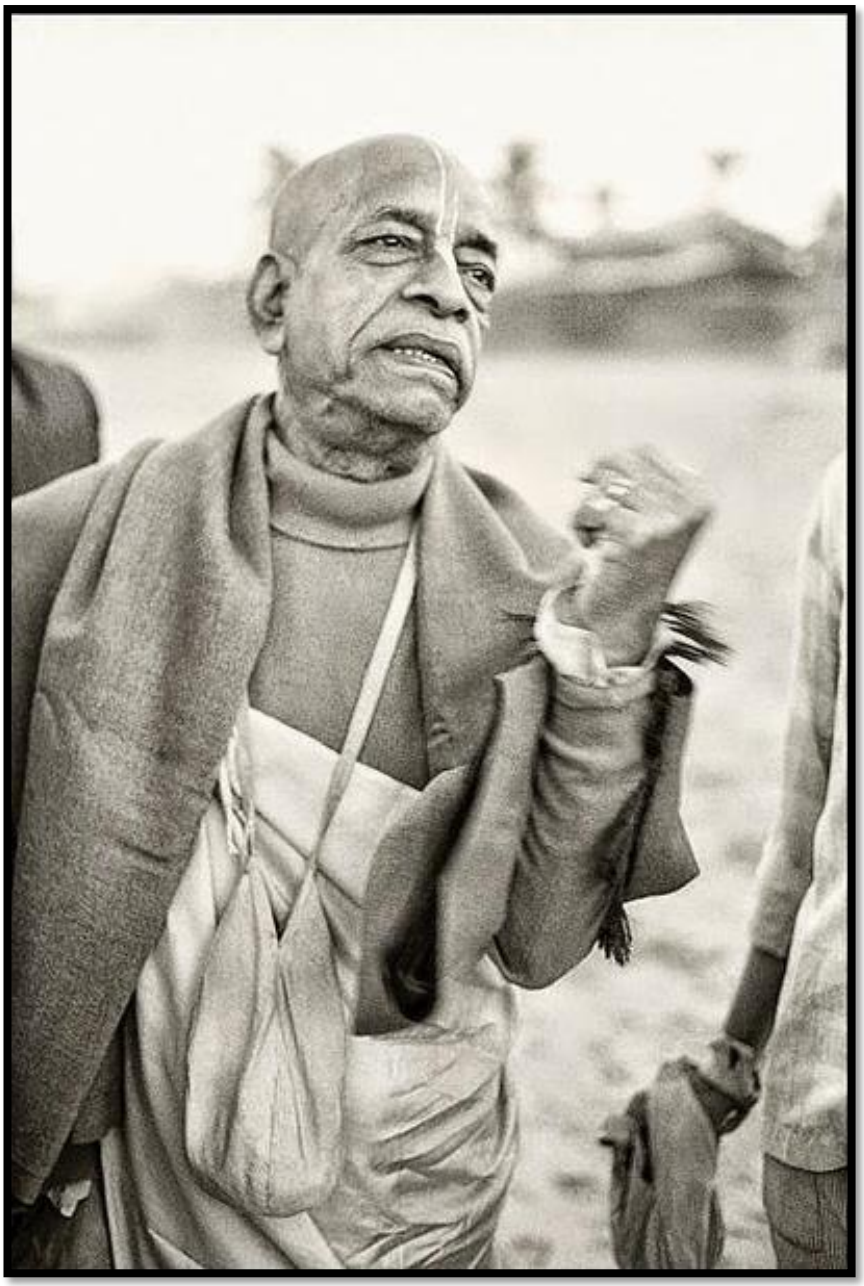
«Я не заслуживаю её, Прабхупада», — говорю я, впервые называя его новым именем.

Он выглядит довольным. В смущении я снимаю гирлянду и держу её перед собой.

«Возьмите её!» – настаивает он.

Я снова кланяюсь, и он протягивает мне несколько ломтиков медовой дыни. Покидая «Бесценные дары», я бережно несу гирлянду. Дома, в Уилкс-Барре, я вешаю её вокруг изображения Господа Кришны. Она благоухает всю весну.

Глава 14. Нью-Вриндаван, Западная Вирджиния

Когда Киртанананда звонит из Западной Вирджинии, я сообщаю ему, что Прабхупада хочет, чтобы мистер Фостер обратился в вайшнавизм.

«Невозможно», — отвечает тот. – «У нас разногласия по каждому вопросу. Я как раз недавно переехал на дальнюю ферму, в поисках тишины и покоя».

«А что насчёт продажи? Его это интересует?».

«Нет, но он не против пятилетней сдачи в аренду небольших земельных участков».

«Но мы просим землю в собственность!».

«Терпение», — вот что слышу я в ответ.

Но я нетерпелив, и начинаю искать недвижимость в Поконосе, неподалеку от Уилкс-Барра. Цены, однако, кусаются.

В то же время Прабхупада в своих письмах настаивает на необходимости основания сельского ашрама в Западной Вирджинии: «Мы должны всегда помнить, что Вриндаван расположен не в каком-то определённом месте; там, где присутствует Кришна, автоматически появляется Вриндаван. А Кришна присутствует там, где повторяют Святые Имена. Кришна неотделим от Своего Святого Имени. Поэтому сейчас Кришна благословляет прекрасный участок земли, напоминающий Вриндаван, с тем чтобы он стал местом паломничества для западных преданных. Вы должны постараться его организовать».

* * *

Сатсварупа открыл четвёртый центр ИСККОН в Оллстоне, пригороде Бостона, штат Массачусетс.

Оттуда Прабхупада пишет Киртанананде 23 мая: «Если эта земля превратится в Новый Вриндаван, я оставлю мысли о возвращении в

Индию. Я старею, и фактически, если здесь я обрету тихое и спокойное место, остаток жизни я посвящу переводу "Шримад-Бхагаватам" и других произведений Госвами, с помощью нескольких учеников, таких как вы. Поэтому в любой момент, когда вы позовёте меня в свою новую обитель, я с радостью отправлюсь туда…».

Прабхупада также сообщает, что в конце мая он либо уедет в Монреаль, либо вернётся в Нью-Йорк.

*** * ***

В Уилкс-Барре меня увольняют из общинного колледжа (что-то типа ПТУ в России, прим. ред.). Президент колледжа и декан не одобряют то, что я воспеваю Святые Имена на уроках английского. Однако мне удаётся заключить контракт с государственным университетом Огайо на преподавание английского языка – тот же курс, который я вёл в 1964 году.

Не имея большого желания преподавать, я пишу письмо председателю с просьбой установить мне расписание с рабочими днями по вторникам и четвергам. К моему удивлению, он соглашается. Таким образом, у меня остаётся пять свободных дней в неделю. С таким графиком я свободно могу курсировать между Коламбусом и фермой в Западной Вирджинии, это всего три часа на машине. Но всё же я на распутье. Проверять сотни письменных работ студентов – крайне скучное и утомительное занятие. Не лучше ли будет занять это время помощью Прабхупаде в работе над «Шримад-Бхагаватам»? Не зная, как поступить, я пишу ему письмо. Ответ был следующим.

«Соглашайся на эту работу без колебаний. В "Бхагавад-Гите" сказано, что человек должен полностью использовать свои таланты в служении Господу. Арджуна был воином, и он использовал свой талант исключительно для Кришны. Милостью Кришны у тебя есть преподавательский талант, и когда появляется возможность заработать деньги, используй её, но заработай эти деньги для Кришны. Так как ты предлагаешь основать Новый Вриндаван, тебе могут понадобиться средства. Я советую купить землю, а не брать её в аренду. Если же вы берёте её в аренду, то срок должен быть достаточно

долгим, скажем, 99 лет. Я не вполне понимаю позицию мистера Фостера, но не советую строить большие планы на чужой земле. Одна бенгальская поговорка гласит: "если ты беден, пойди в дом своего друга, прими там пищу и уходи. Но никогда не оставайся жить в чужом доме", это очень неудобно».

*** * ***

Занятия заканчиваются, и я еду из Уилкс-Барра в Западную Вирджинию в сопровождении Гарольда Милнера, студента, которому интересна мантра и нравится идея создания сельскохозяйственной общины. Мы выезжаем в три часа ночи и к полудню прибываем на место. На самом деле мистеру Фостеру принадлежат две фермы: одна, называемая просто «Козья ферма», граничит с извилистой окружной дорогой. Вторая стоит вдалеке, и к ней не проехать на обычном транспорте. На «Козьей ферме» нас встречает мистер Фостер и его новая команда, прибывшая по объявлению в «Оракуле Сан-Франциско»: Рэг Данбар из Нью-Йорка, Дон Томас из Калифорнии, и две калифорнийские девчонки, Кэролайн и Джанет.

Я разговариваю с Фостером. Он по-прежнему настаивает на пятилетней аренде. Киртанананда, как он мне сообщает, «живёт теперь на старой дальней ферме». Мы с Гарольдом ждём, и в конце концов, далеко за полдень, появляется Киртанананда. Он явно не собирается общаться с разговорчивым Фостером, и мы направляемся прямо на дальнюю ферму.

Мы следуем за ним мимо озера, через пустое поле, используемое как парковка. Подтянув лямки рюкзаков, продолжаем путь по тропинке, ведущей к небольшой речушке, окружённой сикоморами [дерево типа платана, распространено в США и Канаде]. Стоит бодрящий день начала лета, и прогулка наполняет нас силой. Мы дважды переходим речушку, осторожно ступая с камня на камень. Вскоре тропинка переходит в старую, заброшенную вьющуюся сквозь густой лес дорогу, по которой транспортировали древесину. Пройдя несколько минут вверх по крутому склону, мы присаживаемся на рюкзаки отдохнуть.

«Ещё немного осталось», — говорит нам Киртанананда.

Мы проходим ещё милю, всё в гору, затем снова отдыхаем, окружённые пестротой зелени клёнов, буков, тополей и акаций. Тополям уже где-то по тридцать — пятьдесят лет, они высокие и статные. Вскоре мы выходим на тропинку, ведущую к вершине холма, где деревья редеют, уступая место кустам ежевики и малины. Шагая по гребню холма, мы видим окружную дорогу, вьющуюся вдоль противоположного гребня.

Когда мы проходим мимо зарослей сассафрасового дерева [американский лавр, очень ароматное растение, произрастает в восточной части страны, от Вермонта до Флориды] и кустов дикой розы, я испытываю чувство возвращения домой, в давно знакомое место, полное тёплых воспоминаний. И вдруг неожиданно я вижу, сквозь распростёртые ветви ивы, уютно устроившийся подле холма старый деревянный дом. Добро пожаловать в Новый Вриндаван.

* * *

Самому дому уже больше ста лет, он срублен из мощных деревьев, которые в изобилии росли по берегам долин реки Огайо. Люди, построившие его, были детьми или внуками первых переселенцев в Америку.

Они были хорошими строителями. Труба и цокольный этаж сложены из камней, поднятых из речушки. В доме есть задняя комната, гостиная с каменным камином, небольшая спальня и узкая лестница, ведущая наверх в тёмную, пыльную комнату. Пусть и небольшой, дом вполне удовлетворяет нашим потребностям на настоящий момент. Я уже ощущаю, что это что-то вроде духовного дома.

«Здесь жили привидения, когда я приехал», — рассказывает Киртанананда. – «Но повторение мантры изгнало их».

Немного передохнув, мы принимаемся за мытьё лестницы. Так как электричества нет, приходится работать только при дневном свете. Гарольд оказывает неоценимую помощь. Вместе мы отмываем пыльную лестницу и латаем ветхий потолок. Колодец не функционирует, и мы носим воду в вёдрах из ручья. Подниматься

назад в гору с полными вёдрами очень тяжело. За исключением берега ручья и вершин холма, земля неровная. Ты либо катишься вниз по склону, либо карабкаешься наверх.

Начинаем составлять списки необходимых покупок, которые нужно сделать в городе. Москитные сетки на окна. Средство, отпугивающее насекомых. Побольше сеток [типа крышек, поверх надеваются] для керосиновой лампы. Стиральный порошок, новая метла, пенопластовые маты. Спиртовой лосьон при укусах комаров, сахар и геркулес. Концентрированные фруктовые соки. Овощи и фрукты – столько сколько сможем унести. Вёдра, топор – для расчистки территории вокруг дома и прорубки дорожек.

Ночью я долго не могу уснуть, прислушиваясь к треску сверчков, изредка нарушаемому кваканьем одинокой лягушки. Стоит кромешная тьма, и звёзды сияют невероятно ярко. Ни один уличный фонарь не искажает видение. Я задумываюсь о том, как мы сможем создать трансцендентную обитель, подобную Ведическому Вриндавану Индии. Если посмотреть на вещи с практической точки зрения, мы на заброшенной, отрезанной от дорог ферме, затерянной где-то в древних холмах Западной Вирджинии.

«Если эта земля превратится в Новый Вриндаван, я оставлю мысли о возвращении в Индийский Вриндаван».

* * *

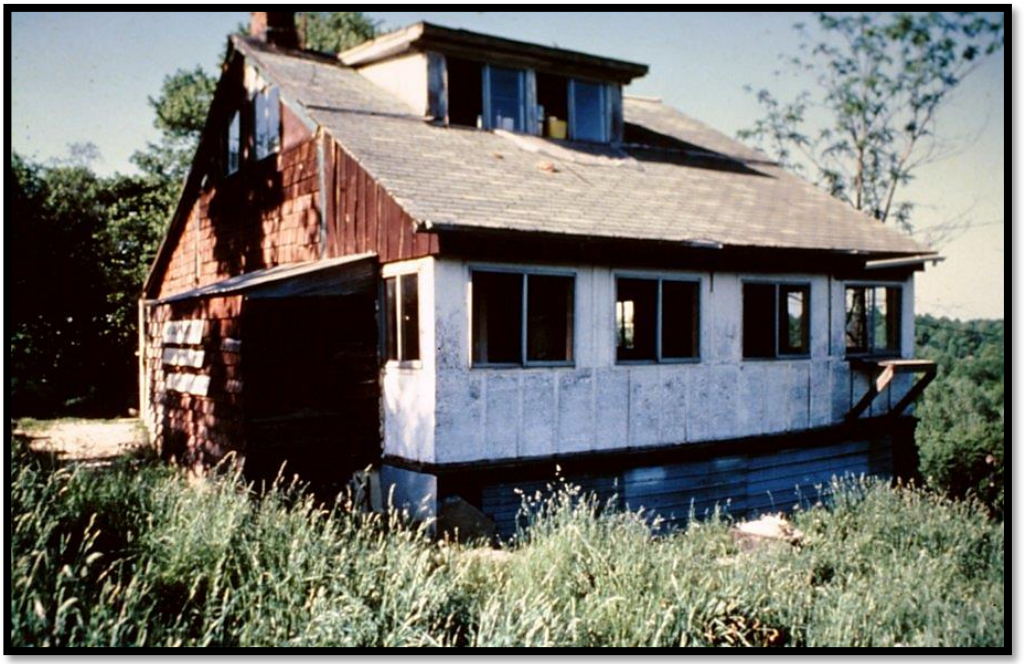
Утром Киртанананда разводит в каменном камине огонь и готовит оладьи с мёдом, которые мы предлагаем перед изображением Господа Кришны. Это вкуснейший *прасад.* В утреннем свете я оценивающе осматриваю ферму. На берегах ручья стоит туман. Пастбища заросли дикими цветами и колючими кустами ежевики. Заборы покосились – нужна новая проволока и столбы. Амбару требуется сменить обшивку, но его основа, как и основа дома, солидна и нерушима. Дому также нужна обшивка и новая крыша до начала осенних дождей. Её можно покрыть дранкой, а разбитые окна заделать пластиком. Всё нуждается в покраске.

Дерево сикомор.

Сассафрасовое дерево (Американский лавр).

Нью-Вриндаван, Фермерский домик.

Старая дорога для вывоза леса тянется ещё две мили [примерно 3,5 км] за домом на юг, к Лаймстоун Хилл Роуд. Городские жители сочли бы её непроходимой. Она сплошь покрыта ухабами, выбоинами, лужицами, болотистыми участками, обломками скал и поваленными деревьями. После одной неудачной попытки пройти по ней мы даём ей название – Агхасура – имя демонического змея, который, спрятавшись на дороге, поджидал Кришну и его друзей-пастушков, чтобы проглотить их. Кришна, конечно, заметил его и убил.

Нашим первым тяжёлым испытанием становится расчистка дорожек косой и топором, чтобы можно было свободно проходить, не запинаясь, не царапаясь и не рисковать быть укушенными змеёй или, что хуже, не заблудиться. Следом мы ремонтируем двери дома. Киртанананда работает в своём маленьком садике, борется с сорняками и вскапывает землю. Мы вёдрами носим воду для поливки кустов помидоров.

По вечерам, после работы, мы спускаемся вниз по холму к речушке и купаемся в водопаде и в небольшой водной впадине. Вода в ручье ледяная. Мы сидим на камнях под водопадом и читаем мантру. Мои первые дни на ферме проходят в сборе ежевики, и я собираю её столько, что это вдохновляет Киртанананду на заготовку ежевичного джема и *чатни*.

Ранним утром Гарольд прогуливается до нижнего пастбища и собирает полевые цветы на алтарь. Мы встаём до рассвета, читаем мантру, затем читаем вслух шлоки из «Бхагавад-Гиты». Вечером, около семи-восьми часов, программа повторяется, только теперь мы обрызгиваемся спреем от комаров, так как они просто невыносимы. После чтения *джапы* мы сидим снаружи в саду и любуемся звёздами.

14 июня Прабхупада пишет из Монреаля: «Я советую Киртанананде и тебе превратить всю Западную Вирджинию в Новый Вриндаван».

Это погружает нас в долгие размышления. Не только ферму. Он хочет весь штат. Я понимаю, что это прекрасное место. Холмы можно назвать Новый Говардхан. А если там есть озёра, им можно дать названия Радха-кунда и Шьяма-кунда.

«Вриндавану не требуется модернизация, потому что Вриндаван Кришны — это трансцендентная деревня, целиком и полностью зависящая от красоты и защиты природы. Кришна предпочитал принадлежать к общине *вайшьев* (сельскохозяйственной), так как Нанда Махарадж был царь-*вайшья*, или землевладелец, и его основным занятием была защита коров. У него было 900,000 коров, и Кришна и Баларама вместе со своими друзьями-пастушками, заботились о них. Каждое утро они выводили коров на пастбища…».

900,000 коров! У нас и одной-то нет. А друзья? Только Гарольд. И царь Нанда Махарадж! Мы только всё расчищаем до октября, когда мне уже нужно выходить на работу.

«Поэтому если вы серьёзно настроены превратить это место в Новый Вриндаван, я советую не делать его слишком модернизированным. Лучше жить без современных удобств, но простой, здоровой жизнью, развивая Сознание Кришны. Это должна быть идеальная деревня, где люди исповедуют простой образ жизни и высокие помыслы. Для простой жизни нам нужно иметь достаточное количество земли для выращивания урожая и пастбище для коров…».

Пока у нас нет и акра. Пастбища холмистые и заросшие. Что же до выращивания урожая…

«Если будет достаточное количество зерна и молока, все экономические проблемы будут решены. Вам не нужны никакие машины, кинотеатры, гостиницы, скотобойни, бордели, ночные клубы – все эти современные удобства. Люди, одержимые *майей,* пытаются выжать максимум удовольствия из чувств, но это не добавляет довольства сердцу… Вместо постройки борделей и скотобоен нужно покупать коров и защищать их. Мы должны поддерживать животных на протяжении всей их жизни. Мы не должны продавать их на скотобойни. Кришна учил нас всячески оберегать и охранять коров; поэтому особой чертой Нового Вриндавана должна стать защита коров, и от этого мы только выиграем…»

Я смотрю в окно на кусты ежевики и молоденькие деревца, которыми заросли пастбища; на покосившиеся и местами упавшие

вовсе заборы, ржавую проволоку, — и пытаюсь представить себе пасущихся коров.

В Индии, разумеется, защита коровы приносит её владельцу только выгоду. Коровий навоз используется как топливо. В деревнях его сушат на солнце, потом складывают в сараи и потом используют как топливо. Они получают пшеницу и другие зерновые с полей. Молоко и овощи, и коровий навоз в качестве топлива. Таким образом, каждая деревня независима. На ручных ткацких станках ткут полотно. А сельская масляная мельница – бык ходит привязанный вокруг двух больших каменных жерновов, которые перетирают масличные семена в масло.

Ручные ткацкие станки… Коровий навоз как топливо… Бык, который ходит по кругу… Жернова…

* * *

Вдохновлённый письмом Прабхупады, я направляюсь к Фостеру, занимающемуся прополкой огурцов на «Козьей ферме». Я предлагаю ему либо продать, либо сдать нам в аренду дальнюю ферму целиком.

«Я вам сдам дом», — отвечает он. – «и 1 акр или что-то около того вокруг дома. Но не все 130 акров». (1 акр = 0,4 гектара).

Я торгуюсь, настаиваю, упрашиваю, извиняюсь, говорю, что, имея в аренду всю ферму целиком, мы гарантированно останемся на ней надолго.

«Я не хочу, чтобы одна секта захватила весь ашрам», — твёрдо говорит он.

«Я хочу, чтобы он был открыт максимальному количеству самых разных людей. Вот в чём суть. Оставить открытым путь к Истине. Люди самого разного происхождения и носители различной философии могут приезжать сюда со всего мира в поисках Истины».

«Я думаю о долгосрочной аренде», — заявляю я.

«Нет». — Он выпрямляется и отрицательно качает головой. Лицо его покраснело от прополки. — «Нет — только пятилетние договора. Возобновляемые, разумеется. Понимаете, идея не в том, чтобы вы тут обосновались. Идея в том, чтобы найти Истину, открыться и позволить Истине войти».

* * *

Когда я сообщаю Прабхупаде о позиции мистера Фостера, тот немедленно пишет ответ: «Мистер Фостер может быть очень хорошим человеком, но он не знает, что такое сектантство. Но по крайней мере вы должны знать, что Кришна – это не секта. Кришна заявляет, что Он дающий семя Отец всех 8,400,000 материальных форм жизни. Они могут быть различны – водные, растения, черви, птицы, звери, человеческие существа – но Кришна говорит, что все они – Его дети. Кришна не объявляет Себя индийцем, так же как Он не объявляет Себя *кшатрием* или *брахманом*, белым или чёрным. Он говорит о том, что Он – наслаждающийся всем сущим. Он обладатель всех планет и творения. И Он – близкий друг всех живых существ. То есть это факт, что Кришна – всеобщ и не сектант. Поэтому если мистер Фостер действительно хочет несектантское образование на своей земле, он должен знать, каким образом это возможно. Я думаю, что вы должны попробовать убедить мистера Фостера в нашей философии, и помочь ему стать не сектантом по-настоящему. Не понимая Кришну, человек становится сектантом».

* * *

Дни становятся суше и жарче, мух становится всё больше, а мистер Фостер всё больше и больше становится болезненно подозрительным по отношению к соседям. Его нынешнее состояние некоторым образом спровоцировано заметкой в газете о гостях «хиппи», которые «разговаривают с деревьями».

Сейчас Фостер практикуется в стрельбе из ружья. Он, Рэг и Дон устанавливают жестяные банки и бутылки на пень вблизи дороги и часами стреляют. Фостер считает, что это очень умно – продемонстрировать свою вооружённость.

10 июля, ещё одно письмо от Прабхупады. Читая его, мы понимаем, что проект Нового Вриндавана, похоже, придётся оставить.

«У нас нет свободы действий, потому что земля принадлежит мистеру Фостеру, а он хочет организовать такое сообщество, которое привлекло бы всех искателей духовного просветления. Такой имперсоналистский идеал обречён на неудачу… Наша миссия – достичь верховной планеты духовного неба, другими словами, обители Кришны. Мы не можем поэтому идти на компромисс и соглашаться, что все формы медитации приносят одинаковые результаты. Этому нет подтверждения ни в Ведах, ни у ачарьев. Если мистер Фостер хочет чего-то, что бы удовлетворяло нужды всех духовных искателей, я думаю, что ваши усилия в этой части страны будут бесполезны. В сложившихся обстоятельствах я советую вам жить со мной. План по созданию Нового Вриндавана при существующих неудобствах не представляется возможным для реализации».

Мы несколько раз перечитываем письмо. Нам собираться и уезжать? Остаться и бороться дальше? На земле ещё много ферм. Зачем привязываться к одному клочку земли?

Обсудив всё это, мы решаем отправиться в Монреаль к Прабхупаде, поговорить с ним лично и позволить ему принять решение. Очень быстро мы пакуемся и выдвигаемся. По пути к автомобилю мы встречаем Рэга. Он тяжело дышит – бежал в гору. На «Козьей ферме» произошёл инцидент со стрельбой.

«Это всё паранойя Фостера. Он установил прожектора на крыше своего дома, навешал на заборе знаков "Частное владение. Не входить", всё время держал под руками ружьё и нагнетал нездоровое напряжение на ферме. И вот результат – кучка пьяных юнцов, проезжая мимо, решила забросить на территорию фермы хлопушки. Естественно, поздно ночью мы приняли хлопушки за выстрелы», — рассказывает Рэг. – «Фостер носился по двору, включал прожектора, раздавал ружья и вопил: "Сейчас они вернутся – и мы им покажем!". Естественно, Дон и девчонки перепугались. Я же был просто потрясён. Разумеется, машина вернулась. Когда сработали хлопушки, Фостер и

Дон открыли стрельбу из окон второго этажа. Был ранен 17-летний парень. Говорят, он выживет. Родители подали в суд».

Приехав на «Козью ферму», мы видим, что Фостер основательно забаррикадировался. Ещё одна линия прожекторов на крыше. Ворота закрыты. Окна и двери заколочены. Фостер бледен, глаза ввалились от нервного срыва и бессонной ночи. Сейчас Дон занимается прополкой в саду, пока Фостер сидит на заднем дворе, с ружьём, стул прислонен к стене дома.

«Я могу пересмотреть условия аренды» — говорит он мне.

Он обеспокоен юридическими последствиями – немедленная *карма*. Несмотря на все его акры, наличности у него немного. Если родители раненного парня выиграют дело, он может лишиться дальней фермы. Но если сдать ферму кому-то ещё…

«Нам нужна пожизненная аренда», — говорю я – «со всеми правами на землю».

«Я не могу этого сделать», — отвечает он. – «Права на минеральные ресурсы были проданы много лет назад, и там лес, который мне нужен, поэтому я не могу дать вам права на древесину. Но я отдам в долгосрочную аренду всю остальную собственность».

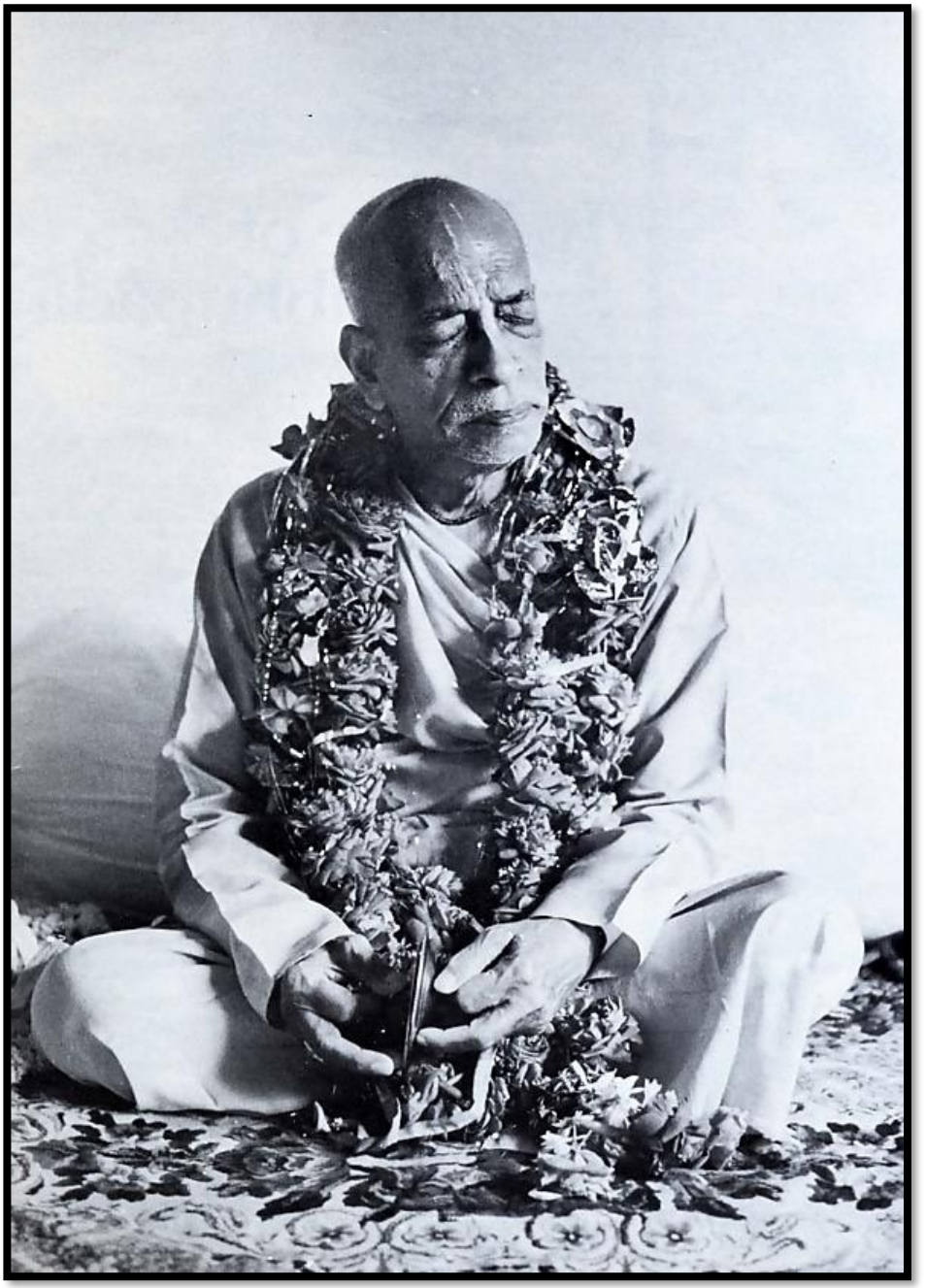
Когда я предлагаю 4,000$ за аренду на 99 лет, Фостер прищуривается, затем поворачивается и окидывает взглядом посадки помидоров и болгарского перца.

«Проклятые сурки», — ругается он.

Когда проезжает машина, он хватает ружьё и бесчувственно стреляет в сад в удирающего сурка.

«Хорошо», — вздыхает он. — «Я попытаюсь сделать договор аренды. 99 лет!! Господи Иисусе! Проблема с вами, ребята, в том, что вы хотите стать самим Господом Всемогущим».

Глава 15. Семь храмов на семи холмах.

Храм в Монреале располагается в большом сером, готической постройки здании неподалёку от университета Мак Гилл. Первый этаж занимает коммерческое издательство. Верхний этаж, где раньше был зал для боулинга, переоборудован под *киртаны* и жилые помещения для новых преданных – Шивананды, Джаяпатаки, Хамсадхуты, Вайкунтханатхи. Сейчас храм переполнен. С приездом Прабхупады жизнь бьёт здесь ключом.

Мы с Киртанананданой навещаем Прабхупаду в его квартире неподалёку. Кажется, что картина не меняется: Прабхупада сидит подле своего сундучка, знакомые ароматы гардений, ладана и сандалового дерева витают в воздухе. Гоурусундар и Говинда даси суетятся вокруг, слегка недовольные тем, что такое количество посетителей беспокоят его. Мы выражаем своё почтение, и я подношу Прабхупаде жёлтые розы, которые Говинда даси расставляет в вазы.

«Итак, как вы добрались?» – Спрашивает Прабхупада.

«На самолёте из Нью-Йорка», — отвечаю я.

«А, очень хорошо. И как дела в Нью-Йорке? Всё хорошо?».

«Да, Шрила Прабхупада, просто замечательно».

«Владелец фермы наконец согласился на долгосрочную аренду», — говорю я, — «но он хочет оставить древесину себе».

«Нет, это не годится. У нас должны быть все права».

«Права на добычу угля были проданы 65 лет назад», — вступает Киртанананда, — «Там со всеми землями такая ситуация».

«Значит, если государство решит развивать угледобывающую промышленность, нас могут попросить освободить территорию», – обеспокоенно говорит Прабхупада. – «И никакой закон не в силах будет помешать».

Мы соглашаемся, что тут есть над чем поразмыслить.

«Да», — продолжает он, — «даже если государство не будет вмешиваться, если просто какое-нибудь предприятие откроется поблизости, наш Новый Вриндаван пострадает».

Неожиданно перед моим взором предстаёт неутешительная картина: маленький домик, и ива, окутанная дымом, пастбища, захваченные стальными машинами, оскорбляющими Мать Землю, гигантские дымящиеся трубы…

«Новый Вриндаван должен быть чист, никакого промышленного загрязнения», — говорит он. — «Промышленные предприятия, такие как шахты, разрушают всё. Взвесьте всё хорошенько и подумайте над будущим участка».

«Большинство угля уже добыто», — говорит Киртанананда.

«Ещё один важный момент», — добавляет Прабхупада, — «что произойдёт с землёй через 99 лет?».

«Я не знаю», — отвечаю я. — «Я, по правде сказать, даже не думал об этом. Нас лично уже там не будет».

«Но Общество [Сознания Кришны] будет! Должно быть соглашение, по которому земля по истечении срока аренды переходит к нам».

Это-то мы и упустили. Ну конечно! Она должна отойти Обществу! Великолепные храмы будут возвышаться среди зарослей ежевики и чернильной ягоды (высокое растение, ботаническое название *фитолакка*, с белыми цветами и сочными фиолетовыми ягодами, и с ядовитым корнем).

«Мы попробуем уговорить Фостера на это», — говорю я.

Затем мы начинаем описывать местность.

Как только доходит до месторасположения дороги, и Прабхупаде становится ясно, как она пролегает, он спрашивает: «А как вы добираетесь до своего дома?».

«Вообще-то это большая проблема», — признаю я. – «Место довольно труднодоступное. Но можно подняться на джипе или телеге, запряжённой лошадью. Или пешком – прогулка в 2 мили».

Прабхупада ненадолго погружается в размышления.

«Хм. Лошадь и телега — это лучше», — наконец изрекает он. – «Вы должны избегать механики и стать максимально независимыми. И потом, — на лошадей так приятно смотреть. Это самые прекрасные из животных».

Киртанананда достаёт баночку ежевичного *чатни* и баночку джема.

«Свежие, очень вкусно», — хвалит Прабхупада, пробуя. Затем, приняв серьёзный вид, произносит, — «Да, в Новом Вриндаване всё должно сознавать Кришну, потому что всё будет для Кришны. Поэтому возведение домов, содержание коров, работа в полях – всё это будет *бхакти-йога.* Люди не должны отправляться туда просто на покой. Нет – они должны вовлекаться в процесс. В вашей стране пожилые люди предпочитают держать собак и покуривать трубку, когда они выходят на пенсию. Или они играют в… — как вы называете это?».

«Шаффлборд» — отвечаю я, вспоминая старичков в парке Золотые Ворота. – «И в шашки».

«Да, вот этого всего мы хотим избежать. Мы должны всегда быть погружёнными в Сознание Кришны, чтобы *майя* не могла взять над нами верх».

«Погружению не будет конца, Прабхупада», — заверяет его Киртанананда.

Я вспоминаю о своей спине, надорванной поднятием камней со дна водопада. Вспоминаю обо всех ещё не собранных полевых цветах.

«Все холмы и храмы должны быть названы», — прерывает мои мысли Прабхупада. – «На семи холмах мы построим семь храмов, как

в исходном Вриндаване: Говиндаджи, Гопинатха, Мадана-Мохана, Шьямасундара, Радха-Рамана, Радха-Дамодар, Гокулананда…».

Сидя перед ним, мы как будто воочию видим устремлённые ввысь увенчанные куполами храмы на холмах Западной Вирджинии. Возможно, это всего лишь призрачные фантазии, но уверенность Прабхупады заражает нас и всё это кажется настолько реальным…

«Конечно, Киртанананда, ты видел Вриндаван», — продолжает Прабхупада. – «Вспомни атмосферу! Там повсюду храмы, около пяти тысяч храмов. Это наш план на отдалённое будущее».

План на отдалённое будущее. Мне интересно, успеем ли мы починить крышу до начала осенних дождей.

«Но сейчас давайте построим хотя бы семь храмов», — говорит он, и глаза его горят в предвкушении. – «Холмы мы назовём Говардхан. Там должны быть пастбища для коров, гаты для купания, как Кеси-гата. О, сколько названий я могу вам предложить! А ты, Киртанананда, сможешь привлечь соседей своим вкуснейшим *прасадом*».

Рассуждая так в прохладный Монреальский полдень, Прабхупада описывает Новый Вриндаван настолько живо, что мы уже видим толпы туристов, ожидающих проводников, которые поведут их к мраморным храмам и дворцам.

Каждую минуту Прабхупада играючи подкидывает разные идеи, чем занять тысячи преданных. На его сундучке стоит лампа, лежат листы бумаги и несколько книг. «Бхагавад-Гита» всегда на видном месте. Я так и представляю его, сидящим вот так вечность, читающим писания сквозь очки, создающим целые культуры и цивилизации, сосредоточенные на Кришне.

Вечером Говинда даси подаёт воздушный пряный рис. Прабхупада украшает нас гирляндами. Мы пьём сладкий йогурт, пока он рассказывает о планах Джанарданы по изданию журнала «Back to Godhead» [Назад к Богу] на французском языке для Канады.

Он очень довольный и счастливый, и когда мы кланяемся перед уходом, он говорит: «Да, возьмитесь за этот Новый Вриндаван со всем сердцем и душой. И будьте уверены – всё получится».

* * *

Четыре дня Прабхупада поливает цветок преданности Нью-Вриндавану. Это очень молодое, нежное растение, которому необходим особый уход. На пятый день, вооружённые планами, схемами, представлениями и самыми возвышенными помыслами, мы вылетаем в Нью-Йорк, в сопровождении величайших покровителей – Божеств Джаганнатхи, приобретённых в Монреале.

В Нью-Йорке мы два дня закупаемся для Божеств на Орчард Стрит, торгуемся из-за ткани, пытаемся отвоевать каждый цент. В «Sears» [компания, производящая и торгующая инвентарём для самых разных нужд] мы покупаем сельскохозяйственные инструменты, бензопилу, новые батарейки, кадушки, вёдра, шланги. По мере того, как растут счета, мы с болью осознаём, что на наш великий замысел нам нужны колоссальные средства.

*** * ***

В Западной Вирджинии первые приметы осени видны уже в июле. Сбор ежевики подошёл к концу, и некоторые листья уже покраснели. Всего неделя прошла с нашего отъезда, а здесь уже столько изменений! Фостер трудится над новым забором. Сейчас, когда ему предъявлено обвинение в попытке непреднамеренного убийства, он выкапывает ямки под деревянные столбы, которые отгородят его от мира.

«Проходите», — приглашает он. – «Охладимся содовой. Я тут всё думал над этой арендой».

Я ему напрямую говорю, что нам нужны права на древесину и последующий переход земли в нашу собственность. Мы спорим и спорим. Наконец Фостер, которому надоедает это, сдаётся. Неделю спустя, 8 августа 1968 года, договор аренды подписан, и все данные

внесены в соответствующие госреестры. С превеликим удовольствием мы пишем Прабхупаде и сообщаем ему, что собственность Нового Вриндавана отныне закреплена за нами.

Прабхупада отвечает: «Сейчас мы можем с большим энтузиазмом начать работу по созданию Нового Вриндавана в Соединённых Штатах Америки. Его строительство сделает меня счастливым. И я очень рад из письма Киртанананды узнать, что он всё больше и больше осознаёт, что Новый Вриндаван — это не что-то материальное, но исключительно духовное, для прославления Господа, Шри Кришны».

И для безотлагательного прославления Господа Кришны Прабхупада советует нам начать первым делом с утра проводить церемонию *аратик*. *Аратик* – это ритуал, когда Божествам предлагаются различные вещи: благовония, камфора, гхи, ракушка с водой, платок, цветок, веер из павлиньих перьев, опахало из хвоста яка, и всё это сопровождается пением мантры, звоном колокольчика и танцами. Прабхупада проводил *аратик*, когда Господа Джаганнатху устанавливали в Сан-Франциско.

В следующем письме Прабхупада пишет: «Я очень рад узнать, Киртанананда, что ты счастлив служить прекрасным Божествам Джаганнатхи из Монреаля. Церемония *аратик* проводится следующим образом: первый *аратик* – как ты видел во Вриндаване в храме Радха-Дамодаре, рано утром, минимум за час до восхода солнца… Второй *аратик* проводят около 8 утра, после одевания Божеств и украшения их цветами, третий – после предложения Божествам обеда, четвёртый – вечером, а пятый, когда Господь ложится спать… Джаганнатха Свами очень добр к падшим душам, потому что Он – Господь Вселенной, и все живые существа – Его творения поэтому Господь Джаганнатха благословит вас знанием, как Ему служить, чтобы удовлетворить Его».

* * *

Мы просыпаемся в 4:30 утра, сонно зажигаем керосиновую лампу, совершаем омовение губкой из ведра с ледяной водой. Единодушно считаем, что нет ничего лучше для пробуждения

организма, чем холодная вода. Нам помогает Рэнди Фримэн, с которым Киртанананда познакомился в больнице Белльвью в 1966 году. Рэнди достаточно насладился Нью-Йоркской жизнью, и сейчас горит желанием совершить нечто грандиозное – например, построить семь ведических храмов на семи холмах Западной Вирджинии.

В 4:45 мы все стоим перед небольшим алтарём Божеств Джаганнатхи и произносим:

(киба) джайа джайа гаура̄ча̄̆дер а̄ротико ш́обха̄
джа̄хн̣авӣ-тат̣а-ване джагамана-лобха̄

придите все взглянуть на великолепную церемонию *аратик* Господа Чайтаньи. Этот ритуал на берегах Ганги настолько прекрасен, что привлекает ум всего мира.

Фермерский домик вибрирует в предутренней темноте. Ни лучика света восходящего солнца.

«Дон-дон, дон-дон» — звенят стальные гонги, спасённые с местной свалки. Тяжелые диски подвешены на распрямленные плечики для одежды, и Гарольд ударяет в них деревянным молотком. Киртанананда играет на фисгармонии, и мы по очереди делаем Божествам подношения. После *аратика* мы читаем из «Бхагавад-Гиты». Наконец тьма рассеивается. Мы завтракаем овсяной кашей снаружи, и любуемся восходом солнца. Лучше всего заниматься тяжелой работой с утра, пока прохладно.

* * *

ИСККОН расширяется невероятными темпами. Рупануга в Буффало, и в Бостоне дела идут хорошо. В Лос-Анжелесе оглушительный успех, храм уже почти «догнал» храм в Сан-Франциско. Санта-Фе не отстаёт; Субал всё еще в замке. Даже подросток Упендра отправился в Сиэтл открывать там центр. И Прабхупада отправляет Шивананду в Гамбург, а Умапати в Париж.

Из Монреаля я получаю посылки с рукописями «Шримад-Бхагаватам». «Макмиллан» [крупное известное издательство] обещает, что

«Бхагавад-Гита как она есть» будет готова к январю. Раярама работает над журналом «Назад к Богу», а мне доверено редактирование «Шримад-Бхагаватам». В Монреале Прабхупада встречается с преданными из Сан-Франциско – Мукундой и Джанаки, Гурудасом и Ямуной, Шьямасундаром и Малати – эти три пары отбывают в Лондон — открывать первый в Европе центр ИСККОН. Приземлившись, они хотят устроить *санкиртану* и привлечь побольше внимания.

«Вы говорили мне, что немедленно подключите электричество», — пишет мне Прабхупада. – «Как только оно появится, я приеду и побуду в Новом Вриндаване некоторое время. Может быть, даст Кришна, я сделаю его [Новый Вриндаван] своей штаб-квартирой».

Затем приходит телеграмма от Брахмананды, в которой тот сообщает нам, что Прабхупада вернулся в Нью-Йорк. Киртанананда, Гарольд, Рэнди и я уезжаем с фермы рано утром, сразу после *аратика*, и к полудню мы уже проезжаем по туннелю Холланд [автомобильный туннель под рекой Гудзон, соединяет Нью-Йорк и город Джерси-Сити к нижнему Ист-Сайду, район в Нью-Йорке]. Магазинчик «Бесценные дары» никогда ещё не выглядел таким оживлённым.

* * *

Новые преданные на цыпочках толпятся и перешёптываются под дверью Прабхупады. Сейчас здесь много новых лиц из Калифорнии и Канады, а также из Нью-Йорка. Я с трудом пытаюсь запомнить их имена. Они окружают Прабхупаду у него в комнате, где он сидит, как обычно, на коврике около своего сундучка.

«А, заходите! – обращается он к нам, пока мы приносим свои поклоны. – «Вы все приехали из Нового Вриндавана?».

Он произносит «Новый Вриндаван» с такой интонацией, будто он уже основан сотни лет назад.

«Сегодня утром, Прабхупада» - отвечаем мы.

«А это тот самый молодой человек, которому интересно?».

«Да, это я», — шёпотом отвечает Гарольд.

Гарольд недавно написал Прабхупаде письмо, в котором рассказывал о своём замешательстве в отношении христианства и привлечении Кришной.

«Так тебе нравится наше движение Сознания Кришны?» — широко улыбаясь, спрашивает Прабхупада. – «Это хорошо. Я получил письмо, спасибо. Но скажи мне – в чём разница между относительным и Абсолютным? Ты понимаешь эту разницу?».

Гарольд сидит, уставившись на него во все глаза. Впервые в жизни он видит Прабхупаду.

«Относительным и Абсолютным?» — повторяет он, и мысли его очевидно мечутся в поисках ответа. — «Ну, абсолютное…».

«Всё в порядке», — милостиво молвит Прабхупада. – «Во всяком случае, попытайся понять. Взгляни на эту лампочку – от неё исходит свет. Лампочка существует отдельно от света, но без лампочки этого света не будет. Свет зависит от неё. Поэтому мы говорим, что свет существует относительно лампочки. Или мы можем сравнить солнце и солнечный свет. Солнечный свет относителен самого солнечного диска, потому что он из него исходит. Так Веды определяют, что Абсолют – это то, из чего всё исходит. Понимаешь?».

«Думаю… да», — отвечает Гарольд.

«Так вот, Кришна – как солнечный диск. Он Абсолют, и всё исходит из Него:

ахам̇ сарвасйа прабхаво,
маттах̣ сарвам̇ правартате

- "Я источник всего сущего. Всё творение исходит из Меня". Это объясняется в "Бхагавад-Гите". Ты читал "Бхагавад-Гиту?"».

«Я… немного».

«Так в чём же трудность? Кришна здесь, и Он отец всех живых существ. Он провозглашает:

сарва-йонишу каунтейа
мӯртайах самбхаванти йāх
тāсāм̇ брахма махад йонир
ахам̇ бīджа-прадах питā

- "Я отец, дающий семя всему живому, а мать – материальная природа". Господь Иисус Христос говорит: "Я есть сын". И где же тут противоречие? Ты хочешь сказать, что питаешь уважение к сыну, не почитая отца? Это разве мудро? Или ты почитаешь отца, забывая о сыне?».

Прабхупада не сводит взгляда с Гарольда, ожидая ответа. Гарольд неуверенно мнётся и в смущении опускает глаза. «Ну…»

«Вот поэтому мы не отвергаем христианства», — заключает Прабхупада. — «Почитай Иисуса Христа, но воспевай с нами святые имена и попытайся понять возвышенную философию сознания Кришны».

Затем добавляет, повернувшись ко мне: «Из него получится замечательный преданный. Ну что, план Нового Вриндавана развивается? В Монреале есть один плотник, Вамандев. Он может помочь. А Прадьюмна – очень умный мальчик, он может помочь с редактированием «Шримад –Бхагаватам». Он изучает санскрит и может уловить какие-то ошибки. Он также может помочь открыть центр в Колумбусе».

«Там 40,000 студентов», — говорю я. – «Мы запросто можем открыть храм около университета».

«И вы также можете приглашать их в Новый Вриндаван. Это ведь недалеко от Огайо. Если они увидят, что это духовное сообщество, они поедут. А когда проведёте электричество, я вас навещу, и мы сможем поработать над оставшимися песнями из "Бхагаватам". Мы можем даже купить свой печатный станок и сами издавать книги. Адвайта и

ещё несколько ребят сейчас изучают издательское дело. Таким образом, в Нью-Вриндаване мы сможем делать всё».

Пока Прабхупада говорит, появляется Умапати и выражает своё почтение.

«Как ты себя чувствуешь?» — спрашивает его Прабхупада.

«Очень хорошо, Шрила Прабхупада», — отвечает Умапати. Затем, увидев нас с Киртанананданой, добавляет — «Как в старые добрые времена».

«Нет старых или новых времён», — замечает Прабхупада. – «мы все связаны навечно, нет ничего нового или старого».

«*Джай*!» – восклицает Умапати.

«А почта?» — вдруг спрашивает Прабхупада. – «Вы интересовались насчёт открытия почтового отделения в Новом Вриндаване?»

«Необходимо определённое количество писем», – отвечаю я.

«Хорошо, если вам требуются письма, мы это устроим. Выясните, сколько их нужно, и я поручу нашим центрам высылать вам письма. Как минимум, пять-десять писем из каждого храма. Это и будет доказательством того, что нам приходит много почты…».

Я неожиданно осознаю, что открытие почтового отделения сравнимо с основанием города. Если у тебя есть свой индекс, будет и город. Ещё больше преданных заполняют небольшую комнату, и Прабхупада воодушевляется. Он готов говорить часами, и наши деревца *бхакти* в его присутствии растут выше и выше.

«Сейчас мы видим, что хиппи нуждаются в мирном, спокойном месте, подобном Новому Вриндавану», — говорит Прабхупада. – «Они покидают города и уезжают в деревни, чтобы обрести покой в мыслях. Поэтому вы можете приглашать их в Новый Вриндаван и

показать, что мир и счастье основываются на духовности, в сообществе, сосредоточенном на Кришне».

«Кришна даёт вам, ребята, разум и возлагает на вас Свою милость. Продолжайте начатое, а когда появятся трудности – повторяйте Харе Кришна. Молитесь Кришне о помощи, и трудности будут исчезать. Будьте в этом уверены».

* * *

5 сентября. Свадебная церемония. Прабхупада объявил мужем и женой Сатсварупу и Джадурани. Так как Сатсварупа занимает должность социального работника, он лучше всех сможет защитить нашего главного вдохновителя. После свадьбы Гарольд получает инициацию и духовное имя Хришикеш, а Рэнди – Ранандир. Затем я получаю чётки *брамана.* Прабхупада читает лекцию о квалификации *брамана.*

«*Браманами* не рождаются», — говорит он. – «Это *гуна*, квалификация. Человек не может стать *браманом*, не находясь в сознании Кришны. А сознавая Кришну, можно немедленно достичь статуса *брахмана*».

После церемоний мы наслаждаемся великолепным пиром. «Бесценные дары» полон новых преданных и гостей, желающих увидеть огненное жертвоприношение. В этот день Киртанананда отмечает свой 31 день рождения.

* * *

8 сентября, мы провожаем Прабхупаду в аэропорту Кеннеди.

«Пожалуйста, постарайся увлечь студентов в университете», — говорит он мне перед посадкой. – «Но делай это тактично, не причиняя администрации лишнего беспокойства. Что же до Нью-Вриндавана…» — он поворачивается к Киртанананде. — «Здесь вас ожидает много трудностей, но прилагайте все усилия, работайте вместе, и будьте уверены, что всё получится – ибо вы действуете во имя Кришны».

Затем, под звуки *мриданги* и рёв самолетных двигателей, он улетает в Лос-Анджелес.

* * *

Перед возвращением в Нью-Вриндаван мы приобретаем пару небольших бронзовых статуэток Божеств Радха Кришны у преданного, который недавно вернулся из Индии. Уже на ферме мы устанавливаем их рядом с Божествами Джаганнатхи, и Киртанананда пишет Прабхупаде, чтобы спросить, как правильно нужно поклоняться.

«Кажется, что Кришна не только дал вам Нью-Вриндаван», — отвечает Прабхупада, — «но Он сам, по Своей доброй воле, пришёл к вам. Это очень удивительно».

Затем он сообщает нам, что Божествам для установки нужен трон.

«Вы видели процесс одевания Божеств и поклонения в Нью-Йорке. Ничего нового не добавлять. Следуйте тому же принципу; Божества всегда должны быть красиво одеты, украшены цветами и окурены благовониями. Они всегда должны выглядеть привлекательно. Чем больше мы прикладываем усилий в поклонении Божествам, тем больше мы очищаемся».

Прабхупада летит в Сиэтл. Всё больше центров открывается по всему миру.

Он пишет: «Я отправил Гаурасундара на Гавайи открыть там отделение. Из Лондона мне сообщают, что шесть преданных проводят *киртаны* по утрам и устраивают пир. Мы также надеемся на новое отделение в Берлине. Я думаю, что как только там будут готовы принять меня, я немедленно отправлюсь в Европу».

* * *

Государственный университет штата Огайо мало изменился с 1965 года. 40,000 студентов из семей фермеров прогуливаются по кампусу, растянувшемуся вдоль Хай Стрит. Стоит осень, листья

сменили цвет на красный и золотой, и единственное сознание здесь, в Колумбусе, это футбол. В пику этому я по-быстрому открываю «Общество Йоги» Государственного Университета Штата Огайо. То есть, фронт ИСККОН.

Получаю письмо Прабхупады из Лос-Анджелеса: «Лучше было бы назвать "Общество *бхакти-йоги*", иначе его можно принять за очередной клуб *хатха-йоги*. В любом случае, каким бы ни было название, это не столь важно. Если тебе удастся привлечь студентов к повторению мантры, это будет большим успехом».

30 октября. Новое «Общество Йоги» Государственного Университета Штата Огайо собирается в лекционном зале факультета астрономии. Приходит около 500 студентов. Как обычно, они очень хорошо себя ведут. Меня всегда впечатляло поведение и манера одеваться в этом университете. На следующий день в университетской газете «The Ohio State Lantern» появляется заголовок: «ЙОГА ПОВТОРЕНИЯ СВЯТЫХ ИМЁН — ПУТЬ К КРИШНЕ. Они меня цитируют: «Повторяйте мантру, смиритесь и будьте счастливы».

Объявляя *хатха-йогу* обычным набором физических упражнений, я провозглашаю настоящую *йогу* как «связь со Всевышним».

«Кришна — не индиец или американец. Он выше материальных наименований. Он источник всего сущего».

После этого заведующий отделением английского языка смотрит на меня как на бомбу замедленного действия. Однако он позволяет довольно много, чтобы штат чувствовал себя хорошо, в эти трудные времена инфляции и недовольства по поводу Вьетнама. Смирившись с избранием Никсона, профессора английского языка открыто демонстрируют свой либерализм.

* * *

В Новом Вриндаване мы покупаем внедорожник «Форд» 1955 года за 250$. Фырча, чихая и дымя, он как танк карабкается две мили вверх по нашей Агхасуре под моросящим ноябрьским дождём.

Дорога Агхасура – препятствие, достойное Ведических героев, сила преодоления которого заслуживает признания. Каждая поездка – это битва с липкой грязью, размытыми выбоинами; колеями, покрытыми тонкой корочкой льда, под которой ещё больше вязкой слякоти – скользкой, тягучей Западно-вирджинской глины, которую невозможно отчистить. Каждый раз Ранандир или Хришикеш выпрыгивают с лопатой, и выкрикивают мне указания, куда двигаться – вперёд или назад. Мы постоянно останавливаемся починить цепи на колёсах [для лучшей проходимости автомобиля] или оттащить деревья, поваленные ноябрьскими ветрами.

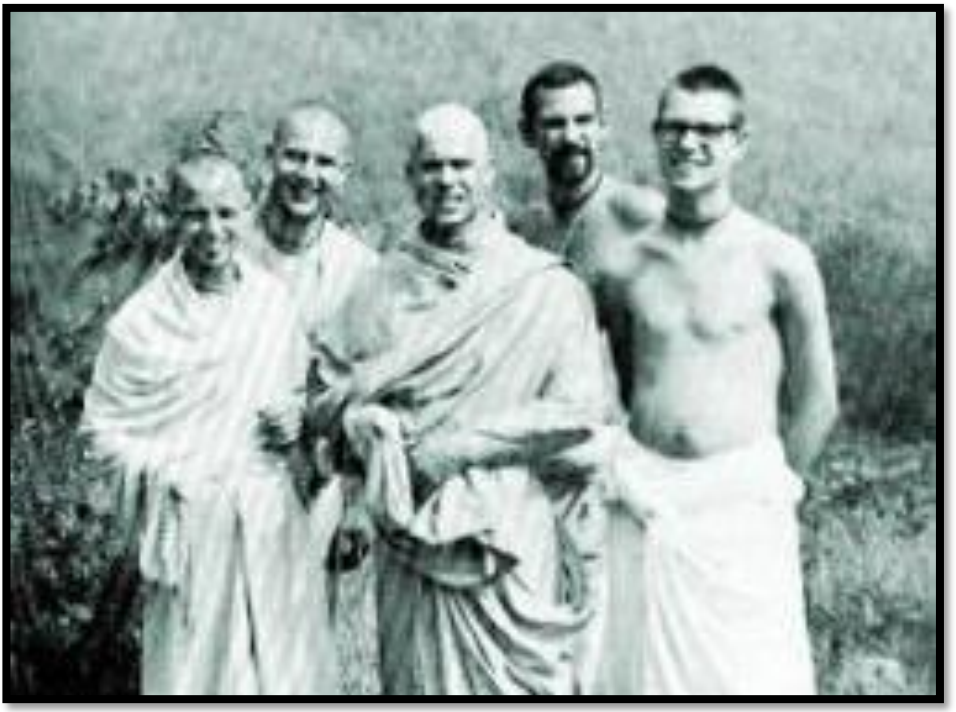
Мы покупаем перчатки и термобельё, тёплые ботинки и шерстяные шапки. Энергетическая компания «Уилинг Электрик» заверяют нас, что к Рождеству мы будем с электричеством. Мы вооружаемся пилой и на джипе отправляемся в лес; срубаем там несколько мёртвых деревьев и отвозим их к себе. Так как камин оказывается непригоден для отопления помещения, мы покупаем несколько стальных бочек для бензина и делаем из них печки. Они вздуваются от жара. От Рэга мы узнаём, почему Фостер с такой легкостью согласился на аренду.

«Он уверен, что вы, ребята, не продержитесь зиму».

* * *

Мы платим местной фирме, оказывающей услуги бульдозера, 10$ в час, чтобы они разровняли Агхасуру. Через 20 с небольших часов слякоть аккуратно утрамбована, и дорога приобретает божеский вид. Две недели спустя, после дождей и нескольких поездок появляются прежние выбоины. Грязная Агхасура оживает, ещё более устрашающая, чем раньше. Мы пытаемся привлечь Дорожное управление штата к строительству дороги, но власти на ней уже давно поставили крест. Однако из сочувствия к нам они отправляют человека осмотреть Агхасуру.

«Её необходимо осушить», — говорит он, качая головой. — «Затем сюда надо завезти тонны гравия для строительства. Это будет вам стоить 40,000$. А всё потому, что вы хотите дорогу там, где ей не место».

Киртанананда, Ваманадев, Хришикеш, Хаягрива и Прадьюмна, Нью-Вриндаван, 1968 год.

Нью-Вриндаван, первые постройки рядом с фермерским домом.

* * *

Прабхупада пишет: «Вы спрашиваете, можно ли использовать уголь в качестве топлива зимой, и так как это представляется самым простым решением, то оно и самое правильное. В таких вопросах руководствуйтесь здравым смыслом. Что же касается использования техники в Новом Вриндаване, она может быть очень полезной, не исключайте этих преимуществ. Мы не враги машинам. Если они помогут в служении Кришне, то это только во благо. Если у нас будут хорошие дороги, мы сможем пригласить в Нью-Вриндаван много людей».

Прабхупада наслаждается благоприятным климатом Лос-Анджелеса и планирует остаться там до рождественских праздников. Иммиграционная Служба выдала ему пожизненную туристическую визу.

«Вам будет очень приятно узнать, что мы подписали договор аренды помещения для нового храма в Лос-Анджелесском центре», — пишет он. – «Раньше там был японский буддийский храм, здание в испанском стиле, — на бульваре Сьенега, очень красивое, сейчас готовим программу по привлечению большого количества людей».

Прабхупада предлагает мне купить 2,000 экземпляров «Бхагавад-Гиты» с 40% скидкой для распространения среди студентов Государственного университета Огайо. «Макмиллан» по-прежнему обещает, что книга будет готова к январю 1969. Мы получаем сигнальный экземпляр. Вступительное слово написано Алленом Гинзбергом, Денизом Левертом и Томасом Мертоном. Это очень волнующий момент. Прабхупада стал автором книги, изданной крупнейшим в Нью-Йорке издательством. Я заверяю его, что нам не составит труда распространить 2,000 книг.

* * *

После вечернего *аратика* в Новом Вриндаване мы попиваем горячее молоко с мёдом, стоя вокруг 55-галлонной бочки-печки. [примерно 208 литров]. Заняться пока больше нечем. Время от времени

Киртанананда ворошит угли. Из магнитофона на батарейках играют Нью-Йоркские лекции Прабхупады 1966 года. Тускло мерцает огонёк керосиновой лампы, и мы засыпаем с видениями Второй Авеню.

Прабхупада пишет: «Мне очень приятно, что вы меня помните и с удовольствием слушаете записи с лекциями. Я так же, как и вы, помню наши встречи на Второй Авеню, и рассказываю о них всем друзьям и ученикам здесь. Наше знакомство было запланировано Кришной. Мы всегда должны помнить об этом плане и продолжать совместную работу по развитию движения Сознания Кришны».

Уже декабрь, а электричества всё нет. Запасы дров тают на глазах. Тепло выходит из многочисленных щелей в стенах старого дома. Ноги и спина постоянно мёрзнут. Снаружи температура опускается ниже нуля, и даже там не погреться. Руки иногда даже прилипают к заледеневшему пластику руля грузовичка. Когда грязь замерзает, Агхасура становится жёсткой и неровной.

Мы продираемся сквозь лёд, разбрызгивая грязь, и гадаем, зачем мы здесь. В декабре выпадает первый настоящий снег. Я пишу Прабхупаде и сообщаю ему о том, что родители хотят видеть меня на Рождество.

В ответ получаю следующее: «Я думаю, тебе стоит оставить мысли видеть родных каждый год. Подготовь себя для дальнейшей духовной жизни. В конце концов, наши мирские взаимоотношения с отцом и матерью, женой и детьми не могут защитить нас от *майи*. Один вайшнавский поэт сказал, что в каждой форме жизни нам даются отец и мать, без этого невозможно появление материального тела. Так что родители есть у любой формы жизни, но только в этой — человеческой – форме можно обрести Кришну как истинного духовного учителя. Это конечный пункт назначения в череде наших перемещений по разным формам жизни на разных планетах».

Я меняю билет на самолёт в Лос-Анджелес. Когда я прилетаю туда 13 декабря, Прабхупада радостно встречает меня в своей квартире на Хэйворт Авеню. Он выбрал мне жену.

* * *

Я вхожу и приношу свои поклоны. Прабхупада так и светится улыбкой. Очевидно, что калифорнийский климат идёт ему на пользу. Он просто цветёт. Мексиканское серапе [шерстяной плащ, нац. мексиканская одежда] наброшено на его сундучок.

«Но, Шрила Прабхупада…», — начинаю я.

«Я думаю, тебе нужно жениться», — говорит он.

«Но прямо сейчас – мне не нужна жена…».

«Не жена – помощница. Тебе нужна помощница с навыками печати, которая бы стала твоим секретарём. Такая жена окажет неоценимую помощь в твоём писательском труде. Ты предпочитаешь свободу, но преданная жена – это так же хорошо, как и свобода. Ученики *грихастхи* – Шьямасундар, Мукунда и Гурудас со своими жёнами отлично работают в Лондоне. А Даянанда и его жена Нандарани очень хорошо справляются здесь. А Сатсварупа со своей супругой Джадурани – в Бостоне. Гаурусундар и Говинда даси планируют развивать Гавайи и Тихоокеанское побережье. А Рупануга прабху и его жена…».

Всё было решено до моего приезда. Выбранную девушку звали Шьяма даси. Я вспоминаю, что видел её в храме в Сан-Франциско. Это очень красивая, высокая белокурая *брахмачарини.*

«Вам, американцам, нравятся высокие девушки?» – со смехом спрашивает Прабхупада.

В Рождество 1968 года он женит нас в храме Ла Сьенега.

Пир после свадьбы поражает роскошью.

Мы наслаждаемся им под украшенным цветами навесом, наши одежды связаны вместе, а Прабхупада сияет от счастья, беспрерывно улыбаясь.

Шьяма даси, жена Хаягривы.

3 семейные пары, уехавшие проповедовать в Лондон.
Мукунда и Джанаки, Гурудас и Ямуна, Шьямасундара и Малати

* * *

«СВАМИ ЗАЯВЛЯЕТ, ЧТО ЛЮДИ ЖИВУТ НА ЛУНЕ», — через три дня после свадьбы я вижу заголовок в «Лос-Анджелес Таймс». — «ЭТО ПРОТИВОРЕЧИТ ВСЕМ НАУЧНЫМ ИССЛЕДОВАНИЯМ».

Прабхупада шокировал репортёра, заявив, что луна – это высшая планета, населенная полубогами.

«Но, будучи в этом теле, вы не можете отправиться туда», — говорит он, — «вы также не можете вмешаться в их деятельность. Они будут почти невидимы».

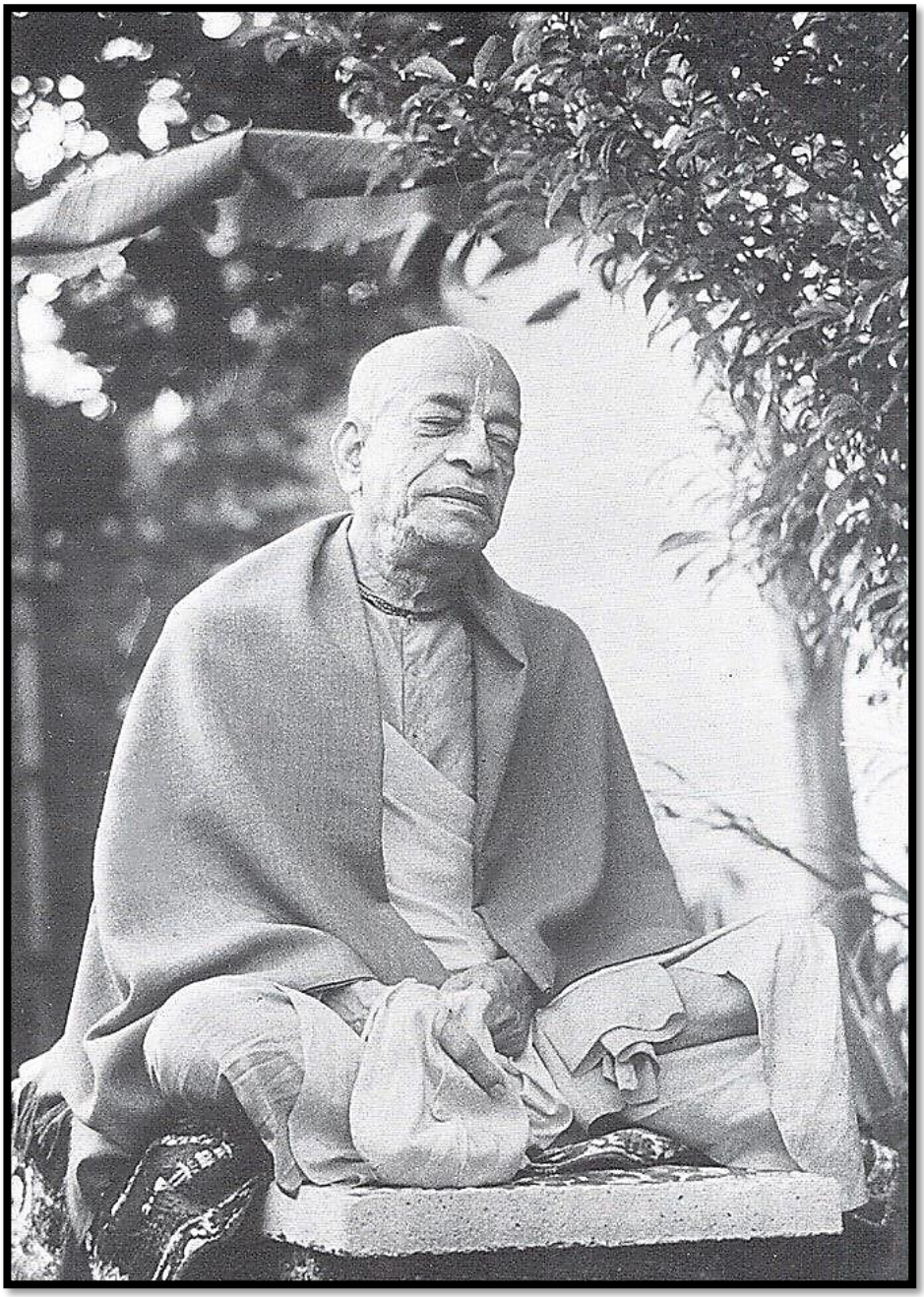
Эта заметка вызывает шквал странных звонков в храм. На удивление, большинство звонящих согласны с Прабхупадой. Прабхупада развенчивает все планы по будущей высадке на Луне.

«Они никогда не смогут это сделать с помощью этих искусственных, механических средств», — настаивает он. – «Но даже если им удастся это, полубоги выдворят их оттуда».

Некоторых это смущает, и они уходят. Но большинству преданных всё равно.

Они рассуждают так: «Если Прабхупада так сказал, значит, так оно и есть».

Глава 16. Кришна, цветущая весна

Я возвращаюсь в Западную Вирджинию как раз к началу первого серьёзного снегопада. Агхасура превращается в мерцающую светлую тропу, вьющуюся в окружении сосулек причудливых форм. Наш маленький домик, сердце будущей трансцендентной деревни, совсем не прогревается. Каким-то образом холодный воздух проникает сквозь старые половицы, щели в окнах и трещины в стенах. Мы непрерывно поддерживаем огонь в стальной бочке, и к середине ночи она накаляется и от жара отливает малиновым. Кажется, что это отдельная, независимая галактика в холодной синеве космоса.

Местность открыта худшим северо-западным ветрам, дующим с Арктического побережья и Канады, гуляющим по равнинам северного Огайо, но наши мудрые пионеры построили домик на восточной стороне холма Говардхан. Однако солнце встаёт поздно, с большой неохотой. Два часа мы сидим в предрассветных сумерках, читаем мантры *аратика,* «Бхагавад-Гиту» и поддерживаем огонь.

Работа есть всегда: брёвна нужно распилить, ветки сломать, дрова натаскать и просушить перед тем, как разжигать огонь. Предрассветные часы самые холодные. Мы стоим перед маленьким алтарём, завернувшись в одеяла, а Киртанананда предлагает благовония, камфору, *гхи*, воду, платок, цветок, веер из павлиньих перьев, метёлку из хвоста яка Божествам Радха Кришне и Джаганнатхе.

«Когда мы проводим церемонию *аратик*», — пишет он Прабхупаде, — «нужно ли медитировать на различные части тела Господа?».

Прабхупада отвечает, что нет: «Господь на самом деле с вами», — поясняет он, — «и вы видите все Его телесные черты, поэтому нет необходимости в подобной медитации, о которой вы спрашиваете. Пищу следует предлагать перед *аратиком*…».

Разумеется, это означает, что мы должны вставать ещё раньше, чтобы готовить. Мы по очереди дежурим, поддерживая огонь. Но окончательно я согреваюсь только в своём офисе в Колумбусе.

* * *

В университете «Общество Йоги» набирает обороты. Я открываю дополнительный курс. В моём рвении я «застигнут на месте преступления» заведующим отделения английского языка, копируя раздаточный материал для Общества Йоги. Я немедленно предлагаю заплатить за бумагу и краску, но урон уже нанесён. Я начинаю сомневаться, что со мной продлят контракт в следующем семестре.

«Не беспокойся, если тебя уволят с твоего теперешнего места работы», — пишет Прабхупада. – «Не делай ничего такого, что бы вызвало недовольство руководства, но старайся по возможности продолжать свою программу Сознания Кришны, даже рискуя навлечь на себя нарекания твоего так называемого начальника».

Коллега сообщает мне, что Ален Гинзберг планирует выступить с чтением стихов ориентировочно в мае. Его пригласил Союз студентов, считая это бунтарским жестом в адрес уравновешенной администрации Государственного университета штата Огайо. Я пишу Аллену письмо на ферму в штате Нью-Йорк и спрашиваю, не хочет ли он присоединиться к нам в воспевании Святых Имён в программе на кампусе.

«У меня приглашение на 13 мая в Университет Огайо», — отвечает он, — «и да, мы обязательно должны провести там *санкиртану*».

Прабхупада просит меня организовать его приезд в мае так, чтобы он совпал с приездом Гинзберга.

«Я так рад, что мистер Гинзберг серьёзно интересуется нашим движением Харе Кришна», — пишет он. – «Когда он окончательно присоединится к нам, что произойдёт, по моим предположениям, достаточно скоро, наше движение обретёт новый ощутимый импульс».

В Новом Вриндаване мы оживлены одной только мыслью о приезде Прабхупады в мае. Мы ждём, подобно почкам на деревьях, спящим под снегом, терпящим холод, зная, что придёт день, и земля оттает, и солнце пробудит нас.

* * *

«Уилинг Электрик» бензопилами вырубает просеку от дороги, идущей по гребню холма, вниз до ручья и вверх до нашего домика – полторы мили. Они копают ямы, тянут кабель и – да будет свет! Впервые в истории электричество освещает Нью-Вриндаван. Нет ненадёжным фонарям Колмана [что-то типа керосинки, но на газе]! Нет воспламеняющимся керосиновым лампам! Нет прищуриванию в темноте в попытке разглядеть буквы «Бхагавад-Гиты»!

«Нам наконец провели электричество», — сообщаю я радостную новость в письме Прабхупаде. – «Это настолько важно! Наконец мы хоть что-то сдвинем с места».

«Сдвинем с места», однако, громко сказано. Хотя электричество и позволяет решить многие проблемы, мы мёрзнем по-прежнему, и отрезаны от «большой земли». Пол дня занимает натаскать дров и привезти продовольствие и необходимые вещи. Грузовичок наш умер на берегу ручья, и мы всё несём на себе – по снегу и льду или — что ещё хуже — в дождь и слякоть.

А вещей всегда много: 25 фунтов (11кг) сахара, растительное масло, упаковки сухого молока, *мунг-дал*, мука. Упорно мы преодолеваем эту замёрзшую тропу. С набитыми рюкзаками мы, бывает, карабкаемся даже в ночную метель, надеясь добраться до домика, пока не сели батарейки у фонарика. Робкое тусклое солнце поздно появляется на небе, большую часть дня, прячась за облаками, и загадочно исчезает около четырёх часов дня.

Шагая вниз и вверх по Агхасуре, мы задаёмся одним вопросом: «Почему здесь? Почему не на пляжах Гавайев? Не в Калифорнии, наконец?».

Приходит письмо от Прабхупады: «Первая необходимость – построить несколько простеньких домиков для жизни… Следующая вещь – весной начать работу над издательским делом… Нам нужно напечатать столько книг!.. Теперь вы должны построить семь храмов, как в старом Вриндаване. У нас должна быть школа и

квалифицированные учителя для детей… Как успехи в строительстве жилья? Многие преданные готовы немедленно приехать. Будущее представляется очень ярким. Мы только должны хорошо и благоразумно работать, и успех не заставит себя ждать. Издательство не издательство, а дома должны быть – много студентов хочет приехать…».

В безвыходности нашей ситуации, утопические просьбы Прабхупады заставляют нас колоть дрова и на себе тащить припасы вверх и вниз по Агхасуре. В конце концов, всего каких-то четыреста лет назад на острове Манахатта было лишь несколько вигвамов. [Сейчас это Манхэттен, центральный район Нью-Йорка, очень динамичный, активный и густонаселённый]. Всё же идея общины по-прежнему кажется нам несбыточной мечтой. Мы больше похожи на четырёх изгоев, обитающих в жалкой лачуге. Только Прабхупада смотрит вперёд. Только он по-настоящему видит трансцендентную деревню.

* * *

Наконец «Бхагавад-Гита как она есть» получает некоторое признание.

«В настоящий момент вне всякого сомнения это лучшее представление учения Господа Кришны западному читателю», — цитирует Прабхупада доктора Харидаса Чоудхари из посольства Индии в Сан-Франциско. — «Сейчас мы должны убедить колледжи представить эту книгу студентам. Я очень рад слышать, что вы продаёте больше пятидесяти книг в неделю, и что твоя пьеса о Господе Чайтанье готова. Она очень хорошо написана, хоть немного и затянута. В Лондоне Мукунда готовит к печати "Лёгкое путешествие к другим планетам". Я надеюсь, скоро Брахмананда организует наше собственное издательство, и мы сможем напечатать эти книги. "Макмиллан" столько всего сокращает, это совершенно неприемлемо. Нам нужно печататься в своём собственном издательстве…».

* * *

Март врывается с порывами северного ветра, а мы всё также окружены бездорожьем, грузовик так и покоится на берегу ручья, а

Агхасура всё также непроходима. Несмотря на ободряющие письма Прабхупады, мы чувствуем себя улиткой ИСККОНА.

Новости из Лондона: Шьямасундар и Мукунда собираются сделать совместную запись с Джорджем Харрисоном и Джоном Ленноном. Если «Биттлз» будут повторять Харе Кришна, их услышат миллионы. Из нашего нового центра в Оаху, на Гавайях,

Прабхупада пишет: «Парни и девушки в Лондоне очень хорошо стараются. Мой Гуру Махарадж отправил одного *санньяси*, Бон Махараджа, в 1933 году в Лондон проповедовать. Хотя он провёл там 3 года, живя за счёт моего Гуру Махараджа, он не сделал ничего выдающегося. Поэтому Гуру Махарадж, недовольный, вызвал его обратно. А тут шесть молодых ребят, которые не являются ни Ведантистами, ни *санньяси*, приносят настолько ощутимые результаты. Это подтверждает высказывание Господа Чайтаньи, что проповедовать может кто угодно, при условии, что он сознаёт Кришну».

Новые центры открываются в Ванкувере, Гамбурге, Киото, Беркли, Лагуна-Бич, Боулдере, Детройте, Буффало, Филадельфии, Вашингтоне. Во время странствующего *санкиртана* Киртанананда отправляется в Чапел Хилл, Северная Каролина, и заинтересовывает тамошних студентов. В Колумбусе я поторапливаю Прадьюмну, чтобы он нашёл место около кампуса, куда бы студенты смогли приходить ежедневно. Наша двухкомнатная квартира на Хай-Стрит не подходит. К приезду Прабхупады в мае у нас должен быть готов храм.

Приближается май, время встречи в университете, и Аллен Гинзберг пишет нам письмо, выражая некоторую обеспокоенность: «Хотя я буду рад принять участие в *киртане* со Свамиджи, всё же я не уверен, что наше совместное выступление – мои стихи и его присутствие будут правильным шагом. Стихи могут показаться ему оскорбительными, или идущими вразрез с его учением, которое гораздо дальше от сексуальности и прочих мирских вещей, чем моё творчество. С другой стороны, думаю, он меня ещё не слышал, и это могло бы показаться интересным».

Мы согласны, что это выглядит не совсем правильно. Лучше провести *киртан* в другой вечер.

«Я не хочу, чтобы он чувствовал себя пленником моего потока сознания или дурной славы», — добавляет Аллен. – «Вы можете спросить его обо всех этих вещах, касающихся пристойности».

Прабхупада с Гавайев пишет, что прилетит в Колумбус 9 мая, и может провести *киртан* с Алленом в любой день после этого. Наконец-то! Точная дата! Если поэтический вечер Аллена намечен на 13 мая, мы можем организовать огромный *киртан* 12 мая. Ранандир начинает подготовку афиш.

* * *

«Для твоих неприятностей с зубом», — пишет Прабхупада Киртанананде, — «смешай обычную соль, одну часть, и чистое горчичное масло, чтобы получилась паста. Бережно чисти ею зубы, особенно больные участки. Прополаскивай рот горячей водой, и всё время жуй гвоздику. Ты же не хочешь, чтобы тебе удалили все зубы…»

«Ты не можешь надевать инициационные чётки на корову», — пишет он моей жене.

Я в замешательстве – у нас даже коровы ещё нет.

«Также нет необходимости читать вслух *гаятри*-мантру», — добавляет он. – «Её нужно произносить про себя или шёпотом».

Мне: «Муж и жена должны прочитать мантру как минимум 50 кругов перед сексом. Рекомендуемый период – 6 дней после менструации».

Киртанананде: «Принимать роды – не дело *санньяси*. Вам не стоит беспокоиться об этом. Лучшее, что могут сделать женщины Нового Вриндавана – найти хорошего врача».

Но никто не забеременел!

Рэг Данбар с «Козьей фермы» угощает нас 30 квартами (~28 литров) маринованных огурцов.

Киртанананда спрашивает Прабхупаду, что с ними делать, и с Гавайев немедленно приходит ответ: «Что же касается огурцов, то мы не должны предлагать Богу пищу, приготовленную непреданными. Кроме того, уксус – это не очень хорошо. Он относится к *гуне* невежества, это нехороший продукт. Я думаю, вам не стоит принимать эти овощи».

Киртанананда опустошает банки из-под огурцов и тщательно моет их губкой под горячей водой.

«Я думаю, что Шримати Радхарани не должна ночью быть одета в белое платье», — пишет Прабхупада.

Киртанананда покупает новую ткань на одежду Божеств. Тёмно-синюю, золотую, бежевую, розовую.

«Я не понимаю, почему у вас до сих пор нет коровы», — читаем мы в следующем письме. – «Нью-Вриндаван без коров немыслим».

Джордж Хендерсон, который преподаёт сейчас математику в Рутгерсе, заезжает к нам на пару дней. Со смехом он вспоминает, как Прабхупада просил его изобразить универсальную форму. Уезжая, он оставляет чек на 200$.

«Купите эту корову», — говорит он.

Когда Прабхупада хочет корову, Господь Кришна диктует некоторым людям пожертвовать. А когда корове нужен пастух, Господь Кришна, управляющий судьбами всех живых существ, посылает нам Парамананду и его жену Сатьябхаму.

* * *

До того, как прийти в движение Сознания Кришны, Парамананда и Сатьябхама жили в Миллбруке, штат Нью-Йорк, в общине,

основанной Тимоти Лири и его психоделическим кланом. После получения инициации у Прабхупады они переехали в квартирку недалеко от «Бесценных даров». Как только они услышали о Новом Вриндаване, они немедленно решили присоединиться.

«Едьте туда и помогайте», — сказал им Прабхупада. – «Повторяйте мантру и будьте счастливы».

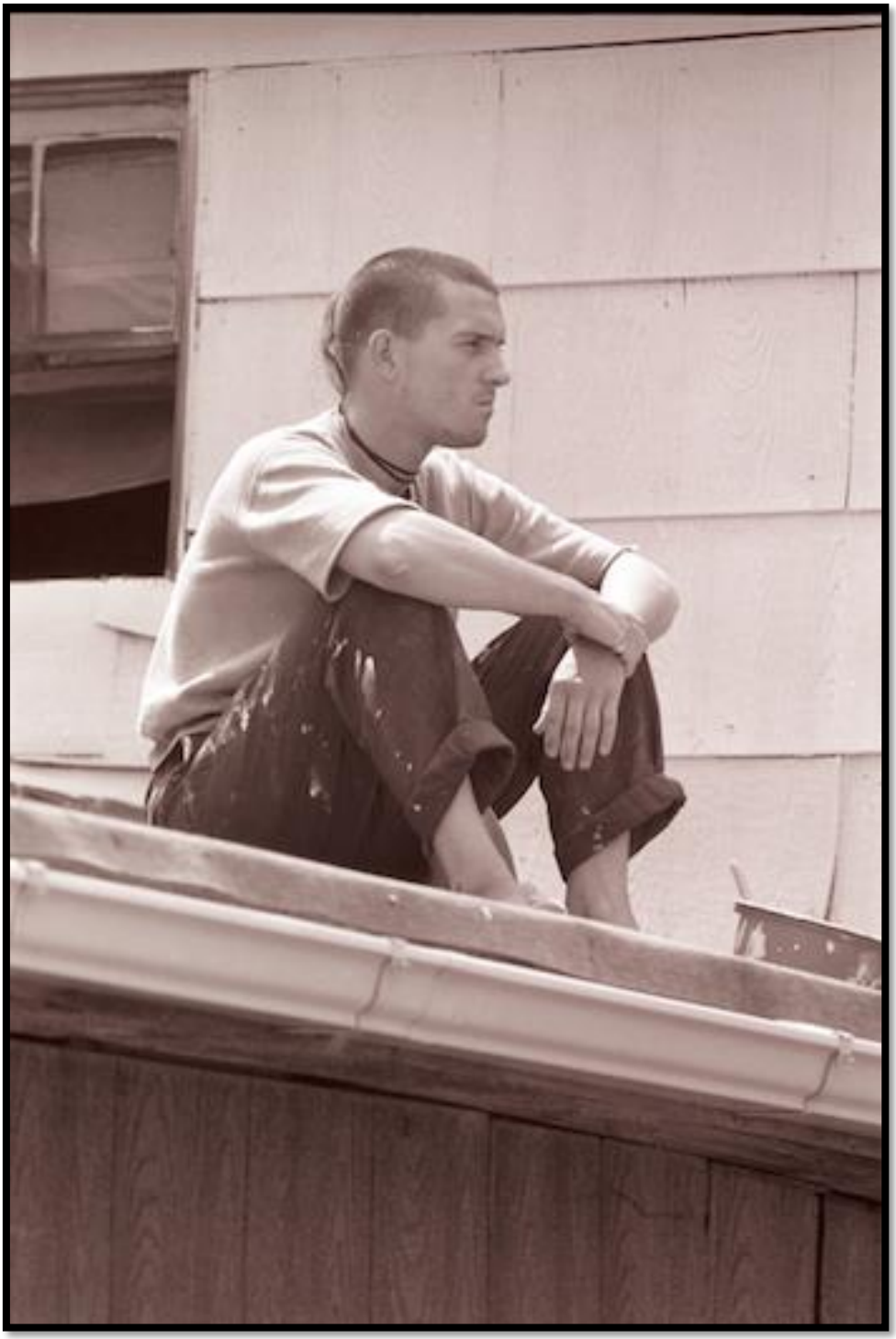
И вот теперь, ветреным мартовским днём Парамананда освобождает старый курятник от мусора и бутылок, прорубает окна, заделывает их пластиком и устанавливает бочку для бензина как печку. К вечеру заброшенный курятник превращается во вполне пригодный для жилья домик, и они с Сатьябхамой, перенеся туда несколько коробок с книгами и одеждой, заселяются. Сатьябхама хочет готовить и учить детей. Парамананда жаждет заняться разведением коров и фермерством. Он находит простое решение проблем с Агхасурой.

«Всё, что вам нужно», — говорит он, — «это повозка и пара лошадей».

Он со знанием дела объясняет, как запрягать лошадей в четырёхколёсную повозку, которая сможет подвозить продовольствие и необходимые вещи круглый год, в дождь, слякоть, снег, лёд и прочие капризы погоды.

Я советуюсь с Киртанананадой и Ранандиром. Мы согласны. Парамананда был нам послан Кришной, чтобы пасти коров и обуздать Агхасуру. Из всех нас Парамананда — самый спокойный и практичный, настоящий человек земли.

Мы отправляем его на фермерские аукционы присмотреть повозки и лошадей, предназначенных для списания. После ремонта ограды пастбища, мы покупаем нашу первую корову, которую Прабхупада называет Калия – ей 7 лет, и она только что потеряла детёныша. Наполовину джерси, наполовину гольштейн [порода коров], чёрная с белой полосой на носу, Калия – милейшее создание. Кормит её Ранандир, доит Парамананда, а украшает Сатьябхама.

Параманада красит фермерский дом

В её огромных спокойных карих коровьих глазах светится счастье от того, что она под защитой от скотобойни. Её молоко, к всеобщему удовольствию, жирное и вкусное.

* * *

Чем больше мы сражаемся с Агхасурой, тем больше мы понимаем, насколько проще была бы наша жизнь, если бы мы жили рядом с дорогой, идущей по гребню холма. Мы предпринимаем отчаянные попытки купить землю у наших соседей, мистера Кука и мистера Томпсона. Мистеру Томпсону принадлежат две фермы, прилегающие к нашей, около 300 акров (121,5 Га) прекрасной земли на вершине холма. Из-за его ферм мы вынуждены довольствоваться Агхасурой. Иногда, с позволения мистера Томпсона мы используем его дорогу, чтобы проехать к Вриндавану. По сравнению с Агхасурой это просто современное шоссе. Мы не злоупотребляем его разрешением, так как всем известно, что, если пользоваться им часто, мы можем установить право проезда по его территории. Мистер Томпсон – доброжелательный сосед, но у всех есть свои пределы.

Когда мы спрашиваем его о продаже земли, он уклончиво отвечает: «Возможно. Если мне дадут хорошую цену».

Мне интересно, что же это за хорошая цена?

«20,000$ или около того».

Вопрос закрыт. Сумма кажется нам астрономической.

* * *

В Колумбусе поиски помещения Прадьюмной увенчались успехом. Дом подходит идеально. Всего в трёх кварталах от кампуса, он граничит со штаб-квартирой студенческого братства. Большой деревянный трёхэтажный дом прекрасно подойдёт для храма и жилых помещений. Мы быстренько подписываем годовой договор аренды, вносим задаток и арендную плату за первый месяц – 175$. Хозяйка — сама доброта. Мы можем въезжать хоть завтра.

ахам ṛтӯнāм̇ кусумāкараḥ – «Из времен года — я цветущая весна», — говорит Господь Кришна Арджуне (БГ 10.35).

И как верное напоминание об этом, в Нью-Вриндаван приходит наша первая весна. Сначала появляются нежно-зелёные почки на иве, что растёт позади старого дома. Затем пробивается молодая травка, пряные перья лука, зелёные зонтики подофила [в Америке такое растение – по-английски гораздо благозвучнее – May apples], одуванчики, ковёр из фиалок покрывает берега ручья. С прихо

дом солнца дни становятся теплее и длиннее, серость зимы отступает, уступая место буйству весенней зелени, пробудившихся мух и шмелей, спешащих по своим делам сурков, болтливых птиц, запаху свежевспаханной земли.

Двери настежь, пластик сорван с окон, всё из дома вынесено наружу просушиться на ласковом очищающем солнце, комнаты подметены и вымыты с дезинфицирующими средствами, полы покрашены, стены побелены. Киртанананда вдохновляет *брахмачарьев* переехать в амбар, или свинарник, или пристройку на склоне холма.

Прибывают стройматериалы. Ранандир подвозит их на воскресшем грузовичке, а Парамананда на лошадях курсирует вверх-вниз по Агхасуре, всё заляпано грязью, сахар, конечно, размок, а масло растаяло. Сейчас мы наконец чувствуем, что взяли верх над Агхасурой, несмотря на весенние дожди и ещё более глубокие колеи. Случается, что грузовичок застревает, или повозка ломается, и тогда Парамананда и Ранандир приезжают позже и грязнее обычного, но всё же приезжают. Мы учимся преодолевать препятствия семимильными шагами.

«О Арджуна! Непостоянное появление счастья или несчастья, так же как их исчезновение, подобны смене времён года. Они вызваны чувствами, и нужно научиться относиться к ним без лишнего беспокойства».

Ваманадев начинает ремонт верхнего этажа старого дома для Прабхупады. Он штукатурит стены, кладёт линолеум, красит стены и

потолок. Личные слуги Прабхупады – Пурушоттам и Девананда – могут жить внизу и подниматься по узкой лестнице наверх прислуживать. Божества Прабхупады можно установить в маленькой комнатке наверху, отделённой панелями из вишнёвого дерева. Прабхупада может сидеть и созерцать своих Божеств или любоваться садом и ивой из окна. Уже никто не отрицает, что в Новом Вриндаване сложилась атмосфера. С удовлетворением мы предвидим счастье Прабхупады и его слова: «Я забуду о возвращении в старый Вриндаван…»

* * *

С Гавайев Прабхупада летит в Лос-Анджелес, оттуда в Нью-Йорк и Бостон, где Сатсварупа пытается организовать издательство.

«Вы уже купили прилегающую землю?» — спрашивает он через Пурушоттама.

Печально мы отвечаем, что нет.

«Возможно, я заеду в Чапел Хилл в Северной Каролине», — пишет он, — «а затем в Колумбус, и оттуда в Нью-Вриндаван, если возможно, и останусь там так надолго, как вы пожелаете».

Планы меняются в последний момент. У Прабхупады нет времени посетить Северную Каролину и присутствовать 12 мая на совместном *киртане* с Гинзбергом. Северная Каролина принесена в жертву. Он летит прямиком из Нью-Йорка в Колумбус.

* * *

Мы собираемся в зале прилёта за 30 минут до прибытия самолёта. К нашей неожиданности, пришло около 200 студентов университета. Здесь также делегации преданных, исполнителей *киртанов* из Нового Вриндавана, Вашингтона и Буффало. По просьбе сотрудников аэропорта, мы откладываем *киртан*, но как только самолёт выруливает на посадочную полосу, начинается Харе Кришна. Джай Шри Кришна! Наконец-то Прабхупада прилетел!

Преданные забираются на спинки стульев, чтобы разглядеть лучше. Студенты прижимаются к защитным стеклянным перегородкам, сквозь которые видно прибывших пассажиров. Как обычно, Прабхупада появляется последним. Некоторые преданные начинают бросать цветы. Затем, как только он входит в ворота, мы все выражаем наше почтение, упав ниц. Когда мы наконец поднимаем головы, Прабхупада стоит прямо перед нами, сияющий, поздоровевший, окрепший. Он явно доволен, что столько студентов пришло поприветствовать его. Киртанананда украшает его гирляндой из бархатцев.

«Очень красиво», — замечает Прабхупада. Затем, взглянув на меня: «Хаягрива Прабху».

Я подхожу, снова кланяюсь в пол, читаю мантру почтения, касаюсь его лотосных стоп, и чувствую, как его рука дотрагивается до моей головы. Да, Его Божественная Милость доволен. Дамодар из Вашингтона и Рупануга из Буффало также украшают его гирляндами, на этот раз это розы и гардении. Сладкий аромат гардений разливается по аэропорту. Так как репортёры из Колумбуса хотят задать Прабхупаде вопросы, мы усаживаем его в конце коридора, где он недолго беседует с журналистами.

«Вы буддист?» – спрашивает сконфуженно один из репортёров.

Прабхупада доброжелательно улыбается.

«Философия буддизма и *майявади* отрицают существование Бога и потому атеистичны», — объясняет он. — «Одни говорят, что Бога нет, другие – что Он безличен, но мы, вайшнавы, преданные Кришны, обращаемся к Богу непосредственно как к личности. Мы служим личности Бога, Кришне, и поэтому мы вечно получаем благо. Служение, как вы знаете, не самая приятная вещь в мире, но служение Кришне – это другое. Если вы служите Ему, вы будете удовлетворены, Кришна будет удовлетворён, и все будут довольны».

«Ну так кто он, этот Кришна?» — спрашивает другой репортёр.

«Приходите к нам в храм и узнаете», — говорит Прабхупада, затем добавляет, что под Кришной мы подразумеваем «Бога, Бхагавана, Верховную личность».

Затем Прабхупада достаёт новый экземпляр «Бхагавад-Гиты как она есть».

«Вот эта книга, "Бхагавад-Гита как она есть" — самая важная. Вы должны внимательно её прочесть. В ней Господь говорит о Себе. Нам не надо домысливать или читать сотни других книг. Если мы поймём эту книгу, или хотя бы одну *шлоку*, один стих из неё, мы поймём всё. Отбросьте умствования. Законы природы каждый раз опровергают вас, и вам должно быть это известно. Вы не являетесь безграничной Верховной Личностью. Постарайтесь услышать о Верховном из правильного источника».

Этим Прабхупада заканчивает своё короткое выступление. Мы покидаем аэропорт и направляемся прямиком в храм на Двадцатой улице. Студенты уже столпились вокруг дома, они стоят на тротуарах и газонах. Сейчас, наконец, соседям известно, кто мы такие.

«Да, это очень милый дом», — говорит Прабхупада, осмотрев его весь, включая спальни на верхних этажах. – «Вы настроены искренне, поэтому Кришна даёт вам всё. Первое требование – искреннее желание служить Господу. Не нужно далеко ходить. Однажды получив знание, мы можем общаться с Богом внутри. Господь существует поверх нашего чувственного восприятия, но Он может явить Себя нам. Если вы истинно любите Бога, вы видите Его во всём: как в своём сердце, так и в окружающих вас вещах. Но Бог являет Себя только через процесс *бхакти-йоги*».

Прабхупада немного отдыхает перед *киртаном*. Когда он входит в зал для *киртана*, танцы и пение прекращаются. Мы склоняемся в почтении.

«Продолжайте *киртан*», — велит он, и мы возобновляем пение.

Мы открываем окна, чтобы студентам, стоящим снаружи, было видно, что происходит в комнате. Становится жарко, так как народу

достаточно много. Хришикеш обмахивает Прабхупаду веером из павлиньих перьев. Студенты во все глаза смотрят на Прабхупаду и его учеников, и пытаются уловить слова. Прабхупада объявляет, что его предмет – Веданта, конечная цель всего знания. Каждый, посещающий университет, ищет определённые знания. Куда же приводят все знания? Цитируя «Шримад-Бхагаватам», он указывает, что истинное знание утрачено в силу всеобщей деградации в век Кали.

«В прежние времена люди были намного более развиты», — говорит он. – «например, Арджуна. "Бхагавад-Гита" была рассказана на поле битвы, так что можете представить, сколько было времени у Арджуны на её изучение. Всего Господу Кришне потребовался час, чтобы изложить все семьсот стихов, но Арджуна запомнил их все. Мы едва ли можем себе представить, насколько велик был Арджуна. Сейчас мы настолько пали, что даже так называемые великие учёные не могут понять "Бхагавад-Гиту", даже после нескольких лет изучения. Арджуна не был *брахманом.* Он был воином. И раньше ведическое знание было *шрути*, высказанным, а не записанным, потому что *брахмачарьи* обладали такой прекрасной памятью, что могли запомнить всё после первого прослушивания».

Некоторые студенты, которые записывают по привычке, добродушно смеются.

«А как насчёт диктофонов?» — спрашивает кто-то.

«Конечно», — смеётся Прабхупада, — «сейчас вы настолько развиты, что вам нужны все эти современные приспособления. Но в прежние времена такой нужды не было. Записывающие устройства находились в развитых тканях головного мозга. Такие силы культивировались обетом целомудрия и контроля над чувствами».

* * *

«Все религии признают, что Господь велик», — продолжает он. – «Но они не знают, насколько. Эти сведения находятся во всей этой обширной литературе. В любом случае, проверка на "первоклассную" религию – это любовь к Богу».

Программа в Коламбусе (штат Огайо), 1969 год.

«Но не связаны ли мы уже с Богом?» — задаёт вопрос один из студентов.

«Конечно. Без связи с Богом мы бы тут не сидели даже. Энергия Бога работает, и в любой момент всякое материальное проявление может быть подавлено. Исключительно милостью Бога мы все живём».

Студенты слушают очень внимательно. Никогда раньше они не слышали, чтобы о Боге говорили с такой настойчивостью и с таким авторитетом.

Прабхупада выглядит даже сильнее, чем в 1966 году. Он говорит чётко, выделяя некоторые слова, предвосхищая философские вопросы, которые могут быть заданы. Немедленно установив абсолютный авторитет Вед, он говорит о том, что в Ведической литературе описывается не только планета Земля, но все планеты вселенной.

«Господь Кришна передал эту "Бхагавад-Гиту" Богу Солнца миллионы лет назад», — продолжает он. – «То, что изложил Господь Кришна – предельно ясно и не нуждается в трактовке какого-нибудь светского учёного».

В заключение Прабхупада скромно говорит о своей роли посредника в передаче знаний.

«Наша миссия заключается в донесении "Бхагавад-Гиты как она есть", как почтальон доставляет вам письмо, ничего в нём, не меняя и не искажая, неся как плохие, так и хорошие новости. Задача почтальона – доставить то, что отправлено, а наша миссия — представить послание Кришны в его изначальном виде. Большое спасибо».

После лекции мы раздаём *прасад* – вегетарианские *качори* с изюмным *чатни*, и наполняем пластиковые стаканчики нектаром – сладким, ароматизированным розовой водой йогуртом – этому Прабхупада только что научил Киртанананду.

* * *

Вечером Прабхупада пьёт тёплое молоко в своей комнате. Все преданные подходят получить дружеский *даршан* – Киртанананда, Прадьюмна, Ранандир, Хришикеш, Парамананда, Сатьябхама, Арундхути, Ваманадев, Шьяма даси, Нара-нараяна, Пурушоттам, Девананда и другие. Присутствуют также молодой парень из Эйкрона по имени Люк и пуэрториканец Карлос из Нью-Йорка, готовые принять инициацию, оба читают мантру на чётках и протискиваются ближе к столу Прабхупады.

Плотник Ваманадев задаёт первый вопрос: «Что вы скажете о тех *гуру,* которые называют себя Богом?»

«А что ты скажешь, если я назову себя президентом Никсоном?» — отвечает вопросом на вопрос Прабхупада. – «Ты примешь меня? Вот почему нет, ответь?».

«У вас нет соответствующих качеств» — говорит Ваманадев.

«Это значит, что ты не безумец», — одобряет Прабхупада. – «Но если я говорю, что я — Бог и вы меня принимаете, вы можете представить такую степень безумия? Здесь двойное безумие – один заявляет, что он Бог, а другой принимает его как такового».

«Разве мы не едины?» — спрашивает Карлос.

«Это другое. Ты един с Президентом Никсоном?».

«Да. Мы оба человеческие существа».

«Такой ответ возможен. Как у человеческих существ, у вас много общего, но ты всё равно не можешь сказать, что ты – Президент Никсон. Во многом мы как Бог, но мы не Бог. Те, кто не знает, насколько велик Господь, пытаются заявить о Его величии. Это ли не безумие?».

«Согласен».

«Безумие означает то, что вы забыли Бога. Забыть о Боге – это материальное сознание, *майя.* Когда человек сходит с ума, его состояние считается ненормальным. Его нормальное состояние – психическое здоровье. *Майя* – это ненормальное состояние, это отход от нашего изначального сознания Кришны. Фактически, *майя* означает – отсутствие существования. Она только кажется. В состоянии *майи* нам кажется, что мы независимы. Но в действительности, кто из нас независим? Кто может открыто заявить о своей независимости?».

«Ну только если говорить о собственности», — высказывает предположение Киртанананда.

«*Ачча*!» – улыбается Прабхупада. – «Всё это ложные заявления, галлюцинации. Каждый думает – ах, сколько у меня проблем! Но единственной проблемой должно быть: как мне лучше послужить Кришне? А Кришна настолько добр, что Он говорит: "Просто повторяйте Харе Кришна. И всё"».

Наступает момент сосредоточенной тишины, которую нарушает Люк, один из ребят, ожидающий инициации. Люк кажется очень думающим, очень разговорчивым, но на самом деле он простой сельский парень.

«Учение Будды очень схоже с "Бхагавад-Гитой"», — говорит он.

Прабхупада внимательно и спокойно смотрит на него.

«Ты следуешь учению Будды?» – наконец спрашивает он.

Люк колеблется, он не ожидал ответного вопроса.

«Ну… нет», — признаётся он.

«Ты просто говоришь о нём?» — внезапно взрывается Прабхупада так как будто говорить о Будде – что-то совершенно возмутительное.

Все взоры прикованы к Люку, который выглядит просто парализованным. Как и все из нас, сейчас он получает величайшую милость Прабхупады, не осознавая этого.

«Если ты серьёзно насчёт Будды, тогда медитируй», — строго говорит Прабхупада. – «Но ты несерьёзен. Ты просто болтаешь». Люк, красный от смущения, опускает глаза в пол.

«Делай что-нибудь!» — Прабхупада кричит так громко, что мы вздрагиваем. — «Неважно, кому ты следуешь: Кришне, Будде или Христу. Не сиди и не веди пустых разговоров! Последуй за кем-нибудь! Господь Будда прекрасен. Если тебя нравится, ты можешь стать буддийским монахом и медитировать. Вперёд! Но твоя проблема в том, что ты не делаешь ничего. Ты слишком много болтаешь. Делай хоть что-нибудь, и делай это хорошо».

Как всегда, Прабхупада попал в точку. В этом и заключается наша дилемма: делать или не делать. Бездеятельность — бич диванных мыслителей. В девять вечера Киртанананда подаёт горячее молоко и ломтики яблок.

Прабхупада радостно рассказывает о священнике, с которым он разговаривал по пути с Гавайев в Лос-Анджелес: "В самолёте католический священник сказал мне: «Свамиджи, у ваших учеников такие сияющие лица!?".

«Да», — ответил я – «у них большой духовный прогресс. Кришна – совершенная чистота. Если вы нечисты, как вы можете приблизиться к чистоте? Необходима *тапасья*, аскезы. Мы добровольно принимаем страдания отказа от определённых вещей в обмен на трансцендентное познание. Разве оно того не стоит?».

* * *

В четыре утра мы проводим *аратик* в комнате Прабхупады перед божествами Радха-Кришна. Пурушоттам исполняет обязанности *пуджари*. Все инициированные ученики присутствуют и повторяют мантры *аратика*. После *аратика* мы оставляем Прабхупаду, чтобы он мог продолжить наговаривать перевод «Шримад-Бхагаватам» на диктофон.

Вскоре после восхода солнца мы отвозим его на берег реки Олентанджи, это всего в нескольких минутах езды, где он

прогуливается пол часа. Время от времени он останавливается и восхищается распустившимися майскими цветами или цветущими деревьями. Затем он возвращается в храм поесть *прасада* и отдохнуть.

В десять часов мы едем в Союз студентов на встречу с университетской индийской ассоциацией. Мы проводим воодушевляющий *киртан*, в котором скромно принимают участие индийские студенты. После этого мы украшаем Прабхупаду гирляндами.

«Мы столько слышали о вашей работе, Свамиджи», — говорит президент Саньял. – «И мы очень ценим ваш перевод "Бхагавад-Гиты"».

Члены ассоциации – состоятельные, консервативные, образованные, уважающие семейные ценности люди. Они уехали из Индии получать образование или найти работу получше, а чаще то и другое. Речь Прабхупады чёткая и ясная. Очевидно, он хочет, чтобы его соотечественники помогли ему. Описывая скромные начинания ИСККОН в Нью-Йорке, он рассказывает о постройке двадцати храмов за три года.

«Многие индийские студенты принимают это пение и танцы за пустяк, что-то несерьёзное. А всё от того, что они пытаются подражать Америке в технологиях и в образе жизни. Индийцы страдают, потому что они от природы в сознании Кришны. Им не подходит подражать Западу. А что Индия может предложить Западу? Мошенники предлагают йогические методы, непригодные для этого времени. Может быть, 1 или 2 человека из множества способны понять Веданту и практиковать *хатха-йогу*, но не большинство. Индия – это страна *тапасьи,* аскез, но мы забываем это. Сейчас мы пытаемся превратить её в технологически развитое государство. Неудивительно, что земля *дхармы* пала так низко. Конечно, речь не идёт только об Индии. В эту эпоху деградирует вся вселенная».

В заключение своей лекции Прабхупада интересуется, есть ли у аудитории вопросы. Один пожилой господин спрашивает, правда ли, что «существует Нью-Вриндаван?».

«Да», — с гордостью отвечает Прабхупада. – «У нас не только Нью-Вриндаван в Западной Вирджинии, но также и Нью-Джаганнатха Пури в Сан-Франциско. Американцы заимствовали столько новых городов, так что почему бы не быть и Новому Вриндавану»? Прабхупада смеётся, и индийцы ободряюще улыбаются.

«Подойдите ближе», — приглашает он их, — «присоединяйтесь к нашему движению. Вы, индийцы, особенно нужны в Новом Вриндаване. Господь Кришна – верховное Божество, и его дхама, Вриндаван, также должна почитаться. Сейчас мы хотим построить копию Вриндавана на западе и жить простой жизнью в сознании Кришны, защищая коров и занимаясь сельским хозяйством. Пожалуйста, присоединяйтесь».

* * *

После возвращения в храм Прабхупада настолько оживлён, что вместо отдыха он поёт *бхаджаны* и играет на фисгармонии у себя в комнате. Я ставлю магнитофон на запись и аккомпанирую ему на *цимбалах*.

«Мягче», — замечает он, исполняя изысканные каденции на фисгармонии и выпевая «*Джив джаго*» в необычном, минорном ключе, его голос бесстрастен и умоляющ. Скоро он полностью погружается в пение, его голос то поднимается вверх, то опускается вниз, подобно волнам, разбивающимся о скалы и песок берега; аккорды фисгармонии возвращают мелодию в основное русло, затем снова отпускают её в свободное плавание, искать пристанища. Он не спешит. Глаза закрыты, брови сдвинуты — знак концентрации. Пальцы чётко и уверенно нажимают клавиши фисгармонии.

джӣв джа̄го, джӣв джа̄го, гаура̄ча̄нда боле
кота нидра̄ джа̄о ма̄йа̄-пиша́чӣра коле

Он не стремится произвести впечатление своим музыкальным талантом, но каждая нота настолько чудесно чиста, каждый нюанс в голосе настолько поражает своей правильной, уместной окраской, что мастерство изумляет.

«Господь Чайтанья взывает ко всем живым существам пробудиться в сознании Кришны», — объясняет он, закончив пение. — «"*джив*" означает живое существо, а "*джаго*" – проснись! Бхактивинода Тхакур написал: "Проснись! Сколько ты будешь спать на коленях ведьмы *Майи*? В лоне своей матери ты пообещал развивать сознание Кришны всю свою жизнь, но ты забыл, что всё находится под заклятьем иллюзорной энергии". В утробе матери мы так страдаем, что просим Бога об освобождении, но, очутившись в этом мире, мы забываем о Нём. Поэтому, *джӣв джа̄го*! Проснись!».

Когда Прабхупада заканчивает исполнение, Киртанананда сообщает, что звонил Аллен Гинзберг.

«Он сейчас в Колумбусе, и спрашивает, когда лучше встретиться».

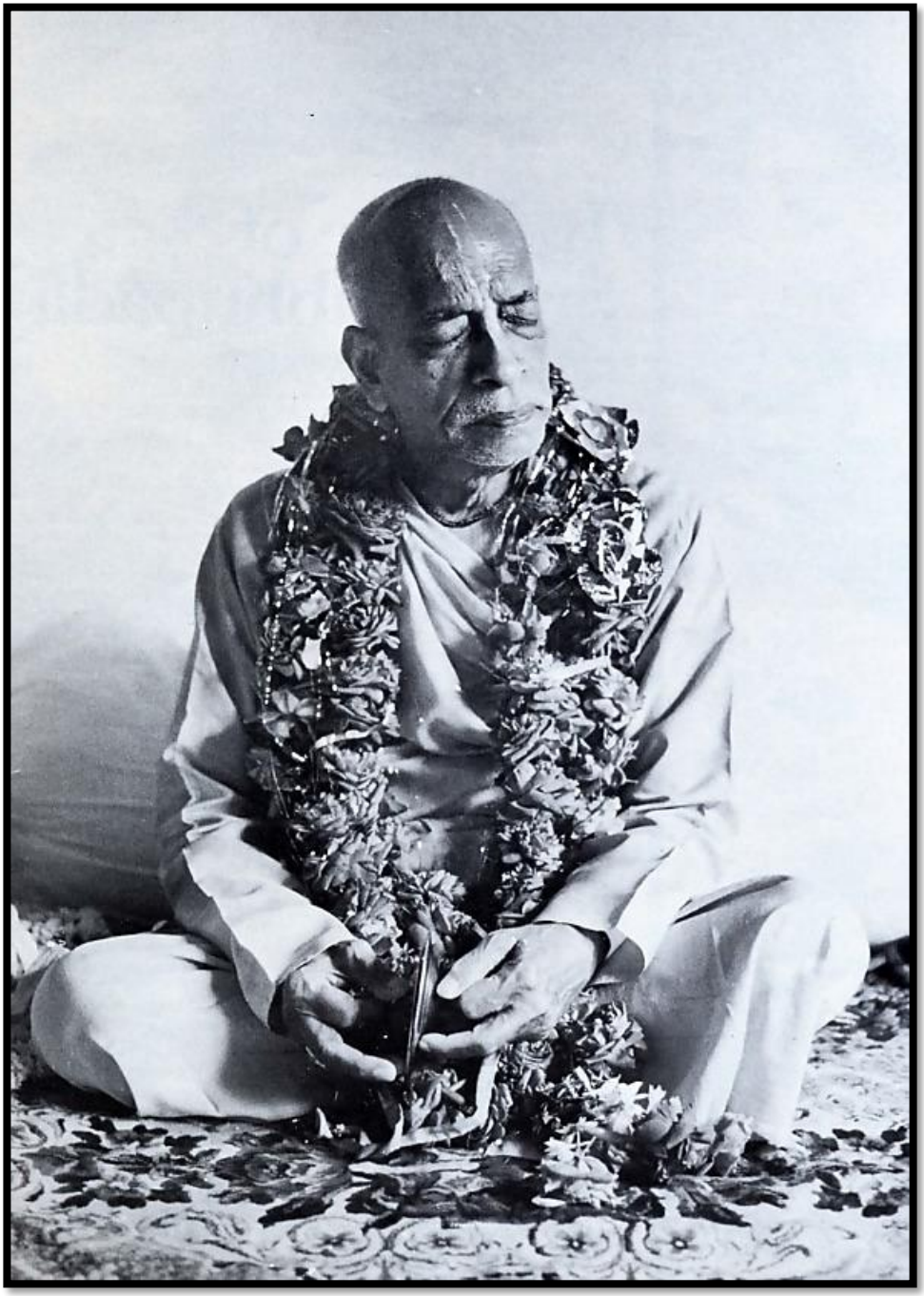
«Да, в любое время» – отвечает Прабхупада, — «хоть сейчас».

«Я скажу ему, что сегодня вечером» — говорит Киртанананда.

«*Ачча*! Мы всегда готовы говорить о Кришне».

И со своей неиссякаемой энергией, Прабхупада снова берётся за диктофон. Мы стараемся передвигаться по дому очень тихо, с удовлетворением прислушиваясь к его голосу, понимая, что он представляет миру величайшие труды, в которых тот так нуждается.

Глава 17. *Гуру* и поэт

У себя в комнате Прабхупада изучает сигнальный экземпляр «Учение Господа Чайтаньи», за печать которой он заплатил «Дай Ниппон Пресс». Он очень доволен.

«Сейчас, когда эта книга наконец издана, и издана прекрасно, мы можем начать планировать публикацию нашей следующей книги "Кришна"», — говорит он.

Киртанананда и Прадьюмна готовят *прасад* к завтрашней раздаче. Новые объявления уже развешаны на кампусе: «СВАМИ БХАКТИВЕДАНТА И АЛЛЕН ГИНЗБЕРГ: ВЕЧЕР СОЗНАНИЯ КРИШНЫ В КОЛУМБУСЕ. 12 МАЯ, ТРАНСЦЕНДЕНТНЫЕ ИГРЫ, ЭКСТАТИЧНЫЕ ОЗАРЕНИЯ». Прабхупада далее говорит о финансировании «книги о Кришне», которая должна представлять собой краткое изложение десятой песни «Шримад Бхагаватам», посвящённой играм Господа Кришны во Вриндаване и Матхуре. Джордж Харрисон выражает искренний интерес и готов спонсировать публикацию.

«Только посмотрите, насколько привлекательны эти книги», — говорит Прабхупада. – «Мой Гуру Махарадж всегда говорил, что книги – это как большая мриданга».

В девять часов вечера появляется Аллен Гинзберг. Он только что прилетел из Луисвилля, Кентукки. Его тур поэтических чтений в университетах страны подходит к концу, и он хочет поскорее вернуться к себе на ферму в Вишнёвую Долину на севере штата Нью-Йорк. При виде Прабхупады лицо его расплывается в широкой улыбке.

«Харе Кришна!» — приветствует он.

Как обычно, Аллен касается стоп Прабхупады, выражая своё почтение, затем садится на пол, скрестив ноги.

«Ну что, поём завтра?».

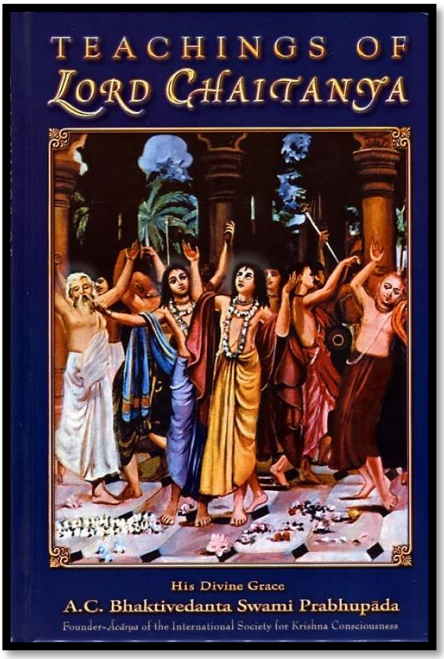
«Да», — отвечает Прабхупада. – «Сегодня в полдень мы провели небольшую программу в университете, потом был *киртан.* Везде, куда мы приходим, мы обязательно проводим лекцию и *киртан.* Вы видели нашу новую книгу "Учение Господа Чайтаньи?".

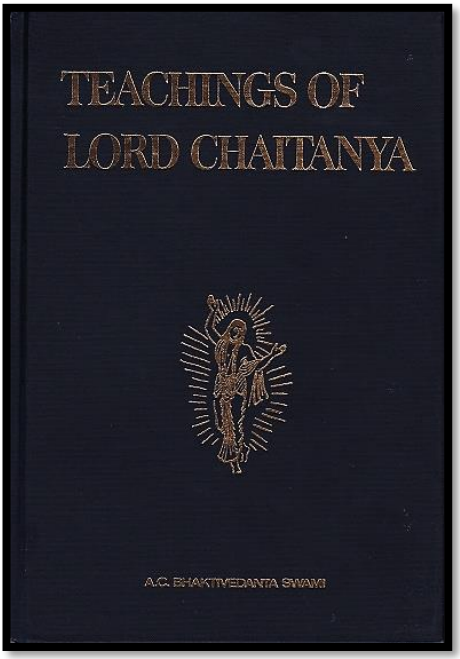

Шрила Прабхупада и Ален Гинзберг.

Реклама о вечерней программе 12 мая 1968 год.

Суперобложка и обложка книги, некоторые фотографии из книги «Учение Господа Чайтаньи», Издательство «Дай Ниппон», Япония, 1968 год.

Он протягивает Алену сигнальный экземпляр. Тот принимает его с почтительным любопытством, сначала рассматривая цветные картинки.

«Издано ИСККОН? Где?».

«В Японии», — отвечает Прабхупада.

«Напечатано в Японии, прекрасно, очень качественно». — Затем, улыбаясь добавил, — «Книга выглядит великолепно!»

«Следующая книга на подходе», — добавляет Прабхупада. – «Нектар преданности».

«Что это будет? Ваше собственное сочинение?».

«Нет, это авторизованный перевод труда Рупы Госвами "Бхакти-расамрита-синдху". Рупа Госвами был главным учеником Господа Чайтаньи. Он написал много выдающихся работ».

Аллен пролистывает книгу, задерживаясь на некоторых главах. Он признаётся, что не знаком с учением Господа Чайтаньи. Его индийский опыт больше имперсоналистский, культ Шивы, пророки хиппи, буддизм.

«Вы помните человека по имени Ричард Алперт?» — внезапно спрашивает он.

«Нет», — отвечает Прабхупада.

«Он работал с Тимоти Лири в Гарварде», — говорит Аллен. – «Затем он отправился в Индию и нашёл там *гуру*. Сейчас он преданный Ханумана. Мы разговаривали о *майе,* о современном состоянии Америки, и он сказал, что его *гуру* считает, что ЛСД – это Христос для западного мира в *Кали-югу*».

«Как это?» — любопытствует Прабхупада.

«Ну», — продолжает Аллен, — «так как *Кали-юга* набирает обороты, и привязанности становятся всё сильнее и сильнее, путь к освобождению должен становиться всё легче и легче».

«Так и есть», — соглашается Прабхупада. – «Такова и версия "Шримад-Бхагаватам". Но спасение в *киртане*, а не в ЛСД».

«Ну…» — колеблется Аллен. – «В общем, суть в том, что тем, кто приемлет освобождение в чисто материальной, химической форме, Кришна со свойственным Ему чувством юмора является в виде таблетки».

Преданные слушают это с широко раскрытыми глазами. Прабхупада лишь улыбается и качает головой.

«Если это материально, где же освобождение? Это иллюзия».

«Предполагаемый эффект ЛСД» – положить конец нашим привязанностям.

«Но, если вы зависите от материального химического вещества», — возражает Прабхупада, — «как же вы отказываетесь от своих привязанностей? Если вы принимаете помощь от материального, как вы от него освобождаетесь?».

Аллен задумчиво хмурится, пытаясь примирить противоположности: «Опыт показывает, что когда человек "под кайфом" от ЛСД, он осознаёт, что это вещество материально, и, ну — и в то же время — это совершенно неважно».

Прабхупада снова качает головой: «Это рискованно. Очень рискованно».

И всё же Аллен пытается убедить его в ценности психоделического движения, и возможно даже увидеть утвердительный кивок: «Итак, если ЛСД – материальная привязанность, и я согласен, что это так, то что же тогда Харе Кришна, как не *шабда*?».

«Нет», — отвечает Прабхупада. – «*Шабда*, или звук – духовны. Изначально, звук стоял у истоков творения, поэтому звук духовен. Из звука появилось небо, из неба — воздух, из воздуха – огонь, из огня — вода, из воды – земля».

«И какой же звук традиционно считается изначальным?».

«Веды говорят, что это *Ом*», — говорит Прабхупада. – «Бог и Его звук неотделимы друг от друга, они абсолютны. Я могу произнести "господин Гинзберг", но этот звук и лично вы немного отличаетесь. Но Бог неотделим от Своей энергии. *Шакти*, энергия, и *шакти-макта*, энергетический – суть единое целое. Как огонь и жар. Огонь неотделим от жара, они – единое целое».

«Получается, что звук "Кришна" и Сам Кришна неотделимы друг от друга ни при каких обстоятельствах?».

«Так и есть, вопрос только в моём отношении, осознании и чистоте. Проговаривая слово "Кришна", мы немедленно входим в контакт с Кришной. Кришна – чистый дух, и я становлюсь духовнее тотчас же. Если вы коснётесь электрического тока, вы электризуетесь. Так же и здесь – ощущая вибрации от произнесения имени Кришны вы "кришнаизуетесь", и когда вы полностью "кришнаизованы", вы не возвращаетесь к этому материальному существованию. Вы остаётесь с Кришной».

«Имперсоналисты сказали бы "сольётесь"», — говорит Аллен.

«Это неумно», — откровенно выражается Прабхупада. — «"Слияние "не означает избавление от индивидуальности. Когда птица зелёного цвета влетает в зеленую листву, она сливается с ней, при этом сохраняя индивидуальность. Как Кришна сказал Арджуне, мы все индивидуальные личности – в прошлом, в настоящем и в будущем. Индивидуальность – наша природа и от неё нельзя избавиться. Таким образом, мы предлагаем путь *бхакти-марга* – сохранить индивидуальность и предаться. Наша преданность заключается в том, что мы соглашаемся с Кришной во всём, оставаясь отдельными личностями. Если Кришна скажет, что мы должны умереть, мы умрём

– из любви. То есть слияние означает слияние в полном согласии. Вот оно – совершенство освобождения: сохранить свою индивидуальность, полностью соглашаясь с Богом. К такому выводу можно прийти немедленно, или после многих, многих перерождений».

«И вы по-настоящему верите в перерождения?» – задаёт вопрос Аллен.

«Да. А в чём сложность?».

Прабхупада сидит, выпрямившись, смотря Алену в глаза. Кажется, действительно в этом нет никакой сложности.

«Просто я не помню, чтобы я рождался раньше», — говорит Аллен.

«Вы можете не помнить своего детства, но это не означает, что его у вас не было. Неужели вы не помните, как были маленьким мальчиком?».

«Отдельные моменты».

«А помните, когда вы находились во чреве матери?».

«Нет».

«Означает ли это, что вы там не были?».

«Нет».

«То, что вы не помните, не повод отрицать существование этого события. Тело меняется, но "Я" остаётся. Мы меняем тела, но это не означает, что мы — разные люди».

Аллен снова в задумчивости теребит бороду.

«Просто я никогда не слышал никаких разумных или хотя бы захватывающих описаний предыдущих рождений или инкарнаций»,

— жалуется он. – «Никогда не слышал ничего такого, что заставило бы меня остановиться и сказать: "Да! Вот оно!"».

«Что же в этом такого? Ваше тело пережило изменения из нечто размером с горошину в то, как вы выглядите сейчас. Что такого невероятного в смене этого тела и принятия другого тела-горошины?».

«Очень трудно постичь», — говорит Аллен, — «сохраняется ли сознание при всех этих переходах из одного тела в другое?».

«Если что-то непонятно, вы должны обратиться к авторитетам за разъяснениями, не так ли?».

«Нет», — решительно отвечает Аллен, для большей убедительности качая головой. – «Всего этого недостаточно, чтобы я грезил об этом ночами. Нет. Недостаточно, чтобы я это полюбил. Слов недостаточно. Авторитета недостаточно, чтобы я это полюбил».

Авторитет. С самого начала это был источник разногласия. Рядом с Прабхупадой, признающим авторитет Вед, Аллен кажется всё ещё бунтующим подростком.

«Вы не признаёте авторитетов?» – спрашивает Прабхупада, с некоторым недоверием в голосе, как если бы один мальчишка разговаривал с другим. – «Вы не слушаетесь свою маму?».

«Недостаточно, чтобы любить», — заявляет Аллен с ещё большей страстью.

«Нет, оставим пока любовь», — говорит Прабхупада. – «Совет. Консультации».

«Дело не в том, что я не признаю авторитет», — отвечает Аллен. – «Дело в том, что я даже не могу понять авторитета, который заявляет, что я такой-то и, такой-то, когда я этого совершенно не чувствую».

«Но, если у вас проблемы с законом, вы советуетесь с юристом, а если вы больны, вы вызываете врача»

«В Америке хватает проблем с авторитетами», — жалуется Аллен. – «Это наша особая неприятность».

«Нет, это просто непонимание. Авторитет должен признаваться. Ребёнок признаёт авторитет, когда он спрашивает мать: "Мама, что это?". Задавать вопросы – путь к получению знания. В Ведах сказано, что, если мы хотим понять науку о Боге, мы должны обратиться к *гуру*».

«А вы узнаёте о своих прошлых жизнях из описаний в авторитетных текстах или с помощью самоанализа?».

«Всё в комплексе», — отвечает Прабхупада. – «*Садху, шастры, гуру.* Мы должны наблюдаться у трёх врачей: *садху* (святого), писаний и *гуру.* Эти трое должны друг другу не противоречить, но сотрудничать».

«И в чём разница между святым и писаниями?».

«Нет никакой разницы. Нам не следует принимать любого человека за духовного учителя или *садху*, если он не следует писаниям. Его нужно отвергнуть».

Наступает долгое молчание. Все ждут, что же скажет на это Аллен, но он только вздыхает, сдаваясь. Он только что серьёзно повздорил с авторитетом.

* * *

Мы обсуждаем программу завтрашнего вечера. Аллен сообщает Прабхупаде, что во время чтения стихов он собирается для разнообразия попробовать мантры «*Рагупати Рагхава Раджа Рам*» и «*Гопала Гопала Девакинандана Гопала*».

«Хорошо, в этом нет ничего страшного», — отвечает Прабхупада, — «но Харе Кришна прочесть необходимо. *Киртан* в начале и в конце мероприятия, а между ними можно поговорить о сознании Кришны».

«Думаю, у вас это лучше получится. Вы более красноречивы в этом вопросе, и кроме того, вдруг вам не понравится то, что я скажу», — говорит Аллен.

«Расскажите, что вы испытываете, переживаете. Я тоже выступлю. Да благословит вас Кришна. Вы необычный человек».

«Не уверен, что я того стою», — со смехом замечает Аллен.

«Пусть так», — говорит Прабхупада, — «но я знаю, что вы необычный — *йад йад вибхӯтимат саттвам*».

«После аварии я бросил курить, но я всё ещё ем мясо».

«Поживите с нами три месяца, и даже думать об этом забудете. Приезжайте со своими единомышленниками в Нью- Вриндаван, и мы будем жить там вместе. Вы освободитесь от *майи* и полностью погрузитесь в сознание Кришны».

«Ну, у нас есть ферма на севере Нью-Йорка, вегетарианский стол, корова и козы…».

«С экономической точки зрения, если у человека есть корова и гектара полтора земли, он никогда не будет нуждаться. Вот такую программу мы хотим запустить в Новом Вриндаване. Корова и полтора гектара земли. Тогда все фабрики закроются. Есть ведь такая пословица, что земледелие – это самый благородный труд?».

«Есть».

«Кришна Сам был пастушком. И согласно Ведам, богатство человека измеряется количеством у него зерна и коров».

«До начала этого столетия человек по сути так и жил – двадцать-тридцать тысяч лет».

«Да, нужно уменьшить телесные потребности. Потреблять достаточно для поддержания тела в сознании Кришны. Простая жизнь, возвышенные помыслы».

Мы решаем настроить фисгармонии утром. Я заверяю Аллена, что на сцене будет достаточное количество микрофонов, и он не охрипнет. Киртанананда подаёт горячее молоко и тарелки с нарезанной дыней, сбрызнутой мёдом.

«Я учусь сочинять музыку», — говорит Аллен Прабхупаде. – «Мой *гуру* – поэт Уильям Блейк. Вы слышали о Блейке?».

К моему удивлению, Прабхупада даёт утвердительный ответ.

«Он очень напоминает мне Кабира», — воодушевляется Аллен. – «Я учился медитировать на стихах Блейка, положив их на музыку».

«Я могу дать вам столько песен!» – говорит Прабхупада, готовый с превеликим удовольствием «кришнаизовать» всё вокруг.

Аллен интересуется, не хочет ли Прабхупада услышать несколько песен на стихи Блейка, и Прабхупада говорит, что да. Извлекая из своей портативной фисгармонии густые, насыщенные тона, Аллен поёт Блейковское «К Тизре».

Во время исполнения Прабхупада выглядит как ребёнок, чьи глаза светятся искренним восхищением, на его лице сияет широкая улыбка. Наконец после всех этих размолвок воцаряется согласие. Аллен принимает авторитет господина Блейка.

Во время исполнения Алленом строчки «Он восстал! Духовное тело!» Прабхупада восклицает: «Он верит в духовное тело! Это хорошо. Вот оно – сознание Кришны».

«Он очевидно придерживается той точки зрения, которая на Западе зовётся гностической традицией, в которой идеи *бхакти* соотносятся с традициями буддизма и индуизма. Схожая космология. Блейк был моим учителем».

«Он не сильно подчёркивал значение материального тела?» — спрашивает Прабхупада.

Неожиданно я осознаю, что Прабхупада полагает, что Аллен был лично знаком с Блейком. В конце концов, термин *«гуру»* подразумевает именно это.

«Нет, он не считал материальное тело объектом сверхважности, до самого конца жизни», — отвечает Аллен.

Аллен затем поёт ещё одну песню Блейка, на этот раз «Маленького трубочиста». Мне кажется, что многие преданные опасаются, что Прабхупада оскорблён неким безумным поэтом. Но тот только улыбается и хлопает в ладоши.

«Ангел и ключ» — поёт Аллен.

После окончания песни Пурушоттам сообщает, что уже 22.55 вечера.

«Давайте все расходиться», — предлагает Аллен.

Прабхупада предлагает Аллену две гирлянды, висящие над фотографией Шрилы Бхактисиддханты Сарасвати Тхакура. Аллен принимает их, кланяется и прощается до следующего дня.

* * *

Когда Пурушоттам замечает Прабхупаде, что господин Гинзберг проповедует определённые «ценности хиппи», тот соглашается, при этом говоря: «Но всё же он ценит движение Харе Кришна, и в этом мы с ним не противоречим друг другу. Он публично читает мантру, и, если он продолжит этот путь, все *анартхи* – нежелательные вещи – отпадут сами собой. Он будет удостаивать их вниманием не больше, чем испражнения».

* * *

Наутро, сразу после того, как Прабхупада легко позавтракал молоком и фруктами, возвращается Аллен. На его поклон Прабхупада откликается возгласом «*Джай*!» и немедленно предлагает тому начать

писать стихи о Кришне. Затем он говорит, что одна из отличительных черт преданного – безумие.

«Поэт, влюблённый и безумец», — смеётся Прабхупада. – «Любящий Кришну – это своего рода безумец или поэт, понимаете?».

«За исключением того, что писать о Кришне потребует сосредоточения всего моего сознания на одном единственном образе Кришны», — говорит Аллен.

«Не образе», — поправляет Прабхупада.

«Ну хорошо», — улыбается Аллен. – «на одной единственной идее, или имени, или чувстве, или осознании».

«Да, и во имя этого мы вовлекаем в различные служения всех этих парней и девушек». — Прабхупада жестом указывает на преданных, которые все в работе: ухаживают за Божествами, убирают, расставляют всё по местам, прямо как пчёлы.

«Для нас сон – это трата времени. Госвами спали всего по полчаса, всё остальное время погружённые в сознание Кришны, они написали тысячи книг, а когда они не писали, они читали мантры или говорили о Нём, не давая *майе* никакой возможности проникнуть и овладеть ими».

«Кто является самым выдающимся вайшнавским поэтом?» – спрашивает Аллен. – «Мирабаи?».

«В Индии она очень популярна», — говорит Прабхупада. – «Большинство её стихов написаны на хинди. Она была преданной. Видела Дживу Госвами и написала много стихов».

«Она встречалась с Господом Чайтаньей?».

«Нет, но она признавала тот факт, что Он – воплощение Кришны. Её жизнь также может служить примером. Отец в детстве подарил ей куклу-Кришну, и со временем она развила в себе любовь к Кришне как к своему супругу».

«А Ананда Майима? Какое положение занимает она?».

«Имперсоналистка. Она не преданная. Много есть имперсоналистов, которые прикрываются вайшнавизмом, говоря: "Дорóгой Чайтаньи приходим к Шанкаре". То есть, следуя *бхакти*-принципам Чайтаньи, в конце концов приходят к имперсонализму Шанкары».

«То есть…».

«Целью Шанкары было низвергнуть буддизм, и для достижения её он проповедовал философию имперсонализма, делая акцент на Брахмане. Будда появился для того, чтобы положить конец убийству животных, совершаемых во имя ведических ритуалов. В "Шримад-Бхагаватам" он признаётся как девятая инкарнация Кришны».

«А десятая?».

«Калки».

«Какова природа Калки?».

«Калки является как настоящий принц, в королевских одеждах, верхом на коне, убивая всех негодяев мечом. Никакой проповеди. Только убийство». Аллен смеётся, ему явно нравится идея Второго пришествия в индуизме.

«Вы, конечно, можете смеяться», — серьёзным тоном говорит Прабхупада, — «но, когда придёт Калки, не останется ни одного разумного существа, который сможет понять Бога».

«Ни одного?».

«Люди очень отупеют. Всё же для понимания нужно хотя бы незначительное мыслительное усилие. Только когда вы полностью счастливы в *бхакти-йоге* и освобождены от всех материальных стремлений, вы можете понять Бога. Осознать Господа – это не так-то просто. В неведении люди говорят, что Бог – это то-то и то-то. Когда

появляется Сам Кришна, они отвергают Его. Они предпочитают создавать своего собственного Бога».

«А когда придёт Калки?» – спрашивает Аллен, так как ему всё не даёт покоя идея Апокалипсиса.

«В конце *Кали-юги*. А затем начнётся *Сатья-юга*».

«То есть?».

«"*Сатвик*" означает "благочестивый". Люди в *Сатья-югу* будут благочестивы и правдивы, и жить они будут очень долго».

«И это будут те, что уцелели или после уничтожения всего будут созданы новые?».

«Нет, полного уничтожения не будет», — говорит Прабхупада. – «Благочестивые останутся:

паритра̄н̣а̄йа са̄дхӯна̄м̇
вина̄ша̄йа ча душкр̣та̄м

- Негодяи будут повержены, а немногие благочестивые уцелеют».

«Вы думаете, это произойдёт, пока ваши ученики живы?».

«Нет. Это случится по меньшей мере через 400,000 лет с настоящего момента. К тому времени мои ученики будут с Кришной».

«*Джай*!».

«А те, кто не последует за ними, насладятся представлением», — добавляет с улыбкой Прабхупада.

Прабхупада смеётся, и под звуки его смеха мне видится Господь Калки, скачущий на огромном белом коне, размахивающий мечом направо и налево, рубящий головы с плеч всем, кто попадается на его пути с безжалостностью ребёнка, топчущего муравьёв.

«Будут ли люди повторять Харе Кришна через 400,000 лет?».

«Нет», — отвечает Прабхупада. – «Харе Кришна закончится на этой планете через 10,000 лет».

«Что же останется?».

«Ничего. Лишь "Я тебя убью и съем" да "Ты меня убьёшь и съешь". Таким образом, у нас будут все условия для мясоедения. Не будет молока, зерна, фруктов и сахара. Но Кришна всё равно милостив», — тело Прабхупады сотрясается от смеха. – «Да, очень милостив. Он даёт все условия. "Зачем есть телят и коров? Ешьте своих собственных детей". Да-да, как змеи, которые едят собственное потомство. Как тигры. Не будет больше проповедей, ни разума, чтобы понять проповедь, ни проповедника. Цивилизованное человечество превратится в псов, так говорится. А затем явится Калки и скажет: "А теперь позвольте Мне убить вас, чтобы спасти"».

«Вы видите это как реальное историческое событие? То есть, что повторение мантры Харе Кришна прекратится через 10,000 лет?».

«О да, но сейчас оно будет усиливаться».

«Как долго?».

«10,000 лет, затем пойдёт на спад. Люди будут пользоваться плодами мантры Харе Кришна в течение следующих 10,000 лет».

«То есть это как последний шанс, последняя соломинка, брошенная утопающему, последний глоток воздуха», — делает вывод Аллен.

«Да», — соглашается Прабхупада. – «Длительность *Кали-юги* – 432,000 лет, из которых 5,000 уже прошли. Осталось 427,000, в сравнении с которыми 10,000 – ничто».

Аллен в замешательстве качает головой, будто поражённый этими космическими подсчётами. В западной традиции долгие

промежутки времени никому особо не интересны. Второе Пришествие вот-вот наступит.

«Но где обо всём этом написано?» – задаёт он вопрос.

«В последней песне "Шримад-Бхагаватам" приводятся описания», — отвечает Прабхупада. – «Например, там говорится, что в *Кали-югу* браки будут заключаться просто на словах. Люди будут думать, что они красивы только потому, что они носят длинные волосы. Также упоминается, что немцы станут королями, а англичане и мусульмане оккупируют Индию. Предсказаны многие инкарнации, в их числе Господь Чайтанья и Будда».

Затем, к удивлению Аллена, Прабхупада говорит, что Господь Будда стал частью «трансцендентного обмана», чтобы хитростью заставить атеистов поклоняться Богу в форме Будды.

«Иногда отцу приходится лгать своим детям, ради их же блага. Особенно если ребёнок в чём-то особенно упорствует».

Во время беседы Аллена и Прабхупады приезжают ещё преданные из Баффало и Нью-Йорка. Преданные, которых я никогда раньше не видел, здороваются и предлагают помощь. Киртанананда занимает их работой на кухне, а некоторых отправляет добыть коробки, чтобы погрузить в них *прасад* для раздачи в университете.

Чем больше Аллен и Прабхупада беседуют, тем больше становится очевидно, что есть вопросы, которые поэт бы хотел прояснить перед выступлением. Мне понятны его чувства. Когда он с Прабхупадой, все его трудности понимания Кришны рассеиваются. Когда же он находится вне этой сияющей ауры, тучи сомнений снова сгущаются. И снова Аллен пытается прогнать эти тучи навсегда.

«Мне просто трудно», — начинает он, — «представить огромное количество людей в Америке, живущих аскетичной жизнью на основе индийского языка и пищи. Сейчас уже стабильно функционирует определённое количество храмов, их число будет расти, но…», — здесь выражение лица Аллена меняется, он борется со словами,

пытаясь быть одновременно откровенным и тактичным. – «Но меня беспокоит будущее религии, настолько сложной и наполненной ритуалами, требующей так многого – все эти требования к пище, каждодневные обряды, *аратик*, *экадаши*, и прочее, чему вы учите. Насколько далеко это может распространиться при всей своей сложности?».

Сложность. Чрезмерные требования. Когда Аллен впервые услышал Прабхупаду в Нью-Йорке, он использовал слово «эзотерика».

«Во-первых», — отвечает Прабхупада, — «вы должны понять, что мы стараемся сделать так, чтобы люди начали сознавать Кришну. Поэтому наша программа рассчитана на круглосуточную вовлечённость».

«У ортодоксальных евреев также имеются очень сложные, многоступенчатые ритуалы для той же цели», — говорит Аллен, — «осознание своей религиозной природы, именно это поддерживало немногочисленную группу евреев в течение веков. Но в реальности, насколько может распространиться полная преданность Кришне, полная вовлечённость в сознание Кришны? Сколько человек пойдут на это в Америке, например? Или вы намерены привлечь лишь определённое число преданных? Несколько сотен или тысяч, — которые будут постоянны и тверды в своих убеждениях?».

«Да! Это моя цель».

Аллен поражён. Никто в Америке не начинает религиозное течение без желания вовлечь в него всех и каждого. Прабхупаде понятно его удивление.

«Всё оттого, что сознание Кришны – невозможно для всех», — объясняет он почти извиняющимся тоном, не желая задеть Аллена и его демократические принципы. – «Из "Бхагавад-Гиты" мы узнаем, что после череды рождений и смертей мудрый человек в конце концов предаётся Кришне. Большинство людей не в состоянии это усвоить, понимаете?».

Конечно, Аллену было бы приятнее, если бы Прабхупада согласился с его демократическими взглядами, но с политической точки зрения Прабхупада – ведический монархист. Править должен король-преданный.

«Понимание Кришны – не самая лёгкая задача», — продолжает Прабхупада. – «Кришна говорит: "Из многих тысяч человек один может стремиться к совершенству. Из тех же, кто достиг совершенства, едва ли кто-то поистине познает Меня". Таким образом, сознание Кришны – нелегко, потому что Кришна – это последнее слово Абсолютной Истины. Однако Господь Чайтанья был настолько щедр, что Он даровал нам лёгкий путь – Харе Кришна мантру».

«То есть ваш план – открыть здесь, в Америке, центры для заинтересованных, чтобы они продолжали своё образование и практиковали ритуалы?».

«Лично у меня нет никаких идеальных стремлений», — говорит Прабхупада. – «Но так как цель жизни – прийти к сознанию Кришны, должно существовать какое-то общество, помогающее достичь этой цели. Мы не ожидаем, что придёт каждый. Наша миссия – объяснить мыслящим людям, что удовлетворение чувств не есть цель жизни».

«Сейчас в Америке проблемы с удовлетворением чувств», — говорит Аллен. – «Все это признают».

«Должно быть так», — соглашается Прабхупада.

«Наша цивилизация дошла до предела своих материальных возможностей», — продолжает Аллен, — «и все это понимают. Это обсуждается везде – и в передовицах "Нью-Йорк Таймс" и в журналах ИСККОН. Идёт демографический взрыв, и каждый находится в поиске альтернативы материальному распространению. Итак, мой вопрос: "Доступен ли многим тот образ жизни, который вы предлагаете?"».

«Я уже сказал, что он не для многих людей», — спокойно отвечает Прабхупада, снова оставляя неудовлетворёнными демократические воззрения Аллена.

«Но многие, очень многие жаждут альтернативы», — настаивает тот.

«Если они действительно жаждут, пусть примут сознание Кришны», — просто отвечает Прабхупада. – «В чём трудность?».

«Трудность эстетического характера», — объясняет Аллен. – «Нужно что-то на английском языке для эффективной коммуникации».

«Поэтому мы и просим помощи у вас», — говорит Прабхупада.

«Я так и не нашёл способ», — признает Аллен. – «По-прежнему повторяю Харе Кришна».

«Да», — заключает Прабхупада. – «Я придерживаюсь того же мнения».

* * *

Время близится к полудню, и преданные собираются в комнате. Скоро не остаётся ни одного свободного места, и они толпятся у входа, заглядывают в окна, надеясь поймать драгоценный взгляд Прабхупады или увидеть, как знаменитый поэт станет его последователем.

«Я приехал в Америку как раз с такими мыслями», — продолжает Прабхупада, — «Америка сейчас находится на пике своего экономического благополучия, американцы не знают материальной нужды, но в то же время они ищут что-то. И вот появляюсь я, говоря, "Примите это, и будьте счастливы". Если Америка обратится в сознание Кришны, весь мир последует её примеру, потому что Америка сейчас у руля в мировом сообществе. А столь выдающиеся люди, как вы, особенно должны это понимать. Даже ребёнок может повторять Харе Кришна. В чём же сложность?».

«Есть сложность», — настаивает Аллен. – «И это думают многие. Взять, к примеру, следование ритуалам в храме».

«Все мои ученики им следуют», — отвечает Прабхупада, — «и движение растёт».

«Но вы требуете носить индийскую одежду».

«Это не столь важно».

«И принимать индийскую пищу».

«Это не индийская пища», — поправляет Прабхупада. – «Мы едим фрукты, овощи и зерновые. Вы хотите сказать, что это индийская кухня?».

«Но…», — Аллен оглядывается на преданных в надежде найти понимание – «но *карри*!».

«Вы можете просто отваривать продукты», — предлагает Прабхупада. – «Совсем не обязательно любить то, что нравится нам. Вы можете готовить фрукты, овощи, зерновые, молочные продукты по своему вкусу. Конечно, вы не можете предлагать Кришне мясо. Но, за этим исключением, в чём большая разница?».

«Но пища», — рассуждает дальше Аллен, — «она ведь материальна».

«Да. Но стиль другой. Мы не запрещаем. Мы приспосабливаемся».

Приспосабливаемся. Аллен погружается в раздумья, его взгляд скользит по преданным, чисто выбритым, настолько отличающимся от студентов университета Огайо и хиппи Сан-Франциско. Неужели вопрос только в приспособлении?

«Я всё же думаю, что есть определённый лимит распространения повторения имён Кришны, связанный с произношением» — вновь вступает Аллен.

«Нет никакого лимита», — отвечает Прабхупада. – «Вы можете произносить слово так, как вам угодно».

«Я имею в виду, что пока оно окончательно не станет частью лексикона английского языка, это ограничение будет сохраняться».

«Оно уже есть в словаре», — говорит Прабхупада. – «Что ещё вы хотите?».

«Большое, цельное, объединяющее религиозное движение в Америке», — прямо высказывается Аллен.

«Так вот вам Кришна, всепривлекающий, — что ещё вам нужно от Верховного? Всеобъединение? Всё есть в Кришне: богатство, красота, мудрость, отречение, сила. Он – объединяющий центр всего».

Наступает долгое молчание, и преданные испытующе смотрят на Аллена, пытаясь уловить в его взгляде подчинение и согласие.

«Всё, что вы говорите – прекрасно», — наконец изрекает тот. – «Но меня даже это не убеждает!».

«Нет?!» — Прабхупада искренне удивлён. – «Почему нет? Вы умны. Вы признанный талантливый поэт. Я действительно считаю, что вы умны. Вы повторяете мантру».

«Повторение мантры — это скорее сродни физическому упражнению, чем…».

«Возможно», — прерывает его Прабхупада, отметая все оговорки. – «Но вашего разума достаточно для понимания. Это не сентиментализм, не блеф, не коммерция. Вы знаете, что изначально я приехал сюда с пустыми руками и мантрой на устах. И всё. Я никогда никого не просил о деньгах».

«Это совсем не то, что меня беспокоит», — смеётся Аллен. – «Меня беспокоят вечные вопросы».

«Я всего лишь один из многих иностранцев, недавно прибывших в вашу страну», — продолжает Прабхупада. – «Кто меня послушает? А вы – известный американский лидер. Если вы посоветуете мантру Харе Кришна, люди пойдут за вами».

«Я читаю мантру на этом континенте начиная с июля 1963 года, с Ванкувера», — отвечает Аллен, – «и я заметил, что существует

предел отзывчивости аудитории. Людям это незнакомо и ново. Как только она станет более знакомой и понятной, возможно, распространение пойдёт дальше. Отчасти я списываю это на естественное сопротивление, отторжение. Люди хотят молиться на своём языке. Я не знаю. По этой же причине не подойдёт никакая индейская молитва, или молитва на латыни. Возможно ли найти американскую мантру?».

«Мантру нельзя выдумать», — говорит Прабхупада. – «Она не американская и не индийская. Она трансцендентна. Как *омкара*».

«Вы полагаете, что сама природа звука трансцендентна?».

«Да».

«"*Ом*" — это абсолютно естественный звук из гортани в ротовую полость, — но всё же даже он для нас звучит иностранным. Очень тяжело вовлечь публику в повторение *Ом*. В Чикаго я экспериментировал с обеими мантрами – *Ом* и Харе Кришна».

«Но альтернативы-то нет!» – смеётся Прабхупада.

«Нет. Мы ещё не до конца обдумали её. Некоторые предлагают "Бог, Бог, Бог", но как-то не звучит».

«Кто сможет повторять это в течение пяти минут?» – интересуется Киртанананда.

«Ну, можно, например, взять "*Аминь, аминь*"», — предлагает Аллен.

«Но это тоже не английский язык».

«Нет, но по крайней мере оно известно в английском языке. Может быть, Кришна так же станет известно, как Бог или Аминь».

Мы открываем словарь, найти имя Кришны и обнаруживаем, что Его имя стоит после Криса Крингла.

«Он следующий после Санта-Клауса», — говорит Аллен.

«Да», — удовлетворённо кивает Прабхупада. — «Кришна – центр всего, отец всему. Не только человеческим существам, но и растениям, и животным.

сарва-йонишу каунтейа
мӯртайах самбхаванти йāх

«Но что вы делаете, когда другие религиозные группы заявляют, что они являются центром?» — спрашивает Аллен.

«Мы приветствуем все религии», — отвечает Прабхупада. – «Мы не осуждаем ни одну религию. Наша точка зрения – любовь к Богу. Кришна есть любовь, всепривлекающий, и мы хотим быть привлечёнными к Кришне, как железо притягивается к магниту. Вот это проверка любой религии, — насколько вы развили свою любовь к Богу? Зовите Его Кришна, или иначе. Как вы Его зовёте, не столь важно».

«Получается, вы думаете, что мантра Харе Кришна может служить молитвой-посредником, которая свяжет религиозные тенденции как христианских, так и мусульманских вероисповеданий?».

«Да. Любые вероисповедания. Чайтанья Махапрабху говорит, что вы даже не должны повторять имя Кришны. Он говорит: "Если у вас нет подходящего имени для Бога – вот, пожалуйста! Повторяйте Харе Кришна"».

В алтарной звон колокольчиков возвещает о начале полуденного *аратика*. Прабхупада оглядывает переполненную комнату. Преданные кланяются и начинают расходиться.

«Давайте настроим фисгармонии», — предлагаю я.

«Да, давайте взглянем на наши музыкальные шкатулки», — поддерживает Аллен. – «Пора приняться за материальные приготовления к сегодняшнему вечеру».

«Это не материальное», — улыбается Прабхупада. – «Здесь нет ничего материального».

«Ах да! *Шабда* приготовления», — исправляется Аллен.

«*Шабда* изначальна и духовна. *Шабда* Брахман. Мы должны понять, что здесь нет ничего материального. Всё духовно. Таким должно быть наше видение».

«*Джай*!» – восклицает Аллен.

«*Джай* Шри Кришна!» – подхватывает Прабхупада.

Мы кланяемся Прабхупаде, затем берём фисгармонии и выносим их на крыльцо настроить.

* * *

Я сразу вижу ошибочность выбора Аудитории Хичкока, рассчитанной на 750 мест, вместо баскетбольного зала. Передние двери блокированы, студенты толпятся повсюду: на лестницах, в коридорах. Внутри аудитории все места заняты, а приходящие все пытаются протиснуться в узкое пространство перед сценой, в проходах между сидениями, на балконах в нарушение всех правил противопожарной безопасности. Они аплодируют, кричат и размахивают зажжёнными ароматическими палочками. Запах клубники и плюмерии. Это не традиционная встреча «Общества йоги государственного университета штата Огайо». Это масштабное событие, грандиозное мероприятие, это Хэйт-Эшбери два года спустя на среднезападный манер. Ранандир и Хришикеш снуют во всеобщем хаосе, пытаясь раздавать томики «Бхагавад-Гиты». Обстановка не располагает к тому, чтобы делать это на входе, поэтому преданные продают книги в самой гуще толпы.

«Мы — первые! Мы — лучшие!» — скандируют студенты.

«Кришна – первый. Он – лучший», — возражает Аллен, когда мы все взбираемся на сцену с фисгармониями».

Ободряющие возгласы звучат громче, когда Аллен начинает тестировать микрофон: «Харе Кришна! Проверка!».

Я замечаю в толпе лица нескольких своих первокурсников: им было задание написать эссе из 500 слов – отчёт о прошедшем мероприятии. Студенты теснятся в проходах, кто-то принёс складные стулья для преподавателей. Преданные украшают кафедру розами и лютиками, привезёнными из Нового Вриндавана.

«Сюда смогли втиснуться около 2 тысяч человек», — сообщает мне Прадьюмна, — «двери уже закрыли».

Аллен начинает извлекать из своей фисгармонии привычный мотив в низких тонах. Он сидит на коврике на полу, один микрофон спрятан в клавиатуре фисгармонии, второй – в бороде.

«*Харе Кришна, Харе Кришна, Кришна Кришна, Харе Харе*», — голос его звучит густо и глубоко, повторяя те же строки, что он пел два года назад в зале Авалон.

Но сейчас он выступает не перед одурманенными наркотиками хиппи и «Ангелами Ада». Здоровые, румяные, голубоглазые, светловолосые, вскормленные кукурузой молодые уроженцы среднего запада повторяют слова мантры вслед за ним.

* * *

К моменту прибытия Прабхупады в университет все студенты дружно повторяют слова мантры. Он появляется из-за сцены, в сопровождении преданных, несущих цветы, раскуривающих благовония, звенящих цимбалами и бьющими в мриданги. Как только он подходит к возвышению на сцене и занимает место за кафедрой, Аллен заканчивает мантру.

«Очень хорошо. Не останавливайтесь! Продолжайте *киртан*», — говорит Прабхупада.

Один из преданных протягивает Прабхупаде цимбалы, и Аллен просит его вести *киртан.* Прабхупада выпрямляется. «*Динь-динь-*

динь», — звенят цимбалы. Брови его сдвигаются, знак того, что он полностью сконцентрирован. «Ванде Хум», «Шри Кришна Чайтанья», а затем Харе Кришна. Его мелодию, простую и медленную, не такую витиеватую, как у Аллена, быстро подхватывают студенты.

Прабхупада встаёт, поднимает руки к небу, приглашая студентов присоединиться к танцу. Отклик следует немедленно. Студенты, сидящие в проходах, первые на ногах, затем поднимаются те, которые сидят на стульях и на балконах. Для танцев места мало, вместо этого получается одно общее подпрыгивание. Прабхупада прыгает на сцене, студенты прыгают на своих местах. Он взмахивает руками, те машут руками в ответ. Он ведёт их, как опытный дирижер ведёт оркестр, пока надо всем не воцаряется единый духовный ритм самой мантры. Прабхупаду уже не слышно – только слова мантры, звук аплодисментов, стук стульев.

Как во сне, передо мной проплывают лица моих студентов, танцующих и поющих в экстазе. Сандра Хансейкер, специальность – сестринское дело, хлопает в ладоши, глаза закрыты. Джефф Хорнер, будущий агроном, повторяет мантру так громко, что я вижу синие вены, выступающие у него на бледных висках. Красивая, яркая Мэрилин Батлер, качающаяся в такт санскритским ритмам. Прабхупада бросает в толпу бархатцы из своей гирлянды. Студенты кричат «Сюда! Сюда!» и расталкивая друг друга, борются за бесценный дар. Аллен продолжает играть на фисгармонии, голова его качается из стороны в сторону, пот катится по лицу, преданные бьют в мриданги, цимбалы звенят, и поверх всего этого – молодые голоса, повторяющие слова, не зная даже их значения. Затем так же неожиданно, как и началось, всё умолкает. И слышен только звучный голос Прабхупады, выражающего почтение духовным учителям.

* * *

«Удивительно, как все поднялись, и танцевали, буквально выпрыгивая из самих себя после того, как столько времени сидели неподвижно», — замечает Аллен в микрофон. – «Когда древние ритмы проникают в наше тело, желание танцевать и подпевать, вместо простого сидения, естественно. Но таково наше состояние в век *Кали*…».

Затем он рисует картины *Кали-юги* — наполовину ведические, наполовину по Гинзбергу, — как эпохи роботов, катастроф и загрязнения. Закончив краткое описание железного века, он представляет Прабхупаду.

«Я знаком со Свами Бхактиведантой около трёх лет, с тех пор как он поселился в Нижнем Ист-Сайде в Нью-Йорке, где живу и я. Мне он показался светочем разума. Не какой-то надменный и всезнающий, но такой настоящий, близкий, "свой" *свами*. То, что он открыл в Нижнем Ист-Сайде, а потом на Фредерик-стрит в Сан-Франциско, в сердце района Хэйт-Эшбери, просто поразительно. И интересно то, что столь далёкое и полное ритуалов индийское течение укореняется в Соединённых Штатах более естественно, чем близкое к протестантизму Общество Веданта или крайне строгие группы Дзен. Я думаю, отчасти это можно объяснить удивительными качествами личности Свами Бхактиведанты, его щедростью, радушием, его очарованием, мудростью и бодрым расположением духа; его открытым сердцем, его убеждённостью в собственной божественной сущности и божественной сущности окружающих его. Лично Свамиджи сделал возможным зарождение индийского культа *бхакти-йоги* и его развитие здесь, в Америке».

Аллен затем выражает Прабхупаде своё почтение и предоставляет ему слово «для объяснения его божественной сущности».

* * *

Сейчас вниманием студентов всецело завладел Прабхупада. Кажется, он не сидит за кафедрой, а парит в воздухе.

Его одеяние сияет золотом, глаза закрыты в медитации, он повторяет: «*ом̇ аджн̃а̄на-тимира̄ндхасйа*…».

Его голос, низкий и вибрирующий, воспевает слова молитвы, которую он повторял, когда впервые начал переводить «Бхагават-Гиту»: «Я был рожден во тьме невежества, и мой духовный учитель открыл мне глаза светом знания. Я выражаю ему своё почтение».

Он открывает глаза и обводит взором аудиторию, как будто только что спустился с Вайкунтхи.

«Мои дорогие юноши и девушки», — начинает он. – «Большое спасибо за то, что вы сюда пришли и приняли участие в *санкиртане,* или, как это ещё называется, *санкиртана-ягье*».

Студенты наклоняются вперёд, пытаясь уловить каждое слово, понять его сквозь сложный, непривычный для уха акцент. Наконец-то перед ними кто-то, кто отличается от остальных учителей. Вот он, *гуру*, наконец.

«В этот век Кали», — продолжает Прабхупада, — «как вам объяснил поэт Гинзберг, всё подвержено деградации с духовной точки зрения. Если брать материальную сторону, то здесь тоже видны приметы упадка: продолжительность жизни людей уменьшается, уменьшается их рост и сила».

Он говорит о том, о чём он говорит всегда, о том, что мы слышали в самый первый вечер в «Бесценных дарах». Сейчас это звучит ещё яснее, высказанное перед аудиторией свежих, молодых умов жителей средней части Америки.

«Когда мы повторяем Харе Кришна», — говорит он, — «возрождается наше изначальное сознание, сознание Кришны и его радость. Когда мы приближаемся к платформе чистого, духовного сознания, мы становимся счастливыми, *брахма-бхута*. Эта радость начинается, когда мы развиваем свою любовь к Богу. Чайтанья Махапрабху продемонстрировал замечательный пример любви к Господу. Он играет роль Радхарани, супруги Кришны. Наше сознание Кришны не сухо. Взгляните на изображение Радхи и Кришны. Кришна – паренёк 16 лет, а Радхарани – молодая девушка, немного моложе Его. Они наслаждаются».

Студенты смотрят на картинку на сцене позади Прабхупады. Радхарани прильнула к Кришне, который стоит немного отстранённо, ноги скрещены, в руках флейта, а корова тычется носом о Его стопы.

«Мы должны любить Бога без причины, но мы молимся: "Господи, хлеб наш насущный дай нам на сей день. Я пришёл, чтобы попросить у Тебя хлеба". Это не любовь к Богу. Это любовь к хлебу».

В зале незамедлительно раздаётся громкий смех и аплодисменты. Студенты настроены сочувственно, а Прабхупада не тратит время впустую, сухо философствуя. Он кратко и чётко излагает им их духовное состояние.

«Перемещения души, эта череда рождений и смертей, — болезненное состояние духовной сущности. Этого вы не знаете».

В его голосе тревога, как если бы он призывал их бежать от пожара.

«В нашей системе образования нет ни одного факультета, на котором бы преподавали знания о том, что есть душа, что есть после смерти, или что было до рождения. Нет такой науки, и это очень прискорбно. Образование во имя еды, сна и совокупления – это не образование. Не образование, если моё тело поставлено во главу угла. В Бхагаватам сказано:

йасйа̄тма-буддхих̣ кун̣апе три-дха̄туке

– Всякий, кто думает, будто тело из плоти и костей – его истинная сущность – осёл».

В зале снова одобрительные аплодисменты и смех. Прабхупада смотрит на аудиторию как на единое целое.

«И потому что они считают, что тело – это сущность, у них нет даже самого элементарного здравого смысла. Этот мешок из мышц, костей, крови, мочи и испражнений – может ли он быть душой? Может ли он быть истинной сущностью человека?».

Я окидываю взглядом студентов и замечаю Дуга О'Коннора, инженера по специальности, внимательно вглядывающегося в лицо Прабхупады. Позади него изящная, жеманная мисс Карен Бёрк быстро делает заметки.

«Только потому, что вы её не видите, вы заключаете, что души не существует. Это невежество. Душа есть, и тело развилось на её основе. Эта душа кочует из одного тела в другое, и это то, что называется реальной, духовной эволюцией, и этот эволюционный процесс продолжается сквозь все 8,400,000 форм жизни… Поэтому не совершайте самоубийства. Начните повторять мантру Харе Кришна, и всё истинное знание раскроется перед вами. Это практично. Мы ничего не просим за это. Мы не обманываем вас, заявляя: "Заплатите нам 50$, а мы вам дадим секретную мантру". Нет. Она для всех. Пожалуйста, только возьмите».

В его голосе настоятельное пожелание, он заклинает свою юную аудиторию.

«Такова наша просьба. Мы умоляем вас – не портите свою жизнь. Пожалуйста, примите эту мантру и повторяйте её где пожелаете. Нет никаких жёстких и немедленных правил, которым вы должны следовать. Где пожелаете, когда пожелаете, повторяйте её, и вы почувствуете счастье».

В благодарность за то, что его приняли в университете, Прабхупада упоминает о многочисленных томах, посвященных пониманию сознания Кришны через философию.

«Мы не танцующие и поющие сентименталисты. У нас есть основа», — говорит он, намекая на Ведическую традицию.

С другой стороны, он быстро указывает и на то, что мы не просто сухие философы-спекуляторы.

«Не пытайтесь глупо делать вид, что понимаете безграничное», — предупреждает он. – «Это невозможно. Станьте смиренны и скромны и примите знание из авторизованных источников. Вам не нужно менять род своих занятий или условия жизни. Просто послушайте. Затем придёт день, когда вы постигнете Верховного Господа, который непостижим. Господь велик. Никто не может постичь Его. Но если вы просто будете следовать этому процессу и пытаться слушать о Боге из авторизованных источников, однажды вы

ощутите присутствие Верховного Господа», — Прабхупада протягивает руку к завороженной аудитории, — «на расстоянии вытянутой руки».

Следует драматическая пауза и полнейшая тишина. Прабхупада откидывается на спинку сидения. Снова возникает чувство, что он парит в воздухе, настолько непривязанный к этим материальным вещам, *парамхамса*, качающийся на водах этого мира, не тронутый мирскими желаниями, наполненный любовью к Кришне.

«Как утверждает "Брахма-самхита", вы не можете любить Бога, лишь читая и размышляя над *шастрами*, святыми писаниями. Вы должны завоевать Его своей любовью. Он откроется вам, если вы искренне будете повторять эту мантру Харе Кришна. Она очистит ваше сердце, а затем, если вы прочитаете всего лишь одну главу из "Бхагавад-Гиты", вы постепенно поймёте, что есть Бог, что есть вы сами, и каковы ваши отношения с Богом. И когда вы всё это поймёте и разовьёте свою любовь к Богу, тогда вы станете совершенно счастливыми».

Наконец, сложив руки, Прабхупада выражает почтение изображению Радха-Кришны.

«Вот он – наш путь. Сознание Кришны», — говорит он. – «путь к счастью. Харе Кришна».

* * *

Аплодисменты. Прабхупада не спрашивает, есть ли вопросы, учитывая размер аудитории. Вместо этого они с Алленом начинают ещё один *киртан*. Ответ ещё более эмоциональный, чем вначале. Вскоре все в танце, а Прабхупада стоит на возвышении и взмахивает руками. Студенты с возгласами машут в ответ. Это чудо. Если бы к ним подошли на улице, те же самые студенты ответили бы: «Спасибо, у меня есть свои религиозные взгляды», и продолжили свой путь. Но сейчас, воодушевлённые присутствием Прабхупады, они повторяют мантру со страстью, изголодавшиеся по духовной пище, их реакция по своей силе намного превосходит то, что мы видели в Нью-Йорке и Сан-Франциско.

Через 30 минут — а может быть, вечность – всё заканчивается. Прабхупада читает заключительные молитвы, и мы все кланяемся. Окружив сцену, студенты напоследок хотят взглянуть на Прабхупаду. Сложив руки в благословляющем жесте, Прабхупада быстро продвигается к выходу. Он всё сказал. Какой эффект произведут в дальнейшем его слова на слушателей, знает только Кришна.

* * *

На следующий день студенты толпятся внутри и снаружи храма. Прабхупада организует дневные обсуждения в своей комнате, неформальное общение, где он объясняет основную мысль «Бхагавад-Гиты»: «Я не это тело, но вечная душа». Некоторые студенты выражают серьёзную заинтересованность философией. После обеда проводится огненное жертвоприношение, и Прабхупада инициирует Люка (Локанатха), Карлоса (Чайтанья-даса) и Шерри (Чинтамани), а также сочетает браком нашего специалиста по санскриту Прадьюмну с Арундхути.

* * *

14 мая. Солнечным весенним утром Аллен заходит попрощаться с Прабхупадой перед отъездом в Нью-Йорк. Войдя, он замечает Божеств Прабхупады на столике и интересуется ими.

«Когда мне было 7 лет, мой отец служил Божествам», — отвечает Прабхупада. – «Желая подражать ему, я как-то попросил его дать мне тоже какое-нибудь Божество, и он дал мне Радха-Кришну».

«И вы с Ними играли, и купали Их?».

«Да. Купал, переодевал, служил Им».

«И вы до сих пор так делаете?».

«В Индии, да. Сейчас, когда мои ученики здесь, они ухаживают за Божествами».

Прабхупада смотрит на Божеств, и лицо его освещает широкая улыбка. Затем он смеётся. Аллен видит, что он читает «Шримад

Бхагаватам», и Прабхупада цитирует ему оттуда несколько стихов на санскрите.

«Очень красивый ритм», — комментирует Аллен. – «Очень сложный».

«Сложный», — соглашается Прабхупада. – «У них существует метрическая система, согласно которой так много слов могут быть только первыми, и так много слов могут стоять только на втором месте. И рисунок этот нельзя нарушать. Есть также правила для аналогий и метафор. Ничего не должно повторяться дважды. Чайтанья Махапрабху сразил одного учёного, заметив всего лишь одну ошибку».

Аллен рассказывает, что на последнем своём поэтическом чтении он попросил студентов начать читать мантру перед Президентом Никсоном, когда тот придёт на вручение дипломов через 2 недели.

«Сейчас в стране много недовольства Президентом и правительством со стороны молодых людей, которым не по душе война», — говорит Аллен. – «Демонстрировать реальную конфронтацию опасно, но вся эта энергия так и рвётся наружу, так что я предложил им приветствовать его словами Харе Кришна».

«Это очень хорошее служение», — отвечает Прабхупада. – «Никсон заявляет, что он хочет встретиться с несколькими религиозными лидерами, поэтому один из моих учеников написал ему, но ответа не получил». Прабхупада озадаченно качает головой, как будто действительно находит это странным, что президент не ответил.

«Ну», — утешительно замечает Аллен, — «если в этом университете все студенты приветствуют его словами Харе Кришна, он вполне может вас пригласить».

«Да», — смеётся Прабхупада. – «на самом деле я приехал сюда, думая, что Америка нуждается в чём-то основательном. Я делаю свою часть, и, если правительство или люди помогут, наше движение будет стабильно развиваться. Иначе оно будет продвигаться медленно, как будет угодно Кришне».

Аллен приносит поклоны: «А сейчас мне нужно идти. Харе Кришна!».

Когда он кланяется в ноги Прабхупаде, тот благодарно улыбается: «Ну же! Будет!».

«Мы снова должны провести *киртан* вместе этим летом», — предлагает Аллен. – «В Нью-Йорке. Только дайте мне знать за две недели, и я приеду с фермы».

«Да», — отвечает Прабхупада. – «Спасибо».

Затем, указывая на свежие белые и красные розы, украшающие Божеств Радха-Кришну: «Дайте ему эту гирлянду!».

Один из преданных вешает гирлянду на шею Аллену, который кланяется ещё раз и, желая нам удачи в Новом Вриндаване, спешит на свой самолёт.

* * *

После обеда мои студенты сдают свои эссе из 500 слов, и я приятно удивлён, читая их. Те, кто посвятили свои работы описанию встречи с Прабхупадой, написали свои лучшие сочинения за весь год. Вернувшись в храм, я зачитываю некоторые из них Прабхупаде.

Тот внимательно слушает, время от времени улыбаясь, и восклицая: «Вот видишь! Видишь! Они прониклись!».

Редко я видел Прабхупаду настолько удовлетворённым результатами встречи. С не меньшим удовлетворением отрывки из сочинений слушают Киртанананда и другие преданные.

«Только один момент», — замечает Прабхупада. – «Это "Общество Йоги"». Он прямо смотрит на меня. «Вы должны переименовать его в Общество *бхакти-йоги*».

«Да, Прабхупада», — пристыженно отвечаю я, помня, что он уже упоминал об этом раньше.

«Если люди видят слово *йога*», — продолжает он, — «они думают, что мы учим сворачиваться в крендель для улучшения сексуальной жизни».

Мы все смеёмся, а Киртанананда замечает, что на кампусе вряд ли кто-то знает, что означает *бхакти.*

«Это неважно», — говорит Прабхупада, — «пусть приходят и узнают. Это привлечёт их любопытство. А теперь, Пурушоттам, достань мою фисгармонию».

* * *

21 мая. Вечером Парамананда звонит с ближайшего к Новому Вриндавану таксофона.

«Прабхупада выезжает утром», — сообщаю я ему. – «Мы едем на Линкольне. Попроси разрешения у мистера Томпсона проехать по его дороге».

«Хорошо», — отрывисто отвечает Парамананда. – «Я вот что тебе скажу – с фургоном похоже опять проблемы. Он "кашляет", а потом двигатель и вовсе глохнет. Мы несли аккумулятор всю дорогу, чтобы зарядить и…»

«Пусть Рон взглянет на него», — говорю я ему. – «И убедитесь, что помещения наверху готовы к принятию Прабхупады. Сияющая чистота, и много-много цветов».

Парамананда пытается объяснить мне подробнее про фургон. Ему необходимо знать, что нет никаких других вариантов.

«Просто почините его», — говорю я. – «Завтра наступает величайший день в истории Нового Вриндавана. Только вдумайся!! Первая священная *дхама* на Западе, созданная чистейшим преданным Шри Кришны. Это историческое событие. Сами полубоги могут быть там».

«На днях лил дождь», — тихо отвечает Парамананда. – «Вы ни за что не сможете подняться по той дороге. Я поговорю с Томпсоном».

* * *

22 мая. Благоприятнее дня и пожелать нельзя. Ясное, прохладное утро, небо нежно-голубого цвета, ни облачка, ни тумана, солнце встало рано и сияет вовсю, ароматы весны пронизывают воздух, пушистые зонтики одуванчиков, пышные соцветия подофил, крошечные яркие фиалки…

Преданные вымели салон нашего недавно купленного «Линкольна Континентал» 1959 года выпуска, выстирали чехлы, навощили все поверхности, отполировали хромированные детали, вымыли окна и заполнили бак. Он с легкостью сожжёт 100 литров за три часа пути.

Прабхупада спускается с лестницы храма и одаривает день радостным взором. Затем он поворачивается к Киртанананде и просит шарф. Воздух бодрящий и свежий. Преданные кланяются: Прадьюмна, Вамандев, Нара-нараяна, Ранандир. Локанатх открывает дверь «Континентала».

«Линкольн Континентал» 1959 года выпуска.

Прабхупада останавливается и оценивающе осматривает длинный чёрный лимузин, чьи лучшие дни далеко позади.

«Вы купили?» — спрашивает он.

«Да, Шрила Прабхупада».

«И сколько он стоил?».

«300$».

«*Ачча*!» – он улыбается и садится на переднее сидение. Киртанананда занимает водительское место, а я устраиваюсь сзади.

Остальные преданные быстро рассаживаются по своим автомобилям, и следуют за нами по трассе №70 в Западную Вирджинию.

Глава 18. *Парамахамса* на холмах

Когда мы прибываем к подножию Агхасуры, преданные уже там, ждут рядом с фургоном. Воздух вибрирует от жужжания пчёл, в нём разлит аромат распустившихся белых цветов акации. Преданные выражают своё почтение, как только «Линкольн» сворачивает на подъездную аллею. Они падают ниц на траву и гравий.

«Ой, как вас много!» – восклицает Прабхупада, выходя из автомобиля. – «*Джай* Шри Кришна!».

Маленький Дваракадиш, шести лет от роду, послушный указаниям матери, вешает Прабхупаде на шею гирлянду из красных роз и гардений.

«Спасибо, мистер Д.Д.Д.», — говорит Прабхупада.

Д.Д.Д. – это прозвище, которое он, дав Дваракадишу дасу, недавно приехавшему со своей матерью из Лос-Анджелесского храма. Присутствуют также многие другие из новоприбывших: Джон и Сьюзан, студенты университета Огайо, где Прабхупада читал лекцию; Патита-павана и Уддхава, два брата из Нью-Йорка; Рупануга со своим пятилетним сыном Экендрой; и Нара-Нараяна, плотник, помогающий Ваманадеву отремонтировать фермерский дом.

«Итак, куда мы направляемся теперь?» — спрашивает Прабхупада.

«По этой дороге две мили вверх, Прабхупада», — отвечает Ранандир, указывая на слякотную Агхасуру, вьющуюся вдоль ручья сквозь заросли акации и клёна.

«И мы поедем на этом?» — Прабхупада кивает в сторону фургона.

«Прабхупада, он мощный, как танк», — уверяет его Киртанананда, залазит внутрь и заводит мотор.

Тот ревёт и дымит в ответ.

«Почему бы не пройтись пешком?» — предлагает Прабхупада.

Мы дружно возражаем, ссылаясь на то, что прогулка в две мили может быть слишком тяжёлой для Прабхупады. Проехаться в фургоне по территории мистера Томпсона гораздо быстрее и проще. Парамананда жестом подзывает меня, и тихонько сообщает, что он не смог связаться с мистером Томпсоном.

«Его не было на месте ни вчера вечером, ни сегодня утром», — говорит он. – «Думаю, ничего страшного, если мы проедем без разрешения. Он никогда не отказывал».

«Да, тем более сегодня у нас событие огромной важности»,- соглашаюсь я.

Пурушоттам и Девананда загружают багаж Прабхупады в фургон. Прабхупада, едва оказавшись внутри, любопытствует о модели машины. Мы положили чистые подушки в салоне, чтобы смягчить сидения, а Шьяма даси даже украсила гирляндами приборный щиток. Убедившись, что Прабхупада удобно устроился, Киртанананда начинает двигаться по гравийной дороге к ферме мистера Томпсона.

Фургон трясётся и резко прыгает вперёд. Нас с Хришикешем и Ранандиром здорово подбрасывает на заднем сидении. Остальные преданные торопливой процессией бегут позади. Обогнув дом мистера Томпсона, Киртанананда сворачивает на грунтовую дорогу к пастбищу, тянущемуся вдоль хребта в двух милях от Нового Вриндавана. Прабхупада повторяет мантру на чётках и с любопытством рассматривает в окно конюшню и курятник, принадлежащие фермеру.

Когда фургон приближается к первому невысокому холму, раздаётся ощутимый толчок, затем мотор шипит и затихает. Киртанананда снова и снова пробует его завести, но все безуспешно. Фургон откатывается назад, рывками бросается вперёд, вздрагивает и снова умолкает. Этот процесс повторяется несколько раз. Мы обеспокоено смотрим на Прабхупаду.

«Почему бы нам не прогуляться?» – говорит тот.

Киртанананда качает головой.

«Это временно», — успокаивает он.

Парамананда открывает капот, и Чайтанья-дас заглядывает внутрь. Он вроде что-то понимает в моторах. Пурушоттам встаёт у открытой двери фургона и обмахивает Прабхупаду веером из павлиньих перьев.

«Вот бы мне сюда парочку инструментов!» – сокрушается Чайтанья-дас.

Я расспрашиваю Парамананду. Похоже, машину так и не показали механику. Да, периодически она так вот «умирает» в силу каких-то причин. Может, если бы нам удалось её дотолкать до вершины холма, она бы сама покатилась вниз.

«Может попробовать задний ход?» — предлагаю я. – «Давайте откатимся назад».

«Тогда Прабхупаде лучше выйти», — обеспокоено говорит Пурушоттам.

«Мы можем пройтись», — в очередной раз подаёт идею Прабхупада.

«Прабхупада, это целых две мили!» — говорит Девананда.

«Неважно».

В тот момент, когда Прабхупада выходит из машины, на тракторе из-за холма появляется мистер Томпсон. К трактору приделан прицеп, доверху нагруженный коровьим навозом. Фермер останавливается, с удивлением взирая на нашу необычную процессию.

«Могли бы и разрешения спросить», — наконец изрекает он.

Мы объясняем, что пытались разыскать его, что это особый случай – приезд нашего духовного учителя.

«Ну, хорошо», – говорит он. – «Но в следующий раз обязательно спрашивайте».

Не успели мы попросить мистера Томпсона помочь нам с фургоном, как Прабхупада уже начал спускаться вниз по дороге. Пурушоттам бежит за ним, держа чемоданчик с Божествами. Прабхупада никого не ждёт.

«Лучше пешком», — говорит он, демонстрируя удивительно хорошую скорость.

Поспешив за ним, мы покидаем фургон вместе с его *кармой*, Параманандой и Чайтаньей-дасом.

«Толкайте его, если потребуется», — напоследок наказываю я им. – «Все вещи Прабхупады здесь».

Киртанананда сообщает Прабхупаде, что легче будет идти через хребет, но Прабхупада уже направился к демонической Агхасуре.

«Лучше по этой дороге», — говорит он. – «Лучше идти по своей территории и не нарушать чужие границы».

Он спрашивает, не угощали ли мы мистера Томпсона *прасадом*. Услышав наш отрицательный ответ, он предлагает нам пригласить его.

«Он выращивает коров на мясо», — говорит Сатьябхама.

«О!» – Прабхупада качает головой. – «Убийцы животных не смогут повторять мантру. Но неважно. Вы можете предложить ему немного *прасада*. С помощью вкусных блюд вы сможете убедить *карми* оставить их плохие привычки».

Затем, так же непринужденно, как будто он прогуливается по одной из улиц Калькутты, Прабхупада начинает шагать по Агхасуре, сохраняя бодрый темп. Мы спешим вслед. Он ступает как обычно с поднятой головой, не опуская взгляда ни на что, даже на выбоины и ухабы Агхасуры.

«Говинда даси неплохо справляется на Гавайях, сражаясь с *майявади* с помощью убедительного проповедования», — рассказывает он. – «А это что за дерево?».

«Акация, Шрила Прабхупада», — отвечает Киртанананда. – «У него очень крепкая древесина, которую используют для столбов и заборов».

Прабхупада останавливается перед большим цветущим деревом. Оно всё покрыто пчёлами.

«А ведь оно ещё даёт мёд. Такие деревья очень полезны. Дерево, которое не даёт плодов или цветения, всё равно что человек, лишенный сознания Кришны. Просто стоит. Жизнь впустую».

Дваракадиш и Экендра убегают вперёд, и укладывают плоские камни через ручей, чтобы Прабхупада мог пройти, не замочив ног. Разговаривая так о цветах и деревьях, Прабхупада не сбавляет шага. Он непременно должен замедлиться, поднимаясь вверх по холму. После того, как мы пересекли два мелких ручейка, Агхасура устремляется вверх, извиваясь до самого дома.

«Может быть, вы хотите передохнуть, Шрила Прабхупада», — предлагаю я, показывая на большой плоский камень в тени деревьев.

«Всё в порядке», — отвечает он, дыхание ничуть не сбилось, и он даже не смотрит в сторону предложенного места.

Наконец, прямо на самой верхушке холма, когда до дома уже рукой подать, Прабхупада останавливается. Преданные радуются передышке. Некоторые, включая Киртанананду, тяжело дышат.

«Мы остановились только ради Киртанананды-махараджа», — говорит, смеясь, Прабхупада.

Затем, когда короткий отдых подходит к концу, он снова шагает, не останавливаясь, пока не подходит к дому, где под ивой ему уже сооружена кафедра для чтения лекций.

* * *

После того, как Прабхупада принял душ, мы приносим ему фрукты, мёд и свежее молоко от Калийи. Он садится под ивой, а мы садимся полукругом вокруг него. Дваракадиш и Экендра устраиваются у его ног.

«Я не пробовал лучшего молока, чем это, уже лет 50», — говорит Прабхупада.

Ранандир приводит Калийю и показывает её Прабхупаде. Тот восхищён, однако не стал её гладить.

«У нас в Индии нет таких упитанных коров», — говорит он. – «Раньше были, но сейчас никто их не кормит хорошо. Коровы и зерно – вот как, согласно Ведам, оценивается благосостояние человека».

«Мёд отсюда, неподалёку», — говорит Киртанананда. – «Это тюльпановый мёд. Может быть, на следующий год мы заведём пасеку».

«Тогда у вас по-настоящему будет молочно-медовый рай», — отвечает Прабхупада. – «Таков замысел природы, всё есть для счастливой жизни. Нам не нужны искусственные приспособления. Всё, что нам нужно осознать – это то, что Кришна здесь».

Проходя в сторону амбара, Прабхупада наблюдает за тем, как Ранандир отводит Калию в хлев.

«Вниз по течению ручья есть небольшой водопад», — говорит ему Киртанананда. – «По вашему совету мы назвали его Кеши-Гхат».

«Да», — отвечает Прабхупада. – «А вон тот холм назовите Говардхан».

«Знакомьтесь, это Ревачугги», — говорю я, представляя козу.

«Очень хорошо», — смеётся Прабхупада. — «Взгляните на эти сосцы у неё на шее. Сказано, что человек, который пытается получить

удовольствие от чувств, сравним с тем, кто хочет надоить молока из этих сосцов».

Прабхупада затем как бы между делом рассказывает, что в своей прошлой жизни Ревачугги была магометянином, который убивал коз. Вернувшись к дому, Прабхупада осматривается, оценивающим взглядом окидывает землю, дорогу, холм, ручей, протекающий у его подножия, леса, заросшее пастбище, ещё холм…

«А где-нибудь здесь есть ровное место?» — интересуется он, повернувшись ко мне.

«Боюсь, они все остались в Огайо», — отвечаю я, признавая очевидное. И снова Прабхупада осматривает угодья, как король свои владения.

«Думаю, вы можете выровнять этот участок, взяв землю с холма Говардхан и засыпав всё здесь», — говорит он, указывая на поле около дома. – «Тогда всё будет ровно и красиво».

Открыв рот, мы слушаем Прабхупаду, объясняющего, как выровнять местность.

«Ну, Святой Павел говорил что-то о вере, двигающей горы», — наконец нарушает молчание потрясённый Киртанананда.

«Да!» – соглашается Прабхупада. – «Действуйте!».

* * *

Лаванга-латика, мать Дваракадиша, смиренно приближается к Прабхупаде с серебряной чашкой в руках, наполненной свежей колодезной водой. Волшебным образом ей удаётся поклониться до земли, не расплескав ни капли. Прабхупада принимает воду и пьёт, не касаясь губами посуды.

«Какая сладкая вода! Вот это Кришна. Вот ещё один повод вспомнить о Кришне. Это так легко в Новом Вриндаване. Когда мы пьём свежую воду, мы вспоминаем о Кришне, потому что Кришна – это вкус воды. Мы вспоминаем о Кришне, когда видим восход солнца,

потому что солнечный свет – это сияние тела Кришны. Увидев луну, мы также вспоминаем о Кришне, потому что лунный свет – это отражение света солнечного. Какой бы звук мы ни слышали, мы вспоминаем о Кришне, потому что звук – это тоже Кришна. Даже коровы напоминают нам о Кришне, потому что Кришна известен как Говинда, дающий удовольствие коровам. Сельская местность нам тоже напоминает о Нём, потому что Он говорит, что в Нём – сладкий аромат земли. Когда мы видим цветы весной, это тоже Кришна. Ветра и грозы тоже напоминают нам Кришну. Столько всего, что нам напоминает о Нём, что преданный не может забыть о Его ни на минуту».

* * *

Киртанананда ведёт Прабхупаду вниз по холму к бывшему свинарнику, расположенному под раскидистым клёном. Строение, пустующее уже больше десяти лет, площадью около 15 квадратных футов, сложенное из огромных брёвен — самое крепкое из всех построек. Каменный пол Хришикеш выскоблил с коровьим навозом, для лучшего освещения Киртанананда прорубил окна и затянул их пластиком.

«Вот мои новые апартаменты», — объявляет он.

«Очень хорошо», — улыбается Прабхупада. – «Маленький домик, подобный этому, — прекрасное жилище для *санньяси* и *брахмачари*. Оно прохладное и чистое».

Прабхупада входит и садится на грубо сколоченную деревянную скамью. Он изучающе осматривает бревенчатые стены и крышу. Мы не рассказываем ему, что изначально эта постройка предназначалась свиньям.

«Очень надёжно построено», — говорит он. – «Я заметил, что в вашей стране люди большие специалисты в области строительства. Но пилить древесину – это же большой труд, не так ли? Я вам покажу, как можно строить простые домики из глины. Можно добывать её и камни со дна ручья и построить отличные дома практически бесплатно».

Желая показать Прабхупаде, что процесс распила дерева в Америке очень простой, я достаю бензопилу и начинаю распиливать брёвна, лежащие поблизости.

«Мы можем достичь сердцевины ствола за считанные секунды», — с гордостью заявляю я, заводя пилу.

Прабхупада никогда в жизни не видел бензопилу в действии. Он с интересом наблюдает за тем, как стружки разлетаются в разные стороны. Затем, когда я приступаю ко второму бревну, пила срывается, и несколько зубьев ломаются.

«О нет!».

Пила сломана. Прабхупада смотрит на дымящуюся машину и ничего не говорит. Да ничего и не нужно говорить. Вернувшись на вершину холма, Прабхупада выбирает место под деревом хурмы рядом с домом. Пурушоттам приносит ему пенопластовый мат, и тот садится спиной к холму Говардхан, лицом на восток, глядя вдаль на хребты других холмов.

«Это всё в нашей собственности?» – спрашивает он.

«Нет, Шрила Прабхупада. Нью-Вриндаван заканчивается за ручьём. На той стороне владения соседей».

«Может быть, они продадут нам часть, тогда мы смогли бы построить мост. Как думаешь, Нара-Нараяна? Возможно здесь построить мост?»

«Почему же нет?» — отвечает Нара-Нараяна.

«Имея мост, мы сможем легко передвигаться по всей территории, — или, может быть, — как вы это называете — фуникулёр?».

«Очень даже возможно, Шрила Прабхупада», — говорит Нара-Нараяна. – «Они прекрасно функционируют в горной местности».

«Но мост будет лучше. Не для автомобилей. Просто для прогулок. Тогда многие будут приезжать сюда».

Я смотрю на просеку, сделанную «Уилинг Электрик». С противоположного хребта дорога идёт круто вниз к ручью, затем опять резкий подъём, и снова отвесный спуск. Электрикам пришлось немало попотеть, чтобы протянуть провода сюда.

«С одной стороны, изоляция только на пользу», — рассуждает Прабхупада. – «В Индии есть храмы, достичь которых требует много усилий. В Тирупати, чтобы увидеть Божество, нужно пройти босиком по склону, намного более крутому, чем этот. Но в вашей стране люди не любят утруждаться».

Рёв фургона, спускающегося вниз по холму Говардхан, прерывает наш разговор. Мистер Томпсон помог дотолкать его. Парамананда паркуется перед домом, и преданные вносят багаж Прабхупады: чемоданы, коробки, большой ящик с рукописями и сундучок. Пурушоттам и Девананда устанавливают Божеств Радха-Кришну наверху в небольшой комнате, обитой вишнёвым деревом и отделённой от спальни. Прабхупада может с удобствами наблюдать за церемонией *аратика*, расположившись на новом матрасе, который мы положили просто на пол.

Обычно Прабхупаде больше нравилось отдыхать на матах на полу, нежели на кровати. Так как комната была темноватой, мы принесли несколько напольных ламп. Два небольших окна выходили во двор, где была видна раскидистая ива. Вдоль стены — книжные полки, на которых стояли книги, собранные мной со старших классов школы.

«Это все твои книги?» – спрашивает Прабхупада.

«Много имперсонализма, боюсь», — отвечаю я.

«Возможно. Но это философские книги, и это хорошо. Не какая-то легкомысленная литература. О человеке много можно сказать, ознакомившись с его библиотекой».

Затем, из сотен книг по религии, Прабхупада наугад магическим образом достаёт два тома Шанкары. Это «Брахма-сутры», купленные Киртанананданой два года назад в Индии. Хотя Шанкара – инкарнация Шивы – был несомненным персоналистом, Господь Чайтанья не приветствовал чтение его книг, так как в них уделялось много внимания имперсонализму. То, что Прабхупада достал именно их, было удивительно, так как на корешках не было никаких опознавательных знаков.

«Ты их читаешь?» — спрашивает он.

«Сейчас нет», — отвечаю я. – «Мне они кажутся очень сухими».

«Они такие и есть», — говорит он. – «Они не описывают игры Кришны. Даже Вьясадева был неудовлетворён после написания Веданта-сутры. Мы обсудим это на лекции. Но будьте уверены, что мирская литература никогда не сможет успокоить ум. Литература, не посвящённая Верховной Абсолютной Истине, как бы хорошо она ни была написана, — это пища для ворон. Она только подливает масла в огонь материального существования. Но повторение имен Кришны и чтение о Нём – это *уттама-шлока*, трансцендентное слово, полное значения и жизни».

* * *

Прабхупаде нравится его комната. Оконный вентилятор поддерживает приятную прохладу, и само расположение комнаты делает её удобной для подачи *прасада* из кухни. Мы просим всех соблюдать тишину в доме. Когда Прабхупада работает или отдыхает, вокруг должна царить тишина. Киртанананда готовит Прабхупаде дал и овощные *кичри*, а Хришикеш бегает наверх с горячими *чапати*. Иногда Прабхупада может съесть около пяти штук.

«Киртанананда по-прежнему лучший повар Движения», — говорит он. – «И первый, кто научился».

После обеда Прабхупада отдыхает, и мы передвигаемся по дому на цыпочках, наводя чистоту и приготовляя всё необходимое для

вечерней церемонии *аратика*. Женщины и дети собирают полевые цветы: дикую герань, лютики, папоротник, ароматные флоксы и расставляют их в вазы у алтаря.

Прабхупада спускается вниз за час до захода солнца. Девананда приносит пенопластовый мат и спрашивает, где лучше его положить. Мы предлагаем место под ивой, но Прабхупада вновь предпочитает дерево хурмы рядом с колодцем. Здесь поверхность немного возвышенная, и Прабхупада может удобно устроиться и наслаждаться видом хребта холмов. Девананда устанавливает небольшой читальный столик перед Прабхупадой и кладёт на него томик «Бхагавад-Гиты» и очки, а также последний выпуск журнала «Назад к Богу». Около 15 преданных рассаживаются на траве, окружив Прабхупаду.

«Итак, мистер Экендра, чем же вы занимались сегодня, что так устали?» – Прабхупада спрашивает пятилетнего сына Рупануги, который немедленно прячет лицо.

«Он собирал цветы, Прабхупада», — отвечает Рупануга.

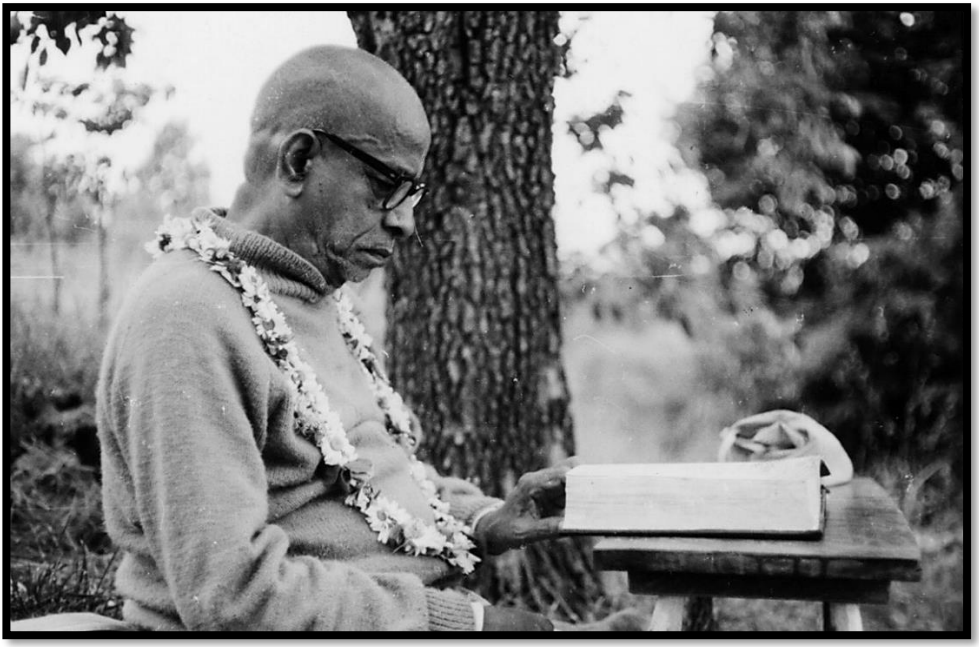
«А остальные?».

«Убирали в амбаре», — говорит Ранандир.

«А вы, мистер Д.Д.Д.? Вы ухаживали сегодня за своими Божествами?».

Дваракадиш краснеет и начинает что-то сбивчиво рассказывать. В присутствии Прабхупады он невероятно стесняется и боится вымолвить слово. Немного понервничав, он оставляет попытку объясниться, — слишком переполнен эмоциями.

«Это хорошо», — говорит Прабхупада с улыбкой. – «Здесь, в Новом Вриндаване, мы можем устать от работы, уборки и так далее, но это только на пользу. Выполняя эти простые дела, мы совершенствуемся. Но делая все это ради удовлетворения чувств, мы теряем время. Если вы трудитесь ради *майи*, вы никогда не будете счастливыми – лишь усталыми и запутавшимися».

Нью-Вриндаван. Любимое место Шрилы Прабхупады, под деревом хурмы.

Слева направо Ришикеш, Ядунандан, Ранадир, Киртананада, Прадьюмна, Таруни, Нара-нараяна, Арундхати, Пурушоттам, Мадху-мангал.

Нью-Вриндаван, дорога Агхасура, фото 1969 года.

Курятник, Нью-Вриндаван.

Прабхупада затем указывает на тот факт, что в нашей стране есть такая возможность – жить на лоне природы и всё ценное время посвящать развитию сознания Кришны.

«*Карми* работают каждый день так много, что у них остаётся лишь немного времени на секс, выпивку и сон. Но такой образ жизни омерзителен. Допустим, сейчас мы зарабатываем 500$ в месяц. Если у нас будет ежемесячно 5,000,000$, мы сможем съедать больше четырёх *чапати* за раз? Будет ли в сутках больше 24 часов, в году больше 12 месяцев, 365 дней? Будем мы занимать больше места на кровати? Хотя вы можете приобрести в собственность всю Западную Вирджинию, это иллюзия, что своё состояние можно улучшить за счёт экономического развития. Те же четыре *чапати*, тот же размер кровати, то же количество времени».

«Большинству американцев жизнь здесь покажется чересчур аскетичной», — говорит Киртанананда. – «Они скорее предпочтут работать в загрязнённых городах».

«Да», — отвечает Прабхупада. – «Это всё из-за вожделения. Как говорится, вожделение движет миром *кармы*. В городах созданы все условия для стимулирования вожделения: все эти кинотеатры, бордели и ночные клубы. Даже увидев, насколько чиста атмосфера здесь, в Новом Вриндаване, горожане откажутся переезжать. Даже Господь Индра, повелитель небесного царства, не желал отказаться от своего скотского образа жизни. Так как Индра совершил один неблаговидный поступок у стоп своего духовного учителя Брихаспати, он был наказан рождением в теле кабана. Когда Господь Брахма спустился на землю и предложил Индре вернуться на трон в небесное царство, он увидел, что тот наслаждается своей жизнью в образе свиньи. "Ты был наказан этим обличьем, потому что согрешил", — обратился к нему Брахма. – "Но я пришёл освободить тебя. Пожалуйста, пойдём со мной". "Нет", — ответил кабан Индра. – "Я не могу уйти. У меня тут столько дел. У меня тут дети, жена, мои друзья, моя страна". Так что, даже если вы пригласите свинью на небо, она откажется. Это называется забывчивостью».

Звук раковины напоминает о том, что пришла пора вечернего *аратика*. Мы следуем за Прабхупадой в алтарную. Во время

церемонии Прабхупада бьёт в *цимбалы*, а мы стоим немного позади. Девананда исполняет обязанности *пуджари*.

Где-то посередине *аратика* Прабхупада приглашает нас присоединиться к танцу. Он танцует сам в ритм цимбал, которые в его умелых руках звенят громко и звук долго слышен в комнате. Перед началом лекции он садится на скромную *вьясасану* у камина. Кафедра представляет собой небольшую платформу из местной древесины, покрытую золотой и фиолетовой тканью. Над ней висит изображения Господа Нрсимхи, разрывающего внутренности Хираньякашипу.

Прабхупада рассказывает о неудовлетворённости Вьясадевы после того, как тот закончил написание «Веданта-сутры». Духовный учитель Вьясадевы, Нарада Муни, посоветовал написать ему об играх Кришны, чтобы достичь счастья. Веды, как убеждал Нарада, призваны освободить человечество от материального бремени, и Вьясадеве, соответственно, нужно написать что-то ещё освободительное. Знающий о деятельности Кришны немедленно освобождается, поэтому прославляй игры Господа. Так Нарада Муни вдохновил Вьясадеву на написание «Шримад-Бхагаватам».

«"Шримад-Бхагаватам" сияет сама по себе», — говорит Прабхупада. – «Как солнцу не нужны светлячки, так и "Шримад-Бхагаватам" не нуждается в комментариях мирских учёных. Когда Вьясадева написал "Веданта-сутру", он думал, что поставил точку в самосознании. Но нет. Он был неудовлетворён. Он не посвятил свой труд непосредственно жизнеописанию Кришны. Конечно, сегодня у Веданты так много ложных комментаторов, как ворон, слетевшихся на священный текст. Чтобы выводы из неё не были неправильно истолкованы, Вьясадева написал прекрасную "Шримад-Бхагаватам"».

После лекции мы спрашиваем Прабхупаду, не желает ли он прогуляться на свежем воздухе и полюбоваться звёздами.

«Почему бы и нет? Пурушоттам, подай мой *чадар*».

Мы выходим вслед за ним в чистое поле за амбаром. Луна ещё не взошла. Млечный путь, прямо у нас над головами, пересекает высь,

слабо мерцая на чёрном атласе небесного свода. Прабхупада смотрит вверх, затем, как капитан, который определяет курс корабля, поворачивается на восток, на запад, затем на север и на юг, как будто он может в любой момент отправить своё судно в одном из этих направлений.

«Здесь нет луны?» — наконец спрашивает он.

«Она появится где-то через час, Прабхупада», — отвечает Пурушоттам.

«Только взгляните на все эти звезды, плавающие в воздухе», — говорит Прабхупада. – «Только в одной этой Вселенной по меньшей мере тридцать три миллиона планет, и их существование как фантасмагория, оно не постоянно. Это как выражение "небесный цветок". Нет в небе никаких цветов. Или, как мы говорим по-бенгальски, "лошадиные яйца". Искать счастье в этом материальном мире так же бесполезно, как ждать, что лошадь снесёт яйцо. Какое же это счастье, когда существует старость, болезни и смерть? Даже если у вас тело полубога, и вы живёте долго, конец один – вы умрёте».

Мы ещё немного проходим вниз по дороге, но Прабхупада останавливается, снова осматривается вокруг, затем поворачивает обратно. Слишком темно, чтобы заходить далеко. Светя фонариками, мы возвращаемся в дом.

«Сейчас, когда Кришна дал вам такое прекрасное место для жизни, у вас есть всё,» — говорит Прабхупада. – «Здесь вам не нужны кинотеатры и ночные клубы. Ночью вы можете любоваться небом, сидеть и слушать о Кришне. Потом выпить немного теплого молока и отдыхать. Кому такое не понравится?».

«Карми», — отвечает Сатьябхама.

«*Карми* вечно будут недовольны. Они постоянно бегают туда-сюда, как в Лос-Анджелесе. Туда-сюда, туда-сюда. Больше денег, больше секса, и всё недовольны. А вам Кришна подарил спокойное место для медитации. Сельская местность находится в *саттва-гуне*,

гуне благости. Как у вас говорят: "Человек создал город, Бог создал деревню". Уже сейчас я вижу, что здесь настоящая атмосфера Вриндавана».

* * *

Я сплю в спальнике на склоне холма. Луна, поднявшаяся над его гребнем, почти полная. Большой ковш спускается на холм Говардхан. Снаружи у амбара кто-то читает *джапу*. Стрекочут сверчки. Свет в комнате Прабхупады потушен. Мне снится Прабхупада. Он читает Харе Кришна, а бессчётное число преданных сидят вокруг и страстно повторяют слова мантры вместе с ним, и гул стоит, как у пчёл в улье. Я вижу стада коров, слышу, как гремят вёдра для молока. Лиц не видно, но слышен смех и топот бегущих ног, и имя Кришны, разносящееся на многие километры вокруг.

Затем я просыпаюсь, я по-прежнему в спальнике, вглядываюсь в тёмный сад и далекие звёзды на небе. И я вспоминаю тот сон, который мне снился в Ананда-ашраме; кажется, это было сто лет назад. Я смотрю на дом у подножия холма. Окна Прабхупады светятся. Несмотря на столь ранний час – два часа ночи, Прабхупада диктует. Я засыпаю снова, и когда просыпаюсь, луна уже готова уйти, преданные в кухне готовятся к *аратику*.

04:00 утра. Мы чистим зубы, принимаем душ, наносим тилаки и надеваем чистую одежду. На церемонии в алтарной на первом этаже нас около 20 человек.

самс̇а̄ра-да̄ва̄нала-лӣдха-лока

Прабхупада стоя ударяет в стальные гонги деревянным молотком. Он не сводит глаз с Божеств, наблюдая, как Прадьюмна предлагает благовония, камфору, воду, платок, веер из павлиньих перьев и метёлку из хвоста яка, водя ими по кругу в воздухе перед Радха-Кришной и Джаганнатхами. Мы повторяем «Шри гуруваштака», написанную Вишванатхой Чакраварти Тхакуром.

маха̄прабхох̣ кӣртана-нр̣тйа-гӣта

После предложений Прабхупада поднимается наверх и там проводит второй *аратик* для своих Божеств Радха-Кришна. Он сидит на новом матрасе, звеня в колокольчик, пока Пурушоттам проводит ритуал предложений. После этого *аратика* Прабхупада в одиночестве вполголоса читает *джапу* в своей комнате.

Преданные ходят вокруг храма, читая положенные 16 кругов, то есть примерно полтора часа непрерывного повторения мантры. Я сижу перед амбаром и, в ожидании первых признаков рассвета, читаю *джапу* в этот тихий, но духовно столь насыщенный предутренний час. Ночь растворяется, уступая солнечным лучам, разгоняющим сумрак. Завтракаем мы кукурузной кашей из смолотой вручную кукурузы, свежим молоком от Калийи и местным тюльпановым мёдом. После завтрака всем раздаются задания. Перед тем, как начать печать ежедневной корреспонденции Прабхупады, Пурушоттам отводит меня в сторону.

«Нам нужно в ближайшее время увидеться с Раярамой», — говорит он. – «Прабхупада очень недоволен последним выпуском журнала "Назад к Богу". Он посреди ночи позвал меня к себе в комнату и надиктовал письмо».

«Даже так?».

«Там много претензий. В одном из номера я брал интервью у группы "Beach Boys", и на снимке один из них курит. В общем, Прабхупаде это не понравилось. Там ещё была какая-то реклама с женщиной. Но хуже всего, по его словам, это изображение Арджуны на обложке, где он в колеснице с Кришной. Кожа у Арджуны коричневого цвета, как у *шудры*. Прабхупада сказал, что вместо того, чтобы выглядеть как чистейший преданный, тот выглядит как демон. Прабхупада немедленно хочет видеть Раяраму».

* * *

Прабхупада прогуливается по двору, наслаждаясь лучами утреннего солнца. Девананда следует за ним и расстилает на земле пенопластовый мат. Прабхупада садится, и Девананда начинает

массировать его с маслом семян горчицы. Пурушоттам в это время записывает письма, которые тут же диктует Прабхупада. После этого мы организуем ему горячую ванну на веранде, подогревая воду в огромных котлах на огне. В полдень Прабхупада созывает всех к себе. Мы собираемся вокруг дерева хурмы, и собрание начинается.

«Здесь, в Новом Вриндаване, только Кришна хозяин», — начинает он. – «В материальном мире каждый стремится к тому, чтобы самому стать хозяином, но здесь всё по-другому. Здесь мы все признаём, что Кришна – хозяин; поэтому мы назвали это место Нью-Вриндаван. Господь Шива, или Брахма, или Вишну, или даже сама Радхарани – все только слуги. Будучи *санньяси*, Киртанананда должен исполнять роль лидера сообщества. *Брахмачарьи*, холостые молодые люди, должны жить под его руководством и следовать его указаниям. *Грихастхи*, семейные люди, должны работать все вместе и половину своих доходов отдавать на развитие и поддержание сообщества. Так как здесь у нас нет *ванапрастх*, — людей, отошедших от деятельности, значит, этот *ашрам* мы пока не рассматриваем. Сейчас нарисуйте мне карту местности», — просит Прабхупада, — «а я вам набросаю план построек – храмов, домиков для гостей, жилых помещений».

«Но нам нужны люди, чтобы всё это строить», — говорит на это Киртанананда.

«На данный момент вам нужно человек 50», — отвечает Прабхупада. – «А в конечном итоге 200, не меньше».

«200?!» — с раскрытыми от удивления глазами спрашивает Киртанананда.

«Ну да», — как ни в чём не бывало отвечает Прабхупада. – «Вам же нужно будет поддерживать столько храмов».

Воцаряется потрясённая тишина. Все обдумывают то, что было сказано. Во взгляде Киртанананды есть сомнения.

«Прабхупада, я даже не знаю, что и думать», — наконец говорит он. – «Недавно здесь были люди из администрации, они сделали

спутниковые фото местности и сказали, что, если должным образом разрабатывать землю, здесь можно держать всего 18 коров. Таким образом, по корове на человека, всего получается 18 человек».

«Не на человека», — поправляет Прабхупада. – «На семью. Понятно, что сразу же вы не сможете обеспечивать себя всем и во всём. Очень много помощи ещё нужно со стороны».

«Мы должны пригласить преданных из других храмов», — говорит Сатьябхама.

«Но у нас не создано никаких условий для их проживания», — отвечает Ранандир.

«Есть амбар», — предлагает Прабхупада. – «Как минимум 10 человек могут жить там. Сначала люди. А удобства приложатся».

* * *

После встречи мы с удвоенным энтузиазмом возвращаемся к своим обязанностям. Мы решаем разослать письма преданным в другие храмы и пригласить их помочь в строительстве Нового Вриндавана. Как только появятся деньги, мы закупим стройматериалы на ремонт амбара. Для аскетичных *брахмачарьев* амбар — это просто роскошные апартаменты. Прабхупада хочет увидеть всю территорию и поднимается на вершину Говардхана, откуда открывается вид на заросшие лесом холмы и зеленеющие пастбища в долине реки Огайо.

«Здесь ты можешь построить для себя домик и в тишине и покое работать над рукописями и статьями. Никто тебя не будет беспокоить. Медитация в лесу – это не наш метод. Наш метод – проповедь. Издание книг о Кришне – самый долгоиграющий способ проповедования, а тот, кто рассказывает другим о Кришне более всего дорог Ему».

«Вся эта община может стать прекрасным примером проповедования», — говорит Киртанананда.

«Да, так и должно быть», — соглашается Прабхупада. – «Это тоже форма проповеди. Мы так и говорим: "Взгляните, как счастливы

вы можете быть, сделав Кришну центром своей жизни". И это тоже "Бхагавад-Гита"».

Мы спускаемся с Говардхана и идём по задней дороге, ведущей к озеру.

«Эта дорога немного крута», — говорит Киртанананда, — «но зато местность прекрасна». Прабхупада проходит немного по дороге мимо зарослей ежевики, тополей и акации. Достигнув участка, который преграждает разросшаяся лоза, он останавливается.

«Это же джунгли», — говорит он. Мы начинаем прорубать проход.

«С другой стороны чисто, Прабхупада», — говорю я.

«Нет», — отказывается тот идти дальше. – «Там джунгли. Давайте повернём обратно».

*** * ***

Перед вечерним *аратиком* устраивают огненную *ягью*. Ранандир, Парамананда и Девананда получают чётки *брахманов*, символизирующие перерождение в сознании Кришны.

«*Брахман* означает чистый изнутри и снаружи», — объясняет Прабхупада. – «В Индии на берегах Ганга мы иногда видим, как некоторые *йоги* даже могут через рот извлечь свои внутренности, омыть их в воде и вернуть на место. Но кому по большому счёту под силу подобные гимнастические упражнения? Быть *брахманом* означает быть правдивым и чистым душой и телом. И терпимым». Прабхупада подчёркивает, что в этот век *Кали*, век всеобщей деградации, люди стали нетерпимыми, что ведёт к частым ссорам. Им всем не хватает качеств *брахмана*. В эту эпоху все рождаются *шудрами*», — говорит он. – «Родители не зачинают детей с *брахманскими* качествами, потому что они не проводят соответствующий обряд *гарбхадана* перед половыми отношениями. Сегодня родители воспринимают секс как игру в прятки, ничего такого. А потом удивляются, как это у них получаются такие дети».

«Как можно определить, что человек – *брахман*?» – спрашивает Хришикеш.

«По качествам», — отвечает Прабхупада. – «От рождения все – *шудры*. Нужно обращать внимание на качества».

Затем он рассказывает историю о мальчике, который пришёл к великому мудрецу Готаме за инициацией.

«Как зовут твоего отца?» – спросил Готама Риши.

«Я не знаю», — ответил мальчик.

«Иди спроси свою мать».

Мальчик пошёл к своей матери, и она так ему ответила: «До твоего рождения я была очень глупая, и любила многих мужчин. Я не знаю, кто из них твой отец».

Мальчик вернулся к мудрецу.

«Так что сказала твоя мать?».

«Она была проституткой, поэтому она не знает его имени».

«О!» – воскликнул мудрец. – «Ты правдив, я вижу. Ты *брахман*. Я тебя инициирую».

«Так что *брахманы* существуют во всём мире. Их надо искать», — говорит Прабхупада. – «Вы, американские ребята, выказываете терпимость, принимая культуру, не знакомую вам с рождения. Я прошу вас: "Не курите, не пейте", — то есть откажитесь от того, к чему вы привыкли. И вы слушаетесь. Вот это терпимость, — качество *брахмана*».

Он ещё раз подчеркивает, что терпимость и терпение — это два качества, которые способствуют прогрессу в сознании Кришны.

«Иногда приводят пример с молодой женой», — говорит Прабхупада. – «С первого дня в браке женщина ждёт: "Когда же я забеременею?" Время идёт, она всё не беременеет, но так как она замужем, то ясно, что рано или поздно ребёнок появится. Это очень хороший пример. Поэтому, если вы инициированы и встали на путь *бхакти-йоги*, вы задаётесь вопросом: "Когда же наступит тот день, когда сознание Кришны полностью проснётся в моём сердце?" И проходит много дней, и вы начинаете беспокоиться, и возможно даже наступает момент отторжения, но так как вы уже в процессе, то обязательно наступит тот день, когда вы увидите Кришну, когда вы будете полностью сознавать Кришну и достигнете абсолютного счастья».

* * *

Очень быстро Прабхупада подстраивается под распорядок дня Нового Вриндавана, или, более правильно, распорядок дня Нового Вриндавана подлаживается под режим Прабхупады.

Вся жизнь его, независимо от места пребывания, вращается вокруг Кришны. Он диктует рано утром, дремлет после утреннего *аратика*, потом гуляет и наслаждается массажем, затем *прасад,* после – ещё диктовка и встречи с учениками, днём обычно отдых, ещё встречи, или диктовка писем, или прогулка и лекция, *даршаны*, снова диктовка до поздней ночи, переходящей в утро, и снова *мангал-аратик*. Так и проходят его дни, счастливо, без устали.

26 мая. Днём после отдыха Прабхупаду навещает мистер Макинтайр, юрист из Уилинга, который помогал Хришикешу избежать призыва во Вьетнам, получив статус религиозного деятеля. Мистер Макинтайр молод, у него либеральные взгляды, и он уже добился успехов в адвокатской практике. Он читал «Бхагавад-Гиту» Прабхупады.

Прабхупада объясняет систему *варнашрамы-дхармы*: «*Брахманы*, не должны сражаться. Это долг *кшатриев*, воинов, подобных Арджуне. Только сражаясь, Арджуна мог достичь совершенства, а никак не выполняя обязанности *брахмана*. Каждой

касте предписана своя деятельность. Сейчас, когда Хришикеш получил чётки *брахмана*, он собирается просить освобождения от призыва на фронт».

Макинтайр соглашается: «Да, согласно всем критериям, он монах».

Прабхупада начинает обсуждение ведического закона, изложенного тысячелетия назад в «Ману-самхите»: «В нём сказано, что убийца заслуживает смертельного приговора, чтобы в следующей жизни он не страдал от *кармы* своих грехов. Поэтому, когда царь вешает убийцу, тому это только во благо».

Макинтайр напоминает, что в истории стандартной практикой наказания была одобренная государством жестокость — «Око за око».

«Но это не настоящая жестокость», — поправляет Прабхупада. – «Душу нельзя убить. Да, так называемая жестокость в осуществлении справедливости допускается. Конечно, мы не можем убивать из прихоти. На самом деле, у нас у нас нет права убивать даже муравья. И в любом случае, это не долг *брахмана*. А то, что происходит сейчас во Вьетнаме, это собачьи бои. Типичные войны века *Кали*».

Мистер Макинтайр говорит, что многие американцы рассматривают войну во Вьетнаме как попытку восстановить справедливость и поэтому считают её вполне достойным занятием.

«А что такое справедливость?» – спрашивает Прабхупада. – «Мы зовём справедливость *кармой*. Восстанавливать справедливость не нужно. Она присутствует автоматически. Делайте добро, пожинайте хорошие результаты. Творите зло – страдайте. Вам не нужно даже искать страданий. Материальная природа – госпожа *Майя* – сама вам их предложит. Конечно, для поддержания порядка в обществе государство должно выработать систему поощрений и наказаний. Но государство не безупречно. Случается, преступник остаётся ненаказанным, а невинный человек оказывается неверно осуждённым. Но госпожа *Майя*, действуя по указанию Кришны, ошибок не допустит. Результатов *кармы* не избежать. Живёшь, как собака, — в

следующей жизни получишь тело собаки. Ешь мясо – станешь тигром. Не представляешь жизни без секса? Пожалуйста, родитесь в теле кролика или голубя. Повторяя же мантру Харе Кришна, вы получите вечное прекрасное тело, подобное Кришне. Так что вы, конечно, можете стремиться к справедливости, но на самом деле справедливость рядом с вами, никуда за ней идти не нужно».

Мистер Макинтайр уходит и спускается вниз по Агхасуре в поисках своего пса, огромного далматинца.

* * *

Весь в грязи, он возвращается ни с чем и сокрушается: «Он ведь раньше никогда не убегал!».

В конце концов собака находится в поле, где она счастливо гоняется за сурками.

«О! Потерялась собака!» – Прабхупада смеётся, когда Киртанананда рассказывает ему об этом случае. – «Это милость Кришны. У этого адвоката такая привязанность к своей собаке! Сейчас он эту привязанность может направить на Господа, на Кришну. Да и вообще, собаки никогда не теряются. Теряются люди».

* * *

Мы с удивлением наблюдаем, как к нашему дому по задней дороге шагает мистер Фостер со своей «Козьей фермы».

«Слышал, ваш Свами приехал», — говорит он. – «Вот я и подумал, что неплохо было бы перекинуться с ним парой слов».

Фостер поднимается в комнату Прабхупады. Мы приносим ему стул, чтобы не сидеть на полу. Узнав, что гость – тот человек, который сдаёт нам землю в аренду, Прабхупада отправляет Пурушоттама на кухню за лимонадом и *качори*.

«Мне говорили, что вы решили основать ашрам, духовную общину» — начинает Прабхупада.

«Ну да, таков мой план», — отвечает Фостер.

«Тогда вы должны помочь этим ребятам в строительстве Нью-Вриндавана. Здесь ещё столько работы!».

«Да, я понимаю, но видите ли, моё намерение — сделать общину открытой для всех искателей истины, на всех уровнях. Не только ваше поклонение Кришне. Я имею в виду, это же всего одно учение, и не то, что придётся по вкусу абсолютно каждому».

«А ничего и не приходится по вкусу каждому», — говорит Прабхупада.

«Мм-м… В общем, я думаю остаться при своём. Не хочу закрывать все двери. Закрыв дверь, вы блокируете доступ знания. На протяжении многих лет я обдумывал это, встречал многих бродящих по дорогам к истине…».

«Всего одна вещь», — прерывает его Прабхупада.

«Какая же?».

«Вы должны понять, что в этом материальном мире каждый стремится стать Богом».

«Вот как?»

Фостеру становится явно неуютно. На «Козьей ферме» он уже всем сказал, что он сам Господь Бог.

«Да, все хотят подражать Кришне», — говорит Прабхупада. – «Каждый хочет доминировать, быть хозяином. Отсюда на всех бремя материальной жизни, страданий и смерти. Это первопричина нашего сегодняшнего состояния, нашего безумия».

«Подождите-ка», — Фостер аж краснеет. – «Вы хотите сказать, что эти перечницы-солонки спасут вас от смерти?».

Перечницы и солонки? Наконец до меня доходит, что это он так окрестил Божеств Джаганнатхи. Если Прабхупада и заметил неуважение, он не подал виду.

«Никому не избежать смерти», — отвечает он. – «Она ждёт всех, на всех планетах. Наша забота — наше сознание в момент смерти. Состояние нашего разума определяет нашу следующую форму тела».

«Но можно освободиться уже в этой форме», — возражает Фостер почти со злорадством. – «И вы увидите вселенную такой, какая она есть. Такой, какой вы её создали».

«Что вы создали?» – интересуется Прабхупада.

«Мой мир».

«Ваш мир?» – Прабхупада, улыбаясь, качает головой. – «Вот она, наша болезнь. Мы все заявляем о владении чем-то. Моя земля, моя жена, мои дети, мой дом, мой мир. Каждый стремится стать хозяином. Стать Богом. Это безумие. Кругом сумасшедший дом».

«Но вы же не знаете, что я вкладываю в понятие "мой"», — Фостер непреклонен.

«Неважно. Вам никогда не стать Богом. И это нужно понять. Вы можете стремиться к этому годами, веками, на протяжении миллионов жизней, но вы так и будете разочарованы. Я говорю вам правду. Если бы я вас обманывал, я бы так и сказал: "Да, вы можете быть Богом, пожалуйста, заплатите такую-то сумму, получите мантру и вы тотчас станете Господом". Выходя от меня, вы подумаете: "О, Свамиджи – великий *гуру*!" Обманщики и обманутые. Но я вам такого не говорю. Я вам говорю, что вы никогда не станете Богом, что вы будете страдать и страдать, пока не поймёте, что только Бог, Кришна, и есть единственный Господь, а вы – Его вечный слуга. И не только вы лично – это относится ко всем. Понимание этого факта – вот истинное знание. Всё остальное – обман».

Фостер чуть не подавился *прасадом* от такого заявления. Отговорившись, что его ждут, он извиняется и в спешке нас покидает.

Прабхупада ещё раз приглашает его принять участие в строительстве Нового Вриндавана. Молча проглотив гнев, Фостер быстрым шагом спускается вниз по дороге, игнорируя попадающихся ему навстречу преданных.

«По-моему, он оскорбился», — говорит Киртанананда Прабхупаде.

«Потому что мы не солгали ему?» – Прабхупада печально качает головой. – «Ты только посмотри. Такой человек всю жизнь тяжело трудится, зарабатывая деньги, и всё равно остаётся неудовлетворённым. Несмотря на это, он хочет, чтобы его дети и внуки последовали его примеру. Хотя у него есть опыт осознания того, что такой образ жизни не приносит счастья, что он по сути не удовлетворён, он тем не менее заставляет своих детей жевать уже прожёванное».

«Я пытался разговаривать с ним о Кришне несколько раз», — говорит Киртанананда. – «Он не хочет понять. Да, он читает некоторых философов, имперсоналистов, но он не желает слышать о Кришне как о личности».

«Никому не интересно узнать о лотосных стопах Верховной Личности», — констатирует Прабхупада. – «Если бы людям было интересно, они были бы освобождены от этого существования в материальном мире».

«Ну, мистер Фостер на это бы сказал, что он здесь временно, и что после того, как он оставит тело, он станет Богом снова».

«Если он – Бог, как же он стал обусловленным? Как так случилось, что он оказался в этом несовершенном материальном теле, в иллюзии? Неужели иллюзия сильнее Бога? Спросите его об этом. Логично убедите его в сознании Кришны увидеть красоту и присоединиться к нам».

«Я пытался», — отвечает Киртанананда.

«*Ачча*! Тогда хотя бы продолжайте угощать его *прасадом*. Уже это окажет ему неоценимую помощь».

* * *

После нескольких лет затишья, ко мне с удесятерённой силой возвращается аллергия на пыльцу. Я начинаю невыносимо кашлять и чихать, по мере того как оживают всё новые и новые растения. Мне уже мало дюжины носовых платочков. Глаза постоянно чешутся. Во время острых приступов чихания я абсолютно беспомощен.

«Триада несчастий подстерегает каждого», — говорит Прабхупада. – «Избегаешь одного – на тебя немедленно нападает другое. Это так называемая *адхибаутика* – несчастья, вызванные другими живыми существами. Есть ещё *адхьятмика* – несчастья, происходящие от ума и тела. И наконец, *адхидайвика* – несчастья, источник которых – природные катастрофы, такие как землетрясения и торнадо».

«Это природное бедствие», — говорю я.

«По мне, так это больше смахивает на *адхьятмика*», — высказывается Киртанананда.

«Нет», — чихая, возражаю я. – «Это аллергия на пыльцу. Я как-то проходил обследование».

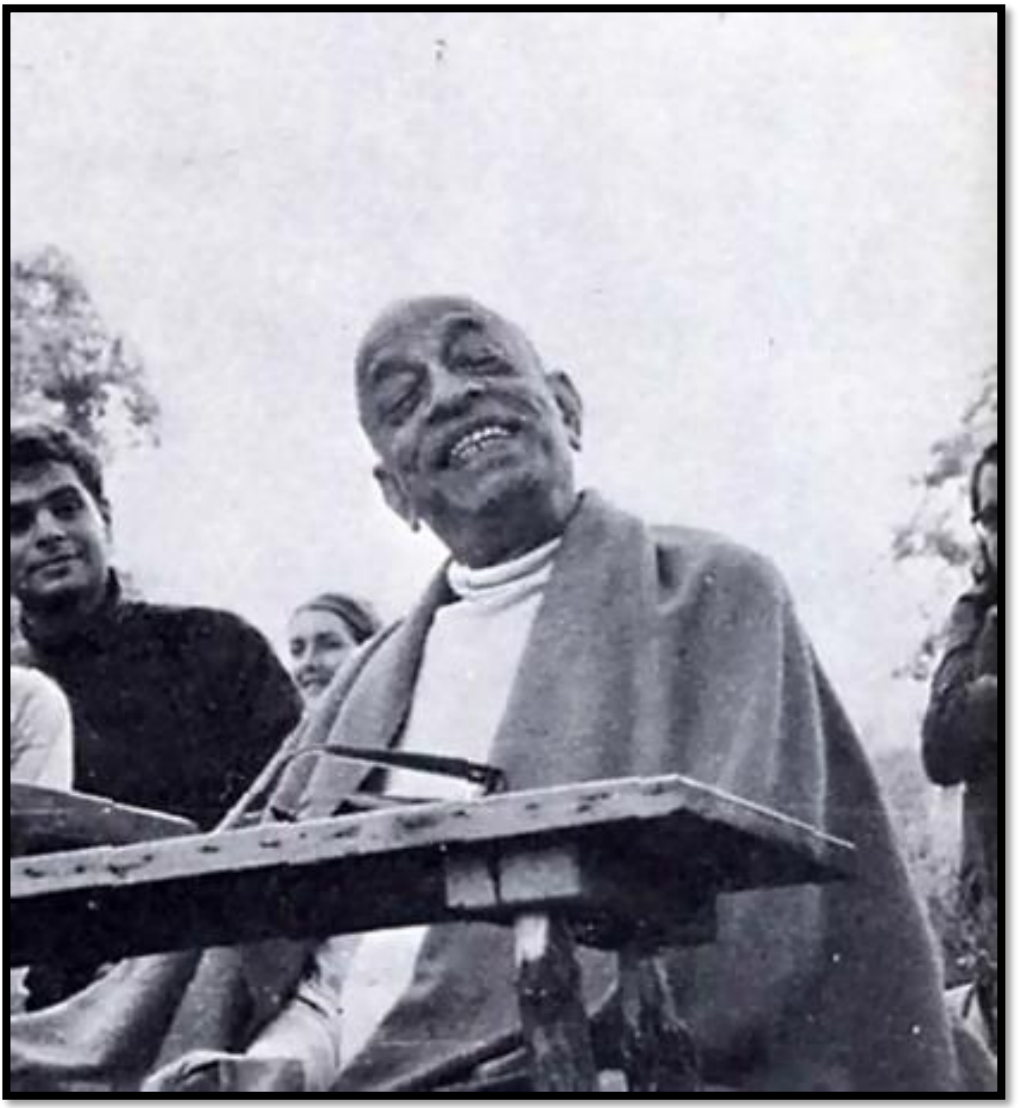
«По-твоему, это пыльца на тебя нападает?» – спрашивает Прабхупада.

«Именно! Это *адхибаутика*. Несчастье, вызванное другим живым существом».

Прабхупада смеётся. «Но ведь это нелепо!» – говорит он. – «Почему же пыльца нацелилась только на тебя? Почему не на других?».

Сквозь слезы я смотрю на Прабхупаду. Это правда. Никто больше не страдает от аллергии.

«Не знаю. Может, у них нет аллергии».

Обворожительная улыбка Шрилы Прабхупады, Нью-Вриндаван, 1969г.

И снова Прабхупада смеётся: «Из всех здесь присутствующих – почему именно ты?».

В какой-то момент мне кажется, что всё это состояние существует лишь в моём воображении, но очередной приступ чихания возвращает меня к реальности. Прабхупада просит Девананду подать его чемодан. Оттуда он достаёт небольшую коробочку.

«Вот, возьми. Когда почувствуешь дискомфорт, возьми щепотку и занюхай».

Я так и делаю, что вызывает новый приступ чихания. Я сижу наконец обессиленный, но такое ощущение, что вся слизь наконец ушла из моей головы.

«Когда ты раздражён», — продолжает Прабхупада, — «просто прими это. Это поможет. Но никогда не думай, что на тебя что-то нападает».

Он снова разражается смехом, и неожиданно, представив себе картину, как меня атакуют полчища цветов и травы, я тоже громко смеюсь.

* * *

«Вы так не устаёте, когда живёте на свежем воздухе, как вы устаёте, проводя большую часть времени в закрытых помещениях», — говорит Прабхупада, шагая по дороге к источнику, протекающему прямо у подножья холма Говардхан. – «Чистый воздух и коровье молоко сделают вас очень здоровыми».

Киртанананда срывает нежные верхушки растения чернильной ягоды, растущей около амбара, режет их и тушит в масле для Прабхупады.

«Очень вкусно» – хвалит тот. – «Смотрите: растения только и ждут, чтобы их сорвали. Вы можете жить подобно Госвами. Они жили, питаясь только теми плодами, которые падали с дерева, и спали на

земле под деревьями, подложив руки под голову, что заменяло им подушку. Они носили только ту одежду, которую им отдавали, и всё время посвящали сознанию Кришны».

Проходят майские дни, — долгие, прекрасные, лишь изредка омрачаемые грозовыми дождями, и Прабхупада постепенно строит свою общину, предлагая идеи, планируя, и даже разрабатывая конструкцию двухколёсной телеги, в которую можно запрягать лошадей для работы.

«С такой телегой», — поясняет он, показывая мне рисунок, — «вы можете с меньшими трудностями передвигаться вверх и вниз по дороге: лошадям будет легче её тянуть».

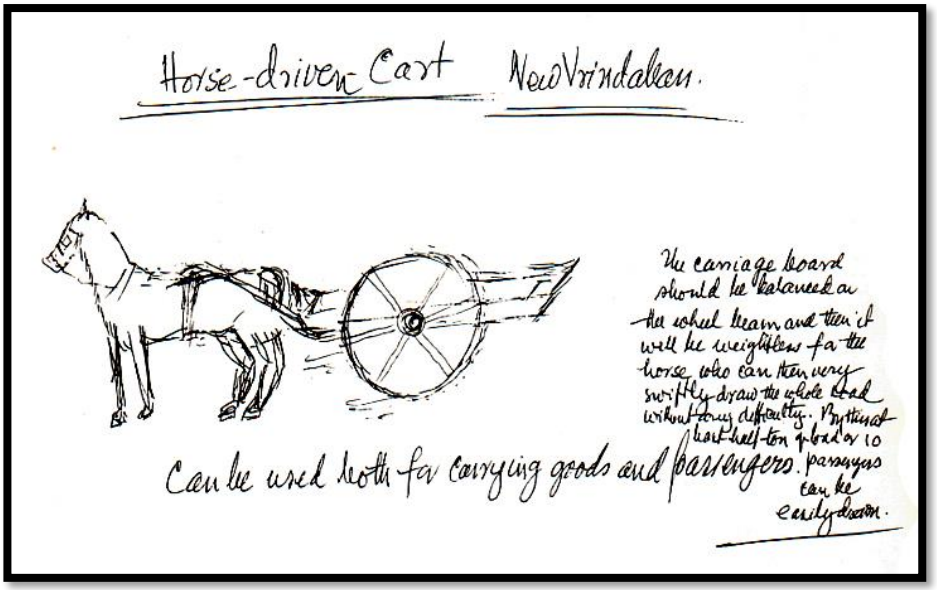

Рисунок сделанный Шрилой Прабхупадой

Я изучаю эскиз. Такая телега намного проще, чем наш фургон, который сейчас к тому же в ремонте.

«*Карми* не захотят в Нью-Вриндаван», — говорит Прабхупада. – «Они скажут: "Ой, здесь столько проблем!! Никаких удобств, нет туалетов и водопровода". Но преданным он покажется райским местом. Когда ты находишься в сознании Кришны, мир покажется

чудесным, лишённым проблем местом. Почему? Потому что вы нашли прибежище у Кришны».

* * *

В первую неделю июня приезжает Раярама, вызванный из Нью-Йорка письмом Прабхупады, в котором тот критиковал выпуск журнал «Назад к Богу».

«Арджуна похож на обезьяну», — выговаривает ему Прабхупада, сотрясая журналом перед его носом, а затем бросая его на стол, чтобы все видели. – «Кто нарисовал так? Кто позволил это?».

«Рохини даси», — отвечает Раярама. – «Новая девушка. Она не знала. Она думала, что он так же темнокож, как большинство индийцев».

«Большинство индийцев???» – потрясённо вопрошает Прабхупада. – «Она приравнивает Арджуну к большинству индийцев??? К *шудрам*??? К обезьянам? Он был великим *кшатрием*, великим преданным, а она изобразила его похожим на демона с огромными усами и тёмной кожей».

«Она не знала», — оправдывается Раярама. – «Ну и вообще, он же не чернокожий, у него коричневый тон лица».

«Но Арджуна не такой. Он самый возвышенный друг Кришны, лидер великой династии, великий полубог по сегодняшним стандартам. Мужчин, подобных Арджуне, больше не существует».

«Но девушка не знала», — повторяет Раярама. – «Она скопировала с каких-то других изображений, выполненных другими художниками».

«Кем?» — спрашивает Прабхупада. – «Какой негодяй посмел изобразить Арджуну похожим на *шудру*? Никогда вы не найдёте такого его описания в авторитетных книгах. Почему вы не пришли ко мне? Почему приняли за образец работы какого-то мерзавца, завистника Арджуны?».

«Но, Прабхупада, я не знал. Это точно не было сделано нарочно. Мы можем напечатать извинения и исправления, если вы хотите».

«Вы не знаете, девушка не знает. Никто не знает. Но вы редактор нашего журнала. Это ваша обязанность знать или консультироваться».

Шаг за шагом Прабхупада заставляет Раяраму признать вину за инцидент. Прабхупада также критикует ещё несколько моментов: рекламы с сексуальным подтекстом, политические статьи, фото участников группы «Beach Boys», курящих сигареты: «Что они знают о сознании Кришны? Они авторитеты, что сидят, покуривают и рассуждают о сознании Кришны? Для чего печатать их мнение?».

Раярама после встречи выглядит очень бледным и измотанным. Он стоит снаружи под ивой, как будто в трансе. Такое ощущение, что его душу вынули, встряхнули как следует и забросили обратно в тело. Он ненадолго задерживается – только чтобы выпить лимонаду, а затем спешно отбывает в Нью-Йорк.

«Я думаю, тебе и Сатсварупе нужно будет заняться журналом», — говорит Раярама перед отъездом и затем, — «Не понимаю, почему Прабхупада так расстроился из-за одной ошибки. Как будто мы распространяли философию *майавади*».

«Может, здесь всё гораздо серьёзнее…» — ответил Прадьюмна. – «Может быть, Арджуна почувствовал себя оскорблённым…».

Никто не знал, что и сказать. Когда преданного отчитывают, мы не всегда видим причины, стоящие за этим. Нам такой выговор может казаться незаслуженным, но мы знаем, что Прабхупада видит картину целиком. В конечном итоге, наказание только на пользу преданному. Это лишь скрытая милость Прабхупады.

* * *

Киртанананда просыпается ото сна на холодном каменном полу бывшего свинарника: огромная чёрная змея скользнула по его выбритой голове. Она всползает по стене и устраивается на подоконнике.

«Может быть, это мокасиновая змея», — предполагает изумленный Киртанананда.

«По-моему, обычный безобидный чёрный полоз», — говорю я.

«Веды советуют убивать всех змей», — отвечает он.

И, вооружённый авторитетом Вед, он отважно хватает змею за хвост и с размаху бьёт её о камни. Останки он выбрасывает в кусты.

«В Ведах сказано, что святые люди испытывают восхищение в момент убийства змей», — поясняет он.

«Но это было безобидное существо» – протестую я.

Мы идём за советом к Прабхупаде. Была ли необходимость убивать змею?

«Все змеи опасны», — говорит он. – «Если они ползают по дому, их нужно убивать».

«Но я считал, что все живые существа священны» – говорю я.

«Может быть», — отвечает Прабхупада. – «Но корова даёт молоко, а змея – яд. Разве не видно разницы? Дающий яд, согласно Ведам, должен быть убит. Но корова-мать достойна заботливого ухода в стойле и на пастбище. Одно из существ завистливо и всегда готово укусить. Другое – дружелюбно – она всего лишь ест траву и даёт молоко на изготовление масла и сыра. Да, они оба живые существа, но их качества различны».

* * *

4 июня. Из Нью-Йорка на инициацию к Прабхупаде приезжает молодая пара, Билл и Инесс. Они оба – студенты Университета Буффало, и на обоих огромное влияние оказали вечерние классы по *бхакти-йоге*, которые давал Рупануга. После инициации Билл получает имя Бхагаван даса, а Инесс становится Кришна-бхамани.

«Как только вы слышите эти звуки – Харе Кришна», – говорит им Прабхупада, — «вы сразу же вспоминаете о Кришне, о Его беседах в "Бхагавад-Гите", Его форме, качествах и играх. Всё предстаёт перед вами, как только вы вспоминаете. Поэтому мы повторяем Харе Кришна: чтобы помнить и оставаться неосквернёнными. Если мы забываем Кришну, велика вероятность осквернения».

Бхагаван дас и его жена внимательно слушают. Прабхупада продолжает. Он как будто внутренне улыбается.

«Во время рождества в Лос-Анджелесе мне сделали прививку от Гонконгского гриппа», — рассказывает он. – «Хаягрива настаивал, потому что в это время началась эпидемия. Так знайте, этот мир – не что иное, как Гонконгский грипп. *Майадеви* всегда готова к нападению, и мы должны сделать эту прививку сознанием Кришны, принять эту вакцину Харе Кришна, принесённую Господом Чайтаньей, чтобы истребить Гонконгский грипп материального сознания. Если вы повторяете Харе Кришна, вы будете постоянно помнить о Нём. Когда вы достаточно продвинетесь, вы будете видеть только Кришну. Увидев дерево – вы в действительности будете видеть Кришну, вы просто не будете замечать форму дерева. Как только вы хорошо ознакомитесь с сознанием Кришны, вы узнаете, как работают Его энергии. Поэтому вы будете с состраданием относиться ко всем живым существам. Это универсальное видение, всеобщая любовь. Если вы любите Кришну, в вас будет всеобщая любовь. А иначе это всё только пустые разговоры».

После инициации мы проводим *аратик*, и Прабхупада даёт свою традиционную вечернюю лекцию, в которой он говорит о *санньясе* и различных стадиях отречения.

«Существует четыре стадии», — говорит он. – «На первой *санньяси* живёт в домике неподалёку от своей деревни. Он не ходит к себе домой, еду ему приносят оттуда. На второй стадии он спрашивает себя: "Зачем оставаться здесь? Весь мир – мой дом". Поэтому он пускается в странствия и живёт подаянием. В Индии с этим нет никаких проблем, потому что там любой подаст *санньяси*. Даже предложат крышу над головой. Таким образом, *санньяси* идёт от одной

деревни до другой. Достигнув третьей стадии, он думает: "Почему я должен принимать милостыню от людей? Я должен тоже что-то отдавать". Так он начинает распространять знание вместо того, чтобы его накапливать. Наконец, на последней стадии он достигает опыта в духовном знании и находится над материальной скверной. Эта стадия называется *парамахамса*, так как, подобно *хамсе*, лебедю, он может постичь суть космического проявления – Кришну. *Парамахамса* знает, что Кришна – центр всего сущего, причина всех причин. Все преданные Кришны — *парамахамсы*. Мы учим людей, как стать *парамахамсами* немедленно, достичь высшей *санньясы*, путём повторения Харе Кришна».

* * *

Той ночью я сплю в пристройке. Звук раковины, возвещающей начало *аратика*, будит меня. До моего слуха доносятся мантры, призывающие каждого прийти и посмотреть на прекрасную церемонию *аратика* Радхи и Кришны. Я спешу искупаться и одеться. После *аратика* Прабхупада садится в своей комнате наверху и поёт *бхаджаны*, аккомпанируя на фисгармонии. Он подзывает меня и просит установить магнитофоны, так как он хочет сделать новую запись, добавив *мридангу*. Он читает молитвы «Чинтамани» из «Брахма-самхиты», восхваляющие Кришну, и поёт волнующие «Парама Каруна», «Бхаджа бхаката», и «Удило Аруна» – песни, в которых выражается стремление великих *бхакт* к Кришне.После этого он говорит мне, что Раяраме нужна помощь с журналом.

«Он не может принимать всех решений», — объясняет он. – «Ему нужно советоваться с вами и Сатсварупой. Это нетрудно. Просто повторяйте, что вы услышали. Когда мой Гуру Махарадж отбирал статьи для журнала "Гармонист", он, если видел, что автор несколько раз использовал слова "Кришна" или "Чайтанья", давал добро на публикацию: "Хорошо, публикуйте это. Он столько раз написал "Кришна" и "Чайтанья!"».

«Мы всё ещё не уверены, что знаем о Кришне достаточно, чтобы писать» – отвечаю я.

«Неважно, — может быть, вы недостаточно хорошо произносите слова на санскрите, вы можете называть меня "*гуру*" или "*го*" — хозяин коров. Но я знаю, что вы хотите этим сказать. Точно так же, если книга посвящена описанию игр Кришны, она для лебедей, даже если и написана на ломаном языке. А если она не имеет никакого отношения к Кришне – это чтиво для ворон, как бы хорошо она не была написана».

«Но вы же сказали, что журнал должен быть похож на "Тайм", чтобы он был понятен всем людям, что мы должны связать имя Кришны с современными идеями и событиями».

«Да, вы можете так делать», — отвечает он. – «Но убедитесь, что Кришна — в центре внимания. Проблема сейчас во всех этих отраслях знания. Люди изучают всё и вся, и каждому кажется, что его сфера – самая важная. Люди коллекционируют книги, гигантские библиотеки наполнены невероятным множеством томов, посвящённых мирскому знанию, столько тратится времени и денег на это. Но вовсе не нужно читать много книг. Это даже, на самом деле, нежелательно. Нужна только одна книга».

Прабхупада, в связи с этим рассказывает историю о *брахмане,* которому духовный учитель наказал читать по три главы «Бхагават-Гиты» каждый день.

* * *

К несчастью, *брахман* был совершенно не обучен грамоте. Но, следуя указанию, он каждый день, сидя в храме, перелистывал одну за одной страницы «Бхагавад-Гиты». Видя это, многие его друзья, зная о том, что он не умеет читать, посмеивались над ним. Но смиренный *брахман* мирился с этими подшучиваниями и продолжал листать книгу.

Когда Господь Чайтанья заметил это, Он посочувствовал *брахману* и обратился к нему со словами: «Мой дорогой *брахман*, что вы читаете?».

Видя, что перед ним возвышенная личность, *брахман* ответил: «Мой духовный учитель порекомендовал мне читать каждый день по

три главы из "Бхагавад-Гиты", но я неграмотен, что ещё мне остаётся делать, кроме как сидеть и перелистывать страницы?».

«Но я замечаю иногда, что вы плачете», — продолжал Господь. – «Вероятно, вы что-то понимаете. Как это возможно?».

«О да, я понимаю!» – ответил *брахман*. – «Когда я открываю книгу, я вижу картинку с изображением Кришны и Арджуны. Арджуна сидит в колеснице, а Кришна рассказывает ему "Бхагавад-Гиту". Меня очень трогает тот факт, что Господь стал возницей у Своего преданного. Когда я вижу, что Господь стал слугой Своего слуги, меня охватывает экстаз, и я не могу сдержать слёз».

Чайтанья Махапрабху немедленно обнял *брахмана* и сказал: «Ваше прочтение "Бхагавад-Гиты" совершенно».

* * *

«Вот оно, совершенство *йоги*», — говорит Прабхупада. – «Размышления о деяниях Кришны и Арджуны. Вам не нужны учёные степени, чтобы читать "Бхагавад-Гиту". Если вы поймёте хоть одну шлоку, один стих, и будете медитировать на него, это уже считается совершенной медитацией. Но нет. Люди должны накапливать и читать сотни книг, перескакивая с темы на тему, как вороны с одной мусорной кучи на другую. Поэтому так важно получать знания из правильного источника и стремиться понять его. Вот что значит хорошо слушать».

«То есть, по большому счёту, академическое образование – это помеха?» – спрашиваю я. – «Весь образ мыслей нужно будет перестроить?».

«Да», — отвечает Прабхупада. – «Материальные квалификации превращаются в недостатки, если они помогают нам забыть о Кришне. Но те же самые квалификации могут стать замечательным подспорьем, если использовать их в служении Кришне. Например, в школе вас научили читать и писать. А сейчас вы можете использовать эти навыки, чтобы заработать денег для удовлетворения чувств или для продвижения в сознании Кришны. Вам решать. Но, как правило, под влиянием образования люди всё больше и больше привязываются к

материальному миру. Им не хватает руководства. Для этого мы и основали наше общество. Мы приглашаем всех: и образованных, и необразованных. Гаура-кишора не мог даже написать своего имени, но он был настолько возвышенной личностью, что мой *Гуру* Махарадж принял его как своего духовного учителя. Трансцендентное знание открывается тем, кто испытывает непреклонную любовь к Кришне и духовному учителю. Не обязательно быть учёным или даже уметь читать. Знание откроется с помощью духовного учителя, который есть милость Кришны».

* * *

Сатьябхама и Шьяма даси инициируют покупку стиральной машины. Они очень убедительно аргументируют необходимость этой покупки, так как стирка вручную у ручья отнимает много времени и сил, которые можно было бы направить на служение Кришне, в то время как бельё стирает стиральная машина. Мы соглашаемся выделить 50$ на неё, и Парамананда покупает подержанную машинку марки «Мэйтэг» в Уилинге. Так, как и телега, и фургон в ремонте, Парамананда, Хришикеш, Ранандир и Чайтанья-дас несут машинку на импровизированных носилках около четырёх километров по размытой дороге. Когда они наконец добираются до дома, Прабхупада впечатлён.

«Это называется *угра-карма*», — говорит он. – «В "Бхагавад-Гите" о ней говорится. Это очень тяжёлое бремя, которое больно нести и которое ни к чему хорошему не приводит». — Затем Прабхупада смеётся. — «Да, вы думаете, что такие "достижения", как скотобойни, атомные бомбы, пивоварни и вот подобные этой машинке изобретения, двигают вас вперёд. Но всё это *угра-карма*, тяжкий труд, страдание».

Поистине, страдание. Подержанная машинка сломалась через три дня. С тех пор она известна под именем «*Угра-карма* Шьяма даси».

* * *

10 июня. Мои родители приехали в Нью-Вриндаван на день. Они под впечатлением после беседы с Прабхупадой в его комнате. Мать

так и сказала: «Сразу видно, что это святой. Он говорит только о Кришне».

Мои родители слишком мягкосердечны, чтобы в открытую критиковать полуразрушенную ферму или наши намерения по созданию общины, но ближе к вечеру они всё же уезжают в гостиницу, где есть приличный туалет и водопровод. Ближе к вечеру Прабхупада сидит на своём любимом месте под деревом хурмы и перечитывает письма и некоторые стихи. Взгляд его скользит по верхушкам холмов.

«Это место относительно недосягаемо», — говорит он. – «Такова воля Кришны, что не всякий обычный человек сможет добраться сюда». — Он поворачивается ко мне и с улыбкой спрашивает: «Не так ли?». — Затем он смеётся в полный голос: «Да, обычным людям сюда не добраться. В точности как ваш отец сказал сегодня утром: "Я никогда не больше не пойду пешком в эту гору"».

«Боюсь, Прабхупада, что Агхасура – наш величайший враг», — отвечаю я.

«Нет», — смеётся тот. – «У преданного Кришны нет врагов. Все ситуации он расценивает как замысел Кришны. Сейчас вы думаете о том, как покорить эту дорогу, но впоследствии вам покажется это огромным преимуществом. Однажды вдоль этой дороги вырастут дома, и люди будут приезжать посмотреть. Не сходите с намеченного пути».

В течение долгого времени Прабхупада сидит, наблюдая за тем, как ребята работают в полях внизу, расчищают место, выкапывая корни, вырубая заросли кустов ежевики, собирая ягоды и сжигая то, что осталось.

«Кришна настолько привлекателен, что Он гипнотизирует. Иначе скажите, стали бы эти парни работать столь усердно на этой ферме? У них у всех есть образование и способности для зарабатывания денег – в вашей стране за работу платят достойные деньги. Но эти ребята зачарованно трудятся здесь».

«Вы их очаровали, Прабхупада», — отвечает Прадьюмна.

Шрила Прабхупада и преданные в Нью-Вриндаване.

Матаджи Кутила даси (одна из первых поселенцев Нью-Вриндавана)

Гириндра Мохини и ручная стирка

«Нет-нет. Ну что во мне привлекательного? Кришна всепривлекающ. Вы очаровываетесь Им, сами того не ведая. Как Пандавы. Арджуна и все Пандавы были друзьями и родственниками Кришны, но они были изгнаны из своего царства в течение 12 лет, а их жена Драупади подверглась оскорблениям. Став преданными Кришны, Пандавы пережили много трудностей. Однако их любовь к Кришне лишь усиливалась. Нарада Муни был поражён этим. "Чем же так берёт Кришна?" — задавался он вопросом».

Прабхупада смеётся, его тело сотрясается от смеха, всё его лицо – одна большая улыбка. Он наклоняется вперёд за маленьким столиком, и, как при молитве, соединяет ладони на груди. Девананда приносит ему стакан воды.

«Они целый день работают», — замечает Девананда, скользя взглядом по преданным в поле.

«Да, я только что об этом говорил», — отвечает Прабхупада. – «Они зачарованы Кришной. Это *самадхи*. *Самадхи* не значит бездеятельность. Это означает быть полностью поглощённым Кришной. Каждый, кто повторяет Харе Кришна, находится в *самадхи*. Каждый, кто готовит для Кришны или работает в поле для Кришны – находится в *самадхи*, потому что его сознание говорит: "Я делаю это для удовлетворения Кришны"».

«*Йоги* всегда говорят о вхождении в *самадхи*», — вставляю я.

«Да», — отвечает Прабхупада. – «*Самадхи* – это цель любой йоги. Это полная поглощённость. Безграмотный *брахман*, рассматривая картинки, достиг *самадхи*, потому что он был захвачен мыслями о Кришне и Арджуне. Но *самадхи* вовсе не означает сидеть без движения, подобно статуе, стараясь сдержать дыхание и думая о слиянии с некоей пустотой или духом. Нет. Работать для Кришны – вот истинное *самадхи*. Думать о Нём – *самадхи*. Проповедовать "Бхагавад-Гиту" – *самадхи*».

«Но очень часто так не получается», — говорит Прадьюмна. – «Часто это очень трудно. Людям не интересно, или они настроены против».

«Это другой случай», — объясняет Прабхупада. – «Люди могут не испытывать желание слушать, потому что ведическая литература напоминает нам о Боге, которого мы забыли с незапамятных времён. Эта забывчивость – цели современной цивилизации. Они хотят получить Божье царство – богатство, наслаждение, счастье – без Бога. Таково было и желание Раваны. У Раваны было много золота. Такова материальная цивилизация – рай без Бога. Так вот здесь, на этом участке земли по крайней мере, мы стараемся восстановить сознание Бога. Так что вы думаете? У нас может быть рай с Богом».

* * *

14 июня. Четвёртую неделю Прабхупада в Новом Вриндаване. Он выглядит очень хорошо, и испытывает истинное наслаждение от своего пребывания здесь. Ранним утром он спускается по Агхасуре к источнику, зачерпывает пригоршню свежей воды и пьёт её. Он отмечает всё: птиц, цветы, забор, пастбище, постройки. Ничто не ускользает от его внимания. Он даже спрашивает о бродячей собаке есть ли у неё имя?

«Мы зовём его Харе Рама», — отвечаю я.

«Почему это?».

«Потому что он повторяет мантру. Он не может произнести Харе Кришна, но у него здорово получается Харе Рама».

Я уговариваю Харе Раму продемонстрировать его способности, и произношу Харе Рама. Пёс отвечает на это в своей обычной манере, свесив голову между лап и издавая нечто похожее на Харе Рамарамарама.

«Прекрасно!» – смеётся Прабхупада. – «Даже у бездомных собак здесь невероятный прогресс. Вот она – сила священной дхамы. Во Вриндаване вы увидите множество собак, бегающих по улицам, но, когда они умирают, они все освобождаются. Такова особая милость для тех, кто совершал проступки во Вриндаване. Они получают жизнь в теле собаки или свиньи во Вриндаване. Затем освобождение».

* * *

18 июня. Приходит письмо от Мукунды, в котором тот извещает Прабхупаду о том, что нашёл дом в центре Лондона, недалеко от Британского музея. Пробудился интерес со стороны большого количества индийцев, проживающих там. Джон Леннон предложил Прабхупаде пожить в его поместье в Эскоте, к северу от Лондона. Джордж Харрисон проявил наибольшую инициативу, помогая Мукунде и Шьямасундару записать мантру Харе Кришна на студии. Они ожидают успешные продажи в Англии, и записывают ещё композиции под руководством Джорджа, которые будут выпущены звукозаписывающей компанией «Битлз» — «Эппл».

Очевидно, что Прабхупада стоит на пороге международного признания. Преданные распространяют «Бхагавад-Гиту» на улицах, на играх и на скачках, в парках и аэропортах. Задержанные за свою деятельность, они выигрывают судебные дела, и это способствует большей известности в прессе. Деньги постоянно в движении, большие дорогие помещения арендуются и покупаются. Движимый трансцендентной конкуренцией, каждый центр пытается организовать больший и лучший храм, чтобы привлечь Прабхупаду.

«Я должен ехать в Лондон», — говорит Прабхупада Пурушоттаму. – «Заказывайте билеты».

Это повергает нас в отчаяние. Мы так надеялись, что он проведёт всё лето в Новом Вриндаване, но он говорит, что многое сейчас зависит от развития в Лондоне.

«В Англии сейчас много индийцев, которые хотят открыть индуистский храм. Но меня не интересует храм только для индийцев. Нам нужно что-то для всех и каждого. В нашем сообществе на сегодняшний день ни одного индийца, кроме меня», — и подумав об этом, Прабхупада громко смеётся.

* * *

19 июня. Пурушоттам заказывает Прабхупаде билеты на вылет в Нью-Йорк из Питтсбурга 23 июня. После недели в Нью-Йорке он

планирует отправиться в Лондон. Оттуда он запустит движение Харе Кришна в Европе.

21 июня. Прабхупада объявляет об особой встрече под деревом хурмы, чтобы обсудить создание *гурукулы* в Новом Вриндаване. Пока в нашей школе только три мальчика. Но так будет продолжаться недолго. Прабхупада хочет, чтобы все дети Общества обучались в Новом Вриндаване.

«Сейчас в Новом Вриндаване, у нас будет сообщество просвещённых отцов и матерей, *санньяси* и *брахмачари*. Все дети здесь будут очень счастливы. Они автоматически научатся повторять мантру. Если вы сделаете хоть одного ребёнка сознающим Кришну, это будет великое дело для Земли. Кришна будет очень доволен. Многие дети приедут сюда, потому что это место очень благоприятное, и Кришна даёт нам все возможности. Я также приеду снова. Мне здесь очень понравилось, но мне надо завершить одно небольшое дело. Я хочу поехать в Лондон и в Германию. Затем я передам вам все проповеднические обязанности. Не беспокойтесь так. Работая все вместе, вы добьётесь хороших результатов, всё будет возможно. Кришна вам поможет».

* * *

22 июня. Последняя ночь Прабхупады в Новом Вриндаване. После *киртана* он говорит нам, что даже если мы не можем в полной мере практиковать сознание Кришны, мы всё равно должны его принять.

«Как только человек прикасается к сознанию Кришны, Кришна его не оставит. Его сознание Кришны оживёт, даже если в следующей жизни он получит тело *шудры*. До этого вы, американские парни и девушки, любили есть мясо и имели кучу низких привычек, однако вы немедленно включились в процесс. Всё оттого, что в вашей прошлой жизни вы делали что-то в сознании Кришны, но по каким-то причинам не закончили процесс. На этом пути нет никаких потерь и поражений, как Нарада заверяет Вьясадеву и как свидетельствует "Бхагавад-Гита". Неважно. Соприкоснувшись однажды с сознанием Кришны, где бы вы ни родились, в какой бы стране или на какой планете, это сознание

пробудится. Такова природа цветка *бхакти,* который растёт и растёт. Я вам говорил о цветке *бхакти*? Господь Чайтанья сравнивает *бхакти* с семечком, посеянным в сердце человека духовным учителем. Как только семечко посеяно, и преданный поливает его и удобряет почву, повторяя Харе Кришна, семечко прорастёт и будет расти, расти, пока не проникнет поверх оболочки материальной вселенной и не прорастёт в лучезарность *брахмаджьоти* духовного неба, где оно будет продолжать расти, пока не достигнет высшей планеты, Голока Вриндавана, где цветок в конце концов найдёт пристанище у лотосных стоп Кришны и там успокоится. Так что, сейчас сознание Кришны может казаться сложным, недостижимым, но это временно. Оно снова проявится. Одного только желания служить Кришне уже достаточно, чтобы вы были нетронуты материальной энергией. Это желание никогда не умрёт».

* * *

После *киртана* Прабхупада идёт наверх, и Киртанананда относит ему горячее молоко. Мы толпимся в маленькой комнатке, всем хочется не пропустить ни слова. Он легко говорит о своём предстоящем путешествии. Лично ему бы хотелось, по его словам, остаться в Новом Вриндаване и закончить перевод «Шримад-Бхагаватам». Когда маленький Дваракадиш начинает сонно кивать головой, Прабхупада улыбается.

«Ты уже чувствуешь *самадхи*, маленький ДДД?» – спрашивает он. – «Ладно, пусть он идёт спать. А ты, Экендра? Ты тоже чувствуешь *самадхи*? Вы очень хорошие мальчики оба, идите спать».

Мы чувствуем, что самому Прабхупаде пора ко сну, но мы все стоим в комнате, зная, насколько ценен каждый момент, проведённый с *садху*. Пурушоттам пакует чемоданы, время от времени спрашивая Прабхупаду, куда положить ту или иную вещь, и Прабхупада даёт ему указания, одновременно отвечая на наши последние вопросы.

«Как доктор может оценить состояние пациента, измерив его пульс, так и духовный учитель может почувствовать состояние своего ученика и выписать ему соответствующее лекарство».

«Но что, если мы не будем принимать это лекарство?» – спрашивает Ранандир.

«О, вот это вы должны делать», – отвечает Прабхупада. – «Мой Гуру Махарадж всегда приводил пример человека, оказавшегося на дне колодца. Если кто-то проходит мимо и бросает ему верёвку, тот должен схватиться за неё. Мы должны приложить как минимум это усилие. У нас есть такая возможность. Мы должны поймать верёвку. И Кришна поможет нам. Таково наше положение, и нам следует знать о нём. Проверка духовной жизни наступает во время смерти. Это трудный экзамен. Поэтому мы должны постоянно практиковать повторение Харе Кришна, чтобы помнить о Нём в момент смерти. Обучение и правильное общение очень важны, и они отличаются от мирского образования. Подняться утром для *аратика*, прочитать нужное количество кругов мантры, почитать тексты из "Бхагавад-Гиты" — вот настоящее образование».

Мы в ожидании сидим перед Прабхупадой. В комнате тишина, слышно лишь, как Пурушоттам упаковывает вещи, да одинокая жаба квакает вдалеке в прудике неподалёку от ручья.

«Уже поздно», — наконец произносит Киртанананда. – «Мы так никогда не встанем на *аратик*, если не дадим сейчас Прабхупаде поспать».

Прабхупада ничего не говорит на это, и это знак того, что нам пора удалиться. Мы выражаем почтение и выходим из комнаты. После горячего молока мы ещё немного сидим под ивой, растущей под окном Прабхупады. Луна медленно карабкается сквозь ветки. Иногда я бросаю взгляд на окно Прабхупады и вижу тень Пурушоттама, собирающего вещи.

Наконец я шагаю вверх по холму к своей пристройке и забираюсь в спальник. Последний круг *джапы* перед тем, как заснуть. Я смотрю на звёздное небо и вижу Прабхупаду, с его сундучком, сидящего так вечность и готового спокойно ответить на все вопросы. Ах, сколько ещё совершенных ответов на бесконечные вопросы! Мы все по-своему подходим к сознанию Кришны, с нашими собственными точками

зрения, нашей собственной *кармической* историей, и Прабхупада отвечает нам всем, терпеливо отделяя зёрна от плевел, отсекая ненужное, вновь и вновь объясняя, пока не останется ничего, кроме Истины.

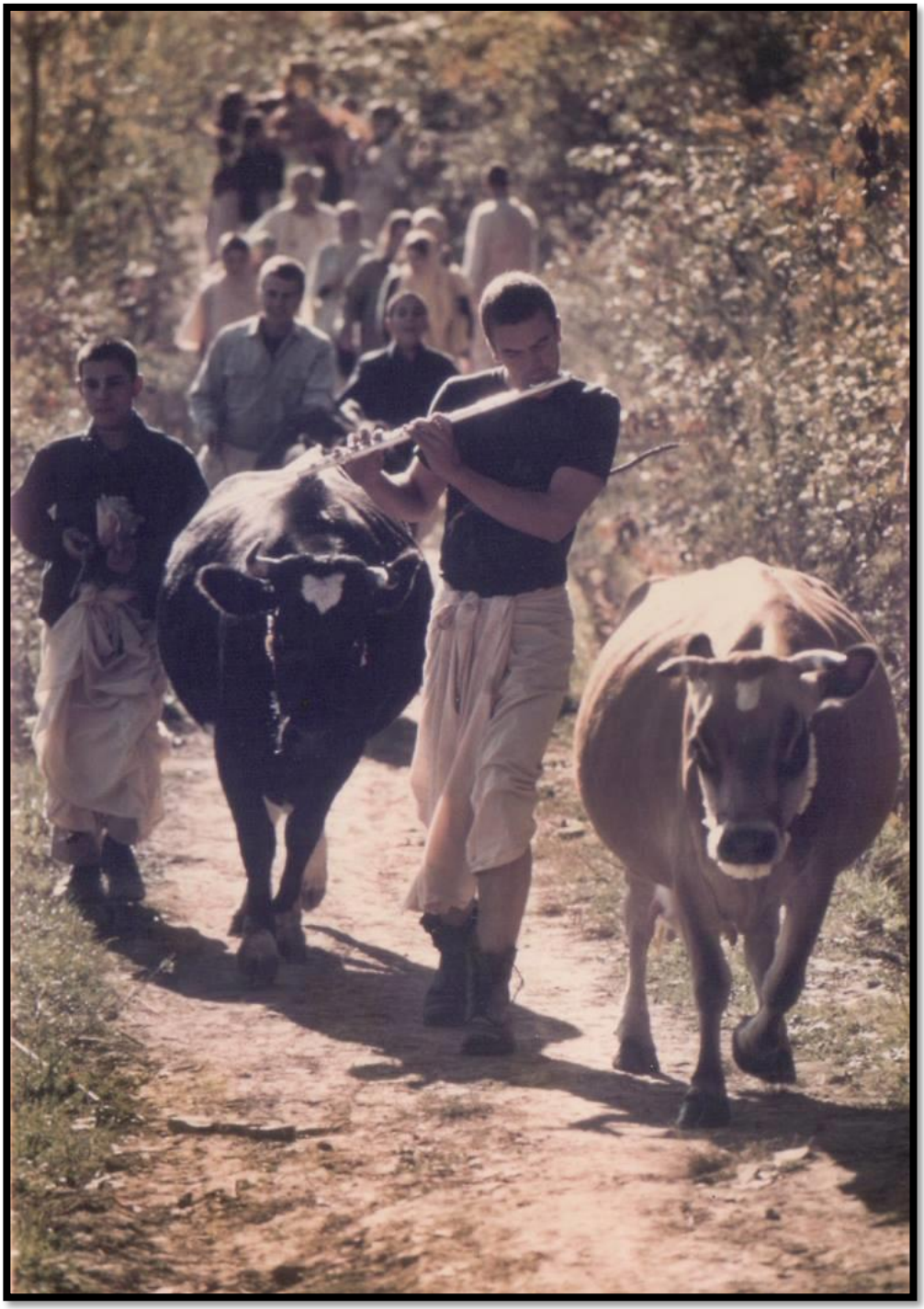
«А сейчас, когда ты только что познал Истину, ты узнаешь, что все живые существа – часть Меня, и они все во Мне, и все они Мои».

Слышен голос Прадьюмны с подножия холма: «Шрила Прабхупада, *ки джай*! Вся слава Шриле Прабхупаде!».

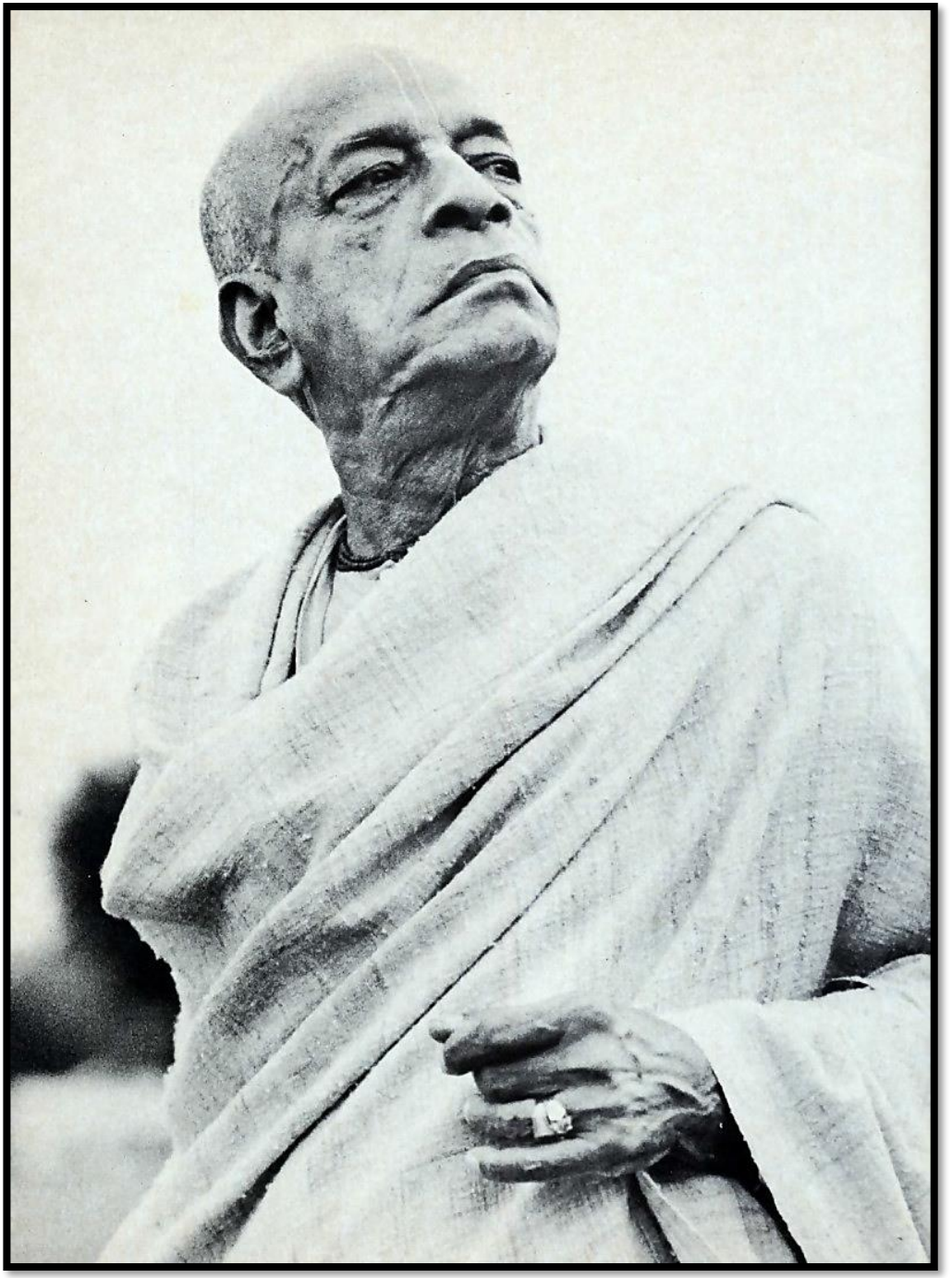
И откуда-то с нижнего пастбища доносится в ответ: «*Харибол*!»

Я продолжаю тихо повторять мантру на чётках, любуюсь луной, почти полной, сияющей над холмом Говардхан, льющей свой холодный спокойный свет на землю, как Прабхупада, распространяющий чистую любовь к Кришне.

Эта любовь – то, чего мы по-настоящему хотим. Если мы вообще счастливы, то это оттого, что однажды мы достигнем её. Прабхупада обещал. Неважно, понадобится ли нам для этого тысяча лет, или это случится завтра, этот день придёт!

Гаргарси (играет на флейте), идущий с Калией (первой коровой ИСККОН) идя по тропинке к фермерскому дому в Нью-Вриндаване. Фото из 1970х

Эта и другие книги:

Лекции Шрилы Прабхупады по «Нектару Преданности»
(27 лекций)
Лекции Шрилы Прабхупады по «Шри Ишопанишад»
(22 лекций).
Лекции Шрилы Прабхупады по «Бхагават-Гите»
(149 лекций)
Лекции Шрилы Прабхупады по «Шримад-Бхагаватам»
(262 лекции)

Шрила Прабодхананда Сарасвати – Прославление Навадвипы («Шри Навадвипа Шатака»)

Бхакти Чару Свами – «Путешествие Гопа-кумара».
Бхакти Чару Свами – «Вайшнавский этикет».
Бхакти Викаша Свами – Вамшидаса Бабаджи.
Тамал Кришна Госвами – «Последние дни Шрилы Прабхупады»
Тамал Кришна Госвами – «Трудности роста»

Атма-Таттва дас – «Зеркало Брахмы».
Атма-Таттва дас – «10 тем Шримад-Бхагаватам».
Кушакратха дас – «Смерть становиться любовью»
Панкаджангхри пр – «Лилы и истории Господа Джаганнатхи в Раджапуре».

«Панчатантра» — ремейк редакции «Облако Нектара».
«Жизнь Рамануджачарьи»

Вишванатха Чакраварти Тхакур – «Бхакти Ратнакара» (13 волн)

https://vk.com/chatushpati